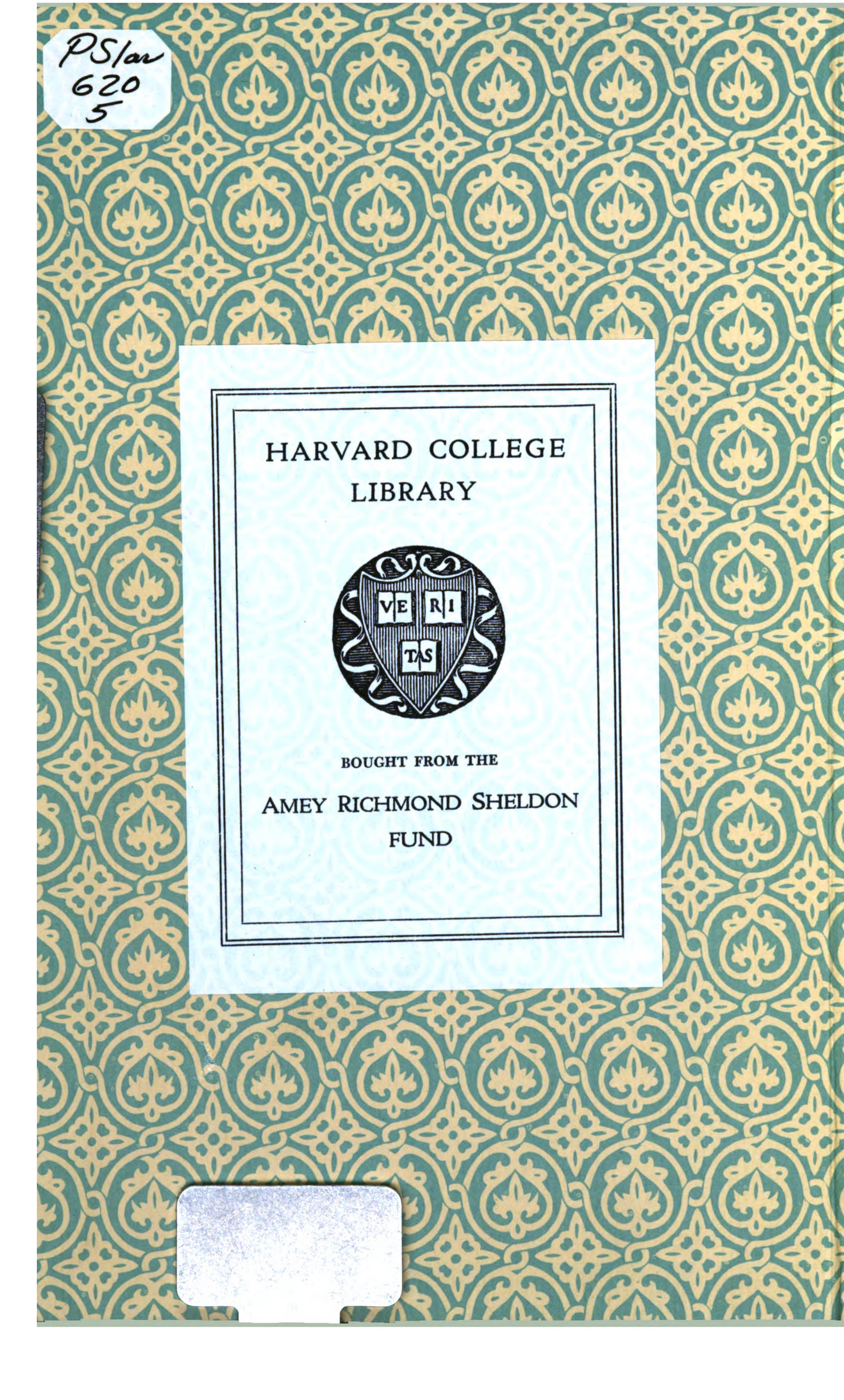
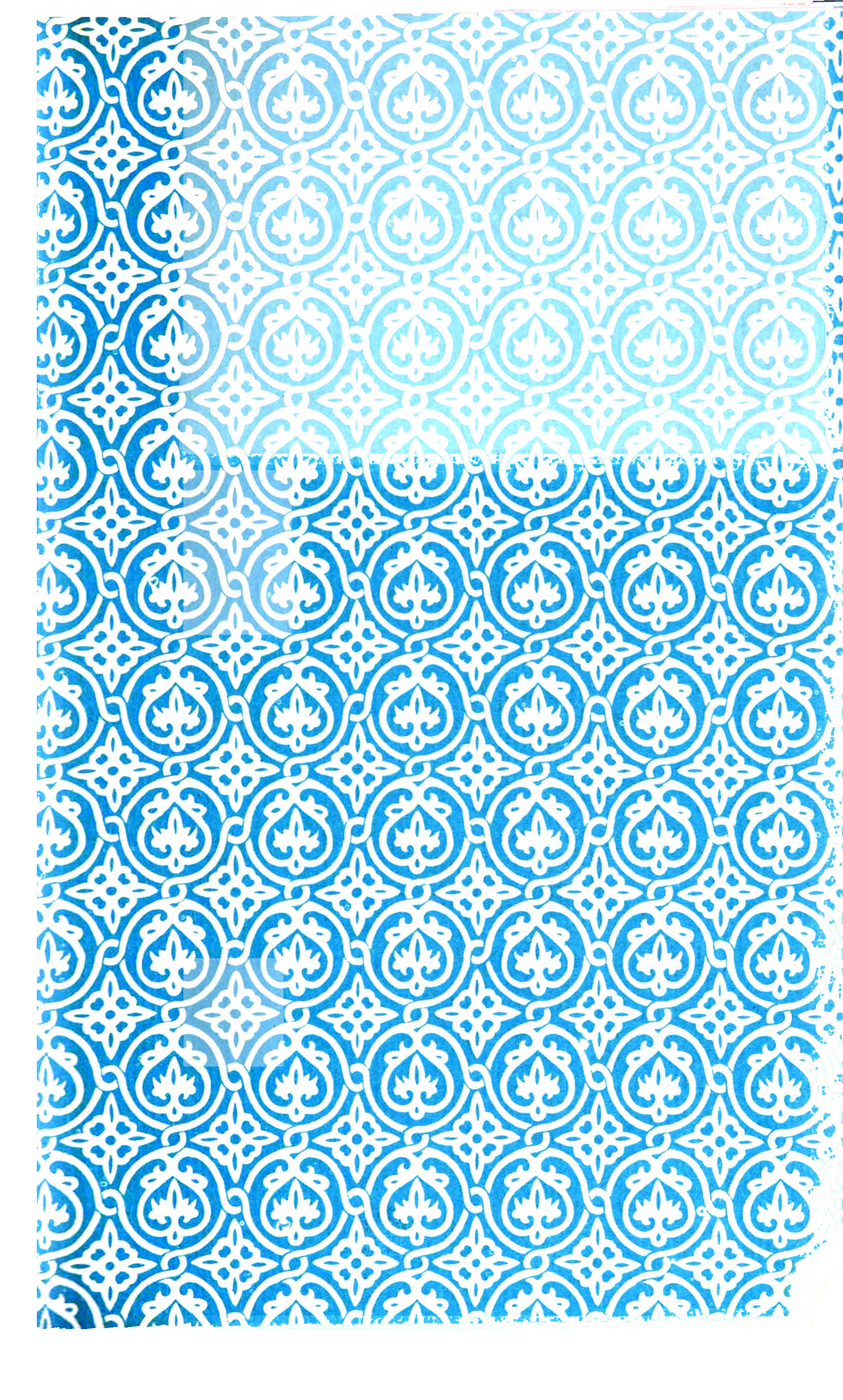

PSlav 620 5
HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE RI TAS
BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND



ІЮНЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С· ПТЕЕРБУРГЪ.
Типографія **Н. Н. Клобукова**, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул. д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основѣ этой повѣсти лежитъ дѣйствительное происшествіе, но оно послужило мнѣ лишь фономъ для изображенія жизни политическихъ ссыльныхъ въ Сибири. Я позволилъ себѣ многочисленныя отступленія отъ точнаго изложенія событій. Мною выведены отчасти лица, никогда не существовавшія, типы вымышленные и собирательные. Есть въ повѣсти описанія приключеній, случившихся въ другихъ мѣстностяхъ и съ другими лицами. Я писалъ не исторію, а психологію дѣяній и старался, чтобы она была вѣрна. Въ жизни часто случается, что послѣдовательное развитіе извѣстныхъ душевныхъ состояній прекращается вторженіемъ случайныхъ элементовъ, и художникъ разгадку ихъ и развязку находитъ въ другомъ мѣстѣ и у другихъ лицъ.

Аркановъ, который, по всей вѣроятности, вызоветъ больше всего нареканій, является именно такимъ собирательнымъ типомъ, составленнымъ изъ частичныхъ, разновременныхъ наблюденій.

Въ виду этого, покорнѣйше прошу моихъ читателей, знакомыхъ съ подлинной исторіей описаннаго побѣга, не доискиваться никакихъ сходствъ, не усматривать личныхъ намековъ, такъ какъ все это было бы для меня крайне непріятной неожиданностью.

Авторъ.

I.

Послѣдняя пирушка.

— Впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я... я... для меня это невыносимо... Меня охватываетъ окончательное отчаяніе! Кружусь вечеромъ по избѣ, сердце рвется отъ боли, въ головѣ кавардакъ! Не долго и съ ума сойти! Вы говорите,

что не удастся! Возможно... Но что, если удастся?! Вы говорите, что мы погибнемъ? Что изъ этого? Развѣ и такъ не гибнемъ мы? Развѣ не погибло много болѣе дѣльныхъ, чѣмъ мы, и вѣдь міръ не рухнулъ! Насъ поймаютъ, посадятъ въ тюрьму... Да чѣмъ же, скажите вы мнѣ, отличается все это, что насъ окружаетъ, отъ рѣшетокъ, стѣнъ... или отъ могилы? — говорилъ съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ одинъ изъ трехъ людей, гулявшихъ по узкой тропинкѣ, по замерзшему, покрытому снѣгомъ озеру. Кругомъ спалъ городокъ Джурджети, закутавшись въ сумракъ и мглу.

— Немного больше впечатлѣній... или болѣе высокій сводъ строенія...—началъ онъ опять и небрежнымъ жестомъ указалъ на небо, сіяющее тысячами звѣздъ.

Гуляющіе остановились. Одинъ, съ правой стороны, въ тулупѣ, наброшенномъ на плечи, точно римская тога, поднялъ послушно голову вверхъ; другой, съ лѣвой стороны, завернутый выше носа въ сѣрый плэдъ, глядѣлъ спокойно въ туманную даль, гдѣ всходила луна.

— Ты, Негорскій, забываешь, — процѣдилъ онъ сквозь зубы,—что тамъ вѣчно будетъ стоять надъ тобой... сторожъ. Извѣстное дѣло, что тебѣ и трехъ словъ сказать нельзя безъ... преувеличеній. Все ужасы, все окончательныя рѣшенія, безповоротные приговоры!.. Но, какъ хотите: доказывать, что нѣтъ разницы между тюрьмою и проживаніемъ здѣсь — черезчуръ ужъ большая нелѣпость. Даже тебѣ, Негорскій, она не подобаетъ! Конечно, все здѣсь ничтожно, мерзко, убого, тѣмъ не менѣе—оно представляетъ кой-что... Мы пользуемся свободой движеній, видимъ солнце, природу, женщинъ... у насъ есть хоть тѣнь, хоть намекъ на жизнь!.. Тамъ—ничего. Совершенная пустыня!.. Голыя стѣны, ненавистныя лица сторожей... И такъ недѣли, мѣсяцы, годы... Развѣ вы уже забыли?... Вѣдь вы сидѣли!.. Сознаюсь, что я содрогаюсь отъ одного воспоминанія, и если-бъ я убѣжалъ отсюда, такъ только потому, что именно здѣсь мнѣ ежеминутно угрожаетъ подобная перспектива, что достаточно безтактности одного изъ насъ, непредвидѣнной случайности или грубости ничтожнаго чинуши, и — готова исторія!..

— Вотъ видишь! Это одно изъ доказательствъ въ мою пользу!.. — рѣзко вставилъ Негорскій и двинулся дальше по тропинкѣ.

— Монтезума, ты думаешь, что я на розахъ!.. Не о недостаткѣ поводовъ говорю я, но объ отсутствіи средствъ и возможности!

— Все это можно обдумать, лишь бы была охота. Ты сознайся, будь откровененъ, что тебѣ просто жалко риско-

вать этими крохами, которыя есть у насъ, этимъ намекомъ на жизнь... Словомъ, ты боишься!..

— Съ ума я еще не спятилъ. Я не шальной!..

— Жаль. Вѣдь до сихъ поръ только шальные что-нибудь сдѣлали и... сдѣлаютъ. Страхъ всегда былъ плохимъ совѣтчикомъ, орудіемъ рабства и униженія. Въ самомъ отчаянномъ положеніи у человѣка всегда найдется что-нибудь такое, чего, повидимому, уже нельзя отнять. Но вдругъ надвигаются обстоятельства, разбиваютъ эту неприступную крѣпость и отнимаютъ половину жалкихъ крохъ... Затѣмъ приходитъ лютый врагъ и говоритъ: „отдай все и уйди, такъ какъ я желаю вспахать мѣсто, гдѣ стоялъ Карѳагенъ!..“ Тогда...

— Тогда что?..

— Тогда люди пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, или топятся, вмѣсто того, чтобы рискнуть жизнью раньше, въ борьбѣ... А знаешь, Самуилъ, мнѣ, право, стыдно, что у меня есть эти крохи, что я не принадлежу къ этимъ отверженцамъ, которые видятъ исключительно лица сторожей! Тамъ бы я зналъ, по крайней мѣрѣ, что я безсиленъ. Меня окружалъ бы каменный мѣшокъ, неразрушимая могила... Здѣсь же я *самъ* подчиняюсь... И я чувствую жгучій стыдъ, когда вспоминаю, что сдерживаетъ меня, въ сущности, жалкая нить ничтожныхъ удовольствій...

— Удовольствій?.. Сильно сказано!.. Зачѣмъ же удовольствій?.. Какъ жаль, что ты не сказалъ... наслажденій! Это вполнѣ въ твоемъ вкусѣ!..

Самуилъ поправилъ плэдъ, громко зѣвнулъ и добавилъ:

— Поздно уже. Не лучше ли отправиться на покой, славянскія сердца, вѣчно тоскующія по плети! Завтра панъ Янъ сотретъ насъ въ порошокъ, если во время не явимся къ нему. Гдѣ ключъ, Воронинъ?.. Навѣрно, не знаешь!..

— А вотъ знаю... Бери!..—сухо отвѣтилъ Воронинъ, протягивая руку изъ-подъ тулупа.—Я еще погуляю.

Самуилъ молча взялъ ключъ и ушелъ съ опущенной головой. У входа въ домъ онъ оглянулся. Мѣсяцъ только что взошелъ, и красный его блескъ разбилъ сплошной до того мракъ.—Окрестности утопали въ рыжихъ, бархатныхъ полутѣняхъ, среди которыхъ на дискѣ луны отчетливо рисовались фигуры удаляющихся товарищей. Негорскій горячо размахивалъ руками, какъ птица, готовящаяся къ отлету; рядомъ шелъ Воронинъ, прислушиваясь внимательно.

— Мечты!..—пробормоталъ сердито Самуилъ.—Чудаки! И не надоѣло имъ еще?! Все проекты, мечтанія, вѣчная лихорадка надежды!..

Онъ взглянулъ пристально на засыпанную снѣгомъ юрту,

гдѣ онъ жилъ, и вошелъ въ сѣни. Минуту спустя онъ очутился въ теплой, затхлой, совершенно темной избѣ. Онъ двигался осторожно, какъ въ чужой квартирѣ, тѣмъ не менѣе, послѣ нѣсколькихъ шаговъ уже споткнулся и сбросилъ что-то, что съ глухимъ шумомъ упало на глиняный полъ.

— Всегда такъ!.. Чортъ возьми!..—выругался Самуилъ.— Проекты, проекты, а стулья по серединѣ, и спичекъ да свѣчки никогда на мѣсто не поставитъ!..

Наконецъ, онъ нашелъ, чего искалъ, и зажегъ сальный огарокъ. Онъ не спѣшилъ раздѣваться, разстегнулъ только тулупъ на груди и сдвинулъ барашковую шапку на затылокъ. Въ ожиданіи, пока разгорится пламя, онъ медленно обиралъ съ усовъ ледяныя сосульки. Онъ былъ молодъ, но выразительныя черты его еврейскаго лица обнаруживали уже усталость; съ обѣихъ сторонъ большого горбатаго носа шли глубокія морщины „страданія“, въ густыхъ рыжеватыхъ волосахъ и бородѣ бѣлѣли нити сѣдины; выпуклые зеленоватые глаза его, обведенные темными кругами, глядѣли спокойно, но грустно. Онъ долго стоялъ въ раздумьи; наконецъ, громко вздохнулъ, затѣмъ разсмѣялся и обвелъ насмѣшливымъ взглядомъ вещи, разбросанныя въ безпорядкѣ по избѣ. Затѣмъ взялъ свѣчку и отправился къ себѣ, въ сосѣднюю комнатку. Тамъ выглянули на него все тѣ же якутскія косыя стѣны, блеснули льдомъ, вмѣсто стеколъ, все тѣ же якутскія крошечныя окошечки, но, вмѣсто „наръ“, тамъ стояла кровать, застланная краснымъ одѣяломъ, а на внутренней досчатой перегородкѣ, сухой и отвѣсной, висѣла карта, было наклеено нѣсколько вырванныхъ изъ еженедѣльниковъ иллюстрацій да помѣщалась полка съ книгами. Здѣсь была „Европа“, какъ насмѣшливо говаривалъ Самуилъ, сопоставляя свою каморку съ сосѣдней „Азіей“, обитаемой „дикимъ народомъ“.

Самуилъ поставилъ свѣчу на столикъ у кровати, сбросилъ тулупъ и удобно растянулся на постели съ книгой въ рукахъ. Но „мечты“ мѣшали ему читать. Тщетно онъ сосредоточивалъ вниманіе; онъ читалъ отдѣльныя слова, но не понималъ ихъ значенія. Въ груди что-то переливалось, вскипало и болѣзненно ударяло въ голову.

— „Страхъ всегда былъ орудіемъ рабства и униженія“... вспомнилъ онъ выраженіе Негорскаго. И самъ онъ не разъ говорилъ себѣ это, но...

Рука Самуила вмѣстѣ съ книгой упала, онъ закрылъ глаза. Нездоровый румянецъ окрасилъ его щеки, губы сжались, и онъ долго пролежалъ такъ безъ движенія.

— Чего же онъ боится?

Онъ пытался убѣдить себя, что не боится смерти, что мысль о ней ему не страшна... Ему это не удалось, и онъ сознался себѣ въ глубинѣ своей совѣсти, что только „этотъ“ страхъ заставляетъ его переносить всѣ преслѣдованія... позорное положеніе животнаго на цѣпи... Только неодолимое отвращеніе къ физической боли, къ оскорбленіямъ „допросовъ“, къ грубѣйшимъ поруганіямъ нѣжнѣйшихъ чувствъ и мыслей удерживали его отъ сопротивленія и борьбы... Онъ до сихъ поръ приходилъ въ ярость, вспоминая обращеніе и нѣкоторыя выраженія своихъ палачей, во время его ареста. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ, поруганнымъ на всю жизнь, навсегда втоптаннымъ въ грязь. Ему казалось, что неряшливая, вонючая рука ворвалась тогда въ его внутренности, нагло хватала его за сердце, рылась и шарила въ мозговыхъ извилинахъ. И жгучіе отвратительные слѣды этихъ прикосновеній остались тамъ навсегда, ничѣмъ неизгладимые, неизлѣчимые... Онъ уже теперь не тотъ и никогда уже не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ раньше! Онъ узналъ испугъ, онъ запятналъ себя уловками, боролся съ низменными искушеніями, онъ извѣдалъ отвратительныя минуты душевныхъ обмираній, когда все равно, лишь бы... существовать!

Самуилъ приподнялся, сѣлъ на кровати, хотѣлъ встать, такъ какъ почувствовалъ, что опять идетъ къ нему это страшное, пережитое нѣкогда воочію видѣніе; но онъ не успѣлъ собраться съ силами и только уперся безпомощно руками въ колѣни и открылъ широко испуганные глаза.

... Ранее, туманное утро. Во дворѣ сѣрыя, безъ тѣней сумерки... Въ нихъ неясно темнѣютъ сѣрыя очертанія тюремныхъ построекъ. Возможно, что скоро блеснетъ веселый, погожій день; онъ даже чувствуется въ розовомъ сіяніи, рдѣющемъ уже въ вышинѣ, но пока внизу холодно и сумрачно, и отчетливо виднѣются только перекладины висѣлицъ, протянутыя надъ землею, да кругомъ шпалеры солдатъ. Надзиратели не позволяютъ смотрѣть, силою стаскиваютъ съ окошекъ; но лишь только они уходятъ, Самуилъ опять прижимаетъ пылающій лобъ къ холоднымъ, влажнымъ стекламъ. Подъ висѣлицей уже повисло въ бѣломъ саванѣ, въ ужасномъ холщевомъ мѣшкѣ, молодое, сильное тѣло... Оно судорожно корчится, мечется, дрожитъ... Силачъ, герой!.. Его заставили умереть!.. Его заставили!..

Уже повисъ! Его мощный, необычный, всѣми любимый духъ улетѣлъ и разсѣялся въ міровомъ пространствѣ... Люди уничтожили его, уничтожили за то, что онъ любилъ ихъ больше самого себя!..

Самуилъ всякій разъ переживалъ вмѣстѣ съ казнен-

нымъ чувство позорнаго, безпощаднаго безсилія. Его горло сжимала веревка, его связанныя позади руки тщетно напрягались; сквозь его мозгъ проносились мысли, все тѣ же мысли, за которыя „они“ умирали: величественный, потрясающій гимнъ, угрожающій престоламъ и богамъ и обѣщающій человѣчеству создать будущее безъ заботъ и страданій...

Вдругъ все поблѣднѣло, закружилось, исчезло... Осталась пустота въ сердцѣ, заброшенная сибирская изба и пустой завтрашній день...

Самуилъ повелъ затуманеннымъ взоромъ по стѣнамъ своей каморки, поднялся, потрогалъ безсознательно бумаги на столѣ, хотѣлъ что-то предпринять, но не въ силахъ былъ одолѣть себя... Слезы заструились у него изъ глазъ; онъ задулъ свѣчу и уткнулся лицомъ въ подушку...

Уже разсвѣтъ робко заглядывалъ въ ледяныя стекла, когда заскрипѣли, наконецъ, въ сѣняхъ шаги, и въ избу вошелъ Воронинъ, постукивая промерзшей обувью. Не найдя на столѣ у себя ни спичекъ, ни свѣчи, онъ отправился за ними въ комнату Самуила. Тотъ пошевелился.

— Что!?. Еще не спишь?!

— Нѣтъ. А что?

— Ничего. Свѣча не нужна тебѣ?

— Нѣтъ... а впрочемъ, принеси, когда раздѣнешься.

Не успѣлъ Самуилъ выкурить папироску, какъ явился Воронинъ со свѣчею въ рукахъ, въ полномъ спальномъ облаченіи, украшенномъ только очками. Свѣчу онъ поставилъ на столъ, но уходить и не думалъ, сдѣлалъ папиросу и, навалившись спиною на дверной косякъ, поглядывалъ исподлобья на друга.

Воронинъ былъ моложе Самуила; онъ былъ красивъ, но неуклюжъ и неряшливъ. Черные вьющіеся волосы и бородка образовали кругомъ его цыганскаго лица странную траурную кайму. И не только лицо, но вся его фигура носили обыкновенно какой-то удивительно похоронный, мрачный отпечатокъ. Впрочемъ, теперь въ грустныхъ глазахъ его что-то теплилось, что-то веселое змѣилось на тонкихъ губахъ.

— Что-жъ, удираете?—спросилъ Самуилъ, догадываясь, чего ждетъ отъ него другъ.

— А то какъ!

— Гмъ... Скатертью дорога!.. А скоро? Можно узнать?

— Какъ потеплѣетъ.

— Прекрасно, прекрасно!.. А вы уже рѣшили, что предпочитаете: умереть съ голоду, вернуться добровольно, или позволить себя поймать по всѣмъ правиламъ искусства?

— Зачѣмъ возвращаться? Впрочемъ, все можетъ слу-

читься... А всетаки и это будетъ лучше, чѣмъ здѣсь тратить жизнь въ бездѣйствіи.

— Ого!—протянулъ Самуилъ, приподнимаясь съ постели и взглядывая съ любопытствомъ на друга.

— Къ тому же, — продолжалъ тотъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ,—возможна удача. Вѣдь удалось же Беніовскому *) и полякамъ бѣжать изъ Камчатки, а простые бродяги ежегодно толпами уходятъ съ Сахалина... Отсюда побѣгъ много легче... А впрочемъ,—добавилъ онъ послѣ минутнаго колебанія,—стыдно здѣсь мирно жить, когда тамъ умираютъ!

— Милый Ворончикъ! Вижу я, что панъ Негорскій совсѣмъ передѣлалъ тебя на свой образецъ!.. Недаромъ такъ размахивалъ руками!—вскричалъ со смѣхомъ Самуилъ.—Послушай, Воронъ!.—добавилъ онъ затѣмъ сурово и сѣлъ на постель.— Есть много способовъ отправиться на тотъ свѣтъ, и много меньше мучительныхъ. Что же касается возвращенія на родину и надеждъ на дѣятельность, то мы, несогласные по тѣмъ или другимъ причинамъ просить помилованія, мы должны окончательно съ этимъ... попрощаться... Окончательно!.. Слышишь?

Воронинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только порывисто поправилъ очки, бросилъ на землю окурокъ папироски, повернулся и ушелъ. Это означало, что онъ не согласенъ.

Вскорѣ Самуилъ услышалъ его протяжное храпѣніе и, усталый, самъ немедленно уснулъ.

II.

Разбудилъ ихъ сильный стукъ въ двери. Къ нимъ ломился кто-то, крѣпко и упорно, точно стѣнобитная машина; доведенный до отчаянія, Воронинъ поднялся, наконецъ, и пошелъ отомкнуть крючекъ. Не любопытствуя, впрочемъ, кто пришелъ, и не открывая глазъ, онъ, полусонный, побѣжалъ тотчасъ же обратно на кровать, спасая свои голыя ноги отъ струй холоднаго воздуха, ворвавшагося сквозь открытыя двери.

Въ облакахъ морознаго пара вошелъ въ юрту низенькій, толстенькій человѣкъ, одѣтый въ коротенькій заячій кафтанъ, покрытый сильно потертымъ и порыжѣлымъ плисомъ. Ноги посѣтителя обуты были въ бѣлые, мохнатые якутскіе „торбасы“, а на головѣ покоилась старая бобровая шапка.

*) Польскій авантюристъ XVIII столѣтія. Бѣжалъ изъ Камчатки, куда былъ сосланъ въ качествѣ военноплѣннаго, и погибъ въ схваткѣ съ французами на Мадагаскарѣ, гдѣ основалъ конституціонное королевство.

Когда онъ снялъ ее, великолѣпная лысина засіяла въ полумракѣ юрты.

— Спятъ!.. Вотъ наказаніе!..—проговорилъ онъ громко по-польски.

Никто не отвѣтилъ, не пошевелился. Тогда гость сдвинулъ съ лица складки большой женской шали, въ которую онъ былъ закутанъ съ ушами, приблизился къ постели Воронина и нѣсколько разъ звучно прокуковалъ:

— Куку! Вставайте, засони!

Воронинъ и не пошевелился.

— Дудки!.. Шутите!.. Назвались груздями—полѣзайте въ кузовъ!..—вскричалъ пришелецъ со смѣхомъ и принялся дергать одѣяло за уголъ, подымать и стягивать его со спящаго; въ то же время онъ удивительно ловко подражалъ всевозможнымъ лѣснымъ и домашнимъ животнымъ. Тщетно Воронинъ, поджимая ноги, боролся, придерживалъ одѣяло руками: нападающій щипалъ его, щекоталъ, обпажалъ прямо немилосердно. Наконецъ, изъ-подъ подушки высунулась всклокоченная голова.

— Панъ Янъ, Самуилъ тоже спитъ, ей-Богу спитъ. Вы только замѣтьте, какъ онъ крѣпко спитъ, храпитъ, ничего не слышитъ... Вы его пока разбудите, а я минуточку, одну маленькую минуточку... Мнѣ будетъ довольно!.. Я васъ не задержу... ей-Богу!..—прошепталъ онъ заискивающе и опять нырнулъ подъ одѣяло.

Панъ Янъ засмѣялся и пріостановилъ нападеніе; въ то же время проснувшійся Самуилъ позвалъ его къ себѣ: Янъ окончательно оставилъ свою жертву и направился въ каморку.

— Какъ вамъ не совѣстно?! — жаловался онъ, присаживаясь на краю Самуиловой кровати. — Вы себѣ дрыхнете, какъ ни въ чемъ не бывало, а моя баба, между тѣмъ, съ ума сходитъ, и всѣ давно ждутъ!..

— Ждутъ?.. Всѣ?.. Значитъ, и „господинъ докторъ“, и „духъ отрицанія и сомнѣнія“?.. А что они еще не поссорились?!.. Удивительно!.. Да и жаль!.. — шутилъ Самуилъ, потягиваясь и громко зѣвая.

— Дайте мнѣ, Панъ Янъ, пожалуйста, табакъ!.. Мы покуримъ, пофилософствуемъ... согласны? А тѣмъ временемъ пусть твои гости поругаются. Ты мнѣ повѣрь, что это прекрасно дѣйствуетъ на пищевареніе, а я догадываюсь, что пани Янова наготовила всего больше, чѣмъ нужно... Давно мы не видѣлись съ вами, панъ Янъ! Что у васъ слышно? Что подѣлываете?..

Вмѣсто отвѣта, панъ Янъ досталъ изъ кармана большую табакерку изъ березовой коры и, открывши, подалъ Самуилу.

— А можетъ быть, и вы выпьете „рюмочку“?—спросилъ онъ дружески. Самуилъ съ притворнымъ ужасомъ взглянулъ на табакерку.

— Ну, нѣтъ!.. Я еще не забылъ вашей „рюмочки“ съ того раза!.. Я уже чихаю, панъ Янъ... Уберите ее!..

Янъ самодовольно разсмѣялся, погрузилъ толстые пальцы въ пахучій порошекъ и старательно зарядилъ свою „двустволку“ (такъ называлъ онъ собственный вздернутый носъ съ большими раздувающимися ноздрями). Онъ увѣрялъ, что въ эту „двустволку“ можно было помѣстить „восьмуху“ табаку... Конечно, такую роскошь онъ позволялъ себѣ лишь въ то хорошее время, когда изъ его ноздрей не выростали еще такіе огромные, щетинистые усы, и жилось ему привольно „на службѣ въ Калужской губерніи“. Теперь обстоятельства часто были стѣсненныя, и размѣры „рюмочки“ сообразно этому уменьшились. Несмотря на то, небольшіе васильковые глаза пана Яна, по старому, весело, насмѣшливо и смѣло глядѣли на міръ изъ-подъ лохматыхъ бровей.

— Торопитесь, торопитесь!.. Въ церкви давно отошла служба, люди идутъ и насъ дожидаются... — понукалъ онъ одѣвающихся друзей.

Когда Самуилъ усомнился, дѣйствительно ли такъ поздно, Янъ энергическимъ жестомъ открылъ двери и впустилъ въ избу голоса снаружи.

— Слышите?!

Заглушая голоса мелкихъ товарищей, важно гудѣлъ главный колоколъ Джурджуйской церкви, точно мѣрно приговаривая:

— Богъ ро-дил-ся... Богъ ро-дил-ся... Богъ!

Былъ первый день Рождества.

Сегодня, впервые въ этихъ широтахъ, явилось полностью надъ горизонтомъ солнце. Дискъ его какъ разъ оторвался отъ земли, когда панъ Янъ съ Самуиломъ и Воронинымъ вышли на улицу. Потоки ярко-золотого, давно невиданнаго свѣта залили окрестности; заискрились снѣга розовые отъ зари туманы приникли въ углубленіяхъ долинъ, вдали засинѣли блѣдныя очертанія горъ. Украшенный флагами городокъ, съ рядами блестящихъ на солнцѣ оконъ, походилъ на чиновника въ праздничномъ мундирѣ. Звучнѣе загудѣли колокола, кто-то въ отдаленіи крикнулъ, кто-то выругался, запѣлъ... Стаи зашитыхъ въ мѣха ребятишекъ, пухлыхъ и толстенькихъ, точно узелки, поджидая появленія солнца на плоскихъ крышахъ жилищъ, вдругъ зачирикали, какъ птицы. Любопытные вышли изъ домовъ и, прикрывши глаза ладонью, глядѣли на Югъ. Туда повернули тоже свои скуластыя лица якуты, застигнутые

солнцемъ среди озера. Одѣтые въ праздничныя бѣлыя, желтыя и черныя платья, съ буфами на плечахъ и со сборками у бедеръ, обшитыя черными и красными широчайшими каймами, они представляли живописное цвѣтное пятно среди просторной бѣлой равнины. Мущины обнажили гладко обстриженныя головы, женщины наклонили долу свои остроконечныя бобровыя шапки. Всѣ размашисто крестились и кланялись далекому солнечному „Бѣлому Богу“.

Наискось черезъ озеро, панъ Янъ вывелъ своихъ товарищей на берегъ и двинулся съ ними дальше, вдоль по „улицѣ“, въ концѣ которой стояла больница, гдѣ панъ Янъ исполнялъ должность сторожа.

Квартира его на первый взглядъ показалась бы посѣтителю отвратительной „пещерой“, но жилецъ ея утверждалъ, что она „вовсе недурная“. Бѣлыя прожилки морознаго налета образовали у ея входа какой-то сказочный ледяной сводъ царства зимы, сквозь который дальше открывался видъ на темную низкую избу, полную, въ описываемый моментъ, кровяно-краснаго зарева, падавшаго отъ горящаго на туземномъ комелькѣ огня. Оконъ тамъ трудно было доискаться: до того они были маленькія и до того густы были тѣни наклонныхъ закоптѣлыхъ стѣнъ и откосыхъ угловъ. Все не захваченное кругомъ свѣта пространство исчезало въ рыжей полутьмѣ.

Въ центрѣ свѣта собрались гости пана Яна. Съ ними были двѣ женщины: жена пана Яна, безобразная якутка, одѣтая въ щегольской русскій ситцевый сарафанъ, и другая, тоже якутка, въ туземномъ платьи. Послѣдняя, молодая дѣвушка, все пряталась въ тѣни за комелькомъ и только, когда поправляла разсыпавшійся огонь или хватала щипцами уголекъ, чтобы бросить его въ шумящій рядомъ самоваръ, изъ мрака высовывалось ея длинная, смуглая цыганская рука и смазливое личико съ большими серебряными серьгами въ ушахъ. Пани Янова то и дѣло переставляла съ мѣста на мѣсто, открывала и закрывала кастрюли, котелки, сковородки, полные разнообразныхъ джурджуйскихъ лакомствъ. Потъ градомъ струился по ея лицу, а раскрытыя отъ жары губы издавали протяжные вздохи и жалобы. Направо у стола, на кровати, стульяхъ и ящикахъ сидѣли гости. По серединѣ помѣстился Александровъ, крупный, немолодой уже мущина, въ бѣлой рубахѣ изъ грубаго тюремнаго холста. Косматый тулупъ, тоже тюремное наслѣдіе, онъ сбросилъ съ плечъ, уперся локтями на столъ и, наклонивъ впередъ плѣшивую голову, слушалъ внимательно происходившій разговоръ. Негорскій, тщедушный, средняго роста, болѣзненнаго вида шатенъ, и Черевинъ, брюнетъ съ

окладистой, старательно причесанной бородой, бесѣдовали, стоя у стола. Среди присутствующихъ одинъ Черевинъ былъ одѣтъ по европейски и имѣлъ крахмальную сорочку со стоячими воротничками. Рядомъ съ Александровымъ на кровати сидѣлъ Красускій, молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, точно изваяннымъ изъ мрамора. Онъ никого и ничего не слушалъ; красивые, темные глаза онъ уставилъ въ огонь и задумчиво теребилъ молодые усики. Далѣе, уже на ящикѣ, подъ стѣнкой, возсѣдали чрезвычайно серьезные „Иностранныя Державы“: высокій, худой, чернявый Петровъ и низенькій, румяный блондинъ Гликсбергъ. Изъ-за нихъ, изъ самаго уже отдаленнаго угла, выглядывала съ любопытствомъ пухлая рожица и всклокоченная шевелюра француза Делиля. Онъ ни на минуту не выпускалъ изо рта коротенькой трубочки. По серединѣ избы, поближе къ входу, лежала на полу большая черная собака, ползалъ совершенно голый ребенокъ, а у стѣны прыгалъ на привязи пестрый теленокъ.

— Вы ошибаетесь, докторъ!..— рѣзко настаивалъ Негорскій.—Вы ошибаетесь!.. Вы ничего, ни крошечки не добились своей уступчивостью. Вы работаете уже больше года, а развѣ хоть на атомъ уменьшилась оттого въ окрестностяхъ зараза? Или скажете, что больница стала лучше? Или, можетъ быть, меньше воруетъ Адріановъ? Не живутъ ли по прежнему больные въ отвратительномъ, грязномъ хлѣву? Не кормятъ ли ихъ по прежнему гнилымъ мясомъ? Развѣ туземцы не боятся по прежнему больницы хуже смерти, и развѣ они не правы?..

Черевинъ сдвинулъ брови.

— Возможно. Я охотно сознаюсь, если вамъ угодно, въ моемъ неумѣніи. Есть грѣхъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ принципѣ...

Негорскій махнулъ нетерпѣливо рукой.

— Опять!.. Есть принципы и принципы... Не всякій принципъ достоинъ уваженія. Я полагаю, что врачъ долженъ не столько лѣчить, сколько стремиться разъ навсегда уничтожить источники и условія болѣзни. Это достойный уваженія врачебный принципъ. Юристъ долженъ стремиться къ уничтоженію судовъ и тюремъ... Законодатель — къ замѣнѣ свода законовъ воспитаніемъ и обычаями...

— Но что же дѣлать теперь съ больными и съ преступниками?.. И со всѣми прочими?..

— Пусть страдаютъ! — сухо отрѣзалъ Негорскій. — Насъ должна трогать въ стократъ больше судьба этихъ здоровыхъ милліоновъ, которые сдѣлались злыми и больными, потому что нѣтъ среди нихъ достаточно смѣлыхъ и прозор-

ливыхъ людей, владѣющихъ даже своимъ состраданіемъ, людей, стремящихся все это опрокинуть, чтобы построить новое...

— Пустыя слова! Исторія не знаетъ скачковъ!

— О, да! Она не знаетъ скачковъ, но смирно переноситъ глупости, удобныя для ея толкователей!... — вспыхнулъ Негорскій.

— Я же думаю, что революціонеры не обязаны что-либо строить. Ихъ задача — разрушеніе. Строительствомъ пусть занимаются, какъ и до сихъ поръ, поставщики повседневныхъ, обычныхъ потребностей... — спокойно замѣтилъ Александровъ, пытаясь повернуть споръ на принципіальную почву.

— Ну, нѣтъ! Мы не согласны!.. — зашумѣли „Иностранныя Державы“, Черевинъ и даже Негорскій. Французъ тоже выскочилъ изъ угла и чрезвычайно рѣшительно положилъ уголекъ въ свою потухшую трубочку.

Въ это время вошли Янъ, Самуилъ и Воронинъ.

— Что такъ поздно?.. Ждемъ, ждемъ... Мы думали, вы уже совсѣмъ не придете.

— Все пригорѣло, высохло...—жаловалась пани Янова.

— Наше вино, наше вино!.. Что сварили, будемъ пить!..— шутилъ Самуилъ, подражая польскому выговору Яна. Онъ колотилъ себя въ грудь и здоровался за руку съ товарищами.

— Да-а!.. Вотъ кого удостоился видѣть... Почтенный бонапартистъ!.. Сотню лѣтъ не встрѣчались!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Муссья взялъ у меня безъ спроса буравчикъ, и слѣдъ его у насъ простылъ... А теперь какъ же это такъ?.. Почему здѣсь, а не въ „большомъ свѣтѣ“?.. У господина исправника или другого сановника? — подсмѣивался Самуилъ, здороваясь, наконецъ, съ Делилемъ.

— И что за великолѣпный костюмъ?... Ой!.. ой!..

Всѣ обратили повеселѣвшіе взгляды на Муссья, который представлялъ дѣйствительно замѣчательную фигуру въ своемъ косматомъ туземномъ одѣяніи, мѣхомъ наружу. Бѣдняга былъ смущенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доволенъ общимъ вниманіемъ.

— Я такъ... я только... я съ господами тоже... всегда... желалъ бы... — бормоталъ онъ и, въ концѣ концовъ, ловко шаркнулъ ножками, обутыми въ бѣлые „этэрбэсы“ изъ конской кожи.

— Начинаемъ, господа!.. Не пора ли, панъ Янъ?.. У меня осталось всего четверть часа времени... Вечеркомъ развѣ опять, можетъ быть, урвусь...—заговорилъ Черевинъ.

— Прошу васъ, прошу, господа!.. Очень прошу, го-

спода!..—засуетился хозяинъ. — По старшинству въ петлю, что ли? Или, такъ какъ вы, господа, — соціалисты, то, можетъ быть, по богатству?..

Онъ подошелъ съ полной рюмкой къ Черевину, а затѣмъ по очереди, какъ стояли, къ другимъ.

— Вамъ я и не подаю... а можетъ быть... и вы выпьете для такого торжества?—обратился онъ мимоходомъ къ Александрову; тотъ отрицательно покачалъ головою, и Янъ перешелъ къ Негорскому и Красускому.

— А теперь съ вами, баре мои!..—заговорилъ онъ по-польски. — Такъ какъ... хотя Богъ нашъ давно уже родился *), но грустно какъ-то праздновать одному... Съ волками жить, по-волчьи выть!.. Больше двадцати лѣтъ живу я въ этихъ степяхъ и лѣсахъ и никого съ родины за все это время не видѣлъ, и говорить ужъ по-польски забывать сталъ, какъ вдругъ вы, господа...

Онъ оборвалъ и поспѣшно выпилъ рюмку. Негорскій обнялъ его и горячо поцѣловалъ въ колючіе, мокрые отъ слезъ и воды усы; вслѣдъ за нимъ наклонился къ земляку и Красускій.

— Опять „пшы-бжи". Вѣчная польская интрига! — прошепталъ шутливо Черевинъ. Другіе застѣнчиво отвернулись въ сторону, притворяясь, что заняты своими дѣлами, и только Делиль сдѣлалъ широкій жестъ сочувствія. Но никто на него не обратилъ вниманія, такъ какъ Черевинъ, какъ разъ, сталъ прощаться. Янъ помогъ ему надѣть шубу, любезно проводилъ до дверей, затѣмъ поспѣшно вернулся къ гостямъ. Они уже усаживались кругомъ стола; хозяину пришлось не мало потрудиться, разыскивая нужные стулья и ящики. Наконецъ, когда все успокоилось, онъ самъ взобрался высоко на кровать, на женину перину, и, вынувши изъ кармана табакерку, проговорилъ самодовольно:

— А теперь мы себѣ погуляемъ!

Женщины поставили на столъ шумящій самоваръ и стали подавать кушанье.

Но „гулянье" не удалось. Гости водку пить отказывались, чай пили неохотно, ѣли, какъ будто страдая зубной болью, и, не глядя другъ на друга, сидѣли задумчивые и молчаливые. Тщетно хозяинъ пробовалъ расшевелить ихъ, у самого что-то „мутило" въ душѣ.

Огонь догоралъ и тускнѣлъ. Куча тлѣющихъ угольевъ обдавала еще краснымъ свѣтомъ сидѣвшихъ у стола, но

*) Намекъ на то, что русскій календарь запаздываетъ въ сравненіи съ европейскимъ на двѣ недѣли.

углы избы тонули въ темнотѣ. Опорожненный самоваръ тихо шумѣлъ, тихо постукивали чашки, осторожно передвигаемыя въ темнотѣ, люди молчали, а изъ сосѣдней избы долеталъ грустный, однообразный, гортанный напѣвъ якута.

Самуилъ, который большими шагами расхаживалъ по избѣ, вдругъ подошелъ къ столу, отыскалъ дрожащею рукою пустую чашку и поставилъ ее передъ Яномъ:

— Налей!

— Нѣтъ, не здѣсь, не здѣсь... Пойдемъ лучше ко мнѣ!..— быстро проговорилъ Негорскій, накрывая чашку ладонью.

— Почему это не здѣсь?! Можно и здѣсь!.. — сопротивлялся панъ Янъ, но, видя, что гости дружно собираются уходить, подумавши, и самъ присоединился къ нимъ:

— Хорошо!.. Пускай!.. Но мы и отсюда возьмемъ бутылочку... Ты съ ума сошла?! Давай шапку!..—крикнулъ онъ на жену, вырывая у нея изъ рукъ своего „бобра“, котораго она, съ видомъ возмущенія и протеста, прятала у себя за спиной.

— Не посидишь дома ни минуты... Такой большой праздникъ!.. Ихъ ты больше любишь, чѣмъ жену!

— Въ будни сиди дома — работай; въ праздники сиди, потому что праздникъ!.. Скажи, глупая баба, когда же мнѣ можно ходить!..

III.

Короткій зимній день окончился. Кровавый отрѣзокъ зари, очень узкій и очень блѣдный, чуть окрашивалъ край небосклона; остальной частью неба уже завладѣла звѣздная, туманная ночь. Въ этихъ туманахъ, подымающихся снизу, точно дыханіе засыпающей земли, звѣзды на горизонтѣ и летящія вверхъ искры человѣческихъ огней смѣшивались въ одинъ волшебный, блестящій рой. Дымъ струился изъ всѣхъ пятидесяти трубъ городка. Не было окна, въ которомъ не сверкали бы праздничные огни. Только церковь и полицейское управленіе, два самыхъ крупныхъ строенія въ Джурджуѣ, спали въ туманахъ, темныя и опустѣлыя.

Негорскій жилъ въ томъ концѣ мѣстечка, гдѣ уже начиналось „царство озеръ и лѣсовъ“. Его юрта была маленькая, но чистенькая. Когда гости подошли къ ея дверямъ, хозяинъ пустилъ ихъ однихъ внутрь, а самъ остался на дворѣ, чтобы взять охапку дровъ для растопки, такъ какъ хорошій огонь въ каминѣ очень справедливо причисляется жителями Джурджуя къ самымъ желательнымъ и самымъ благороднымъ формамъ гостепріимства. Когда, наконецъ, Негорскій поставилъ полѣнья въ комелькѣ и зажегъ ихъ

кусочкомъ бересты, долго блѣдное, слабое пламя лизало промерзшія колоды, пока согрѣло ихъ и охватило золотистымъ полымемъ. И сейчасъ же въ юртѣ стало веселѣе. Загудѣло въ трубѣ, зашипѣла, загораясь, смола, и разъ—другой задорно выстрѣлилъ въ середину избы уголекъ. Яркій свѣтъ поглотилъ слабое сіяніе свѣчей и заглянулъ въ самые отдаленные закоулки юрты. Прозябшіе за дорогу ссыльные окружили каминъ и, опираясь другъ на друга, слѣдили съ удовольствіемъ за разгоравшимся все буйнѣе огнемъ, вдыхали всѣмъ тѣломъ тепло, прислушивались къ гулу, съ какимъ пламя, дымъ и искры летѣли въ широкій, вольный свѣтъ... Наконецъ, Самуилъ тихо запѣлъ:

Лита мої
Лита молодыя!..

— Вправду спѣли бы вы, Самуилъ!.. Скука что-то, тоска!..—заговорили вдругъ всѣ.

— Єпивать дармо,—болитъ горло! Вы сначала выпейте настоящую рюмочку!.. — посовѣтовалъ пѣвцу Янъ на свойственномъ ему польско-русскомъ жаргонѣ. Онъ подалъ Самуилу чарку, полную водки; тотъ принялъ, выпилъ и обвелъ товарищей блестящими глазами.

— Что же вамъ спѣть?

— Зозулю... Зозулю!..

. . . .

Гей! закувала тай сыва зозуля
Раннимъ ранни на зори!
Гей! заплакалы тай хлопци молойци
У турецкой неволи въ кайдани...

Чарка все шла по рукамъ, и словамъ

— По синьему морю...

вторило уже нѣсколько робкихъ, неувѣренныхъ голосовъ, а

— На Вкраинѣ тамъ солнечко сяе...

гремѣло уже мощнымъ хоромъ. Пѣніе вмѣстѣ съ дымомъ вылетало наружу, сквозь широкое отверстіе низкой трубы и разносилось далеко по окрестности.

— Тише!.. Чу, слышите!.. Преступники поютъ!—говорили сосѣди-казаки и якуты и выходили въ сѣни постоять, посмотрѣть на звѣзды, послушать чужой, хватающей за сердце, пѣсни.

— Чужбина!.. чужбина!—вздыхали женщины.

Между тѣмъ, среди пѣвцовъ чарка вращалась неустанно;

вскорѣ всѣ уже пѣли. Даже Александровъ что-то мурлыкалъ. Одинъ Негорскій не пѣлъ и не пилъ.

— Зачѣмъ? Я чувствую, что и безъ водки сегодня пьянъ буду!.. Только пойте! — защищался онъ отъ пристававшихъ товарищей.

По мѣрѣ того, какъ убывало въ графинѣ, мѣнялись мотивы и содержаніе пѣсенъ и пріобрѣтали все болѣе и болѣе странный характеръ. Наконецъ, Янъ, который пилъ больше всѣхъ, вдругъ заревѣлъ совершенно невпопадъ и, заглушая товарищей, принялся выводить совершенно самостоятельно.

— Ото реветъ!

— И фальшивитъ!..

— Невозможно!

— Молчать!

— Стыдно!

— Подъ нары!..—кричали на него со смѣхомъ.

— Что вы понимаете!.. Вы молокососы!.. Да вѣдь это... самая настоящая!—огрызнулся Янъ.—Мы пѣли ее, когда съ косами хаживали... на пушки!.. Да!.. Вотъ какъ!..

И, упершись руками въ бока, онъ еще шире разставилъ ноги, поднялъ вверхъ свою „двустволку" и ревѣлъ побѣдоносно:

Какъ ужасный левъ
Лишь почуетъ кровь...
Дындай!.. Дындай!.. Дындай!.. Дындай!..
Вѣдь у насъ есть Бебъ *),
Бояться не слѣдъ...
Дындай!.. Дындай!.. Дындай!.. Дындай!..

Онъ больше словъ не зналъ, но такъ какъ „дындай" могло продолжаться безконечно, то и этого оказалось достаточно.

Присутствующіе пробовали его унять, но когда это не подѣйствовало, Самуилъ махнулъ рукою:

— Оставьте!.. Пусть поетъ... ради такого торжества!

Хоровое пѣніе разрушилось, разбилось, расплелось на нѣсколько отдѣльныхъ пѣсенъ, словъ, мелодій... Всякій напѣвалъ, что помнилъ, зналъ и любилъ, а вмѣстѣ съ пѣснями набѣжали незамѣтно... и воспоминанія. Голоса постепенно замолкли. Только Янъ, хотя и охрипшій, ревѣлъ по

---

*) Испорченное Бемъ: Іосифъ Бемъ, генералъ артиллеріи польскихъ войскъ; въ 1848 году онъ руководилъ защитой революціонной Вѣны, а затѣмъ, послѣ Гёргэя, былъ назначенъ главнокомандующимъ венгерской арміи.

прежнему. Наконецъ, и онъ оборвалъ и оглянулся, изумленный воцарившейся тишиной.

— Что случилось?

— Ничего.

— А я вамъ скажу!.. — проговорилъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ Негорскій. — Я вамъ скажу: случилось то, что мы... бѣжимъ! Я долженъ вамъ сказать, я воспользуюсь тѣмъ, что всѣ мы вмѣстѣ, и скажу... Вѣдь всѣ мы тоскуемъ, вѣдь всѣ мы изводимся, такъ не лучше ли, чѣмъ исподволь тлѣть, возстать сразу?..

Въ юртѣ опять воцарилось глубокое молчаніе.

— Я тоже бѣгу...—проговорилъ рѣшительно Воронинъ, высовывая изъ темноты свое похоронное лицо.

Однако, никто не поддержалъ его; всѣ, какъ будто, еще чего-то ожидали.

— Бѣжимъ, непремѣнно бѣжимъ!..—повторилъ воодушевленно Негорскій.—Нашъ планъ вполнѣ реаленъ!.. Вы увидите, только послушайте...

Онъ схватилъ со стола подсвѣчникъ и подошелъ съ нимъ къ висѣвшей на стѣнѣ картѣ, другіе двинулись за нимъ вслѣдъ.

— Вотъ здѣсь, — объяснялъ онъ, указывая пальцемъ, — Джурджуй... А тутъ рѣка... А здѣсь, вотъ, ея притокъ Челемсья... Посмотрите, какъ далеко на западъ приходятся ея истоки. Оттуда не больше полутораста-двухсотъ верстъ къ долинѣ Лены... Рукой подать! Хребетъ не трудный для перевала: низкій и не широкій. Тунгусы обыкновенно этимъ путемъ возятъ въ Джурджуй товары... Я ихъ разспрашивалъ. Одно, говорятъ, неудобство: нигдѣ нѣтъ жителей, исключая окрестностей Джурджуя. Но для насъ это-то и удобно... Что вы скажете, а? Допустимъ, что мы долиной Челемси добираемся до горнаго перевала. Затѣмъ мы переходимъ его; далѣе на западномъ склонѣ хребта—вотъ тутъ недалеко,—какъ видите, начинается другая рѣчка, притокъ Лены. Вся, значитъ, дорога идетъ долинами рѣкъ. Длина ея достигаетъ 900 верстъ, допустимъ, что всю тысячу. На путешествіе уйдетъ, положимъ, все лѣто. Тогда мы выберемъ соотвѣтственное мѣсто и зазимуемъ. Александровъ и Красусскій владѣютъ прекрасно топорами, другіе выучатся, не мудрость! Построимъ себѣ домикъ, юртешку,—маленькую, тѣсную, лишь бы только... Будемъ охотиться, ловить рыбу... Дичи, всякаго звѣрья тамъ много. Пищи будетъ въ волю, возможно, что еще скопимъ запасы. Когда лошади отдохнутъ и пожирѣютъ послѣ первыхъ сильныхъ морозовъ, мы ихъ убьемъ, что намъ дастъ сразу нѣсколько десятковъ пудовъ хорошаго мяса. Изъ него приготовимъ консервы.

Весною построимъ лодку, выждемъ попутнаго вѣтра и поплывемъ вверхъ по теченію на югъ. Тамъ или прямо отправимся въ Иркутскъ, или повернемъ въ Енисейскъ... Можемъ тоже удобно спрятаться въ полчищахъ рабочихъ, отправляющихся на Витимъ на золотые промыслы. Вѣроятнѣе всего, что мы раздѣлимся на нѣсколько партій, и каждая направится, куда пожелаетъ. Но это второстепенныя вещи, это мелочи; главное: какъ выбраться изъ Джурджуя и какъ подольше законспирировать наше здѣсь отсутствіе? Лишь бы позволили убѣжать незамѣтно нѣсколько десятковъ верстъ, а тамъ ужъ свищи по бѣлу свѣту вѣтра! Мы спрячемся въ горахъ и будемъ кочевать, какъ тунгусы...

— Ну, какъ?..—спрашивалъ онъ настойчиво и, когда товарищи медлили отвѣтомъ, добавилъ горячо:

— Конечно, будетъ не разъ и голодно, и холодно, и много опасностей угрожаетъ намъ... возможно даже, что... погибнемъ... Но въ случаѣ удачи, вѣдь въ случаѣ удачи... свобода, воля! Прямо голова кружится... Смѣлость и молодость все преодолѣютъ, а терять намъ нечего! Что же? Согласны?..

— Совсѣмъ нѣтъ! — отвѣтилъ Александровъ. — Прежде всего такихъ вещей не рѣшаютъ, выпивши четверть водки!..

— Я не пилъ!—отвѣтилъ сухо Негорскій.—Но можно и отложить!

Онъ ушелъ отъ карты, поставилъ свѣчу на столъ и занялся самоваромъ, который, забытый, потухъ и остылъ.

Вскорѣ на столѣ появилась коврига чернаго хлѣба, принадлежащаго въ Джурджуѣ къ праздничнымъ лакомствамъ, затѣмъ мороженное масло въ кусочкахъ, точно сахаръ колотый, чашка мороженыхъ ягодъ, холодная жареная говядина и кипящій самоваръ. Негорскій занялся угощеніемъ товарищей,—„чѣмъ хата богата“, — и дѣлалъ это съ присущей ему сердечностью и привѣтливостью.

Проголодавшіеся гости съ нѣкоторой жадностью набросились на ѣду, но панъ Янъ властно остановилъ ихъ, осмотрѣлъ внимательно бутыль, содержимое въ ней раздѣлилъ строго поровну между всѣми, самъ выпилъ послѣднимъ, утеръ ротъ рукавомъ и подсѣлъ къ холодному мясу, закусывая имъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Нехорошо это вы надумали, нехорошо! — зоговорилъ онъ. — Не могу похвалить!.. Отъ этихъ плановъ только хуже всегда бываетъ!.. Ищешь лучшаго, а выходитъ наоборотъ... Знаю я это не изъ книгъ, не съ чужихъ словъ, а по собственному опыту... Чѣмъ больше тревожишься и хлопочешь, тѣмъ хуже!.. Поэтому я теперь уже ничего не предпринимаю и не предполагаю, а живу себѣ, какъ Богъ ве-

литъ!.. А вы этимъ только горя себѣ больше наживете!.. Вы, должно быть, думаете, что это шутки, пустяки... навѣрно, и понятія даже не имѣете, что такое здѣшняя тайга дремучая, какія кругомъ горы, болота и лѣса... Знаю я ихъ хорошо, самъ хаживалъ. А по картѣ такъ скоро двигаешься, потому что... гладкая! И не столько въ горахъ и лѣсахъ суть, какъ въ васъ самихъ... Развѣ вы знаете, что въ каждомъ изъ васъ сидитъ?.. Развѣ вы испробовали?.. Смерть совсѣмъ не то, она много легче... Но, когда холодъ и голодъ живого доймутъ, и когда не станетъ силъ и дыханія, тогда...

— Что касается этого, я думаю, панъ Янъ, напрасны ваши опасенія!.—вставилъ, насупившись, Негорскій.

Янъ спокойно взглянулъ на него и взялъ изъ табакерки здоровую понюшку табаку:

— Да вы за что же сердитесь? Я знаю, что вы всѣ хорошіе парнюги! Но вы бы спросили меня, стараго бродягу, я бы вамъ, можетъ, кой-что разсказалъ...

— Разсказывайте, мы съ удовольствіемъ послушаемъ!..— отвѣтилъ Самуилъ.

— Если позволите, я начну съ того времени, когда я былъ на службѣ въ Калужской губерніи...—проговорилъ Янъ съ широкой улыбкой и опять вынулъ табакерку.

— Конечно, конечно!..—отвѣтили ему весело слушатели и плотно придвинулись къ столу.

— Такъ вотъ, вы знаете, господа, что когда насъ, поляковъ, ловили въ лѣсахъ въ 63 году, то, кто поученѣе да постарше, тѣхъ или вѣшали, или въ каторжныя работы ссылали, а молодежь изъ простыхъ опредѣляли въ солдаты и высылали на службу въ глубь Россіи. И собралось, такимъ образомъ, въ Россіи въ каждомъ полку, въ каждой даже ротѣ нашихъ по нѣскольку человѣкъ, даже и того больше... И очень мы съ первоначалу дружно держались, и уважали насъ всѣ и даже боялись... И не только простые солдаты, но даже офицеры. Самъ полковникъ Левченко, хохолъ, позвалъ насъ однажды послѣ смотра и говоритъ: „благодарю васъ, ребята, ловко вы служите, а только прошу васъ: сидите теперь смирно! Я самъ польскую грудь сосалъ, понимаю, но... все пропало, и вы покоритесь!“ И приказалъ намъ выдать по полтинѣ на брата и по шкалику водки. Покориться!.. Легко это сказать, но какъ... покориться!.. И не то, чтобы служба!.. Боже упаси!.. Послѣ скитаній въ лѣсахъ, въ полку служба показалась намъ легче пера! А были мы все парни удалые, молодежь, отборъ!.. Должно быть, ловкачи, коли насъ въ столькихъ сраженіяхъ пули не хватали. Не службой мы тяготились, а тоской. Какъ

она пристанетъ, присосется къ человѣку, такъ будто лягушка за сердце уцѣпилась! Подерешься съ москалями въ кабакѣ, или прошляешься безъ отпуска нѣсколько дней по полямъ и лугамъ,—ну, и готовъ!.. Наказываютъ, въ штрафной журналъ записываютъ... На гауптвахту садятъ, дежурствами донимаютъ... Все мы терпѣливо переносили, все переносили, только прислушивались, нѣтъ ли вѣстей о возвратѣ... Разно сказывали. Что ни день, то новость! То говорятъ, что всему конецъ, усмирена Польша, то—что наши верхъ берутъ, плѣнниковъ захватили много и мѣняютъ на своихъ... Между прочимъ, прошелъ слухъ, что вся рота нашихъ съ оружіемъ и амуницiей по поддѣльнымъ бумагамъ улизнула на родину. Тутъ ужъ никто не въ силахъ былъ усидѣть!.. Стали мы по угламъ собираться, потихоньку совѣтоваться. Принялись насъ еще пуще стеречь, не пускали изъ лагерей и казармъ ни шагу, даже въ караулъ насъ, поляковъ, за городъ не посылали, а то часто приходятъ снять караульнаго, а на его мѣстѣ остались только шапка да ружье, а солдатъ... адью-фрузью! Былъ въ нашей ротѣ нѣкто Шмидтъ. Онъ намъ говорилъ, что—полякъ. Шмидтъ, пускай Шмидтъ! Въ нашихъ городахъ много людей съ нѣмецками фамиліями—правильными оказываются поляками. За такого мы и Шмидта считали, только впослѣдствіи уже оказалось, что онъ былъ изъ нѣмецкихъ переселенцевъ... На видъ казался—мужикъ ничего. Даже больше: мы его считали за лучшаго... Пронырa, смекалистая башка... Извернуться ли въ бѣдѣ, штуку ли кому-либо подстроить, властямъ надлежаще отвѣтить—все за первый сортъ дѣлалъ! По его совѣту, мы въ началѣ притаились, стали смирны, послушны, по службѣ исправны... А тѣмъ временемъ потихоньку копили деньги, собирали сухари и, когда однажды насъ отправили въ баню, вмѣсто бѣлья взяли узелки и... адью-фрузью! Восемь насъ тогда человѣкъ сразу убѣгло. Всей бандой двинули на западъ... Сквозь лѣса, сквозь дебри, болота и степи, избѣгая людей, обходя села, пробирались мы, точно волки, по ночамъ въ эту нашу милую Польшу... Шмидтъ кой-что соображалъ по картѣ, были среди насъ и полѣсовщики, которые узнавали путь по звѣздамъ.—Долго мы такъ благополучно странствовали, пока не поѣли всѣхъ сухарей и не пришлось намъ заходить въ деревни за хлѣбомъ. Тутъ и начались неудачи, прямо отчаяніе. Кто пойдетъ за покупкой, тотъ рѣдко вернется. Выдавалъ насъ выговоръ. Когда мы впервые увидѣли издали, какъ мужики ведутъ нашего связаннаго товарища въ село, хотѣли броситься на деревню, сжечь ее... Шмидтъ удержалъ насъ: онъ все доказывалъ, что не слѣдъ ради одного столькихъ людей несчастными дѣлать. Мы рѣ-

шили ходить за хлѣбомъ по жребію. Съ тѣмъ, что уходилъ, прощались, какъ съ обреченнымъ на смерть А когда онъ возвращался благополучно, будто такая охватывала всѣхъ радость,—шапки о земь, урра! объятья, пиръ!.. Чѣмъ дальше, однако, двигались, тѣмъ становилось хуже и труднѣе. Нѣсколько разъ натыкались на войско, но успѣвали скрыться. Разъ дровосѣки хотѣли насъ взять въ волость, но мы отняли у нихъ топоры и самихъ связали, хотя ихъ и было больше, чѣмъ насъ. Въ деревнѣ, гдѣ волость, и носа показать нельзя было. Шли мы, голодая, питаясь корешками да щавелемъ. И вотъ въ такое-то время Шмидтъ оставилъ насъ. Утромъ какъ-то проснулись, смотримъ — нѣтъ нашего важатаго—убѣгъ! Деньги, карту, бумаги, даже вещи, что получше, все забралъ и исчезъ. Сначала мы опѣшили, одурѣли... Куда дѣться, куда направиться—ничего не знаемъ... Онъ за насъ думалъ. Одни говорятъ: москалямъ сдаться, другіе — измѣнника искать, третьи—идти, пока силъ хватитъ... Одинъ съ горя даже повѣсился. Ушелъ, молча, въ сторонку и раньше, чѣмъ мы разговоръ окончили—готовъ. Тутъ такая меня охватила злоба, что, пальцы положивши на петлю висѣльника присягнулъ я: измѣнника изъ-подъ земли добыть и не простить... И что скажете: мы вѣдь его поймали! Идетъ себѣ тропиночкой среди хлѣбовъ, узелокъ на палкѣ за спиной несетъ, колосья, что подъ руку на пути попадаются, спокойно рветъ и зерно въ ротъ сыпетъ... Будто ничего не случилось!.. Пѣсенку подъ носъ себѣ мурлыкаетъ... Вдругъ мы поднялись изъ травы... Поблѣднѣлъ, какъ привидѣніе, молча руку къ намъ протянулъ, будто отталкиваетъ... А мы...

Тутъ панъ Янъ значительно улыбнулся и медленнѣе обыкновеннаго полѣзъ въ карманъ за табакеркой.

— А вы?..—проговорилъ кто-то, менѣе сдержанный.

Вдругъ двери юрты съ громомъ растворились и влетѣлъ убѣленный инеемъ Делиль, который давно уже куда-то исчезъ.

— Господа!. Исправникъ, помощникъ, командиръ, Варлаамъ Варлаамовичъ... весь городъ... ѣдутъ... Сейчасъ здѣсь будутъ!.

— Что такое?

— Гдѣ?!.

— Какъ?

— Зачѣмъ?

— По какому поводу?

— Гдѣ же это ты былъ, Мусья?!

Они забросали его вопросами, въ замѣшательствѣ поднявшись съ мѣстъ.

— Гдѣ былъ, тамъ былъ!—отвѣтилъ важно французъ.—

Только, честное слово, не лгу. Черевинъ ихъ подбилъ... Вотъ они уже пріѣхали, слышите?!

Дѣйствительно, лошадиный топотъ и позвякиваніе колокольчиковъ вдругъ стихли и оборвались у подъѣзда юрты. Въ избу вбѣжалъ казачій пятидесятникъ и, придерживая открытыми двери, почтительно прошепталъ:

— Его высокоблагородіе начальникъ округа... сейчасъ будутъ...

Въ то же время въ дверяхъ показался закутанный въ мѣха мужчина. Гордымъ движеніемъ онъ сбросилъ шубу на руки казаку, вѣжливо поклонился всѣмъ головою и сдѣлалъ нѣсколько неувѣренныхъ движеній въ сторону политическихъ ссыльныхъ, столпившихся въ глубинѣ юрты.

— Съ праздникомъ!.. Развлекаетесь, господа?—спросилъ онъ съ улыбкой, взглядывая на стоящую на столѣ бутыль. Ему придвинули стулъ, но никто изъ присутствующихъ не отвѣтилъ на его вопросъ. Между тѣмъ, въ юрту входили все новые и новые гости и останавливались позади исправника. Становилось тѣсно и душно; непріятный запахъ выпитой, прогорѣлой водки, пряныхъ приправъ и турецкаго табаку отравили и безъ того испорченный попойкой воздухъ избы.

— Что же вы, господа, подѣлываете? А можетъ быть, мы помѣшали? Можетъ быть, какое-нибудь важное совѣщаніе?—пробовалъ шутить начальникъ округа. По мѣрѣ того, какъ онъ трезвѣлъ, онъ чувствовалъ все сильнѣе двусмысленность того положенія, въ которое онъ позволилъ себя вовлечь. Это былъ первый его визитъ политическимъ ссыльнымъ.

— Господа, господа!.. Надо жить съ людьми и... для людей...—бормоталъ крѣпко пьяный Черевинъ, проталкиваясь сквозь толпу отъ порога.—Спой что-нибудь, голубчикъ. Самуилъ, ты нашъ... со-ло-вей...

Ссыльные все молчали, сбившись въ кучу. Одинъ Делиль пролепеталъ какое-то извиненіе. Положеніе становилось все напряженнѣе.

— А нѣтъ ли какихъ-либо жалобъ, претензій?..—спросилъ вдругъ по-чиновничьи исправникъ, приподымаясь со стула.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!.. Мы бы ихъ доставили въ... полицію!—отвѣтилъ предупредительно, но твердо Александровъ.

Исправникъ опять сдѣлалъ головой общій поклонъ и, получивши въ отвѣтъ такое же прощаніе, кивнулъ на казака, чтобы тотъ подалъ ему шубу.

И гости ушли, какъ пришли, шумно, надменно, черезчуръ широко, по-барски раскрывая двери и выстуживая юрту.

II.

Лѣса, болота и горы.

I.

Когда зимніе снѣга одѣнутъ землю, когда побѣлѣютъ отъ инея лѣса, окрестности Джурджуя, вся принадлежащая ему горная страна превращается какъ бы въ громадный таборъ великановъ, застигнутыхъ неожиданно зимою въ пути, безпорядочно улегшихся и уснувшихъ подъ общимъ бѣлымъ покрываломъ. Загораются ли надъ ними розовыя зори, серебрится ли лунная звѣздная ночь, или солнечный свѣтъ сіяетъ радужнымъ блескомъ, они спятъ все тѣмъ же сномъ безпробуднымъ, все также неподвижные и безучастные. И только въ дни особенно тихіе и морозные легкій туманъ, дымящійся въ глубокихъ падяхъ и въ чащахъ тайги, намекаетъ, что тамъ, подъ снѣгами, что-то дышетъ, что-то живетъ... Изрѣдка прокатится по окрестностямъ глухой гулъ, похожій на мощный вздохъ или стонъ, и дрогнетъ отъ него земля, и посыплются снѣга и хлопья инея съ древесныхъ вѣтвей.

Долина Джурджуя ничѣмъ не отличается отъ своихъ сосѣдокъ. Кругомъ нея подымаются такія же зубчатыя вершины, бѣлыя, дикія, недоступныя и совершенно неизслѣдованныя—какъ и кругомъ другихъ долинъ; онѣ такъ же отчетливо обозначаются на темномъ небосклонѣ и такъ же мертвенно бѣлы, какъ ихъ сосѣдки, и придаютъ окрестностямъ такой же видъ холоднаго, мраморнаго исполинскаго кружева, перевитаго узоромъ лѣсовъ. Кольцо горъ, на первый взглядъ, плотно смыкалось кругомъ Джурджуйской долины, но, въ сущности, въ немъ были два пролома—двѣ скалистыя щели, сквозь которыя врывалась въ долину и уходила изъ нея бурная рѣка Джурджуй, стремительно несущаяся среди каравановъ горъ къ далекому океану.

Маленькій вѣнокъ пятидесяти джурджуйскихъ домовъ почти бѐслѣдно исчезалъ въ бѣлой снѣговой усыпальницѣ долины. Только узенькія желтыя нити дорогъ, сбѣгающихъ къ одному центру, да небольшія порубки по тайгѣ указывали на близость „столицы пустынь“, какъ называлъ городокъ мѣстный учитель. Чтобы оцѣнить вѣрность учительскаго опредѣленія, необходимо было пространствовать недѣли по этимъ нитевиднымъ дорогамъ, заскучать по человѣческому обществу и человѣческому жилищему. Тогда и городъ Джурджуй казался великолѣпнымъ. Всѣ дома

„столицы“, между тѣмъ, были отмѣнно плохи, построены въ безобразномъ русско-якутскомъ „обще-губернскомъ“ стилѣ. Плоскія кровли, стѣны изъ круглыхъ бревенъ, обмазанныхъ глиной, смѣшанной съ навозомъ, окна маленькія, двери низенькія, обшитыя косматой коровьей кожей. Во дворѣ обыкновенно помѣщались амбары съ плоскими крышами безъ оконъ, иногда, у богатыхъ, соединенныя съ жилымъ помѣщеніемъ крытыми сѣнями.

Таковы были джурджуйскіе „дворцы“.

Среди нихъ, точно дорогой топазъ въ вѣнцѣ „столицы“, горѣлъ большими стеклами оконъ желтый домъ полицейскаго управленія. Онъ былъ покрытъ остроконечной кровлей. обладалъ вполнѣ европейской наружностью и стоялъ особнякомъ на небольшой площадкѣ, что производило впечатлѣніе, какъ-будто остальныя строенія пугливо раздвинулись, избѣгая столь лестнаго сосѣдства. Ближе всего къ полицейскому управленію стояла „караулка“ и казенныя магазины соли и муки. Далѣе, на сѣверъ и югъ, рядами тянулись дома мѣстной аристократіи—помѣсь европейской и якутской архитектуры. Заканчивались они на югѣ церковью, на сѣверѣ—кабакомъ богатаго якута Таза. Отсюда вѣнокъ домовъ переходилъ на другой берегъ озера, гдѣ ютились исключительно юрты бѣдняковъ. Эти постройки принадлежали уже совершенно къ мѣстной архитектурѣ и напоминали лѣтомъ громадныя кучи навоза, а зимою—снѣговые бугры съ ледяными оконцами, крошечными, точно глазки туземцевъ. Посерединѣ этихъ жилыхъ бугровъ подымались жерла деревянныхъ трубъ, вѣчно изрыгающихъ дымъ, пламя и искры.

Цѣпь строеній въ обоихъ кварталахъ города была рѣдка, такъ что вездѣ просвѣчивала тайга; мѣстами лѣсъ и болота прямо проникали внутрь города, заставляя улицы дѣлать изгибы и повороты. Случалось, что изъ кустовъ уже въ самомъ городѣ выскакивали зайцы или вспархивали стаи бѣлыхъ куропатокъ. Обыватели разсказывали, что приходили сюда и лисицы и даже волки, а мѣстный попъ, почтенный отецъ Акакій Ферапонтовичъ, утверждалъ, что разъ повстрѣчался тамъ даже съ „окаменѣлымъ мамонтомъ“.

Всѣ ссыльные, исключая Черевина, жили въ кварталѣ бѣдняковъ.

Наступила зимняя морозная ночь, вверху — звѣздная, внизу—туманная. Негорскій, стоя на крышѣ своей юрты, тщетно доискивался въ разстилавшихся подъ нимъ туманахъ юрты своего друга, Александрова. Она безслѣдно исчезла въ причудливомъ, мутномъ узорѣ бѣлой мглы, темныхъ, угловатыхъ пятенъ строеній, трепетныхъ огней въ

окнахъ и кроваваго блеска пламени, густо вылетавшаго изъ низкихъ трубъ. Негорскій уже собирался спуститься внизъ, когда вдругъ услышалъ скрипящіе по снѣгу шаги и замѣтилъ знакомую фигуру, бойко шагавшую по озеру.

— Панъ Янъ, вы куда это?—окрикнулъ онъ прохожаго сквозь сложенную въ рупоръ ладонь.

— Аа?!.. Это вы!.. Къ Тазу иду, поиграть въ картишки!.. Что-то скучно!..

— Не знаете, гдѣ Красусскій?

— Какъ не знать! Знаю: сидитъ у меня и, будто, сапоги тачаетъ!.. Ну и шьетъ, чортъ его возьми!.. Если бъ было шитье, развѣ я бы ушелъ!.. Конечно, пустое... Старуха моя его ругаетъ, а онъ втихомолку за Майкой ухаживаетъ!..

— Не говорилъ онъ вамъ: Александровъ дома, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не говорилъ. А вы все о томъ же, о... своемъ... Ээ...хъ! скверно!.. Нѣтъ моего согласія!.. Спокойной ночи!

— Что?!. Что такое?!.. Развѣ случилось что-нибудь новое?

Янъ, въ отвѣтъ, махнулъ рукою и исчезъ. Туманъ поглотилъ его. Негорскій сошелъ съ крыши. Немного погодя, тепло одѣтый, онъ уже направлялся по озеру къ жилищу, помѣщавшемуся на томъ берегу, прямо противъ полицейскаго управленія. Но онъ не сразу вошелъ въ домъ, и долго гулялъ задумчиво по тропинкѣ, не замѣчая ни холода, ни скрипа снѣга, пронзительно звучавшаго подъ его сапогами, не чувствуя, какъ коченѣетъ на немъ платье и какъ иней осѣдаетъ на его усахъ и шапкѣ. Онъ все размышлялъ объ Александровѣ и о своемъ къ нему отношеніи, онъ боялся испортить все дѣло чрезмѣрной поспѣшностью и уступчивостью.

— Ахъ, это самолюбіе, которое примѣшивается вездѣ и ко всему и все портитъ! Неужели нѣтъ людей, совершенно свободныхъ отъ него? Не лучше ли подождать?! Вышло бы много ловчѣе, если-бъ этотъ упрямецъ самъ обратился первый! Насколько я его знаю, прямо не мыслимо, чтобы проектъ побѣга не задѣлъ, не заинтересовалъ его!.. Онъ чувствовалъ бы себя несомнѣнно обиженнымъ, если-бъ я не предложилъ ему! Между тѣмъ, онъ не... является. Что все это значитъ не пойму! Какъ мало въ людяхъ простоты? Вѣдь времени-то мало, а работы много, а тутъ еще возись! Или... поведеніе его означаетъ, что онъ не согласенъ?.. Тогда, тогда... мы бы двинулись втроемъ: я, Красусскій и Воронинъ. Пусть будетъ, что будетъ!..

Негорскій остановился рѣшительно передъ юртой Александрова и взглянулъ въ ея темныя окна.

— Нѣтъ его. Куда онъ могъ пойти? Развѣ къ Самуилу. Возможно, впрочемъ, что онъ сидитъ въ своей каморкѣ?

Негорскій открылъ двери и вошелъ.

— Кто тамъ?—окликнулъ его знакомый голосъ.

— Это я, Негорскій. Что такъ... въ темнотѣ? Ради сбереженія?!.. Не зажигай, не зажигай!..—пробовалъ онъ остановить Александрова, который чиркнулъ спичкой. Тотъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и зажегъ свѣчку. Затѣмъ вынулъ изо рта потухшую трубочку и принялся набивать ее свѣжимъ табакомъ изъ стоящей на столѣ коробки. Крупная фигура его въ коротенькомъ тулупчикѣ, въ мѣховой шапкѣ на головѣ, съ широко разставленными локтями, казалась еще неуклюжѣе при этомъ кропотливомъ занятіи. Александровъ помалкивалъ и оглядывалъ гостя вопросительнымъ взглядомъ. Тотъ раздѣлся, сѣлъ, но тоже молчалъ. Тогда хозяинъ принялся опять гулять по избѣ тѣмъ тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ, какимъ ходятъ заключенные, привыкшіе двигаться на маленькомъ пространствѣ.

— Что-жъ: гора довольна, что Магометъ явился?—спросилъ, наконецъ, Негорскій.

Александровъ остановился и поднялъ брови.

— Согласись, что это прямо позорно, что два честныхъ человѣка, два товарища, загнанные на край свѣта, прекращаютъ сношенія, измѣняютъ дружбѣ только потому, что одинъ сказалъ то, а другой другое!.. — началъ мягко Негорскій. — Или ты нашелъ уже такое руководство, такой рецептъ, который точно и непреложно позволяетъ тебѣ отличить безусловную истину? Развѣ въ сущности мы не стремимся къ тому же? Такъ нѣтъ же: все должно быть по твоему, все должно походить точь въ точь на то, что исповѣдуешь ты?

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ ворчливо Александровъ.

— Но вѣдь не скажешь же ты, что не сердился на меня? Вѣдь ты двѣ слишкомъ недѣли не являлся ко мнѣ!

— Да, но и ты не являлся!

— Это другое дѣло. Я не ходилъ къ тебѣ и раньше. Такъ сложились обстоятельства. Ты самъ признавалъ, что у васъ невозможно поговорить по душѣ, что постоянно вертится здѣсь Мусья или Красусскій куетъ. Такъ сложилось, что ты ходилъ ко мнѣ. Когда ты не пришелъ подъ рядъ два дня, я понялъ, что не хочешь встрѣчаться со мною. А въ праздники? какъ ты со мною обращался? Честное слово, ты много нѣжнѣе былъ даже съ... Петровымъ.

Александровъ улыбнулся.

— Дѣйствительно, ты задѣлъ меня,—проговорилъ онъ неохотно. — Ты крайне рѣзокъ въ спорѣ. Бьешь словами, точно палкою. Но хуже всего, что ты извращаешь возраженіе оппонента, пользуешься его отдѣльными неудачными выраженіями, притворяешься, что не понимаешь противника

чтобы смутить его, между тѣмъ—всѣмъ ясно, что прекрасно понимаешь... Подчасъ это возмутительно... Я долго мирился съ этимъ, прощалъ тебѣ нехорошія выходки, подкупленный твоей горячностью и искренностью. Я предостерегалъ тебя, что это дурной способъ обращенія съ людьми, что ты не убѣждаешь ихъ, а отталкиваешь своей страстностью. Въ послѣдній разъ ты превзошелъ самого себя въ изступленіи...

По лицу Негорскаго прошла легкая судорога.

— Хорошо. Допустимъ, что я невозможенъ, но въ послѣдній-то разъ и ты... Вообще упрекать другъ друга намъ въ тотъ разъ не въ чемъ... Развѣ ты не сказалъ мнѣ, что я сознательно подтасовываю факты, что я беру въ доказательство изъ всякаго событія только то, что мнѣ удобно... А вѣдь если-бъ я даже поступалъ такъ, то я именно слѣдовалъ бы твоей теоріи: вѣдь нѣтъ объективной истины, вѣдь нѣтъ у человѣчества другихъ міровыхъ мѣрилъ, кромѣ личныхъ ощущеній...—защищался страстно Негорскій.

— Опять пошла метафизика!..—проворчалъ Александровъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, а впрочемъ... пусть будетъ метафизика. Я не за этимъ пришелъ къ тебѣ. Прости мнѣ, если я задѣлъ тебя. Дай руку!.. Ты мнѣ дорогъ, и ты это знаешь!. А теперь ты мнѣ нуженъ!..

Они обнялись.

— Врагъ насъ давитъ, а мы еще ссоримся, другъ другу подбавляемъ горя!.. Странная вещь человѣческая природа!—говорилъ Негорскій, беря подъ руку товарища и прогуливаясь съ нимъ по избѣ.

— Иногда и ссора пригодится. Сознайся, что, если-бъ не она, этотъ отчаянный проектъ побѣга не пришелъ бы тебѣ въ голову.

— Возможно. И раньше онъ мнѣ мерещился, но неясно. Въ эти двѣ недѣли меня страшно мучила тоска!.. Не съ кѣмъ было слова сказать. Ты ихъ знаешь: Самуилъ остроуменъ, но холоденъ, какъ джудржуйскій ландшафтъ, въ повседневныхъ сношеніяхъ часто не возможенъ. Онъ все скрытничаетъ, подстерегаетъ всякое слово, ко всякой мелочи придирается. Въ сущности, порядочный и честный человѣкъ, но... откровенничать съ нимъ я не люблю. Петровъ черезчуръ влюбленъ въ собственное краснорѣчіе, не любитъ и не умѣетъ слушать другихъ. Гликсбергъ склоненъ слушать только Петрова. Словомъ, не съ кѣмъ было душу отвести, не съ кѣмъ подѣлиться мыслями. Выйду на прогулку, взгляну на окрестности: снѣгъ, холодъ, туманъ... А вверху все та же непроглядная занавѣсь безконечной, безпросвѣтной ночи. Тишина, только собаки воютъ. Тьма, на-

зойливая, отвратительная, непобѣдимая тьма. И завтра, и послѣзавтра все то же самое... Ужасная, умопомрачительная тьма! Возвращаюсь съ прогулки домой, ничуть не освѣжившійся, такой же измученный и раздраженный, какъ и раньше... Тоска разъѣдаетъ мозгъ, отравляетъ кровь, сосетъ сердце, гонитъ прочь сонъ... грызетъ непрерывно, хуже лютаго звѣря!.. Довольно! Я не въ силахъ дольше терпѣть... Почему проектъ мой кажется тебѣ отчаяннымъ?

Александровъ на мгновеніе задумался, затѣмъ взялъ со стола свѣчу и повелъ друга въ сосѣднюю комнату за перегородку, гдѣ стояла его кровать, надъ которой висѣла такая же карта Сибири, какъ у Негорскаго.

— И я не разъ думалъ о побѣгѣ... Впрочемъ, послушай раньше, что сообщу тебѣ о твоемъ планѣ. Сознайся, что объ этихъ мѣстностяхъ, по которымъ пролегаетъ твой предполагаемый путь, ты ровно ничего не знаешь. На свѣдѣнія, почерпнутыя изъ карты, смѣшно опираться. Вѣдь извѣстно, что тамъ никто не былъ. Большинство мѣстоположеній горъ и рѣкъ назначено прямо наугадъ, приблизительно, по указаніямъ туземцевъ. О характерѣ дороги тоже знаемъ не больше. Значитъ, идти придется наобумъ, и приготовиться необходимо ко всякимъ неожиданностямъ. Приготовленія, самыя скромныя, стоятъ дорого, а мы бѣдны, очень бѣдны. Мы не можемъ мечтать о покупкѣ лошадей. Впрочемъ, это не мыслимо еще потому, что сразу обратило бы на насъ вниманіе. Но у насъ и безъ того нѣтъ средствъ даже на покупку оружія, провіанта, одежды, а все это нужно намъ хорошее, новое, лучшаго сорта. Изъ нашего содержанія мы не въ состояніи урѣзать уже ни копѣйки. Мы и безъ того голодаемъ. Пособіе разсчитано такъ, что при самой нищенской жизни мы наши мѣсячные „бюджеты“ заканчиваемъ обыкновенно съ дефицитомъ. Заработковъ нѣтъ. Не вижу источника, откуда мы могли бы добыть двадцать, даже десять рублей, а расходы на побѣгъ пахнутъ сотнями. Остается пойти въ тайгу прямо съ топоромъ за поясомъ и только!

— Значитъ, ты не согласенъ.

— Я этого не сказалъ. Наоборотъ. Только это ужъ будетъ не побѣгъ, это будетъ протестъ. Пойдемъ—и погибнемъ. За то обратимъ вниманіе политическихъ ссыльныхъ, брошенныхъ въ такія же, какъ наша, трущобы. Колеблющіеся или ослабѣвшіе товарищи услышатъ о нашемъ протестѣ, окрѣпнутъ, воспрянутъ духомъ, устыдятся...

— Или пуще оробѣютъ! – подумалъ Негорскій.—Хорошо,— сказалъ онъ громко, – меня, главнымъ образомъ, интересуетъ на этотъ разъ твое согласіе. Ты бѣги для протеста. Прекрасно!.. А мы побѣжимъ потому, что хотимъ убѣжать. Я глу-

боко вѣрю въ возможность успѣха. Не та́къ ужъ все худо какъ кажется. Ты только послушай...

Онъ подсѣлъ на кровать къ Александрову и, живо жестикулируя, сталъ ему доказывать. Александровъ, грузно нагнувшись, внимательно слушалъ.

— У насъ есть кой-какія вещи. Мы можемъ собрать ихъ и разыграть въ лотерею. Мусья прекрасно намъ это устроитъ..

— Ахъ, этотъ Мусья! Прежде всего необходимо убрать его самого изъ нашей юрты и держать все время по возможности дальше. Онъ все разболтаетъ.

— Хорошо. Будемъ его держать подальше, но уже... послѣ того, какъ онъ распродастъ наши билеты. Затѣмъ, какъ только мы окончательно рѣшимъ нашъ побѣгъ, я сейчасъ же напишу къ родственникамъ, чтобы они выслали на имя Таза нѣсколько сотъ рублей. Тазъ, тѣмъ временемъ, откроетъ намъ кредитъ. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ, и онъ почти согласился. Все нужное намъ для прожитья возьмемъ у него, даже лишнее возьмемъ. Чай, табакъ мы можемъ понемногу распродать. Такимъ образомъ, мы скопимъ немного денегъ. Затѣмъ постараемся еще сократить наши личные расходы. Перестанемъ, напримѣръ, ѣсть хлѣбъ, замѣнимъ его якутскимъ масломъ; бросимъ курить, переберемся всѣ въ одну юрту...

Онъ долго перечислялъ всѣ эти сбереженія, не пропуская мельчайшей подробности, благопріятствующей предпріятію. Это было удивительное кружево мечтаній и надеждъ до того тонкихъ и воздушныхъ, что достаточно было разорваться одной нити, чтобы все разстроилось. Александровъ часто покачивалъ головою, но молчалъ. Красусскій, который незамѣтно вошелъ въ юрту, остановился въ дверяхъ и глядѣлъ на нихъ съ улыбкой.

— Только ты, Матвѣй съ розгой, да ты, Матвѣй съ дубинкой, согласитесь оба!..—сказалъ онъ вдругъ по-польски стихъ Мицкевича.

— А!.. Ты пришелъ. Хорошо. Я повторю тебѣ все, къ чему мы пришли!—обратился къ нему Негорскій, поднимая голову.

Онъ пересказалъ юношѣ вкратцѣ возраженія Александрова и свои замѣчанія и отвѣты.

Красусскій добавилъ нѣсколько словъ отъ себя.

— Карту лучше нашей,—кажется, десятиверстную, — я видѣлъ у учителя. Ее можно достать. Отъ него также можно получить много свѣдѣній относительно дороги. Учительша ведетъ торговыя дѣла съ тамошними туземцами. Дѣти многихъ изъ нихъ обучаются въ городской школѣ. Учительская кухня всегда полна всякаго рода инородцевъ. Лотерею тоже

не трудно будетъ устроить при помощи учительши, которая очень къ намъ расположена.

— Даже къ *намъ*!.. — подчеркнулъ Негорскій, взглядывая изъ подлобья на Красусскаго.

— Ну, да! Оба они хорошіе люди: Онъ даже охотно посѣщалъ бы насъ, да боится исправника. Какъ-то онъ сознался мнѣ, что въ глубинѣ души онъ соціалистъ...—разсмѣялся юноша.—Пойду къ нимъ завтра и выспрошу койчто осторожно. Распродажу билетовъ тоже беру на свою отвѣтственность. Поговорю объ этомъ съ учительшей и съ Мусьей...

Въ концѣ юноша добавилъ, что изъ его вещей, кромѣ часовъ, годятся для розыгрыша также охотничьи сапоги съ голенищами и „совсѣмъ еще порядочная“ куртка. Онъ выразилъ при этомъ сомнѣніе, выгодно ли будетъ уйти изъ юрты Негорскаго ради нѣсколькихъ рублей сбереженія.

Она стоитъ на краю города, примыкаетъ къ кустамъ и къ озеру, оттуда удобнѣе всего отправлять за городъ вещи и выводить лошадей. По его мнѣнію, тамъ слѣдовало бы устроить мастерскую, а сухари и мясо сушить въ юртѣ Александрова. Сюда придется никого не пускать; теперь этого нельзя сдѣлать, такъ какъ, пока въ юртѣ Александрова мастерская, нельзя запретить ходить въ нее людямъ, не возбуждая подозрѣній.

Они рѣшили попросить Мусью поискать себѣ квартиру; на его мѣсто къ Александрову долженъ былъ перейти Негорскій, а Красусскій переселялся въ юрту Негорскаго и переносилъ туда свою мастерскую. Въ то же время они постановили съ завтрашняго же дня начать собирать свѣдѣнія, искать денегъ и лошадей... одну лошадь, двѣ лошади, трехъ лошадей... сколько возможно... Затѣмъ рѣшили исподволь пріучать жителей Джурджуя и его властей къ своимъ отлучкамъ за городъ, на охоту и подальше въ окрестности...

— Дѣйствительно. Мы сидѣли дома, точно сычи...—замѣтилъ Негорскій.

— Не зачѣмъ было! Главное—осторожность!.. Говорить самое необходимое, и только тѣмъ, которые участвуютъ въ дѣлѣ...—замѣтилъ Александровъ.

— Всѣ конспиративные разговоры съ „вѣрными человѣками“ ведутъ, въ концѣ концовъ, къ проваламъ и только. Люди невольно выдаютъ себя намеками, недомолвками, замѣчаніями, повидимому, невинными и понятными только имъ. Ненавижу всѣ эти шептанія знаки конспиративные, условности, ненавижу конспирацію... Поэтому я радъ, что Петровъ и Гликсбергъ не участвуютъ... Опасаюсь я также твоей

учительши... Объ этой бабѣ разное толкуютъ, и не все хорошее...—обратился онъ къ Красусскому.

— И я тоже... опасаюсь! — сказалъ значительно Негорскій.—Красусскій покраснѣлъ до ушей, насупился и ушелъ вглубь квартиры.

— Нельзя улыбнуться, сейчасъ сплетни. Правда, учительша хороша собой, но что изъ этого! Я посѣщаю ихъ, потому что они меня любятъ, а любятъ они меня за веселость... Негорскій думаетъ, что только ссыльнымъ скучно и тоскливо въ Джурджуѣ!..

Непріятно было Негорскому возвращаться въ тотъ вечеръ въ свою пустую юрту, но дѣлать было нечего. Александровъ ложился рано и рано вставалъ по утру. Подъ конецъ онъ, сонный, вялый, не отвѣчалъ на вопросы и, казалось, мало вникалъ въ то, что ему говорилось. Красусскій спалъ, не раздѣвшись, на кровати. Въ довершеніе явился Мусья, помѣшалъ занимавшему ихъ разговору и сталъ разсказывать городскіе сплетни и слухи. Негорскій ушелъ, возбужденный и разстроенный. Когда онъ подходилъ къ своей юртѣ, мимо него въ морозномъ туманѣ промелькнула размашистая, косматая фигура.

— Воронинъ, это ты?!

— Это ты Негорскій!.. Прекрасно... Тебя-то и ищу!..

— Что случилось? Мчишься и сопишь, точно пароходъ! А можетъ быть, только такъ... поболтать!

Воронинъ долго размышлялъ.

— Нѣтъ!.. Въ сущности, ничего не случилось... Но, напримѣръ, что бы ты сказалъ, если бы... воздушный шаръ, а?

— Воздушный шаръ?! Прелесть!.. Но войдемъ въ юрту, а то холодно.

— Оболочку, вмѣсто китайки, мы бы могли сшить изъ ситцу, насыщеннаго непромокаемымъ растворомъ, водянымъ стекломъ или мыломъ, обработаннымъ квасцами... Свѣтильный газъ можно получить, перегоняя древесный уголь въ жестяныхъ коробкахъ. Я говорилъ уже объ этомъ съ Красусскимъ, и онъ не видитъ неодолимыхъ препятствій. Вѣдь намъ нѣтъ нужды высоко подыматься. Лишь бы только немного выше лѣсу... А вѣдь какъ славно полетѣли бы мы, неправда ли?! То-то джурджуйскіе обыватели открыли бы рты!.. Понеслись бы мы?!. Что?!. Понеслись!..

— Ой, ой!.. И какъ еще полетѣли бы!..—весело подхватилъ Негорскій.

Друзья вошли въ юрту, и долго въ эту ночь блестѣлъ у нихъ свѣтъ въ окнѣ.

В. Сѣршевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

Дома.

I.

Въ послѣдній день августа 1861 г., поутру, я зашелъ зачѣмъ-то въ книжную лавку Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ. Я стоялъ у прилавка и перелистывалъ какую-то книгу. Въ это время туда явился, гремя саблей, приземистый жандармскій офицеръ въ шинели,—судя по апломбу и по немолодой корявой рожѣ, уже въ штабскихъ чинахъ. Онъ обратился къ стоявшему около меня приказчику съ вопросомъ, гдѣ тутъ живетъ управляющій домомъ. Приказчикъ сказалъ, что въ глубинѣ двора, и прибавилъ, что можно пройти черезъ магазинъ. Жандармъ попросилъ провести его и пошелъ вслѣдъ за приказчикомъ.

Другой приказчикъ, на другой сторонѣ лавки, старый мой пріятель, Василій Яковлевичъ Лаврецовъ, пришелъ въ неописанное волненіе отъ этого неожиданнаго визита.

— Да вѣдь это Ракѣевъ!—кричалъ онъ мнѣ.—Ракѣевъ вѣдь!

— Какой Ракѣевъ?—спросилъ я.

— Вы Ракѣева не знаете? Ракѣева?—восклицалъ Лаврецовъ.— Вѣдь это онъ меня въ Третье Отдѣленіе бралъ.

Лаврецовъ былъ довольно долго библіотекаремъ въ публичной библіотекѣ Крашенинникова (бывшей Смирдинской), на Михайловской площади, и я тамъ съ нимъ познакомился. Его знаніе своего дѣла, симпатичный характеръ, страсть къ чтенію и большая любознательность сблизили его скоро со многими молодыми людьми, посѣщавшими библіотеку для своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій. Какъ бѣдный мѣщанинъ, Лаврецовъ не получилъ никакого образованія, и обязанъ былъ всѣмъ себѣ. Въ 1857, кажется, году онъ былъ арестованъ за то, что выдавалъ для чтенія абонентамъ библіотеки нѣсколько лондонскихъ русскихъ изданій, собрать которыя стоило ему большого труда. Его продержали нѣсколько времени въ Тайной канцеляріи и затѣмъ отправили изъ Петербурга въ Вятку, подъ надзоръ полиціи. Правительство тогда еще

либеральничало, вертя передъ публикой радужную призму будущихъ реформъ и воображая, что можетъ держаться однимъ краснорѣчіемъ, не купая рукъ въ крови *). Лаврецова вскорѣ возвратили, и онъ поступилъ приказчикомъ въ книжный магазинъ Кожанчикова.

— Онъ это! Онъ!—продолжалъ Лаврецовъ волноваться. — Ракѣевъ! Его лицо. Я его хорошо помню,—не ошибусь. — Это вѣдь Ракѣевъ былъ?—обратился онъ къ возвратившемуся приказчику.— Зачѣмъ онъ?

Я вскорѣ ушелъ и, конечно, забылъ бы объ этой встрѣчѣ, если бы о ней не напомнило мнѣ очень ясно слѣдующее утро.

II.

Въ это утро, то есть 1-го сентября, когда только что начинало свѣтать, меня разбудили торопливые шаги горничной мимо моей спальни къ двери прихожей.

— Что такое?—спросилъ я.

— Къ вамъ кто-то; того и гляди, колокольчикъ оборвутъ.

Тутъ и мнѣ послышался звонокъ, который надо было рвать слишкомъ сильно, чтобы у меня было его слышно.

Въ отворяемой двери прихожей загремѣли сабли, и около двери спальни тотчасъ же показалась высокая фигура полковника съ краснымъ воротникомъ. Слегка притворяя дверь, онъ произнесъ:

— Потрудитесь одѣться, m-r Михайловъ. Мы обождемъ.

Лицо этого господина мнѣ было нѣсколько знакомо; но я не сразу вспомнилъ, гдѣ я его видалъ.

Цѣль, съ которой онъ прибылъ, для меня тотчасъ объяснилась, когда изъ-за него выглянулъ голубой мундиръ и исковыренное лицо вчерашняго полковника. Съ ними былъ еще квартальный, длинный, испитой и блѣдный.

Когда я набросилъ халатъ и вышелъ въ кабинетъ, ранніе гости отрекомендовались мнѣ:

— Полковникъ Золотницкій.

— Полковникъ Ракѣевъ.

Первый, полицеймейстеръ званіемъ, объявилъ мнѣ съ должными извиненіями, что они имѣютъ порученіе произвести у меня *маленькій* обыскъ.

Затѣмъ онъ спросилъ, гдѣ кончается моя квартира, и затворилъ дверь кабинета въ половину Шелгуновыхъ.

— Вы, какъ имѣется свѣдѣніе, привезли что-то недозволенное

---

*) Около того же времени, помнится, въ газетахъ было напечатано, что кто-то (кажется, Мухинъ по фамиліи) читалъ въ одномъ трактирѣ въ Петербургѣ „*Колоколъ*" и былъ за это *только* сосланъ подъ полицейскій надзоръ въ Петрозаводскъ или куда-то въ другое мѣсто на сѣверъ. Теперь за это шлютъ уже въ каторгу.

изъ-за границы,—объяснилъ Золотницкій. — Позвольте посмотрѣть ваши бумаги, книги.

Жандармскій усѣлся за мой письменный столъ, спросилъ, нѣтъ ли у меня въ немъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, и сталъ выдвигать ящики, вынимать бумаги, письма и проч.

— Это что-съ?

— Это семейныя письма.

— Это мы не станемъ смотрѣть.

— А это-съ?

— Это корректуры журнальныхъ статей.

— Все больше по литературной части?

— Да.

— Какой у васъ порядокъ во всемъ! Пріятно видѣть.

Онъ, можетъ быть, хотѣлъ сказать: «пріятно производить обыскъ».

Иное онъ клалъ назадъ, въ ящики,—другое оставлялъ на столѣ. Полицеймейстеръ тоже бралъ какую-нибудь бумагу или тетрадь, и опять опускалъ на столъ, говоря: «Что-же? Тутъ ничего такого».

— А вотъ нѣтъ ли у васъ какихъ запрещенныхъ книгъ? обратился онъ ко мнѣ:—или *Колокола*, напримѣръ? Я уже давненько его не читалъ. Вы, вѣрно, привезли послѣдніе номерки. Интересно бы прочесть.

Между прочимъ, имъ попался мой заграничный паспортъ.

— Это мы отложимъ. Какъ же вы это его не представили? Вѣдь слѣдовало по пріѣздѣ тотчасъ предъявить въ канцелярію генералъ-губернатора.

Этого вовсе не слѣдовало; но слѣдовало, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ адресъ мой былъ записанъ въ кварталѣ, — а этого дворникъ не сдѣлалъ, хотя я воротился уже больше мѣсяца.

По этому поводу Золотницкій сообщилъ мнѣ, что меня очень долго искали, не зная, гдѣ справиться объ адресѣ. Заграничный паспортъ и аттестатъ мой объ отставкѣ, служившій мнѣ видомъ на жительство, онъ отложилъ, чтобы взять съ собой.

Въ столѣ и въ бумагахъ ничего не оказалось. Да притомъ полковники, кажется, и сами не знали, чего ищутъ.

— Да нѣтъ ли у васъ чего?—стали они приставать ко мнѣ.— Вотъ изъ книгъ-то, изъ книгъ-то. Вы ужъ лучше скажите!

Обиліе книгъ, повидимому, смущало ихъ.

— Да какихъ же вамъ запрещенныхъ книгъ? Вотъ смотрите!— Ну, вотъ Прудонъ былъ прежде запрещенъ, Луи-Бланъ. А теперь не знаю. Да и у кого же нѣтъ такихъ книгъ?

— На французскомъ?

— Да.

— Нѣтъ-съ, это что! Вотъ на русскомъ бы чего-нибудь.

Мнѣ такъ надоѣли эти господа, что я готовъ былъ сунуть имъ что-нибудь, чтобы они только уѣхали поскорѣе. Имъ же, кажется, не хотѣлось уѣзжать съ пустыми руками.

— Ну, вотъ Пушкина есть берлинское изданіе,—сказалъ я, снимая съ полки книгу.

— Что же Пушкинъ! помилуйте!—воскликнулъ Ракѣевъ, глядя на меня своими маленькими свѣтло-сѣрыми зрачками, которые почти сливались съ раскраснѣвшимися воспаленными бѣлками.

Я замѣтилъ потомъ, что эти воспаленные бѣлки одно изъ характеристическихъ отличій жандармскихъ лицъ. Не оттого ли, что ихъ часто будятъ по ночамъ?

— Пушкинъ! — продолжалъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ Ракѣевъ.— Это, можно сказать, великій былъ поэтъ! Честь Россіи!.. Да-съ, не скоро, я думаю, дождемся мы второго Пушкина. Какъ ваше мнѣніе?

Онъ задвигалъ какъ-то особенно нелѣпо своими колючими подстриженными усами, и заговорилъ почти трогательно:

— А знаете-съ? Вѣдь и я попаду въ исторію! Да-съ, попаду! Вѣдь я-съ препровождалъ... назначенъ былъ шефомъ нашимъ препроводить тѣло Пушкина. Одинъ я, можно сказать, и хоронилъ его. Человѣкъ у него былъ,—Осипомъ, кажется, или Семеномъ звали... Что за преданный былъ слуга! Смотрѣть даже было больно, какъ убивался. Привязанъ былъ къ покойнику, очень привязанъ. Не отходилъ почти отъ гроба; не ѣстъ, не пьетъ... Да-съ, великій былъ поэтъ Пушкинъ, великій!

И Ракѣевъ вздохнулъ.

Полицеймейстеръ перелистывалъ, между тѣмъ, взятую книжку и съ нѣкоторою любовью остановился на отрывкахъ изъ *Гавриліады*.

— Да вѣдь тутъ,—обратился онъ къ жандармскому, называя его по имени и по отчеству:—тутъ все запрещенные стихи Пушкина. Это надо, я думаю, взять.

— А! если такъ,—воскликнулъ съ явнымъ удовольствіемъ жандармскій:—отложите! Да нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь въ этомъ родѣ?—обратился онъ ко мнѣ.

Золотницкій подошелъ къ одному изъ шкафовъ и тупо читалъ заглавія книгъ.

— Это вотъ-съ что такое?—спросилъ онъ.—О революціи, кажется?

— Да, *Французская революція* Карлейля.

— А! Ну это ничего!—Да ужъ, вѣрно, у васъ есть что-нибудь изъ русскаго, заграничнаго.

И онъ началъ придвигать книги къ задней стѣнѣ, къ которой онѣ были поставлены не вплоть,—и какъ разъ тотъ рядъ, гдѣ было нѣсколько лондонскихъ изданій.

Я начиналъ ужъ терять терпѣніе.

— Ну, вотъ вамъ брошюрка!—сказалъ я:—она, можетъ быть, и запрещенная. Въ Лондонѣ печатана.

Это были рѣчи международнаго революціоннаго комитета, изданныя подъ заглавіемъ: *Народный Сходъ*.

— А! вотъ-съ, вотъ-съ!

И полицеймейстеръ передалъ ее жандармскому.

— Отложимъ, отложимъ,—произнесъ Ракѣевъ.

Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ одному шкафу, поглядѣлъ на книги, подвигалъ ихъ, къ другому, къ третьему. Наконецъ, и онъ, и Золотницкій подошли къ столу между окнами и стали раскрывать и закрывать коробки съ бумагами.

Золотницкій взялъ лежавшій на столѣ альбомъ и готовъ было раскрыть его, но въ то же время разсматривалъ портретъ Герцена въ простѣнкѣ, разбирая подъ нимъ факсимиле.

Я очень опасался, чтобы онъ не сталъ разсматривать альбомъ и не наткнулся въ немъ на подписи Огарева и Герцена: тогда, альбомъ, прощай! Я рѣшился пожертвовать портретомъ, чтобы не лишиться альбома.

— Это вѣдь Герцена портретъ,—объяснилъ я.

Ни полицеймейстеръ, ни жандармскій, должно быть, никогда не видали его портрета, и, снявши, принялись разсматривать съ великимъ вниманіемъ. Маневръ мой былъ удаченъ относительно альбома; его отложили въ сторону и совсѣмъ забыли.

— Это надо взять, непремѣнно надо взять,—сказали оба почти въ одинъ голосъ.

— Какъ же вы это такъ на виду его держали?—съ укоризной замѣтилъ Золотницкій.

— А это кто?

Онъ указалъ на другой портретъ.

— Это Гейне.

— Ну, это другое дѣло. Это вѣдь, кажется, нѣмецкій сочинитель?

— Да.

Квартальный все это время стоялъ, держась за спинку креселъ около дивана, и молчалъ. Только на предложеніе мое выкурить папироску, отвѣчалъ, что не можетъ, потому что боленъ, вчера былъ съ вечера въ банѣ, думалъ—все пройдетъ, да только хуже разломило всего; а тутъ еще и соснуть не удалось.

— Ну-съ, я думаю, и актъ можно составить?—замѣтилъ жандармскій, овладѣвъ портретомъ.—Нѣтъ ли у васъ чемодановъ, сундуковъ?

— Нѣтъ.

Полицеймейстеръ пошелъ въ спальню, отворилъ столикъ около постели, заглянулъ туда, взглянулъ на стѣны и воротился въ кабинетъ.

— Я думаю, можно ужъ и актъ составить?—повторилъ жандармскій.

Но полицеймейстеръ снова, чуть не въ десятый разъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли у меня еще чего.

Вообще, этотъ идіотъ съ оловянными глазами, какимъ-то не-

лѣпымъ завиткомъ на лбу и конусообразной головой, при томъ съ развязными гвардейскими манерами, казался мнѣ вдесятеро гаже жандармскаго.

— Садитесь, — обратился Ракѣевъ къ квартальному. — Вы знаете, какъ пишутся акты?

— Знаю-съ.

Квартальный сѣлъ и принялся выводить писарскимъ почеркомъ:

«Сентября 1-го дня сего 1861 года, прибывъ по приказанію высшаго начальства» и такъ далѣе.

Ракѣевъ диктовалъ, повторяя фразы раза по два, чтобы слогъ вышелъ лучше.

— Какъ-съ вы эти французскія-то книги назвали?—спросилъ онъ меня.—Это, я думаю, тоже записать не лишнее?—обратился онъ къ Золотницкому.—Имѣютъ ли они право ихъ держать?

— Да, записать! записать!—подтвердилъ Золотницкій, граціозно раскачиваясь на ногахъ.

— Такъ какъ же-съ вы ихъ назвали?—спросилъ меня Ракѣевъ.

— Луи-Бланъ, Прудонъ.

— «При обыскѣ найдены сочиненія Луи-Блана и Прудона на французскомъ языкѣ»,—диктовалъ онъ.

Съ заботами о слогѣ диктовка длилась не меньше получаса. Весь же обыскъ продолжался, навѣрное, часа два слишкомъ.

Наконецъ, полковники подписали актъ и попросили расписаться меня, потомъ завернули двѣ книжки и портретъ, запечатали моей и своими печатями и, къ великому удовольствію моему, удалились съ прежнимъ грохотомъ сабель. При прощаньи были, разумѣется, разныя извиненія, что обезпокоили.

Эта деликатность была особенно некстати послѣ того, какъ эти незваные гости, заслышавъ въ другой комнатѣ стукъ чашекъ и ложекъ, напрашивались тонкимъ образомъ на чай,—именно замѣчали, что на дворѣ холодно и что они не успѣли еще въ это утро напиться чаю. Они, видно, вовсе не считали своего посѣщенія непріятнымъ для меня. Я, однако жъ, остался глухъ къ ихъ намекамъ.

На сверткѣ съ портретомъ и книгами они попросили меня написать, что эти вещи дѣйствительно взяты у меня. Я написалъ. Имъ, конечно, нуженъ былъ мой автографъ.

III.

Почти вслѣдъ за отъѣздомъ двухъ полковниковъ я отправился къ Цѣпному мосту, въ Третье Отдѣленіе, чтобы узнать отъ Шувалова о причинѣ обыска.

Въ пріемной меня встрѣтилъ Золотницкій, только что вышедшій изъ кабинета, и очень удивился моему пріѣзду.

— Зачѣмъ вы? Вѣдь ничего у васъ не нашли, — говорилъ онъ мнѣ.—Развѣ васъ призвали сюда?

— Нѣтъ.

— Такъ уѣзжайте лучше. Что вамъ тутъ съ нимъ разговаривать?

Я, однако-жъ, остался.

Шуваловъ, выйдя, пригласилъ меня въ кабинетъ,—тотъ самый кабинетъ, гдѣ мнѣ послѣ того случилось быть еще не одинъ разъ,—и спросилъ о причинѣ моего пріѣзда къ нему. Я въ свою очередь спросилъ о причинѣ бывшаго у меня непріятнаго посѣщенія. Онъ немного замялся. Я сказалъ, что, кажется, къ этому не было съ моей стороны никакого повода.

— Развѣ только мой образъ мыслей кому-нибудь не понравился? прибавилъ я.

— Помилуйте,—возразилъ на это Шуваловъ.—Дѣло не въ образѣ мыслей. Я самъ человѣкъ либеральный.

Слышать такое золотое изреченіе отъ шпіона en chef и не засмѣяться—стоило мнѣ нѣкотораго усилія.

Видя, однако-жъ, что я не уйду безъ объясненія, Шуваловъ сказалъ мнѣ, что на меня есть подозрѣніе по дѣлу московскихъ студентовъ, у которыхъ открыта тайная типографія и литографія; но что, такъ какъ дѣло это передано изъ III-го отдѣленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то я оттуда получу на дняхъ вопросные пункты.

— Вы вѣдь никуда не собираетесь ѣхать изъ Петербурга?

— Никуда.

IV.

Вѣсть о московскихъ студентахъ немного удивила меня. Я зналъ, что съ ихъ стороны не можетъ быть на меня ничего, кромѣ голословныхъ показаній. Только на другой день, на сходкѣ у Николая Курочкина по поводу шахматнаго клуба узналъ я объ арестѣ Всеволода Костомарова. Но и тутъ мнѣ въ голову не приходило, чтобы Третье Отдѣленіе могло что-нибудь знать о воззваніи «Къ молодому поколѣнію». Въ этотъ именно вечеръ оно было распространено по Петербургу. Между тѣмъ, какъ потомъ оказалось, Костомаровъ успѣлъ уже объяснить Шувалову все, что зналъ о прокламаціи и что даже только подозрѣвалъ. Собственно, зналъ-то онъ не много. У меня искали именно ее.

Послѣ того, какъ прокламація распространилась, старанія найти ея источникъ были, разумѣется, удвоены. За мной, вѣроятно, слѣдили, и особенно старался въ Петербургѣ и въ Москвѣ частный приставъ Путилинъ. Этотъ усердный молодой человѣкъ, какъ я узналъ потомъ въ Тайной Канцеляріи, былъ тамъ правой рукой.

Какъ же было и не поусердствовать какому-нибудь частному,

когда агентами шпіонскаго отдѣленія съ величайшей готовностью согласились быть и особы въ генеральскихъ чинахъ, не имѣющія надобности хлопотать о Владимірѣ въ петлицу, и при томъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства? Я помню, какъ удивила меня записка отъ цензурнаго глухаря, барона Медема, о томъ, не я ли доставилъ къ нему какую то небывалую статью о бельгійской конституціи. Курьеръ ждалъ отъ меня тотчасъ же отвѣта, точно дѣло шло о пожарѣ или наводненіи. Мою записку я видѣлъ потомъ въ III-мъ отдѣленіи. Ее сличали съ двумя рукописями, взятыми у Костомарова (вѣрнѣе—представленными имъ), и нашли, что я писалъ то, чего никогда не писалъ.

V.

Я дѣлалъ разныя предположенія, прежде чѣмъ меня арестовали; но мнѣ ни разу не пришло въ голову, что Костомаровъ—подлецъ. (Уже потомъ я слышалъ, что одинъ близкій къ III-му отдѣленію человѣкъ говорилъ одному литератору: «Хороши ваши литераторы! Сваливаютъ другъ на друга». Это относилось именно къ Костомарову).

Кажется, дня черезъ четыре послѣ бывшаго у меня обыска, заѣхалъ ко мнѣ Г., никогда прежде у меня не бывавшій, чтобы сказать, что хотятъ сдѣлать обыскъ въ какой-то деревнѣ, тогда какъ у меня никакой деревни нѣтъ и я никуда не ѣздилъ изъ Петербурга. Откуда могли идти такія вѣсти? Тотъ же Г. говорилъ, что въ III отдѣленіи убѣждены, что подозрѣнія на меня вполнѣ основательны и что у нихъ есть мои рукописи, компрометтирующія меня.

Всѣ эти глухіе слухи не просвѣтили меня, къ несчастію, относительно Костомарова, и я продолжалъ относить всю вину на человѣка, который былъ нисколько въ этомъ не виноватъ, да и быть то виноватымъ не могъ. Мнѣ совѣстно думать теперь объ этомъ подозрѣніи.

А между тѣмъ, Костомаровъ въ послѣдній пріѣздъ свой изъ Москвы, произвелъ на меня далеко не такое пріятное впечатлѣніе, какъ прежде. Я въ этотъ разъ убѣдился, что онъ любитъ лгать, и, когда онъ мнѣ разсказывалъ, что братъ грозитъ ему доносомъ, не вѣрилъ ему и потому слушалъ его довольно хладнокровно. Я думаю, что все это вздоръ, и никакой братъ не думалъ на него доносить; но если это была даже правда, отчего онъ не постарался уничтожить улики?

Я припоминаю теперь еще одно обстоятельство, которому, впрочемъ, не хочу придавать важности. Упомяну о немъ только потому, что оно не разъ приходило мнѣ на умъ въ продолженіе слѣдствія надо мной. Извѣстно, какъ часто жаловался Костомаровъ на свою бѣдность, на то, что литература не даетъ денегъ, что жур-

налисты не платятъ, и пр. Именно въ послѣднее свое свиданіе со мною онъ говорилъ, что, если такъ будетъ продолжаться, онъ поступитъ въ жандармы. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ бы это во вкусѣ Конрада Валенрода и говорилъ, шутя; но слова его чрезвычайно непріятно подѣйствовали на меня.

О Костомаровѣ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Какъ бы то ни было, я вовсе не подозрѣвалъ, что дѣло идетъ именно о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Если я принялъ кой-какія предосторожности, уничтожилъ разныя письма и бумаги, и пр., то лишь потому, что думалъ, подозрѣніе можетъ пасть на меня по какому-нибудь новому поводу.

Меня мало тревожили и слухи о томъ, что меня арестуютъ, распространявшіеся не разъ по городу... Такъ, пріѣзжала Б. и предлогала спрятать меня въ своей квартирѣ и потомъ выпроводить за границу.

Второй обыскъ нагрянулъ совсѣмъ неожиданно. Свѣдѣнія были собраны уже довольно обстоятельныя, и можно было явиться ко мнѣ съ двойнымъ трезвономъ и съ большею наглостью.

VI.

Утро 14-го сентября было такъ богато разными наглыми и возмутительными подробностями, что его нельзя забыть. И при всемъ этомъ извѣстная деликатность обращенія! Неделикатенъ развѣ былъ только звонокъ, которымъ можно бы на смерть испугать больного. А все остальное (даже призывъ въ спальню Л. П. Шелгуновой, для присутствія при одѣваніи, бабы Аграфены) было такъ все свѣтски и гвардейски вѣжливо. Черту неделикатности выказалъ, правда, также одинъ изъ свидѣтелей или понятыхъ,— тотъ, что былъ одержимъ глухотой и облеченъ въ зеленый сюртукъ съ гербовыми пуговицами. Онъ садился все въ разныхъ мѣстахъ, и, гдѣ ни сядетъ, непремѣнно возьметъ со стола бумагу какую-нибудь или письмо и примется читать. Но вѣдь это даже нельзя и, неделикатностью назвать. Просто глупость. При томъ же, какъ только я сказалъ, что это мнѣ не нравится, гвардейскіе любезники его тотчасъ остановили. Благодушный полковникъ Щербацкій наклонилъ также свою мягкую физіономію къ моимъ письмамъ, и тоже не безъ любопытства почитывалъ ихъ. Но вѣдь это было полнымъ его правомъ. А какая тонкость въ обращеніи жандармскаго полковника Житкова! («Вы *твердо* изволите писать, или *добро* въ вашей фамиліи?» спрашивалъ его тотъ же квартальный, на этотъ разъ уже здоровый, выписывая начало акта.—«*Те... жит...*, а не *жид...*» отвѣчалъ полковникъ). У него бѣлки были тоже красные, всѣ въ напряженныхъ жилахъ. Но какъ ласково онъ смотрѣлъ! Какъ мило улыбался! Наибольшую серьезность хра-

нилъ черный сыщикъ Путилинъ, показавшійся всѣмъ намъ особенно загадочнымъ лицомъ. Но и онъ раза два улыбнулся, и голосъ у него былъ такой мягкій. Его глаза съ черными масляными зрачками и какою-то синеватою тѣнью подъ вѣками и на бѣлкахъ я готовъ бы признать такими же характерными для шпіона, какъ красные для жандарма; но не слишкомъ ли ужъ это будетъ? А именно точь въ точь такіе глаза и такой же видъ, почему-то напоминающій воронъ, былъ и у слѣдователя, который трудился выклевывать у меня признаніе въ Тайной Канцеляріи.

Воспоминаніе объ этомъ гнусномъ утрѣ до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ желчь. Эта куча народу (вѣдь однихъ солдатъ жандармскихъ и полицейскихъ было человѣкъ 10, не считая бабы и четырехъ высшихъ шпіоновъ, расхаживавшихъ съ двумя понятыми по всѣмъ комнатамъ), эти поганые глаза, осквернившіе своимъ взглядомъ столько чистыхъ страницъ, эти дрянныя воровскія руки, готовыя пачкать все своимъ прикосновеніемъ, это расхаживанье изъ комнаты въ комнату и собачье обнюхиванье всего, эта наглость, сопровождаемая или предшествуемая извиненіями, наконецъ, самая продолжительность этой пытки, тянувшейся съ пяти часовъ утра чуть не до часу пополудни,—у меня теперь отъ одного того, что я припомнилъ ихъ, сохнетъ во рту, какъ сохло въ то утро.

До сихъ поръ не могу я объяснить себѣ одного факта. Когда жандармскій сидѣлъ въ гостиной, пересматривая письма ко мнѣ Л. П. Шелгуновой, а Щербацкій занимался сниманіемъ съ полокъ и перелистываніемъ книгъ у меня въ кабинетѣ, Путилинъ, притворивъ дверь въ прихожей, шептался съ высокой, красивой и молодой дамой, къ которой его вызвали. Этой дамѣ онъ, кажется, что-то передавалъ и чуть ли она не два раза тутъ была. Я пріотворилъ дверь и смотрѣлъ на нихъ; но ничего не слыхалъ. Я тутъ же спросилъ Путилина, что это значитъ. Онъ глухо отвѣчалъ, что это къ нему, по постороннему дѣлу. Я потомъ очень хорошо узналъ эту даму во дворѣ III отдѣленія. Она не разъ проходила тамъ.

VII.

Уже судя по продолжительности и по тщательности обыска (при которомъ всетаки ничего особеннаго не найдено), можно было догадаться, что меня не оставятъ дома. Если бы имъ вздумалось тутъ же читать груду бумагъ и писемъ, безъ толку набранныхъ у меня и у Шелгунова, имъ пришлось бы тутъ гостить дня два. Когда короба съ бумагами были запечатаны и въ домѣ ничего не осталось не обшареннаго, даже до чердака, полковникъ Житковъ, предпославъ приличное извиненіе, объявилъ мнѣ, что «принужденъ пригласить меня съ собой».

Я только что умылся и принялся одѣваться въ спальнѣ, какъ

ко мнѣ вошелъ жандармскій и конфиденціально спросилъ, какъ же я оставлю свои вещи и нужно ли ихъ опечатать и передать кому-либо.

Я сказалъ, что пусть онѣ остаются, какъ есть, у Шелгунова на рукахъ, безъ всякаго опечатанія.

— Я долженъ, однако же, васъ предупредить,—сказалъ онъ еще конфиденціальнѣе:—что и *они* (онъ кивнулъ на кабинетъ), можетъ быть, должны будутъ быть удалены изъ квартиры. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, какъ бы соображая:—покамѣстъ можно будетъ оставить. Теперь вы поѣдете только одни.

— Вы, вѣроятно, часа черезъ полтора узнаете о нихъ сказалъ онъ Л. П. Шелгуновой.

Это было сказано съ цѣлью, именно для меня, и я слишкомъ поздно догадался, съ какою.

Я былъ сильно встревоженъ, когда мнѣ пришлось прощаться со всѣми. У меня точно было уже предчувствіе, что дѣло разыграется именно такъ глупо, какъ оно разыгралось. Преслѣдованіе было слишкомъ нагло, и мнѣ поневолѣ думалось, что оно не можетъ же основываться на какихъ-нибудь пустякахъ.

Уже сходя съ лѣстницы, я былъ какъ будто охваченъ всѣми тѣми мыслями, которыя потомъ все росли и давили меня въ Тайной Канцеляріи. Я простился внизу съ Николаемъ Васильевичемъ *) и Веней, но подумалъ взглянуть на верхъ, на окна нашей квартиры, только ужъ тогда, какъ карета отъѣхала отъ воротъ.

VIII.

На передней лавкѣ кареты помѣстили коробки съ бумагами и чемоданъ мой съ бѣльемъ и съ кой-какими книгами, взятыми мною на время ареста. Рядомъ со мною сидѣлъ жандармскій въ шинели.

Мнѣ смутно помнится, что утро было яркое и не холодное и слышался церковный звонъ (былъ праздникъ Воздвиженья). Близь нашихъ воротъ, у сосѣдняго дома, на углу, у гимназіи, стояло немало народа, явно привлеченнаго жандармами, въ воротахъ и у воротъ.

Это любопытство не понравилось моему полковнику.

— Я всегда говорю,—замѣтилъ онъ:—что обыски гораздо лучше дѣлать по ночамъ, какъ прежде дѣлали. А этакъ поутру—непремѣнно наберутся любопытные.

Мы, сколько помнится, ѣхали по Б.-Морской, потомъ, кажется, по Милліонной, къ Лѣтнему саду.

Житковъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, можетъ быть, съ

*) Шелгуновымъ.

цѣлью, а, можетъ быть, и такъ, именно: давно ли я вернулся изъ-заграницы, долго ли тамъ проѣздилъ и гдѣ жилъ?

Я чувствовалъ такую сухость и горечь во рту, что мнѣ не хотѣлось и слова сказать. Было какъ разъ время завтрака, а я утромъ выпилъ только стаканъ чаю безъ хлѣба Я сказалъ, что поѣздка въ III отдѣленіе не дала мнѣ и позавтракать.

— Какъ жаль, что теперь не вечеръ,—замѣтилъ на это Житковъ.—А то мы могли бы заѣхать съ вами въ какой-нибудь ресторанъ и закусить.

Дѣйствительно жаль. Какое было бы прекрасное препровожденіе времени!

— Впрочемъ, вы можете спросить, чего вамъ угодно и *тамъ*.

Это *тамъ* было почти уже *здѣсь*.

Мы переѣхали Цѣпной мостъ; но опытный извозчикъ не повернулъ по набережной, гдѣ мнѣ было извѣстно крыльцо Тайной Канцеляріи, а поѣхалъ въ Пантелеймоновскую (кажется, такъ) улицу и въ концѣ ея повернулъ направо въ ворота, въ которыхъ стояли жандармы.

— Вы посидите покамѣстъ въ каретѣ,—проговорилъ Житковъ, выскакивая—Я сейчасъ.

И точно, минуты черезъ двѣ, онъ явился къ дверцамъ и попросилъ меня слѣдовать за собой. Тутъ же подъ воротами въ подъѣздъ стали мы подыматься по довольно опрятной лѣстницѣ. Здѣсь вышелъ къ намъ навстрѣчу во второмъ этажѣ (изъ двери, на которой я прочелъ «Зарубинъ») офицеръ съ краснымъ воротникомъ и общеармейскимъ лицомъ Это былъ еще человѣкъ молодой, бѣлокурый и самаго беззаботнаго вида.

— Вотъ-съ г. Михайловъ,—объяснилъ ему Житковъ—Помѣстите ихъ. А мнѣ надо спѣшить. Мое почтеніе, m-r Михайловъ.

И мой провожатый съ архангельскою легкостью запорхалъ внизъ по лѣстницѣ, по-архангельски гремя о ступени своимъ длиннымъ мечемъ.

— Пожалуйте за мной, — обратился ко мнѣ Зарубинъ, какъ оказалось, смотритель дома, смотритель каземата при Тайной Канцеляріи, экономъ, — однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ домашняго генія этихъ милыхъ мѣстъ.

Мы и безъ того были уже высоко; но пришлось подыматься еще выше,—и, наконецъ то, пройдя еще десятка три ступеней, я вступилъ въ дверь, гдѣ капитану брякнулъ на караулъ ружьемъ солдатъ.

— Охъ, высоко!—проговорилъ и смотритель, отдуваясь, хотя бѣгать взадъ и впередъ по этой лѣстницѣ ему было, вѣроятно, въ привычку.

Тутъ я очутился въ какой-то горницѣ, похожей и на грязную лакейскую въ безпорядочномъ помѣщичьемъ домѣ, и отчасти на буфетъ какой-нибудь захолустной харчевни, и, наконецъ, на сто-

рожку.—Тутъ пахло сапогами и угаромъ, и возился около стола съ чайными чашками и сапожными щетками высокій и неуклюжій человѣкъ, видомъ и одеждой похожій на дворника.

— Гдѣ же вахтеръ?—крикнулъ смотритель.—Вахтера послать!

Вахтеръ, черный, приземистый, въ сѣрой шинели, былъ легокъ на поминѣ.

Въ двери. выходившей въ описанную мною комнату, повернулся большой ключъ, и передо мною распахнулась моя первая тюрьма.

Въ Тайной Канцеляріи.

I.

Это была довольно просторная комната, очень обыкновеннаго вида, оклеенная обоями, съ двумя большими окнами. Что это тюрьма, напоминали, однако-жъ, очень ясно желѣзныя перекладины за этими окнами. Кромѣ койки, былъ тутъ небольшой столъ, довольно удобный диванъ, нѣсколько стульевъ и въ одномъ углу снарядъ, показывавшій, что изъ этой комнаты нельзя выходить даже по крайней надобности.

Изъ оконъ виднѣлись только крыши да трубы; дворъ внизу представлялся чѣмъ-то въ родѣ колодца: такъ высоко поднялась эта тюрьма.

Смотритель велѣлъ внести мой чемоданъ, и сказалъ, что сейчасъ придетъ дежурный записать мое имя и осмотрѣть вещи Самъ онъ ушелъ.

Вскорѣ явился гусарскій офицеръ глупаго вида и молодой, съ одной особенно одутловатой щекой, которая была будто во флюсѣ; но этотъ флюсъ—потомъ я увидѣлъ—былъ постоянный. Гусаръ принесъ шнуровую книгу. За нимъ вошелъ вахтеръ съ кучкой бѣлья. Чемоданъ мой поставили на полъ.

Гусаръ спросилъ мое имя, званіе и проч. и записалъ въ своей книгѣ. Потомъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ раздѣться и надѣть все казенное. Мнѣ пришлось снять съ себя все до-чиста—даже чулки. Взамѣнъ мнѣ дали казенные чулки, бѣлые штаны съ костяными пуговицами, сшитые на человѣка вдвое выше и толще меня, рубашку и поверхъ всего бѣлый больничный халатъ и стоптанные башмаки.

Пока я передѣвался, черномазый, противный вахтеръ производилъ обыскъ по всѣмъ карманамъ моего платья, которые выворачивалъ и опять вправлялъ. Все, что было въ нихъ, я заранѣе выложилъ на столъ. Бѣлье изъ чемодана тоже было выложено, переписано въ книгу; все, что было на мнѣ, тоже: часы, кошелекъ съ деньгами, шапка.. Ничего изо всего этого, объявилъ мнѣ гусаръ съ флюсомъ, не можетъ быть оставлено при мнѣ.

— А книги?

— Книги тоже надо передать въ экспедицію. Тамъ просмотрятъ. Только сегодня ужъ некому: праздникъ.

Гусаръ обѣщалъ современемъ хорошаго шпіона. Мало того, что при немъ были обшарены мои карманы. Онъ велѣлъ вахтеру вскрыть запечатанный ящикъ съ папиросами, взятый мною изъ дому, и, когда вахтеръ раскрылъ его, онъ началъ перерывать папиросы своею пястью съ самымъ серьезнымъ видомъ и даже чуть ли не съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Ему было на видъ лѣтъ 20; усы маленькіе; бороду онъ едва ли еще брилъ. Надежды подаетъ пріятныя. Впрочемъ, такихъ милыхъ юношей въ мундирахъ разныхъ полковъ я видѣлъ больше десятка во время пребыванія моего у Цѣпного моста. Всѣ они прикомандированы къ начальнику III отдѣленія въ чаяніи мѣстъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій по жандармеріи; состоятъ тутъ какъ бы на испытаніи, и должны зарекомендовать свою скромность и показать отчасти свою дѣятельность. Шляясь по трактирамъ и по гостямъ въ свободные отъ дежурства дни, они обязаны отъ времени до времени поддерживать хорошее мнѣніе о себѣ въ глазахъ начальства легкими доносиками. Должно быть, они очень дорожатъ своимъ положеніемъ, потому что отвѣчаютъ уклончивымъ образомъ даже на самые обыкновенные вопросы, въ родѣ справокъ о погодѣ.

Обобравъ меня до чиста, офицеръ съ вахтеромъ ушли, и дверь за ними была заперта. Я ужъ не помню теперь, была ли она стеклянная, какъ въ другомъ моемъ помѣщеніи, или съ квадратнымъ оконцемъ, прикрытымъ снаружи желтымъ клапаномъ, какъ въ тюрьмѣ. Въ этой комнатѣ я пробылъ слишкомъ недолго.

Смотритель, уходя, спросилъ меня, не хочу ли я обѣдать или чаю. Я спросилъ чаю, и мнѣ принесъ его тотъ косолапый, похожій на дворника, человѣкъ, о которомъ я упоминалъ.

Чай, конечно, не успокоилъ моего нервнаго раздраженія послѣ этого отвратительнаго утра. У меня разбаливалась голова. Я попробовалъ лечь на койку и задремать; но сонъ не шелъ, хоть я и не выспался въ эту ночь, какъ слѣдуетъ. При томъ я не могъ отдѣлаться отъ разныхъ предположеній относительно своего ареста; но въ нихъ всетаки не подходилъ даже и близко къ настоящему ихъ поводу, доносу Костомарова. Мнѣ хотѣлось, чтобы хоть эта нерѣшительность скорѣе миновала,—чтобы меня позвали на допросъ.

II.

Вскорѣ опять явился смотритель и за нимъ вахтеръ съ моими сапогами и платьемъ.

— Потрудитесь одѣться,—сказалъ смотритель.—Мы васъ переведемъ въ другой номеръ.

Я сталъ одѣваться и спросилъ—зачѣмъ.

— Здѣсь высоко, неудобно и далеко отъ экспедиціи,—сказалъ смотритель, — а васъ часто будутъ спрашивать. Велѣли поближе перевести.

Мы спустились съ лѣстницы въ сопровожденіи вахтера, несшаго за нами больничный халатъ и стоптанные башмаки. Пройдя первый дворъ, загроможденный страшнымъ количествомъ дровъ (смотритель говорилъ мнѣ потомъ съ гордостью, что у нихъ на шпіонскую канцелярію выходитъ ихъ въ годъ на 8000 р.), мы вступили на второй дворъ, неправильной формы и поменьше. Дальше были еще ворота, въ которыхъ виднѣлся жалкій садикъ. Не доходя до нихъ, вправо, почти въ углу, была небольшая дверь, около которой стоялъ жандармскій часовой. Дверь была отворена; но вахтеръ, въ темныхъ и грязныхъ сѣняхъ, откуда шла вверхъ такая же грязная лѣстница, позвонилъ въ какой-то разбитый, но громкій колокольчикъ. Онъ давалъ знакъ наверхъ о прибытіи начальства.

Мы поднялись во второй этажъ. Тутъ передъ нами оказалась тяжелая дверь изъ продольныхъ желѣзныхъ жердей, какъ у звѣриныхъ клѣтокъ, съ тяжелымъ замкомъ. За дверью полумракъ; тамъ, въ недлинномъ корридорѣ, шаговъ въ тридцать, виднѣлись солдаты съ ружьями, два или три.

Вахтеръ отомкнулъ замокъ, и мы прошли въ самую глубь корридора, мимо трехъ одностворчатыхъ дверей, со стеклами въ верхней половинѣ, которыя снаружи были задернуты бѣлымъ коленкоромъ. Такую же дверь (это была крайняя) отперли мнѣ.

Новый номеръ былъ далеко не такъ изященъ, какъ первый. Стѣны голыя, просто выбѣленныя; диванъ крошечный, стариннаго фасона; вмѣсто стола какой-то шкафчикъ и два старомодныхъ стула. Койка была такая же желѣзная, какъ и тамъ. Около нея, у самой печки (больше некуда было поставить) возвышался громадный ящикъ, крышка котораго не совсѣмъ плотно прикрывалась. Постоянная отрава изъ этого ящика слышалась въ тепло натопленной комнатѣ. Потолокъ былъ низкій, опять-таки не то, что было въ первомъ моемъ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ и высокъ, да вдобавокъ еще и съ лѣпными какими-то украшеніями. И печь, выходившая на полъ кирпича въ комнату, была самая простая, а тамъ изразцовая и съ разными художественными орнаментами. Къ счастію, въ новой моей комнатѣ было два окна, и оба еще объ одной

рамѣ. Ихъ можно было отворять. Рѣшетки въ нихъ были такія же.

Номеръ имѣлъ форму трапеціи, какъ и дворъ передъ окошками. Кровать стояла у стѣны, образовавшей тупой и острый углы.

Опять раздѣванье, и опять я былъ въ бѣломъ халатѣ. Смотритель съ вахтеромъ ушли; я остался одинъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Во дворѣ было пусто. Изрѣдка проходилъ какой-нибудь жандармъ, то солдатъ, то въ офицерской шинели, пріѣзжалъ курьеръ въ телѣжкѣ, съ пакетами, баба проходила или дама. Появленіе дамъ заставило меня предположить, что въ самомъ зданіи есть шпіонскія квартиры, со шпіоншами и шпіонятами. Имъ-то, конечно, принадлежали эти окна въ третьемъ этажѣ, справа отъ моихъ оконъ, завѣшанныя гардинами, съ горшками цвѣтовъ. Этажемъ ниже были видны въ окна столы, этажерки съ бумагами и всѣ прочія обычныя принадлежности присутственнаго мѣста. Это было, какъ я предположилъ, самое ядро шпіонской дѣятельности. У одного изъ оконъ показывался то дежурный гусаръ съ флюсомъ, то чиновникъ со свѣтлыми пуговицами, должно быть, тоже дежурный.

Я заслышалъ шаги у своей двери и оглянулся. Бѣлая занавѣска, заслонявшая съ той стороны стекло, была отдернута, и ко мнѣ глядѣло солдатское лицо съ черными усами и бакенбардами, въ какой-то бѣлой курткѣ. Вслѣдъ затѣмъ повернулся ключъ въ замкѣ, и этотъ самый длинный солдатъ, нѣсколько облысѣвшій спереди, съ худощавымъ и довольно добродушнымъ лицомъ, внесъ ко мнѣ нанизанные на ремень судки съ обѣдомъ. Онъ постлалъ на шкафчикѣ, замѣнявшемъ столъ, салфетку, вынулъ изъ него солонку и затѣмъ разставилъ судки, показывая мнѣ содержаніе каждой глиняной чашки, словно хотѣлъ плѣнить меня. «Вотъ супъ, ваше вб—діе, а вотъ холодное, а вотъ жареное,—и огурцы тутъ (огурцы лежали въ застывшемъ говяжьемъ салѣ); а вотъ и пирожное на закуску, вб—діе».

Не смотря на чувство, какъ будто, голода, я не могъ ѣсть. Непріятное раздраженіе все еще не проходило. Я хлебнулъ ложки двѣ жидкаго трактирнаго супу, и мнѣ показалось, что если я съѣмъ еще ложки двѣ, меня, пожалуй, стошнитъ. Къ супу была серебряная ложка; но къ остальнымъ блюдамъ такихъ опасныхъ орудій, какъ ножъ и вилка, не полагалось.

III.

Только къ сумеркамъ я сталъ немного успокаиваться; но успокоился не надолго. Опять слегка отдернулась занавѣска, опять повернулся ключъ въ двери. Вошелъ черный вахтеръ съ моимъ платьемъ и предложилъ мнѣ одѣться.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Я одѣлся.

Тутъ пришелъ гусаръ съ флюсомъ и сказалъ, что меня просятъ въ «экспедицію».

Когда въ корридорѣ вслѣдъ за нами хотѣли направиться въ видѣ конвоя два солдата, гусаръ развязно махнулъ имъ рукой и сказалъ гуманно и современно: «не надо!»

Мы вышли во дворъ, потомъ въ ворота направо, гдѣ былъ цвѣтникъ, обошли его кругомъ и по разнымъ лѣстницамъ и корридорамъ пришли къ двери, на которой было написано: «2-е отдѣленіе». Я прочелъ эту надпись совершенно равнодушно, еще вовсе не подозрѣвая, что она почти равняется для меня, по значенію, надписи надъ вратами Дантова ада.

Прихожая; потомъ что-то въ родѣ канцеляріи. Тутъ за тремя или четырьмя столами сидѣло человѣкъ пять, не смотря на праздникъ, и строчило какую-то черноту (Дѣла, какъ я замѣтилъ потомъ, тутъ много. Все пишутъ и пишутъ). Прогрессъ давалъ о себѣ знать тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ господъ вставали съ мѣста и закуривали у камина папиросы. Какъ вообще всякій чиновникъ, они желали высказать свой вѣсъ тутъ, при постороннемъ: проходя мимо, принимали какую-то особенно развязную походку и безпечный видъ. Лица, разумѣется, пошлыя, какъ и слѣдуетъ шпіонской мелюзгѣ.

— Посидите, пожалуйста, здѣсь,—обратился ко мнѣ опухшій гусаръ; а самъ отправился доложить.

Черезъ нѣсколько минутъ дальнѣйшая дверь отворилась, и оттуда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ высокій чиновникъ во фракѣ со свѣтлыми пуговицами и съ Станиславомъ на шеѣ. Остановившись почти посрединѣ комнаты, онъ обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ.

— Не угодно ли вамъ пожаловать сюда, г. Михайловъ?

Я пошелъ и чрезъ маленькую проходную комнату очутился въ самомъ сердцѣ 2-ой экспедиціи. Дверь чиновникъ за собою затворилъ.

IV.

Тутъ стояли все шкафы кругомъ и одинъ только письменный столъ.

Чиновникъ, стоявшій теперь передо мной лицомъ къ лицу, былъ еще почти молодой человѣкъ (онъ мнѣ сказалъ какъ-то потомъ, что ему 36 лѣтъ). Лицо у него было сухое, безстрастное и незлое. Въ выраженіи было что-то напряженное, какъ будто онъ постоянно прислушивался къ чему-то. Фамилія чиновника—Горянскій. Экономъ и сторожъ называли его не иначе, какъ Ѳедоръ Иванычемъ. Онъ былъ худощавъ, съ нѣсколько втянутыми щеками, съ тонкими и постоянно запекшимися губами, какъ будто отъ долгаго поста

или отъ долгаго молчанія. Черные волосы, черные глаза съ синевой подъ вѣками, тонкій носъ и смуглый цвѣтъ лица сообщали ему вороній характеръ. Эти черты были почти постоянно въ нервномъ движеніи, такъ же, какъ и сухія руки.

— Я очень уважаю вашъ талантъ, г. Михайловъ,—сказалъ онъ съ возможно любезнымъ видомъ,—и очень сожалѣю, что мнѣ приходится познакомиться съ вами при такихъ обстоятельствахъ.

Какъ будто я могъ бы познакомиться съ нимъ при другихъ!

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ я.— Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— На васъ падаетъ сильное подозрѣніе, во-первыхъ, въ сочиненіи прокламаціи къ крѣпостнымъ людямъ, во-вторыхъ, въ привозѣ изъ-за границы другого печатнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію» и въ распространеніи его.

— Да на чемъ же основываются эти подозрѣнія?

— Противъ васъ есть показанія нѣкоторыхъ лицъ, и кромѣ того – вотъ-съ!

Онъ взялъ со стола письмо и подошелъ съ нимъ ко мнѣ. Я сѣлъ у окна.

— Извѣстна вамъ эта рука?

Довольно было взглянуть разъ на рукопись, чтобы узнать почеркъ Костомарова. Въ первыхъ же строчкахъ бросилось мнѣ въ глаза: «М. Михайловъ».

— Чье это письмо, не знаю,—сказалъ я.—Дайте прочесть.

Горянскій боялся дать мнѣ его въ руки. Онъ положилъ его на окно и придерживалъ сверху, вѣроятно, чтобы я не схватилъ и не разорвалъ его.

Въ письмѣ Костомарова, адресованномъ къ Ростовцеву, говорилось, что на него, Костомарова, сдѣланъ доносъ его собственнымъ братомъ, и при этомъ украдены рукописи, изъ коихъ одна писана рукою М. Михайлова и можетъ сильно его компрометтировать. Далѣе онъ просилъ справиться у П. о моемъ адресѣ и поѣхать, или послать ко мнѣ въ Петербургъ предупредить меня, чтобы я (вотъ что было умнѣе всего) «принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры уничтожить», — не то, чтобы уничтожилъ, а именно сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы уничтожить всѣ до единаго экземпляра. «Къ молодому поколѣнію» (и это подчеркнуто для большей выразительности).

Какое сцѣпленіе мыслей заставило Костомарова писать подобныя вещи, когда за нимъ наблюдали (онъ и это упомянулъ въ письмѣ), – зачѣмъ понадобилось ему извѣщать меня, когда пять строкъ, написанныхъ моею рукою, безъ его собственнаго показанія, не подали бы никакого повода подозрѣвать не только меня, но и кого бы то ни было, — понять все это очень трудно. Если это письмо было написано не съ преднамѣренною цѣлью выдать меня, то въ это время въ головѣ Костомарова происходилъ странный процессъ.

И добро бы оно обличало торопливость, состояло изъ набросанныхъ наскоро бѣглыхъ строчекъ! Нѣтъ, оно было довольно длинно и написано спокойной рукой. Только тупоумный человѣкъ могъ дописать его до конца, не уничтоживъ. И хоть бы оно писалось въ другой городъ; а то въ томъ же городѣ посылать подобную цидулку съ горничной. Ничего не понимаю. Въ письмѣ именно говорилось съ изумительной логикой: «за мною слѣдятъ, такъ я посылаю это письмо съ Александрой» (такъ, кажется, была названа горничная).

Дальнѣйшее содержаніе письма просто озлобило меня своею подлостью. Костомаровъ прямо говорилъ, что онъ ничего не скроетъ про московскихъ студентовъ, потому, видите ли, что они не стоятъ того, чтобы ихъ беречь!

Я ужъ никакъ не могу сказать, чтобы поступалъ умно въ III Отд. Но этому не мало содѣйствовало опасеніе, что откровенія, сдѣланныя уже Костомаровымъ (какъ я сразу увидѣлъ изъ словъ Горянскаго), могутъ сопровождаться еще большими откровеніями.

— Вы признаете руку Костомарова? — спросилъ меня Горянскій.—Онъ призналъ это письмо.

Я промолчалъ и еще разъ перечитывалъ письмо.

Горянскій въ это время говорилъ, что упорство мое въ показаніяхъ только повредитъ мнѣ, именно заставитъ перевести меня въ крѣпость, гдѣ я буду содержаться съ величайшей строгостью. Этимъ онъ, кажется, хотѣлъ испугать меня, но, конечно, безъ толку.

— III-му Отдѣленію,— продолжалъ онъ,—хорошо извѣстны и лица, содѣйствовавшія вамъ въ распространеніи воззванія. Ужъ и теперь арестованы нѣкоторыя; но придется арестовать и другихъ.

Онъ назвалъ нѣсколько именъ.

— Мы давно уже не арестовывали женщинъ,--продолжалъ Горянскій: — а теперь должны были прибѣгнуть и къ этой мѣрѣ. Арестованы мать и сестра Костомарова. Часа черезъ полтора послѣ васъ взята писательница Шелгунова.

Перечитывая письмо Костомарова, я думалъ, какъ бы объяснить его такъ, чтобы оно не могло служить обвиненіемъ мнѣ. Я, разумѣется, прежде всего не призналъ бы самого письма, если бы меня не сбили немного съ толку слова Горянскаго.

Мнѣ казалось самымъ удобнымъ сказать, что изъ-за границы я дѣйствительно привезъ нѣсколько экземпляровъ воззванія (именно 10), но ихъ не распространялъ, а уничтожилъ, боясь отвѣтственности; что Костомаровъ видѣлъ у меня только одинъ экземпляръ, что было совершенно справедливо; а что касается рукописей, то я не помню, какія могутъ у него быть компрометтирующія меня бумаги. Пусть мнѣ покажутъ.

— Ихъ у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ Горянскій,—онѣ переданы слѣдственной коммиссіи, назначенной надъ студентами, но вы ихъ увидите завтра.

Вскорѣ его потребовали къ «графу Петру Андреевичу», и онъ попросилъ меня войти съ нимъ опять въ канцелярію и тамъ подождать.

V.

Тутъ на этотъ разъ былъ Путилинъ въ черномъ фракѣ и со Станиславомъ на шеѣ. Этотъ Станиславъ здѣсь чуть не на каждомъ шагу! Онъ немедленно подступилъ ко мнѣ со сладкой улыбкой и сталъ тоже предлагать вопросы. Я ему отвѣчалъ вскользь. Онъ возбуждалъ во мнѣ особенное отвращеніе.

Онъ обратился ко мнѣ прежде всего съ вопросомъ:

— Вѣдь вы изволите знать Благолюбова?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ не знаете-съ? Онъ-съ вѣдь въ одномъ съ вами журналѣ участвуетъ.

— Нѣтъ, такой не участвуетъ.

— Ахъ, виноватъ-съ. Я хотѣлъ сказать: Добролюбова. Его знаете-съ?

— Знаю.

— Давно съ нимъ видѣлись?

— Недавно.

— На той недѣлѣ-съ?

— Не помню.

— Вы вѣдь изволили съ нимъ вмѣстѣ за границей быть?

— Вовсе нѣтъ.

— Но съ нимъ тамъ видѣлись?

— И того нѣтъ.

Все въ такомъ дикомъ родѣ.

Смеркалось уже. Зажигали свѣчи. Глупые вопросы Путилина были прерваны приходомъ Горянскаго, который попросилъ меня идти съ нимъ къ Шувалову.

Я прошелъ разными корридорами и лѣстницами въ ту самую пріемную, гдѣ дожидался Шувалова въ день бывшаго у меня обыска. Горянскій юркнулъ сначала къ нему въ кабинетъ, потомъ ушелъ изъ пріемной. Тутъ былъ только дежурный, развязно садившійся то на тотъ, то на другой стулъ, но не гусаръ съ флюсомъ, а другой.

Шуваловъ выглянулъ и позвалъ меня.

VI.

У него горѣла свѣчка на письменномъ столѣ и топился каминъ. Этотъ кабинетъ, куда, какъ въ лужу, стекаются эссенціи доносовъ и шпіонства, былъ уже мнѣ знакомъ; но я его еще не описалъ. Довольно большая комната эта была тоже обставлена съ одной стороны дубовыми красивыми шкафами. Почти посрединѣ, задомъ къ камину, письменный столъ. На каминѣ часы, канделябры. Нѣсколько мягкихъ креселъ, кажется, и догановъ. Вообще, кабинетъ имѣлъ видъ болѣе домашній, чѣмъ оффиціальный.

Шуваловъ остановился по одну сторону стола, я — по другую. У него лицо какъ-то странно подергивало.

— Вы не хотите сказать, г. Михайловъ, той правды, которая намъ очень хорошо извѣстна,—началъ онъ.—Когда вы были у меня тогда, я уже очень хорошо зналъ вашу виновность; а теперь все окончательно подтвердилось. Теперь вы заставляете меня дѣйствовать, какъ бы мнѣ и не хотѣлось.

(Тутъ же мнѣ пришлось узнать, что онъ не только либеральный, но и честный человѣкъ. Онъ увѣрялъ въ этомъ, ударяя себя въ грудь).

Затѣмъ тѣ же вопросы почти повторилъ мнѣ и Шуваловъ, которые я слышалъ уже отъ Горянскаго.

Онъ все увѣрялъ меня, что я писалъ прокламацію къ крѣпостнымъ людямъ, и говорилъ, что это несомнѣнно и подтверждается сличеніемъ ея съ моимъ почеркомъ сколькими-то сенатскими секретарями.

Я стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобы мнѣ показали рукописи.

— Хорошо-съ, завтра вы ихъ увидите,—сказалъ Шуваловъ.— Я не хочу брать у васъ признанія нахрапомъ.

А онъ, вѣрно, къ этому привыкъ въ полиціи.

— Вы привезли съ собою не 10 экземпляровъ печатной прокламаціи, какъ говорите. Это что? Пустяки! Изъ-за этого васъ бы нечего и преслѣдовать. Вы привезли ее въ большомъ количествѣ и распространяли со своими пріятелями. У меня есть очень вѣрныя данныя. Одному Костомарову вы предлагали для Москвы 100 экземпляровъ. Вѣдь предлагали?

Я, конечно, отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Костомаровъ самъ вамъ это сейчасъ подтвердитъ.

Шуваловъ подошелъ къ двери и спросилъ громко:

— Что, привезли арестанта... изъ крѣпости?—прибавилъ онъ, вѣроятно, для устрашенія мнѣ.

Я сильно сомнѣваюсь, сидѣлъ ли Костомаровъ въ крѣпости.

Минуты черезъ двѣ (въ кабинетѣ было молчаніе; Шуваловъ закурилъ коротенькую папироску, ни онъ, ни я не садились) во-

шелъ Костомаровъ. Я не вдругъ бы узналъ его въ какомъ-то толстомъ пальто и обросшаго большой бородой. Онъ мнѣ улыбнулся; но у меня не нашлось въ отвѣтъ улыбки.

Извѣстное письмо лежало уже на столѣ у Шувалова. Онъ положилъ его передъ Костомаровымъ и сказалъ, указывая на извѣстныя буквы:

— Что это такое? «Къ молодому поколѣнію»?

Костомаровъ молчалъ.

— Г. Михайловъ сознается,—что это такъ.

— Если онъ сознается,—сказалъ Костомаровъ,—то это дѣйствительно такъ.

— Предлагалъ онъ вамъ 100 экземпляровъ?

Тутъ я перебилъ его, чтобы (глупое заблужденіе) дать знать Костомарову, чего ему держаться въ своихъ показаніяхъ.

— Я не могъ ему предлагать и не предлагалъ такого количества, потому что у меня самого было всего 10 экземпляровъ. Но и ихъ Костомаровъ у меня не видалъ. Онъ видѣлъ только одинъ экземпляръ. Такъ ли это, Костомаровъ?

— Такъ.

— Ступайте!—сказалъ ему Шуваловъ.

Я остался. Шуваловъ черезъ минуту выглянулъ изъ кабинета и спросилъ:

— Ушелъ?

Ему отвѣтили.

— Вы можете тоже идти,—обратился онъ ко мнѣ.

Не успѣлъ я выйти изъ кабинета, какъ ко мнѣ вынырнулъ откуда-то изъ мрака Путилинъ и сказалъ по секрету:

— Попросите у графа, чтобы онъ возвратилъ письма г-жѣ Шелгуновой. Полковникъ давеча взялъ ихъ къ себѣ въ карманъ. Ихъ, пожалуй, представятъ при слѣдствіи.

Отъ этихъ словъ меня покоробило; но я промолчалъ.

Гусаръ съ флюсомъ ждалъ уже меня, и мы отправились.

VII.

Когда, пройдя дворъ съ садикомъ, мы вошли въ ворота, я взглянулъ на окна своего каземата. Окно рядомъ съ моими окнами было освѣщено. Штора не была спущена, и мнѣ показалось—у окна сидитъ дѣвушка, бѣлокурая, съ распущенными на плечи волосами. Горянскій, значитъ, не вралъ о женскихъ арестахъ. Это меня встревожило.

Нашъ корридоръ былъ освѣщенъ газомъ. Вахтеръ явился за одеждой. Самохваловъ (такъ звали сторожа—длиннаго унтера съ черными баками) принесъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ.

Ночь я провелъ тревожно,—и почти не спалъ до самаго свѣта. Если эта ночь была первая, то не послѣдняя.

Когда я легъ въ постель, Самохваловъ принесъ ночникъ, поставилъ его на окно, опустилъ шторы, потушилъ свѣчу и пожелалъ мнѣ спокойной ночи. Затѣмъ онъ заперъ дверь и вынулъ изъ нея ключъ, который днемъ обыкновенно оставался въ замкѣ. Я думалъ, сердился на себя и на Костомарова, волновался, обсуживалъ, и проворочался всю ночь съ боку на бокъ. Понятно, какого рода мысли не давали мнѣ спать. Я упрекалъ себя, что не стоялъ на совершенномъ отрицаніи всего, что сознался и въ 10 экз., хотя дѣло и могло окончиться въ этомъ случаѣ непродолжительнымъ арестомъ. Я чувствовалъ уже, что Костомаровъ не поддержитъ меня. Мнѣ становилось ясно, что Костомаровъ высказалъ все, что зналъ и даже что подозрѣвалъ. И въ то же время мнѣ не хотѣлось такъ дурно думать о немъ (Это-то и сгубило меня). Я придумывалъ, какъ поступать дальше; но видѣлъ, что уже сразу испортилъ дѣло. И надъ всѣмъ этимъ господствовало опасеніе, какъ бы въ дѣло не впутали другихъ.

Во дворѣ было время отъ времени движеніе. Слышалось бряцаніе сабель, пріѣзжали какія-то телѣжки. Я вставалъ и смотрѣлъ въ окно, отогнувши штору. Мнѣ воображались цѣлыя исторіи арестовъ, которыхъ, можетъ быть, и не было. Только къ утру движеніе совсѣмъ прекратилось, за исключеніемъ мѣрныхъ шаговъ смѣны, при чемъ слышалась команда и бряцанье ружей. Тогда раздавались громкіе шаги и въ нашемъ корридорѣ. Гремѣла желѣзная дверь, шагали солдаты, отдергивалась занавѣска у двери, и лица съ усами смотрѣли: что дѣлаетъ арестантъ? И часовой, оставшись уже одинъ у двери, тоже по временамъ заглядывалъ.

Ночникъ у меня сталъ гаснуть. Мнѣ не хотѣлось вставать, чтобы поправить его. Вдругъ я услыхалъ голоса во дворѣ и потомъ на лѣстницѣ:

— Что-жъ это? Тамъ ночникъ погасъ. Зажечь!

— Эй, Самохваловъ! въ № 6 ночникъ.

— Что, погасъ?

— Да. Дежурный увидалъ.

— Сейчасъ.

Я всталъ, поправилъ свѣтильню спичкой, и она ярко загорѣлась. Мнѣ не хотѣлось, чтобы ко мнѣ лѣзли и ночью, и Самохваловъ, заглянувъ въ мою дверь, остался, повидимому, очень доволенъ и произнесъ съ удивленіемъ:

— Горитъ.

Съ тяжелой головой пролежалъ я до разсвѣта почти, не умѣя еще сообразить и часовъ по смѣнѣ. Я слышалъ и звонъ къ заутренѣ, и къ ранней обѣднѣ, и заснулъ, видно, всего часа на полтора.

Чтобы позвать къ себѣ сторожа, нужно было только постучать въ стекло двери. Часовой передавалъ требованіе дальше.

Самохваловъ принесъ умывальникъ и полотенце, подалъ мнѣ умыться, убралъ постель, вымелъ комнату и потомъ вскорѣ принесъ чаю. Онъ спросилъ меня, не желаю ли я чего-нибудь читать, и сказалъ, что у нихъ есть книги, которыя переходятъ изъ № въ №, казенныя. Я просилъ принести. Это были разрозненные №№ «Русской Бесѣды», «Библіотеки для Чтенія», «Revue etrangère». Читать въ нихъ было нечего, да и охоты у меня не было.

Часовъ до двѣнадцати я ходилъ изъ угла въ уголъ или смотрѣлъ въ окно. Во дворѣ проходили опять то жандармы, то чиновники, то дамы, вѣроятно шпіонскія жены и дочери. Точно такъ же, какъ и наканунѣ, пріѣзжалъ въ тележкѣ курьеръ съ бумагами, и пр. Окна не были закрашены.

VIII.

Часовъ въ двѣнадцать вахтеръ принесъ платье, пришелъ дежурный офицеръ, уже другой, другого полка, и я пошелъ опять въ экспедицію. Тотъ же Горянскій выложилъ передо мною двѣ извѣстныя мнѣ прокламаціи: къ солдатамъ и крѣпостнымъ людямъ,—разумѣется, придерживая ихъ слегка.

При этомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Костомаровъ показываетъ, что онъ взялъ эти рукописи въ квартирѣ студентовъ Петровскаго и Сороки.

Это меня очень смутило возможностью новыхъ компрометтирующихъ показаній.

Можетъ быть, это и глупо было съ моей стороны; но опасеніе худшаго заставило меня сказать, что только одно изъ этихъ воззваній могъ онъ взять у Сороки, а другое получилъ отъ меня.

Когда я указалъ на строки, написанныя мною въ прокламаціи къ солдатамъ, Горянскій былъ, повидимому, удивленъ. По ихъ соображеніямъ выходило (вопреки показанію Костомарова), что, напротивъ, прокламація къ крестьянамъ написана моею рукой.

Вотъ и все почти, что произошло въ это свиданіе. Да, я забываю одно.

Наканунѣ я видѣлъ въ экспедиціи взятыя коробки съ бумагами, еще завязанными и запечатанными. Теперь не было на нихъ уже ни бичевокъ, ни печатей, и все изъ нихъ было, повидимому, выбрано. Это я замѣтилъ тотчасъ, какъ вошелъ, и тотчасъ же спросилъ Горянскаго, почему не призвали меня и не распечатали этихъ коробокъ при мнѣ. Я могъ бы при этомъ кое-что объяснить. Да къ тому же для чего иначе было прикладывать къ коробкамъ мою печать?

Горянскій принялъ при этомъ нѣсколько торжественный видъ, насколько было это возможно при его фигурѣ, и замѣтилъ съ гордостью:

— Вы забываете, г. Михайловъ, что здѣсь канцелярія его величества. Печать ваша не имѣетъ здѣсь значенія.

И я-то наивенъ! Какъ будто не зналъ, что тутъ-то именно и письма спеціальнымъ образомъ подпечатываются.

IX.

Только что воротился я въ свой №, сторожъ принесъ обѣдъ, совершенно похожій на вчерашній. Но я не съѣлъ и двухъ глотковъ супу, какъ Горянскій явился у меня въ номерѣ. Обѣдъ и безъ того былъ мнѣ противенъ; а тутъ я, разумѣется, уже и въ ротъ не могъ его взять. Я сказалъ, чтобы его убрали.

Горянскій старался отбросить свой оффиціальный, чиновничій характеръ, но это ему не удавалось. Онъ сѣлъ, попросилъ позволенія закурить папиросу и спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ въ настоящую минуту студенты Сорока и Петровскій. Ихъ найти не могутъ. Оказалось, что до показанія Костомарова на нихъ и подозрѣнія никакого не падало. Я-же, напротивъ, по слухамъ думалъ, что Сорока арестованъ.

Потомъ Горянскій спросилъ:

— А гдѣ братъ Костомарова, вы не знаете?

— Какой братъ!

— А вотъ, про котораго онъ пишетъ, что донесъ на него.

— Да вы развѣ не знаете этого?—спросилъ я съ удивленіемъ.— Я-то его и не видывалъ никогда.

— Мы его давно ищемъ—и не знаемъ, гдѣ онъ.

Я тогда же началъ думать, что доносъ брата—выдумка Костомарова. Хотѣлось бы разъяснить эту исторію.

Скажу нѣсколько словъ о Горянскомъ. Вообще, это рѣдкій подлецъ до глубины души, до мозга костей. Я сказалъ, что въ выраженіи лица у него не было злого; но подлость характеристически отпечатывалась въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи мускуловъ. У меня было довольно времени всмотрѣться въ это гадкое лицо. Со второго дня моего ареста, онъ меня посѣщалъ ежедневно въ теченіе двухъ недѣль. Заходилъ и потомъ, но уже не такъ часто. Любопытнѣе всего было наблюдать за тою игрой, которую онъ старался искусственно сообщить своему лицу.—Игра эта не удавалась ему. Сухое и черствое лицо не поддавалось усиліямъ выразить того, что требовалось выразить въ данную минуту, на основаніи тонкихъ шпіонскихъ соображеній. Но въ усердіи съ его стороны въ этомъ отношеніи не было недостатка. Напротивъ, онъ иногда, можно сказать, весь превращался въ это усердіе. Надежды терять, впрочемъ, нечего. Онъ еще молодъ. Къ старости, того и гляди, постоянная практика сдѣлаетъ свое, и его теперь неподатливое лицо будетъ принимать какую угодно маску, если только

мы будемъ оставаться со своимъ тысячелѣтнимъ терпѣніемъ покорными зрителями этого разбойничьяго вертепа у Цѣпного моста.

X.

Съ этого второго дня моего ареста, я могу болѣе или менѣе одинаково охарактеризовать всѣ дни моего заключенія. Въ первыя двѣ недѣли я не зналъ ни одной спокойной минуты. Только вечеромъ, да и то послѣ извѣстнаго часа, могъ я уже не ждать посѣщенія Горянскаго или Путилина, или того, что меня потребуютъ въ экспедицію или къ Шувалову.

Говорить съ этими господами было для меня истинной пыткой. Они постоянно дѣлали мнѣ въ разговорѣ разные пугавшіе меня намеки, на которые я старался ни выказывать никакого ни любопытства, ни вниманія, тогда какъ внутренно они меня очень тревожили. На предложенные мнѣ Горянскимъ вопросные пункты о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», я отвѣчалъ то-же, что и на словахъ (Рукописи, конечно, казались имъ не особенно важнымъ дѣломъ). По этимъ отвѣтамъ со мною нельзя было бы сдѣлать ничего особеннаго. Я рѣшился стоять на этомъ до конца, и, если бы не страхъ, что Костомаровъ замѣшаетъ тутъ еще кого нибудь, дѣло кончилось бы развѣ высылкой меня изъ Петербурга. Намеки не сходили у Горянскаго съ языка. Онъ игралъ передо мною, какъ фокусники играютъ ножами, разными именами, не уставая повторять ихъ. Между прочимъ, мнѣ предлагали о В., давно ли онъ пріѣхалъ изъ деревни, былъ ли въ Петербургѣ, когда я вернулся изъ-за границы. Но это было много спустя, почти передъ самымъ переводомъ меня въ крѣпость (Вѣроятно, въ то время держали его въ III Отдѣленіи, дожидаясь, что я скажу).

Говоря объ этихъ ежедневныхъ вопросахъ, мучившихъ меня и сами по себѣ, и особенно тѣми тревожными мыслями, которыя они всякій разъ оставляли во мнѣ, я говорю собственно о посѣщеніяхъ Горянскаго, у котораго я былъ, кажется, главнымъ предметомъ наблюденія все это время. Путилинъ, не знаю почему (вѣрно, по глупости своей), былъ для меня еще противнѣе; но онъ заходилъ рѣже, и я почти ни на одинъ его вопросъ не отвѣчалъ, такъ что онъ долженъ былъ уходить отъ меня довольно скоро.

Оригинальнѣе всего были разспросы Шувалова, къ которому меня водили разъ пять-шесть. Онъ обыкновенно спрашивалъ въ такомъ родѣ:

— Какъ вы ни запирайтесь, а г-жа Шелгунова знала объ этомъ дѣлѣ. Это мнѣ извѣстно, какъ нельзя лучше.

— Не знала.

— Нѣтъ, знала.

— Нѣтъ, не знала.

— Нѣтъ, знала.

И такъ далѣе, до злости.

— Ну я понимаю,—перемѣнялъ онъ тему:—что вы не хотите выдавать женщину; но братъ ея зналъ. Мы не можемъ оставить его безъ наказанія.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Нѣтъ, зналъ, и помогалъ вамъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

— И что вы его защищаете? Зналъ.

— Нѣтъ не зналъ.

— Зналъ, я вамъ говорю.

— А я вамъ говорю, что не зналъ.

Это онъ, должно быть, называлъ: не брать нахрапомъ.

Примѣръ допроса, приведенный мною, я взялъ изъ времени, слѣдовавшаго уже за моимъ показаніемъ. До этого вопросы были другіе, но характеръ изслѣдованія былъ тотъ же.

— Зачѣмъ вы не хотите сказать, что распространяли прокламаціи *вы*?

— Да я не распространялъ.

— Распространяли.

— Нѣтъ.

— Распространяли.

— Нѣтъ же.

Кромѣ допросовъ Горянскаго, меня, впрочемъ, ничто не смущало. Онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ умѣлъ разнообразить свои вопросы и томить меня по цѣлымъ часамъ.

XI.

Дни, разнообразные только по моимъ безпокойнымъ думамъ, тянулись такъ:

Я вставалъ около семи-восьми часовъ. Слѣдовало умыванье, питье чая, къ которому не подавалось молока и давалась трехкопѣечная булка. Потомъ начиналось досадное ожиданіе посѣщеній. Я пробовалъ читать, но не находилъ въ этомъ развлеченія. Я просилъ у Шувалова газетъ, и мнѣ приносили «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Инвалидъ». Но все это было только въ первую недѣлю. Потомъ газетъ мнѣ не стали давать. Такимъ образомъ, я лишь случайно узналъ по попавшему ко мнѣ отдѣльному № «Русскаго Міра», что университетъ закрытъ. Объ этомъ событіи я, правда, слышалъ отъ Путилина и отъ смотрителя, но не совсѣмъ имъ повѣрилъ. Достаточно было пробыть тутъ три-четыре дня, чтобы видѣть, что изъ всего разсказываемаго по меньшей мѣрѣ $3/4$ оказывается ложью.

Поутру обязанъ ходить по №№ дежурный съ вопросомъ, не желаетъ ли арестантъ чего нибудь. Но ко мнѣ дежурные не всегда

заходили. Эта подающая надежды молодежь часто ограничивалась тѣмъ, что, отдернувъ занавѣски двери, заглядывала ко мнѣ въ стекло.

Утромъ же довольно часто заходилъ ко мнѣ смотритель капитанъ Зарубинъ. Онъ сообщалъ мнѣ преимущественно театральныя новости. На каждую новую пьесу онъ ѣздилъ. Вдавался иногда въ политику и либеральничалъ, а вслѣдъ затѣмъ жаловался на бездну хлопотъ въ III-емъ Отдѣленіи. Все, говорилъ, такъ было хорошо. Сколько времени почти всѣ №№ стояли пустыми, а теперь не знаешь, куда дѣвать всѣхъ, кого арестуютъ.

— Правительство вѣдь идетъ же понемножку впередъ, — разсуждалъ Зарубинъ.—Нельзя же вдругъ. А вы, господа прогрессисты, очень ужъ торопитесь. Все бы вамъ сразу.

День, два, три и четыре я не прикасался къ обѣду. Не говоря уже о томъ, что онъ успѣвалъ простыть по пути изъ трактира (откуда его брали), а если его подогрѣвали, то вонялъ саломъ и вообще былъ довольно противенъ, я не могъ ѣсть и потому, что приносили его въ двѣнадцать, въ часъ. Это случалось, значитъ, или непосредственно вслѣдъ за пріятными бесѣдами со мной моихъ милыхъ слѣдователей, или въ ожиданіи ихъ, или же, наконецъ, во время самихъ визитовъ. Только въ сумеркахъ я, какъ будто, чувствовалъ себя немного легче. Безпрестанныя отворянія желѣзной корридорной двери, голоса разныхъ мѣстныхъ распорядителей, шаги ихъ и распоряженія по корридору только тутъ умолкали. Въ остальное время, прислушиваясь къ этимъ голосамъ и шагамъ, я того и ждалъ, что вотъ идутъ мучить меня разговорами. Это такъ и случалось. Капитанъ Зарубинъ былъ наиболѣе сноснымъ исключеніемъ. Онъ, повидимому, не имѣлъ ни обязанности, ни особаго призванія разузнавать у меня что-нибудь, говорилъ больше самъ, и всетаки я узнавалъ у него, хотя урывками, кой-какія новости. Я ему сказалъ, что совсѣмъ не могу ѣсть такъ рано, и онъ мнѣ предложилъ присылать обѣдъ въ четыре или въ пять часовъ. Въ двѣнадцать же я хотѣлъ имѣть кофе. Онъ и на это согласился.

Около сумерокъ чиновники расходились изъ присутствія по домамъ, Шуваловъ (если бывалъ въ III-мъ Отдѣленіи) тоже уѣзжалъ. Значитъ, можно было вздохнуть посвободнѣе. Я слѣдилъ обыкновенно изъ окна, какъ они расходятся. Перемѣна времени обѣда не прибавила мнѣ, однако-жъ, аппетита.

Я замѣтилъ нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ блюдъ и спросилъ у Самохвалова, не изъ другого ли это трактира обѣдъ. Онъ сказалъ мнѣ, что объ эту пору они изъ трактира обѣда не берутъ, а этотъ отъ капитана Зарубина, который снабжаетъ имъ всѣхъ арестантовъ, обѣдающихъ такъ поздно, какъ я. Въ это время и самъ онъ обѣдаетъ.

— Такая эта капитанша милосердная,—замѣтилъ Самохваловъ,—что поискать другой.

Его удивляла моя умѣренность. Я рѣдко ѣлъ что-нибудь, кромѣ супа да салата, иногда развѣ только оставлялъ у себя кусокъ какого-нибудь сухого пирожнаго.

— Что же вы не кушаете, ваше высокоблагородіе?—говорилъ онъ ласковымъ и добродушнымъ тономъ.— Развѣ не нравится вамъ?

— Нѣтъ, не ѣстся что-то.

— Да вы огорчаетесь, я полагаю, ваше высокоблагородіе? Такъ вы не огорчайтесь. Что ни Богъ! Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе!

Не было почти дня, чтобы у меня не болѣла голова и не билось сердце до тошноты. Я продолжалъ мучиться и безсонницей. Ночь проходила у меня въ litознѣ съ боку на бокъ. Если я и засыпалъ на полчаса, на часъ, то этого нельзя назвать сномъ. Какая то чуткая дремота это была, наполненная въ то-же время безпорядочными и непріятными грезами. Въ нихъ все продолжались и допросы, и думы мои, и опасенія. Малѣйшій шумъ въ корридорѣ будилъ меня. Сплошь и рядомъ я не могъ разобрать, дремалъ ли я, или просто думалъ. Я съ тоской ждалъ, считая смѣны, скоро ли дневной свѣтъ сдѣлаетъ ненужнымъ эту лампадку, тихо потрескивающую на окнѣ.

Я потребовалъ на третій или четвертый день взятыя съ собою книги, и хотѣлъ начать писать. Мнѣ дали и бумагу, и перьевъ, и чернилъ, но книгъ моихъ разомъ мнѣ не дали, а давали по одной, по двѣ.

Мнѣ казалось, что во время письма мнѣ удастся лучше сосредоточить свою мысль на чемъ-нибудь постороннемъ. Но это было заблужденіе. Писать мнѣ было еще труднѣе, чѣмъ читать. Только сильнѣе разбаливалась и тяжелѣла голова. Я бросилъ и это, и, оставаясь одинъ, только ходилъ изъ угла въ уголъ, считая концы. Такимъ образомъ, и тутъ (какъ потомъ въ крѣпости) мнѣ случалось насчитывать въ теченіе дня до 1500 концовъ. Уставъ ходить, я ложился на постель и разсѣянно читалъ.

Иногда, заставъ меня лежащимъ, Самохваловъ замѣчалъ:

— Вы опять на койк*ю* (онъ произносилъ именно такъ мягко) легли, ваше высокоблагородіе. Должно быть, все огорчаетесь. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе. У насъ что,—вотъ не дай Богъ, въ крѣпости! А здѣсь что? подержатъ да и выпустятъ. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе!

Я вступалъ съ нимъ иногда въ разговоръ, и старался его поразспросить кой о чемъ. Но онъ трусилъ отвѣчать, понижалъ голосъ и косился на дверь. Онъ жаловался, что дѣла ему много, что всѣ №№ въ его отдѣленіи заняты, что съ одними обѣдами хлопотъ пропасть, а тамъ еще уборка комнатъ, чай и пр., что нѣкоторые арестанты такъ пачкаютъ полъ и сорятъ сигарами, что надо каждый день мыть; что нѣкоторые очень капризны, сердятся,

кличутъ каждую минуту за вздоромъ, безпрестанно спрашиваютъ, который часъ.

— Хочу ужъ часы въ корридорѣ повѣсить. Есть тамъ въ сторожкѣ. Пусть тутъ бьютъ.

Онъ и сдѣлалъ это. Но боемъ часовъ я наслаждался всего дня два. Начальство приказало ихъ снять. Вѣрно, считало это баловствомъ. Моихъ часовъ мнѣ не давали, хотя я просилъ не разъ.

Я спросилъ Самохвалова, есть ли между арестантами женщины. Онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ шепотомъ, что теперь нѣтъ, а бывали, только имъ прислуживаютъ бабы, а не онъ. Мнѣ хотѣлось знать, кто же это около меня. Онъ сказалъ, что это молодой человѣкъ, совсѣмъ мальчикъ, волосы по плечамъ. Я догадался потомъ, что это былъ одинъ московскій студентъ. Я видѣлъ его изъ окна, во дворѣ въ студенческомъ мундирѣ и думалъ, что его выпускаютъ на свободу; но—какъ мнѣ сказали потомъ въ слѣдующей комнатѣ,—его перевели только изъ III Отд. на съѣзжую (Кажется, Оберъ-Миллеръ фамилія.)

Въ другой разъ я увидалъ въ окно—какъ мнѣ показалось— Вл. Обручева, идущаго съ дежурнымъ офицеромъ, вѣроятно, изъ экспедиціи. Я думалъ, не ошибся ли. Но это потомъ подтвердилось.

Но чаще всего, по нѣскольку разъ въ день, видѣлъ я одного арестанта: господина съ сѣдой французской бородкой въ сѣромъ инвернесѣ. Меня удивляло, что его такъ часто допрашиваютъ; но Самохваловъ объяснилъ мнѣ, что онъ ходитъ просто гулять по садику. Я могъ бы тоже отправляться на прогулку, но у меня не было на это ни малѣйшей охоты. Предъ арестомъ моимъ я слышалъ, что въ III Отдѣленіе взятъ нѣкто Перцовъ, тоже отчасти литераторъ. Я почему-то рѣшилъ, что это именно онъ. Разъ онъ вышелъ съ какимъ-то узелкомъ. Во дворѣ стояла извозчичья карета. Онъ сѣлъ въ нее одинъ и уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что его освободили. Видя его потомъ во дворѣ, я предполагалъ, что онъ приходилъ за какими-нибудь справками. Но жандармы, везшіе меня до Тобольска, сказали мнѣ, что онъ все еще содержится у Цѣпного моста, а тогда ѣздилъ въ сопровожденіи вахтера въ Торговую баню.

Раза два-три проходилъ по двору Б. Онъ смотрѣлъ на мои окна, и, вѣроятно, узналъ меня. Я нарочно становился ближе и смотрѣлъ въ открытую форточку. Однажды онъ поднялъ руку ко рту и сдѣлалъ какъ будто три воздушныхъ поцѣлуя. Можетъ быть, они относились къ Обручеву, а можетъ быть, и къ обоимъ намъ.

Я забылъ сказать и скажу теперь кстати, что меня не разъ спрашивали, не извѣстно ли мнѣ откуда идетъ *Велико*р. На отрицательный отвѣтъ мнѣ замѣчали: «знаете, да сказать не хотите». Но и только.

XII.

Почти двѣ недѣли допросовъ и надоѣданій не подвинули дѣла моего ни на шагъ, и я уже начиналъ думать, что тѣмъ все и кончится.

Однажды, призванный къ Шувалову, я услыхалъ отъ него слѣдующее:

— Я имѣю положительныя данныя, что прокламацію «Къ молодому поколѣнію» написали вы.

— Какія же?

— Мнѣ говорилъ одинъ литераторъ, что вы читали прокламацію свою въ рукописи еще другому литератору, т. е. не литератору, а брату литератора, именно Серно-Соловьевичу, — что вы на это скажете?

— Что это выдумка. Какой же вамъ это литераторъ говорилъ?

— Да Костомаровъ. Вы съ Соловьевичемъ совѣтовались, и онъ еще говорилъ вамъ, что вы этою прокламаціей возстановите противъ себя всѣхъ помѣщиковъ. Вы ему читали это передъ своимъ отъѣздомъ въ Лондонъ.

— Что это вздоръ, ясно ужъ изъ того, что я съ Серно-Соловьевичемъ познакомился по пріѣздѣ изъ-за границы.

Шуваловъ нѣсколько смутился.

— Дѣйствительно?

— Да.

Объ этомъ потомъ уже онъ не поминалъ.

XIII.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ явился Путилинъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ вынулъ оттуда печатку, въ видѣ ручки съ бархатнымъ рукавомъ, и спросилъ, знаю ли я эту печатку. Она была очень хорошо мнѣ знакома.

— Нѣтъ.

Онъ вынулъ нѣсколько конвертовъ, прошнурованныхъ и припечатанныхъ, и показалъ мнѣ адреса.

— А это вы писали?

— Я.

Это были адреса моихъ писемъ къ Костомарову.

Онъ вынулъ еще два пакета и показалъ мнѣ.

— А это?

— Это не я.

— Вы только себѣ вредите, не сознаваясь,—замѣтилъ Путилинъ.—Это ваша же рука, и печать вотъ эта ваша.

Онъ повернулъ пакеты другой стороной.

Довольно долго приставалъ онъ ко мнѣ и съ другими вопросами, слышанными мною уже сто разъ. Наконецъ, сказалъ, что Костомаровъ прямо говоритъ, что прокламацію привезъ я въ большомъ количествѣ, предлагалъ ему взять въ Москву 100 экз. и пр.

— Вы это отъ него отъ самого услышите-съ,—прибавилъ онъ.— Вамъ дадутъ съ нимъ очную ставку. Онъ все это на очной же ставкѣ показалъ. Тутъ изъ Москвы есть одинъ господинъ теперь.

Не добившись отъ меня ничего, Путилинъ ушелъ.

Не больше, какъ черезъ четверть часа послѣ его ухода, меня позвали въ экспедицію.

XIV.

Тамъ встрѣтилъ меня Горянскій почти тѣми же вопросами, какъ и Путилинъ. Онъ говорилъ, что «нравственное» убѣжденіе ихъ, т. е. III Отдѣленія, въ моей виновности такъ сильно, что они употребятъ всѣ средства добраться до конца въ своихъ открытіяхъ. На сцену опять явились печать, конверты и пр. Онъ что-то заговорилъ было о чернилахъ, о сургучѣ; но, видно, самъ увидалъ, что зарапортовался, и потому поспѣшилъ поправить дѣло, показавъ мнѣ отвѣты Костомарова на предложенные ему вопросные пункты.

Эти отвѣты были, дѣйствительно, очень компрометтирующаго характера. Въ нихъ онъ говорилъ о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», какъ о *моей* брошюрѣ, утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ меня; о числѣ привезенныхъ мною экземпляровъ онъ не упоминалъ, но въ то же время на вопросъ, зачѣмъ я привезъ ихъ, отвѣчалъ—вѣроятно, по его мнѣнію, остроумно—что, конечно, не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета, вмѣсто обоевъ. Онъ подтверждалъ также, что разсказывалъ въ Москвѣ о моемъ предложеніи ему—взять прокламацію съ собой,—и еще не мало было глупостей самаго сквернаго свойства въ этихъ отвѣтахъ.

По особенному тупоумію меня болѣе всего поразилъ, помню, отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ онъ, Костомаровъ, предупреждалъ меня письмомъ?—Затѣмъ, отвѣчалъ Костомаровъ, чтобы Михайловъ, получивши письмо, уничтожилъ всѣ экземпляры (!!), и тогда, если-бъ письмо и попалось въ руки полиціи (?), то нельзя было бы никакъ догадаться, о чемъ въ немъ идетъ рѣчь.

Этотъ отвѣтъ, чуть ли не дважды подчеркнутый Горянскимъ краснымъ карандашемъ, какъ особенно замѣчательный, разсмѣшилъ меня.

На все краснорѣчіе Горянскаго я отвѣтилъ однимъ, что къ тому, что сказалъ разъ въ своихъ отвѣтахъ, я ничего не прибавлю, да и прибавлять мнѣ нечего.

— Вотъ сейчасъ самъ г. Костомаровъ будетъ здѣсь. Вы поговорите съ нимъ.

Я и не думалъ, какой оборотъ могло принять и приняло это свиданіе.

Я рѣшился не принимать на себя ничего болѣе того, что уже принялъ, и, конечно, выдержалъ бы свое рѣшеніе, если-бъ Костомаровъ не вывелъ меня изъ терпѣнія своими упреками.

Онъ пришелъ въ сопровожденіи Путилина.

Горянскій попросилъ его объяснить разные пункты въ его отвѣтахъ. Я ужъ не помню хорошенько этихъ объясненій, но мнѣ памятно, что Костомаровъ какъ-то неловко старался вывернуться изъ нелѣпыхъ фразъ. Напримѣръ, относительно того, что онъ воззваніе постоянно именовалъ *моей* брошюрой или статьей, онъ сказалъ Горянскому что-то въ родѣ этого:—Вѣдь говоря про этотъ стулъ, на которомъ вы сидите, что этотъ стулъ *вашъ*, я этимъ не хочу сказать, что онъ принадлежитъ вамъ.

Когда дѣло дошло до разсказовъ его въ Москвѣ о прокламаціи, Путилинъ съ сладостною улыбкою сообщилъ, что г. Костомаровъ подтвердилъ сказанное въ отвѣтахъ сейчасъ на очной ставкѣ. Горянскій спросилъ его. Онъ сначала молчалъ, потомъ сказалъ, что онъ дѣйствительно подтвердилъ сейчасъ на очной ставкѣ, да и теперь подтверждаетъ, что разсказывалъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ можетъ добыть сколько угодно экземпляровъ воззванія.

Я на это замѣтилъ ему, что онъ могъ говорить такую вещь, и не имѣя на это прочнаго основанія.

— Всякому изъ насъ,—сказалъ я:—случалось въ разговорахъ преувеличивать. И вы, вѣрно, не станете утверждать, что говорили на этотъ разъ правду.

Я уже начиналъ сильно сердиться.

Костомаровъ стоялъ на своемъ. Я очень кротко, стараясь выбирать выраженія, напомнилъ ему одинъ примѣръ сдѣланнаго имъ преувеличенія въ разговорѣ со мной.

Онъ вдругъ вспыхнулъ и разсердился.

— Вы хотите, кажется, свалить все на мою голову,—сказалъ онъ мнѣ.—Валите, валите!

— Я ничего на васъ не валю, да и нечего мнѣ валить. Напротивъ, все, что касалось меня въ вашемъ дѣлѣ, я объяснилъ, хоть и со вредомъ для себя.

— Говорите, г. Костомаровъ,—сказалъ Горянскій.

— Да что мнѣ говорить?—возразилъ Костомаровъ.—Онъ (указывая на меня) хочетъ играть роль невинной жертвы. Ну, обвиняйте меня!

— Намъ не обвинить кого-нибудь нужно, а узнать истину,—сказалъ Горянскій.—Говорите, г. Костомаровъ.

Костомаровъ помолчалъ и потомъ рѣзко сказалъ:

— Не удивительно, что я молчу, а удивительно, что молчитъ онъ.

Онъ показалъ на меня.

— Что такое вы сказали?—вскричалъ Горянскій.—Это замѣчаніе важное, и вы должны написать его.

Онъ положилъ листъ бумаги на конторку, облокотясь на которую, стоялъ Костомаровъ, и подавалъ ему перо. Костомаровъ не бралъ пера.

— Нѣтъ, вы должны это написать, должны,—настаивалъ Горянскій.—Въ вашихъ словахъ намекъ очень серьезный, и онъ долженъ быть разъясненъ. Пишите же, г. Костомаровъ. Какъ это вы сказали? «Не удивительно, что молчите вы, а то удивительно, что молчитъ г. Михайловъ». Извольте написать эти слова.

Костомаровъ все еще колебался. Я едва сдерживалъ злобу, которая раскипалась во мнѣ.

— Г. Костомаровъ никогда не покажутъ несправедливо,—вмѣшался сладкимъ голосомъ Путилинъ, вообще мало тутъ говорившій и бывшій, вѣроятно, лишь въ качествѣ свидѣтеля.—Я ихъ довольно хорошо знаю по Москвѣ.

— Пишите, Костомаровъ,—сказалъ и я.

Онъ уже взялъ перо, но только занесъ его надъ бумагой, я остановилъ его словами, что у меня было гораздо большее число экземпляровъ, чѣмъ я показывалъ.

Я сказалъ тогда, кажется, что 150, но потомъ въ показаніи прибавилъ еще 100, потому что иначе не могъ достичь нужнаго правдоподобія.

Длить эту сцену очной ставки въ экспедиціи мнѣ стало омерзительно. Я боялся, что она приметъ еще гаже характеръ, и уже не въ ущербъ мнѣ, а, можетъ быть, и другимъ. Надо было покончить.

Костомаровъ отошелъ къ окну, опустился на стулъ и началъ плакать, говоря безсвязно:

— Ко мнѣ пристаютъ съ утра до вечера. Мать моя въ горячкѣ...

Путилинъ предложилъ ему выпить стаканъ воды. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ и сказалъ, что желалъ бы уйти. Горянскій объявилъ, что это можно.

Я забылъ упомянуть, что, какъ только я сказалъ о томъ, что у меня было 150 экз. воззванія, Горянскій обратился и ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я написалъ это. Я отказался наотрѣзъ и сказалъ, что въ такомъ случаѣ мало писать одну эту цифру, что я напишу все, что нужно, у себя въ №, а отвѣчать на отдѣльные вопросы теперь не стану, не хочу. Горянскій выразилъ было какое-то колебаніе; но Путилинъ обратился къ нему (обычная уловка) съ такими словами:

— Да г. Михайловъ напишутъ. Развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? Ужъ если они разъ сказали, то, конечно, напишутъ.

Вслѣдъ за Костомаровымъ ушелъ въ свой № и я.

XV.

Горянскій сталъ томить меня еще чаще своими посѣщеніями. Онъ уже не предлагалъ мнѣ вопросныхъ пунктовъ, а сказалъ, чтобы я написалъ просто показаніе. Сначала оно было короткое. Но я долженъ былъ прочесть его Шувалову въ черновой рукописи, и многія подробности явились только вслѣдствіе того, что имъ въ первоначальномъ видѣ не удовольствовались бы и всетаки предложили бы мнѣ еще не мало вопросныхъ пунктовъ. Я не помню теперь всего; но укажу кое-что. Такъ, напримѣръ, у меня сначала было глухо сказано, что я привезъ воззваніе съ собою, а о происхожденіи его не говорилось. Это прибавлено. Такъ точно не упоминалось въ немъ и имени Шелгуновыхъ. Но Шуваловъ и всѣ его клевреты говорили, что я пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними, и что въ Лондонѣ они должны были находиться вмѣстѣ со мною. Надо было и на это отвѣтить. Вообще, многое, что казалось мнѣ самому потомъ совершенно излишнимъ (когда мнѣ прочли это показаніе передъ судомъ), было вызвано назойливыми вопросами и придирками въ III Отд.

Когда, повидимому, все было удовлетворительно, Шуваловъ, прослушавъ показаніе, сказалъ мнѣ:

— Вамъ, конечно, все это непріятно. Но, согласитесь сами, принявши единожды это мѣсто, не могъ же поступать иначе.

Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ стараться и надѣется, что меня не болѣе какъ отправятъ куда-нибудь въ отдаленную губернію на жительство... Но можетъ, конечно, случиться, что государь захочетъ предать меня суду.

Потомъ прибавилъ (повторивъ увѣреніе въ своей честности), что у него было въ рукахъ нѣсколько писемъ, взятыхъ во время обыска жандармскимъ полковникомъ, но такъ какъ мнѣ могло быть непріятно, если онѣ попадутъ въ чужія руки, то онъ передалъ ихъ запечатанными Шелгуновой. Это (какъ оказалось) было вранье, которымъ онъ поддерживалъ вранье Путилина. Писемъ никакихъ Житковымъ не было взято.

Горянскій пришелъ ко мнѣ вскорѣ, съ просьбой указать ему кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, кто сообщилъ бы ему о моихъ прежнихъ литературныхъ занятіяхъ. Это было нужно ему, какъ онъ говорилъ, для будущаго доклада государю.

— Я пошелъ бы къ А. Н. Майкову или къ Н. А. Некрасову. Я ихъ нѣсколько знаю. Но вы вѣдь знаете, какъ на насъ смотрятъ. Скажутъ: шпіонъ!

Онъ особенно выразительно произнесъ слово *шпіонъ*, словно хотѣлъ передать во всей силѣ то презрѣніе, съ какимъ его обыкновенно произносятъ.

Горянскій, какъ онъ говорилъ мнѣ какъ-то, самъ сочинялъ стихи, и чуть ли не носилъ какую-то поэму своего произведенія къ Некрасову.

Я вызвался лучше самъ ему продиктовать, что ему нужно.

Только послѣ этого показанія я сталъ немного покойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна. Чтеніе, однако, всетаки плохо развлекало меня, хотя, признавъ за собою всю вину, я уже пересталъ тревожиться за спокойствіе другихъ. Другая тревога, за себя, была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою.

XVI.

Я почти забылъ, что письмо Костомарова сдѣлало меня прикосновеннымъ и къ другому дѣлу, по которому слѣдствіе производилось особой коммиссіей. Забыть было и не трудно. Оно было слишкомъ ничтожнымъ для III-го Отд. сравнительно съ тѣмъ, что имъ нужно было узнать, для чего у меня было произведено два обыска, и самъ я былъ арестованъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, будь у нихъ въ виду только эта прикосновенность моя, и обыскъ у меня не повторился бы, и меня позвали бы въ слѣдственную коммиссію, не арестуя.

Совершенно неожиданно принесли мнѣ разъ вечеромъ платье, и смотритель пришелъ объявить, что я поѣду сейчасъ въ слѣдственную коммиссію для отобранія отъ меня показанія.

Я поѣхалъ въ извозчичьей каретѣ, въ сопровожденіи молодого офицера, кажется Ѳедорова, не знаю, какого полка, будущаго кандидата въ жандармы, прикомандированнаго съ этою цѣлью къ Шувалову. На козлы, рядомъ съ кучеромъ, сѣлъ вахмистръ.

Рѣдко встрѣчалъ я такихъ дураковъ, какъ этотъ офицеръ. Глупость его выказывалась въ различныхъ разсужденіяхъ, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня всю дорогу отъ Цѣпного моста по Большой Милліонной и Большой Морской. Не знаю даже, могу ли я назвать этого господина и не вполнѣ испорченнымъ человѣкомъ. Онъ выказывалъ, что стыдится своего положенія, и старался какъ будто оправдаться въ томъ, что поступилъ въ жандармскій штабъ съ тѣмъ, чтобы получить современемъ мѣсто въ провинціи, что-нибудь въ родѣ адъютанта при жандармскомъ штабъ-офицерѣ.

Онъ въ то же время съ какою-то завистливою восторженностью говорилъ о быстрой и блестящей карьерѣ Шувалова и изумилъ меня немало, когда вдругъ произнесъ отъ слова до слова формулярный списокъ жандармскаго начальника. Онъ какъ то упомянулъ, что былъ сначала преподавателемъ исторіи гдѣ-то въ военно-учебномъ заведеніи. Въ хронологіи, дѣйствительно, былъ силенъ. Онъ только что не называлъ мнѣ мѣсяцевъ и чиселъ, когда Шуваловъ былъ произведенъ въ такой то чинъ, переведенъ на такое-

то мѣсто; но года приводилъ онъ съ точностью хронологической таблицы. Чтобы оправдать свои жандармскія стремленія, онъ пускался въ восхваленіе гуманности Шувалова и говорилъ, что всѣ стремленія этого добродушнаго сановника направлены на то, чтобы «облагородить» службу по жандармскому вѣдомству, чтобы люди все служили образованные (при этомъ бывшій преподаватель исторіи имѣлъ, вѣроятно, въ виду и себя), чтобы уничтожить всякіе тайные допросы (мнѣ-то это было кстати разсказывать) и предоставить всѣ дѣла, бывшія прежде исключительною спеціальностью III-го Отд., обыкновенному суду, а самимъ только наблюдать за чиновниками по всей имперіи: не брали бы взятокъ и проч.

Мнѣ любопытнѣе было узнать что-нибудь про городскія новости, но онъ ничего не зналъ или не хотѣлъ говорить, кромѣ того, что дебютировалъ въ итальянской оперѣ какой-то новый пѣвецъ, да пріѣхала какая-то новая танцовщица. Онъ выразилъ мнѣ, кромѣ того, свое сочувствіе къ литературѣ, сказалъ, что предпочитаетъ всѣмъ журналамъ *Время*, и пожалѣлъ, что въ этомъ мѣсяцѣ *Современникъ* запоздалъ.

Странное чувство не оставляло меня во весь этотъ недалекій переѣздъ. Окна кареты были опущены, и я съ какою-то жадностью смотрѣлъ по сторонамъ, всматривался въ лица проходившихъ по освѣщеннымъ тротуарамъ Большой Морской, будто хотѣлъ узнать въ толпѣ хоть одно знакомое лицо. Мнѣ хотѣлось въ то же время ударить по виску и оглушить этимъ моего спутника, вмѣшаться въ толпу и вдругъ неожиданно явиться у Аларчина моста.

— Нельзя ли намъ проѣхать мимо бывшей моей квартиры? — сказалъ я не умолкавшему жандармскому кандидату.—Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть хоть на ея окна?

— А гдѣ вы жили?

Я сказалъ.

— Ахъ, жаль, что не по дорогѣ. Я, знаете, съ удовольствіемъ бы, но это въ сторону. Какъ бы чего не вышло. Вонъ вахтеръ вѣдь у насъ на козлахъ.

Я не настаивалъ.

Первая Адмиралтейская часть находится на Большой Морской, рядомъ почти со зданіемъ почтовыхъ каретъ, откуда я провожалъ Шелгунову въ предпослѣднюю нашу поѣздку за границу. Тутъ и собиралась коммиссія по дѣлу печатанія и распространенія московскими студентами запрещенныхъ сочиненій, подъ предсѣдательствомъ, какъ сообщилъ мнѣ мой проводникъ, дѣйств. ст. совѣтника Собѣщанскаго.

XVII.

Мы въѣхали во дворъ, поднялись по довольно узкой лѣстницѣ во 2-ой, а можетъ, и въ 3-ій (ужъ не помню) этажъ, и я вошелъ въ тускло освѣщенную, довольно большую комнату, гдѣ стоялъ посрединѣ письменный столъ и сидѣли мои слѣдователи, весело разговаривая и куря. Проводникъ-офицеръ остался въ комнатѣ рядомъ, между прихожей и той, гдѣ производилось слѣдствіе.

Въ числѣ слѣдователей мнѣ было одно знакомое лицо. Это былъ Стороженко, котораго я раза два-три встрѣчалъ у Дружинина.

Изъ остальныхъ я ни съ кѣмъ не встрѣчался прежде. Кромѣ предсѣдателя Собѣщанскаго и Стороженко, я узналъ имена Фонвизина и Любимова (об. секрет. сената). Кажется, это были и всѣ, не считая канцелярскихъ чиновниковъ, сидѣвшихъ за другимъ столомъ.

О коммиссіи этой, собственно говоря, нечего бы и поминать; я вписываю только для полноты фактъ моего визита въ Первую адмиралтейскую часть. Слѣдователи (насколько я могу судить по двумъ сдѣланнымъ мнѣ допросамъ) были все люди порядочные. Имъ, по крайней мѣрѣ, не для чего было заранѣе считать меня преступникомъ, какъ это было въ Тайной Канцеляріи. Мнѣ предложили въ оба раза по нѣскольку вопросовъ такого рода: зачѣмъ были у меня двѣ книги и портретъ? справедливо ли показаніе Костомарова, что одна изъ взятыхъ у него рукописей писана мною? зачѣмъ я передалъ ихъ? Я отвѣтилъ, что одна рукопись дѣйствительно переписана мной съ дурного списка, гдѣ были пропуски, а другая, не помню, откуда попала ко мнѣ, какъ интересная новость, ходившая, какъ я слышалъ, по рукамъ въ рукописи; что передавалъ я рукописи для прочтенія—и только.

Пока изготовляли вопросы, за столомъ шелъ общій разговоръ о другихъ предметахъ. Я сидѣлъ насупротивъ предсѣдателя и принималъ въ немъ участіе.

Тутъ я узналъ, что студенты по дѣлу типографіи всѣ содержатся при полиціи, а не въ III-мъ Отд.; что нѣкоторыхъ они распускаютъ по домамъ; что одного, выпущеннаго, не имѣвшаго при себѣ ни гроша, пріютилъ въ своей квартирѣ Стороженко; что они собираются всею коммиссіей въ Москву для полученія свѣдѣній на мѣстѣ.

Оба раза я ѣздилъ въ слѣдственною коммиссію вечеромъ, съ тѣмъ же глупымъ офицеромъ, и возвращался въ свой № 6 у Цѣпного моста часовъ около 9 или 10. Между допросами у меня было дня три промежутка.

XVIII.

Хотя ко мнѣ послѣ того, какъ я отдалъ свое показаніе, стали рѣже заглядывать шпіонскія физіономіи, но я всетаки не былъ настолько спокоенъ, чтобы чѣмъ-нибудь заниматься въ теченіе дня. Читать давали только старые русскіе журналы, давно мною читанные.

Только подъ вечеръ я сталъ пробовать хоть переводить что нибудь въ стихахъ изъ тома Camberѕ'а, бывшаго у меня.

Нѣсколько тревоги, хотя и много удовольствія, доставила мнѣ вѣсть, принесенная Зарубинымъ, о безпорядкахъ въ университетѣ. Хотя онъ говорилъ глухо какъ-то, но я могъ понять, что дѣло не шуточное.

Онъ же сообщилъ мнѣ потомъ о множествѣ арестовъ, и говорилъ, что арестованы всѣ, кто издавалъ *Великоруса*.

Разъ во время обѣда пришелъ Путилинъ, какъ я понялъ, съ цѣлью узнать впечатлѣніе мое при вѣсти объ арестѣ студентовъ, именно первомъ, когда былъ арестованъ и Вил. Я спокойно выслушалъ его разсказъ, что студенты «надѣлали глупостей» въ университетѣ, нагрубили начальству, и что многіе арестованы и университетъ закрытъ. Вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы вызвать у меня вопросъ, не арестованъ ли Михаэлисъ, Путилинъ сказалъ мнѣ:

— Ваши всѣ здоровы, кланяются вамъ.

Повидимому, онъ такъ и ждалъ, что я спрошу: а гдѣ вы ихъ видѣли? и «по какому случаю?» Но въ тонѣ его на этотъ разъ было столько фальши, что я былъ убѣжденъ—онъ вретъ, и не спросилъ ничего, даже не сказалъ ни слова.

Въ этотъ или въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ, что Костомарова очень огорчаетъ, что я на него сержусь за его образъ дѣйствій, и что онъ просилъ его, Путилина, передать мнѣ его огорченіе.

Къ этому времени относятся предложенные мнѣ Шуваловымъ вопросы о Венѣ, которые я привелъ выше. Въ это время онъ, вѣроятно, сидѣлъ въ III-мъ Отдѣленіи.

XIX.

Горянскій, заходя ко мнѣ, говорилъ обыкновенно, что онъ является не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, и принималъ при этомъ огорченный видъ.

Онъ предлагалъ мнѣ въ то же время, понижая голосъ, передать что-нибудь на словахъ или, пожалуй, письмомъ моимъ друзьямъ. Нашелъ дурака.

Въ разговорѣ у него то и дѣло проскальзывали фразы, изъ которыхъ ясно было видно, что ему хочется вывѣдать отъ меня еще кое-что.

Онъ началъ, между прочимъ, говорить мнѣ, что для доклада государю мнѣ слѣдуетъ изложить дѣло какъ можно короче, въ формѣ письма, что всего показанія моего государь читать не станетъ (слишкомъ длинно), и что резолюція на такомъ письмѣ рѣшитъ мое дѣло. Безъ этого письма, какъ онъ утверждалъ, я не избѣгну суда, который можетъ кончиться для меня плохо, а главное,—что судъ не ограничится мною однимъ, а постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Какой могъ быть назначенъ судъ, я не зналъ, и мнѣ представлялись тѣ судебныя коммиссіи, которыя отличались въ царствованіе Николая Перваго. Я не настолько былъ убѣжденъ въ нашемъ прогрессѣ, чтобы предполагать невозможной такую коммиссію, какъ, напр., по дѣлу Петрашевскаго. Слѣдствіе въ Адмиралтейской части не могло успокоить. Я видѣлъ очень хорошо, что III-ье Отд. смотрѣло на дѣло московскихъ студентовъ далеко не такъ серьезно, какъ на мое.

XX.

Порядокъ жизни шелъ, между тѣмъ, неизмѣнно въ нашемъ коридорѣ и въ моемъ №. Нарушеніе его заключалось только въ томъ, что въ окна вставили двойныя рамы. Когда въ моемъ № возился стекольщикъ съ мальчикомъ, на меня напала особенная злость. Какъ будто я долженъ остаться тутъ на зиму!

Потомъ раза два случалась необычная возня по корридору, съ крикомъ и растворяніемъ желѣзныхъ створовъ.

— Что это тамъ было такое?—спрашивалъ я Самохвалова.

— Кровать вносили.

— Какую? Зачѣмъ?

— Да вотъ тутъ въ №. Тамъ одна кровать, такъ теперь другого туда сажаютъ. Другую и койку надо.

— Развѣ ужъ мѣста нѣтъ?

— Должно быть, что нѣтъ, ваше высокоблагородіе. А впрочемъ, не знаю.

Раза два-три Самохваловъ объявлялъ, что ждутъ Шувалова, что онъ собирается обойти всѣ №№ по случаю скораго возврата князя (Долгорукова). Самохваловъ съ особенной тщательностью теръ полы мокрой шваброй и потомъ душилъ меня дымомъ какихъ-то благовонныхъ порошковъ, которыми окуривалъ корридоръ и №№.

Но Шуваловъ такъ и не былъ. Онъ вскорѣ послѣ моего по-

казанія (т. е. послѣ студенческой исторіи) совсѣмъ пересталъ ѣздить въ III Отдѣленіе, гдѣ бывалъ до того ежедневно. Эти свѣдѣнія сообщалъ мнѣ Самохваловъ, да я и самъ могъ знать, когда Шуваловъ тутъ, когда нѣтъ, по его экипажу во дворѣ. До меня стали доходить слухи, что онъ боленъ, что собирается вскорѣ за границу. Самохваловъ говорилъ, что вмѣсто него назначенъ будетъ Анненковъ, братъ апокалиптическаго критика; но это не подтвердилось.

XXI.

Взамѣнъ ожидаемаго Шувалова, ко мнѣ въ № явился неожиданный мною вовсе шпіонъ генеральскаго чина Кранцъ, со звѣздою на фракѣ. Это былъ господинъ уже значительно пожилой, довольно высокій, но немного согнутый, съ вьющимися русыми волосами съ просѣдью, лицо круглое, слегка рябоватое, не особенно непріятное, кромѣ маленькихъ глазъ, которыми онъ не смотрѣлъ прямо и которые какъ будто хотѣлъ скрыть подъ сильными очками.

Я его видалъ постоянно во фракѣ со звѣздой; сапоги были у него безъ каблуковъ, и онъ ступалъ неслышно, какъ кошка. Голосъ мягкій и тихій, впрочемъ, какъ у всѣхъ въ этомъ шпіонскомъ царствѣ.

Онъ началъ свое знакомство со мной почти тѣми же словами, какъ и Горянскій: объявилъ, что очень уважаетъ мой талантъ, но къ этому прибавилъ, что я сдѣлалъ непростительную («извините за мое выраженіе, но я говорю вамъ отъ души») ошибку. Ошибка была, видите ли, въ томъ, что я не хотѣлъ понять, что государь совершенно одинаковаго со мной образа мыслей!

По словамъ Кранца, онъ былъ въ отсутствіи, ѣздилъ въ свою деревню, только что воротился и лишь вкратцѣ успѣлъ познакомиться съ моимъ дѣломъ.

Онъ повторилъ мнѣ слова Горянскаго о необходимости письма къ государю, чтобы дѣло было предоставлено административному рѣшенію.

Потомъ онъ попросилъ у меня позволенія закурить папиросу (онъ курилъ тоненькія папиросы, самыя легкія, дамскія какія-то, что было какъ-то некстати въ Тайной Канцеляріи), сѣлъ и началъ меня спрашивать о Герценѣ: когда я съ нимъ познакомился, когда видѣлся въ послѣдній разъ, какъ онъ живетъ и гдѣ, большое ли у него знакомство въ Лондонѣ.

Я отвѣчалъ общими мѣстами.

— А правда ли, - спросилъ онъ,—что Герценъ былъ нынче въ Гамбургѣ и оттуда собирался въ Петербургъ?

— Вамъ это лучше знать,—отвѣчалъ я:—а я ничего подобнаго не слыхалъ.

XXII.

Не помню, въ тотъ ли же день или на другой, только что-то вскорѣ послѣ перваго визита этого почтеннаго старца, ко мнѣ пришелъ Горянскій и тоже (чего прежде съ нимъ не бывало) началъ распрашивать меня о Герценѣ.

Онъ только что вошелъ ко мнѣ, какъ сказалъ:

— Знаете, какіе нелѣпые слухи распространились о васъ по городу, г. Михайловъ. Разсказываютъ, что васъ здѣсь, въ III Отдѣленіи, отравили. Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Кажется, кромѣ уваженія, вамъ здѣсь ничего не оказывается.

Затѣмъ Горянскій, разумѣется, сказалъ, что онъ пришелъ побесѣдовать со мною, какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и почти ex-abrupto перешелъ къ вопросамъ, очень интересовавшимъ его, какъ человѣка, а не какъ чиновника, именно о частной жизни Герцена. На большую часть вопросовъ я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ это узнать изъ *Колокола* (напримѣръ, о квартирѣ), или же изъ *Былого и Думъ.*

Затѣмъ на нѣкоторые я отзывался незнаніемъ, а на другіе отвѣчалъ явную дичь, которую Горянскій тѣмъ не менѣе благоговѣйно принималъ къ свѣдѣнію. Въ вопросахъ этихъ не было ничего любопытнаго. Это были все большей частью справки о томъ, хорошо ли, т. е. богато ли Герценъ живетъ; много ли онъ получаетъ отъ своихъ изданій, большой ли у него кругъ знакомыхъ, бываетъ ли онъ въ такихъ домахъ, напримѣръ, у важныхъ членовъ парламента, гдѣ бываетъ и наше посольство, и т. п.

Наконецъ, онъ спросилъ:

— А русскія газеты онъ получаетъ?

— Какъ же.

— А есть у него портреты русскихъ кого-нибудь?

— Есть.

— Коллекція?

— Да, и довольно большая.

Мнѣ казалось, онъ имѣетъ въ виду извѣстное, очень распространенное свѣдѣніе о томъ, что у Герцена есть портреты шпіоновъ, находящихся на посылкахъ у Тайной Канцеляріи.

— А есть у него любовница?—спросилъ, наконецъ, Горянскій.

Я ужъ тутъ не могъ удержаться отъ смѣха. Онъ, должно быть, понялъ всю неловкость своего вопроса послѣ того извѣстія, которымъ началъ разговоръ со мною, пробормоталъ что то о томъ, что онъ интересовался всѣмъ этимъ *лично*, какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и поспѣшилъ удалиться.

XXIII.

Кранцъ приходилъ ко мнѣ еще раза три.

Разъ онъ принесъ показаніе мое и говорилъ, что оно неудовлетворительно.

— Чѣмъ же?

— Вы не одни распространяли воззваніе,– это разъ. Потомъ вы не показали, кому вы передали остальные экземпляры. Вы привезли ихъ больше.

— Къ тому, что мною написано,—отвѣчалъ я,—я не имѣю ничего прибавить.

— Скажите лучше, не хотите.

— Не имѣю.

— Я не буду настаивать,—сказалъ онъ,—но вамъ не избѣгнуть отвѣта на эти вопросы.

— Вы знаете мой отвѣтъ.

Потомъ онъ принесъ мнѣ два или три конверта, въ которыхъ была разослана прокламація, и сказалъ, показывая ихъ:

— Это не вы писали.

— Нѣтъ, я.

— Это не ваша рука.

— Я измѣнилъ свой почеркъ.

— Это женская рука.

— Можетъ быть, и похоже на женскій почеркъ, а писалъ-то всетаки я.

— И это?

— И это я.

Кранцъ ушелъ.

Это было уже въ концѣ мѣсяца послѣ моего ареста.

XXIV.

Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 14 октября, Кранцъ пришелъ ко мнѣ поутру, говоря, что я, желая, чтобы мое дѣло кончилось административно и въ него не были впутаны другіе, долженъ написать короткое письмо къ государю, и что это надо сдѣлать сегодня же, потому что пріѣзда его ждутъ съ часа на часъ.

Какъ ни возмущалось все во мнѣ противъ этого, но судъ страшилъ меня тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ и Костомаровъ, и его отвѣты запутаютъ дѣло и бросятъ тѣнь подозрѣнія на кого-нибудь, кромѣ меня. Я послѣ увидалъ, что въ правѣ былъ этого бояться, если бы Костомарова III Отдѣленіе не выгородило изъ суда.

Я постарался написать покороче, съ строгимъ соблюденіемъ

казенныхъ формъ, и только подтвердилъ въ немъ тѣ мотивы, которыми оправдывалъ распространеніе прокламаціи и въ показаніи.

Въ три часа старецъ со звѣздой зашелъ ко мнѣ опять, сказалъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ къ Шувалову, взялъ мое письмо въ карманъ и тотчасъ ушелъ.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ явился Горянскій съ похоронно-вытянутымъ лицомъ и, вздыхая, сказалъ мнѣ, что принесъ мнѣ непріятную вѣсть.

— Что такое?

— Сію минуту пришло высочайшее повелѣніе о преданіи васъ суду (потомъ я узналъ, что оно пришло наканунѣ, или даже за день).

— Какъ же письмо-то?

— Мы ужъ отправили его; но повелѣніе пришло по телеграфу сейчасъ.

Меня злость взяла.

Тутъ только я слишкомъ поздно догадался, что вся эта махинація была подведена, чтобы я не могъ отказаться передъ судомъ отъ моего наказанія.

Письмо считалось актомъ полнаго сознанія, и отречься теперь отъ показанія значило бы удвоить свою виновность. Я хотѣлъ сдѣлать передъ судомъ другое, именно объяснить причины написанія этого письма. Но по нѣкоторымъ причинамъ я этого не сдѣлалъ.

— Вы сегодня переѣдете отъ насъ въ крѣпость,—дополнилъ свое извѣстіе Горянскій.—Вотъ какъ смеркнется. Мы употребляли всѣ старанія,—продолжалъ онъ:—чтобы дѣло обошлось тише, и не такъ ужасно для васъ, какъ оно, вѣроятно, кончится; но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія. Литераторы подавали адресъ объ освобожденіи васъ изъ подъ ареста. На насъ идутъ такія нареканія! А вотъ вы сами видѣли, есть ли на что жаловаться. Выдумываютъ про III Отдѣленіе Богъ знаетъ что! Будто здѣсь есть какіе-то опускные полы, что сѣкутъ у насъ. Покамѣстъ я не служилъ здѣсь, я самъ всему этому вѣрилъ. Но это такой вздоръ!.. Въ крѣпость свезетъ васъ смотритель. Мы отпустимъ съ вами ваши книги, бумагу возьмите, карандаши. Вамъ все это позволятъ. Мы ужъ распорядимся... Прощайте-съ! Не браните насъ. Такое ужъ наше собственно положеніе.

Горянскій засталъ меня за обѣдомъ. Понятно, что его извѣстіе отшибло у меня всякую охоту ѣсть. Я сказалъ по уходѣ его Самохвалову, чтобы онъ убралъ со стола и взамѣнъ обѣда далъ мнѣ чаю.

Когда я сказалъ ему, что переѣзжаю въ крѣпость, онъ всплеснулъ руками.

— Ахъ, жаль, ваше высокоблагородіе! жаль! — Ну да что ни Богъ, ваше высокоблагородіе, можетъ, и опять вернетесь сюда; а тамъ и выпустятъ.

Послѣ чего пришелъ ко мнѣ гусаръ съ флюсомъ и съ прошнурованной книгой, чтобы я расписался въ обратномъ полученіи своихъ вещей, которыя и были всѣ принесены вахтеромъ. Потомъ пришелъ и Зарубинъ, когда я былъ совсѣмъ одѣтъ. Кошелекъ съ деньгами передалъ гусаръ ему, такъ что я не могъ и на водку дать Самохвалову. Зарубинъ на это не согласился.

Вахтеръ пришелъ сказать, что карета готова. Совсѣмъ ужъ стемнѣло. Было часовъ семь.

Я въ послѣдній разъ прошелъ по нашему освѣщенному газомъ корридору и спустился съ лѣстницы. Мой чемоданъ, книги, свертокъ бумаги лежали уже въ каретѣ. Вахтеръ сѣлъ на козлы и скомандовалъ кучеру:

— Въ крѣпость!

Вечеръ былъ холодный, и мнѣ зяблось, послѣ чаю и теплаго № 6-го, въ моемъ пальто. Зарубинъ сидѣлъ около меня ужъ въ шубѣ.

Но дорога была недолга. Мы скоро миновали Лѣтній садъ и поѣхали па мосту.

Какъ теперь помню, именно на мосту спросилъ я Зарубина, открыли ли, наконецъ, университетъ и выпущены ли изъ подъ ареста студенты.

— Гдѣ же такъ скоро ихъ разобрать!—возразилъ онъ.

— Да ихъ сколько взято?

— Легко сказать! вѣдь больше 300.

Онъ, однако же, не хотѣлъ мнѣ объяснить дѣло подробно, и отдѣлывался все общими фразами.

Наконецъ, мы въѣхали въ ворота крѣпости.

Мы остановились передъ комендантскимъ подъѣздомъ. За небольшой дверью помѣщалась канцелярія, и туда вошелъ я съ капитаномъ.

Въ Петропавловской крѣпости.

Въ первой комнатѣ, куда мы вошли, было очень яркое освѣщеніе. Она была очень невелика, но въ ней горѣло, по меньшей мѣрѣ, восемь свѣчей. При свѣтѣ ихъ на трехъ или четырехъ небольшихъ столахъ производился скрипъ перьевъ дюжиною военныхъ писарей. Насколько я могъ судить по взгляду мелькомъ на ихъ работу, они составляли какіе-то списки. Бумага была разграфлена. Это были, вѣроятно, списки арестованныхъ студентовъ.

Въ дальнѣйшей комнатѣ, еще меньшаго размѣра, стоялъ только одинъ столъ, и изъ-за него всталъ намъ навстрѣчу небольшого роста человѣкъ, съ конусообразной бѣлокурой головой и полицейски-

любезнымъ выраженіемъ лица. Онъ былъ въ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ и опять-таки со Станиславомъ на шеѣ.

— Что это?—воскликнулъ онъ, подавая руку Зарубину:—долго ли вы еще будете водить? Куда я помѣщать-то стану... Тоже изъ студентовъ? — спросилъ онъ, обращаясь отчасти какъ будто и ко мнѣ.

— Нѣтъ-съ, господинъ Михайловъ, сочинитель. Ужъ вы, пожалуйста, отведите номеръ получше.

— И радъ бы, да нѣту.

— Вотъ и вещи ихъ тутъ.

— Не угодно ли садиться.

Я сѣлъ у стола и взялъ номеръ *Русскаго Инвалида*, лежавшій тутъ.

Чиновникъ съ краснымъ воротникомъ (дѣлопроизводитель канцеляріи и—какъ узналъ я потомъ—правая рука Тайной Канцеляріи въ крѣпости) вызвалъ Зарубина въ другую комнату, пошептался тамъ съ нимъ, потомъ сказалъ громко, что пойдетъ доложить коменданту.

Я прочиталъ, между тѣмъ, въ *Инвалидѣ* не мало удивившій меня приказъ по военному вѣдомству о преданіи суду и арестѣ Семевскаго, Энгельгарта и Штрагдена за участіе въ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами.

Когда Зарубинъ воротился къ столу, у котораго я сидѣлъ, я спросилъ его, что значитъ это, и развѣ не одни студенты были виновниками безпорядковъ.

Капитанъ присѣлъ на мѣсто дѣлопроизводителя и, наклоняясь ко мнѣ, произнесъ:

— Да вѣдь тамъ цѣлый бунтъ былъ. Войско надо было вывести. Съ окровененіемъ дѣло-то было, съ окровененіемъ.

Больше онъ, однако жъ, ничего не разсказывалъ.

Дѣлопроизводитель, воротясь, сказалъ, что комендантъ не совсѣмъ здоровъ, и меня къ нему водить не нужно. Онъ расписался въ книжкѣ, привезенной Зарубинымъ, что получилъ въ цѣлости какъ меня, такъ и вещи мои, и, когда тотъ удалился, онъ пригласилъ меня идти съ нимъ, а самъ распорядился, чтобы слѣдомъ принесли и вещи.

Мы пошли только вдвоемъ.

Всю дорогу отъ комендантской квартиры до куртины, гдѣ меня заключили, онъ болталъ безъ умолку: извинялся, что теперь у нихъ нѣтъ помѣщенія лучше — все биткомъ набито; говорилъ, что кой-какія улучшенія сдѣланы въ содержаніи, что даютъ теперь утромъ и вечеромъ чай, чего прежде не было, что съ 1-го ноября и въ ночникахъ будетъ горѣть деревянное масло.

— Нельзя же въ наше время,—замѣчалъ онъ:—держаться старыхъ порядковъ.

Мы поднялись по темной лѣстницѣ въ длинный каменный кор-

ридоръ, который тускло освѣщался висѣвшимъ со свода фонаремъ. Жалкая свѣтильня еле мерцала, какъ въ уличныхъ фонаряхъ самыхъ далекихъ и глухихъ петербургскихъ захолустьевъ. По коридору медленно шагали или стояли въ полумракѣ солдаты съ ружьями. Часовой у входной двери, едва ступили мы въ корридоръ, громко крикнулъ:

— Старшаго!

Возгласъ этотъ пронесся до самаго конца корридора, и скоро навстрѣчу намъ шелъ, гремя ключами, съ оплывшей сальной свѣчой въ рукѣ унтеръ-офицеръ въ каскѣ, въ шинели и при тесакѣ.

— Отвори восьмой номеръ. Да гдѣ плацъ-адъютантъ?

— Они въ баню ушли.

— Ну, хорошо. Отвори.

Я не припомню только хорошенько—восьмой ли это былъ номеръ или шестой. Знаю, что онъ былъ крайній направо по корридору.

Отворили тяжелую дверь, и на меня пахнуло еще худшимъ, сырымъ и затхлымъ воздухомъ, чѣмъ какой былъ въ корридорѣ. Не было тутъ только масляной копоти и чада, какъ тамъ.

Я очутился подъ совершенно круглымъ, отъ самаго пола идущимъ сводомъ, но въ номерѣ, настолько просторномъ, что въ немъ помѣщалось шесть кроватей. Два полукруглыхъ и довольно большихъ окна, закрашенныя снаружи, съ мелкимъ переплетомъ, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныя снѣгомъ. Стѣны были закоптѣвшія, съ примѣтами сырости; со свода висѣла бахромой паутина.

— Это у насъ было больничное отдѣленіе,—замѣтилъ смотритель:—да больше теперь рѣшительно нигдѣ мѣста нѣтъ. Если *они* привезутъ еще кого-нибудь, помѣстить будетъ некуда... Эй!—крикнулъ онъ ефрейтору: — кликни людей. Вынесть отсюда лишнія койки.

Пришло нѣсколько солдатъ, и вынесли.

Смотритель взялъ свѣчу и поднялъ ее у себя надъ головой, разсматривая потолокъ.

— Эй! паутину обмести... Возьми метлу кто-нибудь! Обмети паутину!

Двѣ метлы зашаркали по своду. Паутина, бѣлилы, пыль летѣли намъ въ изобиліи на голову.

— Ночникъ подай!

Старый, сгорбленный сторожъ, инвалидъ, въ какомъ-то рубищѣ, не напоминавшемъ его военнаго званія, принесъ жировой ночникъ, отъ толстой свѣтильни котораго подымалась толстой черной струей копоть.

Я спросилъ, нельзя ли получить свѣчу,

— Я думаю, можно будетъ, конечно, на ваши собственныя деньги,—отвѣчалъ смотритель.—Вотъ какъ плацъ-адъютантъ воро-

тится изъ бани, вы ему скажите. Покамѣстъ вы останьтесь въ своей одеждѣ. Онъ ужъ тамъ всѣмъ распорядится. Онъ скоро. До свиданья-съ покамѣстъ.

— Курить-то у васъ позволяется?

— Разумѣется-съ; сколько угодно.

И онъ ушелъ. Дверь затворилась, ключъ тяжело повернулся въ замкѣ, и я остался одинъ въ моемъ новосельѣ.

Деревянная койка стояла въ довольно широкомъ простѣнкѣ между окнами изголовьемъ къ стѣнѣ, впрочемъ, не близко. И въ Тайной Канцеляріи постель не отличалась опрятностью и удобствомъ, а ужъ здѣсь и подавно. Парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломой, былъ прикрытъ грязною простыней; подушка была тяжелая, изъ нея торчали острыми концами перья и летѣли во всѣ стороны, только что прикоснешься. Наволочка, сшитая, очевидно, на подушку вдвое больше, была чистотою подстать простынѣ. Впрочемъ, подушки было двѣ, но нижняя соломенная. Одѣяло изъ толстаго солдатскаго сѣраго сукна было (вѣроятно, съ годъ тому назадъ) подшито толстой холстиной.

Около изголовья направо стоялъ небольшой столикъ безъ столешницъ, на немъ помѣщалась оловянная кружка съ крышкой, для воды. Около стола стоялъ стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣніемъ.

Больше ничего не было въ номерѣ.

Тутъ было не холодно, но я скоро почувствовалъ сырость. Только краешекъ желѣзной печки, топившейся изъ корридора, выходилъ сюда.

Какъ ни противна была мнѣ эта неопрятная постель, но надо было примириться съ нею. Я вѣдь не зналъ, какъ долго придется мнѣ спать на ней. Какъ ни пасмурна и печальна была окружавшая меня теперь обстановка, даже, въ сравненіи съ казематомъ Тайной Канцеляріи, у меня было какъ-то легче на душѣ. Сознаніе, что я перестану видѣть передъ собою шпіонскія физіономіи, снимало какъ будто какую-то ненавистную тяжесть съ моего мозга. Вообще, я радъ былъ своему темному своду, какъ перемѣнѣ къ лучшему.

Я промѣрялъ разъ пятьдесятъ мой номеръ изъ угла въ уголъ, иногда въ забывчивости утыкаясь лбомъ въ сводъ, потомъ прилегъ на постель.

Ночникъ безпрестанно нагоралъ, и, когда я лѣнился встать, чтобы поправить свѣтильню принесенными для этой цѣли лучинками (ночникъ стоялъ на окнѣ), по своду слабымъ сіяніемъ ложился свѣтъ корридорнаго фонаря, сквозь стеклянную раму надъ дверью. Отраженіе рамы протягивалось вѣеромъ по своду, и, чѣмъ больше меркъ мой ночникъ, тѣмъ ближе тянулись эти радіусы слабаго свѣта къ моей постели.

Когда я лежалъ такимъ образомъ, поджидая плацъ-адъютанта,

у меня все звенѣли почему-то слова Зарубина: «съ окровененіемъ»,—и въ этотъ первый мой вечеръ въ крѣпости сложились у меня въ головѣ даже стихи съ этимъ припѣвомъ. Они, можетъ быть, и плохи, но я ими въ этотъ вечеръ былъ очень доволенъ.

Прошло, вѣроятно, болѣе полутора часа прежде, чѣмъ опять раздался окрикъ: «Старшаго!», загремѣли ключи, и ко мнѣ вошелъ плацъ-адъютантъ съ большими черными усами и съ высокимъ облысѣвшимъ лбомъ, старательно прикрытымъ рѣдкими черными волосами.

— Вы студентъ-съ?—спросилъ онъ меня, отрекомендовавшись и пожавши мнѣ руку.

— Нѣтъ.

Я назвалъ свою фамилію.

— А! вы сочинитель! Это, вѣрно, по прокламаціи?

— Да.

— Это все пустяки.

Онъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ будто самъ долженъ былъ произносить надо мною судъ.

— Васъ скоро выпустятъ.

Старшій принесъ между тѣмъ арестантскую одежду.

Въ числѣ улучшеній въ крѣпости дѣлопроизводитель, провожая меня въ куртину, упоминалъ, между прочимъ, о томъ, что они (онъ говорилъ *мы*) выхлопотали, чтобы бѣлье было потоньше—кадетское. Рубашка и все прочее, принесенное мнѣ, было ужасно сыро, почти мокро, и я могъ только надѣяться, что согрѣюсь въ шинели изъ сѣраго солдатскаго сукна, которая замѣнила мнѣ здѣсь больничный халатъ Тайной Канцеляріи.

Я переодѣлся, а свою одежду переписалъ карандашемъ на бумагѣ. Старшій связалъ ее веревкой, употребивъ вмѣсто завертки мое пальто, и унесъ. Книги плацъ-адъютантъ у меня оставилъ, но бумагу и карандашъ взялъ для спроса о томъ коменданта. Свѣчу обѣщалъ онъ мнѣ доставить завтра, а пока обойтись ночникомъ. Часы тоже взялъ.

Впрочемъ, они были и не нужны. Куранты на соборѣ разыгрывали то и дѣло разныя колѣнца, не считая ужъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и «Боже царя храни». Послѣдній кантъ особенно здѣсь кстати. Такъ какъ его никто, конечно, не можетъ повторить сознательно подъ этими сводами, то лучше всего было предоставить это занятіе мѣднымъ языкамъ колокольни.

— А что, ужинать еще не давали?—спросилъ плацъ-адъютантъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ старшій.—Сейчасъ подадутъ.

— Давай!

Въ дверь вошла цѣлая процессія въ родѣ той, которая выходитъ изъ царскихъ вратъ, вынося разныя ложечки и плошечки и поминая Анну Павловну, королеву нидерландскую. Только блеску,

разумѣется, того не было. Это вѣдь были просто солдаты, несшіе арестанту ужинать.

Одинъ принесъ глиняную пустую кружку и налилъ ее, поставивъ на столъ, чаемъ изъ чернаго отъ копоти большого мѣднаго чайника; другой, съ корзинкой въ рукахъ, вынулъ изъ нея и положилъ на столъ бѣлую булку, два куска сахару и два ломтя чернаго хлѣба; третій принесъ оловянную чашку съ кускомъ жареной говядины и соленымъ огурцомъ; четвертый солонку. Этотъ ужъ вполнѣ уподоблялся тому скромному попу, который выноситъ какую-то жалкую вилочку и на долю котораго именно приходится поминать королеву нидерландскую Анну Павловну. Да, еще одного забылъ, перемѣнившаго воду въ оловянной кружкѣ!

Поставивши передо мною эту трапезу, солдаты разошлись, а вслѣдъ за ними ушелъ и плацъ-адъютантъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи. Меня заперли до слѣдующаго утра.

Въ первый разъ послѣ моего ареста я почувствовалъ дѣйствительный аппетитъ, а тутъ, какъ нарочно, ѣда была самая непривлекательная. Я перенесъ ночникъ съ окна на столъ и при его тускломъ освѣщеніи принялся за говядину. Она была жестка и какъ водится, не разрѣзана, но я уже въ Третьемъ Отдѣленіи успѣлъ немного привыкнуть ѣсть, какъ ѣдятъ звѣри въ звѣринцахъ. Съ трудомъ отрывая зубами волокна жесткаго жаренаго мяса и купая руки въ маслѣ, я уничтожилъ его все, добрался потомъ до трехъ картофелинъ, съѣлъ и огурецъ, самъ удивляясь своему аппетиту. Такъ нелѣпо, однако жъ, было во мнѣ довольство, что я уже не въ Третьемъ Отдѣленіи, что я не ограничился одною говядиной, но съѣлъ и весь черный хлѣбъ, и цѣлую булку, поданную къ чаю

Чай—надо правду сказать—подавался мало похожій на чай. Это была какая-то трава безъ запаха и безъ вкуса. Но къ чему нельзя привыкнуть? Привыкъ я и къ нему.

Послѣ этого ужина я почувствовалъ себя, отчасти какъ дома, въ крѣпости. Спать еще было рано, и я уложилъ на окнѣ въ порядкѣ свои книги. Еще въ первый разъ по выѣздѣ изъ дому у меня оказывалось ихъ такое большое количество. Какъ я уже сказалъ прежде, въ Третьемъ Отдѣленіи мнѣ сразу ихъ не давали, вѣроятно, чтобы не баловать слишкомъ.

Спалъ я въ своемъ печальномъ новосельѣ тоже лучше, чѣмъ въ Тайной Канцеляріи; но, къ несчастью, мнѣ пришлось раза три пробуждаться отъ самаго сладкаго сна.

Часовой, ходившій мѣрными шагами по корридору, частенько приподнималъ желѣзный ставень надъ оконцемъ моей двери и, замѣтивъ, что ночникъ у меня гаснетъ, стучалъ въ стекло оконца и кричалъ, приложившись къ нему лицомъ:

— Ночникъ!

Я просыпался, вскакивалъ, надѣвалъ на босую ногу башмаки,

подходилъ къ окну и поправлялъ лучинкой толстую и обгорѣвшую грибомъ свѣтильню.

Поставить же ночникъ на столъ, поближе къ себѣ, чтобы не подыматься съ постели поправлять его, я не рѣшался. Онъ слишкомъ ужъ коптилъ.

Въ эти промежутки между сномъ меня поражалъ болѣе всего—это я замѣчалъ во все пребываніе свое въ крѣпости—тяжелый храпъ спавшихъ въ корридорѣ солдатъ, чередовавшійся съ бредомъ и порой съ пронзительными криками, такъ что часовой начиналъ обыкновенно будить спящаго, чтобы избавить его, вѣроятно, отъ мучительной грезы.

При воспоминаніи о крѣпостномъ моемъ заключеніи всего живѣе представляются мнѣ именно тамошнія ночи. Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ подъ моимъ сводомъ начинался поздно, этакъ въ исходѣ десятаго, а въ три, и даже въ половинѣ третьяго днемъ нельзя уже было даже близко къ окну читать. И эти четыре-пять часовъ свѣта нельзя назвать днемъ. Ложась на койку при наибольшемъ свѣтѣ, читать было уже не возможно. Только у окна еще не совсѣмъ утомлялись глаза.

Ночникъ, данный мнѣ въ первую ночь, былъ еще изъ лучшихъ, пока съ перваго ноября (какъ объявлялъ мнѣ дѣлопроизводитель) не стали жечь деревяннаго масла. А то приносилась плошка, вонявшая на весь номеръ и коптившая такъ, что на утро тяжело было поднять съ подушки голову, и копоть была не только въ носу, но и въ горлѣ. Чтобы избѣжать этой непріятности, я сталъ зажигать на всю ночь стеариновую свѣчу, а ночникъ гасилъ. Но это было не долго. Мнѣ объявили, что комендантъ отдалъ приказаніе, чтобы вездѣ въ десять часовъ гасились свѣчи и зажигались ночники. Поводомъ было, какъ объяснилъ плацъ-адъютантъ, что студенты засиживаются при свѣчахъ долѣе. Такимъ образомъ, я не избѣгъ ни ночника въ стаканѣ на окнѣ, ни вонючей плошки въ углу на полу, ни неожиданнаго постукиванья часового въ стеклышко двери съ окликомъ:

— Ночникъ!

Точно такъ же скверно горѣлъ фонарь въ корридорѣ. Это я лучше всего могъ слѣдить по отраженію дверной рамы на моемъ сводѣ. Иногда, и при потухающемъ, нагорѣвшемъ ночникѣ у меня, мерцаніе на потолкѣ слабѣло и, наконецъ, совсѣмъ исчезало. Тогда часовой будилъ сторожа, и я слышалъ скрипъ блока и звонъ опускаемаго на немъ фонаря. Свѣтлый вѣеръ на потолкѣ, впрочемъ, недолго оставался свѣтлымъ. Иногда меня будилъ часовой и непроизвольно. Не разъ, вѣроятно, задремавши, онъ ронялъ ружье на полъ, и брякъ его раздавался громко по безмолвному корридору. Слабая полоска свѣта ложилась на косякъ одного изъ оконъ отъ фонаря, прибитаго снаружи стѣны. Въ ночной тишинѣ звонъ крѣпостныхъ часовъ съ ихъ патріотической музыкой разда-

вался громче. Номеръ на ночь холодѣлъ, и въ немъ больше чувствовалась сырость. Печку, правда, топили два раза, утромъ и вечеромъ, но она была слишкомъ мала, чтобы нагрѣвать мою тюрьму. Къ утру она совсѣмъ остывала, и мнѣ только-только сносно было подъ одѣяломъ и сверхъ него подъ толстой шинелью.

Я поднимался съ постели довольно рано, обыкновенно часа за два до свѣта, и взамѣнъ ночника зажигалъ свѣчу. Большею частью мнѣ приходилось ждать, когда совсѣмъ разсвѣтетъ, чтобы умыться. Часовъ около девяти, а иногда и позже слышался окликъ «старшаго!», и я зналъ уже, что это идетъ плацъ-адъютантъ.

Ключи гремѣли, и ко мнѣ, можно сказать, вламывалось чуть не десятокъ солдатъ—подъ предводительствомъ дежурнаго ефрейтора—каждый съ чѣмъ нибудь въ рукахъ. Вслѣдъ за ними входилъ плацъ-адъютантъ; впрочемъ, иногда входилъ и одинъ только ефрейторъ. Вся эта многочисленная военная прислуга, какъ будто, торопилась дѣлать дѣло и выказывала при этомъ такую косолапость, какой я, по правдѣ, вовсе не ожидалъ отъ русскаго солдата, проходящаго такую длинную и тяжелую школу всевозможныхъ выправокъ. Старикъ-сторожъ кидался стемглавъ сначала къ ночнику, потомъ къ кружкѣ съ водой, потомъ къ ящику съ глухою крышкой въ углу номера, что нужно—мѣнялъ, что нужно—выносилъ, двое принимались скрести метлами по сухому полу или же (это бывало, кажется, черезъ день) поливать его и пускать въ ходъ швабры. Приносился стулъ, тазъ, и одинъ изъ солдатъ подавалъ мнѣ умыться изъ кружки. Кромѣ того, являлись, какъ и вечеромъ, хлѣбодары и чаечерпіи со всѣми принадлежностями. Утромъ только чай давали безъ всякаго иного завтрака, кромѣ булки.

Одинъ изъ ефрейторовъ, бойкій грамотный малый, о которомъ я скажу подробнѣе потомъ, особенно заботился о воздухѣ въ моемъ номерѣ. Воздухъ былъ дѣйствительно ужасенъ: сырость и затхлость поражали при входѣ; послѣ посѣщенія этого десятка солдатъ оставался при томъ запахъ сапожной кожи, чадъ отъ ночника, вонь отъ корридорнаго фонаря, запахъ грязной воды отъ сырого пола,—все это сгущалось такъ, что запахъ табаку (а я курилъ довольно) совершенно пропадалъ и оставался только дымъ. Крошечная форточка въ одномъ окнѣ совсѣмъ не освѣжала, а иногда въ нее еще валилъ новый запахъ и чадъ кухонный, вѣроятно, изъ подвальнаго этажа. Заботливый ефрейторъ кропилъ стѣны и полъ ждановской жидкостью и курилъ на раскаленномъ кирпичѣ квасомъ, и только это немного и не надолго улучшало воздухъ.

Умывшись и напившись чаю, я оставался опять одинъ до обѣда, если не заходилъ ко мнѣ комендантъ или плацъ-маіоръ. Ихъ посѣщенія, конечно, не имѣли ничего похожаго на тѣ визиты, отъ которыхъ я изнывалъ въ Тайной Канцеляріи. Комендантъ Сорокинъ, сухой военный формалистъ, заходилъ лишь изрѣдка и огра-

ничивался краткими вопросами о моемъ здоровьѣ, о томъ, всѣмъ ли я доволенъ, и проч. Напротивъ, посѣщенія добраго и любезнаго плацъ-маіора доставляли мнѣ удовольствіе.

Часовъ около двухъ приносили мнѣ обѣдъ, который вовсе не возбуждалъ во мнѣ желанія прикасаться къ нему, если это не были щи да гречневая каша. Къ сожалѣнію, эти простыя блюда подавались рѣдко; считалось почему-то нужнымъ разнообразить обѣдъ и придавать ему отчасти «дворянскій» характеръ. Вѣдь крѣпость не просто острогъ. Поэтому давался супъ, напримѣръ, и макароны, или супъ и говядина съ соусомъ изъ брюквы, или супъ и говядина съ картофелемъ. Всегда два кушанья и только раза два-три прибавлялся къ этому пирогъ съ кашей. Для обѣда арестанта было ассигновано не болѣе одиннадцати копѣекъ въ сутки. На такія деньги при петербургской дороговизнѣ не очень-то разгуляешься, особенно когда въ этотъ же счетъ кладется и поддержка ночниковъ. Не удивительно, поэтому, что супъ обыкновенно не представлялъ никакого отличія отъ грязной горячей воды, что говядина была похожа—по выраженію Хлестакова—на топоръ, что масло было горькое и проч. Искусство крѣпостного повара особенно проявлялось въ приготовленіи макаронъ. Онѣ подавались въ видѣ какой-то плотной массы, которую нужно было рѣзать, чтобы ѣсть. Но у меня, какъ я уже сказалъ, не было не только ножа или вилки, но и ложки, чтобы размѣшивать чай. Одинъ изъ ефрейторовъ, видя, что я мѣшаю чай однимъ изъ концовъ лучинки, другимъ концомъ которой поправляю свѣтильню ночника, принесъ мнѣ безъ всякаго намека даже съ моей стороны двѣ лучинки, обструганныя одна въ видѣ лопаточки, а другая въ видѣ вилки. Послѣднюю я сломалъ, а лучинка-ложечка у Шелгуновой.

Дня черезъ два мнѣ такъ опротивѣлъ крѣпостной обѣдъ, что я принялся бы, конечно, довольствоваться однимъ чаемъ, если-бъ....

. . . .

Кромѣ книгъ, бывшихъ со мной, я сталъ получать здѣсь журналы и только тутъ началъ вполнѣ понимать, что читаю. Почти все время и до обѣда, и послѣ обѣда, и вечеромъ я читалъ. Писать у меня какъ то не было охоты,—да при томъ комендантъ выдалъ мнѣ всего одинъ листъ бумаги.

Часто послѣ обѣда я спалъ, потому что засиживался вечеромъ слишкомъ долго и вставалъ поутру слишкомъ рано.

Вечеромъ я съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ, почти съ жадностью, ожидалъ чая и ужина. Послѣ скуднаго обѣда меня обыкновенно ужъ часовъ въ пять начиналъ пронимать голодъ.

За ужиномъ слѣдовала такая же ночь, какую я уже описалъ.

Вотъ какъ тянулся день за днемъ, безъ всякаго разнообразія.

Особенно памятны остались мнѣ только мои поѣздки въ се-

нать, пріѣздъ Суворова, о назначеніи котораго генералъ-губернаторомъ я еще не зналъ,—и потому думалъ, что это Игнатьевъ ко мнѣ пріѣхалъ. Въ первый визитъ свой онъ пробылъ у меня очень недолго, и сдѣлалъ только нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ: какое мое дѣло? откуда я? не желаю ли чего-нибудь? доволенъ ли содержаніемъ? и т. под.

Потомъ осталось у меня въ памяти утро 6-го ноября, въ которое по случаю царскихъ какихъ-то крестинъ палили въ крѣпости изъ пушекъ.

Грусть часто таки нападала на меня все это время, хотя я всячески старался побороть ее въ себѣ чтеніемъ или, по крайней мѣрѣ, не выказывать предъ тѣмъ, кто меня видѣлъ.

Особенная горечь на сердцѣ—помню—была у меня въ тотъ день, какъ выпалъ первый снѣгъ. Я отворилъ крохотную форточку свою и увидалъ, что комендантскій садъ съ его голыми деревьями (только этотъ садъ да окружающій его сѣрый заборъ и видно было въ эту форточку) побѣлѣлъ. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальняя дорога, которой я дѣйствительно и не миновалъ. Въ унылому саду, расположенномъ передъ окнами моей тюрьмы, я видѣлъ раза два толпы прогуливавшихся тамъ студентовъ, но меня имъ нельзя было видѣть. Разъ я встрѣтилъ ихъ также во дворѣ, отпросившись у коменданта погулять и хоть немного освѣжиться. Они шли, кажется, изъ бани, и я могъ раскланяться съ Залѣсскимъ, въ енотовой шубѣ и лѣтней шляпѣ съ широкими полями. Въ прогулкѣ этой (снѣгу тогда еще не было, кажется) меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ. Я вышелъ съ нимъ за ворота крѣпости и посмотрѣлъ—это было въ послѣдній разъ—на угрюмый и сѣрый Петербургъ, на мерзнущую Неву, на сердито-нахмуренный вдалекѣ Зимній дворецъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОГАРОКЪ.

Это было вскорѣ послѣ большого боя. По великому кровавому сибирскому пути текли два потока: одинъ — изъ Россіи на востокъ — состоялъ изъ здоровыхъ людей; другой—съ востока въ Россію—изъ людей разбитыхъ, исковерканныхъ. Санитарные поѣзда были полны; раненыхъ везли въ скотскихъ вагонахъ, на которыхъ написано: „сорокъ человѣкъ, восемь лошадей". Около Харбина скопилось цѣлое море вагоновъ, наполненныхъ искалѣченными людьми. Дожидались очереди по нѣскольку дней, долгихъ и томительныхъ, какъ вѣчность. Потомъ начинался тоскливый путь въ Россію въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Въ нѣкоторыхъ городахъ больныхъ разбирали: тѣхъ, которые не могли дальше продолжать путь, оставляли въ госпиталяхъ и лазаретахъ; остальныхъ сажали въ новые поѣзда, тоже набитые калѣками, и везли дальше.

Владиміръ Александровичъ Пилецкій былъ раненъ въ бою. Мимо него пролетѣла шимоза и разорвалась неподалеку. Ударомъ воздуха и осколками снаряда ему снесло всѣ мягкія части лица, выбило глаза, разбило нижнюю челюсть. На лицо ему наложили заплату изъ кожи, снятой съ его же руки. Какъ офицеръ, онъ попалъ въ поѣздъ вскорѣ послѣ боя, и рана его подживала уже въ вагонѣ. Изъ лица вышла безобразная, взволнованная, рубчатая поверхность съ дырою вмѣсто рта, безъ подбородка. Вышла такъ называемая въ медицинѣ осетриная морда...

Наконецъ, рана засохла; повязку сняли съ лица.

Долго ощупывалъ онъ ночью свою ужасную маску. Все его существо наполнилось холодомъ невѣдомаго чувства. Это чувство было тяжелѣе страха смерти, который ему пришлось пережить на войнѣ. Тамъ былъ страхъ потерять жизнь, ужасъ живого передъ смертью, а это былъ страхъ передъ жизнью. Ему казалось, что онъ превращенъ въ какое-то новое, невиданное міромъ животное, но сохранилъ свое преж-

нее человѣческое сознаніе. И, что ужаснѣе всего, — никто никогда не признаетъ въ немъ прежняго Владиміра Александровича. Тотъ былъ красивый, говорунъ, остроумный шутникъ. Его любили товарищи и женщины. А это—кто-то ужасный, безликій; говоритъ, точно плюетъ. При видѣ его ужаснутся всѣ близкіе, даже мать, жена и дѣти; ужаснутся не съ сожалѣніемъ, а съ отвращеніемъ и страхомъ.

Такія мысли мучили его ночью въ вагонѣ. Раньше онъ не вполнѣ понималъ свое несчастье. На лицѣ была повязка; его лихорадило; часто онъ былъ въ забытьѣ. Теперь ему стало лучше; повязка снята—и вотъ она, его маска; онъ ощупываетъ ее руками, какъ какую-то гадину въ десятый, въ сотый разъ. Ему хочется запустить въ нее пальцы и разодрать ее, уничтожить...

Ему страшно. Онъ старается думать о другомъ.

Въ вагонѣ душно. Пахнетъ іодомъ, пòтомъ и гнилымъ мясомъ. Вагонъ качается на рессорахъ. Койка однообразно, назойливо скрипитъ. Что-то снаружи стучитъ въ стѣну вагона. Вѣроятно, веревка, а можетъ быть—другое что.

— Тукъ, тукъ, тукъ.

И какъ все это случилось?

Послѣдній часъ, когда для него покрылся тьмою весь міръ, вспоминается въ подробностяхъ. Окопъ... Подъ насыпью сидятъ и лежатъ въ разныхъ положеніяхъ солдаты. День ясный, небо голубое, на горизонтѣ кругомъ горы. Вверху такъ хорошо,—такая голубая спокойная бездна! Но на землѣ творится необычное. Слышны гулкіе громовые раскаты; низко надъ землею, точно привидѣнія, ходятъ синевато-бѣлые клубки дыма; пахнетъ гарью. Лица у солдатъ взволнованныя, строгія. Въ верстѣ отъ окопа, между камнями, изрѣдка мелькаютъ сѣрыя точки. Это наступаютъ, пробираются къ нимъ японцы. За ними нужно смотрѣть. Но высунуться изъ-за насыпи страшно; надъ насыпью поютъ пули.

Пилецкій чувствуетъ, какъ у него непріятно колотится въ груди сердце; по всему тѣлу пробѣгаетъ частая утомительная дрожь. Чтобы зубы не стучали, онъ стиснулъ крѣпко скулы, взялъ въ руки бинокль и приподнялся надъ валомъ. На валу торчитъ короткая, сухая, обломанная пулями трава. Она мѣшаетъ смотрѣть. Онъ поднимается выше. Пули вьются около него, точно большія мухи, и шлепаются въ насыпь. Онъ выдерживаетъ минуты двѣ и прячется за брустверъ.

Направо и налѣво опять онъ видитъ длинный рядъ солдатъ со строгими лицами, стиснутыми скулами. А надъ ихъ головами въ синемъ небѣ, точно черныя птицы, съ зловѣщимъ жужжаньемъ пролетаютъ большіе снаряды и разбиваютъ сосѣднюю, верстахъ въ трехъ отъ окопа, желѣзнодо-

рожную станцію. Нѣкоторыя зданія уже горятъ, нѣкоторыя покачнулись въ смертельномъ ужасѣ, ожидая новыхъ ударовъ. А удары сыплются одинъ за другимъ. Видно, какъ летятъ щепки и камни разбитыхъ строеній, какъ во всѣ стороны отъ нихъ, точно тараканы, припадая къ землѣ, въ страхѣ разбѣгаются люди...

Но нужно смотрѣть впередъ на сѣрые камни, движущіяся точки; нужно снова высунуть голову подъ пули и молча чувствовать, какъ смертельный ужасъ раздираетъ когтями все тѣло... Вдругъ кто-то посторонній разжалъ его скулы и сказалъ его же голосомъ:

— Братцы, кто хочетъ посмотрѣть?..

Встаетъ солдатъ изъ запасныхъ, раскольникъ, Онуфрій Бычекъ, съ благообразнымъ лицомъ, съ большой русой бородой и протягиваетъ руку къ биноклю.

— Дайте, я погляжу, вашбродіе.

Пилецкій съ чувствомъ облегченія садится за насыпь, а солдаты становятся рядомъ съ нимъ. Что-то щелкнуло, точно арбузъ раскололся. Солдатъ упалъ съ пробитымъ лбомъ. Пилецкій снова беретъ бинокль и снова смотритъ на движущіяся точки. Солдатъ стонетъ, крестится широко, истово двумя перстами и говоритъ:

— Нынѣ отпущаеши... Христіане, пристрѣлите...

Проходитъ минута томительная, долгая. Пилецкій снова садится, и опять кто-то чужой говоритъ его голосомъ:

— Молодцы, кто желаетъ посмотрѣть?

Солдаты, точно, не слышатъ. Никто не отозвался, никто не всталъ. Пилецкому стало такъ больно, обидно и стыдно, что къ его горлу подступилъ горькій, твердый клубокъ, свитый изъ слезъ и негодованія на кого-то и за что-то... Въ это время близко зашумѣла, какъ большая зловѣщая птица, шимоза. Его толкнуло въ лицо чѣмъ-то упругимъ, что-то треснуло, опять ударило въ лицо, въ глазахъ блеснулъ ослѣпительный свѣтъ, и на голубое небо, на далекія горы, на сѣрыя движущіяся точки упало черное покрывало.

Гдѣ теперь идетъ поѣздъ? Вѣроятно, по берегу Байкала. Слышно, какъ плещется о каменистые берега таинственное священное море, а въ вагонѣ ходитъ струйка влажнаго холода. Байкалъ, это—холодное сибирское сердце; оно бьется и разноситъ холодъ по всей странѣ. Какія красивыя горы, какая даль! Когда они ѣхали на войну, поѣздъ подходилъ къ Байкалу вечеромъ. Послѣдній поворотъ въ ангарской долинѣ, и передъ ними открылся лазурнымъ треугольникомъ Байкалъ. Вдалекѣ, съ длиннымъ чернымъ хвостомъ изъ дыма, шелъ ледоколъ „Байкалъ". Надъ нимъ, за нимъ и подъ нимъ все воздушно, прозрачно: голубое небо, синія горы, лазур-

ное море. Казалось, „Байкалъ“ летѣлъ въ воздухѣ... И ничего этого Пилецкій больше не увидитъ никогда!

Можетъ быть, если сильнѣе попросить Бога, то Онъ возвратитъ ему глаза и лицо?

Пилецкій сталъ молиться, какъ въ дѣтствѣ. Все его существо плакало и просило.

— Господи! Ну, что Тебѣ стоитъ сдѣлать меня здоровымъ, зрячимъ, красивымъ. Господи! У меня мать, жена, дѣти!.. Добрый Боже, я не буду больше грѣшить, не буду никого обижать, не буду лгать... Ну, Господи, Ты милостивый, всемогущій... Дай же, дай!..

Онъ плакалъ навзрыдъ, валяясь на койкѣ. Отъ слезъ у него налилась кровью голова и заболѣли глаза...

Нѣтъ, все та же маска. Чуда нѣтъ. Все темно и страшно. Онъ забылся.

Но, можетъ быть, все это сонъ. Нѣтъ ни санитарнаго поѣзда, ни ужасной маски, ни войны; можетъ быть, онъ уснулъ, а когда проснется,—очутится по прежнему дома веселымъ, здоровымъ.

Пилецкій вытянулся на койкѣ и лежалъ, не шевелясь. Ему хотѣлось продлить очарованіе самообмана, хоть на минуту, на секунду. Руки его тянулись къ лицу, чтобы убѣдиться въ страшной дѣйствительности, но онъ лежалъ неподвижно. Наконецъ, ему показалось, что онъ и, въ самомъ дѣлѣ, спитъ; хочетъ пошевелиться и не можетъ; хочетъ закричать, нѣтъ голоса. Имъ овладѣла безмѣрная радость.

— Сонъ, сонъ! Все это сонъ!

Онъ вскочилъ и больно ударился обо что-то головой. Вагонъ качается; пахнетъ іодомъ. Прежняя тьма кругомъ.

У Пилецкаго по всему тѣлу выступилъ холодный потъ. Онъ сталъ задыхаться, вскочилъ съ кровати и, натыкаясь на койки больныхъ, пошелъ къ двери и сталъ стучать. Вошелъ санитаръ. Позвали доктора. Пилецкому дали какого-то лѣкарства, и онъ забылся.

II.

На слѣдующій день съ утра Пилецкій попросилъ доктора снова завязать ему лицо.

— Этого не нужно дѣлать. Теперь все зажило. Можно безъ повязки.

— Я умоляю васъ, докторъ.

Ему снова завязали лицо. Онъ цѣлый день лежалъ на койкѣ и думалъ.

Вотъ онъ пріѣхалъ домой въ свой городъ вечеромъ. Ни

жена, ни мать не знаютъ объ этомъ. Его никто не встрѣчаетъ на вокзалѣ. Онъ беретъ извозчика и ѣдетъ по улицамъ. Знакомые дома, магазины, столбы. Вотъ, на углу два извозчика. Они постоянно сидятъ на козлахъ, спятъ или разговариваютъ о политикѣ. Вотъ мясная лавка, мимо которой Пилецкій каждый день ходилъ на службу. Надъ ея дверью нарисованъ большой прыгающій быкъ, похожій больше на осла, чѣмъ на быка. Купецъ-мясникъ—толстый, красный, съ одышкой, Пантелей Өедорычъ. Когда его спрашивали, почему быкъ прыгаетъ, если Пантелей Өедорычъ его скоро зарѣжетъ, то онъ резонно отвѣчалъ: „По глупости".

Что теперь дѣлаютъ дома? Вѣроятно, маленькій ребенокъ спитъ, а трехлѣтняя Надя сидитъ за столомъ и чертитъ карандашомъ по бумагѣ. Жена его, Вѣра, сидитъ рядомъ съ Надей, смотритъ въ книгу, но книга не читается.

— Надя, ты хочешь спать?—спрашиваетъ Вѣра.

— Сесь...—отвѣчаетъ Надя. „Сесь" у ней значитъ: не хочу.

Снова тишина. Жена сидитъ и думаетъ, гдѣ теперь ея Володя. Какъ бы хотѣлось увидѣть его, обнять и цѣловать, цѣловать безъ конца. Но онъ далеко...

А онъ не далеко, а близко, уже въ ста шагахъ. Скорѣе, извозчикъ, скорѣе, голубчикъ!

Жена его красивая, съ такимъ милымъ, любящимъ лицомъ. А мать маленькая, сморщенная старушка. Она и дни, и ночи думаетъ о томъ, здоровъ ли онъ, живъ ли? Почти ослѣпла отъ слезъ, какъ пишетъ жена...

Вотъ и знакомыя ворота; вотъ стоитъ дворникъ, Ефремъ съ бляхой на груди, и грызетъ подсолнухи. Это онъ отдыхаетъ вечеромъ отъ работъ. Увидѣвъ Пилецкаго, онъ обрадовался.

— Здравстуйте, баринъ! Заждались мы васъ всѣ.

У Ефрема лицо плоское, рябое, глаза безцвѣтные. Онъ улыбается широкимъ до ушей ртомъ.

— Здравствуй, Ефремъ! У насъ всѣ здоровы?

— Слава Богу, баринъ! Здоровы... Вотъ-то радости будетъ сейчасъ...

Пилецкій бѣжитъ въ домъ, вбѣгаетъ на лѣстницу и звонитъ. Сердце у него бьется сильно. Открываетъ служанка Паша. Онъ ей шепчетъ:

— Молчи, Паша, голубушка.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ жена изъ сосѣдней комнаты.

— То тамъ?—переспрашиваетъ Надя, болтая ногами.

Пилецкій, весь дрожа отъ радостнаго волненія, входитъ въ знакомую комнату.

— Здравствуй, Вѣра...

Жена вскакиваетъ. Все лицо у ней заливаетъ краска. Поднялся шумъ. Надя за годъ забыла папу, не узнала, плачетъ.

— Надичка, да это же папа, нашъ милый папа пріѣхалъ!—говоритъ жена.

— Папа?—недоумѣваетъ Надя.—Па-па?

Она пробуетъ на языкъ это слово: какъ будто знакомое и возбуждаетъ смутныя, хорошія чувства...

— Па-па! Па-па!—все твердитъ Надя.

Онъ беретъ Надю на руки. Маленькое тѣльце прижимается къ нему, руки несмѣло обвились вокругъ шеи.

Изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ старушка-мать. Она не можетъ выговорить отъ радости ни слова, а только плачетъ и трясетъ головой. Всѣ обступили Пилецкаго, жмутся къ нему, цѣлуютъ. Лица у всѣхъ радостныя. Наконецъ-то, всѣ снова вмѣстѣ. Радуется и черный пудель, Соколъ. Онъ валяется въ ногахъ Пилецкаго, ласково хватаетъ ихъ зубами, колотитъ по полу хвостомъ и визжитъ.

Но вотъ, откуда-то, точно холодомъ пахнуло, другое настроеніе. Оно ползетъ по полу, точно змѣя, поднимается выше и выше, обвивается вокругъ всего тѣла, сжимаетъ грудь, холодитъ сердце...

Картина вдругъ мѣняется.

„Кто это ужасный, безлицый?"—чувствуетъ онъ общій вопросъ. Этотъ вопросъ написанъ на лицѣ жены, матери, прислуги; объ этомъ спрашиваютъ его стѣны, знакомые стулья, книжный шкафъ. Надя плачетъ отъ страха. Жена и мать блѣдныя.

— Кто это?

— Да это я, Вѣра! Это я же, мама! Я вашъ Володя..

Дальше картина исчезаетъ. Пилецкій извивается на койкѣ отъ жестокой внутренней боли. Колеса стучатъ по рельсамъ. Вагонъ покачивается. Пахнетъ іодомъ и гнилымъ тѣломъ.

— Мать умретъ отъ горя,—думаетъ Пилецкій.—А что же будетъ дѣлать съ нимъ всю жизнь жена? Онъ страшный уродъ; зачѣмъ онъ будетъ сидѣть дома, вѣчный источникъ злобы и страха? Онъ превратитъ свой домъ въ гнѣздо тарантула, въ пристанище змѣи... Не можетъ же жена всю жизнь любить и жалѣть такого страшнаго урода. Она молодая, здоровая, красивая...

Пилецкій представилъ себѣ ясно, какъ его Вѣру передъ нимъ обнимаетъ, цѣлуетъ кто-то другой... Эта мучительная картина доставляла ему особенное острое наслажденіе и

страданіе, и онъ рисовалъ ее себѣ во всякихъ подробностяхъ. И снова извивался на койкѣ отъ внутренней боли.

А вагонъ все покачивается. Колеса стучатъ. До дому еще далеко, но съ каждымъ поворотомъ колеса онъ къ нему приближается. И хочется туда, и страшно ѣхать. Самое страшное для него тамъ. Только тамъ, въ родномъ домѣ ему будетъ сдѣланъ окончательный приговоръ, спѣта будетъ заживо панихида. Тамъ конецъ радостямъ жизни, вѣчная тьма въ душѣ и тѣлѣ. Теперь его еще любятъ, его ждутъ. Но что будетъ, когда онъ пріѣдетъ домой?.. Если бы онъ былъ убитъ, о немъ плакали бы и вспоминали всю жизнь съ хорошимъ свѣтлымъ чувствомъ. А теперь онъ ѣдетъ затѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, внушить къ себѣ ужасъ, отвращеніе семьи, убить мать и, во вредъ другимъ, себѣ не въ радость, тянуть долгіе годы. Зачѣмъ обошла его смерть?

Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше охватывалъ его страхъ. Ему казалось, что онъ катится по наклону въ темную, бездонную пропасть.

III.

На сборный пунктъ санитарный поѣздъ пришелъ къ вечеру. Началась обычная возня съ больными. Сильно больныхъ брали на носилки и клали въ телѣжки, чтобы отправить въ госпиталь. Тѣ, которые могли ходить сами, выползали на платфору въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ сѣрыми лицами, помогали другъ другу. На здоровыхъ людей они смотрятъ съ завистью, угрюмо. Въ лихорадочныхъ глазахъ видна безконечная тоска по загубленной жизни, по домѣ, женѣ, дѣтямъ. Среди этой сѣрой искалѣченной толпы видны чиновники и военные съ эполетами, шашками. Комендантъ поѣзда, красный, толстый, горячится и кричитъ на солдата.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, каналья, береги бумагу! Куда же ты ее дѣлъ?

Передъ нимъ стоитъ солдатъ, съ оглупѣвшимъ безсмысленно, напряженнымъ лицомъ, и держитъ корявую ладонь у рванаго козырька.

— Не знаю, вашбродь!.. Пропала...

— Пропала! Что ты будешь дѣлать съ такимъ скотомъ. Да вѣдь ты, сукинъ сынъ, долженъ былъ ее въ зубахъ держать.

Солдатъ дрогнулъ, проглотилъ слюну и сказалъ:

— Такъ точно, вашбродь... Въ зубахъ держать...

— Что-о-о?

— Въ зубахъ, говорю, держать должонъ, вашбродь.

— Ну, а ты что же?

— Виноватъ, вашбродь...

— Ну, вотъ поглядите на него!.. Хи, хи, хи...

Начальникъ залился злобнымъ смѣхомъ. Его пухлое лицо налилось кровью, правая рука сжалась въ кулакъ и задрыгала безпокойнымъ желаніемъ разрядить гнѣвъ прикосновеніемъ къ отупѣвшему солдатскому лицу. Но въ это время около одного вагона собралась толпа. Послышались ахи, охи. На длинной платформѣ какъ-то вдругъ стало тихо, точно покойника принесли. Озлобленный комендантъ пошелъ къ толпѣ. Въ рединѣ ея лежало что-то сѣрое, круглое, похожее на невѣдомаго звѣря, съ поджатыми лапами и горящими глазами. Этотъ звѣрь поднималъ голову и металъ по сторонамъ безпокойными глазами, точно искалъ защиты. Но вдругъ глаза его замигали, грязныя, покрытыя оспенными рытвинами щеки задергались, и на платформу закапали слезы.

— Вотъ... Господи!.. За что ты меня наказалъ?—пробормоталъ звѣрь.

Да это не звѣрь, а человѣкъ безъ рукъ и безъ ногъ.

— Вотъ-те и война! Тоже, герои... Поди-ка повоюй, кто хочетъ,—не обращаясь ни къ кому, сказалъ бородатый солдатъ изъ запасныхъ.

— Ну, чего тутъ спины чешете!—закричалъ комендантъ.— Неси его! Повою-у-уй...—передразнилъ онъ солдата.—Смотри, у меня повоюешь...

Онъ закончилъ скверным ругательствомъ. Бородатый солдатъ съежился, схватилъ носилки вмѣстѣ съ другимъ безусымъ, остроносымъ, худенькимъ солдатикомъ. Другіе отошли въ сторону осторожно, съ какимъ то страхомъ.

— Тоже, повою-у-уй! не унимался начальникъ.—Другихъ смущаешь... Я тебѣ, баранья голова!..

Худенькій солдатъ хотѣлъ, видимо, загладить слова бородатаго; семеня по платформѣ жидкими ногами, проходя мимо коменданта, онъ говорилъ бородатому:

— Слова твои ни къ чему, Василій. Коли надо, и повоюемъ. Извѣстно, мы за царя и за Русь... живота не пожалѣемъ.

Коменданту эти слова показались обидной насмѣшкой. У него появилось жгучее желаніе наказать тщедушнаго солдатика, избить его или посадить подъ арестъ. Но не къ чему было придраться. Стиснувъ зубы, онъ только крикнулъ со злобой:

— Ты у меня поговоришь, чортова морда, поговоришь!..

Въ это время къ нему подошелъ старшій врачъ поѣзда, худой, длинный человѣкъ, въ затасканномъ пальто, съ боль-

шой курчавой головой. Онъ размашисто жестикулировалъ длинными руками. Издали можно было подумать, что докторъ дѣлаетъ передъ комендантомъ гимнастическіе упражненія, а комендантъ смотритъ, нѣтъ ли въ его движеніяхъ ошибки.

— Послушайте. Никаноръ Савельичъ! Что же дѣлать съ офицеромъ Пилецкимъ?—спросилъ докторъ, дѣлая гимнастику.—Просится, чтобы его здѣсь оставили.

— Такъ оставьте. Отправятъ въ госпиталь.

— Но вѣдь онъ здоровъ... Я положительно не понимаю, что за фантазія. Могъ бы доѣхать домой. У него мать, жена, дѣти. Не понимаю... Дмитрій Николаевичъ!—крикнулъ онъ проходящему младшему врачу.—Выпишите съ поѣзда Пилецкаго!..

По платформѣ сновали солдаты, больные. Изъ вагона для умалишенныхъ выбѣжалъ больной въ длинной бѣлой рубахѣ. Онъ бѣжалъ по платформѣ и кричалъ:

— Спасайтесь, кто можетъ, врагъ близко, спасайтесь!

Въ глазахъ его невыразимый ужасъ. На лицѣ страшная печать возмущеннаго больного духа. Пряди волосъ прилипли къ блѣдному мокрому лбу. За нимъ бѣгаютъ два санитара, ловятъ его. Прочіе сторонятся со страхомъ. Его поймали, а онъ все еще кричитъ:

— Спасайтесь, братцы! Кто можетъ, бѣгите.

Прошла сестра милосердія въ бѣломъ передникѣ и бѣлой наколкѣ, красивая, румяная. Ее видно издали въ сѣрой толпѣ. Она идетъ мелкими шагами, постукивая по доскамъ высокими каблуками и качая бедрами. Противъ одного вагона столпились больные офицеры въ халатахъ и туфляхъ. Они, видимо, уже выздоравливали и чувствовали себя весело, потому что ужасы войны далеко, какъ страшный сонъ, что ѣдутъ въ Россію къ роднымъ, знакомымъ... Изрѣдка у нихъ раздавались веселые взрывы смѣха. Когда сестра прошла мимо нихъ, они проводили ее ощупывающими жадными взглядами.

Вскорѣ изъ офицерскаго вагона вышелъ Пилецкій съ плотно-обмотанной головой. Лица его не было видно совершенно. Съ правой стороны его поддерживалъ санитаръ. Больной ступалъ ногами бодро, подрыгивая ляжками, и только слегка покачивался отъ непривычки ходить по землѣ послѣ долгой тряски въ вагонѣ. Казалось, онъ для шутки обмоталъ себѣ голову полотномъ, и санитаръ нарочно бѣжитъ рядомъ съ нимъ, поддерживая его за согнутый локоть, остерегая отъ неровностей пути. Увидѣвъ его, старшій врачъ крикнулъ:

— До свиданія, Владиміръ Александровичъ! Пріѣзжайте скорѣе въ Москву!..

Больной остановился и, не поворачивая головы, какъ дѣлаютъ слѣпые, протянулъ руку въ ту сторону, откуда слышалъ голосъ. Но разобрать, что онъ сказалъ, было трудно. Слышно было только одно слово: „прощайте“. Потомъ онъ мотнулъ своимъ бѣлымъ сверткомъ и пошелъ дальше.

— Ужасная судьба! — прошепталъ докторъ. — Нѣтъ, вы представвте себѣ, все лицо сорвало! Куда такой пригоденъ? А вѣдь онъ здоровъ совершенно.

Весеннее солнце свѣтило ярко. Свѣжій воздухъ бодрилъ и шевелилъ въ тѣлѣ какія-то веселыя струны. Комендантъ сладко улыбнулся, провелъ рукой по жирному лицу, точно хотѣлъ убѣдиться, что оно у него цѣло, и хихикнулъ.

— А хорошо бы теперь кофейку хлебнуть. Надоѣло все это страшно.

Взявшись съ докторомъ подъ руку, они ушли въ вагонъ.

IV.

Долго тряслась по неровной дорогѣ больничная линейка. Госпиталь, куда везли Пилецкаго, былъ расположенъ на высокомъ отлогомъ берегу рѣки.—Вокругъ госпиталя веселой толпой скучились молодыя березки, а по склону вразбродъ стояли березы старыя. Казалось, онѣ отстали отъ своихъ молодыхъ подругъ и не могли подняться на вершину по своей дряхлости и остановились по склонамъ въ безсильномъ и грустномъ одиночествѣ. Внизу стеклянной полосой изогнулась широкая рѣка. Солнце уже садилось. Чувствовалась вечерняя прохлада.

Рядомъ съ Пилецкимъ лежалъ какой-то раненый; онъ изрѣдка стоналъ и, при сильныхъ толчкахъ, бранилъ возницу слезливымъ голосомъ.

— Ну, куда прешь, куда ты прешь! Ослѣпъ, что ли? Вправо держи, тамъ ровнѣе.

Пилецкій завидовалъ этому больному, что онъ можетъ браниться, указывать возницѣ дорогу.

Когда они пріѣхали въ госпиталь, тамъ шла суета съ пріемомъ больныхъ. Всѣ мѣста въ офицерскомъ отдѣленіи были заняты, а потому Пилецкаго временно помѣстили въ какую-то отдѣльную комнату рядомъ съ канцеляріей. Такъ показалось Пилецкому, потому что онъ слышалъ по сосѣдству за перегородкой шуршанье бумаги, разговоръ писарей о номерахъ, бумагѣ, рапортахъ, приказахъ. Потомъ писаря

ушли. Все затихло. Пилецкій легъ на койку и пролежалъ такъ съ минуту.

Сначала ему было пріятно, что койка не скрипитъ, въ стѣну снаружи ничто не стучитъ. Но скоро тишина стала его давить. Она налегала на него со всѣхъ сторонъ, точно что-то тяжелое, упругое; потомъ все уплотнялась и уплотнялась, становилась жесткой, какъ дерево, камень, желѣзо... Онъ вскочилъ съ кровати и началъ ходить по комнатѣ, натыкаясь на стѣны и мебель. Звуки шаговъ разсѣяли тягостную тишину. Онъ сталъ ощупывать комнату. Сажени двѣ въ длину и не болѣе сажени въ ширину. Въ лѣвомъ углу столъ, около правой стѣны кровать; рядомъ съ кроватью табуретъ; противъ кровати дверь въ корридоръ; одна стѣна досчатая; сквозь нее и слышенъ былъ разговоръ писарей. Полъ асфальтовый.

— Что же дѣлать здѣсь?—подумалъ Пилецкій.—Ѣхать домой страшно, но и здѣсь страшно.

Скоро баракъ опять зашумѣлъ, точно улей, когда объ него постукаютъ палочкой. Команда собралась на площадкѣ передъ госпиталемъ на молитву. Изъ сотенъ грудей раздались торжественные звуки молитвы. Пилецкому сразу сдѣлалось до боли тоскливо.

Дальше онъ слышалъ перекличку команды, топотъ многихъ ногъ и снова разговоръ писарей въ сосѣдней комнатѣ... Сначала они мѣнялись только что пережитыми впечатлѣніями, бранили гнилой горохъ, сырой хлѣбъ, потомъ закурили и перешли на болѣе общія темы.

— И отчего это, братцы, у меня постоянно бокъ болитъ?— послышался грустный, немного надтреснутый голосъ. — И лѣчился я, а все болитъ.

— Видно, такая болѣсть хитрая,—увѣренно отвѣчалъ другой басистый голосъ.—Не всякій докторъ можетъ болѣсти лѣчить. Вотъ, къ примѣру, мой своякъ, Прохоръ... Таперя онъ на войнѣ. Не знаю, живъ ли сердяга... Такъ вотъ, онъ мнѣ сказывалъ. Болитъ голова, болитъ, да и только. Всякими средствами лѣчилъ — не помогаетъ. Въ конецъ, одинъ докторъ посовѣтовалъ: надо, говоритъ, тебѣ операцію сдѣлать. Сдѣлать, такъ сдѣлать; согласился Прохоръ. Докторъ взялъ, да черепъ ему сверху и снялъ. Глядь, а подъ черепомъ лягушка сидитъ зеленая да ба-а-альшущая! Взять бы ее — нельзя; она лапами за мозгъ держится. Докторъ ее и выманилъ на бѣлую бумагу,—сама вышла. Черепъ этто онъ на мѣсто положилъ, зашилъ все, какъ слѣдуетъ. И что же, вѣдь вылѣчилъ! Съ тѣхъ поръ у мужика и голова ни разу не болѣла.

— И все врешь ты, Силанъ,—послышался недовѣрчивый голосъ.

— Ну, вотъ, что мнѣ врать. Я съ тебя денегъ не взялъ, чтобы врать-то... Самъ мнѣ Прохоръ сказывалъ. Чай, про себя врать не будетъ.

— Эхъ, хи-хи! И когда это, братцы, замиреніе выйдетъ?— послышался новый голосъ, въ которомъ Пилецкій узналъ своего недавняго возницу.—Сколько народу перепортили, страсть! Вотъ я сегодня офицера привезъ. Самъ цѣлъ, а лица нѣту. Не человѣкъ, а огарокъ...

— Да ну...

— Тише вы, черти!—послышался шепотъ.—Онъ здѣсь, рядомъ.

Кто закашлялъ, кто чиркнулъ спичкой. Всѣ смутились. Только Силанъ нашелся.

— Господамъ что! У нихъ все готовое. А вотъ нашъ братъ, коли силы своей рѣшится, такъ ужъ ему одно остается—помирать. Вотъ сегодня на сборномъ былъ солдатъ безъ рукъ, безъ ногъ, совсѣмъ никудышный. Не человѣкъ, а критикъ. Женѣ подарочекъ привезутъ. На, молъ, жена, корми! Хе, хе, хе... А барамъ что!

— Это ты врешь, Силанъ!—опять возразилъ недовѣрчивый солдатъ.—Кому ни доведись, безъ рукъ, безъ ногъ, али безъ лица—совсѣмъ плохо...

Пилецкій почувствовалъ, будто въ груди у него потекла холодная вода. Слово, брошенное невзначай, подошло къ нему и грубо схватило его за самое больное мѣсто. Оно стояло передъ нимъ, такое простое и страшное, и нагло смѣялось прямо въ лицо!

— Огарокъ свѣчки, спички, окурокъ папиросы—все, что угодно, только не человѣкъ. Огарокъ...

Кто-то вошелъ въ канцелярію. Слышно было, какъ солдаты поспѣшно вскочили. Послышался раздраженный голосъ:

— Опять накурили, черти! Развѣ здѣсь кабачекъ? Я буду для васъ хорошъ, пока вы для меня хороши. А то хуже меня вы человѣка не найдете. Ты, Андрейчукъ, чего смотришь? Тоже, старшій писарь! На три дня подъ арестъ... Скажешь фельдфебелю. Убирайся по мѣстамъ.

Послышалось безпорядочное топанье ногъ, и все стихло.

V.

Черезъ минуту въ комнату къ Пилецкому кто-то вошелъ. Вѣроятно, докторъ.

— Здѣсь темно,—сказалъ мужской голосъ. Вошедшій повернулся и закричалъ въ корридоръ:

— Знаковъ! Ты что же здѣсь огня не зажегъ? А? Что?.. Такъ зажги скорѣе.

Вошелъ солдатъ; шмыгая носомъ и торопливо стуча каблуками, зажегъ лампу.

— Ну, покажите, что у васъ болитъ.

— У меня ничего не болитъ,—сказалъ Пилецкій.

— Какъ же такъ? Покажите, развяжите голову.

Пилецкій съ помощью доктора размоталъ съ головы повязку. Докторъ пощупалъ теплыми, мягкими пальцами лицо больного и сказалъ неопредѣленно:

— М-мда!.. Гдѣ это васъ такъ обезобразило?

Пилецкій почувствовалъ въ голосѣ доктора участіе. Послѣ пережитыхъ въ теченіе цѣлаго дня страданій его потянуло говорить. Онъ разсказалъ доктору, какъ его ранило шимозой, какъ много было убитыхъ и раненыхъ, какъ ихъ везли... Выговоръ у него былъ похожъ на лай; онъ не могъ произносить губныхъ звуковъ. Чтобы яснѣе выговаривать нѣкоторыя слова, онъ иногда прикладывалъ снизу, вмѣсто челюсти, ладонь. Его маска отъ волненья часто наливалась кровью, отчего онъ становился страшнымъ. Докторъ сидѣлъ на табуретѣ и слушалъ.

— Пока человѣкъ сытъ и здоровъ,—говорилъ Пилецкій,— нѣтъ скота тупѣе и безжалостнѣе его. Мы познаемъ другихъ только черезъ страданія. Вотъ я: когда лишился радости жизни, я понимаю теперь многое, чего раньше не понималъ... И не вѣрьте здоровымъ людямъ, когда они говорятъ: „ахъ, война ужасна; не нужно войны!..“ Это попугаи. Они повторяютъ слова, а чувства ихъ не глубоки, потому что они не знаютъ, что такое война. Если бы всѣмъ этимъ богоподобнымъ скотамъ выбить глаза, поломать руки и ноги, тогда только они поняли бы, что войны не нужно, что за одинъ взглядъ на Божій міръ, на дорогихъ, близкихъ можно отдать Манчжурію, Китай, всю Азію, всѣ царства міра... О-о-о! Это тупые рабы, люди! Они не анимаютъ, не анимаютъ,—лаялъ Пилецкій и стучалъ кулакомъ по колѣнкѣ.

Сначала доктору было трудно понимать офицера, но скоро онъ привыкъ къ его прыгающей рѣчи.

— Скажите, зачѣмъ люди воюютъ?— продолжалъ. Пилец-

кій.—Въ особенности теперь? Это непонятно. Когда воевали дикари, это было ужасно тоже, но понятно. Идетъ племя на племя; одно истребляетъ другое, беретъ его имущество, женщинъ. Ну, а теперь развѣ можетъ одинъ народъ истребить другой? Развѣ можемъ мы истребить японцевъ, или они насъ? Конечно, нѣтъ. Не только одинъ народъ не можетъ истребить другой,—одна армія не можетъ истребить другую. На это ни у кого не хватитъ средствъ. И вотъ, выходятъ тысячи сражаться, а десятки милліоновъ смотрятъ, кто кого побьетъ. Наши побьютъ—мы побѣдители; нашихъ побьютъ—мы побѣждены. Не глупо ли? Развѣ не все равно тогда, если вмѣсто человѣческой войны будетъ бой быковъ, пѣтуховъ, лодочная гонка... Нашъ пѣтухъ побьетъ—мы побѣдители; нашего пѣтуха побьютъ—мы, сто пятьдесятъ милліоновъ, побѣждены. Какъ вы олагаете, докторъ, вѣрно я гоорю? —спрашивалъ Пилецкій, подвигая къ нему красную возбужденную маску...

— Пожалуй, вы правы...

— Еще лучше скажу!—воскликнулъ офицеръ.—Людей для войны каждое государство можетъ дать безъ счета, безъ конца. Но продолжать войну безъ конца не можетъ,—средствъ не хватитъ. Такъ не лучше ли воевать золотомъ? Кто больше можетъ выбросить въ море золота, тотъ и побѣдитель...

— Кричатъ: „убей его, онъ нашу честь затронулъ! Мы—великая нація!..“ И такъ кричатъ, главнымъ образомъ, тѣ, которымъ каждый день плюютъ въ лицо, которыхъ бьютъ на улицахъ, оскорбляютъ и унижаютъ отъ рожденія до могилы, унижаютъ такъ, что они уже не замѣчаютъ, въ какомъ рабствѣ и униженіи они живутъ... И вотъ, когда мы воевали, когда насъ разстрѣливали, увѣчили, тамъ, въ Россіи, толпы рабовъ говорили разныя слова о чести... А мы всѣ, отъ послѣдняго солдата до генерала, презирали и проклинали этихъ людей, ихъ подлый даръ слова, умѣнье говорить слова и неумѣнье ихъ понимать... Мы проклинали, проклинали!

Пилецкій вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ. Докторъ видѣлъ то его красивый затылокъ и стройную спину, то ужасную маску. Онъ былъ возбужденъ. Очевидно, громадный новый міръ, который ему открыло страданіе, давилъ его. Но у него не было для выраженія его словъ. За стѣною слышался вѣтеръ. У самаго стекла за окномъ качалась вѣтка, освѣщенная изъ комнаты свѣтомъ лампы. По прихотливому сочетанію свѣта и тѣни, вѣтка эта походила на человѣческій черепъ, который улыбался въ темнотѣ, качался, точно говорилъ: такъ, такъ...

— Лучше всѣхъ,—воскликнулъ Пилецкій, останавливаясь посрединѣ комнаты, — жалостливѣе всѣхъ была для насъ

смерть. Анимаете, смерть. Да вотъ меня обошла. Но она ридетъ, я знаю...

Пилецкій остановился и прислушался. Вѣтка царапала по стеклу, и черепъ зловѣще улыбался во мракѣ, говоря:

— Такъ, такъ.

Доктору стало жутко. По головѣ и спинѣ у него прошелъ холодъ.

— Послушайте, вы легли бы... Вы утомились,—сказалъ докторъ.—А я пойду...

— Ожалуйста, докторъ, не уходите, ожалуйста... Я хочу вамъ сказать.

Докторъ остановился, а Пилецкій, ходя по комнатѣ и размахивая руками, говорилъ:

— Какъ извратились у людей всѣ понятія. Искалѣчатъ, обезобразятъ десятки тысячъ человѣкъ, а потомъ ихъ лѣчатъ. И говорятъ, что дѣлаютъ благодѣяніе. Не правда, чортъ возьми, ложь это, дьяволы... Вонъ въ вагонѣ везли человѣка безъ рукъ, безъ ногъ. Благодѣяніе ему сдѣлали, да? Можетъ быть, и меня тоже облагодѣтельствовали?...

Пилецкій засмѣялся или заплакалъ, неизвѣстно. Только плечи его запрыгали, и по маскѣ прошли судороги.

Въ это время въ корридорѣ послышались мягкіе торопливые шаги. Кто-то постучался въ дверь.

— Можно войти?—спросилъ женскій голосъ.

Пилецкій отвернулся къ окну.

— Войдите,—сказалъ докторъ.—Что надо, сестра?

— Докторъ! Изъ четвертаго барака тифозный убѣжалъ въ безпамятствѣ.

— Поймать надо...

— Побѣжали за нимъ фельдшеръ и палатный надзиратель... Не знаю, поймаютъ ли. Онъ въ лѣсъ прямо побѣжалъ.

— Пойдемте, нужно еще кого-нибудь послать.

Докторъ пошелъ было изъ комнаты. Пилецкій бросился къ нему,

— Докторъ, вы, ожалуйста, ридите! Ожалуйста... мнѣ нужно.

Онъ ловилъ въ воздухѣ руками, размахивалъ ими передъ своей маской. Его безобразное лицо передергивалось отъ внутренняго волненія; съ махающими руками онъ походилъ на что-то невыразимо-страшное.

— Ахъ, Боже мой! Кто это такой...—вскрикнула сестра.

Пилецкій опустилъ руки и остановился неподвижно, точно на него напалъ столбнякъ. Съ сестрой сдѣлалась отъ испуга истерика. Она стояла и всхлипывала въ углу. Докторъ принесъ стаканъ воды и говорилъ ей:

— Ну, что это... Какъ не стыдно! Выпейте, успокойтесь.

Пилецкій съ какимъ-то рычаньемъ повалился на кровать.

Докторъ отсутствовалъ минутъ двадцать. Пилецкій лежалъ на кровати, а сестра сидѣла въ углу, боясь нарушить жуткое спокойствіе. Ей было стыдно за свой испугъ и жалко больного, которому она причинила страданіе.

— Вѣроятно, у него есть мать, жена дѣти...—думала сестра.—По впечатлѣнію, какое онъ производитъ на другихъ, онъ мѣряетъ впечатлѣніе, какой произведетъ на близкихъ. Бѣдный, бѣдный, несчастный... Уйти бы, но онъ подумаетъ, что я его боюсь. Сказать что-нибудь, утѣшить... Но слова не идутъ съ языка. Чѣмъ тутъ можно утѣшить? А сидѣть такъ дольше тоже неловко.

Тишина точно сковала сестрѣ губы, сдавила все тѣло. Она сидѣла, не шевелясь. Вѣтеръ дулъ порывами, звенѣлъ въ щеляхъ, шумѣлъ желѣзной крышей, точно кто по ней ходилъ босыми ногами; вѣтка скреблась въ окно, а черепъ, сотканный изъ свѣта и тѣни, припадалъ порою къ стеклу, прилипалъ къ нему на мгновеніе, точно хотѣлъ получше разглядѣть, что дѣлаютъ въ комнатѣ люди, и, откачнувшись во мракъ, кивалъ одобрительно:

— Такъ, такъ... Все идетъ своимъ порядкомъ.

Наконецъ, послышались шаги доктора. Его приходъ нарушилъ тяжелое молчаніе. Стало свободнѣе.

— Поймали,—весело сказалъ докторъ,—принесли совсѣмъ безъ памяти. Случайно наткнулись. Бѣгутъ, увидѣли что-то бѣлое. Смотрятъ —больной лежитъ. Задѣлъ за сучекъ халатомъ, да и упалъ на землю... Ну, а вы какъ?—обратился онъ къ офицеру.—Легли бы спать. Да не хотите ли закусить? Вы, кажется, еще ничего не ѣли?

— Я пойду, принесу,—сказала сестра и ушла изъ комнаты.

— Докторъ, мнѣ страшно...

— Успокойтесь, пожалуйста. Сейчасъ закусите, выпьете вина. Вы утомились. А главное—не отчаявайтесь...

— Докторъ я буду просить васъ объ одномъ...

Бываютъ такія чувства, которыя передаются другому безъ словъ цѣликомъ. Да ихъ и нельзя выразить словами, ибо словъ такихъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ. Докторъ сразу почувствовалъ, какъ по всему его тѣлу пошелъ холодъ; ему стало не страшно, а непріятно и тяжело быть съ этимъ больнымъ. Докторъ вдругъ закричалъ на Пилецкаго:

— Вздоръ вы все говорите! Вы устали, и больше ничего. Ложитесь, я пришлю вамъ лѣкарства; вы уснете.

Пилецкій немного помолчалъ, точно раздумывалъ о чемъ, потомъ шепотомъ заговорилъ:

— Докторъ, дайте мнѣ яду. Я не сталъ бы васъ затруднять, да сами посудите, какъ я могу умереть. Оружія у

меня нѣтъ, головой объ стѣну—не умрешь, а только наживешь новое уродство.

— Вы съ ума сошли... Что вы говорите?—тоже зашепталъ докторъ.—Это невозможно.

— Очему невозможно, очему?

— Вы хотите, чтобы я былъ убійцей.

— Ахъ, вы!.. Вы о себѣ... Почему же можно убивать тысячи, десятки тысячъ людей, которые не хотятъ умирать, а одного, который хочетъ, нельзя убить?

— Оставьте, вы больны.

Пилецкій поймалъ доктора за руку.

— Ну, скажите, докторъ, у васъ есть мать?

— Ну, есть. Вы это къ чему?

— А жена?

— Жены нѣтъ.

Пилецкій выбросилъ руку доктора, точно остался недоволенъ, что у него нѣтъ жены, прошелся къ окну и снова подошелъ къ доктору.

— Ну, вотъ скажите по правдѣ, какъ бы для васъ лучше: умереть, или явиться къ матери такимъ, какъ я?

Докторъ молчалъ. У него путались мысли. Эта красная маска заслонила передъ нимъ весь прежній міръ, обычную человѣческую жизнь, привычныя людскія отношенія и говорила о другомъ мірѣ, невѣдомомъ и страшномъ.

— Да, наконецъ, вѣдь это жестоко, докторъ, ужасно жестоко: убить, да не добить и мучить человѣка! Это ли не жестокость? Такъ поступаютъ только злыя дѣти съ животными. Неужели я не могу ни у кого вымолить себѣ даже смерти!..

Въ это время вошла сестра милосердія. Она принесла молочной каши и яицъ, поставила тарелку на столъ и сказала:

— Вотъ, я вамъ закусить принесла.

— Я сейчасъ приду, сестра,—шепнулъ докторъ и вышелъ.

Пилецкій безсильно, точно вареный, опустился на кровать. Сестра поставила передъ нимъ столикъ, разложила на немъ салфетку, хлѣбъ, яйца, тарелку съ кашей.

— Хотите, я вамъ помогу?—нерѣшительно спросила она больного.

Пилецкій поймалъ руку сестры и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Принесите мнѣ яду, сестра, ради всего святого... Никто не узнаетъ... Пожалѣйте меня... Неужели никто меня не пожалѣетъ?

— Зачѣмъ яду?—спросила сестра со страхомъ.

— Скажите: если бы вы были моей женой, могли бы вы цѣловать меня вотъ сюда?..

Онъ ткнулъ пальцемъ въ свою маску.

— Могли бы вы ухаживать за мной, отказаться отъ жизни, отъ любви? Скажите...

Больной потянулъ ее къ себѣ, нагнулся къ ея рукѣ, чтобы поцѣловать. Рука сестры дрогнула въ его широкой ладони. Больной выпустилъ ее и замолчалъ.

Пришелъ докторъ и принесъ въ стаканѣ бурой жидкости.

— Выпейте это...

Пилецкій подумалъ немного, неохотно взялъ лѣкарство и выплеснулъ его на полъ.

— Трусы вы, трусы себялюбивые! Оставьте меня, уйдите!

VI.

Докторъ обошелъ бараки, сдѣлалъ больнымъ перевязки. Длинные ряды коекъ съ больными, сѣрыя лица, воспаленные глаза производили на него сегодня особенно непріятное впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ чѣмъ-то виноватъ передъ всѣми больными, точно онъ у нихъ что-то укралъ. Казалось ему, что всѣ больные смотрятъ на него подозрительно, враждебно.

Когда онъ возратился въ свою дежурную комнату, то долго ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ о томъ, имѣетъ ли право докторъ дать яду тому, кто хочетъ умереть. Мысль эта вертѣлась въ его головѣ мучительно, безрезультатно, точно собака, которая ловитъ свой хвостъ. Онъ не пришелъ ни къ какому заключенію, легъ на койку и забылся.

Черезъ нѣкоторое время докторъ вдругъ проснулся, точно его кто-то толкнулъ. Онъ вскочилъ. Сердце у него болѣзненно билось; кровь ударяла въ виски, голова кружилась, и все его существо охватилъ страхъ. Онъ задержалъ дыханіе и прислушался. Въ госпиталѣ было все тихо. Только гдѣ то скреблась мышь, да шумѣлъ вѣтеръ. Съ чувствомъ непріятнаго безпокойства докторъ тихо на ципочкахъ вышелъ въ корридоръ и, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, пошелъ къ комнатѣ Пилецкаго. Комната эта была въ другомъ концѣ корридора. Лампа свѣтила за спиной доктора, а передъ нимъ корридоръ темнѣлъ, какъ колодезь. По самой срединѣ этотъ корридоръ пересѣкался подъ прямымъ угломъ другимъ корридоромъ изъ офицерскихъ палатъ. Докторъ шелъ наноскахъ, балансируя руками; прошелъ мимо дежурнаго спящаго солдата такъ, что тотъ не

проснулся. Солдатъ сидѣлъ на сломанномъ ящикѣ, закинувъ на стѣну голову, и храпѣлъ открытымъ ртомъ. Не смотря на его присутствіе, доктору было жутко.

На перекресткѣ корридоровъ было уже почти темно. Свѣтъ лампы доходилъ до этого мѣста чуть-чуть, образуя сумерки, сѣрыя, какъ вата. Вдругъ изъ-за угла кто-то вышелъ и почти столкнулся съ докторомъ.

— Кто это?—зашепталъ онъ, и по спинѣ его отъ затылка до пятокъ прошелъ полосой холодъ.—Это вы, сестра? Зачѣмъ вы?.. Куда?

Оба они смотрѣли другъ на друга, блѣдные, смущенные. Руки у нихъ тряслись и слипались отъ выступившаго пота.

— Нужно посмотрѣть...—прошептала сестра.

Безъ словъ, понимая другъ друга, тихо, чтобы не разбудить солдата, они пошли къ комнатѣ Пилецкаго и послушали у двери. Все было тихо.

— Должно быть, уснулъ,—прошептала сестра.

Докторъ вдругъ разсердился.

— Конечно, спитъ,—грубо и громко сказалъ онъ.

— Если у двери каждаго больного выслушивать, спитъ онъ, смѣется или плачетъ, такъ силъ не хватитъ. И намъ нуженъ отдыхъ. Не каменные... Идите, сестра, спать.

Сестра посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Докторъ повернулся и пошелъ по корридору, тяжело ступая ногами. На свѣтъ дальней лампы его фигура казалась черной и плоской, точно была вырѣзана изъ жести. Тѣнь отъ него тянулась по всему корридору и беззвучно билась на асфальтовомъ полу, какъ какое-то чудовище. Солдатъ испуганно проснулся, отдалъ доктору честь и съ недоумѣніемъ оглянулся по сторонамъ. Въ глубинѣ корридора виднѣлся тонкій станъ сестры милосердія. Солдатъ сѣлъ на ящикъ и утеръ рукавомъ слюнявый, покривившійся отъ грязной усмѣшки ротъ. Докторъ съ шумомъ открылъ дверь въ свою комнату и громко хлопнулъ ею. Стѣны барака зазвенѣли протяжно, жалобно. Вѣтеръ прошелся, точно босыми ногами, по крышѣ.

Сестра вздохнула и пошла въ свою комнату.

VII.

Утро слѣдующаго дня было ясное, теплое. Березовый лѣсъ вокругъ госпиталя кудрявился весело, молодо. Казалось, что вотъ-вотъ и березки сорвутся со своихъ мѣстъ, начнутъ со смѣхомъ кружиться, бѣгать, потряхивая своими кудряшками, какъ толпа здоровыхъ, красивыхъ дѣтей.

Докторъ проснулся рано, вышелъ изъ госпиталя и легъ неподалеку на пригоркѣ подъ березой. Сквозь листву вверху виднѣлось далекое голубое небо, а въ сторонѣ, между бѣлыми стволами березъ, сверкала широкая полоса рѣки. Въ его головѣ все еще вертѣлась вчерашняя безплодная мысль и мучила его безъ конца.

— Можно ли убить человѣка, если онъ объ этомъ меня проситъ?—въ десятый, въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ. И отвѣчалъ:—Нѣтъ, это противно человѣческой природѣ. А война?.. Да, но война совсѣмъ другое, особое... И здѣсь особое: онъ самъ хочетъ умереть, самъ, да только не можетъ... Но я не могу его убить, это выше моихъ силъ... Значитъ, ты, дѣйствительно, трусъ, самолюбивый, сытый и тупой... Нѣтъ, нѣтъ; все это я не такъ разсуждаю...

И такъ далѣе. Докторъ переворачивался на травѣ съ боку на бокъ, грызъ зубами сухую вѣтку, смотрѣлъ въ небо синее, прозрачное. Лишь изрѣдка въ вышинѣ плавно проносились надъ нимъ вороны; всѣ они съ торжествующимъ клекотомъ летѣли на востокъ.

— Всѣ вороны со всего свѣта собираются и летятъ въ Манчжурію,—подумалъ докторъ.—Они летятъ на добычу... Тамъ теперь люди топчутъ въ грязь то, что копили въ теченіе долгихъ тысячелѣтій: уваженіе къ жизни человѣка, къ его свободѣ, жилищу, къ женщинѣ, все, что досталось людямъ послѣ долгой тяжелой борьбы съ собой и другими,— все теперь забыто на поляхъ невѣдомой Манчжуріи. Всѣ дикія силы, которыя сдерживались рабскимъ жизненнымъ строемъ, всѣ онѣ вырвались наружу въ этотъ огромный клапанъ и, гордыя, побѣдныя, страшныя внѣ человѣческихъ и божескихъ законовъ, ходятъ теперь по свѣту. Отъ ихъ ядовитаго дыханія вянутъ чахлые ростки человѣческой культуры. Когда же конецъ, когда?..

— Какъ все тамъ ясно въ небѣ,—думалъ докторъ. — А на землѣ все такъ мучительно-противорѣчиво. Жизнь и смерть, ночь и день, здоровье и болѣзнь, господа и рабы, пустыни и плодоносныя равнины, „не убій“ и дикіе вопли одичавшей толпы... Даже къ идеаламъ люди идутъ по трупамъ тѣхъ, для кого и нужны идеалы...

Вдругъ въ природѣ стало твориться нѣчто необычное. Пичужка, которая весело и спокойно чирикала надъ докторомъ въ зеленой листвѣ, забилась, запищала тревожно; гдѣ-то послышался вой собаки; сосѣдняя березка трепетно опустила сразу всѣ свои листья и закачалась, дрожа всѣми вѣтвями, точно собираясь упасть въ обморокъ. Закачался и весь лѣсъ. Голова у доктора кружилась. Онъ поднялся на локоть. Все продолжало плавно качаться. Лѣсъ наполнился

скрипомъ, шумомъ, смятеніемъ... Мимо въ страхѣ, пробѣжала госпитальная кошка, фыркнула, метнулась на уголъ зданія и быстро взобралась на крышу.

— Должно быть, я боленъ, — подумалъ докторъ и вскочилъ на ноги. Все вокругъ качалось; земля двигалась подъ ногами, точно мертвая зыбь на морѣ; зданія тоже качались; фонарь у входа мотался и взвизгивалъ. Солдаты выбѣжали изъ бараковъ, махали руками и показывали на стѣны, деревья.

— Это землетрясеніе,—догадался, наконецъ, докторъ. Онъ прислонился къ березкѣ и выжидалъ, пока оно кончится. Еще около минуты пугливо вздрагивало стройное тѣло березы; сквозь просвѣты лѣса видно было, какъ по гладкой поверхности рѣки ходили круглыя волны.

Толчки становились все слабѣе и слабѣе; наконецъ, стали незамѣтны. Птичка прыгала по вѣткамъ и чирикала вопросительно-недоумѣвающе. Дескать, кончилось, или нѣтъ? Солдаты разбрелись по баракамъ. Во всей природѣ понемногу наступало прежнее спокойствіе. Вѣтерокъ улегся совершенно. Все притихло. Только вороны виднѣлись черными точками въ разныхъ мѣстахъ голубого неба и упрямо летѣли въ одномъ направленіи.

Спокойствіе, наступившее въ природѣ послѣ пережитаго волненія, сообщилось и доктору. Онъ оглянулся кругомъ. Все было радостно, свѣтло, зелено. Подъ корнями березъ еще вился тонкій утренній туманъ и прятался подъ тѣнью кустовъ отъ солнечныхъ лучей. Трава, умытая росой, топорщилась упругая, сочная; листья березъ блестѣли на солнцѣ, точно за ночь ихъ кто-то покрылъ лакомъ. Въ воздухѣ носился ароматъ отъ дыханья травъ, цвѣтовъ, деревьевъ. А вверху такое ясно-голубое небо! Только одно бѣлое пушистое облако, какъ кусокъ ваты, плавало въ вышинѣ. Но и оно остановилось, быстро начало таять и скоро исчезло въ сверкающей синевѣ.

Докторъ пріятно потянулся и пошелъ въ госпиталь, успокоенный и радостный. Онъ подумалъ, что нужно зайти, провѣдать больного офицера. Ему казалось, что и онъ сидитъ теперь въ комнатѣ и радуется общей радостью природы. Конечно, отъ вчерашняго желанія смерти у него не осталось и слѣда.

Но вдругъ въ его воображеніи краснымъ пятномъ вырисовалась безобразная маска. Она ворвалась въ его настроеніе, какъ рѣзкій крикъ въ пріятную пѣсню, какъ слова проклятія въ тихую молитву, и пробудила въ душѣ вчерашнее безпокойство... Безпокойство это усиливалось съ каждымъ шагомъ и переходило въ отвращеніе. Снова видѣть эту ужасную маску, слушать тяжелые разговоры!..

Докторомъ овладѣлъ страхъ. Ему хотѣлось забыть объ офицерѣ, о его несчастіи, о его безумномъ желаніи смерти. Онъ замедлилъ шаги. Ему казалось, что нужно еще что-то обдумать, что-то предпринять.

Вотъ дверь, корридоръ. Въ канцеляріи сидятъ писаря и пишутъ. Слышится раздраженный голосъ главнаго врача:

— Нужно возвратить эту бумагу. Онъ подписался съ росчеркомъ. Внушить, что такъ не вѣжливо. Пусть напишетъ другую бумагу безъ росчерка.

— О какомъ это росчеркѣ онъ говоритъ?—подумалъ докторъ.—Должно быть, что-нибудь важное...

И, не рѣшивъ вопроса о росчеркѣ, онъ повернулъ ручку двери въ комнату Пилецкаго. Она была заперта.

Когда дверь открыли, то нашли въ комнатѣ трупъ Пилецкаго. Повидимому, больной обшарилъ стѣны, наткнулся на большой гвоздь, вбитый надъ кроватью давно для какой-то полки, разорвалъ простыню, свилъ изъ нея веревку и удавился. Перекошенная маска была обращена къ двери и бросалась прежде всего въ глаза. Но, мертвый, онъ не былъ такъ страшенъ, какъ живой.

Сентябрь 1905 г.
Иркутскъ.

С. Кондурушкинъ.

Въ началѣ жизни.

III.

Первое путешествіе въ народъ.

Прошло три недѣли. Апрѣль кончался. Работы въ мастерской продолжались ежедневно, пока не начинало смеркаться. Онѣ смѣнялись время отъ времени разговорами, пѣніемъ «Бурнаго потока» и множества другихъ пѣсенъ, которыя знала Алексѣева, учившаяся послѣ института еще въ консерваторіи, и звонкій ея голосъ будилъ эхо во всѣхъ углахъ. По временамъ и всѣ пѣли хоромъ «Нелюдимо наше море», и, помню, когда доходили до куплета:

«Тамъ за далью непогоды
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина!...
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой»—

мое сердце такъ и прыгало отъ радости. Пѣли по временамъ и пѣсни юмористическаго характера, какъ, напримѣръ, извѣстную бурлацкую «Дубинушку», передѣланную Ельцинскимъ на радикальный манеръ и вызывавшую всегда взрывы смѣха.

Успѣхи большинства въ работѣ оказались совсѣмъ не блестящими, далеко ниже средняго уровня. Многіе, при первомъ предлогѣ къ разговору, оставляли, не замѣчая того, свои работы и предавались спорамъ о будущемъ общественномъ строѣ, основанномъ на равенствѣ, братствѣ и свободѣ, или обсужденію своей настоящей дѣятельности. Замѣтивъ черезъ нѣкоторое время, что они ровно ничему не научились, многіе начали разочаровываться въ самомъ предметѣ и говорили:

— Къ чему намъ учиться шить сапоги и башмаки, когда весь народъ ходитъ босой или въ лаптяхъ? Не лучше-ли идти туда въ видѣ странниковъ или простыхъ чернорабочихъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчали другіе.—Что общаго имѣетъ шитье сапогъ съ революціей?

— Своимъ ремесломъ,—прибавляли третьи,—мы только отобьемъ хлѣбъ у настоящихъ мастеровъ.

Впереди всѣхъ въ работахъ шелъ я, затѣмъ Алексѣева, старавшаяся не отставать отъ меня. Всѣ остальные были далеко позади. Наконецъ, я сдѣлалъ для Алексѣевой маленькіе полубашмачки изъ козловой кожи, и, когда она ихъ надѣла и стала съ торжествомъ всѣмъ показывать, Кравчинскій, работавшій нѣсколько лучше другихъ и давно замѣчавшій, что изъ нашего предпріятія ничего не выйдетъ, сказалъ съ торжественностью, разводя руками:

— Послѣ этого намъ уже нечему учиться! Пора закрывать мастерскую!

Это и было сдѣлано. Мои полубашмачки оказались единственнымъ произведеніемъ, попавшимъ изъ нашей мастерской на человѣческую ногу.

Тѣмъ временемъ я жилъ, какъ птица небесная, не имѣя ничего своего и никакого опредѣленнаго мѣстопребыванія. Я ночевалъ большей частью въ квартирѣ Алексѣевой, въ томъ самомъ памятномъ залѣ, куда меня привели въ первый разъ. Я спалъ тамъ на стульяхъ или на коврѣ посреди комнаты, одѣваясь, вмѣсто одѣяла, своей рабочей чуйкой и подкладывая подъ голову, что попало. Вмѣстѣ со мной постоянно ночевали тутъ же Саблинъ, Кравчинскій, иногда Шишко и очень часто еще пять-шесть постороннихъ, направлявшихся изъ Петербурга въ народъ и не успѣвшихъ почему-либо найти другую квартиру. Алексѣева спала въ своемъ альковѣ, прилегавшемъ къ этой комнатѣ и отдѣленномъ отъ нея только драпировками, которыя она тщательно соединяла вмѣстѣ. Иногда мы, лежа на своемъ полу и стульяхъ, чуть не до разсвѣта дебатировали съ ней, уже улегшейся въ постель, различные общественные вопросы. Если бы кто-нибудь сдѣлалъ въ это время на нее доносъ и насъ всѣхъ накрыли бы въ этой комнатѣ, то прокуроры и жандармы немедленно сдѣлали бы, конечно, изъ своей находки такой скандалъ на всю Россію, какого еще никогда не бывало. А между тѣмъ, ни одна турчанка въ своемъ гаремѣ, подъ защитой десятка евнуховъ, не была въ большей безопасности, чѣмъ эта молодая и одинокая женщина, подъ нашимъ покровительствомъ... Такъ сильна была въ насъ идейная сторона, совершенно обуздывавшая физическую. Въ это время мы всѣ сознавали себя людьми обреченными, и семейная жизнь съ ея радостями казалась созданною не для насъ.

Послѣ закрытія мастерской мнѣ предложили, въ виду незаподозрѣнности моего положенія и большихъ знакомствъ, остаться на лѣто вмѣстѣ съ Алексѣевой въ Москвѣ для того, чтобы мы могли служить центромъ, черезъ который всѣ остальные, ушедшіе въ народъ, могли бы сноситься другъ съ другомъ. Я началъ отбиваться отъ этой перспективы и руками, и ногами,

— Ни за что не останусь ни недѣли,—говорилъ я.—Если нельзя идти съ кѣмъ-либо изъ в. съ, я все равно уйду одинъ...

Увидѣвъ, что мое рѣшеніе идти въ народъ неизмѣнно, меня придумали отправить въ Даниловскій уѣздъ въ имѣніе тамошняго помѣщика Александра Ивановича Иванчинъ-Писарева, гдѣ больше года уже велась пропаганда среди крестьянъ. На это я сейчасъ же согласился и, совершенно того не подозрѣвая, попалъ на самое крупное и самое успѣшное изъ всѣхъ предпріятій пропаганды среди крестьянъ. Ничего подобнаго не было ни до, ни послѣ этого во все время движенія семидесятыхъ годовъ.

Въ первыхъ числахъ мая, мы съ Саблинымъ уже мчались по Ярославской желѣзной дорогѣ и, пересѣвъ на Вологодскую, высадились на станціи Дмитріевской. Мы были одѣты въ рабочіе костюмы, съ крестьянскими паспортами въ карманахъ. Помню, что во все время пути меня особенно безпокоила мысль, какъ бы мнѣ не забыть своего имени, какого-то Семена Вахрамѣева, если не ошибаюсь. Однако, все прошло благополучно, и при всѣхъ вопросахъ «какъ тебя зовутъ?», случившихся во время дороги раза три-четыре, я, ни мало не колеблясь, отвѣчалъ:

— Семенъ Вахрамѣевъ!

Саблинъ же, отличавшійся большой склонностью къ комизму, все время пути балагурилъ съ сосѣдями и разсказывалъ имъ о нашей жизни и работахъ въ Москвѣ всевозможныя небылицы. Когда, нанявши телѣжку на станціи, мы подъѣзжали черезъ часъ или полтора къ помѣщичьей усадьбѣ «Потапово», лежавшей особнякомъ на опушкѣ еловаго лѣса и еще издали указанной намъ возницей, какъ мѣсто нашего назначенія, Саблинъ до того развеселилъ этого сѣренькаго деревенскаго мужичка всевозможными юмористическими замѣчаніями и прибаутками, что тотъ, то и дѣло, хватался за ободокъ телѣги, чтобы не свалиться съ нея отъ смѣха.

— Небось, шибко жиренъ вашъ баринъ?—спрашивалъ Саблинъ.

— Не-е!—отвѣчалъ нашъ возница, заливаясь смѣхомъ.—Баринъ хорошій, тонкій.

— Вишь-ты, обѣщалъ намъ важный заработокъ. Не знаемъ только, не надуетъ ли.

— Нѣтъ, этотъ не надуетъ. Зачѣмъ надувать.

Прибытіе наше было объяснено ему тѣмъ, что баринъ, нуждаясь въ хорошихъ мастерахъ для обученія крестьянъ въ устроенныхъ имъ столярныхъ мастерскихъ, послалъ за нами въ Москву.

На крыльцѣ усадьбы насъ встрѣтилъ бѣлокурый человѣкъ, лѣтъ 25, въ сѣромъ пиджакѣ, съ небольшей рыжеватой бородкой. Это и былъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Онъ поздоровался съ нами, какъ со знакомыми, такъ какъ его уже предупредили объ нашемъ пріѣздѣ письменно, затѣмъ ввелъ въ гостиную, убранную очень просто, и представилъ своей женѣ, тоже бѣлокурой молодой женщинѣ. Затѣмъ, осмотрѣвъ наши особы и платье, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Это, господа, здѣсь не годится! Васъ всѣ признаютъ съ перваго же взгляда, потому что у меня многіе изъ крестьянъ слышали, что студенты идутъ въ народъ. Нужно переодѣться въ обычное платье!

— Но у меня нѣтъ никакого другого,—отвѣтилъ я.

— Это пустяки!—возразилъ А. И.—Мы почти одинаковаго роста, и у меня найдется достаточно лишняго платья.

И вотъ мы пошли въ его спальню, гдѣ я снова превратился почти въ то самое, чѣмъ я былъ ранѣе. Только чистить мнѣ сапоги и платье было уже некому, кромѣ меня самого, потому что кухарка, горничная и работникъ по хозяйству стояли въ условіяхъ, исключавшихъ представленіе о прислугѣ. Такое же обратное переодѣваніе онъ сдѣлалъ, къ моему облегченію, и съ Саблинымъ.

— Напрасно думаютъ,—говорилъ онъ при этомъ,—что для дѣятельности въ народѣ нужно непремѣнно переодѣться мужикомъ. Въ своей средѣ крестьяне слушаютъ съ уваженіемъ только стариковъ да отцовъ семейства. Если молодой, неженатый и особенно безбородый человѣкъ начнетъ проповѣдывать въ ихъ средѣ новыя идеи, его только высмѣютъ и скажутъ: «что онъ понимаетъ? Яйца курицу не учатъ». Совсѣмъ другое, когда человѣкъ стоитъ нѣсколько выше ихъ по общественному положенію; тогда его будутъ слушать со вниманіемъ.

Эти идеи шли на столько въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ насъ въ столицахъ, что мы оба сначала не знали, что и подумать. Однако, очевидная справедливость этихъ словъ била мнѣ въ глаза и вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ представленіямъ, какія я составилъ себѣ о крестьянахъ того времени. При томъ же, передъ нами былъ не теоретикъ революціонной пропаганды, а практикъ, уже болѣе года работавшій съ успѣхомъ въ народѣ.

— Нѣтъ ничего лучше положенія помѣщика средней руки, въ своемъ собственномъ имѣніи,—продолжалъ онъ разсуждать,—или писаря въ своей волости, или учителя, уже прожившаго нѣкоторое время въ деревнѣ и заслужившаго довѣріе окружающихъ крестьянъ. Что же касается до *этого*,—добавилъ онъ, показывая на мой новый костюмъ франтоватаго рабочаго,—то такое платье самое удобное для нашей мѣстности. Здѣсь большинство уходятъ на заработки въ Петербургъ или Москву и возвращаются въ совершенно такомъ видѣ. Ничто не мѣшаетъ вамъ надѣвать даже сюртукъ по временамъ, когда будете ходить къ знакомымъ крестьянамъ въ гости... Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выдавать себя здѣсь за простого чернорабочаго.

Чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ больше вырисовывался въ немъ человѣкъ очень развитой, разносторонній, практичный и способный импонировать людямъ, приходящимъ съ нимъ въ близ-

кое соприкосновеніе. Моего отца, какъ обнаружилось сейчасъ же, онъ зналъ немного. по службѣ съ его отцомъ въ ополченіи.

Черезъ недѣлю пребыванія мы всѣ были уже «на ты». Онъ насъ познакомилъ съ земскимъ врачемъ И. И. Добровольскимъ и акушеркой М. П. Потоцкой, жившими въ большомъ селѣ Вятскомъ, за пять верстъ отъ Потапова, и занимавшихся той же самой революціонной дѣятельностью. Познакомилъ затѣмъ съ десяткомъ молодыхъ парней своей столярной мастерской, перечитавшихъ уже всѣ печатавшіяся для народа за границей книги и выражавшихъ революціонерамъ свое полное сочувствіе,—и, наконецъ, сводилъ въ ближайшія деревни и къ нѣкоторымъ семейнымъ крестьянамъ.

Одно изъ этихъ семействъ особенно выдавалось среди всѣхъ остальныхъ. Это была зажиточная семья. Сѣдой старикъ, отецъ съ величественнымъ патріархальнымъ видомъ, и при томъ грамотный и даже любитель чтенія, добродушная старуха мать, двѣ дочери и два сына.

Наибольшее вниманіе обращали на себя второй сынъ, Иванъ Ильичъ, и его старшая сестра Елена. Иванъ Ильичъ былъ сначала лавочникомъ въ с. Вятскомъ, гдѣ жилъ земскій врачъ, но, придя къ идеѣ, что торговая прибыль не есть справедливый доходъ, онъ оставилъ это занятіе.

Его сестра Елена, высокая и очень стройная дѣвушка, лѣтъ 19, съ задумчивыми карими глазами и доброй привѣтливой улыбкой, тоже была затронута надвигающейся цивилизаціей, получала изъ Потапова и читала всевозможныя книги, не только народныя, но и журналы, романы. Ея разговоры и всѣ манеры обнаруживали интеллигентную дѣвушку, и все это еще болѣе оттѣнялось ея замѣчательной скромностью. Мнѣ казалось, что такова была моя собственная мать, когда она жила въ домѣ своего крестьянина-отца въ деревнѣ, и потому я былъ всегда удвоенно внимателенъ къ этой дѣвушкѣ. Съ ней и ея братомъ мы скоро очень подружились. Всѣ остальные адепты Александра Ивановича изъ крестьянъ были очень добродушные, побывавшіе въ столицахъ, парни, но не представляли для меня особеннаго интереса, такъ какъ не было замѣтно въ нихъ той внутренней психической жизни и дѣятельности, которая отличаетъ интеллигентнаго человѣка отъ простого, первобытнаго. Никакіе отвлеченные и неразрѣшимые вопросы, повидимому, не волновали ихъ души, и въ теоретическихъ разговорахъ они соглашались сейчасъ, не спрашивая дальнѣйшихъ разъясненій, со всѣмъ тѣмъ, что мы имъ говорили, хотя бы это и находилось въ противорѣчіи съ предыдущимъ.

Не смотря на мое обратное превращеніе въ «барина» (хотя о томъ, кто я такой, знали лишь немногіе избранные), я сейчасъ же снова началъ переодѣваться въ свое рабочее платье и принимать участіе въ жизни окружающихъ крестьянъ и ихъ работахъ; мнѣ не столько хотѣлось проповѣдывать новыя общественныя и поли-

тическія идеи, сколько изучать народныя массы, войти лично въ ихъ трудовую жизнь и опредѣлить, наконецъ, самому, дѣйствительно ли крестьянство можетъ оказать интеллигенціи какую-либо помощь въ ея трудной борьбѣ за свѣтъ и свободу. Еще съ первыхъ дней своего пребыванія я попробовалъ пахать съ однимъ крестьяниномъ и занимался этимъ два дня, послѣ чего лѣвая рука, оттянутая сохой, заболѣла у меня такъ сильно, что я долженъ былъ прекратить свое земледѣліе. Я быстро выучился косить траву и поставлялъ ее ежедневно для двухъ нашихъ коровъ и каждое утро рубилъ дрова для кухни. Потомъ я крылъ крыши соломой на крестьянскихъ избахъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ, и положеніе на высотѣ мнѣ чрезвычайно нравилось въ этой работѣ.

Въ Потаповѣ начали даже добродушно подшучивать надъ такимъ моимъ усердіемъ. Распустили слухъ, будто видѣли, какъ я тайно хожу къ сосѣднему ручейку, обливаю себѣ лицо водой и ложусь затѣмъ на солнечномъ припекѣ, чтобы жаръ ободралъ мнѣ кожу и сдѣлалъ меня болѣе похожимъ на мужика. Говорили, что я, сидя на крыльцѣ, тру свои ладони о ступени для того, чтобы онѣ сдѣлались жесткими, и т. д. Это несерьезное, какъ мнѣ казалось, отношеніе къ дѣлу сильно меня огорчало, но я ясно видѣлъ, что ко мнѣ лично всѣ относятся очень хорошо, и что эти шутки объясняются лишь веселымъ характеромъ моихъ новыхъ товарищей. Особенная склонность къ балагурству проявлялась у Саблина, любившаго во время серьезнаго разговора пускать постороннія остроты, сбивавшія разговаривавшихъ съ первоначальной темы. Остроты эти не всегда бывали очень высокой пробы, какъ и всегда бываетъ, когда люди шутятъ ежедневно — въ родѣ, напримѣръ, неожиданнаго замѣчанія, что слово *либералъ* происходитъ отъ того, что какой то нѣмецъ *Либ* на одномъ собраніи чрезвычайно *оралъ*. Всѣ смѣялись, принимались разбирать, какимъ образомъ гласная *о* могла перейти въ *е*, и разговоръ перескакивалъ на новый предметъ раньше окончанія прежняго.

Мало по малу передо мною стало выясняться положеніе дѣла въ данной мѣстности, и его результаты постепенно начали принимать въ моихъ глазахъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Десятокъ рабочихъ крестьянъ, съ которыми я познакомился, жили по различнымъ деревнямъ волости и служили какъ бы опорными пунктами для проведенія въ народъ новыхъ общественныхъ и политическихъ идей. Для одного изъ нихъ Ал. Ив. выхлопоталъ у начальства разрѣшеніе быть книгоношей, т. е. ходячимъ продавцомъ по деревнямъ народныхъ изданій. Вверху его короба лежали различныя божественныя книжки, а внизу революціонныя воззванія къ народу и брошюры, издаваемыя для народа за границей. Тамъ были всѣ запрещенныя изданія, разносившіяся пропагандистами въ это лѣто и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Изъ нихъ *пропагандистамъ* (а не крестьянамъ) больше всѣхъ нрави-

лась «Сказка о четырехъ братьяхъ», гдѣ разсказывалось, какъ четыре брата-крестьянина, родившіеся въ глухомъ лѣсу и потому жившіе все время по природѣ, не зная ни начальства, ни привилегированныхъ лицъ, вдругъ вышли изъ этого лѣса и съ удивленіемъ увидѣли новый, совершенно непонятный для нихъ строй жизни. Они пошли на четыре разныя стороны Россіи для того, чтобы познакомиться съ этимъ удивительнымъ для нихъ образомъ жизни, и начали уговаривать народъ возвратиться къ «первобытной справедливости», но всѣ попали за это въ руки властей и встрѣтились по Владимірской дорогѣ въ кандалахъ по пути въ Сибирь. Въ народѣ, какъ я замѣтилъ, эта сказка (да и вообще всѣ произведенія въ сказочномъ тонѣ) производили менѣе впечатлѣнія, чѣмъ прямыя обращенія, въ родѣ прокламаціи Шишко, начинавшейся словами: «Чтой-то братцы, плохо живется народу на святой Руси!» Кромѣ этихъ произведеній разносились изъ Потапова сборники революціонныхъ стихотвореній и передѣлки общеизвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ на революціонный ладъ, чѣмъ особенно занимался Ельцинскій, и брошюрки псевдорелигіознаго содержанія, въ родѣ сказки о Николаѣ Чудотворцѣ, возмутившемся (кажется, уже на небѣ) совершающимися на землѣ несправедливостями и отправившимся на нее проповѣдывать революцію. Меня особенно смѣшило тогда, что на внутренней сторонѣ обложекъ у всѣхъ такихъ изданій было напечатано: «Одобрено цензурой. С.-Петербургъ, такого-то числа и года», а на книжкахъ псевдо-религіознаго содержанія, въ родѣ Николая Чудотворца: «Съ благословенія Святѣйшаго Сѵнода».

Всѣ эти книги распространялись книгоношей Ал. Ив—ча въ значительномъ числѣ по всему уѣзду. Остальные его «избранные» проповѣдывали по своимъ деревнямъ и старались сдѣлаться центрами отдѣльныхъ кружковъ деревенской молодежи. Для того, чтобы привлечь къ себѣ побольше народу для своей дѣятельности, Александръ Ивановичъ придумалъ еще устроить въ своей усадьбѣ еженедѣльныя народныя гулянья. Съ этой цѣлью, на большомъ дворѣ его усадьбы были выстроены различныя качели и карусели, вмѣстѣ съ приспособленіями для гимнастическихъ упражненій и даже домашней музыкой. Благодаря такимъ приманкамъ, каждое воскресенье собиралась у него вся деревенская молодежь изъ окрестностей,—человѣкъ до пятисотъ и болѣе. Вездѣ кругомъ пѣли пѣсни, водили хороводы. Молодые парни качали на каруселяхъ деревенскихъ дѣвицъ, и все было поставлено вольно, безъ стѣсненія. Когда А. И. и Саблинъ замѣшивались по временамъ въ толпу со своими шутками и веселыми разсказами, то мѣсто ихъ нахожденія всегда легко было опредѣлить по неумолкаемымъ взрывамъ хохота. Настоящей пропаганды здѣсь избѣгали, но эти сборища служили прекраснымъ способомъ для завязыванья знакомства, и потому А. И. ими особенно дорожилъ. Передѣлки народныхъ пѣсенъ, гдѣ осмѣи-

вались власти и порядки, и весь остальной запрещенный репертуаръ былъ здѣсь пущенъ въ полный ходъ.

Съ особеннымъ воодушевленіемъ пѣлся толпою извѣстный революціонный варьянтъ приволжской бурлацкой «дубинушки». Среди общаго смѣха и гула такъ и гремѣли ея куплеты:

Ой, ребята, плохо дѣло!
Наша барка на мель сѣла,

. . . . бѣлый, кормщикъ пьяный,
Онъ завелъ насъ на мель прямо!

Чтобы барка шла ходчѣе,
Надо кормщика въ три шеи.
. . . .

И каждый куплетъ стоголосая толпа сопровождала обычнымъ припѣвомъ:

Ой, дубинушка, ухнемъ
Ой, зеленая, сама пойдетъ, подернемъ, подернемъ,
да ухнемъ!

Такія задирательныя антиправительственныя пѣсни особенно соотвѣтствовали народному вкусу и вызывали въ крестьянской публикѣ неудержимый смѣхъ. Онѣ тотчасъ заучивались и разносились присутствовавшими далѣе по деревнямъ. Какъ далеко это распространялось, было трудно даже опредѣлить. Только неожиданностью для провинціальныхъ властей движенія въ народъ и объяснялось то обстоятельство, что на все это въ продолженіе почти двухъ лѣтъ не обращалось никакого вниманія.

Въ тотъ моментъ, когда мы съ Саблинымъ, а затѣмъ вскорѣ и Ельцинскій пріѣхали къ Александру Ивановичу, главная работа въ этой мѣстности казалась совершенно законченной. Черезъ двѣ или три недѣли пребыванія мнѣ стали уже закрадываться въ душу вопросы:

— Для чего же живу здѣсь я? Что могу я прибавить къ тому, что уже сдѣлано?

Семейныя воспоминанія и все, что было пережито мной при рѣшеніи идти въ народъ, стали пробуждаться въ душѣ съ новой силой. Оправдывается ли этимъ все то горе, которое я причинилъ у себя дома? Вѣдь, можетъ быть, въ это самое мгновеніе и мать моя, и всѣ другіе воображаютъ обо мнѣ всевозможные ужасы, а я живу здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало, почти такъ же, какъ и у нихъ въ Боркѣ. Романтическая сторона моей природы, жаждущая опасностей и приключеній и побуждавшая меня войти въ это движеніе въ надеждѣ попасть прямо въ партизанскую войну,—если не народа, то тѣхъ, которые въ него пошли,—снова заговорила. Если всѣ пустились въ такую подготовительную работу, то никакой

партизанской войны не будетъ много лѣтъ. Кругомъ разсуждаютъ лишь о томъ, какъ каждый подготовитъ нѣсколько человѣкъ, а эти, въ свою очередь, еще нѣсколько и такъ далѣе до безконечности. А я еще никого не подготовилъ.

Когда Александръ Ивановичъ спросилъ меня однажды:

— Какъ ты думаешь, скоро ли будетъ революція?»—я отвѣчалъ ему печально:

— Не знаю! Можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, а можетъ быть, и болѣе.

— Ну нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—Болѣе, чѣмъ на четыре года, я не согласенъ.

Съ этимъ крайнимъ срокомъ мирились и остальные. Но о томъ, что революція можетъ случиться въ *этомъ самомъ* году, никому не приходило и въ голову.

Въ одинъ прекрасный день, не выдержавъ далѣе этой праздной жизни (потому что бѣгать по избамъ крестьянъ поболтать о будущей дѣятельности и поработать съ ними перестало меня удовлетворять), я прямо сказалъ всѣмъ за утреннимъ чаемъ:

— Я чувствую, что дѣла стоятъ здѣсь уже на прочной ногѣ. Для новыхъ лицъ не остается достаточной работы. Уйду на Волгу въ бурлаки.

Сначала всѣ приняли это за простое размышленіе и разсмѣялись, стараясь вообразить мою фигуру въ этой новой роли. Потомъ, увидѣвъ, что я дѣйствительно не удовлетворяюсь своей жизнью при чужомъ дѣлѣ, А. И. вдругъ уѣхалъ куда-то на нѣсколько часовъ и, возвратившись, сказалъ:

— Ну, я тебя устроилъ. Въ двѣнадцати верстахъ отсюда есть деревня Коптево, въ совершенно глухой мѣстности, посреди болотъ и лѣсовъ, и наполненная старовѣрами. Думаю, что это какъ разъ придется тебѣ по вкусу. Тамъ у меня есть знакомый кузнецъ, и онъ согласенъ взять тебя ученикомъ. Я сказалъ ему, что ты сынъ крестьянина, московскаго дворника, выросъ въ столицѣ и учился три года въ городскомъ училищѣ, но этой весной твои родители внезапно умерли отъ тифа, оставивъ тебя безъ всякихъ средствъ къ существованію, и что тебѣ особенно хочется выйти въ кузнецы.

Это мнѣ понравилось. Въ такомъ положеніи, думалъ я, мнѣ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, узнать, что-же такое представляетъ изъ себя этотъ народъ? Если вести пропаганду, какъ говоритъ А. И., лучше въ привилегированномъ положеніи, то изучать народъ несравненно удобнѣе въ видѣ простого рабочаго. Не будутъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же соглашаться со всѣмъ, что я говорю, въ то время какъ, можетъ быть, въ душѣ думаютъ совсѣмъ другое.

На другой день меня привезли по назначенію, въ моемъ рабочемъ костюмѣ и расшитыхъ сапогахъ, но только уже безъ жи-

лета съ бубенчиками, который не требовался и въ этой глухой мѣстности. Былъ также и запасъ запрещенныхъ изданій въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

Насъ встрѣтилъ почтенный старикъ, кузнецъ, съ длинной полусѣдой бородой, и старая женщина, его жена, спокойныя и привѣтливыя манеры которой внушали невольное уваженіе. Отрекомендовавъ меня, какъ будущаго ученика, Александръ Ивановичъ попросилъ готовить для меня, какъ избалованнаго столичной жизнью, какое-нибудь дополнительное блюдо на его счетъ, въ родѣ, напримѣръ, яичницы на молокѣ. А затѣмъ, потолковавъ съ ними о безразличныхъ предметахъ съ четверть часа, онъ уѣхалъ обратно, оставивъ меня одного.

Старикъ и старуха повели меня прежде всего въ небольшую «лѣтнюю избу» или клѣть, построенную въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ избы, на задворкахъ деревни и разгороженную сѣнями на двѣ комнаты. Въ обѣихъ царилъ полумракъ, такъ какъ, вмѣсто оконъ, въ нихъ было продѣлано между двухъ смежныхъ бревенъ лишь одно отверстіе, которое можно было заклеить полулистомъ писчей бумаги. Оно затыкалось, на случай нужды, деревяннымъ засовомъ. На полу въ углу лежала куча сѣна. Никакой мебели не было.

— Вотъ здѣсь ты будешь жить лѣто, пока тепло,—сказалъ мнѣ старикъ,—а въ другой горницѣ ночуетъ нашъ сынъ.

Я положилъ свой мѣшокъ въ уголъ, и хозяева ушли, сказавъ, что на работу меня возьмутъ завтра, а теперь мнѣ можно отдохнуть. Черезъ полчаса пришелъ ко мнѣ ихъ сынъ, помощникъ кузнеца, уже женатый мужичекъ, съ русой бородкой, и, поздоровавшись со мной за руку, повелъ меня обратно въ главную избу обѣдать со всѣмъ семействомъ. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, я началъ креститься и кланяться вмѣстѣ съ другими на иконы.

— Щепотью крестишься, милый! Не такъ!—сказала мнѣ старуха, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ достоинствомъ, по окончаніи молитвы.

И, сложивъ мою руку такимъ образомъ, чтобы указательный и средній палецъ были рядомъ вытянуты впередъ, какъ если бы я указывалъ ими на кого-нибудь, она сжала всѣ остальные мои пальцы въ кулакъ и заставила меня перекреститься три раза этимъ новымъ способомъ. Я охотно исполнилъ ея желаніе, такъ какъ мнѣ это было рѣшительно все равно, или, скорѣе, даже интересно, и съ тѣхъ поръ всегда сталъ креститься по старовѣрски, двумя перстами.

Раннимъ утромъ на слѣдующій день мы принялись уже за работу въ маленькой закоптѣлой кузницѣ при дорогѣ у въѣзда въ деревню. Меня начали обучать дѣлать гвозди. Въ остальное время пришлось раздувать мѣхи у горна и совершать другія незначительныя вспомогательныя работы. Дѣло пошло такъ успѣшно, что

кузнецъ остался чрезвычайно доволенъ мною и потомъ постоянно хвалилъ мое усердіе и способность къ работѣ. Впрочемъ, и было за что хвалить Я относился къ работѣ съ такой серьезностью, какъ будто отъ этого зависѣла моя жизнь. Однажды, когда мы сваривали шину, кусокъ раскаленнаго желѣза, величиной съ большую горошину, отскочилъ изъ-подъ молота и упалъ мнѣ за голенище сапога. Я почувствовалъ страшную боль въ ногѣ, когда онъ съ шипѣньемъ проникалъ мнѣ въ тѣло, но моя рука, бившая въ то время пяти-фунтовымъ молотомъ, не сдѣлала ни одного невѣрнаго движенія. И, только когда все было кончено, я быстро сбросилъ сапогъ, и изумленный кузнецъ увидѣлъ прожженное углубленіе на моей ногѣ величиной съ половину боба.

Въ первый же день моихъ работъ у входа въ кузницу собралась толпа народа, какъ будто по собственнымъ дѣламъ, толкуя между собой и лишь изрѣдка обращаясь къ намъ съ тѣмъ или другимъ вопросомъ.

Нѣкоторые присѣли по близости на различныхъ предметахъ, въ родѣ старыхъ колесъ, требовавшихъ обшивки шинами. Несмотря на это кажущееся невниманіе, было очевидно, что всѣ они собрались здѣсь поглазѣть на мою особу.

Появленіе новаго человѣка, да при томъ столичнаго, было большимъ событіемъ въ деревнѣ. Однако, въ виду того, что я не имѣлъ въ ихъ глазахъ никакого привилегированнаго положенія и, по ихъ мнѣнію, не могъ быть въ жизни ничѣмъ инымъ, какъ кузнецомъ, или мастеровымъ, ко мнѣ относились, какъ къ человѣку своего круга, не стѣсняясь. Въ слѣдующіе же дни у меня начали завязываться и разговоры съ этой толпой, ежедневно собиравшейся въ извѣстные часы около кузницы.

Предметы разговоровъ были чрезвычайно разнообразны, но большей частью философскаго характера.

Разъ одинъ изъ окружающихъ крестьянъ, пожилой мужичекъ, завелъ рѣчь о томъ, что телеграфистъ на ближайшей станціи желѣзной дороги говоритъ, будто Бога нѣтъ.

— Какъ вы думаете объ этомъ?—обратился онъ добродушно ко мнѣ (слово *вы* уже было занесено даже въ эту глухую мѣстность).

Очень заинтересованный узнать, что *они сами* думаютъ, я отвѣчалъ уклончиво.

— И я въ Москвѣ слыхалъ, какъ многіе говорятъ, будто нѣтъ, да не знаю, что и подумать? Говорятъ, будто никто никогда его не видалъ.

— И то правда,— замѣтилъ одинъ,—никто его не видалъ.

— А по моему,—вмѣшалась старуха, моя хозяйка, тоже присутствовавшая при разговорѣ,—есть онъ или нѣтъ, а молиться все же нужно, и по правиламъ, какъ положено. Если его нѣтъ,

немного времени пропадетъ, а если есть, то онъ за все воздастъ сторицею.

Съ этимъ сейчасъ же согласились всѣ.

Такія вѣянія времени, прорвавшіяся въ мѣстную глушь черезъ станцію желѣзной дороги, и оригинальное, чисто практическое отношеніе этихъ простыхъ людей къ своей религіи чрезвычайно меня поразили. Глядя на народъ сверху внизъ и наслушавшись въ интеллигенціи рѣчей, что не нужно затрагивать при сношеніяхъ съ крестьянами религіозныхъ вопросовъ изъ опасенія сразу возбудить ихъ противъ себя, я считалъ русскихъ крестьянъ, въ особенности раскольниковъ, очень нетерпимыми въ отношеніи вѣры, а потому спросилъ, помолчавъ немного:

— А что же телеграфистъ, который говоритъ, что Бога нѣтъ, какой онъ человѣкъ?

— Хорошій человѣкъ!—отвѣчали мнѣ нѣсколько голосовъ:—такой простой да ласковый со всѣми!

Заходила рѣчь и о помѣщикахъ, и о начальствѣ. И здѣсь, въ качествѣ человѣка изъ простого сословія, я многое узналъ, чего не могъ бы узнать въ другомъ положеніи. Вѣ старые люди жаловались на новыя времена и говорили, что при помѣщикахъ было лучше. Молодежь же, едва помнившая крѣпостное право, поголовно относилась къ помѣщикамъ изъ дворянъ (конечно, исключая отдѣльныхъ знакомыхъ имъ лицъ) на половину враждебно, на половину пренебрежительно. Особенно подмѣтилъ я эту черту пренебреженія уже впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось, получивъ порядочный навыкъ въ народной рѣчи и народныхъ правилахъ приличія, путешествовать по Курской и Воронежской губерніямъ, а затѣмъ по Московской, Ярославской и Костромской. Нигдѣ уже не думали, что манифестъ 19 февр. 1861 года былъ подмѣненъ помѣщиками. Ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ мнѣ, не приходилось слышать. Всѣ смотрѣли на него, какъ на пинокъ, данный царемъ дворянству по причинѣ какихъ-то таинственныхъ взаимныхъ несогласій (*«чѣмъ-то надоѣли ему»*), но всѣ были недовольны, что царь не отобралъ земель цѣликомъ и даромъ, а назначилъ выкупъ, и нѣкоторые были даже прямо враждебно настроены...

— Что бы они могли съ нимъ подѣлать?—приходилось мнѣ слышать не разъ. — Баринъ-татаринъ ходитъ павлиномъ, а пни его хорошенько ногой, глядишь—и присмирѣетъ.

Этотъ періодъ пренебрежительнаго отношенія обусловливался, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ глазахъ народа дворяне, какъ классъ, потеряли всякій престижъ именно потому, что не сумѣли отстоять своего первоначальнаго положенія. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ всегда бросался въ глаза контрастъ въ отношеніяхъ болѣе молодыхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ одной стороны, и къ мѣстной администраціи—съ другой. Къ первымъ, какъ

я уже сказалъ, отношеніе было враждебно-пренебрежительное, а ко вторымъ—враждебно-боязливое.

— Что подѣлаешь,—говорили мнѣ потомъ у дверей этой самой кузницы, на мои слова, что народу надо взять управленіе страною въ свои руки, какъ въ иноземныхъ государствахъ.—Что подѣлаешь? У нихъ сила, а у насъ всѣ врозь. Никто другого не поддержитъ, всѣ разбѣгутся.

И мнѣ невольно припомнился тотъ самый мужичекъ, который пустился бѣжать во всю прыть, когда я позвалъ его на помощь къ Шанделье, послѣ того, какъ его переѣхала тройка.

Я большею частью разсказывалъ имъ о порядкахъ правленія въ иностранныхъ государствахъ и какъ была добыта тамъ свобода. Это мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ, потому что приходилось изображать не какой-нибудь еще неиспытанный проектъ, а уже существующій образецъ. Книжки распространять мнѣ совершенно не пришлось, такъ какъ вся деревня оказалась поголовно безграмотной, и въ слѣдующее же воскресенье я отнесъ обратно въ Потапово весь свой тюкъ, за исключеніемъ одного экземпляра каждаго изданія.

Болѣе другихъ сблизился я съ сыномъ моего кузнеца, тоже совершенно безграмотнымъ мужикомъ, но съ философскимъ оттѣнкомъ ума. Въ свободные часы онъ постоянно забѣгалъ ко мнѣ въ «клѣть», и тамъ, валяясь на сѣнѣ, мы вели съ нимъ всевозможные философскіе разговоры. Я сталъ замѣчать, что понемногу онъ очень привязывался ко мнѣ, и что его прямо влечетъ ко мнѣ потолковать. Это очень меня радовало, и при первомъ же случаѣ я началъ читать ему различныя революціонныя изданія, такъ настоятельно рекомендованныя на обложкахъ цензурой и святѣйшимъ Сѵнодомъ. Но тутъ же мнѣ пришлось совершенно разочароваться. Въ словесныхъ разговорахъ мой ученикъ былъ человѣкъ, какъ человѣкъ, и спрашивалъ и отвѣчалъ осмысленно. Но какъ только доходило до чтенія, въ какой формѣ ни предлагалось бы оно—въ видѣ сказки или проповѣди, имъ сейчасъ же начинала овладѣвать непреодолимая зѣвота или страшная разсѣянность. Каждую отдѣльную фразу или двѣ, какъ я замѣчалъ, перемежая чтеніе словесными замѣчаніями, онъ понималъ совершенно отчетливо, но общая связь ихъ другъ съ другомъ совершенно была недоступна для его головы: одна идея выталкивала другую изъ узкаго горизонта его мышленія, какъ въ микроскопѣ разсматриваніе одной части водной капли неизбѣжно влечетъ за собою удаленіе съ поля зрѣнія всѣхъ остальныхъ частей, такъ что потомъ ихъ уже трудно снова разыскать и сопоставить съ другими. Сколько ни передвигай пластинку, никогда не получишь сразу всего цѣликомъ. Такую же самую черту неспособности охватывать соотношеніе между различными, связанными другъ съ другомъ идеями приходилось мнѣ встрѣчать и въ головахъ другихъ людей, нераз-

витыхъ предварительнымъ обученіемъ. Однажды, когда мнѣ пришлось читать этому простому человѣку замѣчательно трогательное мѣсто въ прокламаціи: «Чтой-то братцы», я самъ очень увлекся и былъ взволнованъ. Взглянувъ на него, чтобы узнать произведенное впечатлѣніе, я вдругъ съ радостью замѣтилъ, что на лицѣ моего слушателя выражается какая-то особенная озабоченность и какъ бы желаніе задать мнѣ вопросъ по поводу прочитаннаго.

— Что такое?—спрашиваю я, прервавъ чтеніе.

— Какіе у тебя хорошіе сапоги,—сказалъ онъ, указывая на расшитыя шнурами голенища,—чай, дорого далъ?

Этотъ неожиданный вопросъ такъ меня огорчилъ и сразу открылъ глаза на безполезность такого чтенія совершенно безграмотному человѣку, что я болѣе уже не повторялъ своихъ попытокъ и ограничивался устными разговорами. И, однако, этотъ человѣкъ, какъ оказалось потомъ, очень привязался ко мнѣ и готовъ былъ для меня на многое.

Моя пропаганда не ограничивалась одними политическими и соціальными вопросами. Едва я попалъ въ деревню, какъ насильно запрятанное мною въ наиболѣе удаленныхъ уголкахъ моей души давнишнее влеченіе изучать природу и ея вѣчные законы, вдругъ дало себя знать, и, убѣгая въ свободныя минуты въ окружающіе лѣса и болота, я тащилъ оттуда въ свою клѣть всевозможные лишайники, мхи, древесные грибы, вмѣстѣ съ образчиками камней и окаменѣлостей, которыхъ тоже удалось найти нѣсколько штукъ въ этой мѣстности. Все это очень заинтересовало моего пріятеля, и я объяснялъ ему въ популярной формѣ различныя явленія природы. Я задумалъ даже понемногу обучать его и чтенію, не смотря на его поздній возрастъ,—ему было лѣтъ двадцать шесть.

Въ одинъ памятный полдень мы всѣ работали въ своей кузницѣ надъ свариваньемъ большого куска желѣза. Яркій солнечный лучъ врывался черезъ дверь въ полумракъ нашей избушки на курьихъ ножкахъ, гдѣ не было никакихъ оконъ, и освѣщалъ подъ нашими ногами часть чернаго отъ сажи земляного пола. Сплошь закопченыя стѣны оставались совершенно мрачными и только въ глубинѣ горна пылали на грудѣ угольевъ желтые, красные и фіолетовые языки пламени. Мы работали въ своихъ пестрядевыхъ рубахахъ и грубыхъ фартукахъ въ три молота, такъ что ихъ удары, быстро слѣдующіе другъ за другомъ, отбивали на раскаленномъ кускѣ металла одну непрерывную дробь. Тысячи желѣзныхъ искръ вылетали отдѣльными струями изъ-подъ нашихъ молотовъ и брызгали въ стѣны и въ наши фартуки, и подъ каждымъ ударомъ вспыхивали, какъ бы зарницы пламени. Я былъ въ полномъ увлеченіи и ни на что другое не обращалъ вниманія.

— Ахъ, какъ хорошо! Да это чудо, что такое!—вдругъ раздался въ дверяхъ голосъ Алексѣевой.

Пораженный такой неожиданностью, такъ какъ она, по моимъ

соображеніямъ, должна была находиться въ Москвѣ, я обернулся, не докончивъ работы, и, дѣйствительно, увидѣлъ ее, бьющую въ ладоши, въ дверяхъ кузницы, въ сопровожденіи А. И. и Саблина.

— Здравствуйте, Липа! Какъ вы сюда попали!—воскликнулъ я, бросаясь къ ней навстрѣчу.

— Не утерпѣла, — объявила она мнѣ, — вотъ и пріѣхала къ вамъ.

Мы всѣ радостно поздоровались и хотѣли тотчасъ же пригласить гостей къ себѣ въ избу, но Алексѣева, которую особенно привели въ восторгъ сыпавшіеся изъ-подъ трехъ молотовъ потоки искръ, ни за что не хотѣла идти, пока мы не сварили при ней еще новаго куска желѣза. Сдѣлавъ ей это удовольствіе, всѣ отправились сначала къ кузнецу, а затѣмъ и въ мою «клѣть», необычайное устройство которой, безъ всякихъ оконъ, тоже вызвало всеобщее одобреніе.

— Вотъ бы гдѣ жить,—восторгалась Алексѣева,—совсѣмъ какъ хижина дяди Тома!

Я угостилъ ихъ приготовленной для меня молочной яичницей въ латкѣ, съ чернымъ хлѣбомъ, и затѣмъ вся компанія обратно уѣхала изъ деревни, строго наказавъ мнѣ каждое воскресенье и праздникъ непремѣнно приходить къ нимъ.

Но, какъ говорится въ библіи, «время уже исполнилось» для нашей революціонной дѣятельности въ этой мѣстности. Не успѣлъ я и двухъ разъ побывать у нихъ, какъ А. И. получилъ предупрежденіе изъ Петербурга, что ему грозитъ арестъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, братъ кухарки А. И., бывшій раскольничій попъ, Тимофей Ивановъ, раздосадованный тѣмъ, что его сынъ попалъ въ потаповскую артель столяровъ-пропагандистовъ, чѣмъ причинилъ большой ущербъ его собственной мастерской,—рѣшилъ сдѣлать доносъ.

— «И барину отомщу,—говорилъ онъ, — и сына спасу, — да еще, какъ Комиссаровъ, награду получу отъ царя». Онъ вообразилъ, что при политическихъ доносахъ доносчикъ получаетъ отъ царя все имѣніе преданнаго имъ человѣка. Опасаясь, что, если онъ донесетъ кому-либо изъ подначальныхъ лицъ, у него перехватятъ награду, и онъ останется ни съ чѣмъ, онъ, будто бы, прямо отправился въ Зимній дворецъ и изъявилъ желаніе видѣть царя по очень важному дѣлу. На вопросъ объ этомъ дѣлѣ онъ отказался отвѣчать кому бы то ни было, кромѣ царя. Его, конечно, отправили въ Третье Отдѣленіе и посадили въ одиночное заключеніе, пока не скажетъ всего. Ивановъ нѣсколько дней упирался, требуя царя, но потомъ, отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, разсказалъ все.

Иванчинъ-Писаревъ, Саблинъ, Ельцинскій и умершій потомъ медикъ Львовъ, работавшій въ этой мѣстности, сейчасъ же уѣхали въ столицу. Въ домѣ остались только жена А. И., какъ не уча-

ствовавшая въ революціонныхъ предпріятіяхъ мужа, и Алексѣева, въ качествѣ ея гостьи. Я тоже объявилъ, что не уѣду, потому что прежде всего нагрянутъ въ Потапово, и я въ своей отдаленной деревнѣ буду предупрежденъ ранѣе, чѣмъ до меня успѣютъ добраться. Остался также и докторъ Добровольскій въ своемъ селѣ, предполагая, что доносъ, безъ сомнѣнія, относится только къ Иванчину-Писареву, а не къ нему.

Такъ прошло дня три. На четвертый, когда мы, кузнецы, всѣ работали вмѣстѣ, къ намъ въ кузницу вдругъ явился съ ружьемъ въ рукахъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, довѣренныхъ А. И., на котораго у насъ полагались почти такъ же, какъ на Ивана Ильича. Сдѣлавъ видъ, что совершенно меня не знаетъ, онъ обратился къ старику-хозяину съ просьбой починить курокъ его ружья и, пока тотъ, повернувшись къ свѣту, разсматривалъ порчу, потихоньку сунулъ мнѣ въ руку, кивнувъ таинственно головой, маленькую бумажку. Я вышелъ за уголъ кузницы и прочелъ буквально слѣдующую записку Алексѣевой:

«Бѣгите, бѣгите скорѣе! Все погибло, все пропало! Добровольскій и Потоцкая арестованы. Жена А. И. и я сидимъ подъ домашнимъ арестомъ. Кругомъ дома полиція и засады на случай возвращенія кого либо изъ васъ. Бѣгите скорѣе, сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ. Ваша Липа».

Все это было написано спѣшно карандашемъ на клочкѣ бумаги.

Когда я теперь вспоминаю свои ощущенія при полученіи этой записки, то могу сказать лишь одно: извѣстіе это рѣшительно не вызвало у меня ни малѣйшаго страха за себя, а только безпокойство за другихъ. Я возвратился къ кузнецу и принялся за прерванную работу. Предупредившій меня уже ушелъ. Отбивая молотомъ ударъ за ударомъ по желѣзу, я обдумывалъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ теперь быть? Бѣжать, не попытавшись выручить Иванчину-Писареву и Алексѣеву, казалось мнѣ совершенно немыслимымъ. Надо что-нибудь придумать для ихъ спасенія. Прежде всего я сообразилъ, что словамъ Алексѣевой «сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ» нельзя придавать буквальнаго значенія. Она, очевидно, была слишкомъ взволнована, когда писала.

— Едва ли пріѣдутъ раньше ночи, — думалъ я, — но все же надо поглядывать по временамъ на дорогу на всякій случай, прислушиваться и не зѣвать.

Затѣмъ я вспомнилъ о томъ, какъ, начитавшись когда-то мальчикомъ Майнъ-Рида, я изображалъ индѣйцевъ и искусно пробирался въ травѣ ползкомъ, куда угодно, пугая взрослыхъ неожиданностью своего появленія.

— Нужно, — думалъ я, — пробраться въ Потапово по способу краснокожихъ, а тамъ увидимъ, что дѣлать.

Но для этого было необходимо дождаться вечера. И, вотъ, я работалъ и работалъ безъ перерыва, обдумывая детали.

Когда, наконецъ, наступило время отдыха, я вызвалъ въ свою клѣть сына-кузнеца и сразу во всемъ ему признался. Я сказалъ ему, что въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ среди молодыхъ людей, занимающихся науками и пишущихъ книги, появилось много такихъ, которымъ счастье простого народа стало дороже своего, и они, бросивъ все, что дорого каждому обычному человѣку—богатство, личное счастье и родныхъ, пошли въ деревни, въ крестьяне и рабочіе, чтобы жить ихъ жизнью и раздѣлять ихъ трудъ и помочь народу устроить свою жизнь такъ, какъ это сдѣлано давно во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ народъ самъ управляетъ своей судьбой черезъ выборныхъ людей. Я сказалъ ему, что такіе люди ходятъ теперь по всей Россіи, что А. И. Добровольскій и всѣ, кто жили въ Потаповѣ, и я самъ принадлежимъ къ ихъ числу. Но правительство, не желая такого ограниченія своей власти, преслѣдуетъ насъ и ссылаетъ въ Сибирь и на каторгу, какъ бунтовщиковъ.

— Въ Потапово полиція сегодня уже нагрянула въ усадьбу, но А. И. успѣлъ скрыться,—закончилъ я,—доктора схватили и пошлютъ въ Сибирь, а за мной пріѣдутъ сегодня ночью или завтра.

Все это его сильно огорчило и обезпокоило.

— Какъ же теперь тебѣ быть?—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ночью уйду отсюда тайкомъ, а ты предупреди затѣмъ всѣхъ въ деревнѣ, чтобъ ничего не разсказывали начальству о моихъ разговорахъ съ вами. Учился, молъ, работать, а больше ничего.

— Не бѣги въ города,—сказалъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ,—поймаютъ и погубятъ... Вотъ что лучше сдѣлай. По деревнямъ здѣсь живетъ много бѣгуновъ (религіозная секта, не признающая властей и потому скрывающаяся въ глухихъ мѣстахъ Россіи), я знаю многихъ, и для меня они сдѣлаютъ все. У нихъ есть тайныя отдѣльныя комнаты при избахъ и подвалы. Никакое начальство тебя въ нихъ не разыщетъ.

Идея попасть въ этотъ новый для меня, таинственный міръ показалась мнѣ очень заманчивой. Но, вспомнивъ, что прежде всего мнѣ нужно спасать двухъ бѣдныхъ плѣнницъ въ Потаповѣ, я ему сказалъ:

— Поговори съ ними на всякій случай, чтобъ все было готово, если я приду къ тебѣ, но прежде всего мнѣ нужно повидаться со своими: можетъ, приду, а можетъ—и нѣтъ...

Наступалъ уже вечеръ. Я уложилъ свои небогатые пожитки въ дорожный мѣшокъ и взвалилъ его на плечи. Мы обнялись, поцѣловались три раза со слезами на глазахъ, и вотъ я скрылся за задворками деревни въ спускающемся сумракѣ. Никто не видѣлъ моего ухода, кромѣ этого товарища по работѣ, который стоялъ на околицѣ деревни и провожалъ меня взглядомъ до тѣхъ поръ, пока я не скрылся. Я приспособилъ свой путь такимъ образомъ,

чтобы подойти къ Потапову около одиннадцати часовъ, когда будетъ совершенная ночь. Планъ мой состоялъ въ слѣдующемъ. Усадьба стояла со стороны дороги на открытомъ лугу. Но домъ прилегалъ однимъ бокомъ къ крутому обрыву, подъ которымъ лежало русло небольшой рѣчки или, скорѣе, ручья. За домомъ былъ садъ съ нѣсколькими клумбами цвѣтовъ и грядами клубники и рѣдкими яблоновыми деревьями. Обнесенъ онъ былъ густымъ частоколомъ изъ острыхъ кольевъ, и одна сторона этой ограды шла какъ разъ на границѣ обрыва, такъ что за частоколъ трудно было пробраться, не рискуя свалиться въ ручей съ значительной высоты. По другую сторону ручья шелъ густой еловый лѣсъ. Стража, приставленная къ дому, думалъ я, едва ли будетъ наблюдать за этимъ мѣстомъ, а между тѣмъ, во время моей жизни въ усадьбѣ я открылъ здѣсь въ частоколѣ маленькую лазейку и, какъ любитель всякаго карабканья (да и на всякій случай), спускался черезъ нее не разъ по обрыву въ русло ручья, гдѣ находилась узкая полоса песчанаго берега. Съ нея я перепрыгивалъ легко и на другой берегъ. Вскарабкавшись по этому мѣсту, соображалъ я, мнѣ будетъ возможно пробраться и въ садъ, а изъ него черезъ терассу со стеклянной дверью и черезъ одно изъ оконъ проникнуть какъ-нибудь и въ домъ. Все дальнѣйшее я предоставлялъ обстоятельствамъ. Одно только сильно безпокоило меня,—при домѣ была собака. Изъ всѣхъ моихъ враговъ она представлялась мнѣ самымъ опаснымъ въ данномъ случаѣ: подниметъ лай и выдастъ. Однако, дѣлать было нечего, — приходилось отдаться на волю случая.

Когда я подошелъ, избѣгая по возможности дороги и обойдя встрѣчающіяся двѣ-три деревни, къ еловому лѣсу, прилегающему къ усадьбѣ, наступила давно полная ночь, и было трудно что-нибудь разобрать на разстояніи двухсотъ или трехсотъ шаговъ. Передъ входомъ въ лѣсъ пришлось идти по значительному открытому лугу. Эта часть представлялась мнѣ наиболѣе неудобной, и потому я прямо пошелъ не по травѣ, а по прилегающей тутъ проселочной дорогѣ, разсчитывая на случай неожиданной встрѣчи съ полиціей прикинуться деревенскимъ парнемъ, идущимъ въ одну изъ сосѣднихъ деревень.

И, дѣйствительно, вдали показалась во мракѣ человѣческая тѣнь, двигавшаяся прямо мнѣ навстрѣчу. Чувствуя рѣшительный моментъ, я уже старался придать своему голосу особенно непринужденный и веселый тонъ, какъ фигура, оказавшаяся, къ моему великому облегченію, въ женскомъ платьѣ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы куда?

— Въ Вятское,—отвѣчалъ я.

— Господи! Николай Александровичъ! —вдругъ тихо воскликнула женщина съ испугомъ:—Да развѣ вы не получили записки?

Только тутъ я понялъ, что передо мной находилась горничная Аннушка, посвященная во все, и у меня вдругъ стало такъ легко на душѣ, что и сказать нельзя.

— Конечно, получилъ, потому и иду,—воскликнулъ я полушепотомъ, пожимая дѣвушкѣ руку.

И я разсказалъ ей весь свой планъ проникнуть въ домъ, прося ее только убрать собаку и сказать барынѣ, чтобы держала незапертой балконную дверь. Оказалось, что Аннушкѣ, какъ горничной, можно было свободно входить и выходить изъ дому по хозяйству. Полицейскіе и земскіе стражники не входили внутрь дома и въ садъ, а стерегли снаружи у входной двери и время отъ времени ходили осматривать ближайшія окрестности.

Аннушка была очень веселая и смѣтливая дѣвушка, и, когда ея первоначальное волненіе нѣсколько улеглось, она очень хорошо усвоила мой планъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ лѣсу, пробрался къ одному изъ болѣе далекихъ мѣстъ ручья, спряталъ тамъ свой мѣшокъ такъ, чтобы потомъ его легко было найти въ темнотѣ, пробрался въ непосредственную близость дома по другую сторону ручья и услышалъ оттуда, какъ Аннушка кликала съ крыльца:

— Шарикъ! Шарикъ!

Затѣмъ дверь дома хлопнула, и все смолкло. Не прошло и двухъ минутъ, какъ я уже вскарабкался на обрывъ, прошелъ въ садъ и лежалъ въ немъ плотно на землѣ, между двумя грядками, наблюдая окрестности. Все было тихо, только въ домѣ было очевидное движеніе. Два освѣщенные окна быстро стали закрываться шторами. Огни въ сосѣдней комнатѣ погасли, и затѣмъ балконная дверь пріотворилась. Я въ это время проползъ уже подъ самую террасу и, видя, что вблизи и за ближайшей оградой прозрачнаго частокола нѣтъ никакой подозрительной фигуры, однимъ прыжкомъ былъ уже въ комнатѣ, послѣ чего беззвучно притворилъ за собою дверь.

— Сумасшедшій! Что вы дѣлаете! — поспѣшнымъ шепотомъ сказала мнѣ Алексѣева, и въ ея голосѣ были и страхъ, и радость.

— Пришелъ спасать васъ обѣихъ! — не задумываясь, отвѣтилъ я,—и вотъ увидите, я все это сдѣлаю.

Въ это время она уже притащила меня за руку въ ту комнату, окна которой только что были плотно закрыты занавѣсками. Тамъ сидѣла хозяйка дома. На обѣихъ было больно смотрѣть: такія были у нихъ печальныя и разстроенныя лица. Я предложилъ имъ сейчасъ же одѣваться въ какія нибудь простенькія платья, чтобы я могъ спустить ихъ въ оврагъ и затѣмъ провести лѣсами въ губернскій городъ, находящійся верстахъ въ сорока оттуда, или на ближайшую станцію желѣзной дороги раньше, чѣмъ ихъ успѣютъ хватиться. Хозяйка печально потрясла отрицательно головой.

— Мнѣ нельзя бѣжать,—сказала она.—У меня грудной ребе-

нокъ. Кромѣ того, относительно меня не можетъ быть никакихъ обвиненій. Я занималась исключительно школой, и отецъ мой (онъ былъ очень богатый помѣщикъ сосѣдней губерніи) пользуется большимъ вліяніемъ.

Алексѣева сначала не знала, что ей дѣлать. Ей, видимо, очень хотѣлось убѣжать со мною черезъ лѣса и болота; романтическая сторона ея натуры жаждала приключеній, но у нея дома, подъ покровительствомъ старой няни, было двое крошечныхъ дѣтей, а бѣгство—было бы вѣчной разлукой съ ними.

Мы всѣ сѣли у столика и начали обсуждать положеніе дѣла. Алексѣева, торопясь, разсказала мнѣ всю исторію. Послѣдніе три дня они жили довольно спокойно, и въ тотъ самый день, утромъ, она ушла провѣдать доктора въ село Вятское. Это было большое ярмарочное село, гдѣ помѣщалось волостное правленіе и былъ врачебный пунктъ. Двѣ комнаты больничнаго помѣщенія занималъ докторъ Добровольскій, а рядомъ съ этими комнатами жила акушерка Потоцкая. При входѣ въ домъ, Алексѣева замѣтила какое-то необычное движеніе, а когда вошла на площадку, то натолкнулась на часового съ ружьемъ, стоявшаго передъ ближайшей изъ двухъ дверей доктора. Онъ преградилъ ей дорогу и сказалъ:

— Нельзя!

Тогда она повернула къ Потоцкой и застала ее сидящею въ слезахъ. Потоцкая въ волненіи разсказала ей, что Добровольскій въ эту ночь былъ вызванъ далеко къ больному. Въ его отсутствіе пришли становой, исправникъ и полицейскіе съ солдатами и, не найдя доктора, запечатали обѣ его двери и, приставивъ къ нимъ часового, одни ушли обратно къ становому, а другіе остались внизу.

— Хуже всего то, — добавила она, — что въ комнатѣ доктора находится нѣсколько десятковъ запрещенныхъ книжекъ. Онъ думалъ, что раньше поѣдутъ въ Потапово.

Потоцкая была совершенно въ безпомощномъ состояніи, но Алексѣева сейчасъ же начала дѣйствовать. Увидѣвъ, что комната акушерки отдѣлялась отъ комнаты доктора лишь промежуточной стѣной, въ которой находилась запертая дверь, заставленная большимъ шкафомъ, она сейчасъ же принялась отодвигать его и, стараясь всѣми силами, дѣйствительно успѣла въ этомъ. Ключъ отъ комнаты Потоцкой какъ разъ пришелся и къ этой двери и, отперевъ ее, Алексѣева проникла въ комнаты доктора, такъ сказать, за спиной у ничего не подозрѣвавшаго часового; забрала всѣ запрещенныя книжки, завернула ихъ въ шаль и, замкнувъ обратно дверь и заслонивъ ее по прежнему шкафомъ, вышла со своей ношей вонъ и отправилась изъ села черезъ поле по направленію къ Потапову. Не успѣла она отойти и полверсты, какъ по дорогѣ за нею выѣхали одна за другою двѣ тройки. Въ передней сидѣлъ становой и двое какихъ-то незнакомцевъ въ офицерскихъ пальто,

а въ задней—нѣсколько полицейскихъ и солдатъ. Что тутъ дѣлать? Поле было ровное и гладкое, скрыться некуда. Оставалось лишь продолжать дорогу.

Когда экипажи поравнялись съ нею, становой, который видѣлъ ее въ Потаповѣ съ недѣлю тому назадъ, остановилъ тройки и окликнулъ ее по имени:

— Куда это вы идете?

— Домой, въ усадьбу,—отвѣчала она.

— Такъ садитесь къ намъ: мы васъ подвеземъ,—услужливо предлагаетъ ей становой...

Алексѣева уже сочла себя арестованной и не считала возможнымъ сопротивляться. Но, замѣтивъ любезный тонъ станового, все-таки попробовала уклониться:

— Мой узелъ можетъ васъ стѣснить,—замѣтила она,—его некуда будетъ положить.

— Пустяки,—сказалъ исправникъ,—мы его положимъ на дно экипажа!—И, услужливо принявъ шаль у нея изъ рукъ, положилъ въ глубину экипажа и предложилъ ей руку, чтобъ подсадить.

Не оставалось ничего, какъ согласиться. Немедленно она была представлена становымъ исправнику и жандармскому офицеру, какъ гостья Иванчиной-Писаревой, недавно пріѣхавшая къ ней, а затѣмъ начались обычныя объясненія:

— Мы ѣдемъ по очень печальному порученію. Что дѣлать—служба. Приказано изъ Петербурга сдѣлать въ Потаповѣ обыскъ. Какой-то доносъ,—мы ничего не знаемъ.

— Относительно васъ лично, — замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ,—у насъ нѣтъ никакихъ распоряженій, и надѣемся, что и не будетъ. Но все же намъ придется попросить васъ не выѣзжать изъ усадьбы до дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ разговаривая, проѣхали они четыре версты до усадьбы и остановились передъ крыльцемъ. Алексѣева выскочила первая и, взявъ немедленно свой узелокъ, вбѣжала внутрь дома. Начальство тѣмъ временемъ оцѣпило его снаружи. Положеніе Алексѣевой было ужасно: жилище А. И. было тщательно освобождено имъ отъ всякихъ запрещенныхъ вещей, и вотъ онѣ внесены въ него ею!

Хозяйка была въ такомъ обезкураженномъ состояніи, что ничѣмъ не могла помочь. Но Алексѣева, обѣжавъ кругомъ всѣ комнаты и не найдя мѣста, гдѣ спрятать, увидѣла, наконецъ, посреди кухни корзину съ мокрымъ, только что выстиранным бѣльемъ. Она засунула на дно корзины содержаніе своей шали и затѣмъ прикрыла все снова мокрымъ бѣльемъ.

Полиція перевернула вверхъ дномъ весь домъ. Все было разобрано и пересмотрѣно, а корзина такъ и осталась посреди кухни. Составили протоколъ, что не было найдено ничего подозрительнаго, и уѣхали, посадивъ обѣихъ дамъ подъ домашній арестъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите бѣжать со мною?—спросилъ я послѣ того, какъ выразилъ все свое восхищеніе ея находчивостью.

— Нѣтъ, въ виду того, что меня считаютъ простой гостьей, я думаю лучше выждать, когда сами выпустятъ.

Я не могъ не согласиться съ этимъ.

— Но какъ же вы сами теперь пойдете черезъ лѣса ночью?— спросила Алексѣева.

Я, смѣясь, вынулъ изъ кармана свои часы и показалъ дамамъ маленькій компасикъ, вдѣланный въ циферблатъ рядомъ съ секундной стрѣлкой. Я разсказалъ имъ, что съ этимъ компасомъ исходилъ всѣ окрестности Москвы и почти весь нашъ уѣздъ по совершенно незнакомымъ мѣстамъ, ничего не имѣя, кромѣ географической карты, и никогда еще не приходилъ, куда не слѣдуетъ.

— А теперь дѣло еще проще,—прибавилъ я.—Мнѣ нужно только постоянно держаться на западъ, и, не смотря ни на какіе обходы, я пересѣку гдѣ-нибудь полотно желѣзной дороги, и оно приведетъ меня прямо въ губернскій городъ.

Всѣ эти разсказы и удачи мало по малу такъ развеселили насъ, что будущее стало представляться намъ совсѣмъ не въ такомъ печальномъ видѣ. Вѣдь нигдѣ ничего не нашли, на окрестныхъ крестьянъ, казалось, можно было положиться. Авось все уляжется, а затѣмъ, можетъ быть, возможно будетъ возвратиться и самому А. И. Относительно моего успѣшнаго ухода изъ дому не оставалось почти и сомнѣнія. Если я могъ войти въ него, такъ почему же не сумѣю выйти? Даже хозяйка дома пріободрилась. Мы стали смѣяться надъ засадами и сторожами снаружи, которые и не подозрѣваютъ, что, вмѣсто двухъ заключенныхъ, теперь у нихъ трое, а черезъ часъ или полтора снова останутся только двое.

Я объявилъ, что ни за что не уйду отъ нихъ, пока не начнетъ свѣтать.

Намъ приготовили яичницу и самоваръ, и послѣ маленькой прощальной пирушки мнѣ начали упаковывать на дорогу пирожки и другіе припасы. Когда небо на востокѣ начало слегка блѣднѣть, все было готово. Всѣ, не исключая и горничной Аннушки, нѣжно обнялись и поцѣловались со мной; затѣмъ мы осмотрѣли въ щелки занавѣсокъ мѣсто пребыванія сторожей. Въ ближайшій удобный моментъ дверь на террасу беззвучно пріотворилась, я выскользнулъ, какъ ужъ, по способу американскихъ индѣйцевъ, и мгновенно исчезъ въ межѣ, среди грядокъ. Затѣмъ, дверь тихо затворилась за мною, и все снова пришло въ первоначальный видъ. Работая локтями и колѣнками, я доползъ до своей лазейки, тихо соскользнулъ по обрыву на берегъ ручейка, перескочилъ черезъ него и, добравшись до своего мѣшка, взвалилъ его на плечи и пошелъ далѣе по лѣсу, неуведя съ собой, какъ мнѣ мечталось, плѣнницъ, но за то съ облегченнымъ сердцемъ относительно ихъ возможной участи и съ созна-

ніемъ, что я не остановился бы ни передъ чѣмъ для того, чтобы ихъ спасти. Идти пришлось опять по направленію къ моей деревнѣ, такъ какъ она лежала ближе къ желѣзной дорогѣ, хотя ея окрестности и были очень глухи сравнительно съ мѣстностью, гдѣ было Потапово.

Я пробирался по лѣсамъ и болотамъ, постоянно оглядываясь по сторонамъ и чутко прислушиваясь ко всякому шуму, во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ. Вдругъ сзади послышался стукъ ѣдущихъ экипажей. Въ это время я шелъ не по самой дорогѣ, а параллельно ей по лѣсу и, спрятавшись за кустами, могъ видѣть, какъ по направленію къ моей деревнѣ, Коптеву, ѣхали рысцей, одна за другой, двѣ тройки безъ колокольцевъ, совершенно такъ, какъ ихъ описывала Алексѣева, но лицъ сидящихъ я не могъ разобрать за отдаленіемъ, хотя и было совсѣмъ свѣтло. Я сообразилъ, что это ѣдутъ за мной и потому, обогнувъ подальше Коптево, пошелъ самыми глухими мѣстами. Ближайшій поѣздъ приходилъ лишь на слѣдующее утро, и я рѣшилъ провести весь день, лежа гдѣ-нибудь въ особенно густой чащѣ, тѣмъ болѣе, что я не спалъ всю ночь. Попавъ, наконецъ, въ какую-то топь, которая мнѣ чрезвычайно понравилась, я выбралъ въ ней сухое мѣстечко и растянулся спиной на мягкомъ мхѣ. Положивъ голову на мѣшокъ, я предался мечтамъ о своихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ въ томъ же романтическомъ родѣ, отбиваясь отъ роевъ комаровъ и мошекъ, не дававшихъ мнѣ ни на минуту заснуть.

Но никакихъ приключеній, къ сожалѣнію, не оказалось впереди. На слѣдующую ночь, руководясь своимъ компасомъ, разсматривать который часто приходилось при помощи зажженной спички, я вышелъ, наконецъ, какъ и ожидалъ, прямо на полотно желѣзной дороги и направился къ югу. Я еще не зналъ, удобно ли мнѣ будетъ сѣсть въ вагонъ на ближайшей станціи, или придется пѣшкомъ добраться до Ярославля, но, подходя къ какому-то полустанку и замѣтивъ, что на немъ все тихо и спокойно, я легъ вдали, на лѣсной опушкѣ, и когда показался поѣздъ, быстро вошелъ на станцію, взялъ билетъ и черезъ минуту былъ уже въ вагонѣ третьяго класса, посреди такихъ же сѣрыхъ, какъ я, мужиковъ и мастеровыхъ.

Дальнѣйшій путь совершился безъ всякихъ приключеній, и черезъ сутки, разыскавъ въ Москвѣ Саблина, Ельцинскаго и др., я уже разсказывалъ имъ о происшедшей катастрофѣ. О поведеніи Алексѣевой въ этомъ дѣлѣ я наговорилъ всѣмъ тысячу восторговъ. Черезъ три дня неожиданно явилась и она сама, отпущенная на всѣ четыре стороны, какъ случайная гостья въ Потаповѣ, и наговорила всѣмъ тысячу восторговъ о моемъ поведеніи... Мы до того хвалили окружающимъ другъ друга въ эти дни и въ глаза, и еще болѣе за глаза, что нѣкоторые, съ Кравчинскимъ во главѣ, зачислили насъ, наконецъ, въ «нѣжную парочку» (Алексѣева была

лишь на три-четыре года старше меня) и, при распредѣленіи различныхъ предпріятій, старались насъ не разлучать.

На дѣлѣ, какъ можетъ видѣть всякій, читающій эти воспоминанія, я влюбился въ нее съ перваго же дня знакомства, забывъ молоденькую гувернантку своихъ младшихъ сестеръ, которой я былъ вѣренъ около двухъ лѣтъ. Но такова, мнѣ кажется судьба всякой чисто платонической любви, или, по крайней мѣрѣ, такой, которая не кончилась форменнымъ обрученіемъ или признаніемъ взаимности съ обѣихъ сторонъ. Такая любовь бываетъ иногда очень сильна, глубока и полна самоотверженія, но, долго не раздѣленная или затаенная въ душѣ, она легко перескакиваетъ у здоровыхъ людей на другой предметъ, какъ пламя костра, не нашедшаго себѣ достаточной пищи на прежнемъ мѣстѣ. О прежнемъ предметѣ остаются лишь нѣжныя и дружескія воспоминанія... Съ Алексѣевой у меня тоже никогда не было форменнаго объясненія въ любви. Я считалъ себя человѣкомъ, обреченнымъ на гибель, не имѣющимъ права на личное счастье и, при томъ же, во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ ея. Наши отношенія носили все время лишь характеръ крайне нѣжной дружбы.

Въ первые же дни по пріѣздѣ я поспѣшилъ разыскать и своихъ товарищей по естественно-научнымъ занятіямъ. Но почти всѣ они разъѣхались въ свои имѣнія или по дачамъ. Къ одному изъ первыхъ я отправился къ Шанделье и отъ него узналъ, что засѣданія нашего общества происходили лишь два раза послѣ моего отъѣзда, а затѣмъ рефераты прекратились какъ-то сами собой, и вечеринки у Печковскаго превратились въ простыя вечернія собранія для того, чтобы потолковать о различныхъ предметахъ и, главнымъ образомъ, объ общественныхъ вопросахъ. Журналъ нашъ болѣе не выходилъ.

Такъ кончило свои дни «Общество естествоиспытателей», разбитое бурей жизни.

Черезъ нѣсколько дней, найдя, наконецъ, Печковскаго, я узналъ отъ него, что и всѣ остальныя мои связи со старымъ міромъ оказались ликвидированными.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ Потапово, произошло въ Москвѣ нѣсколько арестовъ, и мое имя было произнесено кѣмъ-то, какъ имя человѣка, уже давно занимающагося пропагандой среди учащейся молодежи. На то, что пропаганда эта на девять десятыхъ состояла изъ привлеченія всѣхъ окружающихъ къ занятіямъ естественными науками, въ которыхъ я тогда видѣлъ все спасеніе человѣчества, не было обращено никакого вниманія. Властямъ не было до этого никакого дѣла. Всѣ онѣ поголовно хлопотали лишь о томъ, чтобы упрочить свою собственную карьеру, выставить себя на показъ высшему начальству и для этого старались хватать, какъ можно больше и больше, людей, пользуясь всякимъ предлогомъ. При томъ же занятія естественными науками вмѣстѣ съ ношеніемъ

очковъ и длинныхъ волосъ считались главнѣйшимъ признакомъ неблагонамѣренности.

Въ одинъ прекрасный день, какъ мнѣ разсказалъ Печковскій, въ гимназію, гдѣ я учился, явились жандармы и забрали мои документы. Въ угоду жандармамъ я былъ тотчасъ исключенъ, по приказу попечителя учебнаго округа, безъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія Россіи. Нашъ законоучитель произнесъ противъ меня громовыя рѣчи въ двухъ старшихъ классахъ, а затѣмъ и въ церкви. Онѣ взволновали съ верху до низу всю нашу огромную 2-ю гимназію, гдѣ было болѣе шестисотъ воспитанниковъ, и, какъ мнѣ говорили потомъ всѣ товарищи, вызвали ко мнѣ всеобщее сочувствіе.

Мой отецъ, обезпокоенный тѣмъ, что я не ѣду на каникулы, прислалъ мнѣ по адресу Печковскаго двѣ телеграммы, но, не получая никакого отвѣта, пріѣхалъ самъ. Печковскій сказалъ ему, что я уѣхалъ куда-то на урокъ, не оставивъ адреса, но отецъ этому не повѣрилъ и, явившись къ директору гимназіи, узналъ отъ него все.

Руководясь своимъ представленіемъ о «вожакахъ нигилистовъ», какъ о людяхъ, завлекающихъ неопытную молодежь въ рискованныя предпріятія подъ прикрытіемъ возвышенныхъ цѣлей и затѣмъ, когда они достаточно скомпрометированы, показывающихъ имъ вдругъ свои когти и начинающихъ эксплуатировать ихъ или распоряжаться ими, какъ пѣшками, подъ угрозой доноса, онъ сейчасъ же подумалъ, что этой участи подвергся и я, но что, какъ человѣкъ неглупый, я уже успѣлъ увидѣть, въ чемъ тутъ дѣло, хотя отступать и было поздно.

Надѣясь на свои связи, онъ сейчасъ же поѣхалъ хлопотать къ разнымъ вліятельнымъ знакомымъ и, получивъ нѣсколько рекомендацій, отправилъ ихъ съ посыльнымъ къ Слезкину, тогдашнему представителю III-го Отдѣленія въ Москвѣ, приложивъ къ посылкѣ свою предводительскую визитную карточку и записку, что онъ пріѣдетъ поговорить по моему дѣлу на слѣдующій день.

Слезкинъ, какъ я узналъ потомъ, встрѣтилъ его чрезвычайно любезно, заявилъ, что, въ виду такихъ протекцій, на мое дѣло постараются посмотрѣть сквозь пальцы, хотя оно и серьезнѣе, чѣмъ можно было бы подумать, судя по моему возрасту; но что прежде всего меня надо разыскать, и просилъ отца содѣйствовать ему въ этомъ для моей же пользы. Отецъ ему повѣрилъ и обѣщалъ, совершенно и не подозрѣвая, какое отчуждающее вліяніе будетъ имѣть это обѣщаніе, когда мнѣ придется потомъ узнать о немъ отъ допрашивающихъ меня жандармовъ.

Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь теперь, я ничего еще не подозрѣвалъ объ этихъ хлопотахъ и переговорахъ. Я зналъ только одно, что отцу теперь все извѣстно, и слѣдовательно, и вся моя семья знаетъ уже причину моего исчезновенія и понимаетъ,

почему я имъ не могу ничего писать. Все это вызвало во мнѣ сначала приливъ какихъ-то смѣшанныхъ ощущеній, въ которыхъ трудно было разобраться.

Не смотря на раздачу своего имущества и полную готовность идти съ новыми друзьями на смерть, я всетаки чувствовалъ до сихъ поръ, что предо мной еще не закрыты дороги къ прошлому и къ влекущей меня по прежнему научной дѣятельности. Я понималъ въ глубинѣ души, что, если я внезапно вернусь въ родную семью, то радость всѣхъ отъ моего неожиданнаго появленія заглушитъ даже и въ отцѣ чувство оскорбленной гордости. Если онъ, какъ я былъ увѣренъ, pour sauver les apparences и пригласитъ меня прежде всего въ свой кабинетъ, чтобы выслушать мои объясненія, а затѣмъ дастъ мнѣ своимъ сдержаннымъ голосомъ невыгодную оцѣнку моего поведенія съ его собственной точки зрѣнія, то все же, навѣрное, закончитъ свою рѣчь словами:

— «Ну, поцѣлуй меня и болѣе никогда не напоминай объ этомъ!..»

Теперь все это было кончено. Дороги къ прошлому были порваны, и порваны не мною, а посторонней силой, помимо моей собственной воли. Я слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ нашей родины, не сочли бы возможнымъ губить всю жизнь человѣка и посылать его въ тюрьму и ссылку изъ-за того только, что онъ, получивъ противоправительственную книжку отъ своего пріятеля, не побѣжалъ сейчасъ же въ полицію предать своего друга на распятіе, а скрылъ книжку у себя или, еще хуже, одобривъ ея содержаніе, далъ ее на прочтеніе другому своему пріятелю. Во всей своей жизни и дѣятельности я еще не видѣлъ ничего такого, за что меня было бы можно сажать въ тюрьму.

— Если бъ я попался,—думалъ я,—съ оружіемъ въ рукахъ въ партизанской войнѣ, тогда другое дѣло: противъ оружія каждый имѣетъ право употребить оружіе или, захвативъ врага въ плѣнъ, заключить его въ тюрьму. Но ничего подобнаго я до сихъ поръ не сдѣлалъ и, даже живя въ народѣ, больше наблюдалъ и изучалъ его, чѣмъ призывалъ къ борьбѣ, а, между тѣмъ, теперь для меня уже не оказывалось болѣе никакой другой дороги, кромѣ той, на которой я стоялъ.

Конечно, въ глубинѣ души я зналъ, что и безъ этого обстоятельства я уже не могъ бы оставить своихъ новыхъ друзей, но мысль, что теперь правительство само снимало съ моей головы отвѣтственность за горе, которое я причинилъ своей семьѣ, и принимало эту вину на свою собственную голову, была для меня невыразимымъ облегченіемъ.

— «Пусть же оно теперь и отвѣчаетъ за все»—повторялъ я самъ себѣ.—Ну, какъ теперь я могъ бы возвратиться, когда меня прежде всего посадятъ въ тюрьму и, если не заморятъ въ ней, то сошлютъ Богъ знаетъ куда. Всѣ мои родные должны понимать это.

Я зналъ, что сочувствовать мнѣ они не могутъ, потому что и мать имѣла о «нигилистахъ» тѣ же понятія, какъ и отецъ и все окружающее общество. Но меня они достаточно знаютъ, чтобы не приписывать мнѣ дурныхъ побужденій, при томъ же я надѣялся, что гувернантка моихъ сестеръ, двадцатилѣтняя дѣвушка съ институтскимъ образованіемъ и до того симпатичная, что имѣла вліяніе даже на моего отца, не останется въ этомъ дѣлѣ молчаливой слушательницей. Въ институтѣ она сильно увлеклась Писаревымъ и Добролюбовымъ. И мы часто на каникулахъ дебатировали съ ней разные общественные вопросы. Мы даже завели свой шифръ для переписки, и она, зная, что я былъ въ нее влюбленъ, написала мнѣ въ эту самую зиму шифрованное письмо, гдѣ самымъ трогательнымъ образомъ умоляла меня не вступать ни въ какія тайныя общества, такъ какъ, кромѣ гибели, изъ этого ничего не выйдетъ...

— Значитъ, дѣло вовсе ужъ не такъ плохо,—думалъ я.—Даже въ нашемъ домѣ найдется человѣкъ, который способенъ показать моимъ роднымъ, что я вовсе не преступникъ, а это—самое главное!...

Всѣ эти мысли приносили мнѣ громадное облегченіе. Главная тяжесть, заключавшаяся въ томъ, что мнѣ не кого было винить въ нашемъ семейномъ горѣ, кромѣ себя, постепенно спадала съ моей души, по мѣрѣ того, какъ улегался во мнѣ сумбуръ разнообразныхъ ощущеній, вызванныхъ этими новостями. Какъ человѣкъ, только что пережившій переломъ въ тяжелой и продолжительной болѣзни, чувствуетъ къ себѣ необыкновенный приливъ жизненныхъ силъ, такъ чувствовалъ себя и я, когда мчался чрезъ нѣсколько часовъ отъ Печковскаго на Моховую, на новую квартиру Алексѣевой, гдѣ снова устроился салонъ по прежнему образцу.

— Вотъ и для меня теперь нѣтъ никакого пріюта, кромѣ «чащи лѣсовъ» и «голыхъ скалъ», какъ пѣла Алексѣева,—думалъ я, и, проходя мимо каждаго городового, мысленно говорилъ ему, какъ и въ первый разъ, когда несъ запрещенныя книги: «Что сказалъ бы ты, блюститель, если-бъ зналъ, кто я такой? Но какъ можешь ты даже и подозрѣвать объ этомъ?!»

Не знаю, какъ это случилось, но въ тотъ моментъ, когда я подходилъ къ дому Алексѣевой, какое-то новое чувство безграничной свободы, какъ будто послѣ только что выдержанныхъ выпускныхъ экзаменовъ, вдругъ овладѣло мною, и, вбѣжавъ въ ея гостинную, гдѣ засѣдала вся наша компанія, я объявилъ имъ всѣмъ съ сіяющимъ видомъ:

— Знаете? Меня также разыскиваетъ полиція!

Н. А. Морозовъ.

Шлиссельбургская крѣпость.
Январь 1902 или 1903 г.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Тревога.

Лѣсъ стоналъ...

Это было поздней осенью, когда старый Уралъ дышетъ угрюмымъ мракомъ и холодомъ. Непривѣтливъ онъ въ это время! Вершины горъ тонутъ въ сырыхъ и лохматыхъ тучахъ. Контуры ихъ сливаются съ далью слѣпо и тускло, не такъ, какъ весной, когда линіи косматыхъ великановъ изящны и нѣжны, будто чистыя колонны въ храмѣ... Старый Уралъ дикъ осенью, какъ медвѣдь, который собирается лечь въ берлогу. Съ утра онъ жмурится и жмется въ каменныхъ ущельяхъ, гдѣ живутъ и таятся невидимыя лѣсныя силы. И моросить Уралъ мелкимъ, назойливымъ дождемъ. Но бываетъ, что онъ гремитъ бурей. Тогда онъ прекрасенъ...

Послушайте... Изъ самой глубины горъ вдругъ выбѣжалъ вѣтеръ. Размахнулся—и сталъ на минуту, точно запутался въ каменистыхъ оврагахъ. Но чуткія, настороженныя деревья вздрогнули. Запѣли вершинами и разбудили душу тоской по жизни и волѣ. Странная вещь! Вамъ тоже хочется запѣть съ ними...

Играетъ звончѣе вѣтеръ. Все дальше бѣжитъ онъ, и шире у него размахъ. Все громче лѣсной голосъ. Вотъ треснуло сухое дерево. Жалобно, какъ струна, зазвенѣла рѣка, стиснутая утесами... О чемъ она? Еще немного — и вы слышите сплошной ревъ и грохотъ. Это—буря, это—ея крикъ. И душа у васъ бьется, какъ вольная птица...

Молодой штейгеръ желѣзнаго рудника, Аркадій Иванычъ, сидитъ въ казармѣ и пьетъ чай. Самоваръ свиститъ тонко, какъ флейта, но когда вѣтеръ рванетъ крышу и

рявкнетъ въ трубѣ—тонкій пискъ глохнетъ, и казарма, кажется, дрожитъ и пляшетъ на мѣстѣ...

Всего еще семь часовъ вечера. Казарма заперта на ставни, но чувствуется, что тамъ, за стѣной, гдѣ реветъ Уралъ, стоитъ кромѣшная темень, что тамъ жутко и страшно. И рудникъ снаружи кажется спящимъ. Изрѣдка въ мракѣ взыграетъ искра изъ трубы, или пробѣжитъ около окна мутное пятно отъ жидкаго огня. Порою загремитъ желѣзная бадья, пыхнетъ тяжелымъ вздохомъ водокачка—и опять все мертво...

Аркадію Иванычу скучно. Онъ выпилъ уже пятый стаканъ чая, закончилъ дневную запись руды, смазалъ отъ нечего дѣлать сапоги, но всего этого было мало, и штейгеръ скучалъ. Въ казармѣ топилась чугунная печь, и въ желѣзной длинной трубѣ гулко наигрывалъ вѣтеръ. У самой печки сидѣлъ сторожъ Никита, маленькій, невзрачный человѣкъ, и читалъ старый номеръ газеты. Оттопыривъ нижнюю губу и прищуривъ подслѣповатые глаза, онъ тянулъ про себя шепотомъ. Иногда онъ обращался къ штейгеру съ вопросомъ.

— А что, Аркадій Иванычъ, спрошу я васъ...

— Ну?

— Побѣдитъ россійское государство, али нѣтъ?..

— Я не Богъ...—сердито ворчитъ Аркадій Иванычъ.

— А интересная штука эта... — задумчиво говоритъ Никита.

— Чего?

— Да война эта...

— Ничего тутъ интереснаго нѣтъ... Рѣжутъ люди другъ друга, и только...

— Оно, конечно...—соглашается Никита и шуршитъ газетой. Немного погодя, онъ опять заговариваетъ, дѣлая видъ, что, собственно, онъ ни къ кому особенно не обращается.

— Да... Штука эта самая война... А многіе говорятъ, что россійское государство выдержитъ... Конечно, если англичанка опять ногу подставитъ—тогда дрянь это... Она вѣдь только этимъ и занимается... А потомъ — вотъ возьмите эти самые фугасы... Какъ нашъ солдатъ вступитъ на него—такъ готовъ... Потому что у нашихъ сапогъ тяжеле... А у нихъ обутки—перо... Не слыхать на ногѣ... Да, дѣла!.. Вотъ, прошлый разъ отецъ Николай въ церкви говорилъ: «Россія, говоритъ, всегда пёрла... Пёрла на западную сторону и вездѣ... И на востокъ, говоритъ, она попретъ»...

— Чепуха все это... — разсѣянно говоритъ Аркадій Иванычъ и зѣваетъ.

Никита кладетъ газету и подбрасываетъ въ печку дровъ. По его лицу видно, что онъ нѣсколько обиженъ. Но перечить Никита не желаетъ.

Аркадій Иванычъ бродитъ взадъ и впередъ, и мысли его дѣлаются мрачными... Ему почему-то приходитъ въ голову, что иногда на рудникѣ бываетъ невыносимо скучно. Тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ „россійскаго государства", трепещетъ теперь смѣлая мысль, люди работаютъ сознательно и дѣльно. Говорятся рѣчи, читаются доклады, и все мужественное встало и пошло навстрѣчу врагу „россійскаго государства". А врагъ это — темень, такая же глубокая, какъ за окнами казармы... Что здѣсь? Казармы, испитые, грязные люди, катакомбы подъ землей. Болѣзни, нужда, липкая глина и безжизненные куски руды... И люди здѣсь какіе-то отбросы... Ругаются, пьютъ и гибнутъ. А онъ что здѣсь? Посмотритъ работы, подсчитаетъ и дѣлаетъ „смарки" при разсчетахъ въ пользу своего владыки—завода. И смарки эти безсовѣстныя, грабительскія, и никто не говоритъ объ этомъ... Ни протеста... Рабочіе молчатъ, а управитель требуетъ этихъ смарокъ. Получаютъ разсчетъ, напиваются, хвораютъ, и опять идетъ эта безсмысленная жизнь подъ землей, опять человѣкъ дышетъ гнилью и угаромъ... Вся жизнь впотьмахъ... Старики въ тридцать лѣтъ! Малорослые, согнутые, съ сѣрыми лицами. И дѣти у нихъ родятся чахлыя... Иногда пріѣзжаетъ начальство—культурные инженеры. Ходятъ по работамъ, смотрятъ, спускаются въ шахты и брезгливо, съ опаской, ползутъ въ мокрыхъ штрекахъ и забояхъ. Вылѣзутъ наверхъ—и все то же свинство: штрафы, смарки, ругань и требованіе исправности... И никто изъ нихъ не скажетъ почеловѣчески. Не войдетъ въ положеніе... Свиньи!.. Нѣтъ, надо бѣжать съ проклятаго рудника... Бѣжать — и еще учиться... И научиться уважать человѣка и цѣнить въ немъ душу... Тогда еще, можетъ, что-нибудь и выйдетъ...

Аркадій Иванычъ шагаетъ изъ угла въ уголъ, и на душѣ у него дѣлается совсѣмъ тяжело. Бѣшеный вѣтеръ рветъ ставни, трясетъ крышу, а Никита легъ на нары и храпитъ. Скверная, тяжелая жизнь...

Онъ подходитъ къ стѣнѣ и тихонько снимаетъ гитару. Аркадій Иванычъ любитъ этотъ инструментъ, и когда играетъ, то обязательно подпѣваетъ теноромъ. И теноръ у него молодой, нѣжный и звенящій... Любитъ онъ пѣть чувствительные романсы и больше поетъ въ одиночку, ибо товарищи иногда подсмѣиваются надъ нимъ. И когда Аркадій Иванычъ поетъ, то душа его сжимаетя, и ему всегда приходитъ въ голову въ это время, что жизнь несовершенна, что люди ненавидятъ другъ друга, и въ жизни не достаетъ счастья...

Аркадій Иванычъ настраиваетъ гитару. Никита храпитъ, лампа мигаетъ нервно и бросаетъ по угламъ уродливыя тѣни. Всплывая наверхъ бархатистыми звуками, сквозь бѣшеный и мятежный грохотъ бури, гитара точно хочетъ разсказать, что не все на свѣтѣ бури и грозы, не все блѣдныя тѣни испитыхъ и забитыхъ людей. И свѣжій молодой теноръ поднимается и плыветъ по казармѣ. И мягкимъ, рокочущимъ звукомъ сливается гитара съ пѣсней...

— Что-жъ склонилася ты надъ рѣкою
И задумчиво въ волны глядишь?
Увлеклась ли ты грустной мечтою,
Иль за быстрой волною слѣдишь?

И все точно скрывается изъ глазъ. Бродитъ у рѣки милый призракъ, задумчивый и блѣдный. Шелеститъ рѣка молодыми ракитами, играютъ волны, и вся эта казарменная жизнь, тусклая и злая, потонула въ золотистыхъ волнахъ...

Немного погодя, Аркадій Иванычъ встаетъ, вѣшаетъ осторожно гитару и долго еще бродитъ изъ угла въ уголъ. Потомъ онъ раздѣвается и ложится...

Ночью его разбудилъ глухой стукъ о ставень. Часы показывали двѣнадцать. Никита храпѣлъ на нарахъ. Въ печкѣ погасло, и вѣтеръ въ трубѣ наигрывалъ тише. Стукъ повторился.

— Никита!..—зоветъ Аркадій Иванычъ.

Сторожъ шевелится.

— Никита!

Никита медленно встаетъ, чешется и бурчитъ въ сторону печки:

— Погасла, жидъ-те изломай...

— Тамъ стучатъ, Никита...

— Гдѣ?

— Тамъ... На улицѣ...

Никита лѣниво встаетъ съ наръ, отчаянно зѣваетъ и ворчитъ:

— Кого это лѣшій даетъ? Таскаются люди по ночамъ...

Онъ уходитъ, и слышно, какъ онъ на дворѣ съ кѣмъ-то кричитъ. Минуту спустя онъ входитъ и говоритъ совершенно спокойно:

— Прохора на седьмомъ придавило...

Аркадій Иванычъ вскакиваетъ съ постели и растерянно глядитъ на Никиту. А тотъ зѣваетъ, кладетъ на печь полѣнья и комментируетъ:

— И всегда это на седьмомъ больше...

— Кто приходилъ?—спрашиваетъ Аркадій Иванычъ.

— Ванька Рыжій...

— Отчего ты не позвалъ его ко мнѣ въ казарму?

— А я думалъ, васъ нечего безпокоить... Задавило, такъ не вернешь...

Аркадій Иванычъ злится, онъ готовъ избить Никиту, но молча надѣваетъ сапоги, куртку и говоритъ сурово:

— Въ которой казармѣ жилъ Прохоръ?

— У старателей...

— Запри за мной дверь...

Штейгеръ выходитъ на улицу. Страшная темень, какъ чернила, залила рудникъ. Лѣсъ рычалъ близко, чувствовалось его влажное дыханіе, но глазъ не видѣлъ его. Аркадій Иванычъ отлично зналъ всѣ тропинки на рудникѣ, всѣ шурфы и шахты. Онъ увѣренно двинулся впередъ, однако тотчасъ же сбился и долго искалъ дорогу къ казармѣ старателей.

Идти нужно было съ полверсты. Всматриваясь впередъ въ густой и жуткій мракъ, Аркадій Иванычъ думалъ, что шахта номеръ седьмой всегда считалась опасной. Въ ней было много штрековъ, крѣпи мѣстами сгнили; за то руда здѣсь считалась хорошей, и люди охотно лѣзли въ эту шахту. Аркадій Иванычъ не разъ просилъ горнаго смотрителя хорошенько укрѣпить опасныя мѣста въ шахтѣ. Смотритель смѣялся, хлопалъ его по плечу, называлъ почему-то „либераломъ“, но шахты такъ и не укрѣпилъ. Въ прошломъ году въ шахтѣ задавило одного на смерть, другому отдавило ноги, а нынѣ вотъ опять Прохоръ...

Аркадій Иванычъ идетъ впередъ, и въ памяти его встаетъ высокій, рябой мужикъ, котораго на рудникѣ звали просто Прохоромъ. Рабочій былъ смирный, трезвый и была у него гдѣ-то семья. Каждый мѣсяцъ, бывало, Прохоръ заходилъ къ Аркадію Иванычу и просилъ его сдѣлать надпись на конвертѣ, въ которомъ онъ отправлялъ женѣ деньги. И штейгеръ помнитъ, какъ онъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, писалъ Прохору адресъ красивымъ почеркомъ. И Прохоръ, обыкновенно, говорилъ ему просто:

— Благодаримъ покорно...

Потомъ Аркадію Иванычу пришло въ голову, что рабочій даетъ больше, чѣмъ получаетъ. Скверная, старая истина... Ну, почему, напримѣръ, нѣтъ на рудникѣ хоть фельдшера? До завода тридцать верстъ, дорога адская, болотами да кочками... И куда теперь въ эту темень? И кажется рудникъ заброшеннымъ островомъ, гдѣ роются сотни людей подъ землей... И блаженъ тотъ, кто уцѣлѣетъ... Скверная, несо-

вершенная, мерзкая жизнь! Выжимаютъ изъ человѣка всѣ соки и швыряютъ его на дорогу, какъ тряпку... Омерзительная жизнь! Когда на рудникъ пріѣзжаетъ на тройкѣ управляющій, Аркадія Иваныча всегда почему-то охватываетъ злость, и ему хочется каждый разъ сказать какую-нибудь дерзость. Наглый, самодовольный инженеръ... Толстая піявка, грузно всосавшаяся въ жизнь... Что ему за дѣло до другихъ, когда самому даютъ восемь тысячъ жалованья? Что ему, когда сотни людей смотрятъ ему въ лицо, какъ собаки, и ждутъ чего-нибудь человѣческаго? Развѣ этотъ мундирный гиппопотамъ можетъ что-нибудь чувствовать? Нѣтъ, надо бѣжать изъ этого проклятаго мѣста, гдѣ людей считаютъ гораздо ниже бездушнаго куска руды!..

Вдали вдругъ блеснулъ огонь. Немного погодя, Аркадій Иванычъ дошелъ до казармы старателей, щупалъ скобку и отворилъ дверь.

Въ казармѣ было человѣкъ восемь рабочихъ. Всѣ они лежали на нарахъ и, видимо, спали. Маленькая тусклая лампочка стояла на окнѣ, чадила и бросала въ мракъ рыжее пятно. Одинъ рабочій поднялъ голову и привсталъ на нарахъ.

— Здравствуйте...—сказалъ Аркадій Иванычъ.

— Пожалуйте...

— Чего у васъ? Говорятъ, несчастіе?..

Рабочій почесалъ спину и проговорилъ:

— Прохора на седьмомъ стукнуло...

— Чѣмъ?

— Да породой... Обвалилась малость...

— Живъ?

— Живъ...

— Гдѣ онъ?

— А вонъ лежитъ...

Рабочій показалъ на человѣка, неподвижно лежавшаго у стѣны. Онъ казался спящимъ и былъ прикрытъ азямомъ. Штейгеръ взялъ лампочку и поднесъ ее къ самому лицу спящаго.

— Что, Прохоръ? Не спишь?

Прохоръ открылъ глаза. Лицо его было мертвенно-блѣдно и казалось сѣрымъ. Глаза смотрѣли тускло.

— Ушибло, Аркадій Иванычъ...—прохрипѣлъ онъ.

— Въ которое мѣсто?

— Грудь... Вздыхи, должно быть, отшибло... Дышать трудно...

— Ну, какъ же теперь? Въ заводъ надо, къ доктору... Поѣдешь?

— Куда теперь!.. Темень... Натрясетъ... Подожду до утра..

— Смотри, какъ знаешь... А если хуже будетъ?

— Ничего... Какъ-нибудь...

Прохоръ дышалъ хрипло и рѣдко. Лицо казалось чернымъ и тусклымъ.

— Можетъ, чего надо, Прохоръ?

— Вотъ только деньги... Завтра перешлите женѣ... Пожалуйста... Вытащите сами...

Больной показалъ на штаны... Аркадій Иванычъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ платокъ, въ которомъ оказалось десять рублей.

— Напишите ей... сами... Будьте добренькій...—хрипѣлъ Прохоръ.

— Хорошо, Прохоръ... Сдѣлаемъ... А завтра надо будетъ всетаки въ больницу. Слышишь?

— Слышу...

— И какъ это тебя угораздило?

— Пожадничалъ... Хотѣлось кубъ доработать... Побольше, молъ, заработка... Не поберегся...

Прохоръ закрылъ глаза и замолчалъ. На нарахъ храпѣли. Люди спали, какъ мертвые. Лампа гасла и воняла. Вѣтеръ потрясалъ казарму. Все казалось сѣрымъ, безжизненнымъ и убитымъ.

— Ну, прощай, Прохоръ...

— Прощайте...

— Утромъ навѣщу...

— Покорнѣйше благодаримъ.

Аркадій Иванычъ поставилъ лампу на окно, вышелъ изъ казармы и опять провалился въ темень. Онъ шелъ и думалъ, что завтра обязательно увезетъ Прохора въ заводъ, а самъ непремѣнно откажется отъ службы... Чортъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ! Въ глухомъ лѣсу, гдѣ бродятъ одни медвѣди, брошены люди, и нѣтъ никому до нихъ дѣла. И кажется, что весь воздухъ, вся эта кромѣшная темь пронизаны однимъ жаднымъ и дикимъ крикомъ:

— Руды... Руды... Руды...

Вѣтеръ хлесталъ кругомъ и взвизгивалъ, какъ сумасшедшій. Лѣсъ рокоталъ глухо и гнѣвно. Аркадій Иванычъ пришелъ въ свою казарму, медленно раздѣлся и легъ спать. Случайно взглядъ его упалъ на гитару. Она показалась ему лишней и нелѣпой.

Онъ долго ворочался и, наконецъ, заснулъ. Часа въ четыре ночи его кто-то легонько толкнулъ. Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Никита и говорилъ, равнодушно почесывая спину:

— Умеръ Прохоръ-то... Прибѣгали сказывать... Не надо

ли, говоритъ, что сообщитъ штейгеру... Вотъ она, жизнь-то наша... Безпокойство одно!..

Никита беретъ полѣно и гремитъ имъ въ печкѣ. Аркадій Иванычъ молчитъ и смотритъ въ стѣну дикими глазами...

II.

Руда.

Всю жизнь какъ-то не везло рабочему Ивану Соколову. Когда онъ женился послѣ смерти отца и матери, то вышло такъ, что жена его на свѣтѣ прожила недолго. Женщина была высокая, худая и часто кашляла. Иванъ любилъ ее и пробовалъ лѣчить всячески. Звалъ старухъ-знахарокъ, поилъ жену разными снадобьями и самъ, собственными руками, втиралъ ей въ грудь и спину какое-нибудь лѣкарство. Разъ даже попробовалъ пригласить доктора, когда тотъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго завода къ управителю. Прикатилъ докторъ, мрачный, тяжелый человѣкъ, страдавшій сильной одышкой. Не снимая пальто, онъ постучалъ пальцами въ грудь больной и приложилъ ухо. Лицо у него сдѣлалось багровымъ, и онъ прохрипѣлъ:

— Баста!.. Скоро карачунъ...

Сказалъ и уѣхалъ. А больная долго сидѣла послѣ этого, блѣдная, какъ мѣлъ, и молчаливая. Ивану было страшно жаль жену, и онъ старался успокоить ее:

— Ты думаешь, это онъ правильно? Это ему скоро карачунъ, язвило бы его!.. Слышала, небось, какъ дышетъ, холера... Это они только управителя да его жену, какъ слѣдуетъ, лѣчатъ... Потому день и ночь жрутъ тамъ, да вино разное пьютъ...

Такъ или иначе, а жена у Ивана чахла, какъ подснѣжникъ, охваченный внезапной стужей. Весной, когда снѣгъ бѣжалъ съ горъ, когда звонко перекликались тревожные ручьи, и мучительно хотѣлось жить,—она слегла въ постель и умерла. Пришли сосѣдки, обмыли ее, а Иванъ, угрюмый какъ ночь, цѣлый день пилилъ и стругалъ на дворѣ—дѣлалъ крестъ и гробъ. Потомъ понесли ее и похоронили въ томъ мѣстѣ у пруда, гдѣ стояли высокія сосны. И день тогда выдался славный... Бѣжала торжествующая жизнь въ потокахъ солнца, пѣли птицы, въ вершинѣ пруда кричали съ прилета лебеди и стояли стройныя сосны, душистыя, высокія и молчаливыя. И точно берегли онѣ людей, лежавшихъ подъ бѣлыми крестами...

Съ годъ послѣ этого Иванъ Соколовъ прожилъ одинъ. Поддержать его было некому, и началъ онъ часто выпивать.

Работу на заводѣ забросилъ, завелъ какую-то тяжбу объ избѣ, и кончилось тѣмъ, что изъ избы Ивана выселили. Купилъ себѣ, съ грѣхомъ пополамъ, Иванъ старую баню, передѣлалъ ее на жилье и началъ жить бобылемъ. И чувствовалъ мужикъ, что окончательно сбился...

Выручилъ случай.

Какъ-то весной, въ числѣ другихъ рабочихъ, Иванъ нагружалъ желѣзо на барки, которыя готовились уплыть по вздувшейся рѣкѣ. Народу работало много, были женщины и дѣвицы. Въ воздухѣ пахло уральской весной, сдержанной и неяркой, но могучей въ своей накопившейся страсти... Прудъ очистился, горы обнажились отъ снѣга, и солнце смѣялось съ неба, точно оно впервые увидало людей. На пристани, гдѣ нагружали барки, кипѣла жизнь. Звенѣло желѣзо, нестройный гамъ несся въ смолистомъ воздухѣ, фабрики дышали грузно и хрипло, а на рѣкѣ, какъ бѣлыя молодыя птицы, выстроились къ отходу барки.

Во время работы Соколовъ познакомился съ Дарьей—высокой, некрасивой и рябой женщиной. Не смотря на эту неказистость, лицо у Дарьи дышало энергіей, взглядъ былъ смѣлый и прямой, а работала она на пристани за мужика. Къ ней не приставали съ прибаутками и шуточками, какъ къ другимъ, и, видимо, побаивались ея суроваго взгляда.

Иванъ разговорился съ ней и узналъ, что она вдова. Это навело его на нѣкоторыя размышленія. Онъ началъ часто задумываться, скребъ въ затылкѣ и часто посматривалъ въ сторону бабы. Однажды, когда Дарья стояла въ ожиданіи очереди за разсчетомъ, Иванъ подошелъ къ ней и поздоровался. Лицо его казалось смущеннымъ, и онъ нервно потеребливалъ свою козлиную бородку.

— Къ разсчету?—спросилъ онъ.

— Да...

— Куда теперь думаете?

— Да хочу на Громатуху... Говорятъ, дрова сплавляютъ... Работа хорошая... Думаю туда...

Иванъ усиленно тянулъ себя за бороду и смотрѣлъ въ землю. Рука его замѣтно дрожала. Проклятая робость, точно паукъ, захватила его и сжала въ своихъ лапахъ. И ему пришло въ голову, что онъ круглый дуракъ: надо бы выпить... Тогда бы онъ сразу перескочилъ черезъ все...

Потоптавшись немного на мѣстѣ, онъ вдругъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— А что, Дарья Митревна... Отойдемъ немного въ сторону...

Слегка удивленная, Дарья подумала и согласилась. Оба отошли отъ людей, и здѣсь Иванъ, вытаращивъ на нее свои

добрые глаза, корчась и замирая, изложилъ суть своего рѣшенія. И несъ онъ страшную околесицу...

— Конечно... Чего, молъ, тутъ... Баба, молъ, ровно ладно... До бани добился... Въ банѣ живу... Телка была хорошая... Курицъ покоіница держала... Лошадь промоталъ... Тьфу, язвило бы меня!..

Въ концѣ концовъ, Дарья его поняла. Подумала и отвѣтила, что черезъ три дня дастъ отвѣтъ. И кончилось тѣмъ, что Дарья вышла за Ивана Соколова.

Въ первый же годъ послѣ этого событія дѣла у Ивана стали поправляться. Дарья оказалась хорошей и дѣльной хозяйкой. Мужу на счетъ выпивки спуску не давала, завела птицу, огородъ и подумывала о коровѣ. Лошадь еще казалась отдаленной мечтой, но Дарья, видимо, разсчитывала и на это. Каждый грошъ Ивана, каждый его заработокъ подвергался самому тщательному учету. Иванъ иногда съ грустью подумывалъ, что блаженныя времена шкаликовъ и „стаканчиковъ" прошли, но въ общемъ сердце у него радовалось. Какъ слабохарактерный человѣкъ, онъ нуждался въ сильной и твердой рукѣ.

Къ лѣту Дарья заставила Ивана взять въ конторѣ билетъ на покосъ. Отвели имъ мѣсто верстъ за семь отъ завода. Дарья сама цѣлые дни торчала здѣсь и выворачивала пни да колодникъ, чтобы очистить мѣсто. Иванъ устроилъ земляной балаганъ у маленькаго ручья, который только весной, забившись въ черемуховые кусты, трепеталъ тоненькой, поющей нитью. Лѣтомъ же онъ пересыхалъ.

Во время самой страды, между дѣломъ, Иванъ вздумалъ на покосѣ вырыть колодецъ. Выбралъ низкое мѣсто и началъ рыть. Когда онъ вырылъ яму аршина въ два, то натолкнулся на камни, которые и началъ, было, выворачивать ломомъ. Однако, камней оказался цѣлый пластъ, и Иванъ рѣшилъ бросить это мѣсто. Пришла посмотрѣть Дарья, спустилась внизъ, подняла одинъ камень, осмотрѣла и промолвила:

— Да вѣдь это руда...

Взялъ Иванъ камень, осмотрѣлъ, поскребъ ножикомъ и согласился, что это, дѣйствительно, руда. А Дарья, слегка поблѣднѣвшая, смотрѣла куда-то вдаль затуманеннымъ взглядомъ. Иванъ глядѣлъ на жену и ждалъ.

— Надо заявку сдѣлать въ конторѣ...—вдругъ быстро сказала Дарья.

Иванъ потоптался на мѣстѣ и откликнулся, какъ эхо:

— Надо...

— Можетъ, дадутъ чего... Тогда бы можно и лошадь...— соображала Дарья.

— Можно бы и лошадь...

Дарья отобрала нѣсколько камней и положила ихъ въ мѣшокъ. Колодезь рѣшили вырыть въ другомъ мѣстѣ.

На другой день Дарья отправила мужа въ контору показать руду. Провожая Ивана, она снабдила его нѣкоторой инструкціей.

— Ты съ ними много-то не разговаривай... Они вѣдь жулье всѣ... На лошадь, молъ, дадите, такъ покажу мѣсто.... Слышешь?

— Слышу...

Пришелъ Иванъ въ контору и спросилъ смотрителя рудниковъ Худышкина. Тотъ оказался въ конторѣ и, увидавъ Ивана, вдругъ прыснулъ со смѣха:

— А... Соколовъ... Ха. ха... ха... Взялъ другую бабу, такъ и глазъ не кажешь... Го... Го... Го... Ну, что?

Веселый видъ смотрителя ободрилъ Ивана. Впрочемъ, Худышкинъ и такъ считался самымъ смѣшливымъ человѣкомъ на заводѣ. Маленькій, кругленькій, розовый, онъ ежеминутно прыскалъ. Бывало, какой-нибудь мрачный конторскій счетоводъ, страдавшій отъ вчерашней выпивки, вдругъ бросить перо въ сторону и скажетъ сосѣду:

— Ваня...

— Что?

— Сходи къ Худышкину...

— Зачѣмъ?

— Покажи ему палецъ...

— Для чего это?

— А заржетъ непремѣнно...

И счетоводы, въ свою очередь, хохочутъ. Маленькій эпизодъ этотъ точно разсѣваетъ облака табачнаго дыма и гонитъ на минуту усталость...

Ободренный Иванъ вытащилъ куски руды и подалъ смотрителю.

— Это что?

— Руду нашелъ.

— Гдѣ?

— Пока не скажу... Дарья не велѣла...

Смотритель покатился со смѣху.

— Баба не велѣла? Ха... ха... ха... Вотъ это я понимаю!.. Слышете, Петръ Иванычъ? Ему баба не велѣла!.. Гы... гы... гы... Вотъ оно, что значитъ баба...

Онъ вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ Ивану:

— Ну-съ, милый человѣкъ... Я поговорю съ управляю-

щимъ... А потомъ мы отправимъ руду въ лабораторію... Сдѣлаемъ анализъ... Понялъ?

— Понялъ...

— Черезъ недѣльку приходи... Я скажу тебѣ окончательно. А теперь ступай и скажи своей Дарьѣ, что, молъ, такъ и такъ, все трефи козыри... Го! го! го! Баба, говоритъ, не велѣла!..

Иванъ ушелъ и разсказалъ все Дарьѣ. Та сначала выразила нѣкоторое сомнѣніе въ намѣреніяхъ Худышкина, но потомъ успокоилась. Рѣшили подождать...

Черезъ недѣлю Иванъ опять стоялъ передъ Худышкинымъ. Тотъ на этотъ разъ на смѣялся и казался озабоченнымъ.

— Ну, Соколовъ, руда, видимо, ладная... Желѣза 56 процентовъ... Теперь, братъ, вотъ условіе: ты долженъ поѣхать со мной и показать мѣсто... Иначе я ничего не могу...

Иванъ почесалъ въ затылкѣ.

— Что? Опять нельзя безъ бабы? Гы... гы...

— Да, надо бы спросить...

— Ступай, спроси...

Дарья разрѣшила ѣхать Ивану. Въ одинъ прекрасный день поѣхали смотритель, Иванъ, молодой техникъ съ инструментами и нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Измѣряли, рыли, осматривали мѣсто двое сутокъ. Въ концѣ концовъ, смотритель Худышкинъ положительно сіялъ: въ землѣ лежало нетронутое богатство.

Когда закончили совсѣмъ работу, Худышкинъ съ техникомъ выпили. Угостили рабочихъ и Ивана. Лежа на травѣ и закусывая икрой, Худышкинъ ежеминутно ржалъ, разсказывалъ скабрезные анекдоты и, подъ конецъ, окончательно развеселился.

— Ну, Соколовъ... Руды, братъ, хоть отбавляй... Гы... гы... Ну-съ... а сколько ты съ насъ возьмешь за эту находку?

— Не знаю...

— Опять, видно, у Дарьи спрашивать... Го... го...

— Придется...

— Смотри, дорого не бери...

Худышкинъ наклонился къ уху техника и прошепталъ:

— Тысячу рублей ассигновано за подобную заявку... Положительно выработали всѣ рудники... Еще годъ—и мы безъ руды... Но эта штука насъ воскресила... Главное, близко!

Черезъ день послѣ этого Иванъ стоялъ въ кабинетѣ управляющаго, гдѣ находился и Худышкинъ, стоящій въ почтительной позѣ. Управляющій, блѣдный и худощавый инженеръ, съ холоднымъ выраженіемъ на лицѣ, читалъ докладъ Худышкина относительно заявленной руды. Окон-

чивъ читать, онъ откинулся на спинку кресла, прищурилъ глаза и спросилъ Соколова:

— Сколько желаете получить за заявку?

Иванъ затоптался. Его смущалъ холодный взглядъ инженера. Подергивая бородку, онъ испытывалъ такое же чувство, какъ было при сватаньи Дарьи. И опять онъ началъ отдаленно:

— Оно, конечно... Сами знаете, ваше благородіе... Конечно, какъ вы по совѣсти... Вотъ тоже лошади нѣтъ... Кобыла была хорошая... Каряя кобыла... Добился... до бани добился!..

Инженеръ молчалъ, и его холодные глаза смотрѣли на Ивана такъ же безразлично, какъ на кусокъ руды. Круглые, изящные часы мелодично ударили полчаса. У Худышкина спирало въ животѣ отъ хохота, но онъ сдерживался...

— Ну-съ, такъ сколько?..

— Не знаю...

— Пятьдесятъ рублей будетъ?

Иванъ вздрогнулъ отъ радости. Дарья наказывала просить не меньше двадцати пяти рублей. А тутъ...

— Покорнѣйше благодаримъ...

Управляющій взялъ листокъ бумаги, написалъ нѣсколько строкъ и, подавая Ивану бумажку, произнесъ:

— Ступайте въ бухгалтерію... Тамъ выдадутъ.

Иванъ отвѣсилъ поклонъ и вышелъ изъ кабинета. Сердце его стучало отъ радости. Все выходило такъ, какъ велѣла Дарья...

А управляющій посмотрѣлъ на Худышкина, усмѣхнулся и произнесъ, слегка покосившись вслѣдъ Ивану:

— Ду-р-р-р-акъ!

III.

Какъ онъ запѣлъ.

Кочегаръ Онисимъ Петровъ сидѣлъ за столомъ и, склонивъ низко лохматую голову, тоскливо слушалъ, какъ за грязными и оборванными ширмами стонала его жена. Баба третью недѣлю валяется въ постели, губы у ней потрескались, а глаза засѣли далеко, точно ихъ туда вдавили силой. Временами она говоритъ про себя, и—странная вещь—весь ея разговоръ, всѣ ея тяжелыя мысли сводятся къ одному предмету—къ семьѣ. Тихо и жалобно проситъ она кого-то затопить печь, посмотрѣть за коровой и сходить на фабрику—унести Онисиму обѣдъ. Положивъ на тощую грудь худую, желтую руку, на пальцахъ которой отъ работы выѣло ногти, Анна

шептала про себя молитвы, вздыхала и крестилась правой рукой. И Онисимъ Петровъ чувствовалъ, что кто-то, сумеречный и строгій, забирается въ самую его душу и говоритъ глухо:

— Отчего ты ее не лѣчишь?

Не лѣчишь? Странная штука! Развѣ онъ получаетъ сотни рублей, чтобы каждый день звать доктора, который и такъ былъ два раза? Но что сдѣлалъ докторъ, этотъ жирный баринъ, который для какого то дьявола вывѣсилъ на своихъ дверяхъ, что онъ „бѣдныхъ принимаетъ безплатно“. Проклятая комедія! Развѣ Онисимъ когда-нибудь забудетъ кислую рожу въ золотыхъ очкахъ, которая два раза склонялась надъ Анной?

Между тѣмъ, болѣзнь Анны—не шутка. Въ избѣ стало какъ-то мрачно и бездомно, дѣти, какъ призраки, бродятъ безъ смѣха, вѣчно голодныя. Ихъ — двое, и старшему минуло восемь лѣтъ. Что онъ можетъ сдѣлать? Правда, въ избу забѣгаетъ по утрамъ (дай Богъ здоровья!) сосѣдка Марья. Затопитъ печь, поставитъ кой-какое варево, иногда накормитъ дѣтей, но все это не то, не то, не то! Жизнь какъ-то сразу осѣклась, точно ее подкосила горячка. Когда, на дняхъ еще, Онисимъ громоздилъ и ворочалъ адскій огонь въ фабричной печи,—ему все казалось, что Анна, быть можетъ, уже не дышетъ, что она умерла и перестала шептать безсвязныя слова въ горячей постели... И онъ не выдержалъ. Отказался отъ работы и пятый день сидитъ дома. Конечно, заработокъ гаснетъ, какъ свѣча, но вѣдь не вѣчно же это будетъ. Поправится Анна—тогда опять за дѣло...

Больная за ширмами тихо застонала. Онисимъ на ципочкахъ, стараясь не гремѣть большими сапогами, заглянулъ туда. Жена, видимо, узнала его. Слабая тѣнь улыбки пробѣжала по ея лицу. Губы Анны зашевелились и Онисимъ наклонился къ ней.

— Пить...

Осторожно приподнявъ голову больной, Онисимъ напоилъ ее. Какая она сдѣлалась легонькая! Лопатки на спинѣ выдвинулись и торчатъ, какъ двѣ деревянныя доски... Въ волосахъ много сѣдины, а развѣ можно назвать человѣка старикомъ въ тридцать лѣтъ?.. И Онисимъ опять почувствовалъ, что тоска залѣзаетъ ему въ душу, и прежній проклятый голосъ язвительно говоритъ:

— Отчего ты ее не лѣчишь?

Онъ тихо пошелъ отъ Анны. Она закрыла глаза и, видимо, уснула. Онисимъ постлалъ дѣтямъ постели, покормилъ ихъ, уложилъ, а самъ долго сидѣлъ у окна. На улицѣ брызгала слезами осень, ставень скрипѣлъ жалобно и тоскливо. Онисимъ почему-то вспомнилъ фабрику. Тамъ теперь все ды-

шетъ огнемъ и желѣзомъ. Бѣгаютъ, какъ въ ураганѣ, сотни людей, кричатъ охрипшими глотками, градомъ льется потъ по грязнымъ тѣламъ. Адской силой дышутъ машины, блестятъ и вьются ихъ стальные мускулы и давятъ желѣзо... Боже мой! Вся жизнь его, молодая и здоровая, прошла въ огнѣ и пожарѣ, около чудовища, которое вѣчно было голодно и вѣчно пожирало топливо... Ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ, а развѣ онъ не развалина? Руки на видъ громадны и черны, какъ уголь, но въ нихъ нѣтъ упругой, молодой силы, и онѣ безчувственны, какъ камень: прижми къ нимъ горячій уголь —и ничего! А лицо? Красное, но это нездоровый румянецъ. Просто оно испечено, какъ яблоко. Тѣло по ночамъ ноетъ и ломитъ, а глаза почти совсѣмъ не видятъ... Жизнь какъ то испеклась и скорчилась берестой на огнѣ. Впереди—ничего! Вотъ скоро выйдутъ деньги, и тогда капутъ, если Анна не поправится...

Онъ вздохнулъ, еще разъ заглянулъ за ширмы, погасилъ огонь и легъ рядомъ съ ребятами. Въ избѣ сдѣлалось тихо. И слышно было только, какъ за окномъ, въ мертвомъ и неподвижномъ мракѣ, плакала и брызгала слезами бездомная осень...

Какъ-то вскорѣ къ Онисиму зашелъ его пріятель по фабрикѣ, слесарь Ежовъ. Онъ былъ, видимо, навеселѣ. Пришелъ, крякнулъ и поздоровался. Была у него одна особенность—страсть говорить въ рифму.

— Ну, какъ живешь, душа моя?—загудѣлъ Герасимъ.— Говорятъ, жена у тебя хвораетъ? Дѣло отъ этого страдаетъ?

— Да, больна... Ну, садись, разсказывай, чего тамъ у васъ на фабрикѣ...

— Фабрика, братъ, загуляла, работать перестала...

— Какъ такъ?

— А такъ... Будетъ ужъ господамъ владѣльцамъ карманы набивать, нашего брата прижимать...

И Герасимъ уже серьезнымъ тономъ началъ разсказывать Онисиму, что всѣ цехи недѣлю бастуютъ. Управляющій сносится телеграфомъ съ хозяевами, но пока толку мало. Рабочіе устраиваютъ собранія, обсуждаютъ свои требованія совмѣстно съ начальствомъ. Два цеха—катальный и доменный—удовлетворены отчасти: прибавили 30% на сумму заработка. Теперь вопросъ о другихъ цехахъ. Слесарный, кромѣ того, требуетъ смѣны учетчика Брена, ибо этотъ человѣкъ—извѣстная скотина. Вообще, за эти годы много накопилось разнаго хламу въ отношеніяхъ работы—надо пообчиститься. Впрочемъ, безъ шуму не обойдется, должно быть... Вчера солдаты прикатили...

— Солдаты? Зачѣмъ?

— Чортъ ихъ знаетъ!.. Должно быть, пугнуть хотятъ... Хотя мы всѣ мирно... Положимъ, на одномъ собраніи Ванька Еременъ назвалъ управляющаго въ лицо скотиной, такъ вѣдь его сейчасъ же и вытащили товарищи...

— Значитъ... можетъ, и прибавятъ...

— Обязательно!.. Добьемся!.. Эти, братъ, господа владѣльцы... свиньи порядочныя... Ну, прощай!.. Коли что случится, навѣщу—и все обязательно сообщу...

И Герасимъ ушелъ, пыхтя трубкой.

Онисимъ пошелъ за ширмы и сообщилъ женѣ о забастовкѣ фабрикъ. Аннѣ, видимо, было легче. Глаза у нея глядѣли веселѣе и сознательнѣй. Она внимательно выслушала мужа и тихо проговорила:

— Дай Богъ имъ... здоровья... Пусть добиваются... Жить нынѣ трудно на гроши...

Дня черезъ три послѣ этого вдругъ стремительно ворвался въ избу Ежовъ и крикнулъ Онисиму:

— Живо одѣвайся!

— Куда?

— Не разговаривай! Демонстрацію сочиняемъ!.. Идемъ!

Онисимъ быстро одѣлся и выскочилъ за Ежовымъ на улицу. Его поразило странное зрѣлище.

По широкой улицѣ, въ блѣдныхъ очертаніяхъ осенняго дня, двигалась громадная толпа людей. Не слышно было ни крика, ни шума, и только мѣрные шаги тысячъ людей отдавались въ сумрачномъ воздухѣ гулкимъ, порывистымъ стукомъ. Далеко впереди тянулась толпа, и казалось, что люди справляютъ какой-то небывалый праздникъ...

— Куда?—спросилъ Онисимъ.

— Молчи!—отрѣзалъ Герасимъ.—Пойдемъ!

И Онисимъ двинулся рядомъ съ Герасимомъ.

Сначала онъ испытывалъ нѣкоторое безпокойство. Но чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше и больше сознавалъ, что шаги его становятся тверже, сердце бьется сильнѣй, и горячая отвага, никогда еще не испытанная, вдругъ потекла по жиламъ. Высоко поднявъ кверху свое испеченное лицо, онъ думалъ, что эти сотни людей—рабочіе, что жизнь ихъ сурова и печальна, и всѣхъ ихъ загрызла нужда... Прибавка нужна,—иначе они подохнутъ... Онъ это чувствовалъ раньше, но не смѣлъ думать объ этомъ одинъ... А теперь онъ первый готовъ швырнуть всѣмъ горькую правду въ лицо. Развѣ онъ самъ не заживо поджаренный человѣкъ? Все въ немъ перегорѣло: руки, лицо, суставы и самая душа перегорѣла... Что онъ видѣлъ въ жизни, кромѣ желѣзнаго рычага и адскаго блеска въ печи, гдѣ лопается и трес-

кается сталь? Что онъ видѣлъ, кромѣ пота, грязи, вони, что онъ слышалъ, кромѣ звона, грохота, которыми можно разбудить мертваго? Га! Теперь *имъ* можно сказать кой-что: пусть послушаютъ... Подожди, Анна — прибавка будетъ, и тогда заживемъ... Заживемъ, Анна!

Вдругъ въ толпѣ выдѣлился звучный мужской голосъ. Онъ поднялся, понесся вширь—и запѣлъ. Тысячи мужскихъ и женскихъ голосовъ сразу подхватили, и понеслась, какъ гудящая волна весны, широкая пѣсня... Боже ты мой! Какъ они поютъ, и какой морозъ бѣжитъ по спинѣ Онисима!.. Что это? Молитва или пѣсня? Эхъ, Анна!.. Какъ жаль, что хвораешь: вотъ бы послушала... Отчего такъ захватило сердце и отчего такъ сжимаются руки? И Онисимъ раскрылъ ротъ и запѣлъ, запѣлъ хриплымъ, простуженнымъ басомъ, не зная словъ и приноравливаясь къ мотиву. И когда онъ взглянулъ на Герасима, идущаго рядомъ, то увидалъ, что тотъ тоже разинулъ ротъ и поетъ. И вновь Онисимъ подумалъ:

— Эхъ, Анна... Послушала бы ты...

Вдругъ люди остановились, и сразу,—какъ-то сразу это вышло—наступила страшная тишина. Гдѣ-то далеко-далеко впереди, жалобно и звонко запѣлъ рожокъ. Еще разъ. Потомъ что-то грохнуло и оборвало. И опять трескъ...

Онисимъ почувствовалъ, что въ его широкую грудь что-то впилось и выскочило сзади. Онъ хотѣлъ замѣтить объ этомъ Герасиму, но тотъ, къ удивленію его, лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ небо какимъ-то остывающимъ и вопрошающимъ взглядомъ. Тогда Онисимъ догадался, что это стрѣляютъ солдаты. Онъ хотѣлъ бѣжать домой и сказать объ этомъ Аннѣ, но въ горлѣ у него вдругъ зашипѣло и захлюпало, какъ мокрая тряпка. Страшная слабость овладѣла имъ. Кто-то опять рядомъ упалъ... Дикіе крики, вой... Господи! Если бы только сказать Аннѣ, что это ничего, что онъ дойдетъ... А то она... ревѣть начнетъ...

Онисимъ всталъ на колѣни и прошепталъ, сплевывая густую кровь:

— Экая... оказія... въ людей... стрѣляютъ...

Онъ вдругъ повалился на бокъ и замолчалъ.

IV.

Смута.

Она началась, эта смута, собственно съ того времени, когда Гриша Ивановъ, гимназистъ седьмого класса, пріѣхалъ домой на лѣтнія каникулы.

Ѣхалъ онъ домой вообще съ хорошимъ чувствомъ. Хотѣлось побывать на миломъ Уралѣ, отдохнуть, походить съ ружьемъ и поспать вволю. Отъ послѣдней станціи желѣзной дороги нужно было ѣхать двадцать верстъ на лошадяхъ. И это мѣсто Гриша не промѣнялъ бы на весь путь, проѣханный имъ въ душномъ и смрадномъ вагонѣ.

Стояла половина мая, то время, когда уральская весна дышетъ зноемъ и развернувшейся страстью. Въ глубинѣ могучаго лѣса, взволнованнаго и разгоряченнаго, стоитъ удушливый ароматъ смолы, и если вы не привыкли, то голова у васъ отъ этого воздуха скоро закружится. Горныя рѣчки наигрались вволю, онѣ притихли, но все еще временами рокочутъ звонко, и все еще стремителенъ ихъ рѣзвый бѣгъ. Поднимитесь немного въ гору,—тамъ виднѣется что-то бѣлое. Здѣсь притаились черемухи. Пышныя, пахучія, осыпанныя крупной росой, онѣ роняютъ на землю бѣлый жемчугъ цвѣтовъ, и въ душу вашу врывается странное чувство. Точно вы переживаете юность, точно вамъ жаль чего-то... И хочется почему-то крикнуть на весь лѣсъ молодымъ и сильнымъ голосомъ...

Гриша, не отрываясь, всю дорогу глядѣлъ по сторонамъ, вдыхалъ воздухъ полной грудью и думалъ:

— Господи! Какъ хорошо...

Колокольчики пѣли звонко и радостно, точно они вырвались на волю. Лошади бойко бѣжали по каменистой дорогѣ. По сторонамъ высились горы, увалы и кряжи. Все дышало силой жизни и дикой поэзіей.

Черезъ три часа Гриша подъѣзжалъ къ заводу, гдѣ жили его родители. Сердце его стукнуло, и онъ машинально поправилъ фуражку. Вотъ сверкнулъ огромный заводскій прудъ, спокойный и ясный, стиснутый горами. Вонъ выступили, какъ траурныя колонны, фабричныя трубы. Проѣхали мимо маленькой церкви, около которой играли ребятишки. На улицахъ колокольчики запѣли густымъ и сочнымъ перезвономъ. Изрѣдка попадались рабочіе, и Гриша старался отыскать знакомыя лица. А вотъ и домъ, гдѣ его скоро встрѣтятъ. Издали можно различить, что одно окно отворено, и бѣленькая кисейная занавѣска слабо колышется. Это комната Лизы, его 15-ти лѣтней сестры. И у Гриши опять стукнуло сердце. Колокольчики звякнули и сразу оборвались. Чье-то лицо выглянуло на секунду изъ окна и скрылось.

— Гриша пріѣхалъ!—зазвенѣлъ гдѣ-то голосъ Лизы.

— Гриша пріѣхалъ!—гдѣ-то глухо отдалось во дворѣ.

Гриша сдѣлалъ степенное и серьезное лицо, чтобы не показаться „маленькимъ“, но сердце у него по прежнему

сжималось какой-то сладкой, ожидающей истомой. Онъ вылѣзъ изъ коробка и говорилъ ямщику молодымъ баскомъ, что лошади бѣжали прекрасно, и что ямщику слѣдуетъ дать „на чай“. Рядомъ уже стояла хорошенькая и блѣдная Лиза, съ радостнымъ изумленіемъ на лицѣ, дальше бѣжала мать въ передникѣ, испачканномъ мукой, но Гриша все старался не замѣчать ихъ, хотя сердце его прыгало во всѣ стороны отъ рѣзвой и молодой радости. И онъ говорилъ ямщику, вытаскивая чемоданъ:

— Хорошо бѣжали лошадки... Да-а... Молодчина... Молодчина...

Наконецъ, онъ повернулся къ Лизѣ и къ матери.

— А... это вы...

Стараясь сохранить серьезное лицо и говорить басомъ, Гриша, однако, не выдержалъ, схватилъ Лизу, поднялъ ее на рукахъ и подметнулъ кверху. Потомъ расцѣловалъ мать въ морщинистыя щеки и для чего-то нѣсколько разъ щелкнулъ пальцами.

— А папа дома?

— Нѣтъ... Онъ въ конторѣ...

— Такъ... Ну-съ, идемъ...

Черезъ часъ Гриша сидѣлъ за чайнымъ столомъ. Мать разливала чай, и ея морщинистое лицо, точно лучами, раздвигалось довольной и счастливой улыбкой. Лиза не сводила глазъ съ брата и находила, что Гриша возмужалъ и выросъ, что онъ выглядитъ „настоящимъ мужчиной“. Гриша старался держать себя серьезно и иногда пощипывалъ тоненькую полоску усовъ на верхней губѣ... Ѣлъ онъ съ аппетитомъ. Часамъ къ тремъ дня пришелъ и отецъ изъ конторы. Гриша опять почувствовалъ, что сердце его возбужденно стукнуло, и онъ прислушивался, какъ раздѣвается отецъ въ передней. У старика, видимо, сохранились всѣ его прежнія привычки. Раздѣваясь, онъ также глухо покашливаетъ и затѣмъ громко сморкается въ платокъ. Затѣмъ слышно, какъ отецъ звучно трещитъ табакеркой и дѣлаетъ продолжительную затяжку...

Наконецъ, онъ входитъ въ столовую. Высокій, слегка сутулый, съ прямымъ и серьезнымъ взглядомъ умныхъ, глубоко сидящихъ глазъ. Борода у него съ сильной просѣдью, брови точно подернуты мѣломъ. Павелъ Иванычъ, старый бухгалтеръ,—двадцать пять лѣтъ служитъ на заводахъ. Служить началъ съ писца. Человѣкъ былъ, въ сущности, добрый, но вездѣ у него сквозили привычки человѣка „стараго закала“, какъ онъ себя называетъ. На первомъ планѣ у него вездѣ стоитъ начальство. Жизнь ведетъ размѣренную и строгую; новаго не долюбливаетъ. Выбранъ церков-

нымъ старостой и имѣетъ медаль за труды по церкви. Семью любитъ, но требуетъ послушанія.

Гриша поднялся навстрѣчу.

— Здравствуй, папа!

Прежде чѣмъ отвѣтить на привѣтствіе сына, Павелъ Иванычъ долго и внимательно всматривается въ черты лица Гриши. Сынъ выдерживаетъ строгій и упорный взглядъ отца.

— Похудѣлъ! — произноситъ рѣзко Павелъ Иванычъ.— Ну, здравствуй, здравствуй...

Теплыя струны запѣли въ голосѣ у старика, но онъ сдержался и, какъ будто безразлично, поцѣловалъ Гришу. Затѣмъ Павелъ Иванычъ, по старой привычкѣ, снялъ пиджакъ и осторожно повѣсилъ его на гвоздь... Потомъ сѣлъ за столъ и проговорилъ:

— Такъ-съ... пріѣхалъ, значитъ... Съ чѣмъ поздравить?

Гриша покраснѣлъ.

— Съ восьмымъ классомъ, папа...

— Развѣ? Значитъ, восьмиклассникъ?—притворно-равнодушно спрашиваетъ Павелъ Иванычъ.

— Да...

— Это недурно... Надо учиться... Средства у насъ не ахти какія... А все бы надо взглянуть на табелекъ...

Гриша сходилъ за табелемъ. Павелъ Иванычъ досталъ очки изъ кожанаго футляра, надѣлъ ихъ и, не торопясь, началъ просматривать табель.

— Гм... по математикѣ все тройки... Не важно... Я, вотъ, грѣшный человѣкъ, и нигдѣ не учился, да всю жизнь пришлось возиться съ математикой... Такъ-съ... Ну, да ладно... Переводится въ восьмой классъ... Такъ-съ... и это хорошо...

Онъ передалъ Гришѣ обратно табель и прибавилъ замѣтно повеселѣвшимъ тономъ:

— Ну, теперь отдыхай... Спасибо, что меня жалѣешь— переходишь изъ класса въ классъ... По нынѣшнимъ временамъ и это большая заслуга... Время тяжелое, смутное... Всѣ стали набольшіе...

Первые дни Гриша буквально отдыхалъ и жилъ, какъ онъ выражался, „растительной жизнью“. Каждое утро мать настряпывала къ чаю груды пироговъ, блиновъ, и Гриша чувствовалъ, что онъ каждый разъ объѣдается и рѣшительно становится „буржуемъ“. Прошла недѣля,—и Гриша порѣшилъ, что нужно пожить „порядочнымъ человѣкомъ“. Онъ по цѣлымъ часамъ запирался въ своей комнатѣ и читалъ запоемъ. Книгъ онъ изъ города привезъ много, были

у него и газеты. Во время своихъ скитаній по заводу и фабрикамъ, куда его пускали, какъ сына бухгалтера, Гриша познакомился съ рабочими. Къ нему стали похаживать рабочіе въ синихъ блузахъ, съ замазанными лицами, и уносили отъ Гриши книжки. Иногда Гриша читалъ имъ вслухъ. Все это дѣлалось такъ, чтобы Павелъ Иванычъ не видѣлъ, и старикъ ничего, повидимому, не зналъ. Мать только иногда робко пробовала сказать Гришѣ:

— Какъ бы чего не вышло, Гриша... Отецъ-то узнаетъ...

— Ну, такъ что?

— Такъ, какъ бы чего не вышло...

— Что, мама, развѣ я человѣка зарѣзалъ?..

— Да нѣтъ... я такъ...

Однажды, когда Гриша читалъ въ своей комнатѣ, внезапно скрипнула дверь, и вошелъ Павелъ Иванычъ. Лицо его было сурово. Онъ молча осмотрѣлъ комнату и остановился передъ столомъ съ книгами, надъ которымъ висѣло нѣсколько портретовъ писателей. Павелъ Иванычъ долго разсматривалъ портреты.

— Это что за люди?—отрывисто спросилъ онъ.

Гриша поднялся съ кровати, на которой лежалъ до этого, и отвѣтилъ:

— Это писатели, папа... Современные...

И Гриша назвалъ ихъ по фамиліямъ.

— Такъ-съ... писатели... А этотъ зачѣмъ въ одной рубахѣ сидитъ?

Гриша усмѣхнулся.

— Такъ ему нравится...

— Нравится? А, по моему, просто ломается... Дай, надѣну рубаху, авось понравлюсь...

Какая-то затаенная злость слышалась въ голосѣ Павла Иваныча. И Гришѣ почему-то безконечно стало жаль отца.

— Напрасно, папа...—сказалъ Гриша мягко и грустно.— Дѣло не въ рубахѣ, папа... Слишкомъ былъ бы мелокъ писатель, если бы вопросъ сводился къ рубахѣ...

— Такъ-съ! Вы, конечно, народъ ученый... Я, вотъ, грѣшный человѣкъ, на одномъ календарѣ воспитался, да ничего себѣ. Съ голоду не подохъ, да и положеніе завоевалъ... Пòтомъ и лбомъ своимъ завоевалъ... Никакихъ газетъ не читалъ...

— Напрасно, папа... Газета—нервъ дня... Вообще, литература отражаетъ жизнь... Безъ газеты невозможно. Хотите, я вамъ буду читать по вечерамъ?..

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно... Изъ-за конторской работы спину ломитъ... А тебѣ бы, другъ любезный, я со-

вѣтовалъ другихъ-то, по крайней мѣрѣ, не сбивать съ толку. Зачѣмъ къ тебѣ повадились рабочіе?

— Книги берутъ читать...

— Книги?... А управитель началъ косо посматривать на меня. Ужъ не просвѣщать ли, говоритъ, вы съ сыномъ вздумали честной народъ? Я тебя, Григорій, прошу больше не ходить по цехамъ. Слышишь? Намъ здѣсь, на заводѣ, не нужна смута... Мы прекрасно проживемъ и безъ идей... А твое дѣло одно: поскорѣй курсъ кончать. Помни, милый человѣкъ, ты еще мальчишка, и на тебя много денегъ ухлопано...

— Это я потомъ возвращу вамъ, папа...

— Посмотримъ...

Павелъ Иванычъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ сыну и спросилъ глухо:

— Ты... не изъ красныхъ?

Гриша усмѣхнулся.

— Красные—тѣ же люди, папа... Не людоѣды...

— Ты отвѣчай мнѣ на вопросъ...

— Сочувствіе не есть еще активное участіе...

— А я бы совѣтовалъ и не сочувствовать...

— Оставимъ, папа, этотъ разговоръ... Скажу вамъ одно: на фабрику не пойду больше... Управитель вашъ можетъ быть спокоенъ...

Павелъ Иванычъ ничего не отвѣтилъ, рѣзко повернулся и вышелъ изъ комнаты. Жилы на лбу у него надулись. Лицо было красно. За вечернимъ чаемъ онъ не сказалъ никому ни слова. Гриша тоже молчалъ, а Лиза, хорошенькая и поблѣднѣвшая, участливо посматривала на брата. Мать, всю жизнь молчавшая, заѣзженная работой, упорно смотрѣла въ чашку и украдкой вытирала покраснѣвшіе глаза...

Прошло послѣ этого съ недѣлю. Вечеромъ, когда Гриша разъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ письмо, дверь вдругъ отворилась и вошелъ Павелъ Иванычъ. Гриша взглянулъ на него и испугался. Старикъ былъ неузнаваемъ. Губы у него тряслись, лицо было блѣдно, и гнѣвныя складки бороздили лобъ. Прежде чѣмъ что-либо начать, Павелъ Иванычъ плотно затворилъ дверь, затѣмъ вытащилъ изъ кармана газетный листъ, развернулъ его и положилъ передъ Гришей. Вслѣдъ за передовой статьей въ номерѣ начиналась обширная замѣтка подъ заглавіемъ „Правда о войнѣ“. Заголовокъ былъ густо подчеркнутъ жирнымъ краснымъ карандашемъ, а сбоку, тѣмъ же жирнымъ карандашемъ, былъ поставленъ вопросительный знакъ.

— Это... это изъ твоихъ газетъ?—хрипло спросилъ Павелъ Иванычъ.

— Да... это я привезъ...

— А на фабрику какъ она попала?...

— Кажется, я давалъ кому-то читать...

— Кажется? Такъ-съ... Значитъ, вы, милостивый государь, хотите того, чтобы отца на улицу вышвырнули? Вышвырнули на старости лѣтъ? Да?

— Я васъ не понимаю...

— Не понимаете? Хе... хе. Конечно, гдѣ понять: мы люди отсталые... Нѣтъ-съ, голубчикъ, этому не бывать, чтобы мой родной сынъ, мое дѣтище, вышелъ смутьяномъ и негодяемъ! Не бывать этому! Не бывать! Управляющій самъ нашелъ этотъ подлый номеръ въ слесарномъ цехѣ... Всѣ поголовно его читали... Управлящій самъ его отобралъ, призвалъ меня и сказалъ: или, говоритъ, прекратите это безобразіе, или подавайте въ отставку... Ха! въ отставку! Дожилъ, Павелъ Иванычъ, дожилъ!.. Ай да сынокъ хорошій... М-м-м-ерзавецъ!

— Папа!

— Мерзавецъ! Негодяй! Молокососъ... Молчать! Сегодня же убирайся къ чорту изъ моего дома...

— Хорошо...

— Убирайся! Чтобъ глаза мои тебя не видали... Ты... ты... опозорилъ меня... опоз...

Старикъ не договорилъ. Голосъ у него дрогнулъ, онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Жуткая тишина наступила въ комнатѣ.

Съ страшно бьющимся сердцемъ Гриша тихо сѣлъ у окна, отворилъ его и уставился лицомъ на улицу. Сумерки были удушливы, въ палисадникѣ безмолвно стояли два тополя. Густая пыль покрывала ихъ душистые листья, и вѣтки безсильно никли книзу. Изрѣдка воздухъ бороздили густые и сильные отрывистые свистки. Тяжело шлепая деревянными колодками, въ лаптяхъ и войлочныхъ шляпахъ, проходили мимо рабочіе, усталые, апатичные и испеченные огнемъ. Неужели имъ даже нельзя прочитать правду о войнѣ? Неужели проклятая жизнь заковала ихъ въ фабричныя стѣны навсегда, засушила ихъ сердца, сожгла фабричнымъ огнемъ ихъ души и, какъ молотомъ, раздавила мысль, сознаніе, волю... Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Тамъ, гдѣ гремятъ тысяче-пудовые молота, въ воздухѣ, трясущемся отъ этого грохота, прекраснымъ и яркимъ цвѣткомъ поднимается молодая, сознательная жизнь, яркая мечта о свободѣ и волѣ, дорогая и милая, какъ первый подснѣжникъ весной... И фабрика, черная и смрадная, не задавитъ и не задушитъ эту мечту...

Пушистая бабочка покружилась надъ головой Гриши и сѣла на стекло. Гдѣ-то далеко, за горами, погромыхивалъ отдаленный громъ и вспыхивала молнія. Немного погодя,

слабо затрепетали листья. Еще немного—пронесся молодой и рѣзвый вѣтеръ. Громъ подвинулся ближе. Молнія обливала трепетнымъ заревомъ предметы. Гриша затворилъ окно и, не зажигая огня, легъ на кровать.

Черезъ часъ начался ливень. Громъ яркими звуками отдавался въ горахъ и, казалось, игралъ въ небѣ, сильный, свѣжій и разгоряченный. Тополя шумѣли мокрыми листьями и били вѣтками о желѣзную трубу. И труба звенѣла монотонно и печально, а листья, казалось, разсказывали о чьей-то молодой и грустной жизни.

Часовъ около десяти въ комнату Гриши тихо вошла мать. Огонь отъ ея свѣчи слабо метался въ воздухѣ и бросалъ пятна на старое, морщинистое лицо. Мать подошла къ кровати и наклонилась надъ сыномъ. Гриша, казалось, спалъ. Дышалъ онъ ровно, но подушка у него была мокра, и слезы оставили полосы на щекахъ...

Листья въ палисадникѣ трепетали и бились тише. Громъ отдавался гдѣ-то далеко. Мать перекрестила Гришу и тихо вышла...

Въ августѣ Гриша уѣхалъ. Отецъ съ нимъ простился холодно. Какая-то горячая накипь осталась на душѣ у сына.

Какъ-то разъ, въ послѣднихъ числахъ октября, Павлу Иванычу принесли изъ конторы письмо. Семья сидѣла за вечернимъ чаемъ. Было мрачно и угрюмо. Смотрѣла въ окна осень.

Не торопясь, надѣвши очки, разорвалъ конвертъ Павелъ Иванычъ и началъ читать. Минуты черезъ двѣ старикъ вдругъ вскочилъ со стула, хотѣлъ что-то сказать, но языкъ у него замеръ. Какой-то невыразимый, животный страхъ застылъ на его лицѣ. Мать окаменѣла. Лиза сдѣлалась бѣлѣе скатерти. Вдругъ Павелъ Иванычъ началъ наклоняться все ниже и ниже, потомъ грохнулся на полъ и вскричалъ дико:

— Прок-л-лятые! Убили! Гриша! Гриша!

Онъ лишился чувствъ. Бросились за фельдшеромъ, тотъ пріѣхалъ и объявилъ, что старика, кажется, „немного хватило". Рука у Павла Иваныча безсильно болталась. Его перенесли на кровать. Онъ таращилъ глаза, налитые кровью, въ потолокъ и временами дико вскрикивалъ:

— Гриша! Гришенька!.. Убили!

Прочитали письмо матери и сестрѣ. Тамъ коротко сообщалось, что Гришу убили на площади, когда онъ шелъ за краснымъ флагомъ.

Мать повалилась на столъ головой и начала биться. Ея сѣдые волосы разметались. Лиза, блѣдная, дрожа всѣмъ

тѣломъ, для чего-то отворила окно и высунула голову въ промозглый мракъ. Ей хотѣлось закричать страшнымъ, болѣзненнымъ крикомъ, разбудить проклятый мракъ, вцѣпиться кому-нибудь ногтями въ лицо, ей хотѣлось смерти и мести...

Ужасъ, мрачный и огромный, какъ удавъ, залѣзалъ въ комнату, наполнилъ ее своимъ дыханіемъ и съ жестокой ироніей смотрѣлъ на мятущихся людей. Мать билась головой о столъ и выла дикимъ речитативомъ:

— Кому ты понадобилось, мое солнышко ясное?.. Не откроются теперь твои ясные глазыньки... Уходили тебя звѣри лютые, разбили твою головушу... Для чего далась тебѣ ранняя смертонька?.. Дитятко мое милое, дитятко мое ненаглядное!..

Ужасъ заползалъ все дальше, во всѣ углы и подъ мебель. Въ сосѣдней комнатѣ старикъ судорожно выкрикивалъ:

— Гриша! Гриша! Проклятые!

Осень, какъ гробовая плита, давила улицы и дышала въ окно угрюмымъ мракомъ...

А. Туркинъ.

САШКИНА ДОЛЯ.

Мы съ братомъ были уже довольно большіе, отчаянные шалуны, когда впервые увидѣли Сашку.

Замазанный, въ одной рубашонкѣ, съ изсосанной коркой чернаго хлѣба въ рукахъ, онъ съ усиліями переползъ пыльную колеистую дорогу, лужайку и подползъ къ нашему палисаднику. По пути онъ попалъ въ крапиву и обжегъ свое плохо защищенное тѣльце. Мы издали зорко слѣдили за всѣми его передвиженіями, улыбаясь и въ то же время боясь этой странной, тихо ковыляющей фигурки.

Когда же онъ подползъ и усѣлся калачикомъ противъ насъ, мы забыли приступы страха и громко, искренно разсмѣялись. Сашкѣ, очевидно, понравился этотъ пріемъ: онъ сладко улыбнулся своимъ широкимъ ртомъ, привѣтливо глядя намъ въ глаза и сильно почесывая свои обожженныя бедра.

Таково было наше первое знакомство.

Послѣ этого Сашка очень часто предпринималъ путешествія отъ своей избы къ нашему дому, благо они стояли по сосѣдству и раздѣлялись только широкимъ проулкомъ, по которому пролегалъ избитый колесами проселокъ. Каждый разъ его прибытіе доставляло намъ большое удовольствіе. Мы заманивали его за перегородку, выносили ему сахару, бѣлаго хлѣба. Онъ все бралъ и грызъ, все ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Должно сказать, что Сашкѣ въ это время было уже около шести лѣтъ, но онъ былъ очень малъ ростомъ, слабъ, флегматиченъ, говорилъ плохо и не ходилъ. Кромѣ того, если онъ падалъ на спину, то рѣдко могъ подняться самостоятельно. Часто братъ или я подкрадывались къ Сашкѣ сзади и роняли его на спину.

— Ой, ой, ой...—кричалъ Сашка, падая.

— Поднимайся,—говорили мы ему и съ любопытствомъ ждали, какъ онъ, толстенкій, рыжій, большеголовый, будетъ подниматься.

Сашка корчился, строилъ до невозможности смѣшныя гримасы, вытягивалъ ротъ, таращилъ глаза—и все напрасно. Мы, маленькіе мучители, смѣялись до боли въ груди. За то и Сашка торжествовалъ, если ему удавалось перевалиться на бокъ и усѣсться калачемъ.

Разъ онъ попытался взобраться на наше крыльцо, но съ первыхъ же ступеней слетѣлъ самымъ жестокимъ образомъ, раскроилъ себѣ до крови бровь и заревѣлъ громко и жалобно.

Страшно боялся онъ нашей собаченки. Если, подползая, замѣчалъ онъ ея бѣлую лохматую голову, то быстро повертывалъ назадъ и, не оглядываясь, улепетывалъ домой; при этомъ быстро работалъ руками и ногами, заплетался, подпрыгивалъ, падалъ и успокаивался только тогда, когда попадалъ на дворъ своей избы.

Мы совсѣмъ привыкли къ Сашкѣ, и онъ привыкъ къ намъ, какъ совершенно для всѣхъ насъ неожиданно отецъ увезъ его далеко, къ своимъ роднымъ, и оставилъ тамъ.

Сашкинъ отецъ, Алексѣй Ивановичъ Христодуловъ, былъ дьячкомъ въ нашемъ селѣ. Насколько мы слышали и понимали, жизнь его была довольно печальна. Раньше онъ былъ дьячкомъ въ другомъ селѣ. Тамъ стряслась надъ нимъ какая-то бѣда—пожаръ ли, еще ли что. Онъ сталъ запивать, дурно обращался съ женой. Аксинья Григорьевна и прежде была не совсѣмъ въ своемъ умѣ, а тутъ у нея совсѣмъ разстроилась голова. Она бросила домъ и сдѣлалась постоянной странницей. Съ толстой палкой въ рукѣ, съ холщевымъ мѣшкомъ за спиной, начала она ходить изъ города въ деревню, изъ села въ городъ. Домой приходила рѣдко, когда нужно было перемѣнить платье или обувь.

Было у Алексѣя Ивановича двое дѣтей: дочь подростокъ и Сашка. Дочь умерла вскорѣ послѣ того, какъ его перевели въ наше село.

Первое время по смерти дочери Алексѣй Ивановичъ думалъ кое-какъ перебиться съ Сашкой, при помощи своей квартирной хозяйки, пожилой бабы—Степанихи. Дѣло, однако, не заладилось, и Алексѣй Ивановичъ увезъ Сашку на родину къ сестрѣ своей, выданной за дьячка же.

Въ первые дни по отъѣздѣ Сашки, намъ точно чего не доставало, но вскорѣ мы примирились съ его отсутствіемъ. Стояла теплая майская погода. Мы первый годъ, какъ переѣхали съ матерью-вдовой на житье къ ея отцу, сельскому священнику. Въ селѣ, послѣ города, насъ все прельщало. Рѣка свѣтлая, быстрая, въ зеленыхъ берегахъ, поля и луга съ синѣющимъ вдали лѣсомъ—какъ все это было для насъ ново и увлекательно. Вскорѣ мы очень при-

вязались къ Алексѣю Ивановичу. По службѣ онъ часто заходилъ къ дѣдушкѣ: ключи церковные принесетъ, книги. Часто звалъ его дѣдушка починить повалившійся плетень, расколоть сучковатый чурбанъ и пр. Алексѣй Ивановичъ ходилъ тихой, ровной походкой и говорилъ тоже тихо и ровно. Сутуловатый, средняго роста, мускулистый, немного рябой, съ густой скобкой темнорусыхъ волосъ, въ красной рубахѣ и смазныхъ сапогахъ (полукафтанье онъ надѣвалъ только въ праздникъ при богослуженіи)—онъ, какъ живой, стоитъ сейчасъ передъ моими глазами.

Подъ хмѣлькомъ онъ дѣлался веселѣе и развязнѣе, допускалъ театральные жесты, пѣлъ „конченъ, конченъ дальній путь“ и другія, какъ онъ называлъ, семинарскія пѣсни.

— Бывало, у насъ въ семинаріи лихо отхватывали,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ и задумывался.

— Съ гитарой хорошо выходило,—добавлялъ онъ и полуохрипшимъ баритономъ затягивалъ:

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги матушки широкой...

Алексѣй Ивановичъ хвасталъ. Въ семинаріи онъ никогда не учился; учебное мытарство онъ закончилъ духовнымъ училищемъ. Что было этому причиной—не знаю. Человѣкъ, вообще, онъ былъ неглупый.

Нерѣдко забѣгали мы къ нему на квартиру. Жилъ онъ по сосѣдству съ нами на хлѣбахъ у крестьянина.

Хозяева его были люди пожилые, бездѣтные. Хозяинъ—Михайло Мишуковъ—маленькій, кривоногій, сплошь обросшій бородой, былъ боленъ хронически какой-то желудочной болью и постоянно пилъ соду. Хорошо помню и мѣдный кувшинчикъ, въ которомъ лежала сода, и маленькую деревянную ложечку, которой онъ поддѣвалъ соду, аккуратно клалъ въ свой волосатый ротъ и запивалъ водой.

Жена его—тетка Авдотья, попросту Степановна, ежеминутно сухо кашляла и, если не работала, сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, на лавкѣ, глядѣла въ окно и грызла подсолнухи; до старости сохранились у нея крѣпкіе бѣлые зубы. Слышали мы, что давно за какую-то провинность Мишуковъ до полусмерти избилъ свою жену; съ тѣхъ поръ болитъ у нея грудь, говоритъ она слабымъ, надтреснутымъ голосомъ и кашляетъ.

Алексѣй Ивановичъ и Мишуковы обращались съ нами, какъ „съ поповыми ребятишками“, привѣтливо. Мы очень любили пить чай въ ихъ холодной горницѣ, „клѣткѣ“, съ малиной. Степановна наливала жиденькій чаекъ въ густо-

синія фаянсовыя чашки и накладывала малины. Мы мяли ее въ чаю; получался кисло-сладкій, какъ намъ казалось, очень вкусный напитокъ. Еще больше любили мы, когда пускали насъ въ огородъ ѣсть крыжовникъ, малину и черемуху. Мы наѣдались до отвала и глубоко сожалѣли, что у дѣдушки нѣтъ такого обильнаго огорода.

Какъ-то разъ мы застали у Алексѣя Ивановича его жену. Въ кубовомъ платочкѣ, сѣромъ ситцевомъ потасканномъ платьѣ, она сидѣла за столомъ въ переднемъ углу подъ божницей и медленно ѣла горячую похлебку большой деревянной ложкой изъ глиняной посудины. Изъ-подъ платка выбивались на углы лба двѣ тонкія пряди черныхъ волосъ. Блѣдная, худая, она производила болѣзненное впечатлѣніе.

Алексѣй Ивановичъ толстой хомутинной иглой зашивалъ хозяйскую шлею. Мишуковыхъ дома не было.

— А, ребятки!—ласково повернулся къ намъ Алексѣй Ивановичъ,—садитесь, гости будете.

Мы сѣли на лавку у окна. Аксинья Григорьевна, кажется, даже не взглянула на насъ. Она осторожно опускала ложку въ блюдо и подносила ее къ худымъ блѣднымъ губамъ. По временамъ она взглядывала въ сторону мужа и тихо говорила:

— Бьютъ, колотятъ, за уши таскаютъ; мальчишка махонькій, вразумить, сказать надо, а они колотятъ.

Алексѣй Ивановичъ шилъ и точно не слыхалъ ея словъ.

— Намедни на цѣлый день дома одного оставили, и ѣсть не припасли. Кормить-то не то, что колотить.

Мы сидѣли, не шевелясь, и слушали. Аксинья Григорьевна говорила долго все въ томъ же тонѣ. Мы поняли, что рѣчь шла о Сашкѣ, что ему очень дурно живется, хотя живетъ онъ у тетки родной, и за него платятъ четыре цѣлковыхъ ежемѣсячно.

Время шло. Мелькнуло лѣто, наступила зима; прошла и она. Опять во всю ширь развернулась зеленая весна и жаркое лѣто. Мы росли и все больше и больше привыкали къ деревнѣ. Мы извѣдали всѣ времена деревенскаго года, изучили всѣ ложбинки и пригорки ивановскихъ окрестностей. Привязанность къ Алексѣю Ивановичу осложнилась глубокимъ уваженіемъ, чуть не благоговѣніемъ къ нему, когда мы познакомились съ его мастерскимъ колокольнымъ звономъ.

Чудно звонилъ Алексѣй Ивановичъ. Колокола удивительно слушались его: большіе гудѣли мягко и бархатно, маленькіе не торопились, не взвизгивали. Получалась простая, но красивая ласкающая мелодія.

Въ моей памяти навсегда останутся тихіе, теплые лѣтніе вечера, когда мы сидѣли у себя на крыльцѣ, въ розовыхъ лучахъ готоваго спрятаться за лѣсъ солнца, а сверху, съ колокольни, неслись переливчатые звуки вечерняго звона.

Хорошіе, святые вечера!

Было грустно, точно колокола пѣли намъ печальную пѣсню о страданіяхъ и горѣ добраго, но несчастнаго человѣка, почему-то вспоминалась безумная жена Алексѣя Ивановича, молча шагающая по одинокому проселку, всплывала на память широкая, улыбающаяся физіономія Сашки.

А колокола все пѣли и пѣли...

О Сашкѣ приходили рѣдкія и все печальныя извѣстія. Его по прежнему били и плохо кормили. Аксинья Григорьевна, если приходила къ мужу, то, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы поплакать о Сашкѣ, пожаловаться на его тяжелое житье.

Мы переживали уже третью весну, какъ вдругъ, неожиданно для насъ и даже для отца, привезли Сашку. Мы сейчасъ же отправились къ Алексѣю Ивановичу и черезъ четверть часа знали причину неожиданнаго пріѣзда Сашки въ наши края. Оказывается, поймалъ онъ въ грязномъ прудѣ худой корзиной одного несчастнаго карася, рѣшилъ зажарить его на чистомъ воздухѣ, добылъ спичекъ и вмѣстѣ съ карасемъ сжегъ у тетки сарай и житницу. Его выпороли до крови и повезли къ отцу, тѣмъ болѣе, что онъ уже сталъ ходить и научился членораздѣльно выражаться. Отецъ выпоролъ его вторично и оставилъ у себя.

Сашка очень измѣнился, выросъ, хотя нездоровая сырая полнота его не оставляла. Пряди жидкихъ рыжихъ волосъ сухо топорщились на вискахъ и широкомъ выпукломъ затылкѣ. Узкій, покатый лобъ, выдающаяся нижняя челюсть придавали старушечій видъ его лицу. При громкомъ стукѣ и крикѣ онъ часто моргалъ и наклонялъ голову, точно ожидая удара по темени, говорилъ сбивчиво и заикаясь.

Присутствіе Сашки ничѣмъ не измѣнило образа жизни и привычекъ Алексѣя Ивановича. Онъ попросилъ Степаниху сшить сыну нѣсколько рубашекъ и штановъ, прибавилъ Мишуковымъ цѣлковый въ мѣсяцъ за квартиру и за хлопоты, больше сталъ покупать крупы и баранокъ — и только.

Хозяева совсѣмъ иначе отнеслись къ Сашкѣ. У нихъ нашлось много мелкихъ дѣлъ, которыя всей своей мелочной тяжестью пали на его дѣтскія плечи. Мишуковъ говорилъ ему:

— Сашка, подь, приведи лошадь изъ табуна! — Сашка бралъ „оброть“ (узду) и шелъ за лошадью. Степановна кричала:

— Ведро воды принеси, Сашка! — Сашка съ бадьей шелъ на колодезь, вѣшалъ ее на крюкъ, наваливался животомъ на рычагъ и всей силой своего жалкаго существа, припрыгивая и опускаясь, накачивалъ воду. Вечеромъ надо было загнать скотину, вынести коровѣ пойло и пр. Въ сѣнокосъ и страдную пору у Сашки было, конечно, еще больше дѣла. Алексѣй Ивановичъ, если не былъ пьянъ, самъ все время работалъ на Мишукова и, такъ сказать, не замѣчалъ Сашкиныхъ трудовъ. Иногда только съ чисто русскимъ юморомъ онъ говаривалъ:

— Не разберемся никакъ, кто кого кормитъ, кто на кого работаетъ.

Свободное время Сашка проводилъ у насъ. Вѣрнымъ дѣтскимъ инстинктомъ мы сразу поняли, что Сашка робокъ, запуганъ, и что въ качествѣ равноправнаго члена онъ не можетъ войти въ наше маленькое общество, но что его можно подчинить и господствовать надъ нимъ. Съ этого времени надъ Сашкой тяготѣло двойное рабство: дома и у насъ. Разница была въ томъ, что наше порабощеніе онъ сносилъ добровольно, благодаря общности дѣтскихъ интересовъ.

У моего брата, подъ вліяніемъ Алексѣя Ивановича, зародилось непобѣдимое влеченіе къ колокольнямъ и звону. Онъ былъ увѣренъ, что дѣдушка, умирая, откажетъ ему въ наслѣдіе сельскую, стройную бѣлую колокольню со всѣми ея колоколами. Пока же, при помощи Сашки, мы строили свои очень интересныя колокольни за домомъ, на задворкахъ. Мять траву на усадьбѣ намъ запрещалось, поэтому свои архитектурныя упражненія мы продѣлывали въ довольно помѣстительной ямѣ, оставшейся отъ стараго жилья. Мы натаскивали туда кольевъ, кирпичей и тому подобнаго хлама. Сашку отправляли на рѣку за камнями. Главнымъ строителемъ былъ братъ.

— Сашка, бѣги на рѣку, принеси большой колоколъ. Смотри, выбери такой, чтобы можно было привѣсить,—распоряжался Андрюша,—а мы будемъ строить колокольню.

Сашка бѣжалъ подъ горку къ рѣкѣ.

— Скорѣе!—кричали мы ему вслѣдъ.

Едва успѣвали мы укрѣпить два-три кола будущей колокольни, какъ вдали показывался Сашка. Шелъ онъ медленно, едва передвигая ноги.

— Сашка... скорѣе!—изо всей силы орали мы ему снова.

Сашка прибавлялъ шагу, но скоро останавливался и клалъ камень къ ногамъ.

— Сашка! такъ мы до вечера ничего не сдѣлаемъ!—сердился братъ.

Сашка поднималъ камень и ломаной походкой, отки-

нувшись назадъ, разставивъ ноги, держа камень у живота, приближался къ намъ. Онъ, видимо, выбивался изъ силъ, потъ градомъ стекалъ по его разгоряченному лицу.

Пока мы вбивали колья, обкладывали ихъ кирпичами и досками, Сашка совершалъ на рѣку нѣсколько подобныхъ экскурсій. Помимо большого колокола, нужно было принести „набатный", средніе, „пѣвунчики" и пр.

Когда колокольня была устроена, комплектъ колоколовъ былъ на лицо, приступали къ ихъ навѣскѣ; каждый порядочный колоколъ обвязывали веревкой и закручивали вверху у поперечныхъ кольевъ; маленькіе привѣшивали на мочалѣ.

Когда все было упорядочено, начиналось самое интересное—звонъ. Андрюша, какъ главный любитель, дергалъ камни за концы веревокъ; я стоялъ у большого колокола и гудѣлъ:

„Бомъ, бомъ, бомъ"...

Сашка помѣщался за маленькими и раздѣлывалъ языкомъ неподражаемыя трели:

„Три-ля-ля, тинь, тинь"...

Онъ мѣнялъ тоны, усиливалъ звуки, или, гдѣ требовалось, затихалъ.

Мы совершенно забывали окружающее. Нашъ импровизированный звонъ казался намъ чуднымъ колокольнымъ звономъ.

И звонили мы долго, вдохновенно...

Часто въ самый разгаръ звона раздавался съ переулка надтреснутый голосъ Степановны:

— Сашка...о...о!.. Иди овецъ загонять, гдѣ ты запропастился, чертенокъ?..

Иллюзія пропадала. Сашка торопливо бѣжалъ на крикъ и получалъ нагоняй за забвеніе своихъ прямыхъ обязанностей.

Хорошо проводили мы время на рѣкѣ. Рѣка протекала въ полуверстѣ отъ села, за овинами, подъ горкой. Она извивалась змѣей среди густыхъ ольховыхъ и ракитовыхъ кустовъ; тамъ и сямъ она расширялась въ большіе бочаги и омута, съ ровной, какъ зеркало, водой, съ красивыми крутыми берегами. До сихъ поръ съ полной отчетливостью помню я одно интересное прибрежное мѣстечко. Круто спускался здѣсь берегъ и падалъ прямо въ тихую, съ бѣлыми и желтыми лиліями, воду. Какихъ только кустовъ и деревьевъ не росло на этой крутизнѣ. Тополь перемежался съ дубомъ, рядомъ съ дубомъ высился прямой кленъ, береза, рябина, орѣшникъ, калина, дикая яблоня тѣснились по ея

склону, а ближе къ рѣкѣ по кустамъ и стволамъ вился блѣдно-зеленый кудрявый хмѣль.

Красивое, дѣвственное мѣсто.

И видъ съ этого берега былъ красивый, — на далекую мельницу, хвойный лѣсъ и широкія волнистыя поля. Много по этому берегу находили мы земляники и костяники.

Когда земляника сходила, поспѣвала мелкая сладкая малина, орѣхи.

Съ удочками мы не сидѣли; бывало, наловимъ пискарей, насадимъ на крючки и оставимъ на погибель хищной рыбѣ, окунямъ и щукамъ, сами же путешествуемъ въ густыхъ зарosляхъ любимой горы или плещемся на песчаныхъ перекатахъ свѣтлой рѣчки, подальше отъ таинственныхъ глубокихъ омутовъ.

Андрюша и Сашка подчинялись на рѣкѣ мнѣ: я, какъ старшій, былъ смѣлѣе, и въ моей головѣ часто созрѣвали планы увлекательныхъ предпріятій.

Очень любили мы, напримѣръ, запруживать рѣку. Мѣстами наша рѣка дробилась на мелкіе рукава; нѣкоторые рукава были настолько мелки, что вода звенѣла, перебѣгая порожки пестраго булыжника. Эти-то мелкіе рукава мы и запруживали.

Неизмѣнный нашъ рабъ Сашка натаскивалъ дерна; онъ отламывалъ его отъ осыпающагося берега или выдиралъ съ травой на каменистыхъ островкахъ между ручьями.

Дернъ, камни, вѣтки, песокъ—все шло въ дѣло, и скоро довольно прочная плотина преграждала быстрый бѣгъ ручейка. Наступалъ самый интересный моментъ: вода ниже запруды сбывала; поросшіе темно-зеленымъ мхомъ, камни оголялись, и застигнутая врасплохъ мелкая рыба прыгала по обмелѣвшему руслу. Интересна была не столько сама рыба, сколько возможность брать ее, вольнолюбивую, не поврежденную, голыми руками.

Сашка искренно торжествовалъ.

Любилъ я еще ловить рыбу подъ камнями и подъ берегомъ. Вода теплая, заберешься въ кусты и запустишь руку въ землистую норку. Сердце забьется отъ ожиданія и радости, когда ощутишь въ глубинѣ норы скользкое тѣло головля или колючій плавникъ окуня. Особенное, хищническое ощущеніе!

Андрюша и Сашка боялись лягушекъ и крысъ, и подъ берегомъ рыбу не ловили. Сашку иногда мы, впрочемъ, заставляли силой: онъ съ ужасомъ опускалъ руку подъ берегъ, и малѣйшее ощущеніе скользкаго заставляло его инстинктивно откидываться назадъ...

Интересныя вещи продѣлывали мы съ „коротнями". Ко-

ротнями въ нашей сторонѣ называется двойной челнокъ; онъ состоитъ изъ двухъ выдолбленныхъ изъ цѣлаго дерева корытъ менѣе сажени длиной, шириной—въ полъ аршина.

Корыта скрѣпляются боковыми связями. Тотъ, кто хочетъ ѣхать, долженъ становиться среди коротней, помѣщая ноги порознь въ оба челнока, упираться въ дно рѣки длиннымъ шестомъ и отталкиваться. Коротни употребляются спеціально для раскидки вершъ, постановки сѣти и пр.

Кататься въ коротняхъ, какъ слѣдуетъ, мы не умѣли и не могли, потому что намъ не подъ силу было справляться съ тяжелымъ шестомъ Но если гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ рѣки мы натыкались на коротни, то непремѣнно пускали ихъ въ дѣло, такъ какъ имѣли при себѣ великолѣпный двигатель—Сашку.

Сашка раздѣвался, лѣзъ въ воду, бралъ коротни за носовую веревку и таскалъ насъ по рѣкѣ, избѣгая глубокихъ мѣстъ и придерживаясь берега; плавать Сашка не умѣлъ и глубины боялся.

Однажды мы съ братомъ не на шутку перепугались. Сашка волокъ насъ за веревку и вдругъ, оборвавшись, скрылся подъ водой. Онъ почти полъ-минуты не показывался, потомъ вынырнулъ и съ какими-то странными гримасами сталъ выплевывать воду и снова погрузился. Мы растерялись, затѣмъ спохватились и потянули къ себѣ веревку. Сашка инстинктивно сжалъ ее въ рукахъ; мы подняли его къ коротнямъ, и коекакъ намъ удалось помочь ему опамятоваться.

Вообще пріятное выпадало большей частью на нашу долю, Сашкѣ же приходилось сносить много неудобствъ, обидъ и даже побоевъ.

Припоминается мнѣ такой случай.

Былъ знойный лѣтній полдень. Мы всѣ трое купались на песчаной отмели, у овиновъ. Вода была теплая, какъ парное молоко. Мы, мокрые, выскакивали на берегъ, валялись въ горячемъ пескѣ, опять прыгали въ воду, брызгались. Сашка оживился больше, чѣмъ обычно, тоже брызгался и катался въ пескѣ. Голоса наши, какъ серебро, звенѣли надъ рѣкой. Вдругъ небольшой камень довольно сильно ударилъ меня въ спину. Я сначала не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Это Сашка!—крикнулъ Андрюша.

Я взглянулъ на берегъ и понялъ... Сашка, играя, бросилъ нечаянно въ меня камнемъ. И безъ того маленькій и жалкій, теперь онъ еще больше съежился, поблѣднѣлъ и сидѣлъ на бѣломъ пескѣ, глядя на меня широко открытыми испуганными глазами. Съ чувствомъ, съ какимъ бросаютъ палкой въ собаку, быстро бѣгущую мимо съ трусливо поджатымъ хво-

стомъ, я выскочилъ изъ рѣки и больно ударилъ Сашку по голой, согнутой спинѣ...

Маленькое, но памятное событіе.

Скоро, однако, у Сашки нашелся искренній другъ, котораго онъ полюбилъ всей душой, и который отвѣчалъ ему тоже неподдѣльной привязанностью.

Въ одинъ изъ теплыхъ іюльскихъ вечеровъ мы возвращались всѣ трое съ рѣки. Мы немного утомились, но были довольны: въ ведеркѣ плескалось нѣсколько плотвы и окуней. Сашка тащилъ волокомъ удочки и потому шелъ сзади.

Тамъ, гдѣ плотно убитая тропочка близко подходила къ селу и круто повертывала на крестьянскія усадьбы, была большая яма. Когда-то здѣсь стоялъ овинъ; теперь, кромѣ крапивы и мусора, въ ямѣ ничего не было. Проходя мимо ямы, Сашка вдругъ остановился и тихо позвалъ меня съ Андрюшей. Мы подошли.

— Послушайте...

Мы наклонились надъ ямой и внимательно прислушались. До насъ долетѣлъ тихій пискъ. Сашка положилъ удочки и осторожно спустился въ яму. На днѣ онъ еще разъ прислушался. Пискъ раздался еще громче, и Сашка безъ затрудненія нашелъ его виновника въ бурьянѣ. Это былъ двухнедѣльный котенокъ, сѣренькій, худенькій; ноги у него были перевязаны льномъ, и, такимъ образомъ, было отнято единственное средство бороться съ голодной смертью. Сашка бережно держалъ его на рукахъ. Мы на перебой гладили худенькую спинку котенка, поднимали его мордочку и заглядывали въ глаза, должно быть, очень недавно увидѣвшіе бѣлый свѣтъ: они были маленькіе, мутновато-синіе, безъ всякаго выраженія. Одинъ разъ мы вышибли его изъ Сашкиныхъ рукъ и отъ жалости не знали, что дѣлать.

Тутъ же у ямы составился совѣтъ, какъ быть съ находкой.

Прежде всего развязали котенку ноги. Намъ было очень смѣшно, когда мы поставили его на землю, и онъ безпомощно разъѣхался на слабенькихъ, какъ мягкая резина, ногахъ.

— Я возьму его себѣ,—проговорилъ Сашка.

— А отецъ, а Мишуковъ?—спросили мы.

— Они будутъ тебя ругать, а Мишуковъ все равно опять заброситъ...—сказалъ Андрюша.

— Мы возьмемъ его себѣ,—продолжалъ онъ и потянулся за котенкомъ, но Сашка прижалъ котенка къ себѣ и вовсе не желалъ разстаться съ неожиданнымъ кладомъ.

Послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, рѣшено было

оставить находку Сашкѣ и всѣмъ вмѣстѣ идти къ Мишукову съ просьбой не забрасывать кошку.

Сверхъ всякаго ожиданія, и хозяева, и отецъ Сашки очень снисходительно отнеслись къ нашей просьбѣ, должно быть, потому, что у Мишукова не было кошки, а мыши были, а можетъ быть, и потому, что мы ужъ очень жалостливо просили; у Сашки при этомъ слезы капали изъ-подъ бѣлыхъ рѣсницъ.

Дѣло уладилось. Степановна обѣщалась давать ежедневно молока. Съ этого времени у Сашки была дорогая ему забота. Котенокъ быстро росъ и оказался очень понятливымъ и шустрымъ. Его даже не приходилось тыкать мордой въ молоко: онъ рѣшительно наскакивалъ на черепокъ и быстро лакалъ розовенькимъ, нѣжнымъ, тонкимъ язычкомъ. Часто Сашка уходилъ съ котенкомъ на усадьбу. Ляжетъ онъ на спину, а Кузька (такъ Сашка назвалъ котенка) ползетъ по его тѣлу, лизнетъ въ носъ, въ губы. Сашка захохочетъ, а котенокъ отъ сотрясенія летитъ на траву вверхъ ногами. Сашка надрывается отъ смѣха.

— Кузька, Кузька!

Котенокъ опять взбирается, и снова та же исторія.

Неустрашимости и ловкости Кузька былъ поразительной. Не смотря на свой малый возрастъ, онъ смѣло взбирался на большія высоты, въ родѣ печки и стола, падалъ оттуда и опять лѣзъ съ пытливой настойчивостью. Къ Сашкѣ онъ привязался чуть не съ первыхъ дней и, если днемъ обходился безъ него, то ночью обязательно спалъ съ нимъ въ избѣ на лавкѣ.

Отецъ, вообще рѣдко замѣчавшій Сашку, иногда спрашивалъ его о котенкѣ.

— Ну что, Сашонка, какъ твой котъ? Даетъ ли Степановна молока-то?

Сашка отвѣчалъ, какъ всегда, односложно, робко, но въ душѣ, вѣроятно, былъ доволенъ, что, хоть благодаря кошкѣ, на него больше обращаютъ вниманія.

Когда котенку забывали дать молока, и онъ, голодный, мяукая, жался къ Сашкѣ, послѣдній говорилъ объ этомъ обстоятельствѣ намъ:

— Кузькѣ молока-то не давали...

Сашка ничего не просилъ, онъ только сообщалъ. Мы проникались полнымъ сочувствіемъ къ Кузькѣ, наливали въ бутылку молока и шли его кормить.

Время летѣло быстро. Насталъ сѣнокосъ. Пала роскошная трава, оголились дотолѣ цвѣтущіе луга и усадьбы. Сашка работалъ, ворочалъ, сгребалъ, складывалъ сѣно въ копны. У нашего дѣдушки тоже былъ покосъ; насъ, однако, рабо-

тать не заставляли. Вѣроятно, страшно хотѣлось бы Сашкѣ бросить грабли и идти съ нами, когда мы съ удочками проходили усадьбой Мишукова на рѣку.

Когда пошли грибы, Степановна, если была дурная погода, и другой работы не предстояло, будила Сашку на разсвѣтѣ, давала ему большую корзину, и они отправлялись за грибами версты за 4—5. Мы любили брать грибы, особенно бѣлые, но быть въ лѣсу съ Сашкой намъ не удавалось; большею частью бывало такъ, что, когда мы собирались съ дѣдушкой въ лѣсъ, Сашка уже возвращался изъ лѣса съ перекинутой за плечи корзиной съ крѣпкими бѣлыми грибами.

Скоро вызрѣла рожь. Желтая, желтая, сверкала она подъ жгучими лучами іюльскаго солнца. Съ Казанской мужики приступили къ жнитву. Тамъ и сямъ среди золотыхъ хлѣбныхъ волнъ появились острова сѣрыхъ выжатыхъ полосъ. Заскрипѣли долгуши, и у овиновъ появились скирды свѣжаго хлѣба. Въ концѣ жнитвы Сашку заставили изъ свѣжей соломы вязать „паски", которые всегда заранѣе готовятся для перевязыванья овсяныхъ споповъ.

Тихо, тихо въ селѣ. Народъ на полѣ. Издали доносится скрипъ хлѣбныхъ возовъ. Сидитъ Сашка у соломы и вертитъ „паски". Кузька возится рядомъ, хватаетъ лапками и зубами соломенный жгутъ и вмѣстѣ съ нимъ вкатывается къ Сашкѣ на колѣни. Мы и на рѣку сходимъ и обратно придемъ, а Сашка у избы все вертитъ и вертитъ „паски" безъ всякой перемѣны, только ворохъ ихъ выростаетъ все больше и больше; и Кузька по прежнему съ нимъ играетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней пришла къ Сашкѣ мать. Мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли у „пасковъ" и баловали съ котенкомъ. Алексѣй Ивановичъ и хозяева были въ полѣ.

Она тихо и незамѣтно подошла къ намъ со своею клюкой и привязаннымъ за спиною холщевымъ узломъ.

— Здравствуй, Сашка, работаешь?

Она погладила Сашку по головѣ. Сашка даже не приподнялся, а только коротко отвѣтилъ:

— Здравствуй!

Намъ съ братомъ сдѣлалось жутко, хотя въ Аксиньѣ Григорьевнѣ ничего страшнаго не было. Высокая, печальная, она скорѣе казалась доброй и ласковой; только въ глазахъ свѣтилось тихое, ровное, неизлѣчимое безуміе.

— А отецъ-отъ гдѣ?

— Въ полѣ съ хозяевами рожь дожинаетъ.

Аксинья Григорьевна приложила руку къ глазамъ и поглядѣла въ даль, на широкое сѣро-желтое поле... Въ разныхъ мѣстахъ чернѣли подвижныя фигуры мужиковъ и

бабъ; двигались возы, нагруженные тяжелыми, длинными снопами.

Мы съ братомъ, не шевелясь, смотрѣли на Сашкину мать, а онъ по прежнему равнодушно крутилъ свои грубые паски.

— Ты скажи ему, что я была.

Сашка молчалъ.

— Я теперь на Муромъ пойду, муромскимъ чудотворцамъ поклонюсь.

— Ты погоди, они скоро придутъ,—проговорилъ Сашка.

Въ его словахъ намъ послышалась нотка жалости къ матери.

— Чего ждать-то; скажи, что была, больно жалѣть не будутъ.—Она еще разъ погладила Сашку, поглядѣла на насъ и пошла къ чернѣющему вдали лѣсу.

Странное впечатлѣніе оставило въ нашихъ сердцахъ это посѣщеніе Аксиньи Григорьевны, какую-то грусть и безотчетное сожалѣніе—къ ней ли, къ Сашкѣ ли...

Страннымъ рисовался въ нашемъ воображеніи и городъ Муромъ, черный, большой, запрятанный въ лѣсахъ; постоянно звонятъ въ немъ колокола, и люди тамъ все плачутъ и молятся.

Мы долго смотрѣли ей вслѣдъ; быстро исчезала она изъ нашихъ глазъ и скоро совсѣмъ скрылась въ лощинкѣ у опушки осиноваго лѣса.

— Сашка, тебѣ жалко мать?—обратились мы къ Сашкѣ, когда немного отдѣлались отъ грустнаго настроенія.

— Нѣтъ, не больно, она глупая.

Мы хорошо даже тогда понимали, что Сашка своимъ умомъ не могъ дойти до мысли, что его мать глупая. Она, какъ видно, его любила и только для него заходила сюда. Взглядъ Сашки на мать былъ чужимъ взглядомъ, внушеннымъ. Это обстоятельство лишало его самой дорогой для ребенка привязанности.

Скосили овесъ. Грустно стало на душѣ. Скоро осень. Жаль теплаго лѣта. Лѣсъ, рѣка, широкое, неоглядное хлѣбное поле, луга съ щавелемъ и молочаемъ и всяческими сладкими дудками—какъ все это мило сердцу даже при воспоминаніи! Что же было тогда? Дни становились замѣтно короче. Мы съ братомъ старались, какъ можно полнѣе, воспользоваться остаткомъ лѣта. Съ утра были на рѣкѣ; иногда приходили домой обѣдать, иногда до вечера оставались тамъ; по вечерамъ звонили на своей колокольнѣ, или играли въ лапту и городки.

Сашки цѣлую недѣлю не было дома. Мишуковъ гдѣ-то далеко снялъ пустошь и уѣхалъ туда за травой. Съ нимъ

поѣхали Алексѣй Ивановичъ и Сашка. Сашкѣ очень не хотѣлось ѣхать. Особенно жаль ему было разставаться съ Кузькой.

Скучно было на пустоши; ѣли тамъ лишь огурцы да хлѣбъ; съ утра до вечера сушили траву, спали: Мишуковъ въ телѣгѣ, Сашка съ отцомъ на лугу, на сѣнѣ.

Радъ былъ Сашка воротиться домой, хотя и не родной былъ домъ,—особенно радъ былъ котенку, который тотчасъ узналъ его и дружелюбно терся объ его ноги.

Когда настало время молотьбы, Сашку заставили гонять на молотилкѣ лошадей. Съ утра до вечера стоялъ онъ на вращающейся площадкѣ и похлестывалъ длиннымъ кнутомъ худыхъ деревенскихъ клячъ. Подъ конецъ дня у Сашки кружилась голова, его тошнило, а мы ему завидовали: такъ хорошо казалось намъ стоять съ кнутомъ, повертываться изъ стороны въ сторону и погонять лошадей... Кругомъ такъ весело! То и дѣло подъѣзжаютъ возы со снопами, несутъ снопы въ молотилку; тамъ жужжитъ приводной ремень, быстро, быстро вращается желѣзный съ толстыми иглами барабанъ и ожесточенно грызетъ свѣжіе колосья. Безголовая солома, сухая и желтая, съ трескомъ вылетаетъ изъ-подъ зубьевъ барабана и рыхлымъ пластомъ устилаетъ плотно убитую почву овина; солому дружно подгребаютъ и выволакиваютъ вонъ, а она опять и опять накопляется, и снова волокутъ ее изъ овина къ молодому быстро растущему стогу.

Въ это время случилось въ жизни Сашки великое несчастіе: его Кузька, почти совсѣмъ выровнявшійся въ хорошенькую кошку, опрокинулъ и разбилъ кринку съ молокомъ. Въ другой разъ это, можетъ быть, и прошло бы безъ особыхъ послѣдствій; теперь же Мишуковъ былъ на что-то золъ, а Степановна очень жалѣла молоко, потому что осенью его „шиломъ хлебаютъ“. И погибъ Кузька.

Мишуковъ швырнулъ въ оробѣвшую кошку чуракомъ и перешибъ ей заднія ноги; потомъ взялъ ее за шиворотъ и понесъ въ огородъ. Сашка все это видѣлъ; его сердце облилось кровью; ему хотѣлось крикнуть, побѣжать къ кому-нибудь за помощью, схватить Мишукова за руку и отнять у него котенка. Ничего этого Сашка не сдѣлалъ; онъ безпомощно, съ побѣлѣвшими губами, прижался къ изгороди и издали смотрѣлъ, что будетъ. Мишуковъ вырылъ ямку и сунулъ туда жалобно мяукающаго котенка; онъ, должно быть, карабкался, потому что Мишуковъ опустилъ въ яму ноги и прижалъ Кузьку. Нѣсколько комковъ земли, и почва сравнялась надъ кошкой. Для прочности дѣла Мишуковъ потопалъ свѣжую могилку...

Долго послѣ этого тупая боль лежала на сердцѣ Сашки.

Онъ немного похудѣлъ и осунулся; при крикахъ и шумѣ ниже нагибалъ голову, и чаще дрожали его бѣлыя рѣсницы. Онъ по прежнему ходилъ съ нами на рѣку, даже звонилъ по вечерамъ у насъ на колокольнѣ, но все это машинально, какъ-то безсознательно.

Въ началѣ сентября подулъ холодный, безпорядочный вѣтеръ.

Сначала по небу шли высокія, тонкія, бѣлыя облака. Скоро поплыли они ниже, потомъ слились въ одну, темно-сѣрую массу и двинулись безпрерывными безпросвѣтными рядами.

Крапнулъ дождикъ, усилился и полилъ косыми обильными струями на дотолѣ пыльную дорогу, сухіе поля и луга. И образовалось кругомъ топкое болото, ноги не вытащишь. Поблекла зелень, и полетѣли золотые листья на мертвыя, осиротѣлыя поля.

Мы чаще стали заглядывать къ Мишукову. Степановна пойло коровамъ готовитъ или сидитъ, какъ всегда, у окна, грызетъ зернышки и сухо кашляетъ. Мишуковъ на мосту хомутъ чинитъ, либо столярничаетъ что-нибудь; многое прощали мы ему въ его жестокости и суровости за мастерскія подѣлки: какіе великолѣпные тугіе самострѣлы дѣлалъ онъ намъ и выгибалъ отличныя дубовыя трости!

Алексѣй Ивановичъ тоже не сидѣлъ безъ дѣла; онъ былъ мастеръ на всѣ руки: сапоги мужикамъ подшивалъ, валенки кожей „обсоюзивалъ", чинилъ корзины, платье и пр.

Сашку посадили за букварь. Не давалась ему книга. Сидитъ онъ съ ней у стола, подъ кивотомъ съ фольговыми образами, и учитъ азы. Особенно противны были ему буквы „р" и „ф". Смѣшивалъ онъ ихъ и запомнить никакъ не могъ.

— Читай, Сашка, читай!—говорилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Го-го-го...—читаетъ Сашка.

— Загоготалъ; дальше разбирай...

— Го... го...

— Ровно жеребенокъ,—смѣется Степановна.

Отецъ сердится:

— Дальше-то что же, дуракъ!

— Я не знаю, букву забылъ,—сквозь зубы шепчетъ Сашка.

— Забылъ!..—передразниваетъ Сашку отецъ.

— Го-ра,—съ громадными усиліями выговариваетъ Сашка ненавистное слово.

Не видя конца мученіямъ, Сашка сначала замазалъ въ букварѣ „р" и „ф", а потомъ протеръ насквозь ихъ ненавистные образы. Однако, и это не спасло его отъ страданій.

Всюду эти буквы уничтожить было нельзя; тогда Сашка зарылъ букварь въ коровьемъ хлѣву. Отецъ выпоролъ его, а потомъ отдалъ въ школу вмѣстѣ съ нами.

Черезъ три недѣли его изъ школы, однако, взяли обратно. Учительница, молодая и ретивая, отказалась научить его грамотѣ. На ея вопросы Сашка или молчалъ, или несъ такую „несуразицу“, что трудно было уловить въ его словахъ хотя маленькую искорку человѣческаго смысла. Какъ и дома за азбукой, онъ робѣлъ, краснѣлъ до корней волосъ, и потъ капалъ съ его узкаго покатаго лба.

И опять цѣлые дни сидѣлъ Сашка дома, полный повиновенія и страха; трудно было при этомъ рѣшить, кого онъ больше боялся: отца, волосатаго грубаго Мишукова или тихой вкрадчивой Степанихи.

Въ серединѣ октября стояли ясные, свѣжіе дни. Лѣса оголились, и стояли отдѣльныя березы и осины, точно сироты, обиженныя и забытыя. Изрѣдка проносились въ глубокой выси синяго неба треугольники запоздалыхъ журавлей, и ихъ крикъ, жалобный и прощальный, слышенъ былъ раньше, чѣмъ они показывались на глаза. Прозрачный, точно чистопротертое стекло, воздухъ облегчалъ взглядъ вдаль, и небо казалось чистымъ, холоднымъ, недосягаемымъ. Рыли картофель; бабы возились со льномъ. Мишуковъ воспользовался хорошими днями и поѣхалъ въ общинный лѣсъ за дровами, запасаться на зиму. Сашку онъ взялъ съ собой—потаскать дрова, присмотрѣть за лошадью.

Помню, рано утромъ мы съ братомъ отправились въ школу, а Сашка въ рыжемъ картузѣ и рваной шубенкѣ стоялъ у своего дома, у запряженной лошади. Онъ снялъ картузъ и поклонился намъ. Мы что-то ему крикнули... Вышелъ Мишуковъ; они съ Сашкой сѣли въ телѣгу и поѣхали за дровами. Больше Сашку мы не видали.

Мишуковъ воротился изъ лѣса скоро и, вмѣсто дровъ, привезъ мертваго Сашку, прикрытаго рванымъ полушубкомъ.

Какъ стало потомъ извѣстно, Мишуковъ, по пріѣздѣ въ лѣсъ, оставилъ Сашку у лошади, а самъ отошелъ искать поудобнѣе подъѣздъ къ своей „четверкѣ“ дровъ. Когда Мишуковъ воротился, Сашка лежалъ навзничь у подножья старой дуплистой березы съ разбитой грудью и продавленной головой.

Лошадь перевернула телѣгу и съ „передками“ отбѣжала далеко въ сторону. Очевидно, она чего-нибудь испугалась, бросилась и пришибла Сашку колесами или ногой.

Мишуковыхъ Сашкина смерть сначала испугала, но они сразу успокоились, когда безусловно была установлена случайность этой смерти. Алексѣй Ивановичъ тоже скоро съ ней примирился; на другой день онъ такъ же равнодушно дѣлалъ Сашкѣ гробъ, какъ подшивалъ сапоги и починялъ поддевки... Меня съ Андрюшей, при первомъ извѣстіи, поразила не самая смерть Сашки, а ея особенность, необычайность. Насъ занимала мысль, какъ это Сашка остался съ лошадью, чего она испугалась и какъ его задавила. Ночью, когда мы остались одни и легли въ постели, мы долго не могли заснуть. Намъ все мерещился рѣдкій, облетѣвшій березовый лѣсъ; Сашка лежитъ у дерева и кровь течетъ изъ его разбитой груди...

Къ холоднымъ, равнодушнымъ мыслямъ незамѣтно примѣшалось какое-то щемящее, тягостное ощущеніе. Мы долго ворочались съ боку на бокъ.

— Андрюша, ты спишь?—тихо спросилъ я.

— Нѣтъ, а что?

— Какъ думаешь, Мишукову жалко Сашку?

— Нѣтъ, если бы онъ его жалѣлъ, онъ не зарылъ бы Кузьку,—резонно отвѣтилъ Андрюша.

Мы помолчали.

— Тебѣ хотѣлось бы увидѣть живого Сашку?—проговорилъ Андрюша.

— Еще бы!.. Я самъ хотѣлъ спросить тебя объ этомъ...

Мы встали утромъ съ красными глазами. Непонятное ощущеніе мучило насъ по прежнему, даже какъ будто сильнѣе давило на сердце. Такъ или иначе оно должно было разрѣшиться, мы это чувствовали.

И въ школѣ было скверно на душѣ. Точно мы совершили большую несправедливость; точно мы, и только мы были виноваты въ случайной смерти Сашки. Мать съ дѣдушкой замѣтили, что мы повѣсили носы.

— Сашку жалѣютъ, — сказалъ дѣдушка и кивнулъ въ нашу сторону головой.

— Да, дѣтки?—спросила мать. У насъ навернулись слезы на глаза.

Въ сумерки я тихо вышелъ изъ дома и незамѣтно для другихъ пробрался къ избѣ Мишукова; осторожно, будто охраняя важную тайну, вошелъ я во дворъ и проскользнулъ въ „клѣтку", гдѣ, какъ слышалъ, положенъ былъ Сашка. Въ переднемъ углу у темныхъ иконъ съ мѣдными потускшими сіяніями смутно горѣла лампада. Сашка, завернутый въ бѣлое, лежалъ на широкомъ черномъ столѣ. Лѣтомъ на этомъ столѣ мы и Сашка пили чай съ малиной. Я не чувствовалъ робости.

Вдругъ въ глубинѣ полутемной комнаты послышался шорохъ; я оглянулся и увидѣлъ блѣдное лицо брата...

Странная встрѣча не удивила насъ, но когда мы взглянули другъ другу въ глаза, туманная мучительная мысль-ощущеніе вылилась въ невыносимую жалость къ Сашкѣ.

Намъ было жаль не Сашку-раба, мы не думали, что теперь некому будетъ возить насъ въ коротняхъ, звонить въ каменные колокола и пр., намъ было жаль Сашку-человѣка. Глядя на его вытянутое короткое тѣльце, мы поняли и нашу, и общую несправедливость къ Сашкѣ.

Всѣ надъ нимъ смѣялись, били его, а кто, кромѣ безумной матери, пожалѣлъ и приголубилъ?

И вотъ, всѣ моменты жалости и любви, которые должны бы были выпасть на долю Сашки при его жизни, собрались въ груди нашей теперь, у мертваго его тѣла, и болѣзненно стѣснили наши маленькія сердца.

Мы прижались къ столу, опустили свои головы на его холодную черную доску и тихо заплакали жгучими, безпомощными слезами...

На третій день Сашку схоронили. Дорогою изъ Мурома случайно попала на похороны Аксинья Григорьевна.

Она плакала, какъ вполнѣ здоровая, и первая бросила комокъ земли на гробъ Сашки.

Уходя въ дальнюю, безконечную дорогу, она тихо говорила про себя:

— Больше не приду, разбойники, жалости въ васъ нѣтъ! Убили младенца! — и слезы туманили ея сѣрые, безумные глаза.

А. Сотсковъ.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой.

XV.

— Правая нога начинаетъ, лѣвая дѣлаетъ полуоборотъ направо. Итакъ, еще разъ! Разъ, два, три, разъ, два, три!

Бывшій герцогскій придворный танцмейстеръ Меркле давалъ урокъ танцевъ, и въ залѣ ресторана Шимеля собралось двѣнадцать студентовъ и столько же дѣвушекъ съ цѣлью научиться танцовать въ шесть уроковъ. Меркле взялся выполнить эту задачу и относился къ ней чрезвычайно серьезно. Онъ написалъ въ свое время книгу о танцахъ, и книга эта начиналась такъ: „Танцы, какъ искусство, представляютъ собою самое совершенное въ эстетическомъ отношеніи движеніе формъ; они являются символомъ пластической красоты. Танцы это—стремленіе придать тѣлу величайшую красоту, преобразить его граціей, придать ему эстетическое значеніе. Такова во всякомъ случаѣ точка зрѣнія, на которой стою я, какъ представитель современнаго искусства танцевъ“.

И онъ жилъ согласно своимъ принципамъ. Онъ никогда не ставилъ ноги на полъ рядомъ, какъ это дѣлается обыкновенно, а всегда ставилъ одну на кончикъ пальцевъ, изящно сгибая ее полукругомъ. Руки онъ не сжималъ въ кулаки и не засовывалъ въ карманы, не свѣшивалъ, какъ попало, такъ какъ именно рукамъ онъ придавалъ особое значеніе, считая, что ихъ задача—символически воплощать пластическую красоту въ движеніяхъ. Для этого онъ считалъ нужнымъ отдѣлять мизинецъ отъ другихъ пальцевъ и прижимать къ губамъ закругленный указательный палецъ. И хотя Меркле достигъ совершенства самъ, но прививать его другимъ оказалось безконечно труднымъ. Среди его учени-

ковъ были молодые люди, которые по строенію тѣла были ничуть не изящнѣе, чѣмъ молодыя лягавыя собаки. Имъ нужно было сдѣлать большое умственное напряженіе для того, чтобы двинуть рукой или ногой по указанію учителя. Никакія округленныя движенія у нихъ не выходили, затѣмъ они никакъ не могли научиться не притопывать каблуками при танцахъ и падали, какъ сраженные молніей, когда пытались удержаться на кончикахъ ногъ. А среди ученицъ Меркля нѣкоторыя чувствовали всю безпомощность своего пола именно въ тотъ моментъ, когда начинались танцы, и такъ крѣпко держались за своихъ кавалеровъ, точно нужно было перейти черезъ бурный потокъ или спастись изъ горящаго дома. И по отношенію къ нимъ тоже трудно было достигнуть, чтобы танцы ихъ стали символомъ пластической красоты. Но Меркле могъ всего добиться.

Онъ сдѣлалъ знакъ толстому господину, сидѣвшему за роялемъ, и тотъ сталъ играть вальсъ. Одинъ изъ молодыхъ людей безжалостно выхватилъ хорошенькую блондинку изъ круга ея подругъ, сталъ бѣгать вокругъ нея, толкая ее своими колѣнами, выгибая ей бока, и такъ трясъ ее, точно хотѣлъ вытрясти все, что въ ней было.

— Остановитесь!—Игра на рояли прекратилась.

— Поменьше горячности, молодой человѣкъ, — сказалъ Меркле.—Именно въ вальсѣ должна проявляться эластичность движеній, и все тѣло должно двигаться съ естественной граціей. Смотрите, вотъ такъ. Правая нога начинаетъ въ тактъ, лѣвая дѣлаетъ полуоборотъ направо.

Снова раздались звуки вальса. Молодой человѣкъ снова попытался одолѣть препятствія. Онъ стиснулъ губы, сталъ упорно глядѣть въ землю и такъ настойчиво топалъ ногами по одному мѣсту, точно долженъ былъ растоптать множество насѣкомыхъ. Затѣмъ онъ отшвырнулъ свои ноги, какъ бы не желая никогда больше видѣть ихъ, потомъ сталъ кружиться на мѣстѣ, какъ будто черезъ его тѣло продѣли желѣзный прутъ. А молодая блондинка прыгала при этомъ совершенно самостоятельно, такъ какъ никакъ не могла продѣлывать вмѣстѣ съ нимъ всѣ эти непредвидѣнныя движенія.

— Стойте!—скомандовалъ Меркле.—Нѣтъ, молодой человѣкъ, вамъ еще нужно поупражняться въ позиціяхъ. Вы недостаточно тверды въ движеніяхъ, чтобы вести даму. Другая пара. Пожалуйте!

Изъ рядовъ вышелъ высокій юноша и, вытянувъ руки, держалъ на почтительномъ разстояніи отъ себя свою краснощекую даму.

— Держитесь непринужденно!—училъ его Меркле.—Да-

ма должна прижиматься къ кавалеру съ естественной грацiей, но не слишкомъ нѣжно. Вотъ такъ—это ужъ ничего. Разъ, два, три, разъ, два, три. Хорошо! Браво! У васъ дѣло идетъ на ладъ, господинъ Мангъ, только еще побольше непринужденности.

Сильвестръ прошелся по всей залѣ и вышелъ съ честью изъ испытанiя; танцмейстеръ сказалъ ему: „Вы будете однимъ изъ лучшихъ танцоровъ на вечерѣ. Я былъ бы очень радъ, если бы и другiе дѣлали такiе успѣхи, какъ вы".

Все это общество упражнялось въ танцахъ вовсе не для того, чтобы придать тѣлу высшую красоту, а съ совершенно опредѣленной цѣлью. Студенческiй союзъ „Клiо" рѣшилъ устроить танцовальный вечеръ, и молодые члены союза готовились къ этому событiю. Сильвестра пригласилъ къ участiю въ урокахъ танцевъ и потомъ на вечерѣ одинъ изъ его школьныхъ товарищей. Онъ не далъ согласiя сразу, боясь, что можетъ вызвать пререканiя участiемъ въ столь суетномъ времяпрепровожденiи. Но старикъ Шратъ объяснилъ ему, что въ жизни очень важно умѣть при случаѣ повертѣть въ танцахъ хорошенькую дѣвушку, а его прiятель разсказалъ ему, что на вечерѣ будетъ избранное общество, что придутъ дочери ректора, дочери совѣтника Кюфеля, дочь купца Шпорнера. Тогда Сильвестръ еще разъ обсудилъ всѣ обстоятельства и далъ свое согласiе. Онъ ни разу не говорилъ съ Трудхенъ съ того знаменательнаго вечера. Видать ее ему приходилось за это время ровно два раза: онъ ясно помнилъ каждую изъ этихъ встрѣчъ.

Въ первый разъ онъ ее увидѣлъ за нѣсколько дней до Рождества, когда шелъ вечеромъ по Театинерштрассе. У оконъ магазиновъ толпились люди, разглядывая выставленные для подарковъ товары. Вдругъ передъ однимъ изъ магазиновъ онъ увидѣлъ изящную, статную даму и рядомъ съ нею стройную дѣвушку съ пышными волосами, свернутыми въ красивый узелъ. У Манга вдругъ сдѣлалось сердцебiенiе, и онъ остановился, какъ вкопанный, устремивъ глаза на мѣховую шапочку и на узелъ волосъ. Молодая дѣвушка случайно обернула голову и случайно встрѣтилась взглядомъ съ Мангомъ. Онъ поспѣшно снялъ шляпу, но слишкомъ оробѣлъ, чтобы внимательно взглянуть ей въ лицо. Кромѣ того, вся кровь бросилась ему въ голову, и у него шумѣло въ ушахъ. Все это вмѣстѣ съ сердцебiенiемъ затемнило ему взоръ, и онъ такъ и не зналъ, дѣйствительно ли она ему кивнула головой, дѣйствительно ли улыбнулась и покраснѣла, какъ ему показалось. Или это такъ казалось изъ-за разноцвѣтныхъ лампочекъ, горѣвшихъ въ окнѣ съ

выставленными товарами. Сильвестръ долго думалъ потомъ объ этомъ и никакъ не могъ придти къ рѣшительному выводу.

Второй разъ онъ ее встрѣтилъ третьяго января, на Максимиліановской площади. Сильвестръ шелъ съ своимъ ученикомъ, сыномъ Ганса Вейса изъ Пирмазенса. Онъ говорилъ ему какъ разъ о томъ, что диктаторъ Луцій Корнелій Сулла вовсе не былъ убійцей Юлія Цезаря, какъ предполагалъ его ученикъ, и что это подозрѣніе уже потому падаетъ само собой, что Корнелій Сулла умеръ, болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до убійства Цезаря. Но Сильвестръ вдругъ прервалъ свои историческія объясненія, замѣтивъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, показавшихся изъ-за угла. Онъ быстро снялъ шляпу и опять такъ растерялся, что не увидалъ, отнеслась ли фрейлейнъ Гертруда Шпорнеръ благосклонно къ его поклону. На этотъ разъ, однако, у него была возможность удостовѣриться въ этомъ. Когда онъ возобновилъ нѣсколько разсѣяннымъ тономъ свои разъясненія и сталъ распространяться о личности Корнелія Суллы, его ученикъ сказалъ:

— Она, кажется, ждала, что вы съ ней заговорите.

— О комъ вы говорите?

— О дѣвушкѣ, которой вы поклонились. Она даже остановилась передъ магазиномъ вмѣстѣ съ своей спутницей.

— Почемъ вы знаете, Джонъ? Нельзя заговаривать первому съ дамой—знайте это.

Сильвестръ сказалъ это такъ увѣренно, точно возвѣщалъ великую истину. Но внутренно онъ дѣлалъ себѣ величайшіе упреки. Онъ подробно рисовалъ себѣ въ воображеніи, какъ бы ему слѣдовало поступить и что бы изъ этого вышло. Онъ бы могъ, напримѣръ, сказать фрейлейнъ Гертрудѣ: „Я только хотѣлъ освѣдомиться о томъ, какъ поживаютъ ваши родители“, или же: „Позвольте мнѣ спросить, дѣлаете ли вы по прежнему такіе большіе успѣхи въ игрѣ на фортепьяно?“

Весьма вѣроятно, что фрейлейнъ Гертруда отвѣтила бы ему любезнымъ тономъ, и онъ могъ бы предложить еще нѣсколько вопросовъ: о здоровьи сначала ея отца, а потомъ ея матери и даже о томъ, какъ она сама поживаетъ. Сильвестръ твердо рѣшилъ не упустить слѣдующій случай и нарушить самымъ кореннымъ образомъ законъ, который онъ только что провозгласилъ въ назиданіе своему ученику. Но судьба предохраняла его отъ подобнаго безразсудства. Хотя онъ съ этихъ поръ избиралъ для прогулокъ со своимъ ученикомъ большей частью именно Максимиліановскую площадь,

но его объясненій уже ни разу болѣе не прерывало появленіе двухъ веселыхъ молодыхъ дѣвицъ, и онъ могъ безпрепятственно пополнять пробѣлы въ образованіи своего ученика.

Мысленно Сильвестръ становился все болѣе и болѣе предпріимчивымъ. Почему ему не ходить какъ можно чаще по Розенгассе и такимъ образомъ ни добиться во что бы то ни стало желанной встрѣчи. Вѣдь могъ же онъ, какъ всякій другой житель города, пройти какъ ни въ чемъ не бывало мимо магазина наслѣдниковъ Шпорнера и даже случайно взглянуть вверхъ, на третье окно въ первомъ этажѣ и столь же случайно увидать тамъ одного изъ членовъ семьи Шпорнеровъ.

Таковы были намѣренія Сильвестра Манга, и онъ твердо рѣшилъ осуществить ихъ; онъ даже доходилъ нѣсколько разъ до угла Розенгассе. Но съ этого пункта онъ каждый разъ поворачивалъ назадъ, потому что ему вдругъ приходили въ голову разные доводы противъ его предпріятія.

Одинъ разъ, однако, онъ собрался съ духомъ и съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица повернулъ на Розенгассе. Но шаги его все замедлялись по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому Шпорнеровъ. Онъ прошелъ мимо магазина, прижимаясь къ самой стѣнѣ, и быстро скользнулъ мимо двери, чтобы не попасться на глаза фрау Шпорнеръ, которая могла вѣдь, сидя у кассы, какъ разъ выглянуть въ эту минуту на улицу.

Ахъ, какъ пріятно пахло кофеемъ! Какъ привѣтливо сверкала мѣдная ручка дверей! И какъ весело курилъ свою трубку негръ на вывѣскѣ!

Сильвестръ рисовалъ себѣ въ воображеніи картину встрѣчи съ Шпорнерами: онъ отправится на балъ вмѣстѣ съ асессоромъ Шратомъ. Асессоръ Шратъ подойдетъ поздороваться съ семействомъ Шпорнеровъ, а Сильвестръ сможетъ воспользоваться этимъ, чтобы засвидѣтельствовать въ свою очередь свое почтеніе отцу, матери и дочери.

— Зачѣмъ мнѣ идти на балъ?—протестовалъ Шратъ.

— Ну, пожалуйста, пойдемте? Вамъ будетъ очень весело,— упрашивалъ Сильвестръ.

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ.

— Вы не пожалѣете, что пошли, ручаюсь вамъ. Гуфнагель говоритъ, что на балу будетъ очень избранное общество.

— А кто это Гуфнагель?

— Предсѣдатель союза „Кліо“. Студентъ филологическаго факультета.

— Филологъ? Это, конечно, доказываетъ, что онъ чело-

вѣкъ серьезный. И онъ ручается за то, что будетъ только самое избранное общество?

— Да, всѣ видные люди въ городѣ и высшая администрація.

— Вотъ какъ. А скажите, Сильвестръ, въ числѣ именитыхъ гражданъ, не придетъ ли также нѣкій Михаилъ Шпорнеръ? Меня это интересуетъ, потому что этотъ господинъ мой поставщикъ чая и табака.

Сильвестръ покраснѣлъ, старикъ Максъ Шратъ вынулъ трубку изо рта и разсмѣялся отъ души.

— Ахъ, вы, тихоня! Вотъ ужъ два дня, какъ вы мнѣ разсказываете про разныя великолѣпія и удовольствія, которыя ожидаютъ меня на балу, а про главное молчите.

— Я полагалъ...

— Вы полагали, что я пойду на балъ, чтобы поглядѣть опять на высопоставленныхъ лицъ?

— Такъ, значитъ, вы пойдете на вечеръ?

— Можетъ быть, ради васъ.

— Не могу вамъ выразить свою радость! Я вамъ безконечно благодаренъ.

— Но чего вы собственно ждете отъ моего посредничества. Хотите, чтобы я расхвалилъ всѣ ваши качества ея родителямъ.

— Нѣтъ, только будьте со мной на вечерѣ. При васъ я рѣшусь заговорить съ родителями.

— Хорошо. Говорите съ родителями, но не забудьте пригласить танцовать фрейлейнъ Гертруду. Я постараюсь поддержать хорошее настроеніе ея отца. Послѣ ужина легко завязать разговоръ. Я наведу его на бесѣду о разводкѣ чая.

Сильвестръ Мангъ почувствовалъ большое облегченіе, когда Шратъ далъ согласіе быть на балу. Онъ надѣялся, что асессоръ Шратъ послужитъ ему щитомъ противъ удивленныхъ взглядовъ Фрау Шпорнеръ и будетъ выразителемъ его искренняго преклоненія передъ нею, а также выяснитъ всѣ обстоятельства, оправдывающія его участіе въ подобнаго рода увеселеніяхъ.

Балъ состоялся въ залѣ самаго большого ресторана. Танцы начались въ восемь часовъ полонезомъ и закончились уже подъ утро котильономъ. Въ началѣ бала молодые люди отвѣшивали церемонные поклоны дѣвицамъ, дѣвицы смущенно поглядывали на кавалеровъ, а въ концѣ всѣ болтали самымъ непринужденнымъ образомъ. Въ началѣ съ лица танцмейстера Меркле не сходила страдальческая улыбка, а въ концѣ онъ сіялъ отъ удовольствія, радуясь, что все такъ хорошо наладилось.

Сильвестръ пришелъ очень рано. Онъ хотѣлъ подождать Шрата и пойти вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ послалъ его впередъ одного.

— Я хочу поужинать съ полнымъ спокойствіемъ,—сказалъ онъ,—и не хочу ставить на пробу вашего терпѣнія. Вы внутренно считали бы минуты, и я казался бы вамъ безсердечнымъ чудовищемъ. Идите одни и ждите меня на полѣ битвы.

Вскорѣ Сильвестръ и другіе члены союза „Кліо" стали у дверей залы въ ожиданіи гостей. Сильвестръ глядѣлъ на входящихъ съ замираніемъ сердца.

— Вотъ теперь,—думалъ онъ каждый разъ, когда отворялась дверь.—Нѣтъ, опять не она.—Онѣ началъ падать духомъ.

Они, по всей вѣроятности, не придутъ. Фрау Шпорнеръ, вѣроятно, узнала, что на вечерѣ будутъ люди, которымъ ей уже пришлось дѣлать внушенія, и, навѣрное, заявила, что имъ не подобаетъ быть на этомъ вечерѣ. Глубокій басъ Гуфнагеля вывелъ его изъ мрачныхъ размышленій.

— Мангъ, не пора ли, по твоему, начать приглашать дамъ?

Сильвестръ посмотрѣлъ на своего пріятеля, совершенно не понимая, что онъ говоритъ. Что ему до всего этого? Что для него весь этотъ балъ? Онъ отвѣтилъ что-то, и опять устремилъ глаза на дверь, которая въ эту минуту какъ разъ снова открылась. Наконецъ-то—вотъ и они! Въ залу вошла величественная фрау Шпорнеръ. Ея шелковое платье шуршало такъ, какъ можетъ себѣ позволить шуршать лишь очень плотный и дорогой шелкъ. За нею появилась молодая дѣвушка въ бѣломъ; глаза ея стали сейчасъ же искать кого-то въ залѣ и весело блеснули, когда остановились на Сильвестрѣ. Затѣмъ явился въ длинномъ черномъ сюртукѣ и добродушнѣйшій папаша.

Не было больше сомнѣній: фирма Шпорнера пришла на балъ. Сильвестръ стоялъ въ нерѣшительности. Что дѣлать: поспѣшить ли имъ навстрѣчу и поздороваться съ родителями? Тѣмъ временемъ успѣлъ явиться столь нетерпѣливо ожидаемый Шратъ. Сильвестръ бросился ему навстрѣчу, очень взволнованный.

— А я ужъ боялся, что вы опоздаете,—сказалъ онъ.—Пора приглашать дамъ, дольше откладывать нельзя.

— Развѣ ужъ такъ поздно? А именитое семейство уже прибыло?

— Да.

— Ну, такъ отправимся къ нимъ.

Храбрость, съ которою Шратъ направился къ Шпорнерамъ, поразила Сильвестра. Встрѣча вышла очень радуш-

ной. Фрау Шпорнеръ, повидимому, искренно обрадовалась Шрату.

— Какъ? это вы, господинъ асессоръ!—сказала она.— Какъ я рада васъ видѣть! Вотъ ужъ не ожидала встрѣтить васъ здѣсь.

— Это звучитъ почти упрекомъ и глубоко меня огорчаетъ. Но позвольте мнѣ представить вамъ моего молодого друга, господина студіозуса Манга.

— А, господинъ Мангъ! Какъ вы поживаете? Почему васъ совсѣмъ не видно?

У папаши Шпорнера была плохая память, и онъ совершенно не умѣлъ владѣть своими чувствами, не умѣлъ держать ихъ въ должныхъ границахъ. Онъ такъ сердечно жалъ руку Сильвестру, точно ему никогда не внушали, что нужно вести себя осторожно съ людьми. Затѣмъ самымъ непринужденнымъ образомъ спросилъ молодого человѣка, почему онъ вдругъ пересталъ приходить къ нимъ.

Можетъ быть, такой образъ дѣйствія заслуживалъ справедливыхъ упрековъ, но, во всякомъ случаѣ, это сразу сломило ледъ. Фрау Софія заговорила съ нимъ очень милостиво, Гертруда весело смѣялась, и Сильвестръ ощутилъ въ себѣ необычайный приливъ храбрости. Когда прозвучалъ призывъ къ полонезу, онъ безстрашно предложилъ свою руку фрейлейнъ Гертрудѣ и такъ увѣренно провелъ ее черезъ ряды гостей, что кандидатъ Гуфнагель былъ въ высшей степени изумленъ при видѣ его смѣлости.

Сильвестръ былъ счастливъ, но счастье не дѣлало его разговорчивымъ. Онъ шелъ молча рядомъ съ своей дамой и радовался тому, что ея маленькая ручка покоится на его рукѣ. Разъ они встрѣтились глазами, и тогда оба покраснѣли. Помолчавъ, Сильвестръ сказалъ:

— Я послѣ того вечера видѣлъ васъ всего два раза.

— Во второй разъ на Максимиліановской площади,—отвѣтила Гертруда, улыбаясь.

— Да, я хотѣлъ съ вами заговорить и спросить, какъ вы поживаете.

— Почему же вы этого не сдѣлали?

— Я былъ не одинъ, и съ вами тоже была другая дѣвушка.

— Это была моя подруга, Кэти Гаукъ. Она сегодня тоже здѣсь. Вы должны непремѣнно потанцовать съ нею.

— Съ удовольствіемъ.

— Съ какихъ это поръ вы стали танцовать? Вы мнѣ прежде говорили, что вамъ никогда не приходилось танцовать.

— Я теперь научился.

— Мама, кажется, была удивлена, встрѣтивъ васъ на балу.

— И вы тоже удивились?

Гертруда слегка покраснѣла, а потомъ весело разсмѣялась.

— Я знала, что вы будете. Мнѣ сказала Кэти Гаукъ, а она, кажется, узнала отъ господина Гуфнагеля или отъ его сестры. Но вотъ начинается вальсъ.

Сильвестръ поклонился по правиламъ, преподаннымъ Меркле, затѣмъ взялъ Трудхенъ за талію и храбро завертѣлъ ее. Когда вальсъ кончился, онъ отвелъ ее къ родителямъ, поговорилъ съ ними, попросилъ представить его фрейлейнъ Гаукъ и велъ себя съ такой простотой и увѣренностью, что Шратъ только радовался, глядя на него. Фрау Шпорнеръ тоже стала разглядывать его съ особеннымъ вниманіемъ. Она видѣла, что онъ измѣнился и скорѣе къ лучшему, въ чемъ она должна была сознаться. Но вся его манера держаться подтверждала въ ней одно предположеніе на его счетъ. Она обратила вниманіе на нѣсколько сдѣланныхъ вскользь замѣчаній старика Шрата и замѣтила въ нихъ не только сердечное отношеніе къ Сильвестру, но и совершенно опредѣленное намѣреніе. Онъ какъ будто хотѣлъ дать понять, что кандидатъ богословія вовсе не долженъ непремѣнно сдѣлаться священникомъ. Эти замѣчанія онъ дѣлалъ шутливымъ тономъ, какъ бы невзначай, не придавая имъ значенія, но у фрау Шпорнеръ былъ тонкій слухъ.

Про Михаила Шпорнера этого нельзя было сказать. Михаилъ Шпорнеръ ничего не подозрѣвалъ и клялся, что никакія сплетни злой старой дѣвы не помѣшаютъ ему принимать у себя самымъ радушнымъ образомъ милыхъ молодыхъ людей, обладающихъ музыкальными талантами.

А балъ продолжался своимъ чередомъ. Меркле былъ очень доволенъ тѣмъ, что общее настроеніе становилось все болѣе и болѣе оживленнымъ. Кавалеры уже не придумывали съ выраженіемъ муки на лицѣ темъ для разговора, у дѣвицъ не было на лицахъ похороннаго выраженія, съ которымъ приходятъ навѣщать людей въ горѣ. Онѣ были благодарны за каждую шутку и весело смѣялись въ отвѣтъ. Сильвестръ завертѣлся въ бальномъ весельи, и со всѣхъ сторонъ слышались похвалы ему. Одну кадриль онъ не танцовалъ, а глядѣлъ, какъ танцуютъ другіе, любуясь красивымъ зрѣлищемъ.

Шратъ подошелъ къ нему.

— Ну, вы молодецъ сегодня. Весело вамъ?

— Очень. А вамъ?

— Ничего. Господинъ Шпорнеръ становится все разговорчивѣе. Мы ужъ стали бесѣдовать о культурѣ чая.

— Обо мнѣ онъ вамъ ничего не говорилъ?

— О васъ? Нѣтъ.

— А вы?

— Вы хотите спросить, пѣлъ ли я вамъ хвалы? Нѣтъ, это могло бы показаться подозрительнымъ, дорогой мой. Вы знаете, что когда чувствуется преднамѣренность, то цѣль не достигается.

— Я не объ этомъ спрашивалъ васъ. Я хотѣлъ бы знать, не удивленъ ли господинъ Шпорнеръ моимъ присутствіемъ на балу. Не кажется ли оно ему страннымъ?

— Кому это? Михаилу Шпорнеру?

— Ну да. Или его женѣ.

— Этотъ вопросъ имѣетъ больше основанія. Но кажется, она не осуждаетъ васъ за присутствіе на балу. Можетъ быть, она думаетъ, что вы хотите взглянуть на міръ въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ окончательно уйти изъ него.

— Она такъ говорила? Прямо или намеками?

— Нѣтъ. Вамъ, очевидно, непремѣнно хочется узнать, о чемъ говорилось за нашимъ столомъ. Я же вамъ говорю: мы дошли до разводки чая.

— Что они будутъ думать обо мнѣ, когда узнаютъ о моемъ рѣшеніи?

— О томъ, что вы хотите распрощаться съ богословской мудростью?

— Да. Вдругъ они подумаютъ, что я дѣйствую изъ суетной жажды удовольствій?

— Что-жъ, я долженъ сказать, что вы обнаруживаете большой талантъ къ преуспѣванію въ мірскихъ дѣлахъ. Я наблюдалъ за вами сегодня, и совершенно пораженъ.

— Нѣтъ, скажите серьезно, господинъ Шратъ, меня они не осудятъ за то, что я сегодня пошелъ на балъ?

— Зависитъ отъ того, кто. Фрейлейнъ Гертруда, кажется, не разочаруется изъ-за этого въ васъ. Михаилъ Шпорнеръ, тоже кажется, не слишкомъ строгій судья въ данномъ случаѣ, ну, а фрау Софія...

— Она подумаетъ, что у меня очень легкомысленный характеръ...

— Фрау Шпорнеръ умная женщина, умнѣе многихъ мужчинъ. Это можетъ оказаться полезнымъ для васъ въ серьезныхъ дѣлахъ, и не повредитъ вамъ, когда дѣло идетъ о пустякахъ.

— Вы полагаете?

— Относительно сегодняшняго вечера я ничего не знаю. Я только хочу сказать, что фрау Шпорнеръ принадлежитъ

къ людямъ, уваженіе которыхъ можно снискать серьезными достоинствами. Для васъ все это далекое будущее, но важно и то, что это возможно. А теперь давайте смотрѣть на танцы.

Сильвестръ задумался и разсѣянно оглядывалъ залу. Меркле дирижировалъ:

— La main droite! La main gauche. Balancez en ligne!

— Въ мое время этого танца еще не знали,—сказалъ Шратъ.—Вѣдь это не танцы, а какая-то маршировка. Что это тамъ за долговязый дѣтина? Какъ бы онъ не затопталъ свою даму на смерть!

— Это Гуфнагель.

— Филологъ? Ну, конечно. Эти господа не измѣнились съ моего времени.

Послѣ котильона фрау Шпорнеръ заявила, что пора домой. Шратъ и Сильвестръ ушли съ вечера вмѣстѣ съ ними. Когда они всѣ вмѣстѣ вышли на улицу, Шратъ сжалился надъ своимъ другомъ: онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы еще пройтись, и предложилъ проводить семью Шпорнеровъ домой. Февральская ночь была совсѣмъ теплая, и идти пѣшкомъ было очень пріятно. Онъ округлилъ руку и предложилъ ее фрау Шпорнеръ. Мужъ ея пошелъ съ правой стороны. Гертруда и Сильвестръ пошли впередъ.

— Я никогда не забуду этого вечера,—сказалъ Сильвестръ.

— Да, было очень пріятно.

— Но теперь онъ кончился. Какъ знать, когда я опять...

Онъ не докончилъ фразы и вздохнулъ. Онъ рѣшилъ сказать молодой дѣвушкѣ о своихъ планахъ на будущее, сказать ей, что не сдѣлается священникомъ.

— Фрейлейнъ Гертруда!..

— Что?

— Если вы нѣчто узнаете про меня, вы не будете худого мнѣнія обо мнѣ?

— Что же я узнаю?

— Я... я, кажется, не буду священникомъ.

Наконецъ, это сказано. Сильвестръ облегченно вздохнулъ. Онъ робко взглянулъ на Гертруду, но она не встрѣтилась съ нимъ взглядомъ. А такъ какъ голова ея была закутана платкомъ, и такъ какъ было довольно темно, то онъ не могъ увидѣть, что она покраснѣла до корней волосъ.

Сильвестръ снова заговорилъ. Теперь онъ могъ бы говорить безъ конца.

— Вы не будете дурного мнѣнія?

— Я никогда не думаю дурно о васъ.

— Я вѣдь не легко принялъ это рѣшеніе. Но я чувствую, что не могу быть священникомъ.

— Въ такомъ случаѣ вы и не должны насиловать себя.

Она взглянула ему прямо въ лицо. Въ ея темныхъ глазахъ было очень серьезное выраженіе. Она точно хотѣла ему внушить, что онъ долженъ довести свое рѣшеніе до конца.

Больше они ничего не сказали другъ другу.

Вскорѣ они подошли къ дому Шпорнеровъ. Шратъ съ родителями пришли вслѣдъ за ними, и Сильвестръ попрощался съ семьей; онъ пожалъ руку фрейлейнъ Гертрудѣ, поглядѣлъ ей вслѣдъ, и поглядѣлъ на дверь, которая медленно закрылась за нею.

XVI.

Мартъ стоялъ теплый. Идя въ гору за плугомъ, эрльбахцы снимали по дорогѣ куртки и утирали потъ съ лица. Бѣлые рукава рубахъ развѣвались по вѣтру, выдѣляясь веселымъ пятномъ на фонѣ голубого неба. Бѣлыя березы на опушкѣ лѣса тянулись навстрѣчу солнцу, луга покрыты были желтыми цвѣтами. На вспаханныхъ поляхъ виднѣлись большія красныя пятна; присмотрѣвшись, можно было различить, что это головные платки женщинъ, которыя, стоя на колѣняхъ, сажали картофель.

Въ воздухѣ чувствовалось бодрое, веселое настроеніе. Шедшіе за плугомъ останавливались каждый разъ въ концѣ полосы и перекликались съ сосѣдями, радуясь теплу и солнцу.

И въ самой деревнѣ тоже закипѣла работа. Въ огородахъ работали старики: копали грядки и сажали овощи. Началась также чистка и уборка домовъ. Жена Клойбера выбѣлила кухню, у Весбрунера старикъ отецъ выкрасилъ наново ставни, Гейтнеръ нанялъ двухъ каменщиковъ, чтобы какъ слѣдуетъ ремонтировать домъ. А въ другихъ домахъ женщины вывѣшивали бѣлье или мыли окна. Старики, которые уже не могли участвовать въ общей работѣ, выходили на воздухъ и, щуря глаза, глядѣли на солнце.

Вышла подышать весеннимъ воздухомъ и Вероника Мангъ, мать Сильвестра. Она расхворалась въ послѣднее время, обострилась прежняя болѣзнь. Прежде у нея только ноги пухли, а теперь болѣзнь подступала къ сердцу, и ей становилось тяжело дышать. За ней ухаживала сосѣдка Веберша и разсказывала по всей деревнѣ, что Вероника удивительно терпѣливо переноситъ страданія, не позволяя даже сообщить сыну, что ей стало хуже.

— Можетъ, полегчаетъ,—говоритъ она,—такъ зачѣмъ его безпокоить напрасно. Ну, а станетъ хуже, я скажу, когда время придетъ.

Веберша думала, что едва ли Вероника поправится. Очень ужъ она измѣнилась, стала задумываться и сама съ собой говорить—да такъ тихо, что ничего не понять, и нравъ совсѣмъ другой сталъ, не такой строптивый, какъ прежде, теперь она сдѣлалась такой кроткой, уступчивой. Ну, а когда у больного человѣка характеръ мѣняется, то это плохой признакъ.

Булочница Марія Ульрихъ говорила, что знаетъ, почему загрустила Вероника: сынъ ея, Сильвестръ, отказался стать священникомъ. Булочница прибавляла, что этого можно было ожидать: молодой Мангъ никогда не выказывалъ большого благочестія. Пріѣзжая домой, онъ рѣдко ходилъ въ церковь въ будни и совсѣмъ не заходилъ въ домъ къ священнику и его помощнику—не то, что при прежнемъ священникѣ Хельдѣ. У того онъ по цѣлымъ днямъ торчалъ; но могъ ли онъ укрѣпиться въ истинныхъ христіанскихъ правилахъ, слушая его,—этого, по словамъ булочницы, утверждать нельзя.

Такъ вотъ изъ-за чего, по ея мнѣнію, заболѣла Вероника Мангъ. Она такъ гордилась тѣмъ, что сынъ у нея будетъ духовнымъ лицомъ, такъ расписывала всѣмъ, какая ее ожидаетъ счастливая жизнь, такъ важничала, точно ужъ дѣйствительно она мать священника и живетъ съ нимъ въ его домѣ. А вдругъ ничего изъ этого не вышло... и кузенъ изъ Пазенбаха, вѣрно, откажется помогать Сильвестру.

Такъ толковала булочница Марія Ульрихъ, и деревенскія кумушки жалостливо поглядывали черезъ заборъ на бѣдную Веронику, которая сидѣла на солнцѣ и все не могла согрѣться.

— Вездѣ вѣдь горе на свѣтѣ,—продолжала булочница Марія Ульрихъ,—куда ни поглядишь!—Обращаясь къ женѣ Цвергера, булочница спросила, слыхала ли она о томъ, что случилось съ Фестовой Урсулой.

Третьяго дня она ужъ родила ребенка, а до сихъ поръ онъ еще не крещенъ. И говорятъ, что Фестъ рѣшилъ совсѣмъ его не крестить, такъ онъ ненавидитъ христіанскую вѣру. Одинъ ребенокъ у него ужъ лежитъ не крещеный за кладбищенской стѣной—и, какъ знать, можетъ, онъ тогда тоже нарочно не окрестилъ его во время.

Но если такъ будетъ продолжаться, если въ Эрльбахѣ будутъ ростить язычниковъ, то, навѣрное, на всю деревню обрушится гнѣвъ Божій.

У Цвергерши выразился на лицѣ такой ужасъ отъ сообщенія булочницы, что и другія хозяйки захотѣли узнать, въ чемъ дѣло. Онѣ бросили каждая свою работу и окружи-

ли булочницу. Кучка любопытныхъ все разросталась. Дѣти, игравшія на улицѣ, разбѣжались по домамъ и сообщили матерямъ, что у булочной собралось много народа. Матери вышли на улицу, прикрыли глаза рукой отъ солнца и поглядѣли вдаль. Видя, что дѣйствительно у булочной какое-то сборище, онѣ быстро надѣли передники и поспѣшили туда.

Веберша тоже не могла дольше сдержать своего любопытства. Она сказала Вероникѣ, что сейчасъ вернется, и ушла. Когда она возвращалась обратно, ее сопровождала Весбрунерша, и онѣ останавливались каждыя пять минутъ и глядѣли другъ на дружку испуганными глазами.

— О чемъ люди говорили?—спросила Вероника слабымъ голосомъ.

— У Фестовой Урсулы родился сынъ, а Фестъ не хочетъ крестить. Пусть, говоритъ, будетъ язычникомъ—на зло священнику.

— Кто это разсказываетъ?

— Булочница, Марія Ульрихъ.

— Ну, она мало ли что болтаетъ. Я ей не вѣрю.

— Нѣтъ, это правда. Она, навѣрное, знаетъ. Да и такъ во всемъ Эрльбахѣ извѣстно, что Фестъ отказался отъ христіанской вѣры и пересталъ ходить въ церковь.

— Ну, чего это всѣ на него взъѣлись! Оставили бы его лучше въ покоѣ. Прежде никогда про него ничего худого не слыхать было.

— Не хвалить же его за то, что онъ язычниковъ ростить!

Вероника слегка покачала головой и стала бормотать что-то невнятное.

— Недолго она протянетъ,—говорила потомъ Веберша.— Не къ добру это. Прежде, когда кого ругать начинали, она донимала хуже всѣхъ. А теперь вдругъ какая кротость нашла. Не долго ей жить на свѣтѣ!

Булочница не соврала, сказавъ, что Урсула родила мальчика. Онъ достаточно громко кричалъ, чтобы можно было сомнѣваться въ его появленіи на свѣтъ. Жена Феста ухаживала за дочкой во время родовъ и, по женской добротѣ, была съ ней особенно добра и ласкова. А когда бабка понесла ребенка крестить въ церковь, то и бабушка новорожденнаго пошла вмѣстѣ съ ней, чтобы присутствовать при томъ, какъ ея внукъ будетъ принятъ въ лоно католической церкви.

Имъ пришлось долго ждать священника Бауштетера. Наконецъ, онъ явился и заявилъ, что назоветъ ребенка при крещеніи Симплиціемъ.

— Это почему?—спросила жена Феста.—У насъ рѣшено назвать его Андреемъ.

Священникъ возразилъ, что до ихъ рѣшеній и желаній

ему никакого дѣла нѣтъ. Мальчикъ родился второго марта, въ день святого Симплиція, а у него постановлено разъ навсегда, что незаконнорожденнныя дѣти будутъ носить имя святого, въ день котораго они родились.

Крестьянка продолжала протестовать, говоря, что такого имени она отъ роду не слыхивала, что внукъ ея будетъ посмѣшищемъ на всю жизнь, если его такъ назовутъ, и что на это они никакъ не могутъ согласиться.

— Напрасно,—сказалъ священникъ.—Если благочестивый, чтимый нашей церковью, папа носилъ имя Симплиція, то оно подавно годится для мальчика, у котораго нѣтъ законнаго отца. А затѣмъ я не желаю выслушивать никакихъ возраженій и окрещу мальчика, какъ сказалъ.

Жена Феста начала опять его упрашивать.

— Пожалѣйте насъ!—сказала она.—Уже то, что этотъ ребенокъ родился, для насъ несчастіе, вы отлично знаете, что у насъ за жизнь стала. Хозяинъ мой ходитъ по дому и ни съ кѣмъ не говоритъ, а Урсула плачетъ по цѣлымъ днямъ изъ-за того, что отецъ не хочетъ и смотрѣть нее. А тутъ еще я приду и скажу, что мальчику дали такое имя! Нѣтъ, ни за что...

— Да, я знаю, что у васъ въ домѣ воцарился духъ строптивости. Но почему вы такъ волнуетесь? То, что ребенку дадутъ такое имя, вовсе не стыдно. Стыдно только, что онъ родился внѣ брака.

— Мало ли у насъ родится дѣтей у незамужнихъ! Благослови ихъ Господь. Если родилось дитя, нужно благодарить за него Бога.

— Если хотите, чтобы я совершилъ обрядъ крещенія надъ ребенкомъ, то перестаньте спорить. Я назову его Симплиціемъ, и дѣло съ концомъ. Всѣхъ незаконныхъ дѣтей я называю по святому, въ день котораго они рождаются, и для васъ исключенія не сдѣлаю. А если вы не согласны, то я вовсе отказываюсь крестить.

— Господи помилуй!—стала причитать и плакать крестьянка.—Какъ я скажу Андрею? И почему это на насъ всѣ бѣды сыплются одна за другой. Чѣмъ мы хуже другихъ? Вѣдь я хожу въ церковь каждый праздникъ, какъ всѣ. Дочка тоже не виновата, что у васъ съ отцомъ не лады. Не позорьте же вы насъ! А то онъ скажетъ: „Ну, что-жъ. Пусть не креститъ“. Опять бѣда будетъ!

Бабка тоже вмѣшалась и стала просить священника, чтобы онъ уступилъ и окрестилъ младенца Андреемъ. Но онъ крикнулъ ей, чтобы она не вмѣшивалась не въ свое дѣло, а плачущей крестьянкѣ заявилъ, что въ угоду ея мужу своихъ правилъ мѣнять не будетъ.

— И вообще ужъ сегодня я крестить не намѣренъ,—приба-

вилъ онъ.—Приходите завтра. А если до тѣхъ поръ что приключится съ младенцемъ, то на вашей душѣ грѣхъ... А вы знаете, что это значитъ!

Сказавъ это, священникъ повернулся и ушелъ. Жена Феста долго глядѣла ему вслѣдъ и вытирала себѣ передникомъ слезы.—Ну, что-жъ, пойдемъ,—сказала она. Проходя черезъ кладбище, она остановилась и стала громко плакать.

— Ну, куда я теперь пойду?—сказала она.—Хозяинъ на полѣ и до ночи не вернется. Урсула лежитъ въ постели, и я не могу ей сказать, что ребенка хотятъ окрестить дурацкимъ именемъ. Куда мнѣ идти?.. Умереть бы поскорѣй... успокоилась бы хоть я тогда! А то вѣдь опять бѣды не оберешься.

— Сходи къ священнику въ Ауфгаузенъ,—посовѣтовала бабка.—Можетъ, онъ дастъ совѣтъ, скажетъ, должны ли вы соглашаться на такое имя.

— Да какъ же я пойду такъ далеко? Работники на полѣ, и нужно, чтобы кто-нибудь дома оставался. Да и лошадей кормить пора.

— Я бы охотно пошла, да не сумѣю сказать, что нужно. А у тебя никого нѣтъ, кто бы сходилъ туда, сдѣлалъ тебѣ одолженіе?

— Портной Габерль пошелъ бы,—сказала крестьянка.—Не охота мнѣ только просить его: не знаю, сумѣетъ ли онъ сказать, что нужно. Ну, да всетаки пойду попрошу. А ты куда дѣнешься съ ребенкомъ? Идти домой еще рано: Урсула испугается, догадается, что неладное что-то случилось.

— Я зайду въ трактиръ и тамъ подожду тебя. Все равно вѣдь послѣ крестинъ всегда заходятъ выпить.

— Хорошо. Пойди выпить кружку пива, а я скорехонько сбѣгаю туда и назадъ.

Жена Феста пошла къ Габерлю, а бабка въ трактиръ. Она положила ребенка на столъ, и изъ-за печки къ ней вышла кельнерша съ заспанными глазами.

— А, это ты!—сказала она, узнавъ бабку.—Съ крестинъ? А много народу еще придетъ?

— Нѣтъ, я одна. Ребенокъ не отъ вѣнчанныхъ родителей, это сынъ Фестовой Урсулы.

— Вотъ оно что, Урсулы! А отецъ—Ксаверій Хирангль, значитъ? Тебѣ что принести, пива?

— Да, и кусокъ сыра.

Кельнерша вышла и быстро вернулась. Поставивъ кружку пива на столъ передъ бабкой, она стала разглядывать ребенка, который глядѣлъ въ потолокъ удивленными глазами.

— Такъ это и есть ребенокъ Урсулы? Говорятъ, Ксаверій не будетъ платить, откажется признать, что ребенокъ его.

— А славный мальченка, большой, толстый. Какъ его звать?

— Да никакъ. Его еще не окрестили. Мы пошли въ церковь крестить, а священникъ придумалъ какую-то смѣшную кличку: Симпли или Симпи, что-то вотъ такое. Говоритъ, что ребенокъ родился въ день этого святого и есть такой законъ, чтобы назвать его по святому. Не то совсѣмъ не станетъ крестить.

— Да что ты? Никогда я ничего такого не слыхала.

— Не долго живешь у насъ въ Эрльбахѣ, оттого и не слыхала. Три года тому назадъ была такая же исторія. Родилась дѣвочка у незамужней, и священникъ окрестилъ ее Бибіаной. Правда, дѣвчонка умерла черезъ нѣсколько дней, такъ что бѣды никакой не было. Но у насъ тогда много говорили объ этомъ.

— Со мной бы этого не посмѣли сдѣлать.

— Что тамъ не посмѣли!—возразила бабка, засовывая въ ротъ послѣдній кусокъ сыра. — Разъ священникъ рѣшилъ, что съ нимъ подѣлать.

— Я бы ругалась и заставила сдѣлать по своему.

— Мать Урсулы была со мной въ церкви, просила и плакала, а священникъ разсердился и сказалъ, что совсѣмъ не станетъ крестить ребенка.

Маленькому Фесту, видно, стало очень скучно и боязно лежать на столѣ, глядя въ потолокъ. Онъ сморщилъ личико и собрался плакать, но бабка быстро успокоила его, сунувъ въ ротъ соску. Онъ опять поднялъ глаза вверхъ съ серьезнымъ лицомъ, точно раздумывая, примириться ли ему съ именемъ Симплиція.

Кельнерша вынула изъ волосъ шпильку, стала ковырять ею въ зубахъ и перевела разговоръ на Ксаверія, который будто бы отказывается признать ребенка своимъ и платить за его содержаніе и говоритъ, что не онъ одинъ былъ любовникъ Урсулы. Бабка возмутилась.

— Ишь вѣдь какой безстыдникъ!—сказала она.—Всѣ они хороши, нечего сказать! И дуры вѣдь вы, дѣвушки, что вѣрите имъ... Однако мнѣ пора. Вотъ и мать Урсулы вернулась.

Бабка заплатила за пиво и сыръ, взяла ребенка и вышла. У самыхъ дверей она столкнулась съ женой Феста.

— Я готова,—сказала она.—Идемъ домой. А что, застала ты Габерля?

— Да, онъ сегодня же пойдетъ къ священнику въ Ауфгаузенъ.

— Вотъ видишь, какъ я хорошо придумала. Онъ, навѣрное, все уладитъ.

— Давай Богъ. Пойдемъ скорѣе, чтобы никто по дорогѣ не заговорилъ съ нами. Крестьянка пошла быстрыми шагами. Лицо у нея было красное отъ слезъ и волненія, и ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь это замѣтилъ. Придя домой, она послала бабку къ Урсулѣ.

— Только ты ей ничего не разсказывай,—сказала она.— Спрашивать она вѣдь не станетъ. Ей и въ голову не придетъ, что отказали крестить ребенка. Ну, а спроситъ, почему мы замѣшкались, скажи, что священника долго ждать пришлось.

Крестьянка переодѣлась и пошла въ хлѣвъ доить коровъ. Она сѣла на табуретъ и поставила ведерко промежъ колѣнъ. Сначала мысли ея были заняты новымъ горемъ, свалившимся на нее. Но работа не терпитъ, чтобы думали о постороннемъ, и она вскорѣ забыла о своихъ заботахъ и стала спокойно и внимательно цѣдить молоко въ ведерко.

Было ужъ совсѣмъ темно, когда Фестъ вернулся съ поля. Онъ очень усталъ за день и крикнулъ женѣ въ кухню, что хочетъ сейчасъ же поужинать и скорѣе лечь спать.

— Нѣтъ, ужъ ты погоди ложиться спать,—отвѣтила жена.— Вечеромъ придетъ Габерль.

— Не праздничное теперь время, чтобы разговоры разговаривать.

— Онъ долженъ тебѣ кое-что сказать. Онъ ходилъ въ Ауфгаузенъ, къ священнику.

— А мнѣ что за дѣло до этого?

— Выслушай, прежде чѣмъ кричать. Онъ пошелъ спросить насчетъ ребенка Урсулы.

— Я объ этомъ и слышать не хочу.

— Вотъ какъ! Я одна за все отвѣчай!

Бѣдная женщина вспомнила обо всемъ, что она перенесла за день, и ей это показалось еще болѣе ужаснымъ: вотъ и дома родной мужъ на нее же еще кричитъ!.. Она стала такъ рыдать, что Фестъ съ безпокойствомъ взглянулъ на нее.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Еще спрашиваетъ!—сказала она.—Всѣ мной помыкаютъ, какъ тряпкой, а тебѣ и дѣла нѣтъ. Опостылѣла мнѣ жизнь!

— Да я только сказалъ, что мнѣ нѣтъ дѣла до Урсулы и ея ребенка.

— Да я-то чѣмъ виновата, что она попалась, какъ дура. А она всетаки хорошая дѣвушка, и нельзя такъ измываться надъ нею.

— Въ чемъ дѣло? Говори же, наконецъ.

— Да въ томъ, что священникъ не хочетъ крестить ребенка!

Заливаясь слезами, крестьянка начала свой разсказъ.

— Вотъ пришли мы въ церковь, а онъ долго не прихо-

дилъ. Потомъ пришелъ и сказалъ, что долженъ назвать ребенка Симпи, потому что онъ родился второго марта. А я ему на это говорю, что не позволю дать ребенку такое имя, чтобы всѣ потомъ надъ нимъ смѣялись. А онъ сказалъ, что ему все равно, и что если я не согласна, такъ онъ совсѣмъ крестить не станетъ. Потомъ опять сказалъ, что по закону ребенокъ долженъ быть названъ Симпи.

— А ты что?

— Я сказала, что сама рѣшить не могу, и должна пойти спросить домой. А ты теперь говоришь, что тебѣ нѣтъ дѣла и что тебя это не касается!

— Не хнычь ты, ради Бога! Этимъ дѣлу не пособишь. Значитъ, ребенка не окрестили?

— Конечно же, нѣтъ. Мы такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— А портной Габерль тутъ при чемъ?

— Бабка посовѣтовала сходить спросить у священника въ Ауфгаузенѣ; онъ, навѣрное, знаетъ, имѣетъ ли нашъ священникъ право отказаться крестить. Ну, я пошла просить Габерля, чтобы онъ послалъ кого-нибудь въ Ауфгаузенъ. А онъ сказалъ, что самъ пойдетъ. Онъ знаетъ тамошняго священника, тотъ ему скажетъ всю правду.

— Да развѣ Бауштетеръ справляется, можно ли или нельзя. Онъ какъ разъ и норовитъ сдѣлать то, что противъ закона. Но ужъ я этого не потерплю!

Послѣднія слова Фестъ крикнулъ во весь голосъ и, взявъ глиняный горшокъ съ плиты, бросилъ его на полъ съ такой силой, что онъ разбился въ дребезги.

Жена стала усмирять его, говоря, что его крикъ услышатъ на улицѣ, но онъ не унимался.

— Ну, и пусть всѣ слышатъ!—кричалъ онъ.—Что я ему за дуракъ дался, чтобы онъ помыкалъ мною, какъ хочетъ! Если все дозволено, такъ я его такъ исколочу, что онъ будетъ помнить. Иначе съ нимъ не раздѣлаться. А ребенка я не дамъ ему крестить, такъ и знай.

— Да стоитъ ли оттягивать время? Все равно потомъ придется уступить.

— Этимъ именемъ я не позволю его назвать. Что бы тамъ въ Ауфгаузенѣ ни сказали, мнѣ все равно. Я не позволю попу глумиться надъ нами. Пусть лучше Урсула изъ дому уходитъ, пусть уѣзжаетъ куда-нибудь въ другое мѣсто и тамъ окреститъ ребенка.

— Да ну тебя,—урезонивала Феста жена.—Чего ты такъ взбѣсился? Угораздило же меня разсказать тебѣ!

— Здравствуйте,—прервалъ ее громкій голосъ, и въ комнату вошелъ портной Габерль.—О чемъ это вы тутъ шумите?

— Здравствуй,—отвѣтила хозяйка.—Хорошо, что ты пришелъ. А то съ нимъ сладу нѣтъ.

— Ну, чего ты, Фестъ. Угомонись, наконецъ! Дастъ Богъ, все скоро успокоится.

— Гдѣ тамъ? Развѣ Бауштетеръ дастъ мнѣ когда-нибудь успокоиться? Вѣчно будетъ травить снова.

— Засталъ ты священника въ Ауфгаузенѣ?—спросила Габерля жена Феста.

— Да, засталъ. Онъ говоритъ, что священникъ не имѣетъ права отказать въ крещеніи ребенка,—отвѣтилъ Габерль.— Онъ покачалъ головой, когда я ему все разсказалъ, и потомъ объяснилъ, что священникъ не можетъ назвать ребенка иначе, чѣмъ желаетъ мать.—„Конечно,—сказалъ онъ,—нужно все уладить по хорошему. Насильно священника не заставишь крестить—и какъ это сдѣлать? жандармовъ, что ли, привести? Конечно, можно обратиться въ консисторію, потребовать, чтобы начальство ему приказало. Но это очень долго“.

— Я такъ и зналъ!—крикнулъ Фестъ.—Вѣчно то же самое! Права онъ собственно не имѣетъ, но все, что хочетъ, можетъ сдѣлать. Ну, да все равно. Я не сдѣлаю ни одного шага и просить его не стану.

— Мы добьемся, чтобы ребенка назвали, какъ мы хотимъ, вотъ увидишь,—утѣшала его жена.

— Да развѣ въ этомъ дѣло? Я не изъ-за ребенка разсердился. Я вижу, что онъ опять норовитъ козни строить противъ меня и думаетъ, что я все снесу, какъ дуракъ, а этого я вынести не могу. Вся кровь у меня кипитъ!

— Слишкомъ ужъ ты это близко къ сердцу принимаешь, Фестъ. Я часто хотѣлъ поговорить съ тобой объ этомъ, но ты никого не слушаешь, и все больше раздражаешься.

— Хорошо тебѣ говорить, Габерль! Я вовсе не такой обидчивый, какъ ты думаешь, и вовсе не лѣзу сейчасъ на стѣну. Часто случалось, что меня задѣвали, но я и вниманія не обращалъ.—„Пусть себѣ болтаютъ, думалъ. Меня отъ ихъ словъ не убудетъ“. Но теперь вѣдь другое. Вѣдь меня въ какую-то тряпку обратили, и каждый о меня грязныя руки утереть норовитъ. Не уговаривай меня, это ни къ чему. Ты бы попробовалъ на себѣ, каково человѣку, когда на него взводятъ клевету. Кажется, стоитъ сказать слово—и ея какъ не бывало. А тутъ на поди: никто не вѣритъ ни одному твоему слову, всѣ смотрятъ, какъ ты корчишься, и еще смѣются. А ты глотай и давись! Вотъ, продѣлай все это на своей шкурѣ, и тогда скажи, слишкомъ ли я принимаю все къ сердцу.

— Я понимаю, конечно, что тебѣ не весело на душѣ...

— Не весело! Прошло три мѣсяца, и съ каждымъ днемъ

все хуже становится. Я сталъ послѣднимъ человѣкомъ въ деревнѣ. Каждый говоритъ про меня, что угодно, и никому рта не заткнуть. Мнѣ даже работа въ тягость стала.

— Всетаки ты слишкомъ мучаешь себя. Не думай о людяхъ, забудь.

— Легко сказать! А если я даже иногда, работая въ полѣ, и забуду, то стоитъ вернуться въ деревню и посмотрѣть, какъ всѣ насмѣшливо глядятъ на меня, чтобы вся кровь въ лицо бросилась.

— Многіе вѣдь за тебя стоятъ, только ты не знаешь, не хочешь ни съ кѣмъ разговаривать.

— Да что теперь объ этомъ говорить! Самъ видишь — какъ только я, наконецъ, успокоился, забылъ, какъ онъ уже придумалъ новое.

— Эта исторія уладится. Не безпокойся!

— Не безпокоиться, говоришь? Да развѣ можно терпѣть, чтобы надъ тобой такъ измывались... Ну, да мы еще посмотримъ... Не долго теперь ждать. А теперь прощайте. Спокойной ночи!

Онъ ушелъ къ себѣ, даже не поѣвъ на ночь; жена его еще задержала Габерля, чтобы обсудить, что дѣлать. Габерль благоразумно посовѣтывалъ ей удержать мужа отъ личныхъ объясненій съ священникомъ и съ Хиранглемъ.

— Не то вѣдь бѣда выйдетъ,—сказалъ онъ.—Ужъ лучше я поговорю. Я человѣкъ спокойный.

— Поговори, сдѣлай милость. Большое тебѣ будетъ спасибо.

— Да я радъ помочь. Завтра я опять къ тебѣ зайду. А теперь спокойной ночи.

— Спокойной ночи и спасибо.

Оставшись одна, жена Феста сѣла къ очагу и стала глядѣть въ огонь. Тяжелое пришло для нея время; одна бѣда смѣняется другой. Желанія у нея въ жизни были самыя скромныя. Она съ дѣтства привыкла къ работѣ и съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, тоже работала, не покладая рукъ. Но это ее не печалило; она любила работать. И обычныя заботы и тревоги она тоже переносила терпѣливо. Но то, что произошло теперь, разрушало ея семейный покой, отнимало у нея все, и у нея опускались руки.

Сверху раздался дѣтскій плачъ, сначала тихо, потомъ все громче и громче. Подлѣ Урсулы не было никого, кто бы успокоилъ ребенка. Крестьянка еще разъ вздохнула и пошла, усталая, едва передвигая ноги, вверхъ по лѣстницѣ.

XVII.

Сильвестръ вышелъ изъ поѣзда въ Нусбахѣ и, медленно идя съ вокзала домой, повторялъ про себя рѣчь, которую готовилъ уже много мѣсяцевъ. Онъ надѣялся убѣдить мать, заставить ее отказаться отъ прежнихъ мечтаній. Онъ придумалъ отличное вступленіе, хорошій конецъ, а также разные примѣры и доводы. Сильвестръ часто возлагалъ надежды на мощь краснорѣчія... и столь же часто разочаровывался.

— Я собственно хотѣлъ писать тебѣ обо всемъ этомъ,—сказалъ онъ матери,—но рѣшилъ лучше сказать на словахъ. Я принялъ рѣшеніе, которое измѣнитъ всю мою дальнѣйшую жизнь, и ты должна повѣрить мнѣ, должна понять, что я все здраво обсудилъ.

Какъ она приметъ его слова? Навѣрное, испугается его торжественнаго тона. У нея закружится голова послѣ первыхъ же словъ, и она уже ничего остальнаго не пойметъ. Не лучше ли подержать ея руку въ своей и сказать:

— Вѣдь ты знаешь, мама, я всегда былъ тебѣ послушнымъ сыномъ, ты знаешь, какъ я благодаренъ тебѣ за твою любовь... Все это ты должна помнить, слушая то, въ чемъ я тебѣ сейчасъ признаюсь.

Она тогда, навѣрное, насторожится и скажетъ:—Ну, конечно, конечно. Скажи только скорѣе, въ чемъ дѣло. И изъ всѣхъ его словъ и доводовъ она пойметъ только одно, что міръ великолѣпій и радостей, о которыхъ она такъ мечтала, навсегда исчезъ для нея.

— Главное всетаки начать,—думалъ Сильвестръ.—Онъ покорно выслушаетъ потомъ всѣ ея упреки и докажетъ ей, что его счастье не можетъ составить ея несчастья.

Погрузившись въ эти мысли, онъ прошелъ по нусбахской площади, не глядя по сторонамъ. Вещи свои онъ отослалъ съ работникомъ, который вышелъ на вокзалъ встрѣтить его, а самъ предпочелъ пойти пѣшкомъ въ ясную погоду. Проходя по площади, онъ даже не замѣтилъ стоявшаго тамъ Якова Прантля. Ученый сапожникъ посмотрѣлъ ему мрачно вслѣдъ.

— Ишь, вѣдь не здоровается даже,—сказалъ онъ.—Ну, да Богъ съ нимъ!

Ему это было, однако, не пріятно; онъ любилъ Сильвестра, еще когда тотъ былъ гимназистомъ и когда, примѣряя ему сапоги, онъ обмѣнивался съ нимъ латинскими фразами, гордясь обрывками своихъ гимназическихъ знаній. А теперь Сильвестръ прошелъ мимо и не поздоровался. Прантль не

сомнѣвался, что Сильвестръ, какъ будущій священникъ, раздѣляетъ ненависть всего мѣстнаго духовенства къ нусбахскому вождю народа.

— Ну, да мнѣ все равно,—сказалъ онъ еще разъ.

Въ это время изъ зданія суда вышло нѣсколько молодыхъ людей, громко и возбужденно о чемъ-то толкуя.

— Да, я это ей и выпалилъ прямо въ лицо! — сказалъ одинъ изъ нихъ:—Вотъ-то она глаза вытаращила!.. Она вѣдь думала, что стоитъ подать въ судъ, чтобы все и сдѣлалось, какъ она хочетъ.

Это былъ Ксаверій Хирангль со своими товарищами. Прантль даже не взглянулъ на нихъ, увидѣвъ, что вслѣдъ за ними изъ суда вышелъ его знакомый портной Габерль изъ Эрльбаха. Рядомъ съ нимъ шла молодая женщина. Прантль поздоровался.

— Послушай, есть у тебя минутка времени?—сказалъ онъ.—Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Зайди въ пивную, Урсула,—сказалъ Габерль своей спутиицѣ и, обратившись къ сапожнику, спросилъ:—Что тебѣ?

— Да я хотѣлъ спросить, какъ у васъ насчетъ союза? Много пристало къ нему?

— Не знаю, право. Не думаю. Теперь не такое время. Всѣ работой заняты.

— Я тоже работаю не меньше другихъ. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Ну, а Фестъ присоединился? Вѣдь онъ выбранъ въ старшины, главнымъ образомъ крестьянскимъ союзомъ.

— Фесту теперь не до союза. Развѣ не знаешь, что у него опять исторія?

— Почему онъ не поручилъ свою защиту прессѣ?

— Про такія вещи не трубятъ на весь міръ.

— То-то и бѣда, что вы всѣ боитесь гласности. Вообще вы, по моему, слишкомъ равнодушны къ общему дѣлу. Читалъ ты мою статью?

— Какую?

— О равнодушіи крестьянъ къ политикѣ. Я доказываю, что на этомъ равнодушіи и основана главнымъ образомъ власть духовенства.

— Нѣтъ, не читалъ. Я теперь газетъ не читаю. Это хорошо для зимы.

— Да, при такомъ отношеніи ничего не можетъ выйти. Не одолѣть намъ церковь, когда насъ не слушаютъ. Къ чему тогда статьи писать?

— Но вѣдь и тѣ, которые на сторонѣ поповъ, тоже газетъ не читаютъ.

— Духовенство можетъ вліять на крестьянъ и безъ газетъ. У священниковъ есть церковная каѳедра, есть испо-

вѣдальня. Ихъ всегда услышатъ. Почему Фестъ не довѣряетъ прессѣ? Мы вѣдь напечатали исторію съ ребенкомъ.

— Это ты насчетъ крещенія?

— Ну да. Священникъ же уступилъ въ концѣ концовъ.

— Ему, вѣрно, начальство приказало.

— А начальство испугалось общественнаго мнѣнія.

— Можетъ быть, ты правъ. А теперь прощай. Видалъ, кто со мной? Это дочка Феста.

— Мать ребенка, изъ-за котораго вышла исторія? Не пойти ли мнѣ поговорить съ ней? Я тогда еще что-нибудь напишу въ газету.

— Нѣтъ, не нужно. И такъ слишкомъ много писали.

— Какъ знаешь. Мнѣ какая корысть! Только трата времени.

Прантль поглядѣлъ вслѣдъ портному Габерлю.

— Ишь вѣдь тупоголовый народъ!—сказалъ онъ.—Съ ними духовенству не трудно справиться.

Портной Габерль засталъ Урсулу въ пивной. Она сидѣла въ самомъ концѣ комнаты и поставила подлѣ себя свою корзину.

— Ты что-нибудь заказала себѣ?

— Нѣтъ еще, я тебя поджидала.

— Кельнерша, двѣ кружки пива и двѣ пары сосисокъ

Портной Габерль сѣлъ.

— Да, не разъ еще намъ съ тобой сюда ѣздить придется,—сказалъ онъ.—Добромъ онъ не уступитъ. Нужно его заставить по суду. Онъ говоритъ, что найметъ адвоката.

Кельнерша принесла пиво и сосиски, и Урсула стала молча ѣсть.

— Ну, тамъ виднѣе будетъ, что дѣлать, — сказалъ Габерль.—Если онъ найметъ адвоката, мы тоже наймемъ.

— Да, конечно,—сказала Урсула. Наступило молчаніе. Урсула внутренно обсуждала то, что говорилось на судѣ. Наконецъ, она стала разговорчивѣе:

— Какъ онъ смѣетъ выдумывать про меня съ Гансомъ Цвергеромъ! За такую клевету я на него въ судъ подамъ. Никогда у меня ничего съ Гансомъ не было.

— Онъ еще назвалъ Петра Стрикснера, — напомнилъ портной.

— Тотъ меня разъ проводилъ домой послѣ вечеринки. Да и то это было за полъ-года до того, какъ Ксаверъ сталъ ходить ко мнѣ. Я никогда не думала, что съ кѣмъ-нибудь свяжусь. И съ Ксаверіемъ бы ничего не было, не обѣщай онъ мнѣ, что женится. Онъ стоялъ подъ моимъ окномъ и говорилъ, чтобы я не безпокоилась, что мы, навѣрное, повѣн-

чаемся. И потомъ много разъ повторялъ это. А теперь вотъ про Стрикнера да про Цвергера говорить сталъ.

— Ихъ вѣдь къ присягѣ приводить будутъ. Посмотримъ, что Ксаверій тогда скажетъ.

— Ничего онъ не можетъ сказать. Вѣдь онъ еще сказалъ, что весбрунеровская служанка видѣла меня въ потьмахъ съ кѣмъ то вдвоемъ, и что она узнала меня по моей красной кофточкѣ. А у меня такой вовсе и нѣтъ. Ишь вѣдь какой безстыдникъ! И никогда у меня не было красной кофточки. Пусть докажетъ, что у меня была хоть когда-нибудь красная кофточка.

— Пора ѣхать, Урсула.

— А не пойти ли опять въ судъ сказать, что у меня никогда не было красной кофточки? Слѣдовало сейчасъ же сказать, но я растерялась, когда Ксаверъ сталъ такъ безстыдно врать. Не сходить ли, какъ полагаешь?

— Нѣтъ, теперь это ни къ чему. Когда будутъ разбирать дѣло, тогда ты и скажешь.

— И мать можетъ сказать, и отецъ, что никакой красной кофточки у меня не бывало.

— Ихъ то оставь въ покоѣ, совѣтую тебѣ. Думаешь, отецъ твой согласится тягаться на судѣ съ Ксаверомъ. Нѣтъ, милая, ты ужъ лучше поменьше разсказывай дома о судѣ.

Портной расплатился, и вскорѣ его телѣга застучала по нусбахской мостовой.

Въ другой пивной у окна сидѣло нѣсколько молодыхъ людей. Услыхавъ стукъ колесъ, они обернулись, одинъ раскрылъ окно и громко свистнулъ. Остальные кричали и смѣялись.

— Вѣдь это Ксаверій,—сказала Урсула.

— Я видѣлъ,—отвѣтилъ Габерль.—Экій негодяй! Ужъ ты не оборачивайся, а то они еще больше безобразничать будутъ.

Онъ пустилъ лошать рысью и сталъ внимательно глядѣть по сторонамъ, на поля, гдѣ засѣяны были озими. Урсула поставила корзину себѣ на колѣни и все думала о томъ, какъ Ксаверій сталъ ее теперь всячески обижать. И опять она припомнила про весбрунеровскую служанку, которая такъ нагло солгала: навѣрное, съ какимъ-нибудь особымъ намѣреніемъ.

Проѣхавъ Петенбахъ, они обогнали господина, одѣтаго по городскому.

— Да вѣдь это господинъ Мангъ,—сказалъ портной, остановивъ лошадь, и ждалъ, пока Сильвестръ подошелъ къ нимъ.

— Здравствуйте, господинъ Мангъ. Не подвести ли васъ?

— Спасибо, Габерль, мнѣ ужъ совсѣмъ близко.

— Ну, какъ знаете. Прощайте.

Когда Сильвестръ поднялся на послѣдній пригорокъ и увидѣлъ передъ собой Эрльбахъ, онъ ускорилъ шаги. Вступивъ въ деревню, онъ увидалъ старика Флоріана Вейса, который работалъ у себя въ саду; они поздоровались, и Сильвестръ пошелъ дальше. Ему казалось, что онъ уже много лѣтъ не былъ у себя на родинѣ. Ничего, въ сущности, не перемѣнилось со времени его отъѣзда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а между тѣмъ все представлялось ему совершенно инымъ. Вотъ и школа. У входа въ садъ Сильвестръ увидѣлъ старика учителя и Зицбергера. Они тоже замѣтили его. Штегмюлеръ подозвалъ его, а Зицбергеръ повернулся и быстро исчезъ въ переулкѣ.

— Здравствуйте, господинъ Сильвестръ. Наконецъ-то, вы опять въ наши мѣста пожаловали!

— Здравствуйте, господинъ учитель. Какъ поживаете?

— Да ужъ что съ нашего брата, старика, требовать. Вотъ вѣдь и вашей старухѣ плохо было.

— Какъ? Развѣ мать была больна? Она мнѣ ни слова не писала.

— Да вы не пугайтесь; ей теперь лучше. Но одно время, правда, совсѣмъ плохо было.

Сильвестръ быстро попрощался съ учителемъ и поспѣшилъ домой. Извѣстіе о болѣзни матери его ошеломило. Мать ему такъ рѣдко писала, что отсутствіе писемъ въ послѣднее время не возбудило въ немъ никакого безпокойства. А теперь вдругъ оказалось, въ то время, какъ онъ думалъ только о себѣ, мать его была опасно больна. Его охватилъ страхъ за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдъ за свой эгоизмъ. Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ вошелъ въ маленькій домикъ, и дверь въ комнату съ шумомъ раскрылась передъ нимъ.

— Какъ, ты уже пріѣхалъ?—Мать тяжело поднялась со стула и пошла ему навстрѣчу.—А я думала, что ты только вечеромъ пріѣдешь, съ почтой.

Голосъ ея потерялъ прежнюю звучность, и хотя глаза улыбались, но она не могла скрыть утомленія...

— Мама, почему ты мнѣ ничего не писала?

— О томъ, что была больна? Чего тамъ! Мнѣ уже лучше. А ты пѣшкомъ пришелъ, что ли, что сапоги у тебя въ пыли?

— Да. Только сядь ты, пожалуйста. Почему ты не писала? Я отъ другихъ только узналъ вотъ сейчасъ, что ты была больна.

— Да это пустаки. У меня и прежде, бывало, ноги опу-

хали. Ну, а теперь опухоль пошла повыше, — вотъ и все. Скажи, ты не голоденъ?

— Нѣтъ, мама. Что говоритъ докторъ? Можно уже тебѣ развѣ вставать съ постели?

— Ну, конечно. Всего-то въ постели я двѣ недѣли, и то мнѣ въ теплую погоду позволяли выйти и посидѣть на воздухѣ.

— Но у тебя такой усталый видъ.

— Это пройдетъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ не такъ легко оправиться отъ болѣзни, какъ въ молодости.

Вошла Веберша и поздоровалась съ Сильвестромъ.

— Это хорошо, что вы пріѣхали,—сказала она.—Какъ вы нашли мать?

— Слаба она еще, кажется.

— Теперь-то она молодецъ. А вотъ вы поглядѣли бы на нее недѣли три тому назадъ.

— Ну, чего тамъ,—прервала ее Вероника Мангъ.—Нечего страхъ нагонять. Скажи ка, нѣтъ ли у насъ чего поѣсть. Онъ вѣдь пѣшкомъ пришелъ.

— Я пойду сдѣлаю ему яичницу, — сказала Веберша и пошла въ кухню.

Оставшись снова наединѣ съ сыномъ, Вероника подозвала его къ себѣ:

— Сядь поближе ко мнѣ, мой мальчикъ,—сказала она.— Разскажи, какъ тебѣ живется. Ты точно еще выросъ. И такой тихій, серьезный сдѣлался. Да что это, здоровъ ли ты?

— Совершенно здоровъ.

— Вѣдь и молодые иногда хвораютъ. Можетъ, ты черезъ силу работалъ и надорвался. Вѣдь ты даже на Рождество не пріѣзжалъ отдыхать.

Сильвестръ покраснѣлъ, и мать предположила, что онъ раскраснѣлся отъ ходьбы. Она взяла его руку въ свою, и Сильвестръ съ грустью замѣтилъ, до чего рука у нея сдѣлалась худой. Но она отклоняла всѣ его тревожные разспросы и все увѣряла, что болѣзнь ея совершенно не опасна.

— Разскажи лучше про себя,—настаивала она.—Хорошо тебѣ живется у госпожи Ротенфусеръ? А тотъ господинъ, про котораго ты писалъ, тоже еще живетъ у нея? Тотъ, что былъ другомъ священника Хельда?

Развѣ можно было теперь начать съ матерью разговоръ о его рѣшеніи уйдти изъ церкви? Сильвестръ ужъ даже не думалъ объ этомъ. Онъ былъ такъ поглощенъ тревогой о матери, что забылъ о себѣ. Когда же постепенно въ немъ пробудилась надежда, что она на пути къ выздоровленію, то ему стало легче на душѣ, и онъ просто радовался, что опять на родинѣ.

Одно только казалось ему страннымъ. Мать освѣдомлялась обо всемъ, только не о томъ, долго ли ему еще учиться, и когда, наконецъ, его сдѣлаютъ священникомъ. А это было всегда ея первымъ вопросомъ, когда онъ пріѣзжалъ домой. Теперь она какъ бы намѣренно не говорила объ этомъ. Онъ тоже избѣгалъ каждаго слова, которое могло бы быть намекомъ, и радовался свиданію съ матерью, чувствуя, какъ глубока ея любовь къ нему.

— Ну, а теперь ѣшь на здоровье,—сказала Вероника Мангъ, когда Веберша принесла обѣдъ.

Сильвестръ сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, проголодавшись послѣ долгой ходьбы. Мать радовалась, глядя на него.

— Ну, слава Богу,—говорила она. — Аппетитъ у тебя прежній.

Веберша напомнила, что докторъ велѣлъ больной спать часа два днемъ, и Сильвестръ настоялъ на выполненіи докторскаго предписанія. Онъ сказалъ, что пойдетъ пройтись по деревнѣ и повидать знакомыхъ; мать согласилась, и Сильвестъ ушелъ. Когда онъ проходилъ черезъ садъ, его нагнала Веберша.

—Сегодня она молодцомъ,—сказала она.—Но докторъ говоритъ, что ей нужно очень беречься. Сердце у нея слабое.

— Но онъ вѣдь обѣщалъ, что она поправится, не правда ли?

— Да, онъ сказалъ, что если и дальше такъ пойдетъ, какъ теперь, то она скоро совсѣмъ оправиться. Главное, чтобы она береглась и не волновалась. Ужъ и вы тоже постарайтесь объ этомъ. Я хотѣла было просить господина Штегмюллера, чтобы онъ написалъ вамъ, когда ей такъ плохо стало, но она не позволила.

— Она очень страдала во время болѣзни?

— Не знаю, право. Она вѣдь никогда не жалуется. Но она была какая-то странная все время.

— У нея такой усталый видъ.

— Да. И такой печальный, не правда ли? Булочница Марія Ульрихъ говоритъ, что это она загрустила съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Зицбергеръ сказалъ ей про васъ, про то, что вы не будете священникомъ... Я сама не слышала, но онъ дѣйствительно часто приходилъ къ ней, и булочница Марія Ульрихъ говоритъ, что онъ, навѣрное, ей сказалъ.

— Что же мать послѣ того говорила?

— Мнѣ она ничего не говорила, но про себя все что-то бормотала. А развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, правда? Развѣ вы оставили церковь, господинъ Сильвестръ?

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ и ушелъ молча, не попрощавшись.

Онъ понялъ теперь, что мать его намѣренно избѣгала разговора о его священничествѣ. Можеть быть, она боялась окончательно утратить всякую надежду и не говорила, надѣясь, что онъ еще одумается, и что гроза минуетъ ее. Погружерный въ мысли о томъ, что ему теперь сказать матери, Сильвестръ шелъ, не обращая вниманія на дорогу, и, выйдя изъ деревни, сталъ подниматься вверхъ по дорогѣ въ Веблингъ. На верху холма онъ сѣлъ на траву и сталъ оглядываться. Онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ стоялъ здѣсь лѣтомъ, въ жаркій день, со своимъ другомъ, священникомъ Хельдомъ. Онъ ясно вспомнилъ всѣ подробности того дня. Онъ точно снова увидѣлъ, какъ клонились колосья подъ вѣтромъ, какъ старикъ Хельдъ съ радостью глядѣлъ на готовящуюся жатву, и Сильвестру казалось, что онъ снова слышитъ тихій голосъ учителя.

— Сегодня ты едва ли поймешь, что я испытываю, сынъ мой,—говорилъ онъ.—Но придетъ день, когда ты узнаешь, какое благо ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица своего.

Въ голосѣ его звучала грусть. Можетъ быть, на закатѣ дней старикъ пожалѣлъ, что не жилъ, трудясь, какъ другіе. Сильвестръ широко вздохнулъ всей грудью. Воспоминаніе о знаменательныхъ словахъ учителя наполнило его душу невыразимымъ волненіемъ. Онъ почувствовалъ, что долженъ трудиться въ потѣ лица, какъ всѣ, что его призваніе и его счастье не въ томъ, чтобы идти рядомъ съ людьми, чуждаясь ихъ заботъ и трудовъ, утѣшая ихъ обѣщаніями награды въ будущей жизни. Онъ въ эту минуту вовсе не осуждалъ церковь и ея служителей, но чувствовалъ, что его сердце рвется навстрѣчу жизни, что созерцаніе и отреченіе—не его удѣлъ.

Тутъ, на родинѣ, рѣшеніе его приняло окончательную форму. Оно укрѣпилось въ немъ, свободное отъ тайныхъ мечтаній. Онъ понялъ, что долженъ построить свое будущее не на безплодныхъ надеждахъ, что долженъ быть вѣренъ только свободному голосу совѣсти, и теперь этотъ голосъ прозвучалъ свободно и непоколебимо.

Онъ поднялся съ земли. Всякое сомнѣніе исчезло. Никакихъ компромиссовъ въ его жизни отнынѣ не будетъ. Онъ не станетъ скрывать истину, точно задумалъ что-то дурное. Конечно, нужно щадить чувства старухи матери, но именно ей первой онъ открыто все скажетъ.

Онъ бодро повернулъ назадъ и пошелъ домой. У самой деревни онъ нагналъ человѣка, который велъ лошадей съ поля.

— Здравствуйте, Фестъ. Какъ поживаете?

— Ничего.

— А дома все благополучно?

— Ничего.

Сильвестръ былъ удивленъ его непріязненнымъ тономъ. Онъ бывалъ у Феста и считался съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Я уже видѣлъ Урсулу сегодня,—снова началъ онъ.— Она проѣхала мимо меня.

— Да?

— Да что съ вами, Фестъ?

— Ничего особеннаго. Только вотъ что я вамъ скажу, господинъ Мангъ. Идите лучше своей дорогой и не показывайтесь вмѣстѣ со мной. Мы съ вами не пара.

— Въ чемъ дѣло? Я васъ не понимаю.

— Поймете. Я такой человѣкъ, котораго господа священники должны сторониться. А вы тоже вѣдь собираетесь служить церкви.

Сильвестръ пошелъ дальше, покачавъ головой. Мать ему писала, что у Феста были какіе-то нелады съ патеромъ, и что его не утвердили старшиной. Тогда онъ не обратилъ вниманіе, но теперь вспомнилъ. Но почему же всетаки Фестъ такъ непривѣтливъ съ нимъ? Этого Сильвестръ никакъ не могъ понять.

Когда онъ вернулся домой, въ комнатѣ уже зажженъ былъ свѣтъ. Мать сидѣла у стола и встрѣтила его привѣтливой улыбкой. Онъ посмотрѣлъ на нее съ тревогой. При свѣчахъ лицо ея имѣло болѣе болѣзненное выраженіе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ.

— Ты спала?—спросилъ онъ ее.

— Да. А ты гдѣ былъ?

— Ходилъ гулять по дорогѣ въ Веблингъ.

— Ни къ кому въ гости не заходилъ? У учителя не былъ?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось быть на воздухѣ.

— Отлично сдѣлалъ. Погода такая хорошая.

— Послушай, мама, я долженъ тебя спросить кой о чемъ. Тебѣ Зицбергеръ разсказывалъ что-нибудь про меня.

— А ты откуда знаешь?

— Отъ Веберши. Но скажи, это правда?

— Да.

Они оба замолчали, и въ маленькой комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Слышно было только тиканье часовъ. Наконецъ, мать заговорила первая.

— Подожди говорить,—сказала она.—Поужинаемъ сначала. А то Веберша будетъ входить въ комнату и вывѣдывать, о чемъ мы говоримъ.

— Развѣ ты еще не ѣла?

— Я-то поѣла. Мнѣ, кромѣ супа, ничего не полагается. Но ты?

— Мнѣ ѣсть не хочется.

— Ну, такъ скажи Вебершѣ. Она въ кухнѣ.

Сильвестръ пошелъ. Когда онъ вернулся, мать сидѣла неподвижно и задумчиво глядѣла на свѣтъ.

— Онъ тебѣ сказалъ, что я оставляю церковь?

— Да. И что ты хочешь жениться, стать музыкантомъ и поступить въ театръ.

— Какъ ему не стыдно такъ выдумывать! И ты повѣрила?

— Всему не повѣрила: слишкомъ ужъ онъ много нагородилъ всего.

— А тому, что я церковь оставляю?

— Этому повѣрила. Я ужъ давно замѣчала, что не лежитъ у тебя къ этому сердце. Уже осенью—да и раньше еще. Когда я заговаривала о томъ, какъ намъ хорошо будетъ потомъ, ты мѣнялся въ лицѣ. И никогда не обнадеживалъ меня.

— Почему же ты мнѣ не говорила о своихъ мысляхъ?

— Да я все думала, что, можетъ, еще оно и не такъ. Утѣшала себя, надѣялась, что, можетъ, ты перемѣнишься. Ну, а потомъ ужъ узнала навѣрное отъ господина Зицбергера... Не легко мнѣ было,—самъ понимаешь. Но чѣмъ больше я думала, тѣмъ больше понимала, что все равно никакого прока не вышло бы, разъ у тебя сердце не лежало къ церкви. Теперь ты хоть вышелъ, не взявъ грѣха на душу. А если бы потомъ одумался, было бы хуже.

Сильвестръ молчалъ. Такъ вотъ тотъ часъ, котораго онъ такъ долго боялся... Мать не дѣлаетъ ему никакихъ упрековъ. Онъ свободенъ—безъ всякой борьбы. Но почему-то онъ не чувствовалъ никакой радости въ эту минуту. Простыя слова матери потрясли его. Сколько ночей несчастная женщина провела безъ сна, прежде чѣмъ отказаться отъ самой дорогой для нея надежды! А теперь она только говоритъ, что ей было не очень легко.

Она первая прервала молчаніе.

— Почему ты мнѣ раньше не сказалъ?—спросила она.

— Я не сразу рѣшилъ. Это постепенно складывалось. Я вѣдь хотѣлъ всетаки остаться... ради тебя, мама... Но я не могъ...

Онъ взялъ ея руку, прижался къ ней головой и тихо заплакалъ.

Мать мягко высвободила свою руку и ласково погладила его по волосамъ. Она дала ему выплакаться, зная, какъ облегчаютъ слезы въ молодости. Когда Сильвестръ поднялъ, наконецъ, голову, онъ снова сказалъ:

— Я хотѣлъ остаться священникомъ ради тебя.

— Я бы этого не желала,—поспѣшно возразила она.— Когда я тутъ лежала больная, я уже думала часто, что ты, можетъ, останешься въ церкви, пока я жива, а когда умру, выйдешь—и это мнѣ не давало покоя. Ну, а что же ты думаешь дѣлать теперь?—спросила она, помолчавъ.

Сильвестръ разсказалъ ей о своихъ планахъ. Сначала онъ говорилъ, заикаясь и очень неувѣренно, но постепенно оживился, мечтая вслухъ о дѣятельной жизни впереди, и сталъ рисовать будущее въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Онъ увѣрялъ мать, что уже скоро начнетъ зарабатывать. Старикъ Шратъ доставитъ ему мѣсто въ одномъ большомъ торговомъ домѣ во Франкфуртѣ. Домъ этотъ имѣетъ отдѣленія во всѣхъ странахъ, и, если работать какъ слѣдуетъ, можно быстро сдѣлать карьеру, поступивъ туда.

А работать-то онъ умѣетъ и не намѣренъ лѣниться. Напротивъ, чѣмъ больше у него будетъ работы, тѣмъ лучше. Ему уже не терпится, и онъ ждетъ не дождется, когда, наконецъ, поступитъ на мѣсто. Сильвестръ сказалъ, что года черезъ два-три онъ уже сможетъ помогать матери гораздо легче, чѣмъ если бы остался при прежнемъ рѣшеніи. Священникамъ приходится ждать очереди, чтобы получить приходъ, а въ такомъ дѣлѣ, которое онъ избралъ теперь, успѣхъ зависитъ только отъ того, усердно ли человѣкъ работаетъ. А въ этомъ отношеніи на него можно положиться.

Мать внимательно слушала Сильвестра. Она не могла сразу всего сообразить и не видѣла ясно передъ собой пути, по которому онъ намѣревался идти. Но его увѣренность заражала ее, и она стала создавать себѣ въ воображеніи новую картину будущаго. Ея Сильвестръ не будетъ стоять передъ алтаремъ въ ризѣ, затканной золотомъ, и не будетъ приходскимъ священникомъ, имѣющимъ свой домъ, гдѣ всего вдоволь. Эти мечты, конечно, нужно забыть. Но за то у него, можетъ быть, будетъ большая лавка, гораздо больше, чѣмъ у лавочника Шисля въ Нусбахѣ. Послѣ церкви всѣ будутъ приходить къ нему, и денегъ у него будетъ тьма тьмущая. И вѣдь онъ правду говоритъ. Пока онъ получитъ свой приходъ, пройдетъ много времени, а жить такъ, какъ Зицбергеръ, въ домѣ священника Бауштетера, вовсе не весело. Его даже не кормятъ досыта. Такъ что, если все принять въ соображеніе, ея Сильвестръ избралъ лучшую долю. Новый идеалъ жизни сталъ постепенно вырисовываться въ ея воображеніи все яснѣе, и она стала предлагать сыну разные вопросы. Скоро ли франкфуртскій хозяинъ опредѣлитъ его въ одно изъ своихъ отдѣленій? И куда—можетъ быть, сразу въ большой городъ—такой, какъ Нусбахъ? А лавка гдѣ будетъ—на хорошемъ ли мѣстѣ, подлѣ церкви? Туда вѣдь

народъ больше всего ходитъ. Наконецъ, она предложила ему еще одинъ вопросъ:

— Что же это за дѣвушка?—спросила она.

— Какая дѣвушка?

— Ну, вотъ та, на которой ты собираешься жениться, какъ мнѣ сказалъ господинъ Зицбергеръ.

Сильвестръ покраснѣлъ до ушей и смущенно улыбнулся. Но подумавъ, что въ концѣ концовъ мать заслуживаетъ его довѣрія, сталъ ей разсказывать о своемъ знакомствѣ съ Гертрудой, о томъ, какая онъ милая и хорошая дѣвушка, кто ея родители и какъ онъ принятъ у нихъ въ домѣ. Но онъ прибавилъ, что не думаетъ о женитьбѣ на ней: питать такія надежды было бы съ его стороны слишкомъ самонадѣянно. Мать слушала и ничего не отвѣчала. Она про себя внутренно восполняла рисовавшуюся ей новую картину будущаго. Она представляла себѣ, какъ ея Сильвестръ стоитъ въ магазинѣ богача Шпорнера, въ качествѣ его зятя, мужа его единственной дочери и наслѣдницы.

— Все къ лучшему, сынъ мой:—сказала она.—А теперь покойной ночи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

IV.

— Володя! Владиміръ! Володя...—я....яу...

Старый крестьянинъ который сидѣлъ со своей женой на берегу озера и плелъ лапти, поднялъ на кричавшую барышню свои гноившіеся глаза.

— Владиміръ Ивановичъ въ павильонѣ со своей глиной да съ убитой птицей.

— Съ какой убитой птицей?

— Да, съ большимъ соколомъ матушка. Петръ Ивановичъ убилъ его, хотѣлъ подарить пріѣзжей барышнѣ его перья на шляпку. А она не взяла: говоритъ, не люблю, когда убиваютъ птицъ. Должно быть, нонче такая мода въ городахъ пошла, чтобы господамъ быть жалостливыми. Ну, Владиміръ Ивановичъ и взяли птицу въ павильонъ. Они работали тамъ и сегодня и вчера цѣлый день, лѣпятъ изъ глины такую же птицу.

Тетя Соня прошла по болотистому мѣстечку на берегу озера до тропинки, которая по склону пригорка вела прямо къ павильону, отданному въ полное владѣніе Владиміра.

Старикъ съ злорадствомъ глядѣлъ, какъ она медленно взбиралась на пригорокъ.

— Да, да, — бормоталъ онъ, – тоже господа! Пачкаютъ свои бѣлыя ручки въ глинѣ; чѣмъ бы послать человѣка, куда надо, сами тащатся, шляются пѣшкомъ по разнымъ больнымъ. Да, матушка, не тѣ времена настали, не такъ жили люди, когда мы были молоды. — Онъ засмѣялся и обратился къ женѣ съ недобрымъ взглядомъ.

— Ходитъ по больнымъ, слышь, Параша? А кто его знаетъ, что она имъ даетъ, англицкая колдунья?

Старуха кивнула головой. Онъ продолжалъ:

— Много за это время было больныхъ въ Бородѣевкѣ. Англицкая чертовка и этотъ пріѣзжій докторъ ходили туда, врали людямъ съ три короба. Говорятъ, будто дѣти умираютъ отъ того, что хлѣвы близко къ стѣнамъ домовъ построены, и какъ дождь пойдетъ, такъ размываетъ навозныя кучи. Похоже на дѣло, нечего сказать!

— Можетъ, они сами-то и отравили колодцы.

— Или попортили ребятъ. Отъ нехристей всего станется. Вѣдь они даже креста на шеѣ не носятъ.

Женщина усмѣхнулась.

— А кто ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ, она да ея пріятель докторъ, когда вдвоемъ по лѣсу ходятъ. Я сама видѣла

какъ она, безстыжая дѣвка, простоволосая ѣздила въ лодкѣ по озеру.

— А тотъ-то, дохлый, дѣлаетъ себѣ глиняныхъ идоловъ, да воображаетъ, что она о немъ думаетъ. Эхъ, ужъ господа со своими выдумками!

И оба старика сидѣли, злобно посмѣиваясь.

Павильонъ стоялъ немного выше остальныхъ зданій. Деревья окружали его съ трехъ сторонъ, но съ четвертой онъ былъ ничѣмъ не защищенъ, и изъ него открывался чудный видъ на лѣсъ и на озеро.

Дверь была настежь открыта; тетя Соня остановилась на порогѣ и заглянула въ комнату. Владиміръ въ красной рубашкѣ и кожаномъ поясѣ стоялъ около деревянной скамейки и мѣсилъ глину. Убитый соколъ лежалъ на столѣ передъ нимъ съ распростертыми крыльями. Чудная сила полуоконченнаго произведенія не произвела никакого впечатлѣнія на тетю Соню. Она и раньше видала, что ея племянникъ занимается скульптурой, и всегда жалѣла, что онъ пристрастился къ такому „грязному дѣлу". Послѣ того какъ Кароль, неизмѣнный миротворецъ, замѣтилъ ей, что карты или водка были бы еще хуже, она нѣсколько примирилась съ глиной; у дворянъ всегда бываютъ какія-нибудь фантазіи, и если эти фантазіи стоютъ дешево и никому не вредятъ, можно благодарить Бога.

Ея тѣнь упала на скамейку, и Владиміръ оглянулся.

— А, тетя!

— Милый мой, не стой ты на такомъ сквознякѣ, ты опять простудишься.

— Я люблю свѣжій воздухъ, тетя, и люблю видъ изъ этого окна, особенно въ такую погоду, какъ сегодня.

Онъ стеръ глину съ рукъ и сѣлъ на подоконникъ, любуясь тѣнью облаковъ, пробѣгавшихъ надъ озеромъ.

— Что, Оливія вернулась домой?

— Нѣтъ она ушла на цѣлый день въ деревню къ какой-то трудно больной.

— А Кароль съ ней?

— Да, за нимъ пришли рано утромъ, а послѣ завтрака онъ прислалъ за ней, чтобы она пришла помочь ему. Они и не обѣдали дома, нельзя сказать, чтобы они здѣсь много отдыхали!

— Нѣтъ, но они оба здоровые, сильные и любятъ свое дѣло. Я не безпокоюсь о ней, пока Кароль здѣсь. Но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы она ходила къ больнымъ одна, когда онъ уѣдетъ. Мужики ужъ подозрѣваютъ, будто она колдуетъ; если что-нибудь случится, они могутъ надѣлать ей непріятностей.

Тетя Соня спокойно усѣлась въ широкое кресло: она пришла, чтобы мирно поболтать часочекъ со своимъ любимымъ племянникомъ; мысль, что она помѣшала ему работать, не приходила ей въ голову. Онъ вымылъ руки, закрылъ глину мягкой тряпкой и постарался улыбнуться, чтобы скрыть досаду, которую было бы неделикатно выказать. Если бы ему дали спокойно поработать еще полчаса, онъ, можетъ быть, справился бы съ этимъ труднымъ изгибомъ лѣваго крыла.

— Ну-съ тетушка,—весело сказалъ онъ,—разскажите мнѣ что-нибудь новенькое, вѣдь мы съ вами не видались съ самаго завтрака.

— Да, конечно, не видались! Ты вѣдь ушелъ съ кускомъ хлѣба и сыра въ карманѣ, точно какой-нибудь бродяга, и не пришелъ къ обѣду. Хоть и много васъ, а я все одна; ты цѣлый день возишься со своей глиной, другіе съ больными. А я нарочно заказала къ обѣду твой любимый пирогъ съ грибами.

— Ну, ничего, мы поѣдимъ и холоднаго пирога. А теперь скажите, что съ Савраской? Заходилъ сегодня цыганъ?

— Да, онъ увѣряетъ, что нога ея не можетъ поправиться. А Петя думаетъ, что онъ просто хочетъ подешевле купить ее.

— И потомъ перепродать на конной ярмаркѣ въ Смоленскѣ?

— Да, онъ скупаетъ скотъ по всѣмъ здѣшнимъ деревнямъ. Кстати, онъ пришелъ къ намъ изъ Гвоздевки; оказывается, стараго нищаго отравили.

— Кароль такъ и думалъ; когда ему разсказали всѣ признали, онъ сразу сказалъ: „это стрихнинъ". Но съ чего же Акулина сдѣлала это? Развѣ у нея была ссора со старикомъ? Изъ корысти не стоитъ убивать нищаго.

— Она видѣла его первый разъ въ жизни. Это звѣрь, а не человѣкъ. Она уже во всемъ созналась. Этотъ ядъ далъ ей Митя, чтобы она убила его жену. Онъ его купилъ у татарина-разнозчика, у Ахметки.

— Какой Митя?

— Да рыжій Митя изъ нашей деревни. Онъ, видишь ли, хотѣлъ избавиться отъ жены, потому что она долго болѣла послѣ всякаго ребенка, даже коровы подоить не могла; но ему страшно было самому взяться за такое дѣло, онъ и подговорилъ Акулину. Обѣщалъ жениться на ней.

— А нищій при чемъ же тутъ?

— Да не при чемъ. Онъ просто проходилъ мимо и попросилъ напиться, она и вздумала попробовать на немъ, правда ли, что это ядъ. Она говоритъ: татары всегда надуваютъ, когда только можно, а какъ же бѣдная женщина можетъ знать, настоящее ли снадобье ей дали, коли она его не попробуетъ,

— Совершенно правильное разсужденіе, — замѣтилъ Кароль, входя въ комнату вмѣстѣ съ Оливіей и безцеремонно присаживаясь на край стола.—Тетя, я велѣлъ этой раскосой дѣвушкѣ, какъ ее,—Θеофилактѣ—принеси сюда чай. Миссъ Латамъ страшно устала, да и Володѣ пора кончить работу.

Оливія сѣла на деревянную скамейку около двери и подперла голову рукой. Она, очевидно, была сильно утомлена, лицо ея похудѣло и какъ-то постарѣло за послѣднія недѣли. Тетя Соня вскочила съ мѣста и засуетилась съ своимъ обычнымъ добродушіемъ.

— Милочка моя, какая вы блѣдная! И вѣдь вы цѣлый день ничего не кушали! Вы, должно быть, страшно голодны. Когда вы вернулись?

— Сейчасъ. Мы только переодѣлись и пришли прямо сюда. Не безпокойтесь, я только устала.

Старушка ласково погладила ея блѣдную щеку и пошла отдать приказанія Θеофилактѣ. Благодаря своему добродушію, она привязалась къ Оливіи. Англичане вообще оставались для нея иностранными чертями, но Оливія составляла исключеніе, ее можно было любить, не смотря на то, что она принадлежала къ этой непріятной націи, точно такъ же, какъ она любила Кароля, хотя онъ былъ полякъ.

Кароль вынулъ изъ кармана книгу и началъ читать. Владиміръ подошелъ къ дѣвушкѣ и отвелъ волоса отъ ея лба. У него были нѣжные концы пальцевъ, прикосновеніе которыхъ никогда не причиняло боли, и ея сдвинутыя брови разгладились сами собой. Для такой уравновѣшенной особы, она была слишкомъ чувствительна ко всякому неловкому прикосновенію, и съ большимъ трудомъ удержалась отъ гримасы, когда старушка дотронулась до нея своей пухлой рукой.

— Не утомляй себя такъ, моя дѣточка,—сказалъ онъ ей на своемъ ломаномъ, нѣжномъ англійскомъ языкѣ.— Чѣмъ ты была такъ занята сегодня цѣлый день?

Ея лицо снова омрачилось.

— Я помогала доктору Славинскому совершать преступленіе.

— Да,—согласился Кароль, не поднимая глазъ отъ книги.—Это вѣрно, если правильно разсудить. Но вы и въ слѣдующій разъ будете то же дѣлать.

— Тѣмъ хуже,—возразила она мрачно.

Владиміръ посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.

— Вы спасали жизнь, которую не стоило спасать?

— Двѣ жизни,—сказала она жестко, устремивъ глаза на озеро. — Жизнь матери, которой лучше было бы умереть, и жизнь ребенка, которому лучше было бы не родиться.

Конечно, я и опять буду дѣлать то же, докторъ Славинскій, такъ же, какъ и вы; но это грѣхъ и стыдъ спасать жизнь такого рода людей, вы это понимаете не хуже меня.

Кароль опустилъ книгу. Онъ сдѣлался очень серьезенъ и казался еще болѣе обыкновеннаго недоступнымъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, — я воображалъ, что понимаю, когда мнѣ было столько лѣтъ, сколько вамъ. Теперь я понимаю, что ничего не знаю. Вы вступаете въ жизнь съ прекрасными теоріями, какъ и всѣ мы; но въ свое время вы придете къ тому же, что и я.

Она сдѣлала быстрый жестъ отрицанія, но Кароль уже вернулся къ своей книгѣ и какъ будто совсѣмъ отсутствовалъ.

— Но, Оливія,—проговорилъ, наконецъ, Владиміръ, вѣдь ты, вѣроятно, видала очень грустныя картины въ лондонскихъ трущобахъ. Почему же...

— Грустныя картины! — горячо прервала она его. — Грустныя картины можно всюду видѣть. Но здѣсь не видно ничего, ничего другого. Володя, во всей этой деревнѣ нѣтъ ни одного здороваго мужчины, ни одной здоровой женщины, ни одного здороваго ребенка. Люди просто заживо гніютъ и физически, и нравственно. Въ той избѣ, гдѣ мы сегодня были цѣлый день, живетъ десять человѣкъ, четыре поколѣнія. Всѣхъ ихъ, начиная съ прадѣда и до ребенка, родившагося сегодня, слѣдовало бы захлороформировать на смерть. Они больны до мозга костей: отецъ пьяница, тетка идіотка, бабка... нѣтъ, я не могу разсказывать! А что они говорятъ!

Она остановилась, по ней пробѣжала дрожь отвращенія.

— Я ждала около дома,—продолжала она,—пока докторъ Славинскій позоветъ меня на помощь. Бабка и ея сосѣдъ сѣли подлѣ меня и стали разговаривать о случаѣ отравленія въ другой деревнѣ. Единственное, что занимало ихъ при этомъ было, почему міръ не согласился на предложеніе полиціи потушить дѣло за плату по 12 коп. съ души. Они говорили, что, когда въ прошломъ году найдено было тѣло на заливномъ лугу, бародѣевцы заплатили по семи коп. съ души, и что лѣтомъ, понятно, слѣдуетъ платить больше. Когда ихъ слушаешь, кажется, точно переживаешь какой-то страшный кошмаръ.

— Такса за мертвыя тѣла всегда выше въ страдную пору, — спокойно замѣтилъ Кароль, не выпуская изъ рукъ книги.—Гвоздѣевцы отказались платить, потому что полиція запросила слишкомъ много. Непремѣнно надо было положить какой-нибудь предѣлъ, а то и на подати ничего не

останется. А вотъ и нашъ чай идетъ. Эта дѣвушка положительно надорвется, подносъ слишкомъ тяжелъ.

Онъ выбѣжалъ съ быстротой, удивительной для такого большого и неповоротливаго человѣка, сбѣжалъ довольно неуклюже внизъ и взялъ подносъ изъ рукъ дѣвушки. Владиміръ продолжалъ стоять подлѣ Оливіи, положивъ руку ей на плечо.

— Дорогая моя, — проговорилъ онъ,— я предупреждалъ тебя съ самаго начала. Не легкое дѣло любить человѣка, который живетъ въ аду. Ты видѣла только небольшіе отблески этой жизни.

Она быстро повернулась и приложилась щекой къ его рукѣ. Она была такъ сдержана и стыдлива, ея ласка была для него такою рѣдкостью, что онъ перемѣнился въ лицѣ и вздрогнулъ отъ неожиданности. Черезъ минуту она уже отодвинулась отъ него и по прежнему сидѣла спокойно.

— А какъ шла твоя работа? Можно посмотрѣть?

Онъ снялъ тряпку. Когда Кароль вошелъ въ комнату съ подносомъ въ рукахъ, она молча стояла передъ грубымъ глинянымъ изображеніемъ птицы. Онъ также молча, сталъ рядомъ съ ней.

— Я не знала, что ты можешь создавать такія жестокія вещи, – сказала она и подняла на жениха глаза, въ которыхъ блестѣли слезы.

— А я зналъ.—проговорилъ Кароль,—это немножко грубо, Володя, но это очень сильно.

— Это жестоко,—повторила дѣвушка,—это борьба, убійство и внезапная смерть. Онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ бороться за свою жизнь, а ему не давали времени.

Владиміръ захохоталъ; хорошо, что это рѣдко съ нимъ случалось, смѣхъ у него былъ непріятный и рѣзалъ ухо.

— Ну, что же, это довольно обыкновенное явленіе. Входите, тетя, садитесь сюда. Я сейчасъ сниму со стола всю мою дрянь, и мы будемъ пить чай.

Вечеромъ они всѣ вмѣстѣ сидѣли на балконѣ при свѣтѣ луны. Погода была необыкновенно ясная и теплая; хотя лѣто приходило къ концу, и соловьи уже не пѣли, но среди заснувшаго лѣса безпрестанно слышались голоса перекликавшихся и чирикавшихъ птицъ. Это былъ послѣдній вечеръ, который Кароль проводилъ съ ними; онъ долженъ былъ утромъ выѣхать въ Варшаву. Оливія имѣла нѣсколько утомленный видъ послѣ цѣлаго дня работы, но увѣряла, что совершенно отдохнула; она немножко полежала у себя въ комнатѣ, пока Кароль и Владиміръ играли съ дѣтьми.

Въ глубинѣ души она была бы очень довольна, если бы могла, не поступая невѣжливо, остаться спокойно въ своей

комнатѣ вплоть до ночи; вечера въ гостиной Лѣснаго были для нея всегда непріятны. Добродушная, но безтактная тетя Соня не могла не дѣйствовать на нервы переутомленнаго человѣка; въ особенности, Владиміру, котораго она любила больше всѣхъ на свѣтѣ, приходилось не мало выносить; Оливія мучилась, глядя, какія усилія онъ употребляетъ, чтобы не выказать нетерпѣнія при ея нелѣпыхъ вопросахъ и разсужденіяхъ, при ея приторныхъ материнскихъ ласкахъ. Но братья его были еще хуже, чѣмъ тетка.

Младшій, Ваня, не былъ настоящимъ идіотомъ, но во всякомъ случаѣ могъ быть названъ слабоумнымъ. Онъ по своимъ умственнымъ способностямъ въ состояніи былъ занимать въ хозяйствѣ только мѣсто простого работника, работа нравилась ему, и онъ обыкновенно охотно и хорошо работалъ. Но по временамъ онъ не могъ устоять противъ искушенія выпить больше, чѣмъ могла вынести его слабая голова, и всякій разъ, когда это случалось, въ немъ просыпался духъ его предковъ, крѣпостниковъ. Тогда онъ находилъ, что для его дворянскаго достоинства унизительно пачкать руки физическимъ трудомъ, и что дворянинъ обязанъ поддерживать государственную власть, служить Богу и царю и „улучшать породу“, иначе сказать, развращать крестьянскихъ дѣвушекъ. Онъ рѣдко примѣнялъ эти теоріи на практикѣ въ господскомъ домѣ, такъ какъ горькимъ опытомъ убѣдился, что это не разумно. Одинъ разъ, въ ту самую минуту, когда онъ объяснялъ молоденькой поденщицѣ, что первая обязанность крестьянской дѣвушки повиноваться волѣ господина, подошелъ старшій братъ Петя. Онъ схватилъ проповѣдника за шиворотъ и избилъ его хлыстомъ.. Съ этихъ поръ Ваня сталъ осторожнѣе. Единственный человѣкъ, которому онъ высказывалъ свои аристократическія мнѣнія, была тетя Соня. Она, добрая душа, вспоминала свои молодые годы и тѣ грубыя сцены, которыя разыгрывались въ домѣ, когда ея отецъ напивался пьянымъ; она вздыхала и крестилась, какъ дѣлала ея мать пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и такъ же, какъ мать, жалобно говорила: „Ваня, какъ это ты! Христосъ съ тобой! Ложись въ постель, голубчикъ; завтра тебѣ будетъ лучше!“ Иногда бывало трудно уложить его въ постель, но разъ это удавалось, онъ крѣпко засыпалъ и, проспавъ свой хмѣль, на слѣдующій день снова принимался за работу, хотя былъ не въ духѣ и глядѣлъ мрачно. Дня черезъ два, три снова появлялась у него его глуповатая добродушная улыбка.

Въ это лѣто онъ все время велъ себя хорошо. Его привязанность къ Владиміру, напоминавшая привязанность дворовой собаченки къ доброму хозяину, благотворно дѣйство-

рала на этотъ неразвитой умъ. Владиміръ представлялся ему олицетвореніемъ совѣсти; простое напоминаніе: „Володя будетъ не доволенъ тобой“, могло иногда удержать его отъ пьянства и разврата, когда все другое оказывалось безуспѣшнымъ. Одинъ разъ Владиміръ разсердился на него, и это было величайшимъ огорченіемъ въ его жизни. Вина его на этотъ разъ состояла въ жестокомъ обращеніи съ лошадью; и съ тѣхъ поръ онъ, даже въ пьяномъ видѣ, былъ всегда добръ къ животнымъ.

Къ Оливіи онъ относился съ робкимъ уваженіемъ, издали восхищаясь счастливой женщиной, удостоившейся избранія его кумира, но въ глубинѣ души онъ ревновалъ брата и къ ней, и къ Каролю.

Вдовецъ Петя былъ совсѣмъ другого характера. Когда онъ изучалъ естественныя науки въ московскомъ университетѣ, передъ нимъ открывалась блестящая будущность; но бѣдность и ранняя женитьба заставили его отказаться отъ ученія, карьеры и поселиться въ раззоренномъ, заложенномъ, заброшенномъ родовомъ имѣніи, чтобы, улучшивъ хозяйство, добыть кусокъ хлѣба для своей сестры.

Смерть жены, которую онъ горячо любилъ, и трагическая исторія Владиміра сломили силу его характера, несчастная наслѣдственность сдѣлала остальное.

При другомъ, болѣе широкомъ кругѣ дѣятельности, нашлись бы, можетъ быть, другого рода вліянія, которыя поддержали бы его слабую волю. Но въ Лѣсномъ, хотя онъ работалъ съ утра до вечера и отказывалъ себѣ во всемъ излишнемъ, онъ неизбѣжно оставался бариномъ, и это барство было червоточиной, губившей его. Въ тридцать пять лѣтъ онъ былъ отчаяннымъ игрокомъ и имѣлъ видъ дряхлаго старика. Раза три, четыре въ годъ, когда ему удавалось усиленной работой и разными лишеніями скопить немного денегъ, онъ нанималъ лошадь у ростовщика еврея, содержавшаго кабакъ въ деревнѣ, и отправлялся въ сосѣдній городишко, разсказывая дома, что ѣдетъ продать скотъ или посмотрѣть образцы сѣмянъ. Эта ложь не обманывала ни его самого, ни другихъ. Достаточнымъ доказательствомъ противъ него было то, что онъ нанималъ лошадь. Онъ самъ и всѣ въ деревнѣ знали, что если онъ поѣдетъ въ городъ на собственной лошади, которую можно проиграть, онъ вернется назадъ пѣшкомъ. Въ городѣ онъ останавливался въ грязной гостинницѣ, пропитанной запахомъ водки и керосиновыхъ лампъ, наполненной клопами и тараканами; и онъ, въ другое время до брезгливости опрятный во всѣхъ своихъ вкусахъ и привычкахъ, сидѣлъ съ жандармскимъ капитаномъ и съ пьянымъ лѣсничимъ и игралъ нѣсколько

ночей напролетъ. Ему были противны ихъ грязные разговоры и грязные пороки; онъ былъ человѣкъ нравственно чистый и гордый, въ обыкновенное время онъ скорѣе остался бы голоднымъ, чѣмъ согласился бы ѣсть за однимъ столомъ съ жандармомъ. Но когда имъ овладѣвала его страсть, онъ чокался съ ними, дѣлалъ видъ, что смѣется ихъ сальнымъ анекдотамъ, только бы они не обидѣлись и не отказались играть съ нимъ. Проигравъ послѣднюю копѣйку, онъ молча садился на не кормленную лошадь и ѣхалъ домой, тридцать верстъ по темному мрачному лѣсу. Голова его склонялась на грудь, въ ушахъ раздавался скрипъ сосенъ, въ душѣ онъ чувствовалъ горькій стыдъ; мысли о самоубійствѣ мелькали въ умѣ его.

Оливія не видала его въ такомъ состояніи. Присутствіе Владиміра, единственнаго человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ, удерживало его отъ картъ все лѣто. Но страсть начинала мучить его, и онъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе молчаливымъ, болѣе мрачно безпокойнымъ.

Самое страшное для Оливіи было его наружное сходство съ Владиміромъ. Это сходство было особенно замѣтно въ профиль, и когда онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, какъ теперь на балконѣ, видъ этой слабой, жалкой копіи головы любимаго человѣка заставлялъ сжиматься ея сердце. Это было то же самое лицо, но испорченное; строгое самообладаніе исчезло, выраженіе страданія превратилось въ простую горечь, стоическаго терпѣнія не было и слѣда. Она отворачивалась отъ него, и даже видъ толстой, довольной, глупой физіономіи Вани доставлялъ ей облегченіе.

— Миссъ Латамъ,—сказалъ Кароль, вставая, когда часы пробили одиннадцать,—я хочу покататься въ лодкѣ. Не поѣдете ли вы со мною? Вамъ хотѣлось видѣть озеро при лунномъ свѣтѣ. Нѣтъ, Володя, тебѣ нельзя. Я послѣ зайду къ тебѣ въ комнату и поговорю съ тобой. Сегодня тебѣ не годится выходить на озеро, надъ водой поднимается туманъ.

— Но, дорогой мой,—вскричала тетя Соня;—неужели вы хотите ѣхать въ лодкѣ теперь, такъ поздно? И Оливія тоже? Господи! Вы на смерть простудитесь, вы можете утонуть!

Въ глубинѣ души она считала въ высшей степени неприличнымъ для молодой дѣвушки кататься ночью, въ лодкѣ, съ холостымъ мужчиной; но ее отучили высказывать такія мнѣнія, хотя не могли отучить держаться ихъ. Привлекать мужчинъ и въ то же время сдерживать ихъ, вотъ что въ ея глазахъ составляло задачу жизни всякой молодой особы женскаго пола; она съ робкимъ недоумѣніемъ смо-

трѣла на полное безразличіе въ отношеніяхъ Оливіи къ мужчинамъ и женщинамъ, на то строгое самоуваженіе, которымъ эта дѣвушка замѣняла хорошо знакомое ей легкое кокетство подъ маской чиннаго приличія.

— Я никогда не простужаюсь,—сказала Оливія, откладывая свою работу.

— А Кароль никогда не утонетъ,—прибавилъ Петръ.— Ему не это на роду написано, вы можете не безпокоиться, тетя.

Всѣ засмѣялись, точно это была веселая шутка. Оливія поморщилась. Она не чувствовала склонности къ юмору и не находила ничего забавнаго въ такого рода остротахъ.

Они пошли вдвоемъ по липовой аллеѣ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ на безоблачномъ небѣ, но подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей было темно. Высокая фигура мужчины двигалась рядомъ съ ней, какъ громадная тѣнь.

— Боюсь, что вамъ будетъ непріятно жить здѣсь,—сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—У васъ привычка слишкомъ серьезно смотрѣть на вещи, это здѣсь не годится.

— А вы сами, вы серьезно смотрите на вещи? Вотъ хоть бы, напримѣръ, на то, что вамъ не суждено утонуть?

— Настолько серьезно, что я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшилъ совсѣмъ не задумываться надъ этимъ вопросомъ. Меня въ настоящее время занимаетъ не то, какимъ образомъ я покончу жизнь, а то, что мнѣ удастся сдѣлать, пока я живъ. Осторожнѣй, не попадите ногой въ яму. Я думаю, вамъ лучше дать мнѣ руку.

Она такъ и сдѣлала; они молча дошли до конца аллеи.

— А Володя?—спросила она.—Задавались ли вы когда-нибудь мыслью, что ему удастся сдѣлать, прежде чѣмъ онъ погибнетъ?

Ей показалось, что рука, на которую она опиралась, слегка дрогнула, но это было мимолетное ощущеніе, и она не была увѣрена, не вообразилось ли ей это. Когда они черезъ минуту вышли на освѣщенный луною берегъ, она взглянула ему въ лицо и съ досадой замѣтила, что оно ничуть не измѣнилось.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ,—сказала она и отняла свою руку.

Онъ спустился къ водѣ и отвязалъ лодку.

— Входите, пожалуйста.

Она вошла въ лодку, не дотронувшись до его протянутой руки и не глядя на него. Онъ взялъ весла и оттолкнулся отъ берега.

— Что за польза въ такого рода вопросахъ?—сказалъ онъ, наконецъ, налегая на весла.—Всякій изъ насъ дѣлаетъ, что можетъ, и погибаетъ, когда придетъ его время.

— Я спросила васъ,—отвѣчала она, и голосъ ея слегка дрожалъ отъ гнѣва,—потому что все послѣднее время мнѣ хотѣлось знать, подумали ли вы, что вы дѣлаете, когда вы увлекали его, почти мальчика, въ свою политическую дѣятельность?

Онъ отвѣтилъ ей очень серьезно:

— Былъ одинъ періодъ въ моей жизни, когда я объ этомъ думалъ слишкомъ часто. Потомъ я сдѣлался старше и оставилъ эти мысли. Когда человѣкъ живетъ и работаетъ, ему приходится думать о многомъ другомъ.

— О болѣе важномъ, чѣмъ человѣческая жизнь, которую вы погубили случайно, мимоходомъ?

— О болѣе важномъ, чѣмъ чья бы то ни была жизнь.

Она бросила на него гнѣвный взглядъ.

— Гдѣ это вы почерпнули такую олимпійскую увѣренность въ томъ, что всего важнѣе.

— Въ Акатуѣ.

Ей вдругъ представилось, что она была чудовищно, непростительно жестока. Она сидѣла молча, раздумывая о непонятной жизни этихъ людей и о томъ, что она, пробираясь, точно слѣпая, среди нихъ, ежеминутно рисковала по незнанію дотронуться грубой рукой до ихъ ранъ.

Онъ опустилъ весла и лодка медленно подвигалась впередъ. Нѣсколько минутъ не слышно было никакого звука кромѣ шелеста листьевъ лилій о борты, да полусоннаго кудахтанья водяныхъ птицъ. Длинная пелена тумана серебрившаяся подъ луннымъ свѣтомъ, тянулась къ нимъ черезъ блестѣвшую поверхность озера. Среди темныхъ неподвижныхъ сосенъ пролетѣла сова на своихъ широкихъ крыльяхъ.

— Не стоитъ перебирать то, что давно прошло и покончено,—сказалъ Кароль, послѣ того, какъ рѣзкій крикъ совы нарушилъ тишину.—Володина жизнь давно опредѣлилась; и если вы хотите поберечь и его нервы, и свои собственные, вы должны принимать факты, какъ они есть, и пользоваться ими, какъ можно лучше. Ему за тридцать лѣтъ, и его карьера намѣчена.

— Кто ее намѣтилъ? Вы или онъ самъ?

Она сдѣлала этотъ вопросъ вызывающимъ тономъ, досадуя на себя, что слово „Акатуй“ удержало ее отъ справедливыхъ упрековъ. Онъ устремилъ на нее долгій вопросительный взглядъ, и глаза ея опустились.

— Задавали ли вы ему этотъ вопросъ?

Онъ опять заставлялъ ее отступить.

— Я спросила его одинъ разъ, какъ онъ пришелъ къ... къ тому, чтобы сдѣлать первый шагъ. Я понимаю, разъ человѣкъ пошелъ по этому пути, завязался въ дѣло, онъ уже не можетъ отступить; это совсѣмъ другое. Но взяться за эту дѣятельность, за дѣятельность настолько чуждую его природѣ, и ради нея отказаться отъ возможности заниматься искусствомъ... Этого я не могла понять.

— А что онъ вамъ отвѣтилъ?

— Онъ сказалъ, что въ этомъ отношеніи и во многихъ другихъ онъ обязанъ вамъ больше, чѣмъ кому бы то ни было. Онъ сказалъ, что онъ сидѣлъ въ темнотѣ, а вы показали ему великій свѣтъ. О, онъ вполнѣ преданъ вамъ и тому дѣлу, представителемъ котораго вы являетесь. Это я одна, пріѣхавъ сюда, стала сомнѣваться, стоитъ ли вашъ свѣтъ той цѣны, какую онъ заплатилъ за него.

— Свѣтъ стоитъ какой угодно цѣны.

— Даже свѣтъ, который погасъ?

Протяжный вой волка прорѣзалъ ночную тишину. Вслѣдъ затѣмъ послышался жалобный крикъ какого-то маленькаго животнаго.

— Вы сами себя пугаете призраками, точно ребенокъ, — сказалъ онъ ей съ суровымъ состраданіемъ.—Нашъ свѣтъ не гаснетъ.

Оливія наклонилась и опустила руку въ воду. Лодка медленно двигалась, и гладкіе, холодные листья скользили у нея между пальцевъ. Она заговорила, не поднимая глазъ отъ блестящихъ струекъ воды.

— Какъ вы думаете, чѣмъ онъ былъ бы, если бы вы не обратили его въ свою вѣру.

— Скульпторомъ.

— Да, скульпторомъ, и, можетъ быть, великимъ.

— Очень возможно. У него несомнѣнно есть талантъ, можетъ быть, даже геній.

— А вы, что вы изъ него сдѣлали?

— Ничего. Я только разбудилъ его; все остальное сдѣлала его натура. Она сдѣлала его тѣмъ, что онъ есть: свѣточемъ въ темномъ мѣстѣ.

— Ахъ, нельзя такъ разсуждать! — вскричала она въ отчаяніи.—Все это красивыя общія мѣста; я хочу добраться до истины. Онъ говоритъ, что у него не было настоящаго таланта къ скульптурѣ; вы говорите, что у него былъ геній. Въ такомъ случаѣ, вы своею политикой убили этотъ геній. Развѣ вы думаете, я не вижу, что онъ совсѣмъ не вѣритъ въ нее, что онъ держится за нее просто изъ честности, изъ

безнадежной преданности дѣлу, которое проиграно. Его жизнь погибла безъ пользы, и ни у него, ни у васъ не хватаетъ честности сознаться въ этомъ.

— Неужели вы находите, что быть единственнымъ свѣтлымъ вліяніемъ въ такомъ мѣстѣ, какъ здѣшнее, значитъ безъ пользы провести жизнь? Посмотрите хоть на этихъ несчастныхъ дѣтей. Онъ одинъ сколько-нибудь замѣняетъ имъ отца. Вы не видите пользы отъ его политической дѣятельности; но тѣ самыя свойства, которыя заставляютъ его отдаваться ей, дѣлаютъ его ангеломъ-хранителемъ всѣхъ здѣшнихъ слабосильныхъ людей.

— Я думаю,—сказала она, продолжая смотрѣть на воду,— онъ всегда былъ бы ангеломъ-хранителемъ для всѣхъ слабыхъ. Это его природное свойство.

— Вы ошибаетесь. Онъ отъ природы былъ самый настоящій дикарь. Когда я съ нимъ познакомился, онъ интересовался слабыми людьми, только какъ моделями для лѣпки.

— Но вѣдь онъ же былъ мальчикомъ, когда вы съ нимъ познакомились; это нельзя считать, онъ еще не начиналъ жить.

— Ему былъ двадцать одинъ годъ.

— Ну такъ что же? Онъ еще ничего не видалъ. Онъ выросъ въ пустынѣ. Вѣдь вы съ нимъ познакомились, когда онъ въ первый разъ поѣхалъ въ городъ, чтобы учиться скульптурѣ, какъ какой-то Дикъ Виттингтонъ, безъ денегъ, безъ рекомендательныхъ писемъ?

— Да, и съ папкой, наполненной рисунками. Онъ собирался получить стипендію, ѣхать въ Парижъ и еще Богъ знаетъ куда. Видали вы эти рисунки?

— Я не видала ни одной его работы, кромѣ того сокола, котораго онъ показывалъ сегодня.

— Онъ, навѣрно, сжегъ ихъ. Впослѣдствіи онъ бросилъ все это. Онъ писалъ мнѣ въ Акатуй, что отказался отъ всякихъ мечтаній и изящныхъ прихотей. Онъ началъ немножко заниматься скульптурой только послѣ того, какъ встрѣтился съ вами.

— Теперь уже слишкомъ поздно, — нетвердымъ голосомъ проговорила она. — Онъ никогда не будетъ прежнимъ.

— Кто пріобрѣлъ живую душу, тотъ не можетъ оставаться прежнимъ.

Она вспыхнула.

— Ахъ, это вѣчное самомнѣніе людей, замѣшанныхъ въ какое-нибудь дѣло! Вамъ кажется, что только тотъ и имѣетъ душу, кто занимается вашей политикой. Вы все равно что миссіонеры, которые проповѣдываютъ евангеліе дикарямъ; вы

насильно просвѣщаете людей, которыхъ природа вовсе не создала для этого свѣта, и они умираютъ.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды,—спокойно согласился онъ,—только вы не туда направляете ваши нападки. Русскимъ очень тяжело, когда въ нихъ пробуждается совѣсть. Они не пережили столѣтій подготовительной работы, какъ другія націи. Но я не думаю, чтобы Володя захотѣлъ снова стать такимъ, какимъ онъ былъ въ юности, даже если бы и могъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ не стоитъ и разсуждать. Я хотѣлъ поговорить съ вами объ одномъ практическомъ вопросѣ. Когда вы возвращаетесь въ Англію?

— Я хотѣла вернуться, какъ только мы уѣдемъ отсюда, въ концѣ мѣсяца. Роднымъ очень хочется, чтобы я поскорѣй пріѣхала домой.

— Я бы попросилъ васъ не уѣзжать. Поживите съ нимъ эту осень.

Краска сбѣжала съ лица ея.

-- Вы находите, что онъ... опасенъ?

— Нѣтъ, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остались, если вамъ можно.

— Почему?

Онъ молчалъ.

— Я не ребенокъ,—сказала она, выждавъ съ минуту,— и, какъ я вамъ говорила, я рѣдко плачу. Я думаю, вы обязаны сказать мнѣ всю правду. Къ чему я должна готовиться?

— Мнѣ бы не хотѣлось тревожить васъ, но я не очень доволенъ состояніемъ его здоровья.

— А вѣдь въ послѣдній разъ, когда вы его выслушивали, вы сказали, что ему лучше.

— Да, пока, пожалуй, лучше. Что же, можно вамъ остаться?

— Конечно, я останусь. Но если ему станетъ худо, очень худо, можно мнѣ позвать васъ?

— Я очень занятъ, какъ вы знаете, и не всегда могу получить разрѣшеніе выѣхать. Но если только будетъ возможно, я пріѣду на Рождество. Не передавайте никому нашего разговора. А теперь намъ пора вернуться.

Когда они пришли домой, всѣ уже разошлись по спальнямъ. Онъ зажегъ свѣчи, приготовленныя на столѣ въ передней, и подалъ Оливіи одну изъ нихъ.

— Увидимся мы еще до моего отъѣзда?

— О, да, я всегда рано встаю.

— Покойной ночи, въ такомъ случаѣ.

Она колебалась; затѣмъ поставила свой подсвѣчникъ на столъ.

— Докторъ Славинскій...

Онъ обратился къ ней съ улыбающимся лицомъ.

— Что вамъ угодно?

— Я... я была сейчасъ очень груба. Вся здѣшняя жестокость, всѣ эти ужасы необычны для меня; я чувствую, что и сама становлюсь жестокой... Я говорю такія вещи, о которыхъ мнѣ послѣ тяжело вспомнить. Я вамъ сказала гадкія слова...

Рука его крѣпко стиснула столъ, но онъ не шевельнулся.

— Мнѣ... очень жаль!—сказала она, дотрогиваясь до его пальцевъ.

Потъ выступилъ у него на лбу. Онъ быстро отдернулъ руку, и она слышала, какъ онъ тяжело и быстро дышалъ. Она отступила и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Неужели я оскорбила васъ? Вы единственный другъ, на котораго я могу здѣсь разсчитывать; прошу васъ...

— Дорогая миссъ Латамъ, чѣмъ же вы меня оскорбили? Конечно, вы всегда можете разсчитывать на меня! И не мучайтесь относительно Володи; онъ еще очень можетъ поправиться. Покойной ночи.

Владиміръ читалъ у себя въ комнатѣ. При входѣ Кароля, онъ съ улыбкой взглянулъ на него.

— Ну, что, старичина! хорошо ли вы покатались?

— Превосходно,—отвѣчалъ Кароль, усаживаясь и закуривая папироску. Лунная ночь, крики совы, все какъ слѣдуетъ. Да, здѣсь хорошо, а всетаки мнѣ пора приниматься за работу, нельзя вѣчно праздновать. А твоя невѣста, Володя, славная дѣвушка, право, очень хорошая дѣвушка.

V.

Кароль уѣхалъ изъ Лѣсного рано утромъ. Вся семья, за исключеніемъ Петра, собралась на подъѣздъ провожать его; и, спускаясь по аллеѣ, онъ съ улыбкой оглядывался назадъ, на руки и платки, махавшіе ему. Но вотъ вѣтви липъ скрыли его отъ глазъ провожавшихъ, и лицо его сразу постарѣло, стало угрюмымъ и печальнымъ.

Онъ не любилъ предаваться размышленіямъ о своей тяжелой долѣ, даже когда она, какъ въ эту минуту, представлялась ему черезчуръ тяжелой. Какъ ни скаредно отнеслась къ нему судьба въ другихъ отношеніяхъ, но одно она ему во всякомъ случаѣ дала: способность къ самообладанію, которую онъ развилъ долгимъ упражненіемъ. Человѣкъ,

чувствующій безнадежную страсть къ женщинѣ, составляющей единственное утѣшеніе друга, жизнь котораго онъ испортилъ, долженъ считать себя счастливымъ, если умѣетъ не измѣнить себѣ ни однимъ движеніемъ. Исключая той минуты, когда Оливія неожиданно коснулась его руки, онъ ни разу не выдалъ себя ни голосомъ, ни выраженіемъ лица, ни разу не далъ ни ей, ни Владиміру возможности заподозрить его несчастную тайну. Теперь, когда притворство стало излишнимъ, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ онъ усталъ; усталъ до того, что съ облегченіемъ думалъ: „до Рождества мнѣ не придется видѣться съ ней“. Онъ прислонился къ спинкѣ тарантаса и смотрѣлъ грустными глазами въ поднимавшійся туманъ.

Нельзя не сознаться, она была права, хотя по своему обыкновенію слишкомъ рѣзко поставила вопросъ. Не смотря на свое полное непониманіе дѣла, она сумѣла задѣть его за живое. Да, это было вѣрно; онъ разносилъ свой свѣтъ въ темныя мѣста, и этотъ огонь сжегъ красивый цвѣтокъ, случайно попавшійся ему на пути. Онъ былъ слишкомъ сострадателенъ, чтобы сказать ей, что она права, и слишкомъ лицемѣренъ, чтобы дать ей замѣтить это; но въ душѣ онъ чувствовалъ, что это такъ. Оглядываясь назадъ теперь, въ тридцать четыре года, на всѣ и блестящія, и жалкія ошибки своей юности, онъ видѣлъ, что пріобрѣтеніе для дѣла Владиміра были одною изъ самыхъ трагическихъ побѣдъ его А въ то время (о, какъ это было давно, изъ какой туманной дали глядѣли на него эти воспоминанія) она казалась ему одною изъ самыхъ великолѣпныхъ.

Все это было слѣдствіемъ тѣхъ гуманитарныхъ идей, которыя овладѣли имъ въ молодые годы. Вѣра въ общее братство и въ прощеніе всѣхъ грѣховъ, повидимому, такъ же неизбѣжны на извѣстной ступени нравственнаго развитія, какъ чума для щенковъ. Съ годами человѣкъ избавляется отъ этой вѣры, какъ щенокъ отъ болѣзни; но пока онъ былъ охваченъ ею, это имѣло на него серьезное вліяніе и причиняло ему не мало страданій.

Воспитанный въ узкихъ понятіяхъ традиціонной польской семьи, которая съ дѣтства учила его проклинать и презирать все русское, онъ въ двадцать одинъ годъ пришелъ къ убѣжденію, что національная вражда—пережитокъ старыхъ понятій и что всѣ люди братья. Въ это время онъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ въ качествѣ политическаго миссіонера, распространяя евангеліе національной независимости среди своихъ соплеменниковъ поляковъ, затерявшихся въ космополитической геєннѣ Петербурга. Мало по малу онъ сталъ отступать отъ традицій своей семьи и своего

народа. Онъ отбросилъ, какъ устарѣлый предразсудокъ, уроки вѣкового опыта и объявилъ своему дѣдушкѣ, который замѣнялъ ему отца, погибшаго въ послѣднемъ польскомъ возстаніи, что для него ничто человѣческое не чуждо, что онъ не дѣлаетъ различія между русскими и поляками, и во всѣхъ одинаково ищетъ душу. Онъ былъ очень молодъ въ то время и конечно, говорилъ вполнѣ искренно.

Онъ помнилъ, точно будто это случилось вчера,—какъ старикъ поднялъ глаза отъ своего молитвенника, пристально посмотрѣлъ на него, а затѣмъ проговорилъ снисходительнымъ тономъ:

— Да, да, по этому поводу существуетъ много прекрасныхъ теорій; все это очень естественно въ молодые годы. Но въ концѣ концовъ ты вернешься къ своему народу. Такъ бываетъ со всякимъ здоровымъ человѣкомъ.

— Вы учили меня, что у русскихъ нѣтъ ничего, кромѣ желудка и зубовъ,—Кароль помнилъ, что проговорилъ это очень горячо, — но это неправда, у нихъ есть такая же душа, какъ у насъ.

— Конечно, конечно, мой мальчикъ,—отвѣтилъ дѣдъ, крестясь рукой, изувѣченной старой штыковой раной.—Но предоставь Господу Богу и его Пресвятой Матери спасать ихъ души, а самъ думай о томъ, какъ спастись отъ ихъ зубовъ.

Но спасаться отъ кого бы то ни было оказалось несвойственно Каролю. Въ тѣ дни золотой юности онъ относился съ величавымъ равнодушіемъ къ настоящей стоимости жизни и ея благъ. Онъ очень рано призналъ, какъ общую аксіому, что всякая идея, цѣнная сама по себѣ, непремѣнно должна быть распространяема, и рѣшилъ въ глубинѣ души, что готовъ скорѣе вынести всякое личное страданіе, всякую потерю, чѣмъ отказаться отъ этого убѣжденія. Что такого же рода страданія и потери могутъ выпасть на долю и другихъ, это въ данный моментъ развитія, не приходило ему въ голову. И вотъ онъ ходилъ, подобно Діогену съ фонаремъ, и разыскивалъ русскихъ, имѣвшихъ душу.

Два года жизни провелъ онъ, мечтая употребить русскія руки на отмщеніе за страданія своей родины, мечтая поднять на защиту ей дѣтей ея враговъ. Въ это время онъ встрѣтилъ Владиміра.

Болѣе зрѣлый и практическій Кароль, котораго Акатуй излѣчилъ отъ всякихъ мечтаній, оставилъ бы въ покоѣ эту дѣвственно-дикую натуру, съ ея жизнерадостностью, ея полураскрытыми крыльями, ея полнымъ незнаніемъ жизни.

Но двадцатитрехлѣтній миссіонеръ Кароль находилъ вполнѣ естественнымъ овладѣть этимъ прекраснымъ созда-

ніемъ и усовершенствовать его. О скульптурѣ онъ не зналъ ничего, о человѣческихъ характерахъ очень мало. Онъ считалъ великимъ счастьемъ для себя, что можетъ извлечь эту драгоцѣнную бѣлую жемчужину изъ окружавшей ее грязи и принести ее на алтарь богини, которой онъ поклонялся. Результатъ получился неизбѣжный: логическое, безжалостное воздѣйствіе западной мысли на восточную душу.

Разъ его нравственное чувство пробудилось, для Владиміра стало невозможно продолжать безсознательную жизнь художника, для которой создала его природа. Но среди поляковъ, съ которыми познакомилъ его Кароль, онъ чувствовалъ себя чужимъ, неспособнымъ понимать сущность ихъ идей. Послѣ освобожденія изъ тюрьмы онъ прервалъ съ ними всѣ дѣловыя сношенія и присоединился къ немногочисленному кружку русскихъ, одушевленныхъ гражданскимъ сознаніемъ. Преждевременная попытка ихъ поднять народъ кончилась полной неудачей. Владиміръ не заплатилъ за нее немедленною смертью, какъ большинство его товарищей, онъ остался жить и видѣлъ, какъ священныя для него идеи тонули въ крови и грязи, среди преслѣдованій и трусливаго отступничества, среди ссоръ, интригъ и измѣны товарищей. Теперь въ этомъ мірѣ торжествующаго зла онъ и подобные ему трагическія фигуры, разсѣянныя тамъ и сямъ, сохраняли вѣрность своему идеалу, но казались людьми безполезными. Они не могли сдѣлаться европейцами; Россія была для нихъ все, а въ Россіи не было мѣста, гдѣ они могли бы дышать спокойно, не было дѣла, которому они могли бы посвятить свои силы.

Какое счастье, что онъ встрѣтилъ Оливію! Бѣдный Владиміръ! Хоть одинъ лучъ личнаго счастья освѣтитъ его жизнь! О себѣ самомъ Кароль не заботился: у него на рукахъ было руководство сильнымъ рабочимъ движеніемъ въ Польшѣ, онъ могъ обойтись безъ личнаго счастья, могъ найти, чѣмъ замѣнить его. До Рождества онъ, можетъ быть, привыкнетъ къ своему положенію, можетъ быть, въ состояніи будетъ видѣться съ нею и при этомъ не держать себя на такой короткой уздѣ. Только бы она не смотрѣла такъ серьезно, такъ умно, такимъ съ ума сводящимъ взглядомъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ четыре мѣсяца отдыха и массу дѣлъ, которыя должны быть закончены въ это время. Союзъ Домбровскихъ рудокоповъ прислалъ ему свой отчетъ, необходимо подыскать человѣка, который наладилъ бы имъ дѣла. Новый ежемѣсячный журналъ, основанный имъ, нуждался въ денежныхъ средствахъ; необходимо найти новаго соиздателя... Что касается его собственнаго несчастія,— да, оно дѣйствительно не изъ легкихъ. Это прямо какая-то

особенная жестокость судьбы: всѣ эти годы никакія сердечныя увлеченія не осложняли его положенія, и вдругъ теперь имъ овладѣла эта женщина, изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ именно эта. Но́ для чего же онъ былъ въ Акатуѣ, если онъ не научился твердо выносить всякую жестокость и людей, и боговъ?

Странное явленіе представляло это воспоминаніе объ Акатуѣ: оно всплывало въ умѣ безъ всякаго видимаго повода, и въ сравненіи съ нимъ все, о чемъ человѣкъ думалъ въ данную минуту, все, что его тревожило, казалось какимъ-то ничтожнымъ и отдаленнымъ. А между тѣмъ, вспоминались обыкновенно разныя мелкія подробности акатуйской жизни; давно забытыя бездѣлицы вдругъ ясно воскресали въ памяти, какъ что-то новое и свѣжее. Крупныя событія рѣдко вспоминались; они залегли далеко въ глубинѣ души и ждали тамъ своей очереди. На этотъ разъ ему живо представилась сцена не изъ самаго Акатуя, а изъ путешествія туда, восемь лѣтъ тому назадъ.

Это было за Красноярскомъ. Онъ и нѣсколько другихъ арестантовъ заболѣли тифомъ, заразившись дорогой, и конвой ушелъ съ остальной партіей, оставивъ ихъ въ больницѣ. Тамъ узналъ онъ о самоубійствѣ сестры. Къ тому времени, когда они въ состояніи были продолжать путь и для сопровожденія ихъ явился новый конвой, настала зима и замерзшая дорога хрустѣла, точно стекло, подъ копытами лошадей съ трудомъ тащившихъ багажъ. Въ партіи было нѣсколько слабыхъ, между прочимъ, двѣ женщины, и немногія мѣста въ багажныхъ телѣгахъ были постоянно заняты. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ и былъ увѣренъ, что можетъ идти. Но въ этотъ день имъ пришлось сдѣлать длинный переходъ, болѣе шестнадцати миль, восточный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо, засыпая ихъ снѣжной крупой, колючей, какъ иголки, и замедлялъ ихъ движенія; солнце уже сѣло, а имъ оставался еще добрый часъ пути до того этапа, гдѣ они должны были ночевать. Съ нимъ, кромѣ того, случилась бѣда: онъ, вѣроятно, плохо устроилъ подвертку на правой ногѣ; она соскользнула съ мѣста и кольцо цѣпи, спускаясь и поднимаясь при ходьбѣ, натерло ему лодыжку. Онъ съ удивительною ясностью помнилъ ощущеніе желѣзнаго кольца, которое при каждомъ его шагѣ проходило взадъ и впередъ по ранѣ. Повидимому, не было никакого логическаго основанія, почему именно это болѣзненное ощущеніе такъ ясно запечатлѣлось въ его памати; но малѣйшая подробность этого вечера вставала передъ нимъ съ необыкновенною яркостью. Длинная прямая дорога, казавшаяся сѣрою при свѣтѣ раннихъ сумерекъ; покрытые снѣгомъ сучья сосенъ, раскачиваемые вѣтромъ, несмол-

кавшіе однообразные стоны больной женщины въ телѣгѣ; чувство какой-то отчужденности, безконечности; ему представлялось, что онъ обязанъ идти цѣлую вѣчность такимъ образомъ по своему собственному аду отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ... Вдругъ онъ очнулся, лежа на спинѣ среди дороги, полузадыхаясь отъ влитой ему въ ротъ водки. Онъ видѣтъ, что надъ нимъ наклоняется красное, толстое лицо конвойнаго офицера, а солдаты стоятъ неподвижно, точно глиняные истуканы. Они всѣ смотрѣли на него и были удивительно похожи на китайскихъ идольчиковъ. Онъ помнитъ, что одинъ изъ его товарищей, маленькій чахоточный человѣчекъ, прозванный „Векша" за его суетливость и блестящіе глаза, сказалъ тонкимъ, веселымъ голосомъ (добрый, милый Векша, онъ до конца жизни не утратилъ своей веселости): „Ай, ай, Кароль, что это вы выдумали! Если вы станете валяться безъ чувствъ, что же намъ-то прочимъ останется дѣлать?"

Кароль почему-то сильно обидѣлся и сталъ энергично протестовать. Онъ никогда въ жизни не падалъ безъ чувствъ; кажется, онъ не какой-нибудь несчастный уголовный, чтобы его можно было заподозрѣть въ такой ерундѣ. Неужели человѣкъ не можетъ поскользнуться и упасть на этой отвратительной дорогѣ? И онъ вскочилъ торопливо, до смѣшного спѣша доказать, что его совершенно напрасно обвиняютъ. Затѣмъ онъ, повидимому, снова лишился чувствъ, такъ какъ послѣ этого у него въ памяти остался отравленный воздухъ этапной комнаты, гдѣ онъ лежалъ, безсмысленно глядя на грязныя доски потолка и прислушиваясь къ шипѣнью воды на очагѣ. Его уложили на нары, подложивъ ему подъ голову вмѣсто подушки его свернутую куртку; кто-то промывалъ ему рану на ногѣ, можетъ быть, Векша, но ему лѣнь было повернуть голову и посмотрѣть. Послѣ этого онъ долго лежалъ, много часовъ,—а, можетъ быть, только минутъ? — въ состояніи пассивнаго отупѣнія, считая клоповъ, которые ползали по стѣнѣ; онъ считалъ ихъ дюжинами, полусотнями, сотнями; ловилъ себя на безсмысленныхъ вычисленіяхъ тангенсовъ угла ихъ направленія и квадратныхъ корней количества ихъ ногъ, потомъ вдругъ бросалъ все это и начиналъ снова и снова увѣрять себя, что въ сущности не случилось ничего дурного, хорошо, что Ванда умерла, что она избавилась навсегда отъ всего этого, что ему нечего безпокоиться о ней.

Да, все это такъ; а вотъ теперь ему уже тридцать четыре года, у него на рукахъ столько дѣла, что одному человѣку еле справиться, а онъ теряетъ время, перебирая въ головѣ всю эту ветошь воспоминаній о давно прошедшихъ дняхъ. Конечно, все это были полезные уроки, немного суровые,

правда, но человѣкъ долженъ считать себя счастливымъ, что получилъ ихъ въ молодые годы. Не всякому удается, прежде чѣмъ начать серьезное дѣло жизни, узнать опытнымъ путемъ, на что онъ способенъ, и что могутъ выдержать его нервы. Кто проживетъ два, три года при такой обстановкѣ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что ничто болѣе не устрашитъ его.

Но, Господи, какъ было тяжело въ то время!

Оливія и Владиміръ провели все утро въ павильонѣ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣй кончить своего сокола, и онъ попросилъ ее посидѣть съ нимъ, пока онъ работаетъ. Въ продолженіе трехъ часовъ они едва обмѣнялись нѣсколькими словами; оба были заняты: онъ своею глиной, она чтеніемъ писемъ съ родины и отвѣтами на нихъ. Работникъ, отвозившій Кароля въ городъ, привезъ ей цѣлую пачку этихъ писемъ. Отецъ, мать, сестра, всѣ писали ей. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ она сказала имъ, что надѣется быть дома черезъ двѣ недѣли и отвѣты выражали ихъ радость по этому поводу. Имъ будетъ очень тяжело узнать, что отъѣздъ ея отсрочивается по меньшей мѣрѣ до Рождества, главное, она никакъ не можетъ объяснить причину этой отсрочки. Вообще, она была плохой корреспонденткой, ея письма были обыкновенно коротки и сухи; это происходило не потому, чтобы она не любила своихъ родныхъ, а просто по какой-то стыдливости чувства. Она даже на словахъ рѣдко допускала какія-нибудь чувствительныя изліянія. А написать нѣжныя слова и видѣть, какъ они глядятъ на нее съ бѣлой бумаги своими черными буквами, это казалось ей немыслимымъ. Впрочемъ, на этотъ разъ она постаралась написать длинныя письма, и подробными описаніями окружающей природы скрасить не пріятное извѣстіе о томъ, что другъ, ради котораго она пріѣхала, боленъ серьезнѣе, чѣмъ она предполагала, и ей придется остаться съ нимъ на неопредѣленное время. Когда она вернется домой, она разскажетъ имъ все.

Потомъ она начала письмо къ Дику. Къ нему было легче писать, такъ какъ не требовалось никакихъ объясненій. Онъ прислалъ ей длинное дружеское посланіе, наполненное веселой болтовней о приходскихъ дѣлахъ и о мѣстной флорѣ, о таксѣ на водоснабженіе и о послѣдней книгѣ Джорджа Мередита. Она сама не понимала почему, но въ эти недѣли томительной тревоги письма Дика служили для нея лучшимъ утѣшеніемъ. Однако ей трудно было найти о чемъ говорить съ нимъ, и даже рѣдкій видъ жабрея, отысканный имъ на пустомъ пространствѣ за стѣной кладбища, не вызвалъ живого интереса въ ея душѣ, подавленной уныніемъ.

— Оливія!—позвалъ Владиміръ.

Она обернулась. Онъ смывалъ глину съ рукъ.

— Приди, взгляни, пожалуйста!

Соколъ былъ готовъ. Она нѣсколько минутъ молча стояла передъ нимъ. Когда Владиміръ взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ, что уголки ея рта болѣзненно подергиваются.

— Что,—спросилъ онъ,—нехорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ, великолѣпно; но это такъ безнадежно, такъ ужасно мертво.

— Тѣмъ лучше для маленькихъ птичекъ.

— Ну, что маленькія птички! Развѣ у нихъ когда нибудь будутъ такія крылья.

— Дядя Володя!—раздался голосъ за окномъ.

Владиміръ открылъ дверь. Тамъ стоялъ его старшій племянникъ, Борисъ, съ грустнымъ встревоженнымъ лицомъ и дрожалъ отъ холода на сыромъ, туманномъ воздухѣ.

— Дядя Володя, папа уѣхалъ.

— Куда уѣхалъ?—начала Оливія и остановилась.

По лицу Владиміра она увидѣла, что онъ знаетъ, куда.

— Какую онъ лошадь взялъ?

— Старую бѣлую кобылу у Ицки.

— Когда вы это узнали?

— Да сейчасъ только. Мы думали, что онъ на новой вырубкѣ, а дядя Ваня пришелъ и говоритъ, что его тамъ совсѣмъ не было. Тетя Соня послала меня узнать у Ицки. Онъ, должно быть, уѣхалъ рано утромъ, когда мы еще не вставали. Тетя плачетъ въ кухнѣ. Она говоритъ, что не останется денегъ намъ на новые сапоги къ зимѣ.

Мальчикъ заплакалъ. Владиміръ ласково погладилъ его по головѣ.

— Ну, ну, не плачь, голубчикъ. Я поѣду за папой и привезу его домой. Ицка знаетъ, по какой дорогѣ онъ поѣхалъ?

— По нижней лѣсной.

— Развѣ тамъ теперь можно ѣздить?

— Да, вода спала.

— Ну, значитъ, онъ будетъ въ городѣ прежде, чѣмъ я успѣю нагнать его. Оливія, присмотри за дѣтьми, пока я буду ѣздить; не давай тетѣ говорить объ этомъ при маленькихъ. Ты, Борисъ, я знаю, не будешь.

— Конечно, не буду.

— Мы все сдѣлаемъ,—сказала Оливія своимъ обычнымъ успокаивающимъ тономъ,—Боря такой умный, точно большой; онъ поможетъ мнѣ смотрѣть за маленькими. Сведи ихъ во дворъ, поиграй съ ними, а я пойду къ тетѣ Володя, пойдемъ и ты. Мнѣ хочется, чтобы ты закусилъ передъ дорогой.

— Я сейчасъ приду. Мнѣ надобно распорядиться насчетъ

лошади. Не безпокойся, я вернусь завтра, не знаю только, въ которомъ часу.

Онъ остановился, чтобы сказать нѣсколько ласковыхъ словъ мальчику, который пересталъ плакать и, видимо, нѣсколько успокоился. Затѣмъ онъ заботливо укрылъ мокрой тряпкой своего глинянаго сокола.

— Видишь,—съ улыбкой обратился онъ къ Оливіи,—приходится заботиться и о маленькихъ птичкахъ.

Слѣдующій день приближался къ концу. До сихъ поръ Оливіи удавалось, то утѣшая, то кротко сдерживая, заставить тетю Соню сохранять спокойствіе и даже худо ли, хорошо ли заняться домашнимъ хозяйствомъ; младшія дѣти и не подозрѣвали, что въ домѣ что-то не ладно. Но теперь старушка снова заволновалась и растревожилась; съ каждымъ часомъ становилось все труднѣе удерживать ее отъ разговоровъ при дѣтяхъ объ ихъ отцѣ и его несчастной страсти.

— Уже шесть часовъ! А Володя долженъ былъ вернуться сегодня утромъ. Навѣрно, съ нимъ что-нибудь случилось! Я такъ и знала, что это добромъ не кончится. Володя слишкомъ строгъ къ нему; онъ всегда былъ очень суровъ; можетъ быть, бѣдный Петя сдѣлалъ что-нибудь надъ собой, а мы тутъ сидимъ...

Она начала громко плакать и причитать, какъ деревенскія бабы.

— Дѣти,—сказала Оливія громкимъ голосомъ:—Сбѣгайте-ка къ тремъ елкамъ, посмотрите, не ѣдетъ ли дядя. Ну кто скорѣй добѣжитъ? Разъ, два, три!

Дѣти бросились бѣжать, одинъ только Борисъ остался на мѣстѣ. Онъ посмотрѣлъ на Оливію не по-дѣтски серьезнымъ взглядомъ и продолжать ѣсть свой кусокъ хлѣба съ вареньемъ.

— Милая моя! — тетя Соня перестала плакать и начала ворчать,—какъ это можно посылать дѣтей бѣгать, когда они ужинаютъ? Это очень вредно!

— Менѣе вредно, чѣмъ слушать такого рода разговоры, — спокойно возразила Оливія. — Позвольте мнѣ налить вамъ еще чашку чаю.

Тетя Соня снова заплакала.

— Видно, вы никогда ни о комъ не безпокоились, оттого вы такая суровая.

— Боря,—сказала Оливія,—передай мнѣ, пожалуйста, тетину чашку.—Право, тетя, вы напрасно такъ тревожитесь. Володю, вѣроятно, задержали дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. А можетъ быть, дорогу опять залило.

Но старушка только тяжело вздохнула и покачала головой.

— Вотъ и Ваня не приходитъ къ обѣду, кто знаетъ...

Громкій крикъ, раздавшійся со двора, заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Борисъ вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ двери, но Оливія опередила его. Она тихонько оттолкнула его, вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь.

Ваня въ шляпѣ на бекрень, въ сапогахъ, перепачканныхъ грязью, стоялъ на подъѣздѣ, держа за шиворотъ босоногаго, оборваннаго деревенскаго мальчишку, который кричалъ во все горло. Въ ту минуту, когда Оливія открыла дверь, онъ ударилъ кулакомъ по грязной всклокоченной головенкѣ.

— Я тебя научу смѣяться надъ господами. Я пьянъ? Ну, говори, пьянъ я, а?

Огромный кулакъ поднялся, чтобы нанести второй ударъ. Оливія молча подошла и схватила поднятую руку своею сильною рукою. Онъ вырвался и обратился къ ней съ ругательствами. Лицо его, обыкновенно глуповато кроткое, было красно отъ пьянства и искажено дикимъ гнѣвомъ.

— Уходи прочь,—сказала Оливія мальчику, уцѣпившемуся за ея юбку,—бѣги скорѣй!

Онъ убѣжалъ, хныкая и подфыркивая. Ваня грубо схватилъ Оливію за плечи.

— А, это вы, это вы? Какая важная барыня! При ней нельзя и мальчишку за уши выдрать! Ну, хорошо, милочка, поцѣлуй меня.

Онъ приблизилъ къ ея лицу свое красное, разгоряченное лицо. Она слегка отвернула голову, чтобы не чувствовать запаха водки, и ловко вывернула его руку. Онъ отпустилъ ея плечи, и она быстро отошла въ сторону.

— Осторожнѣй,—весело сказала она, — тутъ ступеньки. Хорошо, хорошо, мы все сейчасъ устроимъ. Только войдите скорѣй. Я не могу разговаривать съ вами на лѣстницѣ. Ключъ? Да вотъ вашъ ключъ. Постойте, я вамъ открою дверь. Вы хотите меня поцѣловать? Подождите немножко.

Она втолкнула его въ его спальню и заперла дверь на ключъ.

Задыхаясь, прислонилась она къ притолкѣ. Онъ былъ сильный мужчина, и хотя она, благодаря своей ловкости, одержала верхъ, но оказалось, что онъ зашибъ ей палецъ.

Теперь онъ пытался выломать дверь и колотилъ ее со всѣхъ силъ, выкрикивая ругательства и разныя нелѣпости.

Прибѣжала тетя Соня и по обыкновенію залилась слезами.

— Ахъ, моя милая, я думала, онъ васъ убьетъ!

— Глупости,—сказала Оливія, стараясь овладѣть собой.— Неужели вы думаете, мнѣ не приходилось имѣть дѣло съ пьяными? Онъ немножко ушибъ мнѣ руку, вотъ и все. Я

сейчасъ помочу ее въ водѣ. Пойдемъ, пейте спокойно чай. Боря, не бойся, все уладилось.

Во дворѣ раздался стукъ подковъ по камнямъ, и Боря побѣжалъ туда. Владиміръ снялъ съ своего сѣдла младшаго мальчика, остальныя дѣти окружали его, не обращая вниманія на отца, который молча слѣзъ съ лошади и передалъ несчастную кобылу крестьянскому мальчику, стоявшему тутъ же.

— Сведи ее къ Ицкѣ,—проговорилъ онъ торопливо и вошелъ въ домъ, не сказавъ ни слова больше.

Владиміръ явился въ столовую, неся на каждомъ плечѣ по ребенку; остальные трое цѣплялись за его платье. Лицо его было страшно блѣдно, подъ глазами синіе круги.

— Ахъ, ты, мой дорогой,—вскричала тетя Соня, бросаясь къ нему и готовясь, какъ всегда, разыграть чувствительную сцену,—какъ ты долго не ѣхалъ, какъ мы безпокоились! Привезъ ты его благополучно? Я всю ночь глазъ не могла сомкнуть, все думала! Что онъ...

— Подождите немножко, тетя,—прервалъ ее Владиміръ задыхающимся голосомъ. Онъ сѣлъ къ столу и долго не могъ перевести духъ. Потомъ у него начался припадокъ страшнаго кашля. Дѣти стояли и молча глядѣли на него широко раскрытыми, испуганными глазами. Къ счастью, въ эту минуту вошла въ комнату Оливія; она сразу замѣтила, какъ онъ утомленъ, и, не говоря ни слова, подала ему чашку чая.

— Что у тебя съ рукой?—спросилъ онъ, выпивъ чай. Она забинтовала больной палецъ.

— Ничего, я ушибла палецъ.

— А гдѣ Ваня?

— Онъ заперся у себя въ комнатѣ. Нѣтъ, нѣтъ, посиди спокойно, отдохни.

Онъ всталъ и отвелъ ея руку.

— Я не усталъ. Выйди со мной. Мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Она вышла съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю.

— Петю нельзя оставлять одного. Онъ сегодня два раза пытался покончить съ собой.

— Послѣ того, какъ ты его увезъ?

— Одинъ разъ въ томъ трактирѣ, гдѣ я его нашелъ, онъ собирался повѣситься. А потомъ дорогой. Онъ опередилъ меня и чуть не бросился въ озеро. Знаешь, тамъ, гдѣ такой крутой берегъ. Я долженъ сидѣть съ нимъ всю ночь. Постарайся, если можешь, успокоить тетку.

— Но ты вѣдь, кажется, не спалъ и прошлую ночь?

— Я искалъ его до двухъ часовъ утра. А потомъ не

могъ отойти отъ него. Онъ игралъ съ какими-то тремя негодяями, гарнизонными офицерами, а они побились объ закладъ со своими дамами, что выиграютъ у него медальонъ съ портретомъ его покойной жены.

— И выиграли?

— Да, это единственная вещь, которую онъ до сихъ поръ никогда не ставилъ на карту. Впрочемъ, я его вернулъ назадъ.

— Ты его купилъ?

— Я побилъ одного изъ нихъ, а другіе отдали сами. Послѣ я, конечно, заплатилъ имъ. Уйди теперь, дорогая, мнѣ надо посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ.

Онъ поцѣловалъ ее, и она ушла. Онъ постучалъ въ дверь брата.

— Петя, Петя, впусти меня.

— Уходи,—отвѣчалъ какой-то странный сдавленный голосъ изъ комнаты,—уходи, оставь меня въ покоѣ.

Изъ сосѣдней комнаты послышался градъ ударовъ въ дверь. Пьяница, молчавшій нѣсколько минутъ, услыша голоса вблизи, снова разразился ругательствами.

— Она заперла меня!—вопилъ онъ, колотя дверь кулаками и ногами. — Слышите? Англійская чертовка заперла меня, меня, дворянина...

— Петя!—крикнулъ вдругъ Владиміръ строгимъ, рѣзкимъ голосомъ.—Выходи!

Игрокъ появился на порогѣ своей комнаты. Онъ сбросилъ только верхнее платье, но не переодѣлся и не умылся. Грязныя руки его дрожали, волосы были смочены потомъ, одежда въ безпорядкѣ. Онъ устремилъ на строгое лицо брата какой-то полусознательный испуганный взглядъ.

Оливія, услышавъ шумъ, поспѣшила вернуться, и она тоже слегка испугалась при видѣ гнѣва Владиміра.

— Я долженъ расправиться съ другой скотиной,—сказалъ онъ и отворилъ дверь Ваниной комнаты.

Пьяница съ дикимъ воплемъ подскочилъ къ Оливіи. Она быстро отстранилась, а Владиміръ схватилъ его за шиворотъ и втолкнулъ обратно въ комнату.

— Ложись спать,—крикнулъ онъ ему,—и стыдись, коли можешь.

Глаза его пылали гнѣвомъ. Ваня нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него, открывъ ротъ. Потомъ упалъ и ползалъ по полу, громко рыдая.

— Ложись!—повторилъ Владиміръ.

Несчастный повиновался безъ возраженій. Владиміръ замкнулъ дверь и съ ключемъ въ рукѣ обратился къ Петру, который стоялъ молча, опустивъ голову.

— Видѣлъ ты руку Оливіи?

Игрокъ медленно поднялъ глаза и снова опустилъ ихъ. Густой румянецъ разлился по его грязному лицу.

— Ваня сдѣлалъ это, пока я ѣздилъ разыскивать тебя. Она, вѣроятно, защищала твоихъ же дѣтей, вмѣсто тебя.

Черезъ дверь раздавались, не переставая, слезливыя вопли пьяницы:

— Володя, не сердись; Христа ради, Володя!

Петръ дрожащею рукой схватился за горло. Онъ пытался говорить, но губы его дрожали, такъ что онъ не могъ сказать ни слова.

— Я... тебѣ говорилъ...—произнесъ онъ, наконецъ,— оставь меня... не мѣшай мнѣ... это одно...

— Еще судебное слѣдствіе къ довершенію всѣхъ прелестей?—прервалъ его Владиміръ съ злобнымъ смѣхомъ.

Но тутъ вмѣшалась Оливія. Она чувствовала, что этой сценѣ надобно во что бы то стало положить конецъ. Она не могла выносить этого униженія несчастнаго; ей казалось, это все равно, что смотрѣть на человѣка въ кандалахъ. Она подошла ближе и взяла ключъ изъ рукъ Владиміра.

— Позвольте,—сказала она, обращаясь къ Петру,— къ чему эти разговоры? Володя не спалъ и не ѣлъ со вчерашняго дня, вѣроятно, и вы также. Я не хочу, чтобы онъ опять заболѣлъ. Будьте добры, возьмите этотъ ключъ и постарайтесь успокоить Ваню. Я принесу вамъ ужинъ въ вашу комнату, если вы хотите остаться одни сегодня вечеромъ. Пойдемъ, Володя.

Рука игрока машинально схватила ключъ. Онъ стоялъ молча, не двигая ни однимъ мускуломъ, пока дѣвушка не скрылась изъ глазъ. Ея спокойный взглядъ, въ которомъ не было ни упрека, ни презрѣнія, заставлялъ его сгорать отъ стыда. Ему было ясно, что онъ, наравнѣ съ пьяницей, вопившимъ въ запертой комнатѣ, являлся для нея не живымъ человѣкомъ, а просто больнымъ субъектомъ. Даже оскорбительный гнѣвъ брата было легче перенести, чѣмъ эту профессіональную терпимость, это сострадательное высокомѣріе практической филантропки, которая знаетъ слабости и пороки людей, но сама никогда не страдала ими.

VI.

На слѣдующій день жизнь семьи вошла, повидимому, въ свою обычную колею. Тетя Соня была опять весела и болтала, не переставая, какъ сорока. Петръ, угрюмый и молчаливый, занимался, какъ всегда, хозяйствомъ и даже заста-

вилъ Ваню работать. За обѣдомъ онъ ничего не говорилъ, кромѣ самаго необходимаго, и Ваня, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, тоже молчалъ. Оливія нарочно весело болтала съ дѣтьми, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ отца. Послѣ обѣда она предложила выучить ихъ печь англійскіе крендельки. Погода была дождливая, и о прогулкѣ съ ними не могло быть рѣчи.

— Володя,—сказала она, останавливаясь въ дверяхъ, окруженная дѣтьми, которыя плясали и скакали около нея,— хорошо бы тебѣ немножко полежать.

Онъ имѣлъ очень нездоровый видъ. Усталость и волненія послѣднихъ двухъ дней разстроили его, и ночью онъ долго кашлялъ.

— Нѣтъ, я лучше помогу вамъ печь крендельки,—отвѣчалъ онъ, взявъ на руки младшаго ребенка и посадивъ его себѣ на плечо.—Можно мнѣ идти съ вами?

— Хорошо, только подожди, пока я все приготовлю. Ну, цыпки, вымойте руки! Да, тетя, я иду.

Она накинула на голову платокъ и побѣжала въ кухню подъ проливнымъ дождемъ. Сквозь завѣсу спускавшагося тумана, она неясно различала фигуры Ивана и Петра, пробиравшихся къ амбару. Цѣпная собака запряталась въ свою конуру и жалобно завыла при ея приближеніи. Погода была отвратительная.

Приготовивъ въ кухнѣ все, что было нужно, она побѣжала назадъ домой, позвать дѣтей. Они всѣ были въ столовой и тѣснились вокругъ кресла, на которомъ сидѣлъ Владиміръ; входя въ переднюю и стряхивая капли дождя съ платья, она слышала его голосъ. Онъ разсказывалъ волшебную сказку, и она остановилась въ дверяхъ, чтобы послушать.

„...Ну такъ вотъ, когда зеленая гусеница влѣзла на тростникъ и свернулась клубочкомъ около колоска на его вершинѣ, она могла видѣть далеко, гораздо дальше, чѣмъ всѣ маленькія букашки. Она увидѣла огромную площадь, которая называлась страна Завтра, такъ какъ въ ней всѣ дѣти были уже взрослыми, и всѣ гусеницы превратились въ бабочекъ (Вы вѣдь знаете, что гусеницы, когда выростаютъ, дѣлаются бабочками. Что? „А дѣти"?—Ну да, и нѣкоторыя дѣти тоже). Въ самой серединѣ страны Завтра росло громадное дерево, самое огромное изъ всѣхъ деревьевъ на свѣтѣ. Его стволъ поддерживалъ небо, а корни скрѣпляли землю, чтобы она не качалась, когда вы слишкомъ сильно скачете; а вѣтви его были такія густыя и темныя, что всякое утро, когда пора было ложиться спать (да, звѣзды ложаться спать утромъ), всѣ маленькія звѣздочки прятались въ нихъ, закрывали крылышками свои маленькія головки и

засыпали до вечера...“ А, вотъ и Оливія! Пойдемъ, давайте печь англійскіе крендельки.

— Крендельки подождутъ,—смѣясь, отвѣтила она,—мнѣ интересно дослушать исторію Зеленой Гусеницы.

— Полно, дорогая, къ чему тебѣ? Наши гусеницы не превратятся въ бабочекъ. Саша, взять тебя на плечи? Ну, такъ держись крѣпко. Да, мой мальчикъ, если бы я былъ большая, черная, генеральская лошадь, ты могъ бы тогда сидѣть, какъ важный генералъ; но я простой обозный мулъ, а ты мѣшокъ съ картофелемъ, такъ держись хорошенько, чтобы я тебя не свалилъ.

Когда, вполнѣ довольныя своей стряпней, дѣти стали липкими рученками нанизывать на веревки горячее печенье, Владиміръ позвалъ Оливію пройти съ нимъ въ павильонъ. Это была послѣдняя недѣля ихъ деревенской жизни, и ему хотѣлось до отъѣзда сдѣлать слѣпокъ ея руки.

— Онъ у меня останется на память, когда ты уѣдешь,— говорилъ онъ.

Она съ сомнѣніемъ взглянула въ окно.

— Посмотри, какой ливень! Мнѣ ничего промокнуть, но тебѣ это можетъ быть вредно.

— О, пустяки! Мы дойдемъ въ одну минуту. Пойдемъ, милая. Намъ осталось такъ мало времени быть вмѣстѣ, и только тамъ мы можемъ посидѣть вдвоемъ.

Они пошли подъ однимъ большимъ зонтикомъ, который съ трудомъ могли удержать противъ сильнаго вѣтра, вырывавшаго его изъ рукъ. Въ павильонѣ они затопили каминъ и обсушили свое платье передъ огнемъ. Потомъ онъ принесъ глину и принялся за работу. Оливія сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на огонь. Какъ особа спокойная, положительная, она была отличная натурщица; ея рука неподвижно лежала на столѣ, въ томъ положеніи, какое выбралъ скульпторъ. Но на лбу ея залегли морщины отъ тяжелыхъ мыслей: она придумывала, какъ сказать Владиміру, что она рѣшила остаться съ нимъ до Рождества, но при этомъ не дать ему угадать мнѣніе Кароля о его болѣзни. Ей лично пріятнѣе было бы сказать ему всю правду: если его болѣзнь опасна, онъ имѣетъ право знать это. Но если докторъ этого не разрѣшаетъ, надо покориться... Вдругъ она подняла голову съ рѣшительнымъ видомъ.

— Володя...

Онъ взглянулъ на нее, отложилъ въ сторону глину и подошелъ къ ней.

— Радость моя, что тебя тревожитъ?

— Володя, я не поѣду въ Англію черезъ двѣ недѣли; я остаюсь съ тобой.

— Остаешься... со мной?

Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней, и она обняла его одной рукой.

— Помнишь, я тебѣ говорила, что не выйду за тебя до тѣхъ поръ, пока не скажу объ этомъ своимъ и не дамъ имъ отказаться отъ этой мысли? Мнѣ казалось, что я обязана это сдѣлать. Но потомъ я передумала. Ты вѣдь знаешь, теперь моя единственная обязанность въ жизни—это ты; я выйду за тебя, когда ты захочешь.

Онъ молчалъ нѣсколько секундъ.

— Бѣдная моя дѣвочка!—сказалъ онъ, гладя ее по головѣ, - навѣрно, Кароль говорилъ съ тобой обо мнѣ?

Она вздрогнула и отстранилась отъ него.

— Почему ты это думаешь? Развѣ Кароль что-нибудь говорилъ тебѣ?

— Мы съ Каролемъ говорили обо мнѣ. А что же онъ тебѣ сказалъ, милая?

— Да ничего особеннаго... онъ только сказалъ, что не очень доволенъ твоимъ здоровьемъ, и что мнѣ лучше бы остаться у тебя до зимы. Володя, мы съ тобой взрослые, развитые люди; какъ ты думаешь, не должны ли мы быть вполнѣ откровенны другъ съ другомъ? Я не знаю, считаетъ ли онъ, что твои легкія затронуты; лондонскій врачъ находилъ, что твоя болѣзнь серьезна, но не безнадежна. Въ сущности, я понимаю, что для человѣка въ твоемъ положеніи было бы преступленіемъ имѣть дѣтей, но это не лишаетъ меня права жить подлѣ тебя, ухаживать за тобой, когда ты боленъ, доставлять тебѣ столько счастья, сколько я могу. Ты вѣдь весь міръ для меня; ничто не можетъ измѣнить этого.

Послѣднія слова она проговорила слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Это я былъ не откровененъ съ тобой. Кароль имѣлъ въ виду вовсе не мое здоровье.

— Онъ сказалъ...

— Да, да, знаю; я и самъ не хотѣлъ говорить тебѣ. Мнѣ предстоитъ много непріятностей именно теперь и... нѣкоторая опасность.

— Это... это касается политическихъ дѣлъ?

— Да; одинъ человѣкъ, который недавно арестованъ, оказался... не вполнѣ такимъ, какимъ его считали. Онъ не умѣетъ держать языкъ за зубами и можетъ надѣлать много вреда.

— Но, Володя, зачѣмъ же ты остаешься здѣсь, если тебѣ грозитъ такая опасность? Если ты думаешь, что опять можешь

быть арестованъ, отчего бы тебѣ не уѣхать со мною въ Англію, пока еще не слишкомъ поздно?

— Именно потому, что мнѣ грозитъ опасность, дорогая. Если я уѣду, это навлечетъ подозрѣніе на другихъ. Я не могу бѣжать, какъ не могла бѣжать и ты въ разгаръ оспенной эпидеміи.

— Я и не просила тебя бѣжать. Только я тебя не понимаю. Конечно, если ты чувствуешь, что обязанъ остаться, тутъ нечего и говорить. Но увѣренъ ли ты, что это такъ?

— Совершенно. Я долженъ ѣхать въ Петербургъ, какъ только получу разрѣшеніе. Я только его и жду. Иначе я выѣхалъ бы въ тотъ же день, когда узналъ, что дѣло идетъ не ладно.

— А ты когда узналъ?

— За два дня до отъѣзда Кароля. Я ему разсказалъ объ этомъ, и вотъ почему онъ заговорилъ съ тобой о моей болѣзни. Ну вотъ, милая, теперь ты знаешь все, что и я. Не тревожься. Очень возможно, что ничего не случится. А теперь у меня къ тебѣ будетъ просьба: поѣзжай къ себѣ домой, въ Англію. Если все кончится благополучно, я пришлю за тобой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы повѣнчаемся.

— А если нѣтъ?

Она выпрямилась и посмотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ.

— Если нѣтъ, дорогая, ты не можешь оказать мнѣ никакой помощи; ты только безъ всякой пользы разстроишь себѣ нервы, присутствуя при разныхъ грубыхъ сценахъ.

— И ты хочешь, чтобы я оставила, тебя, хочешь одинъ, безъ меня переживать всѣ эти грубыя сцены?

— Но вѣдь ты не можешь ничѣмъ помочь мнѣ.

— Володя, я не знаю, какъ ты понимаешь любовь между мужчиной и женщиной. Я понимаю ее такъ: ты мой, и все, что касается тебя, касается меня. Оттого, что я не буду видѣть твоихъ непріятностей, мнѣ не станетъ легче переносить ихъ. Если мнѣ придется потерять тебя, я хочу не разлучаться съ тобой до послѣдней минуты.

— Хорошо, дорогая, пусть будетъ по твоему. Но всетаки намъ лучше не вѣнчаться теперь. Если что-нибудь случится со мной, тебѣ безопаснѣе оставаться англійской подданной. Какъ моя жена, ты уже не будешь пользоваться покровительствомъ своего посланника, а тебѣ лучше не терять его.

— Мнѣ это совершенно все равно, я и не думаю объ этомъ.

— Но я за тебя думаю. Бракъ ничего не значитъ, главное—любовь.

Они долго сидѣли молча рука объ руку.

— Знаешь,—сказала она, поднимая голову съ его плеча:— во всемъ этомъ меня особенно мучитъ одно. Мнѣ, можетъ быть, грозитъ лишиться всего моего счастья, и это изъ за дѣла, совершенно для меня чужого, о которомъ я ничего не знаю, котораго я не могу понять.

— Дорогая, я не имѣю права разсказывать тебѣ о...

— Ахъ, совсѣмъ не то! Конечно, ты не можешь передавать мнѣ чужія тайны; да если бы и могъ, мнѣ не то нужно. Если тебя возьмутъ у меня, не все ли мнѣ равно, въ чемъ именно тебя обвинятъ. Чтобы не придти въ отчаяніе, мнѣ нужно убѣжденіе, нужна увѣренность...

— Увѣренность въ чемъ?

Она пристально посмотрѣла ему въ лицо.

— Въ томъ, что ты въ глубинѣ души вѣришь въ свое дѣло, сознаешь, что ради него стоитъ пожертвовать жизнью.

Лицо его сразу приняло суровое выраженіе. Душа, готовая раскрыться, снова ушла въ свою раковину.

— Мнѣ кажется, что ради сохраненія личной чести и самоуваженія человѣкъ всегда можетъ пожертвовать жизнью.

— Ахъ, будь искрененъ со мной, будь искрененъ!—вскрикнула она.—Вопросъ не въ томъ, что тебѣ дѣлать теперь; я понимаю, что ты долженъ оставаться вѣрнымъ тому дѣлу, за которое взялся. Я вовсе не о томъ говорю. Мнѣ хочется знать, если бы ты могъ вернуться къ началу, если бы тебѣ пришлось еще разъ выбирать...

Онъ остановилъ ее, закрывъ своей рукой ея ротъ.

— Оставь, оставь! Если бы мы могли вернуться къ началу, кто изъ насъ захотѣлъ бы родиться на свѣтъ?

Она затаила дыханіе въ какомъ-то непонятномъ страхѣ.

— Ты имѣешь право предложить мнѣ только вотъ какой вопросъ: жалѣю ли я, что такъ повелъ свою жизнь? И на это я отвѣчу тебѣ, какъ передъ собственной совѣстью: я ни о чемъ не жалѣю. Я и мои товарищи, мы потерпѣли неудачу. Мы были не довольно сильны, и страна была не подготовлена. Поэтому мы погибаемъ, это совершенно ясно. Но для меня лучше потерпѣть неудачу, чѣмъ вовсе не пытаться; я вѣрю, что тѣ, которые придутъ послѣ насъ, будутъ имѣть успѣхъ. Ну, вотъ тебѣ, довольна ты? А теперь, ради Бога, не будемъ никогда заводить этихъ разговоровъ.

Ея обычная сдержанность вернулась къ ней. Она освободилась отъ его объятій и встала.

— Ахъ, вотъ что! Докторъ Славинскій говорилъ мнѣ, что у тебя много твоихъ старыхъ рисунковъ. Ты не сжегъ ихъ? Покажи ихъ мнѣ, пожалуйста.

Очевидно, она, желая перемѣнить разговоръ, напала на

Духовная пища русскаго солдата.

Въ специально военныхъ органахъ въ послѣднее время приходится часто читать указанія на необходимость вести путемъ печати борьбу съ пропагандой крайнихъ партій, которая, будто бы, нашла свободный доступъ въ казарму. Мысли эти не новы,—боевое отношеніе къ печати, не спеціально сфабрикованной для казармы, идетъ уже много лѣтъ; если существуютъ ограничительные каталоги для народныхъ и школьныхъ библіотекъ, то сугубо ограничительные каталоги создаются циркулярами главнаго штаба для войскъ. Достаточно указать, что разсказъ «Махмудкины дѣти» Немировича-Данченко, допущенный въ безплатную народную читальню, оказывается запрещеннымъ для солдатской читальни. Получается курьезъ. Деревенскій мальчикъ въ школѣ могъ прочесть этотъ разсказъ, сохранилъ, быть можетъ, книжку у себя на память, а по приходѣ на службу узнаетъ отъ начальства, что книжка эта запрещенная, и что, читая ее, онъ совершаетъ преступленіе.

Вотъ какіе курьезы даетъ жизнь, благодаря обилію циркуляровъ и особому стремленію оградить мысль и чувство солдата отъ якобы вреднаго вліянія. Отсюда всего лишь одинъ шагъ до спеціальнаго изготовленія особой литературы, а разъ есть требованіе на такую спеціальную литературу, то, конечно, найдутся и авторы и издатели, ее поставляющіе.

Однимъ изъ крупныхъ поставщиковъ печатной макулатуры, изготовляемой спеціально для солдатскаго чтенія, является г. В. А. Березовскій. Въ тысячахъ экземплярахъ расходятся издаваемыя имъ, подъ общимъ заглавіемъ «Солдатская библіотека», книжки-листовки и двухлистовки.

Отсутствіе у людей, завѣдующихъ солдатскимъ чтеніемъ, знакомства съ литературой вообще и народной въ частности, съ одной стороны, вѣра, что военное книгоиздательство, столь распространенное въ военной средѣ, даетъ хорошій матеріалъ для чтенія солдатъ,—съ другой, и, наконецъ, рекомендаціи и прямыя приказанія со стороны начальства наполнять ротныя библіотеки военными изданіями,—все это приводитъ къ тому, что въ большинствѣ воинскихъ частей солдатъ имѣетъ для чтенія почти исключительно «Сол-

датскую библіотеку» г. Березовскаго. Прибавьте къ этому, что на значительномъ большинствѣ книжекъ г. Березовскаго имѣется штемпель: «Одобрено циркуляромъ Глав. Шт. №...» «Одобрено Минист. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній», «Допущено Мин. Нар. Просв. къ обращенію въ народныхъ школахъ», «Допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки»; прибавьте также, что г. Березовскій издатель опытный и предпріимчивый, широко пользующійся рекламою и имѣющій въ своемъ распоряженіи два журнала,—и вы поймете, какое широкое распространеніе должна имѣть его «Библіотека», «Развѣдчикъ» и «Вѣстовой». Несмотря, однако, на такую распространенность изданій г. Березовскаго, спеціально предназначенныхъ для казармы, они какъ-то вовсе не подвергались критикѣ.

Пишущему эти строки не удалось найти не только отзывовъ, но даже простого упоминанія объ этихъ книжкахъ въ огромномъ трудѣ харьковскихъ учительницъ: «Что читать народу», три тома котораго содержатъ разборы не одной тысячи книгъ спеціальной народной литературы. Точно такъ же ничего не оказалось ни въ двухъ выпускахъ Кіевскаго общества грамотности «Народная Литература», ни въ другихъ аналогичныхъ изданіяхъ.

Такой индифферентизмъ къ спеціально народной (солдатской) литературѣ можно объяснить, но не оправдать, только полнымъ незнакомствомъ обозрѣвателей, кружковъ и коммиссій съ этимъ отдѣломъ, благодаря тому, что изданія г. Березовскаго имѣютъ распространеніе почти исключительно въ казармѣ, такъ какъ спеціально для нея изготовляются.

«Солдатская библіотека» выпускается комплектами по двадцати книжекъ. Въ настоящее время выпущено уже шестнадцать комплектовъ, т. е. 320 книжекъ. Вся эта «литература» лежитъ передо мною, и о ней-то я и хочу повести рѣчь.

Внѣшній видъ изданій вполнѣ приличный. Довольно красивая обложка, хорошая бумага, виньетки, даже иллюстраціи—все это производитъ впечатлѣніе благопріятное. Правда, уже на обложкѣ чувствуется тенденція: на первыхъ комплектахъ въ центрѣ обложки стоитъ бравый солдатъ, сверхсрочный унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, и держитъ передъ читателемъ раскрытую книгу, на которой напечатано заглавіе разсказа и фамилія автора; на другихъ—невольно обращаетъ на себя вниманіе унтеръ, читающій вслухъ книжку какому-то убогаго вида деревенскому парню. Сразу видно подчеркиваніе просвѣтительной миссіи солдата, военной службы. Но эта маленькая нескромность не можетъ быть поставлена въ вину издателю: вѣдь книжки издаются для казармы, и, значитъ, маленькая переоцѣнка просвѣтительной роли солдата, пожалуй, и простительна.

Но, не смотря на приличную внѣшность, нельзя не признать

цѣну слишкомъ дорогой. Нѣтъ книжки дешевле трехъ копѣекъ, и эту цѣну берутъ меньше, чѣмъ за печатный полулистъ (напр., № 161—12 страницъ по 1000 буквъ); порой цѣна книжекъ доходитъ и до 20 копѣекъ, при чемъ такая цѣна далеко не оправдывается размѣрами книги (напр. № 266—87 стр. по 1080 буквъ, т. е. всего около трехъ печатныхъ листовъ).

Большая часть книжекъ написана спеціальными писателями г. Березовскаго. Наиболѣе плодовитыми среди нихъ являются гг. Тхоржевскій, Васильковскій, В. Потто, Д. Логофетъ. Нѣсколько книжекъ занято перепечаткою произведеній извѣстныхъ писателей, знакомыхъ намъ съ дѣтства. Но такихъ книжекъ въ «Библіотекѣ» г. Березовсхаго очень немного: Пушкинъ занимаетъ шесть книжекъ, Лермонтовъ—одну, Гр. Л. Толстой—четыре. И если въ первыхъ своихъ комплектахъ г. Березовскій всетаки давалъ своимъ читателямъ-солдатамъ образцы произведеній названныхъ писателей-классиковъ, то въ послѣднихъ онъ дѣлаетъ уже иной выборъ; мы находимъ здѣсь Юрія Милославскаго, Рославлева, при чемъ эти сочиненія Загоскина разбиты на нѣсколько книжекъ, изъ которыхъ каждая продается по 17—20 коп., такъ что Рославлевъ въ изданіи Березовскаго обходится 68 коп., Юрій Милославскій—60. Это уже похоже на эксплуатацію.

Въ книжкахъ «Солдатской библіотеки» главнѣйшее мѣсто, какъ, пожалуй, и слѣдовало ожидать, отведено разсказамъ изъ военной исторіи. Одинъ изъ плодовитыхъ авторовъ, г. В. Потто, отмежевалъ себѣ почти исключительно область кавказскихъ войнъ и въ многочисленныхъ разсказахъ излагаетъ эпизоды битвъ, даетъ характеристики героевъ участниковъ войны. Многіе разсказы другихъ авторовъ тоже имѣютъ темой наши войны въ Турціи, Персіи, Суворовскіе походы, Отечественную войну, при чемъ, конечно, вездѣ мы встрѣчаемъ прославленіе и восхваленіе русскихъ героевъ. Всѣ разсказы изъ русской исторіи основаны, исключительно, на тѣхъ оффиціальныхъ реляціяхъ, цѣна которымъ познается лишь тогда, когда подумаешь, что пишутъ ихъ сами военачальники о собственныхъ своихъ подвигахъ.

Другой циклъ разсказовъ, входящихъ въ «Солдатскую Библіотеку» это—такъ называемые военно-бытовые очерки мирной жизни, въ которыхъ авторы описываютъ эпизоды солдатской жизни и службы, въ большинствѣ случаевъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ дать нравоучительное заключеніе о необходимости исполненія какихъ-либо параграфовъ устава или цѣлесообразности извѣстныхъ правилъ внутренней жизни и поведенія солдата.

Очерки жизни крестьянства, въ изложеніи авторовъ «Солдатской библіотеки», по большей части сводятся къ восхваленію солдатской службы и тѣхъ выгодъ, которыя получаетъ солдатъ отъ усвоенія солдатской науки и воинской дисциплины, выдвигающихъ

его изъ среды односельчанъ и въ повседневной крестьянской жизни.

Встрѣчаются разсказы, посвященные изложенію просто казарменной жизни, безъ всякой претензіи на какую-либо мораль, напр., о батарейномъ козлѣ, ротной собакѣ, батарейномъ праздникѣ и т. п.

Наконецъ, довольно много разсказовъ охотничьихъ. Это описаніе природы и различныхъ случаевъ во время охоты. Обыкновенно случаи страшные, но большею частью оканчивающіеся благополучно или вслѣдствіе неустрашимости солдатъ, или благоблагодаря распорядительности начальника.

Таковы главныя темы той массы разсказовъ, которая просто давитъ своимъ количествомъ и отсутствіемъ оригинальности творчества авторовъ, обыкновенно только заполняющихъ словами опредѣленный шаблонъ.

Кровавые подвиги войскъ на войнѣ, презрѣніе къ смерти, готовность жертвовать своею жизнью и проливать кровь врага, обиліе убійствъ и жестокостей—вотъ что проходитъ красной нитью черезъ всѣ разсказы, описывающіе боевыя схватки или подвиги отдѣльныхъ лицъ.

Вотъ, напр., разсказъ солдата о первыхъ впечатлѣніяхъ въ бою (Тхоржевскій, № 1 «Царская награда»).

«Бѣгу, смотрю—Зоновъ съ туркомъ мучается; проткнулъ его штыкомъ, по самую трубку впустилъ, а тотъ руками за стволъ уцѣпился и не даетъ ружья-то вытащить; Зоновъ увидѣлъ меня, кричитъ:

— Ваня, помоги...

Я подскочилъ, ударилъ турка прикладомъ по головѣ и ему голову расшибъ, да и мой прикладъ въ дребезги разлетѣлся...»

То же мы видимъ въ разсказѣ «Дикій человѣкъ» (Тхоржевскій, № 5).

Вотъ еще разсказъ.

«Казаки гикнули и наскочили на непріятеля съ такой быстротой, что многіе изъ конвойныхъ и выстрѣлить не успѣли. Въ одинъ мигъ казацкія шашки искрошили французовъ, и захваченный обозъ былъ свернутъ съ дороги и направленъ въ лѣсъ на бивакъ». (Тхоржевскій, № 15 «Самозванный генералъ»).

«Что тутъ такое произошло даже и разсказать не возможно. Бросились мы всѣ на турокъ и давай ихъ рубить, какъ капусту, а они до того оголтѣли, что многіе даже и ружей съ плечъ не снимаютъ»... «Тяжело было потерять столько товарищей, но за то мы утѣшились тѣмъ, что изрубили, по крайней мѣрѣ, вдвое больше непріятеля» (Тхоржевскій, № 34 «Лихая атака»).

«Саматъ, налетѣвшій на ошалѣвшихъ горцевъ, нѣсколькими ударами шашки повалилъ ихъ на землю, только одинъ, растерявшійся меньше другихъ, имѣлъ еще столько силы, что бросился было бѣжать, но Саматъ наскочилъ на него, сверкнула шашка — и го-

лова несчастнаго скатилась на землю...» «Всѣмъ его существомъ овладѣло какое-то новое невѣдомое еще ему чувство непреодолимаго стремленія впередъ, жажда налетѣть на что-нибудь, изрубить, уничтожить, стереть съ лица земли» (Тхоржевскій, № 41 «Ночная атака»)... Такъ авторъ рисуетъ настроеніе молодого офицера, впервые идущаго въ бой, въ набѣгъ.

Лихіе набѣги и чудеса храбрости, совершаемые горстью русскихъ войскъ противъ многочисленнаго непріятеля, положительно пестрятъ въ разсказахъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами, считая существенно важнымъ отмѣтить эту характерную черту почти всѣхъ повѣстей о военныхъ подвигахъ.

Такъ, въ разсказѣ шт.-кап. Б. Адамовича турки на глазахъ пятидесяти семи русскихъ изрубили 6000 грековъ (изъ восьми тысячъ) и затѣмъ стали окружать русскихъ. «Стали турки подходить гуще и гуще, собралось ихъ, кольцомъ вокругъ насъ, 6000 человѣкъ, во сто разъ больше, чѣмъ было у капитана Баркова. А всетаки близко подойти боялись. Знаютъ, что русскій не грекъ,—легко не возьмешь». (№ 231 «Защита знамени»). Въ концѣ концовъ, не смотря на такое невѣроятное превосходство силъ противника, русскимъ удалось прорваться, унести раненаго капитана и спасти знамя. Весь разсказъ дышетъ невѣроятной, нелѣпой похвальбой.

«Здѣсь именно,—разсказываетъ г. В. Потто, — въ персидскую кампанію 1805-го года, русскій отрядъ въ 400 человѣкъ подъ командой полковника Карягина выдержалъ нападеніе двадцатитысячной персидской арміи и съ честью вышелъ изъ этого слишкомъ неравнаго боя» (№ 150, «Подвигъ полковника Карягина»).

«Минута—и двѣсти-триста казаковъ съ опущенными пиками врѣзались въ тылъ непріятеля... Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ неудержимое бѣгство» (В. Потто, № 84. «Подвигъ Платова»).

Я могъ бы заполнить цѣлыя страницы выписками, подобными вышеприведеннымъ, но думаю, что и этихъ достаточно, чтобы показать, съ какимъ упоеніемъ авторы пишутъ о кровавой сѣчѣ и какъ преувеличиваютъ они подвиги русскихъ, въ своихъ спеціально для солдатскаго чтенія сочиненныхъ разсказахъ.

Нужно ли это, полезно ли культивированіе въ солдатѣ кровожадныхъ инстинктовъ и внѣдреніе преувеличеннаго представленія о своей мощи, это вопросъ другой, котораго я не касаюсь, а лишь ограничиваюсь констатированіемъ этой тенденціозности банальныхъ картинъ нашихъ авторовъ.

Что же является побудительной причиной, заставляющей воиновъ свершать чудеса храбрости и идти на геройскіе подвиги и вѣрную смерть?

Здѣсь всѣ авторы сходятся на одномъ. «Присяга» заставляетъ

солдата (и офицера) исполнять честно свои служебныя обязанности, а надежда получить георгіевскій крестъ толкаетъ его на невѣроятныя дѣла.

Присяга и исполненіе ея—вотъ главный мотивъ, который выставляется во всѣхъ разсказахъ и это частое упоминаніе слова «присяга» какъ бы гипнотизируетъ читателя, которому къ тому же во время уроковъ «словесности» очень много и постоянно говорятъ о присягѣ и ея значеніи для солдата.

«Какой ты есть послѣ этого солдатъ, коли унываешь... Присягу позабылъ: до послѣдней капли крови», уговариваетъ одинъ плѣнный солдатъ своего унывающаго товарища (К. Тхоржевскій, № 18, «Въ плѣну»). «Но чего не перенесетъ хорошій солдатъ? Какихъ трудностей, какихъ опасностей не преодолѣетъ онъ, помня, что далъ присягу служить до послѣдней капли крови своему государю и отечеству», патетически восклицаетъ авторъ, воспѣвая гимнъ русскому солдату (К. Тхоржевскій, № 12, «Конвойный»).

«Кучукъ! Твой сынъ сдѣлался измѣнникомъ; онъ забылъ и присягу, и милости царскія, и дружбу Ермолова къ тебѣ...» говоритъ генералъ Вельяминовъ, арестовавъ сына Кучукова (В. Потто. № 148. «Смерть Джембулата-Кучукова»).

«Да и въ самомъ дѣлѣ зналъ онъ такое слово, съ которымъ ни страшны ни штыки, ни пули, и слово это было—«присяга». Такъ говоритъ авторъ разсказа, когда хочетъ выставить передъ читателемъ въ лучшемъ видѣ описываемаго. имъ стараго фельдфебеля (М. Карауловъ. 243. «Колдунъ»); когда же онъ описываетъ другого привязаннаго къ службѣ стараго сверхсрочно служащаго фельдфебеля, вѣрнаго и точнаго исполнителя своихъ служебныхъ обязанностей, даже на старости лѣтъ не желающаго оставить роту, онъ влагаетъ въ его уста слѣдующія слова: «Ни, ни! не для того мы и присягаемъ, чтобы потомъ на селѣ хороводы водить или по трактирамъ съ гармоникой расхаживать» (М. Карауловъ № 255, «Перехитрили»).

Когда солдатъ хочетъ совершить какое-либо злое дѣло, проступокъ или преступленіе, то обыкновенно какой-то тайный голосъ шепчетъ ему: «Да развѣ это твое? Развѣ солдатъ затѣмъ принимаетъ присягу, чтобы сдѣлаться воромъ?» И, конечно, не осилитъ лукавый солдата: «Гдѣ ему солдата осилить, когда на немъ присяга!» (М. Карауловъ № 260, «Находка»).

Старый фельдфебель, поучая своихъ подчиненныхъ караульной службѣ говоритъ: «Храни Богъ съ поста сойти,—присяга святое дѣло», разсчитывая, очевидно, что это внушеніе, сдѣланное наканунѣ выхода въ караулъ, будетъ дѣйствительнѣе всѣхъ прежнихъ уроковъ (Н. Борисовъ. № 114. «Страшный постъ»).

Укравшій деньги солдатъ измѣнилъ «и чести, и присягѣ». Но жестокая кара ждала его дома за эту измѣну: когда онъ возвратился домой (черезъ пять лѣтъ), старики, не узнавъ его, приняли

его за прохожаго, болтающаго о богатствѣ, и рѣшили угостить, для чего отецъ пошелъ въ трактиръ за водкой. Мать же, пользуясь минутой невниманія прохожаго (сына), убиваетъ его топоромъ (Н. Соловьевъ. № 223. «Подъ свѣтлый день»). Этотъ разсказъ вообще полонъ неожиданныхъ совпаденій и ужасовъ.

И чего, чего не заставитъ сдѣлать солдата данная имъ присяга! Разсказывая о Закаспійской области, одинъ изъ авторовъ разражается слѣдующимъ заявленіемъ: «Вернулъ къ жизни эти мертвыя пространства никто иной, какъ русскій солдатъ, который, когда помнитъ присягу и честно служитъ, становится такимъ богатыремъ, равнаго которому по силамъ никого въ свѣтѣ не подыщешь». И когда солдату, служившему сторожемъ на желѣзной дорогѣ, случилось замѣтить приближеніе двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ и почувствовать возможность столкновенія, то «перекрестился онъ, все и вся, кромѣ присяги, позабылъ и думаетъ про себя»... (Н. Герасимовъ № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Желая похвалить исполнительность солдата, авторы и тутъ умѣютъ вклеить присягу. «Дорофѣевъ на это (лишній годъ службы) не жаловался, а по присягѣ, съ охотой и полнымъ усердіемъ, исправлялъ свои обязанности» (К. Тхоржевскій. № 48. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ»). «Ужъ ты не вояка, коли, присягу позабывъ, о домѣ вспоминаешь!» укоряетъ фельдфебель молодого солдата, подумывающаго о домѣ передъ выступленіемъ въ походъ въ Турцію. А когда этого солдата похвалилъ его любимый начальникъ, то «онъ рѣшился сражаться по присягѣ» (К. Тхоржевскій, № 51, «Кавалеръ»).

Все хорошее, что дѣлаютъ солдаты,—все объясняется присягой. Все это дѣлаютъ солдаты, «помня присягу» (А. Васильковскій. № 180. «Безчувственный; Сотникъ Орловъ». № 183. «Секретъ разрѣшилъ секретъ»). Стремленіе гипнотизировать читателя-солдата словомъ «присяга» такъ велико, что даже нежеланіе пить водку наши авторы умудряются объяснить имъ. Такъ, солдатъ Махортовъ, «помня присягу, никогда не напивался, ни во время исполненія служебныхъ обязанностей, ни даже просто днемъ» (А. Васильковскій. № 136. «Иванъ Махортовъ»). И даже жулики, свершивъ дурное дѣло, рѣшаются укрыться и обольстить начальство все тѣмъ же словомъ: «скажемъ, что нашли, и никакихъ денегъ за находку не желаемъ, потому что—присяга»... (М. Карауловъ. № 255. «Перехитрили»).

Я нѣсколько злоупотребилъ вниманіемъ читателя, дѣлая выписки изъ различныхъ разсказовъ, но, думаю, онъ не посѣтуетъ на меня за это, такъ какъ мнѣ существенно важно было отмѣтить общую всѣмъ авторамъ «Солдатской библіотеки» склонность внушать солдатамъ важность присяги и гипнотизировать ихъ просто частымъ употребленіемъ этого слова, которое, оставаясь непонятнымъ, все же представляется чѣмъ-то высокимъ, важнымъ, во имя чего можно и должно совершать подвиги, а подчасъ и насилія.

Солдатъ отличается отъ простого обывателя тѣмъ, что онъ давалъ какую-то особую присягу, руководящую всѣмъ поведеніемъ солдата, и вполнѣ понятно, что наши авторы, такъ высоко ставящіе эту присягу, должны приложить всѣ усилія, чтобы возвеличить въ глазахъ своихъ читателей званіе солдата.

Вотъ, напримѣръ, какой гимнъ русскому солдату приходится читать въ одномъ изъ разсказовъ.

«Ура тебѣ и слава! Ни врагъ, ни морозы, ни голодъ не страшны тебѣ, русскій воинъ, какъ и самая смерть, которой ты смотришь смѣло въ глаза, и смотри: потому что тверда твоя вѣра въ то, что для воина, исполнившаго свой долгъ передъ излюбленнымъ нашимъ батюшкой-царемъ и Св. Русью право лавной, всегда найдется вѣчное успокоеніе и райское житіе въ Царствіи Небесномъ» (П. Герасимовъ. № 241. «Всѣмъ денщикамъ—денщикъ»).

Да не подумаетъ читатель, что это я нарочно выбралъ, какъ единственный образчикъ.

Тотъ же авторъ въ другихъ разсказахъ вотъ какія рѣчи вкладываетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ-солдатамъ.

«Ну,—говорю,—про званіе солдатское ты не смѣй! Потому солдатъ—званіе почетное и честное, и своему государю первый слуга будетъ!» (П. Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота, въ городѣ опаска»).

«Я слуга государю и отечеству, а не слуга по вольному найму, потому, начальство мое меня миловать и награждать всегда можетъ, а отъ неизвѣстнаго мнѣ званія людей за царскую службу я денегъ брать не согласенъ!» Такъ говоритъ солдатъ—желѣзнодорожный сторожъ, только что спасшій съ опасностью жизни отъ крушенія два поѣзда, за что ему пассажиры собрали и предложили деньги. (П. Герасимовъ. № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Это пренебрежительное отношеніе къ не солдатамъ чувствуется въ очень многихъ разсказахъ.

«Да, братъ, это не то, что «вольный»,—презрительно усмѣхнулся Юрьевъ,—лѣзутъ по одному съ лопатами да прочей дрянью, цѣпляются, словно щенята за борова, а толку никакого,—только шуму надѣлали», похваляется солдатъ, когда, послѣ неудачныхъ попытокъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ сдвинуть вагоны, рота сдвинула ихъ легко (А. Васильковскій. № 135. «Въ ногу»).

«И гордость такая на душѣ: что, дескать, сиволапые, видите?»... «Я тебѣ, холопъ, не Сенька, а царской гвардіи Измайловскому полку унтеръ-офицеръ» (А. Васильковскій. № 133. «Антипъ и Семенъ»).

«Я не мужикъ, а отставной унтеръ-офицеръ, ваше высокоблагородіе» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»).

Вотъ образчики пренебрежительнаго отношенія солдата къ «вольнымъ» вообще и къ своимъ однодеревенцамъ-«мужикамъ» въ частности.

Одинъ изъ авторовъ этотъ взглядъ обобщаетъ слѣдующимъ образомъ. Разсказъ идетъ объ обученіи новобранца - бѣлоруса его же землякомъ-солдатомъ. И вотъ какія мысли вкладываются ему нашимъ авторомъ: «Онъ самъ былъ родомъ витебскій и не далѣе, какъ годъ тому назадъ также говорилъ по-бѣлорусски и «цокалъ», но теперь онъ считалъ себя человѣкомъ «полированнымъ» и презрительно смотрѣлъ на «деревенщину» (А. Васильковскій. № 128. «Скромный герой»).

Закончимъ наши выборки, показывающія, какъ трактуютъ писатели «Солдатской библіотеки» военную службу и званіе солдата, еще нѣсколькими примѣрами.

«Наконецъ, служба наша почетная,—царю служимъ, ни кому-нибудь другому... Знаешь, что такое «солдатъ?» (А. Васильковскій. № 124. «На волѣ»). «Ты нуженъ службѣ, царю, отечеству нуженъ. Развѣ служба солдата—бездѣлье? Развѣ защитникъ родины послѣдній человѣкъ? Нѣтъ, братъ, почетнѣе и выше тебѣ дѣла не найти» (А. Васильковскій № 121. «Пріемышъ»).

Мы видимъ, что авторы, не приводя никакихъ доводовъ въ защиту и оправданіе военной службы, просто стараются подѣйствовать гипнозомъ и внушить солдатамъ повышенное представленіе объ ихъ воинскомъ званіи.

А объ оригинальныхъ взглядахъ на военную службу вообще можно судить по слѣдующему объясненію недовольства ротнаго командира ошибками въ строю: «фронтъ есть святое мѣсто, въ которомъ, какъ въ церкви, ни о чемъ постороннемъ думать не полагается, а тутъ такая невнимательность!» (К. Тхоржевскій. № 37. «Солдатское горе»).

Къ слову «присяга» и возвеличиванію званія солдата и военной службы, безъ всякой попытки объяснить сущность и значеніе таковой, въ качествѣ стимула, побуждающаго военныхъ исполнять свои воинскія обязанности, прибавлены заманчивыя переспективы наградъ вообще и георгіевскаго креста въ особенности. Почти нѣтъ разсказа, гдѣ такъ или иначе не рисовались бы въ заманчивыхъ краскахъ ожидающія хорошаго воина награды. И украшеніе солдатской груди ставится, какъ признакъ выдающихся качествъ солдата. Ужъ если хотятъ изобразить наши авторы фельдфебеля, пользующагося вліяніемъ въ ротѣ и уваженіемъ солдатъ, то непремѣнно къ описанію его прибавляютъ: «Четыре Георгія на груди».

Такимъ выставленъ, напр., Осипъ Михайловичъ Перекрутенко М. Карауловъ №. 229 «Солдатскій самосудъ»), таковъ—Иванъ Семеновичъ Оришенко (М. Карауловъ №. 225 «Перехитрили») и многіе другіе фельдфебеля и вахмистры, постоянно поучающіе своихъ подчиненныхъ.

Георгіевскій крестъ является предметомъ тайныхъ мечтаній и надеждъ солдата, идущаго въ бой или на какое-либо рискованное предпріятіе.

«А то, братецъ,—чуетъ мое сердце,—получить мнѣ сегодня георгіевскій крестъ»... весело отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ Кошкинъ въ отвѣтъ на вопросъ своего сосѣда, отчего онъ такъ веселъ (К. Тхоржевскій. № 23. «Какъ Кошкинъ получилъ Георгіевскій крестъ»). И чутье его не обмануло, конечно. «Оно, положимъ, и на войнѣ побывать хорошо, можетъ и крестъ георгіевскій получу, то-то Настя рада будетъ». Такъ утѣшаетъ себя молодой солдатъ въ минуты горькаго раздумья передъ отправленіемъ на войну (К. Тхоржевскій. 51. «Кавалеръ»).

И не мудрено, что солдаты мечтаютъ о георгіевскихъ крестахъ: вѣдь ихъ настраиваютъ въ этомъ направленіи сами офицеры.

«О васъ я именно и думалъ—говоритъ поручикъ своимъ охотникамъ, посылая ихъ за «языкомъ».—Приведете языка, обоимъ по георгіевскому кресту будетъ»... (К. Тхоржевскій. №. 55. На ловлю за Турками).

И ужъ, конечно, если описывается какой-либо подвигъ, то щедрою рукою сыпятся георгіевскіе кресты, какъ именные, такъ и безъимянные. Вездѣ, во всѣхъ разсказахъ георгіевскій крестъ выставляется, какъ стимулъ, заставляющій свершать подвиги; крестъ, награда, а не сознаніе долга, по мнѣнію авторовъ, должны двигать сердца людей и направлять ихъ на ратные подвиги. Чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ своихъ читателей-солдатъ значеніе георгіевскаго креста, наши авторы на перерывъ стараются подчеркнуть, какъ солдаты гордятся своимъ крестомъ.

«Мало далось Семену, но онъ всетаки былъ доволенъ и счастливъ, въ лицо людямъ смотрѣлъ смѣло и гордился своимъ, кровью добытымъ, званіемъ отставного капрала и георгіевскаго кавалера». (А. Васильковскій №. 133 «Антипъ и Семенъ»).

«Онъ заслужилъ уваженіе товарищей, а иначе такъ и затерялся бы онъ въ толпѣ, да еще чего добраго поплатился бы за свою робость въ бою а тутъ нако-сь, гляди,—онъ кавалеръ—двухъ Георгіевъ имѣетъ». Такъ размышляетъ солдатъ Прохоровъ, оглядываясь назадъ на прошлую службу свою и чувствуется въ немъ гордость своимъ званіемъ «кавалера» (М. Карауловъ. №. 243. «Колдунъ»).

А когда отставного солдата Тихона Лаврентьевича спрашиваютъ, откуда у него деньги, онъ объявляетъ, что ему завѣщалъ ихъ его эскадронный командиръ и съ гордостью заявляетъ: «Такъ, дура твоя голова, тогда война была, и я изъ боя своего, смертельно раненаго, эскадроннаго командира вывезъ, за это я и Георгія получилъ»... (М. Карауловъ. №. 260 «Находка»).

Было бы слишкомъ утомительно выписывать всѣ варіаціи на тему: «Я получилъ георгіевскій крестъ, а потому, значитъ, человѣкомъ сталъ». Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ очень и очень многіе разсказы. Это тоже является средствомъ загипнотизировать солдата, подобно «присягѣ» и «высокому званію солдата», котораго, какъ мы увидимъ ниже, не очень-то честятъ начальники.

Но прежде, чѣмъ отмѣтить обращеніе начальника съ солдатомъ, мы посмотримъ, какими красками наши авторы рисуютъ этихъ начальниковъ.

Почти во всѣхъ разсказахъ начальство изображено добрымъ, заботливымъ, ласковымъ и привѣтливымъ. Слово «отецъ-командиръ» такъ и сыплется на каждомъ шагу. И столько заботъ и вниманія оно проявляетъ къ своимъ подчиненнымъ, что невольно при чтеніи этихъ сентиментальныхъ разсказовъ проливаешь слезы умиленія. И любятъ же солдаты своихъ начальниковъ, готовы душу свою положить за нихъ... И такъ сверху и до низу.

«Понятно, что офицеры и солдаты боготворили Ермолова», повѣствуетъ намъ г. Потто, разсказавъ, какъ Ермоловъ повѣсилъ владимірскій крестъ штабсъ-капитану Гогніеву, называя его на «ты» (В. Потто №. 190 «Взятіе Мехтулы»).

Командиръ баталъона, подполковникъ Ковалевскій, былъ молодцомъ и «любили мы его лучше отца съ матерью», говоритъ солдатъ Сапожковъ своему собесѣднику Пшеничникову.

«Вотъ, вотъ, и мы также любили своего покойнаго,—царство небесное,—командира Петра Ивановича Полисадова», отвѣчаетъ ему Пшеничниковъ. Оба не нахвалятся своими отцами-командирами. (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

«Господа офицеры были такіе, что дай Богъ всякому полку», «а лучше всѣхъ нашъ эскадронный: истинно отецъ родной» (А. Васильковскій. № 123. «Изъ-за пустяка»).

«Ротный командиръ, Поталицынъ, молодой еще человѣкъ, оказался хотя и строгимъ, но въ высшей степени добрымъ и ласковымъ» (К. Тхоржевскій. № 51. «Кавалеръ»).

«Славный человѣкъ былъ фельдфебель 14-й роты; старый николаевскій служака, весь въ шевронахъ и медаляхъ, георгіевскій кавалеръ, онъ былъ истиннымъ отцомъ своей роты и подъ суровой внѣшностью героя крымской войны сохранялъ такое доброе, отзывчивое къ чужому горю сердце, такое, чисто славянское, добродушіе, что вся рота положительно въ немъ души не чаяла» (М. Карауловъ. №. 243. «Колдунъ»).

Читатель видитъ изъ этихъ выписокъ, что за начальники у нашего солдата. Если бы мы прослѣдили всѣ разсказы, мы увидали, какъ солдату съ перваго шага вступленія на службу сопутствуетъ привѣтъ и ласка и доброе расположеніе со стороны начальства. Уѣздный начальникъ сразу узнаетъ, куда его слѣдуетъ назначить, полковой и ротный всегда оказываютъ ему привѣтъ и ласку (хотя и требовательны по службѣ), а ужъ фельдфебель и говорить нечего — лучше отца, матери. И фельдфебельша—словно мать родная солдату. «Матвѣя Ивановича (фельдфебеля) скоро вся рота полюбила, потому онъ, хотя къ службѣ и строгъ былъ, но зря никого никогда не обижалъ; особенно же полюбили мы его Татьяну Митреевну: ужъ и баба же была... Первый сортъ... Одно слово—солдатъ. Какъ

мать родная, ходила она за солдатами (К. Тхоржевскій. №. 19. «Солдатъ»).

Если прибавить къ этому хорошую пищу и то, что «начальство всегда сумѣетъ отличить молодца, будь онъ хоть въ рогожѣ»... (А. Васильковскій. №. 121. «Пріемышъ»), то читателю сразу станетъ ясно, что солдатская служба—рай.

И не только къ солдатамъ военное начальство ласково, оно столь же привѣтливо и къ постороннимъ. Вотъ, напримѣръ, о мытарствахъ старушки-солдатки. Всюду она терпѣла неудачу, и лишь полковой командиръ, къ которому она случайно обратилась, помогъ ей.

«Что съ тобой, старая?—спросилъ онъ насколько могъ ласковѣе». И помогъ ей устроить свое дѣло. Тутъ же, въ противоположность заботамъ полковника, открылось, какъ поднадулъ ее какой-то «скубентъ» и какую ерунду написалъ онъ ей въ прошеніи (К. Тхоржевскій. №. 8. «Бабушка Арина»).

Но впечатлѣніе райскаго обращенія начальства съ солдатами нѣсколько нарушается, если читатель обратитъ вниманіе на подлинныя слова, съ которыми обращаются начальники къ солдатамъ. Здѣсь жизнь прорывается сквозь слащаво сентиментальныя построенія гг. авторовъ «Солдатской библіотеки».

Вотъ, напримѣръ, обращеніе ревизора-полковника, пріѣхавшаго на постъ пограничной стражи послѣ происшествія.

«У васъ тамъ на посту Клюна полный безпорядокъ, штабсъротмистръ. я ни отъ кого никакого толку не могъ добиться: дураки все какіе-то. Соберите здѣсь всѣхъ на кордонъ, кто участвовалъ въ задержаніи перваго августа: я долженъ переспросить всѣхъ этихъ болвановъ» (Логофетъ, № 66. «Контрабанда задержана»). «Я тебѣ же, дуракъ, добра желаю», говоритъ фельдфебель новобранцу (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). «Черезъ два часа пріѣхалъ ротный, хмурый и недовольный. Разнесъ выпучившаго глаза Черанева, обозвалъ его скотомъ и идіотомъ и прошелъ въ «сборню» (А. Варемѣевъ, № 116. «Оправдался»). «Одна паршивая овца вѣдь все стадо портитъ», говоритъ фельдфебель ротному командиру о солдатѣ.

Бранныя слова часто, очень часто попадаются въ разсматриваемыхъ разсказахъ, и, повидимому, это никого не коробитъ, ибо это своего рода система; мы имѣемъ этому доказательство въ самихъ разсказахъ.

«Здорово я пробралъ парня, ну вотъ онъ и сдѣлался человѣкомъ, какъ ему быть полагается», хвалится вахмистръ исправленіемъ солдата; правда, тутъ же и на той же страницѣ, чудо исправленія приписывается Богоматери, которая «услышала ея (невѣсты солдата) безхитростную молитву и направила безпутнаго человѣка на путь истины» (М. Карауловъ, № 254. «Быль молодцу не въ укоръ»).

Еще рѣзче и опредѣленнѣе говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ разсказѣ.

«Плюнулъ тутъ Перещукъ (фельдфебель) чуть не прямо ему (солдату) въ лицо, слушая его такія глупыя рѣчи, выругался, какъ слѣдуетъ хорошему начальнику, однако замоталъ все это себѣ на усъ и сталъ думать долгую думу» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

Но что говорить о брани, когда въ разсказахъ говорится о побояхъ и даже угрозахъ убить.

«Доберусь же когда-нибудь я до тебя,—говоритъ тотъ же знакомый намъ фельдфебель Перещукъ воспитываемому имъ солдату, въ цѣпи, и умрешь ты, какъ поганый басурманинъ, отъ нашей же русской пули» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

«Выдерутъ тебя, какъ сидорову козу, такъ въ этомъ я тебѣ могу свое солдатское честное слово дать». Такъ убѣждаетъ эскадронный вахмистръ Мищенко рядового Кулагина, котораго онъ только что здорово разнесъ. Онъ же, поймавъ въ воровствѣ этого солдата, говоритъ: «Эхъ, зналъ бы я раньше, что ты на такое дѣло способенъ, такъ вотъ, кажется, своими бы собственными руками тебя задушилъ, чтобы нашъ славный четвертый эскадронъ отъ позора избавить». И чтобы доказать, что это не пустая угроза, высказанная въ минуту досады и гнѣва, онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, поясняетъ: «Теперь-то, конечно, уже поздно: жидъ поднялъ гвалтъ, и я уже доложилъ обо всемъ эскадронному командиру». А еще далѣе, ужъ успокоившись, онъ говоритъ: «Со спокойною-то совѣстью я за честь мундира каждому изъ нихъ (обывателей, неблагопріятно отзывающихся объ эскадронѣ) шею свернулъ» (М. Карауловъ, № 254. «Быль молодцу не въ укоръ»).

Здѣсь, впрочемъ, мы входимъ въ разобранную уже нами область отношеній солдатъ къ «вольнымъ» и культивированія «чести мундира» взамѣнъ человѣческой чести.

Послѣ только что приведенныхъ образчиковъ отношеній начальника къ солдату стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, какъ описанія внѣшности солдата въ родѣ слѣдующаго:

«Съ красной, загорѣлой рожей, точно голенище солдатскаго сапога» (К. Тхоржевскій, № 18. «Въ плѣну»), или какъ такія характеристики настроенія солдата: «Вѣстовой мой совсѣмъ обалдѣлъ» (К. Тхоржевскій, № 46. Первая смерть). Урядникъ такъ угрожаетъ казаку: «Командиру доложу, онъ те вздрючитъ» (К. Тхоржевскій, № 24. «Береги лобъ»).

Это уже мелочи, пустяки, о которыхъ намъ, военнымъ, и говорить не приходится—настолько мы привыкли къ такому деликатному отношенію къ солдату. И, конечно, солдаты-читатели въ этихъ послѣднихъ словахъ, прорывающихся у нашихъ авторовъ помимо воли, почувствуютъ больше правды, чѣмъ во всѣхъ слащавыхъ описаніяхъ «отцовъ-командировъ».

Мы видѣли выше возвеличеніе званія солдата и полупрезрительное отношеніе къ «вольнымъ». Ясно, что мы должны ожидать презрительнаго отношенія къ иновѣрцамъ. И мы не ошибемся въ своихъ ожиданіяхъ. Стоитъ прочесть нѣсколько разсказовъ, чтобы попасть въ атмосферу національной исключительности, враждебнаго отношенія къ инымъ національностямъ.

Больше всего достается отъ нашихъ авторовъ евреямъ, которыхъ постоянно честятъ наименованіемъ «жидъ», лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя слово «еврей». Въ этомъ отношеніи авторы «Солдатской библіотеки» наперерывъ изощряются другъ передъ другомъ.

«Ахъ, ты, образина ты жидовская!» выругался онъ (строевой солдатъ), ну пристало ли тебѣ винтовку въ рукахъ держать?.. Вѣдь испакостишь только ее, сердешную» и, какъ иллюстрація къ этимъ словамъ, приложена картинка, на которой изображенъ еврей въ комической позѣ, а надъ нимъ насмѣхается группа солдатъ; одинъ только фельдфебель шевронистъ, съ крестами и медалями, смотритъ на эту сцену серьезно и подъ конецъ урезониваетъ насмѣшниковъ (А. Васильковскій, № 138. «Кочегаръ»).

Конечно, если нужно сдѣлать какое-либо неблагопріятное сравненіе, то какъ-то всегда на память приходитъ еврей. «Ходилъ Кончурбаевъ, словно мышей давилъ, стрѣлялъ—вродѣ иного жида бердичевскаго», и любопытно, что это презрительное сравненіе помѣщено въ разсказѣ, прикрытомъ такимъ хорошимъ заглавіемъ, какъ «Всѣ люди Божіи» (А. Васильковскій, № 165).

«Боязнью къ оружію, свойственной, напримѣръ, жидамъ, этого нельзя было объяснить», размышлялъ о новобранцѣ-землякѣ своемъ фельдфебель, когда замѣтилъ, что онъ исполнителенъ и усерденъ во всемъ, кромѣ занятій, связанныхъ съ обученіемъ дѣйствію оружіемъ. По наблюденіямъ фельдфебеля, онъ оказался сектантомъ, и «странные поступки земляка происходятъ отъ его особыхъ вѣрованій, не совсѣмъ желательныхъ въ военной службѣ» (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). Воспитывая своего земляка, уничтожая въ немъ раскольничью отчужденность и убѣждая его взяться за оружіе и готовиться убивать людей, фельдфебель опять беретъ для сравненія еврея. «А коли всего цураться, да людей позорить—такъ это одна гордость да злость, какъ у... жидовъ», подобралъ, наконецъ, старикъ сравненіе. За то Христа онъ упомянулъ далѣе въ доказательство необходимости употреблять оружіе.

Область сравненія всего дурного съ дѣйствіями и поступками евреевъ у нашихъ авторовъ прямо неисчерпаемая.

«Чтобъ имъ околѣть, старымъ чертямъ—дерутъ такіе проценты, хуже жидовъ», говорятъ крестьяне о кулакахъ (Н. Соловьевъ, № 223. «Подъ свѣтлый день»). «Сшилъ какую-то шутовскую кацавейку, точно жидъ некрещеный сталъ», такъ увѣщеваетъ старушка-мать своего сына, замѣнившаго крестьянскую одежду городской

(Н. И. Соловьевъ, № 180. «Лапотникъ и бархатникъ»). «Въ барскихъ хоромахъ, проходя мимо которыхъ, бывало, мужичекъ за версту снималъ свою изорванную и засаленную шапку, возсѣли разные «Грицки и Ицки»—жиды-арендаторы господской земли и, по истинѣ, кровопійцы крестьянскаго люда» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»). «Мы не довѣряли армянской дружбѣ, жидовской къ русскимъ преданности, не вѣрили болтовнѣ ни армянъ, ни жидовъ и посылали тѣхъ и другихъ русскимъ словцемъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ»; таково было мнѣніе объ армянахъ и евреяхъ кавказскихъ войскъ, и можно себѣ представить какъ съ ними обращались они (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

Если авторы хотятъ сказать о комъ-нибудь, какъ о послѣднемъ человѣкѣ, то, конечно, сравнятъ съ евреемъ.

«У насъ вся вторая рота Дунайскаго пѣхотнаго полка, начиная съ ротнаго командира и кончая барабанщикомъ Ицкой, называла рядового Миронова не иначе, какъ маркитантъ», повѣствуетъ г. А. Васильковскій въ разсказѣ «Перемиріе» (69).

Изобрѣтательность авторовъ доходитъ даже до того, что чортъ, «самый настоящій чортъ» — котораго поймалъ драгунъ, «жидомъ прикинулся»... «Пустите, господинъ служивый,—я, говоритъ, честный еврей...» (К. Тхоржевскій. № 30. «Драгунъ и чортъ»).

И даже въ обычномъ описаніи уличной толпы не пропускаютъ авторы случая кольнуть евреевъ. «Ну, извѣстно, музыка, пѣсельники, народу глазѣетъ страсть, жиды и жиденята кучами стоятъ». (Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота—въ городѣ опаска»).

Разговоры съ евреями, надо сказать, ведутся въ очень деликатной формѣ. Вотъ образчикъ:

«Гдѣ же это Ицка дѣвался? Вотъ мерзавецъ. Нужно искать его!» («А, шельма, ты здѣсь, мнѣ только тебя и нужно было»...). «Хорошо, бестія, а если обманешь»... Вотъ какъ ведетъ бесѣду съ евреемъ-факторомъ пограничный офицеръ (Д. Логофетъ. № 63. «Подшутили»).

Довольно выписокъ и цитатъ. Я извиняюсь передъ читателемъ за излишнее обиліе ихъ по вопросу объ отношеніи къ евреямъ, но, думаю, однако, что за то теперь ему это отношеніе вполнѣ ясно.

И если такой духовной пищей питался русскій солдатъ долгое время,—а это была его почти единственная пища,—то, очевидно, еврейскій вопросъ усвоенъ имъ въ совершенно опредѣленномъ освѣщеніи, и не мудрено, что во время послѣднихъ еврейскихъ погромовъ мы видѣли русскихъ солдатъ не только равнодушными свидѣтелями происходящихъ грабежей и насилій, но даже участниками таковыхъ.

Еврейскій вопросъ это — лишь одна сторона національнаго вопроса. Нечего и говорить, что въ военныхъ разсказахъ, гдѣ описы-

ваются битвы съ турками, туркменами, и они, какъ враги и «нехристи», постоянно опорочиваются.

Вотъ, напримѣръ, налетѣвшіе непріятели «кричали, визжали точно цѣлый сонмъ чертей, сорвавшихся съ цѣпи». «Я то не здохну, собачья твоя морда». «Собачій сынъ, некрещенная сволочь». «Сволочь»—вотъ какъ честитъ попавшій въ плѣнъ солдатъ окружавшихъ его туркменъ (К. Тхоржевскій. № 18. «Въ плѣну»).

О нѣмцахъ мы имѣемъ такія показанія. «Ну, нѣмцы народъ хоть и глупый, а гордый». «Нѣмецъ суровый, ничего намъ не даетъ, кромѣ габеръ супа ихняго проклятаго и хлѣба». «А подойдетъ минута, такъ съ этой колбасы проклятой три шкуры сдеру». Эти лестные эпитеты взводный относитъ къ своему квартирному хозяину (К. Тхоржевскій. № 77. «Русская смѣкалка»).

Я не останавливаюсь на этомъ вопросѣ болѣе, ибо и безъ дальнѣйшаго утомленія читателя ясно, что разсказы эти не относятся къ разряду тѣхъ, которые можно было бы рекомендовать для смягченія и ослабленія національной вражды. Напротивъ, все сдѣлано для того, чтобы разжечь страсти. Это тѣмъ болѣе странно, что въ казармѣ есть люди различныхъ національностей; это, повидимому, упустили изъ виду наши авторы.

Слѣдуетъ отмѣтить еще отношеніе къ женщинѣ, какъ оно проявляется въ разсматриваевыхъ разсказахъ.

«А ужъ извѣстно завсегда, гдѣ баба—тамъ и дымъ идетъ коромысломъ. Все нечистый ворочаетъ, потому дюже охочъ до бабъ и черезъ нихъ енъ на людей всякую погань пущаетъ». «Да всѣ-то, значитъ, къ бабѣ подбираются, а она, значитъ, ото всѣхъ бѣгаетъ, и никому отъ нея ничего не отъѣлось» (Д. Логофетъ. № 65. «Нечистое мѣсто»). «А бабы такія гладкія, что ума помраченіе», расписывалъ прелести Аргентины одинъ солдатъ, задумавшій бѣжать. (Д. Логофетъ. № 67. «Съ сердцемъ не совладалъ»).

Разъ, собравшись вмѣстѣ, драгуны разсуждаютъ о прелестяхъ жизни на постоѣ въ деревнѣ. «Ну, нѣтъ, самое-то главное пропустили,—снова усмѣхнулся Цвѣтаевъ—женское-то сословіе забыли? А?» (А. Васильковскій. № 137. «Суди по себѣ»). «Бабье нашего брата, солдата, до добра не доведетъ», вспоминаетъ солдатъ слова своего ротного командира (М. Карауловъ. № 260. «Находка»).

Нельзя сказать, чтобы добрыя чувства и высокое представленіе о женщинѣ вызывали эти разсказы.

Прежде, чѣмъ закончить свой, нѣсколько затянувшійся, обзоръ, я приведу здѣсь нѣсколько разсказовъ въ краткомъ изложеніи, чтобы показать читателямъ, какъ искусственно сшиты они; видна плохая работа и стремленіе подогнать разсказъ подъ предвзятую идею, не стѣсняясь анти-художественнымъ исполненіемъ.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ М. Караулова «Находка» (№ 260). Задумалъ бѣднякъ-солдатъ посвататься къ дочери богатаго односельца въ Питерѣ. Нужны деньги, — безъ денегъ не отдаютъ.

Грустный поѣхалъ солдатъ изъ города въ лагери въ Красное село. Шелъ въ раздумьи съ вокзала и нашелъ по пути бумажникъ, въ которомъ насчиталъ три тысячи рублей, какъ разъ нужные ему для приданаго. Сначала онъ хотѣлъ утаить, но потомъ рѣшилъ представить ротному; оказалось—бумажникъ самого ротнаго, который и не спохватился о пропажѣ его. Но въ бумажникѣ было болѣе девяти тысячъ; поэтому ротный отдалъ три тысячи солдату, и тотъ живо сталъ женихомъ. Все кончилось дважды благополучно.

Разсказъ К. Тхоржевскаго «Смѣлымъ Богъ владѣетъ». Во время пожара отставной солдатъ спасаетъ дѣвочку проѣзжей барыни. Самъ онъ обгораетъ, слѣпнетъ и изъ работника-кормильца становится лишнимъ ртомъ. Слыша постоянные упреки семьи, онъ, слѣпой, идетъ просить милостыню и случайно попадаетъ на хуторъ къ барынѣ, которая по разсказу его о причинѣ слѣпоты узнаетъ въ немъ спасителя своей дочери. Она оставляетъ его у себя. Благодаря заботамъ доктора, ему возвращается зрѣніе, и онъ остается приказчикомъ. Такимъ образомъ, добродѣтель торжествуетъ.

К. Бубновъ (№ 170). «Капитанскія деньги». Получивъ отъ ротнаго порученіе получить въ городѣ деньги, фельдфебель по неосторожности началъ считать ихъ въ трактирѣ. Когда онъ сообразилъ, онъ испугался, чтобы его не ограбили по пути къ стоянкѣ роты. Тогда онъ вкладываетъ деньги въ хомутъ, вырѣзавъ для этого тамъ гнѣздо, и надрѣзаетъ гужи. Дѣйствительно на него напали разбойники; онъ хлестнулъ по лошади, лошадь рванулась, прорвала надрѣзанные гужи и убѣжала въ роту; фельдфебель потомъ съ трудомъ отбился отъ разбойниковъ. Деньги капитана были спасены.

А. Корольковъ (№ 286). «Въ Святую ночь». Отецъ прогналъ одного сына и дочь, уморилъ другого сына. Старшій сынъ поступилъ на военную службу, дочь развратомъ промышлять стала. Старикъ принялъ къ себѣ бѣдняка, а тотъ прибралъ хозяйство къ рукамъ, а старика выгналъ. Пошелъ бѣдняга странствовать. Подъ Пасху онъ попадаетъ въ городъ, гдѣ служитъ сынъ. Ночью, усталый, онъ легъ на землю; въ это время на него наѣхала въ каретѣ дочь (лошади понесли), узнала отца, но не призналась; попала въ госпиталь и бредила отцомъ. Утромъ сынъ его, фельдфебель, возвращаясь домой съ землякомъ, набрелъ на старика. Тутъ же подвернулся полковой докторъ. Вылѣчили старика, въ которомъ фельдфебель призналъ своего отца. А докторъ привелъ изъ госпиталя и дочь. Все кончилось хорошо и даже дочь стала сестрой милосердія.

И такъ до безконечности. Большинство бытовыхъ разсказовъ построено на сплетеніи такихъ случайностей и совпаденій, которыя ясно показываютъ, что разсказъ не художественное произведеніе, а стряпня на заданную нравоучительную тему. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, написанный для того, чтобы показать солдату необходимость убійства убѣгающаго арестанта.

Солдатъ стрѣлялъ въ убѣгавшаго арестанта, но намѣренно промахнулся, а убѣжавшій арестантъ убилъ и ограбилъ купца. Это очень подѣйствовало на солдата. Заключеніе — уставъ составляли люди умные (А. Васильковскій. № 162. Пожалѣлъ).

Итакъ, къ какому же выводу мы можемъ придти послѣ всего изложеннаго?

Отличаясь отсутствіемъ литературныхъ достоинствъ, разсказы, рекомендуемые для чтенія, какъ духовная пища солдатъ, представляютъ изъ себя произведенія, написанныя съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ пояснить какой-нибудь параграфъ устава или подчеркнуть ходячую прописную мораль, а то еще хуже—мораль чисто солдатскую.

Проповѣдь человѣкоубійства, вражды военныхъ и «вольныхъ», человѣконенавистничество на началахъ національной розни,—вотъ основные мотивы большинства разсказовъ, и, конечно, воспитательное значеніе этой «Солдатской библіотеки», за которую казна и частныя лица платятъ издателю огромныя суммы, глубоко отрицательное. Если прибавить, что эти разсказы рекомендуется и усиленно распространяются въ войскахъ, то стыдно становится за армію, которую начиняютъ такимъ вздоромъ.

У насъ, конечно, не повернется языкъ сказать, что всю эту макулатуру надо просто сжечь—нѣтъ, мы можемъ только предложить отнять отъ нея право исключительнаго распространенія въ казармѣ и сдѣлать равно доступными солдату книги не только такого направленія. Тогда всякая книга найдетъ своего читателя, и мы вѣримъ, что хорошая, художественно написанная и пробуждающая лучшія чувства правды и добра книга вытѣснитъ эти книжки, разсчитанныя въ большинствѣ на разжиганіе дурныхъ страстей.

Право свободнаго доступа въ казарму всякихъ печатныхъ произведеній необходимо для того, чтобы армія могла стать безпартійной, каковой она должна быть по самому существу своей задачи.

Справедливость требуетъ сказать, что среди массы анти-художественныхъ и вредныхъ по идеѣ произведеній есть и хорошія. Къ такимъ мы причисляемъ почти всѣ разсказы сотника Орлова, въ которыхъ чувствуется талантъ; простые, безъ излишняго пафоса написанные, военные эпизоды г. Д. Л. Иванова; не претенціозные разсказы Бамбука и нѣкоторые отдѣльные разсказы тѣхъ плодовитыхъ авторовъ, о которыхъ мы говорили.

Но такихъ очень мало.

Большинство же книжекъ «Солдатской библіотеки»—никуда негодный хламъ.

К. Оберучевъ.

Писатель для народа.

I.

«Современная наука,—сказалъ великій русскій писатель шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—начинаетъ входить въ ту пору зрѣлости, въ которой обнаруженіе, отданіе себя всѣмъ становится потребностью. Ей скучно и тѣсно въ аудиторіяхъ и конференцъ-залахъ; она рвется на волю, она хочетъ имѣть дѣйствительный голосъ въ дѣйствительныхъ областяхъ жизни. Не смотря на такое направленіе, наука остается при одномъ желаніи и не можетъ войти живымъ элементомъ въ стремительный потокъ практическихъ сферъ, пока она въ рукахъ касты ученыхъ; одни люди жизни могутъ внѣдрить ее въ жизнь» (Герценъ. «Дилетанты и цехъ ученыхъ»). Съ того времени наука вырвалась изъ заколдованнаго круга метафизики, не смотря на то, что ее не разъ пытались вогнать опять туда. За шестьдесятъ лѣтъ знанія накоплено страшно много. Теперь необходимо правильное распредѣленіе накопленныхъ богатствъ, сконцентрированныхъ, какъ это бываетъ со всѣми богатствами, въ немногихъ рукахъ. Выражаясь словами Герцена же, натура мысли лучезарна, всеобща; она жаждетъ обобщенія, она вырывается во всѣ щели, утекаетъ между пальцами. Истинное осуществленіе мысли не въ кастѣ, а въ человѣчествѣ; она не можетъ ограничиться тѣснымъ кругомъ цеха; мысль не знаетъ супружеской вѣрности—ея объятія всѣмъ; она только для того не существуетъ, кто хочетъ эгоистически владѣть ею. Цехъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ массы постигаютъ мысль и симпатизируютъ съ нею *).

Рескинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что накопляемыя обществомъ богатства могутъ быть раздѣлены на wealth (т. е. собственно богатства) и «illth» (слово, придуманное Рескинымъ и происходящее отъ «ill»—зло). Опіумъ, приготовленный для куренія, будетъ «illth» Тотъ же опіумъ, сфабрикованный для лѣкарства, будетъ «wealth». Динамитъ, идущій для взрыванія горы, будетъ «wealth»; тотъ же фабрикатъ, приготовленный для начинки торпеды, будетъ «illth» и т. д. Знаніе, сконцентрированное въ немногихъ рукахъ, превращается тоже въ «wealth» и въ «illth». Такъ, напр., доводы науки, пущенные въ ходъ для защиты господства однихъ людей надъ другими или класса надъ классомъ будутъ несомнѣнно «illth».

Умственныхъ богатствъ, какъ и матеріальныхъ, накоплено страшно много. Теперь необходимо справедливое и правильное распредѣленіе. Филантропія, явится ли она въ видѣ пожертвованія

*) *А. И. Герценъ*, „Сочиненія“ (изд. 1875 г.), т. I, стр. 325.

нѣсколькими рублями или крупицами отрывочныхъ знаній,—не годится. Великую услугу обществу окажетъ теперь не столько ученый, который прибавитъ новыя богатства къ громадному капиталу знаній, а тотъ человѣкъ, который сумѣетъ распредѣлить накопленное знаніе, т. е. талантливый популяризаторъ. Среднихъ ученыхъ («выдающихся посредственностей»,—по терминологіи одного француза), пишущихъ для немногихъ читателей, очень много; талантливыхъ же популяризаторовъ, умѣющихъ передать знаніе (не въ видѣ обрывковъ, а цѣльной системы) массамъ—почти нѣтъ. Въ особенности, это относится къ общественнымъ наукамъ. Популяризаторъ долженъ не только овладѣть совершенно предметомъ, но и обладать талантомъ говорить научныя вещи совершенно просто и ясно *). Ему очень часто приходится самому *націонализировать* то ученіе, которое онъ проповѣдуетъ, другими словами, подчинить его закону эволюціи. Въ самомъ дѣлѣ, зоологія намъ говоритъ, какъ измѣняется видъ въ зависимости отъ окружающихъ условій. Какой-нибудь Artemia Mühlhausenii, водящійся въ одномъ изъ лимановъ близъ Одессы съ большимъ содержаніемъ соли, если его помѣстить въ новыя условія, черезъ нѣсколько поколѣній становится уже похожъ на Artemia Salina, водящійся въ менѣе солоноватыхъ водахъ. То же самое происходитъ и съ идеями. Христіанство, перенесенное въ Александрію, отличалось уже отъ ученія, зародившагося на берегахъ Тиверіадскаго озера, и приблизилось къ ученіямъ, существовавшимъ уже въ дельтѣ Нила. Перенесенное потомъ въ Римъ, въ Византію, къ галламъ, оно всюду мѣнялось въ зависимости отъ существующихъ условій. Оно приспособлялось въ каждой странѣ къ существующимъ нравамъ, къ господствующей миѳологіи и пр. Идея не можетъ быть *абсолютнымъ* закономъ для всѣхъ странъ, потому что даже физическіе законы носятъ характеръ условности. Если условія будутъ такія то, произойдетъ то то,—говорятъ точныя науки. «Если для даннаго новолунія видимый радіусъ луны больше радіуса солнца, то лунный дискъ совершенно закроетъ солнечный и произойдетъ полное затменіе». «Если лучи отъ свѣтящейся точки или линіи обойдутъ края непрозрачныхъ небольшихъ предметовъ, то они образуютъ чередующіяся полосы и линіи (диффракцію) и т. д.». Всѣ мѣстныя условія долженъ имѣть въ виду популяризаторъ-соціалистъ. Популяризаторъ долженъ быть глубоко націоналенъ. Вотъ почему, дѣйствительно, популярныя книжки, которыхъ очень немного на всѣхъ языкахъ, совершенно теряютъ свой характеръ, если просто перевести ихъ. Пусть читатель вспомнитъ ту колоссальную переводную памфлетную лите-

---

*) Еще Буало утверждалъ, что все, что мы хорошо поняли, мы сумѣемъ ясно изложить другимъ. Необходимыя слова тогда являются сами собой:

„Tout ce que l'on conçoit bien s'annonce, clairement
Et les mots pour le dire, arrive aisément".

ратуру, которая появилась теперь у насъ, а въ особенности, брошюрки, переведенныя съ нѣмецкаго. Популяризаторъ, помимо всего, отлично долженъ знать свою публику. Вотъ почему нѣкоторые замѣчательные популяризаторы сами вышли изъ той среды, къ которой обращаются. Къ числу такихъ замѣчательныхъ популяризаторовъ принадлежитъ редакторъ англійской газеты *Клэріонъ*—Робертъ Блэтчфордъ. Въ моей книгѣ «Очерки Современной Англіи» читатели найдутъ характеристику его. Здѣсь я желаю обратить вниманіе на нѣсколько новыхъ книжекъ Блэтчфорда, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать выработкѣ стройнаго міровоззрѣнія у массъ. Съ этой цѣлью талантливый популяризаторъ становится «распредѣлителемъ знанія», считающимся съ условіями данной среды. Я говорю о книжкахъ «Britain for the British», «God and My Neighbour» и «The defence of a bottom dog». Я говорилъ уже *) про то, какъ Блэтчфорду удалось создать соціалистическую, глубоко народную газету. Въ то время, какъ доктринерская соціалъ-демократическая газета *Justice*, проповѣдующая строго марксистское ученіе, какъ оно выработано въ Германіи, имѣетъ очень мало читателей, специфически англійскій *Клэріонъ* обращается къ громадной аудиторіи восторженныхъ поклонниковъ. «*Клэріонъ* мнѣ необходимъ, какъ моя трубка»,—наивно заявилъ одинъ изъ нихъ.—«Я много лѣтъ бродилъ во мракѣ и не умѣлъ совершенно разобраться въ явленіяхъ жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ читать *Клэріонъ*, мои глаза открылись»,—говоритъ другой.—«*Клэріонъ* старый другъ, у котораго вѣчно новая улыбка на губахъ».—Въ восторженныхъ отзывахъ, какъ видите, недостатка нѣтъ. Въ *Клэріонѣ* печатались всѣ тѣ статьи, которыя вошли теперь въ перечисленныя выше книжки. Тамъ же печаталось и болѣе раннее произведеніе Блэтчфорда—«Merrie England», о которомъ я говорю въ «Очеркахъ Современной Англіи». Объ успѣхѣ этого произведенія можно судить по тому, что въ Англіи продано болѣе милліона экземпляровъ. Оно переведено на датскій, французскій, испанскій, нѣмецкій, шведскій уэльскій и еврейскій языки.—Робертъ Блэтчфордъ—талантливый беллетристъ («Julie», «A Bohemian Girl», «Tales for the Marines»), онъ иногда пишетъ остроумные критическіе этюды (недавно они вышли отдѣльной книгой подъ названіемъ «My Favourite Books»); но все это у него выходитъ между прочимъ. Должно сознаться, что необходимо быть англичаниномъ, чтобы оцѣнить такой остроумный критическій этюдъ, какъ «Bed Books», т. е. какія книги лучше всего читать на сонъ грядущій. Главной задачей Блэтчфорда, или Nunquam, какъ онъ подписывался до послѣдняго времени, является распространеніе среди массъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ, знаній, способствующихъ выработкѣ цѣльнаго, стройнаго

*) „Очерки Современной Англіи", стр. 340—344.

и правильнаго взгляда на основные вопросы, выдвинутые дѣйствительностью.

II.

«Человѣкъ скованъ двумя цѣпями: суевѣріемъ и деспотизмомъ».— Такъ доказывали публицисты конца XVIII вѣка. Въ XIX вѣкѣ было окончательно выяснено, что есть еще третья цѣпь,—экономическое порабощеніе, которая спадетъ только съ измѣненіемъ самихъ формъ производства.

Исторія человѣчества, это—постепенное освобожденіе разума отъ оковъ суевѣрія, личности—отъ оковъ деспотизма и труда—отъ цѣпей капитала. Необходимость освободиться отъ первой и второй цѣпей была, какъ извѣстно, признана въ Англіи очень давно. Въ Англіи еще Юмомъ высказанъ былъ взглядъ на религію, не какъ на откровеніе, а какъ на ученіе, имѣвшее естественный ростъ въ зависимости отъ развитія общества (Natural History of Religion). На совершенно научную почву поставленъ взглядъ въ XIX вѣкѣ. Ученіе сводилось къ слѣдующему. Уже первобытный человѣкъ задумывался надъ причинами естественныхъ явленій. Этотъ же самый импульсъ теперь ведетъ къ научнымъ открытіямъ. Путемъ абстракціи, исходя изъ опыта, мы составляемъ теперь гипотезы, лежащія за предѣлами его, но удовлетворяющія желанію разума видѣть естественную причину каждаго явленія. Наши доисторическіе предки, добираясь до причинъ явленій, слѣдовали такимъ же путемъ, какъ и мы, на сколько дозволяло имъ ихъ развитіе. Доисторическій человѣкъ тоже исходилъ изъ опыта; но съ тою разницею, что опыты, составлявшіе утокъ и основу гипотезъ дикаря, были извлечены не изъ научнаго изслѣдованія природы, а изъ наблюденій надъ человѣкомъ. Вотъ почему гипотезы первобытнаго человѣка приняли антропоморфную форму. Существа, управляющія природой и судьбой человѣка, получили человѣческую форму и страсти *).

«Опытъ быстро научилъ людей, что въ явленіяхъ окружающаго міра есть строгій порядокъ, что все подчинено неизмѣннымъ законамъ. Но дѣтскій неопытный умъ первобытнаго человѣка подчиненъ былъ еще всецѣло воображенію. И вотъ создалось представленіе о другомъ, таинственномъ и постоянномъ мірѣ, находящемся за предѣлами дѣйствительности. Возникло понятіе о «сверхъестественномъ», какъ антитезѣ «естественному». Этотъ дуалистическій взглядъ потомъ варьировался въ продолженіе многихъ вѣковъ до безконечности» **). Человѣкъ создалъ «великаго геометра» (пользуюсь терминологіей гностиковъ), держащаго въ своихъ рукахъ

*) См. Tyndall, „Lectures and Essays", 1903, p. 13.
**) Huxley, „Naturalism and Supernaturalism".

судьбы всего міра, по образу и подобію своему. У воинственныхъ и бродячихъ племенъ этотъ «великій геометръ» былъ жестокъ, кровожаденъ и жестоко каралъ за малѣйшее послабленіе, оказанное врагу. У жизнерадостныхъ народовъ, имѣвшихъ предъ глазами красивый ландшафтъ на смѣющемся фонѣ голубого неба и лазореваго моря,—таинственный режиссеръ, стоящій за кулисами природы, тоже любилъ красоту, любовь, веселіе... Концепція о вершителѣ судебъ повела къ созданію культа его, къ утвержденію спеціалистовъ, принимающихъ отъ нуждающихся смертныхъ прошеній на его имя». Культъ, какъ живой организмъ, приспособлялся къ окружающимъ условіямъ даннаго времени, какъ и живой организмъ, каждый культъ подчиненъ закону эволюціи. При столкновеніи нѣсколькихъ культовъ выживаетъ тотъ, который больше можетъ приспособиться къ окружающимъ условіямъ. Такой выжившій культъ принимаетъ очень многое изъ прежняго. Старые догматы, символы и дѣйствующія лица получаютъ новое названіе. Одинъ изъ наиболѣе остроумныхъ изслѣдователей происхожденія культа выясняетъ, какъ въ первые вѣка нашей эры боролись на берегахъ Средиземнаго моря три вѣры: митраизмъ, гностицизмъ и христіанство. Побѣда послѣдняго, по мнѣнію изслѣдователя, обусловливается случайностью. «Долгое время одинаковые шансы на побѣду были у гностиковъ и митраистовъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто существующаго символа, человѣчество признавало бы теперь *Абраксасъ*» *). Побѣдившій культъ принялъ ученіе и символизмъ побѣжденныхъ культовъ. Въ Британскомъ Музеѣ мы можемъ видѣть знаменитый папирусъ, изображающій страшный судъ Озириса. Съ береговъ Нила заимствовано ученіе о тройственномъ божествѣ съ символомъ его—всевидящимъ окомъ въ треугольникѣ. Доктрина о Логосѣ внесена александрійской философіей. Въ Британскомъ Музеѣ въ Египетскихъ залахъ мы можемъ видѣть статуэтки Изиды съ младенцемъ Горусомъ на рукахъ, которыя поразительно напоминаютъ изображенія мадонны. Въ культѣ Митры мы видимъ догматъ объ искупленіи, въ культѣ Діониса—легенду о мученіяхъ, вынесенныхъ божествомъ. Съ таинствомъ присоединенія къ храму вѣрующихъ путемъ погруженія въ воду или возліянія ея на голову мы встрѣчаемся въ культѣ Изиды. Символъ всего христіанства—крестъ мы находимъ подъ именемъ «священнаго древа» въ древнемъ Египтѣ **). Изъ исторіи религій мы знаемъ про мрачныя секты, порожденныя въ V вѣкѣ въ жгучихъ пескахъ Өеванды. Онѣ съ такой выпуклостью выведены у Флобера въ «Tentation de Saint Antoine». Вотъ, напримѣръ, каиниты, провозвѣдывавшіе: «Слава Каину! Слава Содому! Слава Іудѣ! Каинъ создалъ расу

*) Grand Allen, „The Evolution of the Idea of Gog“, p. 395.

**) См. Grand Allen, „The Evolution of the Idea of God“, p. 401 а также „The Migration of Cymbols“, графа Goblet d'Alviella.

сильныхъ и дерзающихъ людей. Содомъ устрашилъ весь міръ наказаніемъ, которое понесъ. Черезъ посредство Іуды Господь спасъ міръ. Безъ его предательства не было бы искупленія». Вотъ свирѣпая секта, учившая: «грабьте людей, считающихъ себя счастливыми. Убивайте бѣдныхъ, смиренно довольствующихся, вмѣсто платья, ослинымъ чепракомъ, вмѣсто пищи—собачьимъ кормомъ, вмѣсто жилища—берлогой. Мы—святые. Чтобы приблизить конецъ міра, мы отравляемъ, убиваемъ и поджигаемъ... Проклятія рожденію. Проклятіе браку. Проклятіе всѣмъ».

Это все мы знаемъ изъ исторіи религіи. Но газеты намъ говорятъ, что при благопріятныхъ условіяхъ дикія секты возникаютъ не въ далекой Ѳеваидѣ, а среди насъ на почвѣ того самаго культа, который, повидимому, побѣдилъ все много вѣковъ тому назадъ. Приведу еще одну выдержку изъ книги проф. Макафи (Mahaffy). «Едва ли есть въ іудаизмѣ и въ христіанской религіи хоть одна великая и плодотворная идея, нѣчто аналогичное которой нельзя было бы найти въ вѣрѣ египтянъ. Проявленіе единаго Бога въ Троицѣ; воплощеніе божества, являющагося посредникомъ, отъ дѣвы и безъ участія отца; его борьба съ темными силами и его временное пораженіе; его частичная побѣда (ибо врагъ не уничтоженъ); его воскресеніе и основаніе имъ вѣчнаго царства, которымъ онъ правитъ вмѣстѣ съ праведниками, достигшими святости; его отличіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тождество съ несотвореннымъ, непостижимымъ отцомъ, форма котораго неизвѣстна и который живетъ въ храмахъ нерукотворенныхъ,—всѣми этими теологическими понятіями проникнута древнѣйшая религія Египта. Точно также и контрастъ и даже явное противорѣчіе между нашими нравственными и теологическими взглядами—объясненіе грѣха и виновности то нравственной слабостью, то вмѣшательствомъ злыхъ духовъ, и, подобнымъ же образомъ, объясненіе праведности то нравственными заслугами, то помощью добрыхъ геніевъ и ангеловъ; безсмертіе души и страшный судъ; чистилище, муки осужденныхъ—со всѣмъ этимъ мы встрѣчаемся въ текстахъ, описывающихъ египетскіе обряды, и въ египетскихъ нравственныхъ трактатахъ» *).

Такъ какъ защитники господствующаго культа всегда пытались силой заставить другихъ увѣровать въ него и такъ какъ милліоны людей погибли въ религіозныхъ войнахъ, на кострахъ, въ застѣнкахъ, въ тюрьмахъ и въ изгнаніи,—то скептики XVIII вѣка развивали ту мысль, что представленіе о великомъ геометрѣ придумано не иначе, какъ какимъ-нибудь врагомъ человѣческаго рода. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Дидро въ «Interprétation de la Nature».

*) „Prolegomera to Ancient History", p. 410.

III.

Много неясности въ философскомъ скептицизмѣ, неясности, послѣдствія которой чувствуются до сихъ поръ, было внесено однимъ изъ наиболѣе геніальныхъ умовъ, когда либо появлявшихся на землѣ, Кантомъ. Какъ извѣстно, великій философъ училъ, что только часть нашего знанія эмпирическая, т. е. выводится изъ опыта; остальная же часть нашего знанія (напримѣръ, математическія аксіомы) выводится апріористически, дедуктивнымъ пугемъ, при пом щи чистаго разума, независимо отъ опыта. Эта ошибка повела къ дальнѣйшему утвержденію, что основы науки—метафизическія, и что, хотя человѣкъ можетъ достигнуть извѣстнаго знанія феномена, онъ не можетъ познать «вещей въ себѣ», лежащихъ за предѣлами времени и пространства. Спекулятивная метафизика, построенная на кантовскомъ апріоризмѣ и нашедшая своего высшаго выразителя въ Гегелѣ, отвергла потомъ совершенно эмпирическій методъ и стала утверждать, что знаніе можетъ быть добыто только чистымъ разумомъ, независимо отъ опыта.

Главная ошибка Канта,—говоритъ Геккель,—заключается въ томъ, что его теорія познанія совершенно лишена физіологическаго и филогенетическаго базиса. Послѣдній появился только шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Канта, когда обнародованы были ученіе Дарвина и работы по физіологіи мозга. Кантъ разсматривалъ человѣческій разумъ съ присущей ему способностью мыслить, какъ нѣчто, существовавшее въ совершенной формѣ отъ вѣка. Великій философъ совершенно не останавливается на историческомъ развитіи разума. Послѣдствіемъ явилось, что Кантъ принимаетъ безсмертіе, какъ практическій постулатъ, который нельзя доказать. Кантъ не подозрѣвалъ эволюціи человѣка отъ низшаго животнаго. Любопытное предрасположеніе къ апріорному знанію, — продолжаетъ Геккель,—въ дѣйствительности является результатомъ унаслѣдованія извѣстной структуры мозга. Она образовалась у позвоночныхъ предковъ человѣка медленно и постепенно путемъ приспособленія и опыта, т. е. путемъ знанія *à posteriori*. Даже абсолютныя математическія истины были первоначально достигнуты путемъ эволюціи сужденія и могутъ быть сведены къ ряду опытовъ и къ апріорному заключенію, выведенному изъ нихъ *). Ошибка Канта повела къ тому, что, когда начался вѣкъ критическаго отношенія къ культу, метафизики-изслѣдователи останавливались почти всѣ на одной и той же чертѣ. Однимъ изъ яркихъ исключеній является авторъ «Das Wesen des Christenthums», ученіе котораго выросло на почвѣ гегелевской философіи. Религія—самосознаніе человѣка,—

*) Ernest Haeckel, „Lebenwunderdingen", p. 14.

училъ Фейербахъ.—Святы религіи, ибо онѣ суть преданія перваго человѣческаго сознанія. Но должно перемѣнить отношенія, существующія въ нихъ, и то, что для религіи представляется первымъ предметомъ, т. е. Бога, на самомъ дѣлѣ, считать предметомъ второстепеннымъ, потому что онъ есть только *объектированная* сущность человѣка, а что считаетъ она второстепеннымъ предметомъ—человѣка, должно поставить *на первомъ мѣстѣ*. «Любовь къ человѣку не должна быть производною обязанностью, а *первоначальною*. Ибо одна только любовь есть истинная, святая, всемогущая сила. Если человѣческая сущность есть высочайшее существо человѣка, то и практическая любовь къ человѣку должна быть высочайшимъ и первымъ закономъ человѣка. Homo homini Deus est: вотъ высшее практическое начало, исходный пунктъ всемірной исторіи. Отношеніе сына къ родителямъ, супруга къ супругѣ, брата къ брату, друга къ другу, вообще человѣка къ человѣку,—словомъ, нравственныя отношенія сами въ себѣ, per se, суть отношенія религіозныя. Жизнь, вообще, въ своихъ существенныхъ, субстанціальныхъ отношеніяхъ божественна».

Въ Англіи «освобожденіе разума отъ суевѣрія», какъ выражались энциклопедисты, началось очень рано, при чемъ скептики стали на строго научную почву. «Essay on human understanding», въ которомъ Локкъ развиваетъ мысль, что все человѣческое знаніе основывается на одномъ опытѣ, появилось въ 1671 г., въ то время, какъ всюду пылали еще костры, зажженные фанатизмомъ. За первымъ опытомъ послѣдовалъ трактатъ о религіозной терпимости. Ученію о «прирожденныхъ идеяхъ» былъ нанесенъ смертельный ударъ. «Всякое познаніе происходитъ изъ впечатлѣній чувствъ». Понятіе о божествѣ также не врождено намъ, потому что есть дикари, у которыхъ его нѣтъ, а гдѣ оно и существуетъ, то въ высшей степени разнообразно. Локкъ первый приложилъ точно-научный, т. е. индуктивно-дедуктивный методъ къ явленіямъ духа. Онъ наблюдаетъ дѣятельность разума, какъ естествоиспытатель наблюдаетъ дѣятельность природы. Энциклопедисты широко популяризировали черезъ 50 лѣтъ ученіе Локка и придали ему тотъ ослѣпительный блескъ и кристаллическую ясность, которыми такъ отличаются писанія Вольтера, Дидро, Гельвеція и Гольбаха. Еще большимъ вниманіемъ энциклопедистовъ (собственно, Вольтера) пользовался Болингброкъ. Предъ нами любопытный типъ скептика, который безпощадно разрушаетъ традицію, но желаетъ, чтобы результаты его критики знали только избранные. Что касается массъ, то, по мнѣнію Болингброка, ихъ слѣдуетъ держать въ невѣжествѣ. Пусть господствующая религія, разсматриваемая философски, будетъ, можетъ быть, совершенно груба и суевѣрна,—все равно! Ее нужно всетаки сохранить во всѣмъ отношеніяхъ, потому что въ глазахъ свѣтскихъ людей, къ которымъ принадлежалъ Болингброкъ, она необходима политически для руководства и обуз-

данія народа. Люди, типа Болингброка, были еще въ древнемъ Римѣ (по выраженію Тацита, религія служитъ, какъ instrumentum regni); много ихъ и у насъ теперь. Конечно, они обладаютъ только презрѣніемъ Болингброка къ народу, безъ талантовъ его. Эти люди смотрятъ на религію не съ точки зрѣнія истины, а съ точки зрѣнія цѣлесообразности; если бы, говорятъ они религія уже не существовала къ несчастью, ее необходимо было бы изобрѣсти. Болингброкъ проповѣдуетъ эту теорію цѣлесообразности, нисколько не скрываясь. По его мнѣнію, всѣ религіи были введены ихъ основателями изъ чисто-политическихъ видовъ; онѣ и должны обсуждаться съ чисто-политической точки зрѣнія. Таково внутреннее и совершенно сознательное противорѣчіе, которое проходитъ черезъ всѣ философскія сочиненія Болингброка. Съ одной стороны, онъ подкапываетъ основу существующихъ вѣрованій съ такой мѣткостью и язвительной насмѣшкой, что его легкія и привлекательныя сочиненія пріобрѣтаютъ въ большомъ свѣтѣ безконечно больше послѣдователей, чѣмъ самыя серьезныя и основательныя изслѣдованія всѣхъ прочихъ деистовъ, взятыхъ вмѣстѣ; съ другой стороны, онъ думаетъ, что можетъ съ презрѣніемъ смотрѣть свысока на свободныхъ мыслителей. Болингброкъ пишетъ Свифту: «Названіе Esprit-fort, т. е. свободнаго мыслителя, сколько я замѣтилъ, дается обыкновенно такимъ людямъ, которыхъ я считаю язвой общества. Ихъ усилія направлены къ тому, чтобы уничтожить общественныя связи или, по крайней мѣрѣ, снять узду съ тѣхъ дикихъ людей, полу-животныхъ, которымъ было бы лучше, если бы для удержанія ихъ прибавили еще полдюжину такихъ уздъ. Я не только отвергаю, но и ненавижу такого свободнаго мыслителя» *). Вольтеръ былъ ученикомъ Болингброка, у котораго перенялъ не только манеру критики и аргументацію, но также и аристократическое пренебреженіе къ «черни». Читатели «Философскаго Словаря», вѣроятно, помнятъ слова, которыми заканчивается статья «Іезекіель». Вольтеръ передаетъ содержаніе главы IV, стиховъ 9—12 пророчества и прибавляетъ: «Quicongue aime les prophéties d'Ezéchiel mérite de déjeûner avec lui». Эта манера докончить насмѣшкой дѣло критики перенята всецѣло у Болингброка.

IV.

Скептицизмъ замеръ въ Англіи почти на столѣтіе. Церковь опять заняла всѣ позиціи, разрушенныя тяжелой артиллеріей Локка и ядовитыми насмѣшками Болингброка; но интеллектуальный подъемъ второй половины XIX вѣка опять возродилъ скептицизмъ.

*) См. Г. Геттнеръ, „Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. I, стр. 348.

Послѣ Дарвина, Милля, Льюиса, Тиндаля, Гексли, Спенсера—клэрджимэны должны были поспѣшно отступить. Они сдѣлали слабую и жалкую попытку отстаивать занятыя позиціи (напр., споръ епископа Вильбердгорса съ Гексли *); но должны были поспѣшно отступить. Епископы признали, что большинство того, чему они учили вѣрить буквально,—только «символы»; они вынуждены были признать законъ эволюціи, которымъ, собственно, ниспровергаются всѣ старыя канонизированныя традиціи. Скептики XIX вѣка отличались отъ своихъ предшественниковъ XVIII вѣка не только тѣмъ, что, имѣя большій запасъ знаній, могли точно доказать, что прежде высказывалось только въ видѣ догадки. Въ XIX вѣкѣ англійскіе скептики считали своимъ долгомъ возможно шире распространять свои открытія среди массъ, тогда какъ XVIII вѣкъ требовалъ знанія только для избранныхъ. Въ самомъ началѣ XX-го вѣка возникла съ этой цѣлью въ Англіи крайне интересная Лига Раціоналистовъ, которая издала по баснословно дешевой цѣнѣ (16 копѣекъ за томъ) такія капитальныя сочиненія, какъ «Опыты и Лекціи» Гексли, «Піонеры Эволюціи» Клодда, «Эволюція идеи о божествѣ» Грэнтъ Аллэна, «Происхожденіе Видовъ» Дарвина, «Исторія міросозданія» Клодда, «Міровая Загадка» Геккеля (въ англійскомъ переводѣ) и пр. «Лига Раціоналистовъ» полагаетъ, что умный человѣкъ, задумавшійся надъ извѣстными вопросами, долженъ черпать знаніе не изъ популярныхъ компилятивныхъ брошюрокъ, а изъ капитальныхъ сочиненій, которыя необходимо, поэтому, сдѣлать доступными по цѣнѣ. Книга Грэнтъ-Аллэна «Эволюція идеи о божествѣ» стоила прежде 10 ш., т. е. 5 руб. «Лига» умудрилась издать это сочиненіе за 16 коп. Извѣстный трудъ Геккеля «Ueber die Entstehung und den Stammbaum des Menschengeschlechts» вышелъ въ англійскомъ переводѣ въ двухъ томахъ стоимостью въ 30 шил. (пятнадцать руб.). «Лига» издала тотъ же переводъ, со всѣми рисунками, кромѣ хромолитографій, въ двухъ томахъ, стоимостью каждый въ 24 коп.

Среди англійскихъ публицистовъ, содѣйствующихъ «освобожденію массъ отъ суевѣрій», видное мѣсто занимаетъ Робертъ Блэтчфордъ. Редакторъ *Клэріона* признаетъ, что знаній теперь накоплено много; обязанность общества—распространить эти знанія среди массъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ дѣятельности Лиги Раціоналистовъ, но полагаетъ, что массамъ необходима предварительная умственная подготовка, прежде чѣмъ онѣ приступятъ къ систематическому чтенію капитальныхъ сочиненій. И съ этой цѣлью Блэтчфордъ въ своей газетѣ сталъ популяризаторомъ вопросовъ, впервые поднятыхъ въ Англіи Локкомъ. Изъ статей, помѣщенныхъ въ народной газетѣ и имѣющихъ цѣлью «освободить разумъ», составилась крайне интересная книжка «God and

* *Діонео*, „Очерки Современной Англіи“, стр. 108.

my Neighbour», вышедшая впервые отдѣльнымъ изданіемъ въ 1904 г. Книжка имѣла такой же шумный успѣхъ, какъ и «Merrie England». О впечатлѣніи, произведенномъ книжкой, можно судить по тому, что въ распространенной церковной газетѣ «Church Times» Блэтчфорда величаютъ не иначе, какъ «знаменитымъ еретикомъ изъ *Клэріона*». Не такъ давно газета назначила специальное воскресеніе и созвала вѣрующихъ, чтобы они молились за «обращеніе на путь истинный еретика, отравившаго ядомъ сомнѣнія умы рабочихъ».

«Намъ говорятъ, что современный культъ улучшилъ отношеніе богатыхъ къ бѣднымъ,—пишетъ Блэтчфортъ въ своей апологіи, почему онъ «еретикъ».—Но въ такомъ случаѣ, отчего такая масса бѣдныхъ въ Европѣ? Почему ихъ было еще больше, когда христіанство было въ своемъ зенитѣ. Какъ это случилось, что въ религіозной Англіи, гдѣ церковь такъ богата, 12 милліоновъ христіанъ постоянно находятся на рубежѣ нищеты? Почему пропасть между богатыми и бѣдными такъ глубока въ христіанскихъ городахъ, какъ Лондонъ, Нью-Іоркъ, Парижъ, Петербургъ. Намъ говорятъ, что христіанство принесло человѣчеству благовѣстъ мира. Въ дѣйствительности оно принесло не миръ, а мечъ. Крестовые походы были священными войнами, какъ и разгромъ Нидерландовъ Альбой. Непобѣдимая армада была священной экспедиціей. Нѣкоторыя религіозныя войны продолжались десятки лѣтъ и унесли милліоны жертвъ. Отличительной чертой религіозныхъ войнъ является необыкновенная жестокость священниковъ, участвовавшихъ въ ней, и фанатизированныхъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ, какъ современный культъ сталъ господствующимъ, характерной чертой его является воинственность, нетерпимость и безпощадность. Современная Европа представляетъ громадный вооруженный лагерь. Не такъ давно еще германскій императоръ отдалъ своимъ войскамъ приказъ: не щадить китайцевъ и поступать, какъ гуны. Всеобщему миру угрожаютъ теперь не буддисты, не парси, не послѣдователи Конфуція, а «земельный голодъ» и жажда завоеваній христіанскихъ народовъ. Европа вооружена теперь, потому что европейскіе народы завидуютъ другъ другу, мечтаютъ о военной славѣ и о захватѣ новыхъ рынковъ» *). Блэтчфордъ приводитъ противъ догматовъ культа, символовъ его и книгъ всѣ тѣ аргументы, которые накоплены въ англійской литературѣ со временъ Болингброка до Гексли и Грэнтъ-Аллэна.

«Что, кромѣ отчаянія, дадите вы намъ взамѣнъ, когда вы отнимаете у насъ вѣру?—говоритъ сторонникъ культа. — Я нахожу такую постановку вопроса коммерческой, а не моральной,—пишетъ Блэтчфордъ.—Моральный человѣкъ не скажетъ: «чѣмъ вы мнѣ заплатите, если я отдамъ мою вѣру?» Онъ сказалъ бы: «я не от-

*) „God and my Neighbour", p. 182—183.

ступлюсь отъ моихъ вѣрованій до тѣхъ поръ, покуда убѣжденъ, что они истинны». Для моральнаго человѣка дорога истина, но не цѣна за нее. Человѣкъ, спрашивающій, что онъ выигрываетъ, если перестанетъ вѣрить, обнаруживаетъ этимъ отсутствіе искренняго религіознаго чувства. Религіозно настроенный человѣкъ не можетъ исповѣдывать культъ, въ истинѣ котораго сомнѣвается. Для такого человѣка жизненнымъ вопросомъ является: не «сколько вы мнѣ дадите, если я убѣгу отъ моего полка?», а — «гдѣ истина?» Мнѣ скажутъ: «что вы даете несчастнымъ, неудачникамъ, бѣднякамъ?» Я отвѣчу: «этотъ вопросъ является слабымъ пунктомъ въ *вашей* вѣрѣ, а не въ томъ, что проповѣдуется мною... Вы учите несчастныхъ только терпѣнію, смиренію и покорности. Мы ихъ учимъ, какъ завоевывать счастье» *). «Смерть отдѣляетъ насъ непроницаемой занавѣсью отъ тѣхъ, кого мы любимъ. Никакой богословъ не знаетъ, что скрыто за этой занавѣсью. Вотъ почему постараемся быть счастливы здѣсь, на землѣ. Постараемся сдѣлать счастливыми всѣхъ окружающихъ. Добудемъ соединенными силами наибольшую сумму счастья для каждаго отдѣльнаго индивидуума. А когда занавѣсъ смерти для насъ поднимется, тогда... мы посмотримъ». Блэтчфордъ дальше доказываетъ, что выступилъ противъ культа, какъ соціалистъ, ибо находитъ, что культъ является помѣхой для соціализма. Прежде, чѣмъ строить новое, нужно разрушить старыя постройки, подгнившія и нездоровыя.

V.

Среди томленій, охватившихъ человѣчество въ концѣ XIX вѣка, одно изъ самыхъ главныхъ — томленіе по полной, красивой, не пошлой жизни. Мы находимъ его сперва въ литературахъ французской, англійской, скандинавской, германской, итальянской, а потомъ — въ русской. Выраженія «полная», «не пошлая» жизнь повторяются теперь постоянно, хотя не дѣлаются попытки точно опредѣлить значеніе терминовъ. Фаустъ, въ томленіи по полной жизни, восклицаетъ:

„Ich fühle Mut,
Mit Stürmen mich herumzuschlagen,
Und in des Schiffbruchs Knirchen nicht zu zagen“.

(«Я чувствую отвагу... бороться съ бурями и не блѣднѣть, заслыша трескъ гибнущаго корабля»). Томящіеся по полной жизни не разъ высказывали, что красота, это—борьба съ бурей въ морѣ. Другіе, испытавшіе бурю (хотя въ смиренной роли пассажира, а не капитана), видятъ въ ней не красоту, а неизящныя муки морской болѣзни. И требуется еще доказать, что человѣкъ, застрахо-

*) „God and My Neighbour“, p. 186.

ванный отъ морской болѣзни, глубже, шире и поэтичнѣе, чѣмъ человѣкъ, зеленѣющій при слабой качкѣ.

Изобрѣтатель или ученый (не Вагнеръ) живетъ полной жизнью, испытываетъ всю гамму волненій и постигаетъ высшую форму красоты тогда, когда смутная въ началѣ идея начинаетъ облекаться въ сжатыя, точныя формулы или въ конкретные образы.

«Въ человѣческой жизни, — говоритъ П. А. Кропоткинъ въ своихъ замѣчательныхъ «Запискахъ», — мало такихъ радостныхъ моментовъ, которые могутъ сравниться съ внезапнымъ зарожденіемъ обобщенія, освѣщающаго умъ послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій. То, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ казалось хаотическимъ, противорѣчивымъ и загадочнымъ, сразу принимаетъ опредѣленную, гармоническую форму. Изъ дикаго смѣшенія фактовъ, изъ-за тумана догадокъ, опровергаемыхъ едва лишь онѣ успѣютъ зародиться,—возникаетъ величественная картина, подобно альпійской цѣпи, выступающей во всемъ великолѣпіи изъ-за скрывавшихъ ее облаковъ и сверкающей на солнцѣ во всей простотѣ и многообразіи, во всемъ величии и красотѣ. А когда обобщеніе подвергается провѣркѣ, примѣняется ко множеству отдѣльныхъ фактовъ, казавшихся до того безнадежно противорѣчивыми,—каждый изъ нихъ сразу занимаетъ свое положеніе и только усиливаетъ впечатлѣніе, производимое общею картиной. Одни факты оттѣняютъ нѣкоторыя характерныя черты, другіе раскрываютъ неожиданныя подробности, полныя глубокаго значенія. Обобщеніе крѣпнетъ и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонтъ, глазъ открываетъ очертанія новыхъ и еще болѣе широкихъ обобщеній. Кто испыталъ разъ въ жизни восторгъ научнаго творчества, тотъ никогда не забудетъ блаженнаго мгновенія. Онъ будетъ жаждать повторенія. Ему досадно будетъ, что подобное счастье выпадаетъ на долю немногимъ, тогда какъ оно всѣмъ могло бы быть доступно, въ той или другой мѣрѣ, если бы знаніе и досугъ были достояніемъ всѣхъ». Это пишетъ человѣкъ, самъ испытавшій восторгъ, доставленный замѣчательнымъ научнымъ открытіемъ. Въ то же время мы видимъ въ немъ пламеннаго стойкаго борца, пожертвовавшаго очень многимъ.

Выводъ отсюда тотъ, что русскій ученый отнюдь не похожъ на ту аляповатую и неумную каррикатуру, которую далъ М. Горькій въ «Дѣтяхъ Солнца». Онъ изобразилъ, самое большее, русскаго Вагнера, да и то плохо. Но это между прочимъ.

«Да будетъ благословенна наука! Когда земля казалась старой; когда вѣра превратилась въ безуміе, а разумъ охладѣлъ,— наука открыла, что міръ—юнъ»—съ восторгомъ цитируетъ замѣчательный англійскій ученый, съ мировымъ именемъ и видный общественный дѣятель *). Итакъ, для однихъ «полная, красивая и не

---

*) Цитировано у Лэббока, въ его „Pleasures of Life".

пошлая жизнь» это — восторги научнаго творчества. Шиллеровскому Швейцеру, съ другой стороны, казалось, что онъ жилъ полной жизнью только тогда, когда поджигалъ городъ съ тридцати трехъ концовъ и наказалъ всѣхъ ханжей, живущихъ тамъ. «Morbleu! не прошло и четверти часа, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, который также, вѣроятно, косился на городъ, славно помогъ намъ и метнулъ пламя на самыя верхушки. Между тѣмъ, мы бѣгаемъ изъ улицы въ улицу, какъ фуріи, и кричимъ на весь городъ: «пожаръ, пожаръ!» Вой, крикъ, стукотня; гудитъ набатъ! Наконецъ, пороховой погребъ взлетаетъ на воздухъ: казалось, земля лопнула пополамъ и небо распалось на части, а адъ ушелъ еще глубже на десять тысячъ саженъ».

Для однихъ «полная, красивая и не пошлая жизнь», это— сліяніе съ космосомъ. Для нихъ природа — все. Каждый исцарапанный валунъ, лежащій на нивѣ, разсказываетъ имъ величественныя саги про великіе перевороты, про охлажденіе земной атмосферы, про надвиганіе льдовъ, про гибель безчисленныхъ видовъ и про мучительное приспособленіе другихъ видовъ къ арктическому климату. Какимъ жалкимъ лепетомъ въ сравненіи съ этими сагами кажутся величественныя норвежскія сказки про борьбу боговъ (Asgardr) съ великанами (Utgardr). Природа говоритъ тысячами голосовъ. Она для нихъ—безконечный источникъ красоты. Краски на небѣ, на полѣ мѣняются съ каждымъ положеніемъ солнца, въ зависимости отъ каждаго набѣгающаго облачка. Мало этого. Такимъ людямъ природа даетъ тотъ восторгъ, то чувство умиленія и успокоенія, которыя дѣйствительно вѣрующіе люди выносятъ изъ молитвы. Восторженные поклонники природы убѣждены, что космосъ будетъ безконечнымъ источникомъ высокихъ эмоцій, необходимыхъ человѣку, когда вѣра, доставлявшая ихъ раньше, окончательно потухнетъ и культъ потеряетъ всякое значеніе. Тогда всѣ люди будутъ умѣть «читать природу».

Но рядомъ съ этимъ есть люди, которымъ природа внушаетъ только ужасъ. Они видятъ въ ней или враждебное, злобное начало, одну изъ ипостасей смерти, или нѣчто мертвое. Вотъ, напримѣръ, гюисмансовскій эстетъ Дезесэнтъ (въ романѣ «A rebours»), презирающій пошлость и глупость человѣческой жизни. Отъ нея онъ желаетъ скрыться въ художественную Ѳиваиду, созданную по собственному образу и подобію. «Искусственное представлялось Дезесэнту отличительнымъ признакомъ человѣческаго духа. Время природы,— говоритъ онъ, — миновало. Отвратительнымъ однообразіемъ своихъ пейзажей и небесъ она истощила окончательно внимательное терпѣніе утонченныхъ людей. Какое вульгарное зрѣлище представляютъ люди, предающіеся исключительно своимъ профессіямъ; какую узость ума проявляетъ торговка, торгующая все однимъ товаромъ, какъ однообразна торговля деревьями и лугами, какъ повседневенъ складъ горъ и морей». «Полная, красивая и не пошлая

жизнь» для Дезесэнта, это — «существованіе навыворотъ» и «вкусовыя симфоніи». Да что Дезесэнтъ! Возьмемъ мощный умъ первой величины—Сократа, «наиболѣе типичнаго представителя интеллекта безъ науки», какъ называетъ его Лэббокъ *). Сократъ говоритъ, что онъ всегда жаждетъ учиться, но поля и деревья рѣшительно ничего не говорятъ ему. «Если вы знаете одно зеленое поле, то вамъ извѣстны всѣ зеленыя поля въ мірѣ», — говоритъ англійскій комментаторъ Сократа.

Красота жизни это—«говорить умѣть», «въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ» поставивъ,—увѣряетъ Фетъ.

„Кляните насъ: намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь,
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь".

Спросите у альпиниста, что онъ испытываетъ, перебираясь черезъ глетчеры, взбираясь на недоступныя вершины и рискуя очутиться на днѣ ледяной пропасти? «Безсмысленное стремленіе свернуть себѣ шею», — скажетъ спокойный человѣкъ, предпочитающій смотрѣть на Монбланъ съ террасы отеля въ Шамони. «Я постигаю тогда высшую красоту! Полное сліяніе *я* съ космосомъ»,—отвѣтитъ альпинистъ. Такой отвѣтъ мы найдемъ въ книгѣ Лессли Стифена— «The Playground of Europe» или въ «Альпійскихъ глетчерахъ» Тиндаля. Полнота жизни измѣняется, между прочимъ, творческой работой ума. При будничной обстановкѣ мысль сонно течетъ въ готовомъ руслѣ.

Только восторгъ, порожденный сознаніемъ красоты жизни, заставляетъ мысль уподобить весеннему потоку, сразу мѣняющему старое русло. Въ «Альпійскихъ глетчерахъ» Тиндаля мы видимъ подтвержденіе этого взгляда. При восхожденіи на Monte-Rosa у знаменитаго ученаго сверкнула первая мысль его теоріи **).

---

*) The Pleasures of Life.

**) Я смотрѣлъ на эти чудеса (восходъ солнца) на вершинѣ Монблана, Гранкомбэна, Данбланша, Вайгорна и тысячи другихъ пиковъ, соединившихся, какъ бы, для прославленія занимающагося дня. И я задавалъ себѣ вопросъ: какъ выполнена эта колоссальная работа? Кто вырубилъ, какъ рѣзцомъ, эти мощныя и живописныя массы изъ простой выпуклости земной коры? И отвѣтъ былъ предо мною. На востокѣ на небѣ медленно поднимался вѣчно мощный, вѣчно юный зодчій, таящій въ себѣ еще силы тысячи не созданныхъ міровъ. Онъ поднялъ и вздулъ воды, вырывшія эти пропасти; онъ помѣстилъ глетчеры на откосахъ горъ; и, повинуясь закону тяготѣнія, ледники поползли внизъ, открывая, какъ гигантскимъ плугомъ, долины. Этотъ зодчій, работая безпрерывно, черезъ десятки вѣковъ, сравняетъ эти мощныя горы, снесетъ ихъ постепенно къ морю, сѣя, такимъ образомъ, начало новыхъ материковъ. И люди, которые будутъ населять постарѣвшую землю, увидятъ черноземныя поля и желтѣющій хлѣбъ надъ скрытыми глубоко скалами, поддерживающими теперь тяжесть Юнгфрау („Prof. Tyndall, „Mountaineering in 1861").

«Полная, красивая и не пошлая жизнь» постигается только въ любви къ женщинѣ, — говоритъ Мюссе и тысячи поэтовъ до и послѣ него.

„L'amour est tout,—l'amour est la vie au soleil.
Aimer est le grand point, qu'importe la maitresse?
Qu'importe le flacon, pourvu qu'on ait l'ivresse?
Faites-vous de ce monde un songe sans réveil" *).

Если бы мы спросили у Китъ Китыча, что такое не пошлая жизнь, и если бы онъ понялъ насъ, то отвѣтилъ бы, что красоту бытія постигаетъ вполнѣ, когда вопитъ: «чего моя нога хочетъ», когда всѣ предъ нимъ трепещутъ и когда онъ одинъ въ двухъ каретахъ ѣдетъ. Къ слову сказать, у насъ и теперь есть люди, глубоко презирающіе Китъ Китыча и «гнилую интеллигенцію», но прославляющіе именно идеалъ купца Островскаго.

Попытки точнаго научнаго опредѣленія понятій «сѣрая» «пошлая жизнь» дѣлались, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ. Въ Англіи, напримѣръ, это сдѣлалъ Милль въ своей книгѣ «On Liberty», въ которой констатируетъ постоянное пониженіе личностей, вкуса, тона, пустоту интересовъ и отсутствія энергіи. Милль предложилъ точный терминъ для характеристики явленія: «объединенная посредственность» (Conglomerated mediocrity). У насъ съ тою же цѣлью П. Л. Лавровъ предложилъ такой же точный терминъ «дикари высшей культуры».—«Дикарь высшей культуры ходитъ въ храмъ Изиды, Зевса, въ церковь св. Сульпиція или въ Исаакіевскій соборъ потому, что ходятъ другіе. Онъ учится атлетическимъ упражненіямъ въ Греціи, знакомится въ древнемъ Римѣ со всѣми частностями обряда и формулъ жертвоприношенія гаруспиціевъ, слушаетъ комментаріи Ѳомы Аквината въ XIII в; держитъ экзамены изъ физіологіи или изъ римскаго права въ XIX в., потому, что надо же выбрать карьеру и такъ дѣлаютъ съ этой цѣлью другіе... Онъ апплодируетъ Рашели, Гамбеттѣ или Ренану въ Парижѣ и реветъ на митингахъ тори въ Лондонѣ противъ гомруля, не давая себѣ даже отчета, почему онъ дѣлаетъ это. Его память обогащается, его общественныя отношенія усложняются. Онъ способенъ такъ же искусно вести дѣла на биржѣ и такъ же терпѣливо выжидать крупную экономическую или политическую добычу, какъ австралійскій дикарь искусно охотится на кенгуру и терпѣливо ждетъ въ засадѣ врага цѣлые дни. Онъ способенъ оцѣнить выгоду техническаго продукта, нисколько не интересуясь ни вопросомъ,

---

Читатели видятъ, что природа умѣетъ разсказывать поэмы, съ величіемъ и красотой которыхъ не сравнится ни одинъ поэтъ.

*) Т. е. «Любовь—все. Любовь это—жизнь на землѣ. Самое важное—любить. Какая возлюбленная--безразлично. Что намъ до фіала, если содержаніе его даетъ опьяненіе? Превратите всю жизнь въ сонъ безъ пробужденія" (Alfred de Musset. „La Coupe et les levres").

рядомъ какихъ соображеній получилась техника, дающая этотъ продуктъ, ни, еще менѣе, тѣмъ, какіе законы природы лежатъ въ основѣ этой техники. Онъ остается при первобытной лѣни мысли. Онъ ощущаетъ потребность лишь въ тѣхъ умственныхъ процессахъ, которые никогда не побудили и не могутъ побудить человѣка перейти къ исторической жизни. Предметы, относящіеся къ области высшихъ наслажденій, ему доступны лишь, какъ элементы общественнаго обычая, и ему все равно, таковы ли они или иные. Для него не существуетъ самаго элементарнаго представленія о потребности развитія мысли путемъ ея постепеннаго уясненія и усовершенствованія ея методовъ; о потребности развитія жизни личной внесеніемъ въ нее большей послѣдовательности; о потребности развитія общежитія путемъ воплощенія справедливости въ общественныя отношенія, путемъ укрѣпленія и расширенія общественной солидарности. Съ тѣмъ вмѣстѣ не существуютъ для него и нравственныя побужденія, которыя нераздѣльно связаны съ потребностью развитія» *). Вмѣсто терминологіи, точно опредѣляющей содержаніе,—у насъ теперь въ ходу неопредѣленный, ничего не выражающій терминъ «мѣщане», взятый взаймы у составителей паспортныхъ бланковъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ? Понятія «полная жизнь», «красивая жизнь», «не пошлая жизнь» чисто субъективны. Каждый человѣкъ вкладываетъ въ нихъ (и будетъ вкладывать) свое собственное содержаніе. Что для одного—высшее проявленіе красоты, для другаго будетъ «сѣро», «скучно» и «пошло». И наоборотъ. Люди должны обезпечить всѣмъ живущимъ въ данной странѣ хлѣбъ и волю, а затѣмъ предоставить каждому устраивать «красивую» жизнь по собственному усмотрѣнію и вкусу. Полнота жизни, это—право и возможность для каждаго проявлять свою индивидуальность. И это право должно кончаться только тамъ, гдѣ начинается право другого гражданина. Когда у всѣхъ будетъ хлѣбъ и воля, люди будутъ искать красивую жизнь, т. е. проявлять свою индивидуальность крайне разнообразно, въ зависимости отъ той зоологической особенности, не поддающейся подведенію подъ одинъ знаменатель, которая называется *талантомъ*. Въ досужее время влюбленный поэтъ станетъ писать своей возлюбленной:

„Io non fu'd'amar voi lassato unquanco,
Ma donna, ne sarò, mentre ch'io viva" **).

И въ этомъ найдетъ полноту жизни.

Будущій Жирардъ свои досуги посвятитъ замѣчательной машинѣ, которая введетъ во всей общинѣ четырехчасовой трудъ.

*) П. Лавровъ, „Переживанія доисторическаго періода". Глава II.

**) „Я не усталъ еще любить тебя и не устану, покуда живу" (Петрарки).

При осуществленіи своей идеи изобрѣтатель постигнетъ высшую радость. Третій въ свои досуги достигнетъ невѣроятнаго совершенства въ ѣздѣ на велосипедѣ и будетъ такъ же счастливъ, какъ Петрарка, Жакаръ или Геккель послѣ написанія «Міровой загадки». Дайте *всѣмъ* хлѣбъ и волю и предоставьте каждому индивидууму, сообразно его вкусамъ и природнымъ талантамъ, опредѣлять для себя, что такое «красивая», «полная», «не пошлая» и «не мѣщанская» жизнь!

Люди творятъ боговъ и идеалы по собственному образу и подобію. Великій артистъ Вильямъ Моррисъ населяетъ будущую Англію артистами и тонкими цѣнителями художественной красоты. Въ *Икаріи* Кабэ—живутъ честные, добросовѣстные, ограниченные чиновники соціализма. Уэльсъ видитъ въ своей *Новой Утопіи* только инженеровъ и естествоиспытателей. О будущемъ, конечно, можно загадывать, что угодно, и до безконечности фантазировать, какой идеалъ «красивой» жизни опредѣлится тогда у массъ. Можно сказать только, что красота жизни отнюдь не непремѣнно находится въ прямой зависимости отъ диктатуры какого бы ни было класса надъ остальнымъ населеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ настоящему. Заглянемъ въ тѣ немногія страны, гдѣ массамъ хотя бы отчасти гарантированъ хлѣбъ. Кто внимательно изучалъ Новую Зеландію; кому знакома литература «счастливыхъ острововъ», какъ у насъ, съ легкой руки новозеландскаго чиновника Ривса, называютъ далекую колонію; кто слѣдитъ постоянно за періодической печатью ея,—тотъ знаетъ, что жизнь тамъ, если прикинуть мѣрку суровыхъ обличителей нашей интеллигенціи, крайне не интересна, буднична и однообразна. Идеалы новой Зеландіи прозаическіе, «мѣщанскіе». И нужно ли удивляться этому? Тѣ, кому холодно, желаютъ прежде всего согрѣться. Кто достаточно наголодался, желаетъ прежде всего наѣсться до сыта и обезпечить себѣ обѣдъ не только на завтра, но и въ старости. Жизнь не представляетъ никакой цѣнности въ глазахъ человѣка только тамъ, гдѣ уваженія къ личности не существуетъ, гдѣ всѣ скованы. Согрѣвшійся и наѣвшійся человѣкъ, который долго голодалъ и холодалъ, желаетъ отдохнуть.

Все это знаетъ Блэтчфордъ, вотъ почему во всѣхъ своихъ книжкахъ онъ учитъ массы, какъ освободить свой умъ отъ цѣпей и отъ мусора, и затѣмъ, какъ устроить *сытую* жизнь для всѣхъ. *Красивую* жизнь,—предполагаетъ Блэтчфордъ,—каждый потомъ создастъ для себя самъ, согласно своимъ запросамъ. Чтобы обезпечить всѣмъ хлѣбъ, нужно прежде всего разрѣшить вопросъ о землѣ.

VI.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ Англіи въ аксіому превращается положеніе, которое недавно еще казалось ересью противъ всѣхъ экономическихъ каноновъ. Гибель земледѣлія въ Англіи — давно уже признанный фактъ. Но какими причинами обусловливается это? «Земледѣліе въ Англіи убито свободой торговли»,— авторитетно утверждали еще недавно протекціонисты. Теперь и протекціонисты, и фритрэдеры признаютъ, что *англійское земледѣліе убито крупнымъ землевладѣніемъ*. Лэндлордизмъ повелъ къ тому, что сперва нивы замѣнились пастбищами, а теперь пастбища превращаются въ верещаки для разведенія куропатокъ. Въ прямой зависимости отъ взгляда на причины гибели земледѣлія находится прогрессъ двухъ обществъ, имѣющихъ цѣлью возвратить землю народу. Первое общество—*Land Nationalization Society*— возникло по иниціативѣ Альфреда Ресселя Уоллэса, который выработалъ программу въ ноябрѣ 1889 г. Общество издаетъ собственный журналъ *Земля* и *Трудъ* (Land and Labour). Другое общество—*English Land Restoration League*—проповѣдуетъ исключительно взгляды Генри Джорджа. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ англійскому общественному дѣятелю нужно было много смѣлости, чтобы на выборахъ объявить себя сторонникомъ національзаціи земли. Теперь необходимость этой мѣры признаютъ многіе члены парламента, независимыя церкви и различныя ассоціаціи, не говоря уже о трэдъ-юніонахъ, которые на своихъ конгрессахъ ежегодно принимаютъ резолюцію о національзаціи рудниковъ, шахтъ и земли. Либеральное общество «Financial Reform Association», основанное Кобдэномъ и Брайтомъ съ цѣлью добиться отмѣны всякихъ таможенныхъ пошлинъ, было всецѣло захвачено идеями Генри Джорджа. Журналъ этого общества *Financial Reformer* теперь доказываетъ необходимость налога въ размѣрѣ 25% на всѣ земли. Къ Обществу принадлежатъ почти всѣ члены либеральной партіи въ парламентѣ. По выраженію Мэтью Арнольда, значительная часть англичанъ смотритъ на лэндлорда, какъ на «очень дорогой анахронизмъ»; съ каждымъ годомъ уменьшается въ Англіи число лицъ, думающихъ, что «анахронизмъ» имѣетъ право получить вознагражденіе за землю, которую предки его отняли у всего народа *). Аргументы, выставляемые защитниками лэндлордизма, очень неубѣдительны. Постараюсь привести ихъ. «Помѣстья крупныхъ землевладѣльцевъ, вслѣдствіе возможности большей затраты капитала, лучше обработаны, чѣмъ участки мелкихъ фермеровъ». Этотъ аргументъ теперь совершенно убитъ фактами. «Работники

*) *Sidney Webb*, Socialism in England, p. 60.

ничего не выиграютъ, если вмѣсто тысячи крупныхъ землевладѣльцевъ явится одинъ собственникъ—государство. Только немногіе помѣщики оказываютъ теперь давленіе на политическіе взгляды своихъ работниковъ. Совсѣмъ другое произойдетъ, когда вся земля будетъ находиться въ рукахъ государства. Помимо всего, такая концентрація поведетъ къ усиленію бюрократіи. Опустѣніе деревень обусловливается не трудностью достать земельный участокъ, а стремленіемъ деревенскаго населенія, вслѣдствіе лучшаго образованія, къ болѣе полной и разнообразной жизни.—Переполненіе городовъ, однако, зависитъ отъ притока не деревенскаго населенія, а неимущихъ иностранцевъ. — Для поддержанія и поощренія искусствъ и литературы въ данной націи необходимо (?!) существованіе состоятельнаго класса, имѣющаго досугъ.—Если землевладѣлецъ выигрываетъ много отъ притока населенія и отъ повышенія культуры, то онъ также сильно теряетъ, когда начинается тяга въ городъ. Вотъ почему, если идетъ рѣчь объ обложеніи налогомъ «незаработаннаго приращенія», то общество должно также вознаградить помѣщика, когда земля его понизится въ цѣнѣ.—Если выкупить у помѣщиковъ землю за справедливую цѣну, то государственные финансы будутъ надолго разстроены. Въ то же время выкупъ создастъ праздный классъ людей, не имѣющихъ никакихъ отвѣтственностей». Первые аргументы, какъ видите, очень не убѣдительны, что касается послѣдняго, то онъ можетъ быть употребленъ противъ лэндлордовъ: народъ безъ земли жить не можетъ; но такъ какъ выкупъ раззоряетъ государство и создаетъ классы трутней, то...

Посмотримъ теперь, какъ излагаетъ Блэтчфордъ своимъ читателямъ сущность аграрнаго вопроса. Редакторъ *Клэріона* стоитъ не за конфискацію, а за національзацію земли путемъ извѣстнаго вознагражденія. «Но что такое справедливое вознагражденіе,—говоритъ Блэтчфордъ. — Основываясь на своихъ правахъ, землевладѣлецъ можетъ потребовать выкупъ, лежащій за предѣлами возможности. Вотъ почему нужно прежде изслѣдовать, каковы эти права. Посмотримъ также, какъ относится законъ къ изобрѣтателямъ и авторамъ. Частная земельная собственность основана всегда или на правѣ завоеванія (земля была украдена или «добыта» предками), или на правѣ дара (земля была пожалована, подарена или получена по наслѣдству), или на правѣ пріобрѣтенія (земля была куплена за извѣстную цѣну). Разберемъ сперва право дара и пріобрѣтенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что никто не имѣетъ нравственнаго права владѣть вещью, проданной или подаренной лицомъ, которому она не принадлежитъ. Если Иванъ купитъ часы, коня, домъ или другую вещь у Петра, которому все это не принадлежитъ, то долженъ возвратить купленное настоящему владѣльцу и теряетъ свои деньги. Если мы докажемъ, что частный человѣкъ не имѣетъ нравственнаго права владѣть землей, то выводъ будетъ,

что онъ не можетъ также продавать или дарить ее. Если Иванъ не имѣетъ права продавать или дарить землю, то Петръ не имѣетъ права держать землю, купленную или полученную въ подарокъ. Такимъ образомъ, чтобы оцѣнить право Ивана на землю, нужно прослѣдить, какъ она въ самомъ началѣ попала въ частную собственность. Изслѣдуя это, мы въ корнѣ всегда найдемъ грабежъ. Мы увидимъ, что или земля была отдана баронамъ, явившимся вмѣстѣ съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ, или ее оттянулъ у общины, путемъ огораживанія, какой-нибудь помѣщикъ (Lord of the Manor *) или другой грабитель. Изъ пѣсни слова не выкинешь. Человѣка, отобравшаго у васъ силой часы, вы называете грабителемъ. А оттягать землю у общины куда болѣе тяжелое преступленіе! Итакъ, грабежъ земли не даетъ еще права на нее, кромѣ того права, которое создали для себя сами захватчики. Если Иванъ добылъ землю мечемъ, то онъ можетъ держать ее до тѣхъ поръ, покуда не явятся люди болѣе сильные, чѣмъ онъ, и отнимутъ добычу. А между тѣмъ, Петръ, получившій эту землю отъ Ивана, не признаетъ ни за кѣмъ права отвоевать ее у него. Современные лэндлорды доказываютъ, что земля принадлежитъ имъ, потому что восемьсотъ лѣтъ тому назадъ предки ихъ ограбили ее у народа. Лэндлорды не признаютъ за народомъ права взять свою собственность обратно. Герцогъ владѣетъ землей, которую норманны забрали при Вильгельмѣ Завоевателѣ, другими словами, по праву грабежа. Но если бы какіе-нибудь люди вздумали теперь такимъ же порядкомъ отобрать землю у герцога, онъ завопилъ бы: «караулъ! грабятъ!» и обратился бы къ покровительству закона. Герцогъ доказывалъ бы «незаконность» и «безнравственность» отбиранія собственности. Онъ защищался бы не съ мечемъ въ рукахъ, какъ его предки, а при помощи закона. Но кто составилъ этотъ законъ? Тѣ самые господа, которые заграбили землю и держатъ ее неправдой... Что же, пусть герцогъ защищаетъ свое право при помощи закона, составленнаго герцогами! Мы противъ этого выставимъ другой, новый законъ, составленный народнымъ парламентомъ. Развѣ есть такой справедливый законъ, который воспрещалъ бы отобрать у разбойника его добычу! Развѣ есть такой справедливый законъ, который утверждалъ бы, что право, установленное парламентомъ, состоящимъ изъ лэндлордовъ, не можетъ быть отмѣнено другимъ парламентомъ, составленнымъ изъ представителей всего народа?

---

*) Вильгельмомъ-Завоевателемъ вся Англія была раздѣлена на деревенскія общины (Village Communities) или „Manors". Во главѣ общины находился помѣщикъ (Lord of the Manor). Арендаторы его состояли изъ свободныхъ землепашцевъ (Freeman) и крестьянъ (Villeins), которые были „прикрѣплены къ землѣ". Къ деревнѣ прилегали помѣщичьи земли (lord's domain), обрабатываемыя арендаторами, и выгоны, принадлежавшіе всей общинѣ. Съ XVI вѣка начинается безсовѣстный захватъ общинныхъ выгоновъ помѣщиками.

Помѣщикъ не дѣлаетъ землю. Онъ владѣетъ только ею. Если человѣкъ изобрѣтетъ новую машину, найдетъ совершенный способъ обработки стали или напишетъ хорошую книгу, онъ требуетъ, чтобы законъ охранялъ его права. Изобрѣтатель получаетъ отъ своего патента доходъ въ продолженіе 14 лѣтъ. Затѣмъ изобрѣтеніе дѣлается общественнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ, законъ признаетъ, что изобрѣтатель достаточно вознагражденъ въ 14 лѣтъ за машину, которую онъ сдѣлалъ. И тотъ же законъ признаетъ право *вѣчнаго* владѣнія на землю, которую лэндлордъ не сдѣлалъ. Авторъ книги въ Англіи пользуется правомъ собственности на нее въ продолженіе 44 лѣтъ; черезъ семь лѣтъ послѣ смерти автора, во всякомъ случаѣ, книга становится общественнымъ достояніемъ. Земля же, на созданіе которой лэндлордъ не затратилъ труда, *никогда* не становится общественнымъ достояніемъ. Если бы то же право, которое требуютъ для себя лэндлорды, было примѣнено также къ изобрѣтеніямъ и книгамъ, то произведенія Шекспира, полотно, сукно, ноты, — словомъ, все было бы недоступно по своей цѣнѣ. Потомки Шекспира, Мильтона, Диккенса, Стифенсона, Бесмера, Фультона получали бы до сихъ поръ съ публики такіе же громадные доходы, какъ лэндлорды. Какое право имѣетъ лэндлордъ называть конфискацію земли, которую онъ не сдѣлалъ, грабежомъ, тогда какъ изобрѣтеніе паровоза, напр., давно уже стало общественнымъ достояніемъ? Изобрѣтатель за свой патентъ получаетъ 14 лѣтъ извѣстный доходъ. Лэндлордъ получаетъ всю свою жизнь ренту, которая все увеличивается. Это, такъ называемое, *незаработанное приращеніе* (Unearned increment). Рента въ городахъ выше, чѣмъ въ деревняхъ. Почему? Потому, что земля дороже. А почему земля дороже? Потому что въ городахъ больше промышленности. Бывали случаи, что земли, купленныя по нѣсколько шиллинговъ за акръ, черезъ нѣсколько лѣтъ стоили уже десятки гиней за ярдъ. Увеличеніе въ цѣнѣ обусловливается талантами, предпріимчивостью или трудолюбіемъ не лэндлорда, а тѣхъ людей, которые торгуютъ или работаютъ на участкѣ земли. Лэндлордъ спитъ или живетъ, припѣваючи, безъ дѣла, когда Эдиссоны, Стифенсоны, Маудсли, Бессмеры и тысячи искусныхъ работниковъ превращаютъ сонныя деревушки въ цвѣтущіе, промышленные города. Когда городъ выстроенъ, и промышленность разовьется, является лэндлордъ, чтобы собрать жатву, гдѣ онъ не сѣялъ. Незаработанное приращеніе, это — налогъ, накладываемый лѣнтяемъ на трудолюбіе. Такое же самое явленіе мы видимъ въ деревнѣ, гдѣ фермы обыкновенно сдаются на короткій срокъ. Фермеръ или улучшаетъ свою землю и теряетъ, въ такомъ случаѣ, свои затраты; или, боясь потерять затраченное, не въ достаточной степени хорошо обрабатываетъ свой участокъ. Въ обоихъ случаяхъ въ барышѣ остается лэндлордъ, а въ проигрышѣ—фермеръ и общество.

А вотъ еще случай. Помѣщикъ имѣетъ участокъ земли, изъ ко-

тораго фермеры ничего не могутъ извлечь. Нѣсколько садовниковъ снимаютъ эту землю небольшими участками по 5 ф. ст. за акръ для выращиванія цвѣтовъ на продажу. Садовники затрачиваютъ много труда, тщательно воздѣлываютъ свои клочки и получаютъ по 50 ф. ст. съ акра. Что дѣлаетъ помѣщикъ? Онъ немедленно поднимаетъ арендную плату до сорока ф. ст. за акръ. Вотъ это и есть «незаработанное приращеніе», раззоряющее фермера и работника, за то обогащающее помѣщика» *). Блэтчфордъ дальше еще больше выясняетъ сущность права помѣщика на землю и доказываетъ, что захватъ земли въ частную собственность можно приравнять только захвату моря или воздуха. «Представьте себѣ, что король или парламентъ дали бы частному лицу исключительное право на владѣніе Бристольскимъ каналомъ или воздухомъ въ Корнуэльсѣ. Такое пожалованіе показалось бы смѣшнымъ народу. И если бы получившій привилегію захотѣлъ отстаивать ее при помощи закона и полиціи, то это привело бы къ революціи. Но чѣмъ же такое право болѣе несправедливо, чѣмъ право на исключительное владѣніе шервудскимъ лѣсомъ, ковентгардискимъ рынкомъ, эссекскими хлѣбными полями или кумберлэндскими желѣзными рудниками? Бристольскій каналъ, Темза, большія дороги и мосты—представляютъ общественную собственность, которыми всѣ могутъ свободно пользоваться. Нѣтъ такой силы въ королевствѣ, которая могла бы оттянуть у народа хоть ярдъ большой дороги или акръ свободнаго моря. Совершенно справедливо, что большія дороги, море или воздухъ являются достояніемъ всего народа. Если это такъ, то какимъ же аргументомъ можетъ быть подтверждено исключительное право одного лица на землю, т. е. на Великобританію?»

Какимъ образомъ возвратить землю народу? Блэтчфордъ противъ простой конфискаціи и полагаетъ, что по отношенію къ лэндлордамъ долженъ быть примѣненъ тотъ же принципъ, какъ и къ изобрѣтателямъ. «Изобрѣтатели, которые, по мнѣнію экономиста Mallock, создали три четверти національныхъ богатствъ Англіи, получаютъ доходы отъ своихъ патентовъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Почему не ограничить тѣмъ же срокомъ частное право на землю? Пусть землевладѣлецъ получитъ выкупъ въ размѣрѣ четырнадцатилѣтней ренты или двадцатилѣтней, если земля была пріобрѣтена въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это составитъ больше, чѣмъ мы даемъ нашимъ изобрѣтателямъ, которые увеличиваютъ наши національныя богатства, чего не дѣлаютъ лэндлорды» **).

Можетъ ли Англія прокормить 40 мил. своего населенія? Въ этомъ отношеніи Блэтчфордъ безусловно присоединяется къ П. А. Кропоткину, замѣчательная книга котораго «Fields, Factories and Workshops» имѣется и въ русскомъ переводѣ. Знаніе, примѣненное

*) R. Blatchford, „Britain for the British“, p. p. 32—59.
**) Ib., p. 61.

свободнымъ человѣкомъ къ землѣ, производитъ чудеса. Англія потребляетъ въ годъ 29 милл. четвертей пшеницы Среднiй урожай въ Англіи—28 бушелей или $3^1/_2$ четверти съ акра. Такимъ образомъ, чтобы прокормить всю Англію хлѣбомъ, нужно меньше девяти милліоновъ акровъ земли. Всей земли, годной для обработки въ Англіи и въ Ирландіи—тридцать три милліона акровъ. Другими словами, остаются еще 24 милл. акровъ для выращиванія овощей, разведенія фруктовыхъ садовъ, затѣмъ для травосѣянія. Авторъ «Fields, Factories and Workshops» приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если землю въ Англіи обрабатывать также, какъ обрабатывали ее тридцать пять лѣтъ тому назадъ, то она могла бы прокормить своими продуктами 24 милл. Если примѣнять ту систему обработки, какъ теперь въ Бельгіи, Англія могла бы прокормить 37 милл. человѣкъ. Но если бы примѣнить ту систему обработки, которая введена теперь въ Ломбардіи или въ Фландріи,—земля въ Англіи могла бы прокормить восемьдесятъ милліоновъ человѣкъ. Блэтчфордъ, вмѣстѣ съ авторомъ «Fields, Factories and Workshops» признаетъ, что «политическая экономія должна занять, по отношенію къ человѣческому обществу, такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физіологія по отношенію къ растеніямъ и животнымъ. Она должна стать *физіологіей общества*. Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ для ихъ удовлетворенія; разобрать, насколько они цѣлесообразны, а затѣмъ—такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ) ея практическое приложеніе къ жизни—заняться извлеченіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей, съ наименьшею безполезною тратою труда и съ наибольшею пользою для человѣчества.

Діонео.

„Мы, Балты“.

(*Письмо изъ Германіи*).

Есть въ Россіи особая порода людей, которая столько же принадлежитъ Россіи, сколько Германіи. Это люди особыхъ силъ и чудесныхъ превосходныхъ качествъ. Это порода прирожденныхъ господъ и повелителей міра, посланныхъ самою судьбой для командованія остальными народами. Ихъ внѣшнія и внутреннія свойства столь замѣчательны, что на нихъ надо остановиться болѣе подробно.

По внѣшности это герои, описанные еще Тацитомъ: «чудные голубые глаза, рыжевато-бѣлокурые волосы и мощныя тѣла, приспо-

собленныя къ дикому бою». И въ томъ же стилѣ описываетъ этотъ типъ одинъ изъ талантливыхъ питомцевъ остзейскаго края: «крупный мужчина могучаго роста, бѣлокурый, голубоглазый. Онъ встрѣчаетъ васъ съ изысканной любезностью, но вы сейчасъ же замѣчаете въ немъ, что онъ въ теченіе своей жизни привыкъ повелѣвать. Эти мужи, которые выросли на уединенномъ дворѣ своего отца въ качествѣ господскихъ дѣтей и съ раннихъ лѣтъ учились гарцовать на конѣ и обращаться съ ружьемъ, совершенно естественно обладаютъ очень сильнымъ чувствомъ самоуваженія. Не ихъ дѣло повиноваться, не ихъ дѣло работать съ другими плечо къ плечу». Однако такой храбрый мужчина не только презираетъ работу и умѣетъ «повелѣвать». Онъ еще обладаетъ особымъ «упрямствомъ господина» и «очень сильнымъ чувствомъ сословнаго превосходства». Онъ высоко цѣнитъ преимущества своей высокой, избранной расы, онъ избѣгаетъ унижающаго его сообщества различныхъ худородныхъ особъ и, если допускаетъ къ своей персонѣ духовное лицо, то только при томъ условіи, что «оно и его супруга происходятъ изъ хорошей семьи и обладаютъ безупречными манерами». Одной лишь благородной страстью одержимъ этотъ тацитовскій герой, потомокъ великолѣпныхъ тевтоновъ древняго міра. Волки, зайцы и лисицы захватываютъ его со всей страстью Арминія, и на поляхъ, предоставленныхъ исключительно его державному господству, онъ съ «великой страстью» преслѣдуетъ четвероногихъ, воскрешая тѣмъ преданія тевтобургскаго лѣса.

Господинъ «Божіей милостью», онъ умѣетъ быть нѣжнымъ къ слабому полу, къ своей вѣрной подругѣ, которая также «высока ростомъ, очень стройна, бѣлокура и обладаетъ голубыми глазами». «Зачастую она очень красива, хотя ея худощавый обликъ отнюдь не соотвѣтствуетъ идеаламъ австрійца или баварца. Со своимъ мужемъ живетъ она почти безъ исключеній въ счастливѣйшемъ бракѣ и по большей части весьма богата дѣтьми. Дюжина дѣтей, это—общее правило, не рѣдко имѣется и больше, встрѣчаются и по полторы дюжины». И при всемъ томъ эти женщины часто бываютъ «образованнѣе ихъ мужей и всегда имѣютъ больше духовныхъ интересовъ». Не удивительно далѣе, что при такомъ количествѣ дѣтей эти представительницы высшей расы обладаютъ «большимъ мужествомъ и рѣшимостью». «Воспитаніе дѣтей въ такой семьѣ полное любви, но очень строгое». Вся семья не только благочестива, но и «церковно настроена».

Таково это «аристократическое общество» «балтійскихъ германцевъ», во всѣхъ слояхъ котораго на первомъ мѣстѣ стоитъ «происхожденіе и девизъ—этимъ я обязанъ своему имени!» «Имя является для нихъ почетнымъ щитомъ, происхожденіе играетъ рѣшающую роль». «Изъ этого образа мысли выростаетъ много

дѣйствительнаго благородства, которое встрѣчается во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества!» Такъ рисуетъ своихъ балтовъ восторженный поэтъ «нѣмецкой жизни въ балтійской странѣ» г. Пантеніусъ *) изъ Берлина, который твердо надѣется, что благородная раса устоитъ въ своей борьбѣ противъ «всеотрицающихъ духовъ» и «побѣдоносно выйдетъ изъ борьбы съ соціалистами среди латышей».

Прекрасная, благородная, высоко-благородная раса! Настолько благородная, что, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Пантеніусъ, баронъ на письмахъ даже не подписывается барономъ, ибо, когда онъ ставитъ свое имя, «само собою разумѣется», что онъ «не можетъ не быть барономъ».

Если-бъ мы стали теперь искать господствующей добродѣтели среди этой аристократіи, переброшенной непостижимымъ чудомъ изъ глубины тринадцатаго вѣка въ двадцатый, то, конечно, намъ первымъ дѣломъ пришлось бы остановиться на «вѣрности» или «Treue», этой основѣ средне-вѣкового феодализма «божескаго царства» и кулачнаго права. На «вѣрности» была основана крѣпость несчастнаго голоднаго крестьянства феодальному господину, на вѣрности держалась связь между вассаломъ и сюзереномъ, и даже самъ Господь Богъ былъ только небеснымъ феодальнымъ владыкой, съ которымъ узами вѣрности были связаны и закованный въ латы аббатъ, и гоняющій волковъ и медвѣдей епископъ. И если эта вѣрность не помѣшала ни крестьянскимъ войнамъ, ни кровавымъ междуусобіямъ въ средніе вѣка, то тѣмъ болѣе мы готовы найти эту вѣрность среди новыхъ рыцарей балтійскаго края, воскресившихъ у насъ всѣ красоты феодальнаго аристократизма.

И дѣйствительно, мы находимъ ее, эту пресловутую «вѣрность», какъ лучшее украшеніе баронскихъ добродѣтелей. И даже, что самое замѣчательное, не одну вѣрность, а цѣлыхъ двѣ, вѣрность двухстороннюю или двоякую, вѣрность удвоенную и, такъ сказать, параллельную. И не одинъ изъ балтовъ, взывающихъ теперь за поддержкой къ своимъ велико-германскимъ братьямъ, не упускаетъ случая на ряду съ проклятіями Побѣдоносцеву и русскому всеразъѣдающему нигилизму воспѣть эту вѣрность. Ей посвящаются цѣлыя брошюры, на манеръ преподобнаго пастора Оскара Ундрица **), она составляетъ припѣвъ стихотвореній, посвященныхъ балтійскому отечеству Леопольдомъ Шрёдеромъ ***), ее, нако-

*) H. Panteniys, Deutsches Leben im baltischen Lande. (Въ сборникѣ „Die deutschen Balten" 1906 г. подъ редакціей A. Geiser).

**) Oskar Undritz. Treu zu Kaiser und Reich! Reval 1905.

***) Sie hilten dem Deutschen, dem Russen die Treu,
Sie haben die Treue recht gewahrt
Zu Ruhm und Ehre der deutschen Art!

(Leopold von Schroeder. Baltischen Heimat-Trutz und Trostlieder. München 1906).

наконецъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ тотъ же проф. Шрёдеръ въ своей статьѣ «О гибели германцевъ въ балтійской странѣ». По его словамъ, «балтійско-нѣмецкіе братья» явились именно «мучениками своей двойной вѣрности», за нее наказаны они возстаніемъ на своей родинѣ. «Вѣрность и опять-таки вѣрность была двойной трагической виною нѣмцевъ въ остзейской странѣ. Вѣрно держались они за свой германизмъ, вѣрно лелѣяли они его—эти гордые дворянскіе роды такъ же, какъ бюргеры старыхъ ганзейскихъ городовъ, такъ же какъ учителя, пасторы и всѣ другіе... Благословенія нѣмецкой культуры несли они на востокъ и щедро одаряли ею Россійскую Имперію, къ лучшимъ гражданамъ которой они причислялись». И съ этой нѣмецкой вѣрностью сочетали они другую вѣрность, вѣрность чисто русскую: «будучи вѣрными своему германизму, вѣрны были они также русскому царствующему дому», и эта русская вѣрность была въ то же время «чисто нѣмецкой вѣрностью, ленной вѣрностью, вѣрностью вассальнаго послушанія, которая вполнѣ сочеталась съ другою вѣрностью». И не смотря на то, что свыше эта вѣрность не была оцѣнена и даже, наоборотъ, «была поставлена имъ на видъ, какъ преступленіе», «тѣмъ не менѣе они—эти единственные надежные элементы государственнаго порядка въ тѣхъ областяхъ—они крѣпко держались той вѣрности, которой они были обязаны императору и имперіи». И вотъ латыши и эсты именно «эту вѣрность поставили имъ въ упрекъ», стали убивать и грабить нѣмцевъ и гнать ихъ изъ страны! Такъ «двоякая вѣрность стала ихъ преступленіемъ, двойная вѣрность—была ихъ виною» *)...

Для начала этого достаточно. Передъ нами загадка, которая невольно интригуетъ. Предъ нами великолѣпная сверхъчеловѣческая порода, падающая жертвою своихъ добродѣтелей. «Germanendämmerung»—что-то въ родѣ гибели вагнеровскихъ боговъ! Благородныя сердца, дышущія вѣрностью и вмѣстѣ разорванныя ею. Подвигъ культурнаго просвѣщенія востока и черная неблагодарность за него! Русскій царь и германское начало, рыцарскіе доспѣхи и россійскій вицъ-мундиръ, а въ концѣ концовъ гибель нѣмецкихъ боговъ, крушеніе балтійскихъ твердынь подъ ударомъ латышско-эстонской революціи! Это ли не трагедія, достойная пера бытописателя и юриста? Это ли не тема, достойная Вильденбруха, воспѣвшаго въ пылкомъ стихотвореніи «балтовъ и ихъ преслѣдователей»?

Обратимся, однако, къ тѣмъ безчисленнымъ брошюрамъ, которыя выброшены теперь балтійскими братьями на велико-германскій рынокъ, и попробуемъ возстановить подлинную картину балтійской добродѣтели, какъ ее рисуютъ сами мученики двойной

---

*) Leopold von Schroeder. Germanendämmerung im Baltenlande. (Die deutschen Balten, München, 1906).

вѣрности, столь живо напоминающей двойную же «Булгаринскую» присягу. Начать намъ придется съ того чудеснаго рая, который рисуютъ намъ балты въ своемъ, еще столь недавнемъ прошломъ.

I.

Эсто-латышская идиллія.

Какъ извѣстно, начало балтійскаго блаженства относится къ тому счастливому времени, когда въ половинѣ XII в. нѣмецкіе культуртрегеры, движимые корыстью и христіанскими чувствами, попали въ устье Двины и рѣшили насадить тамъ христіанство. Въ этомъ святомъ предпріятіи помогли имъ добрые нѣмецкіе рыцари которые не преминули испытать силу меча и креста на языческихъ черепахъ ливовъ, семигаловъ, латышей, куровъ и эстовъ. Дикари, промышлявшіе звѣроловствомъ и разбоемъ, не безъ основанія находили, что богъ Перкунъ съ братіей гораздо лучше подходитъ къ пролитію человѣческой крови, чѣмъ католическій Христосъ, тѣмъ болѣе, что Перкунъ не требуетъ ни уплаты десятины, ни отчужденія земель въ пользу своихъ почитателей. Тогда рѣшено было испытать силой оружія, что крѣпче и сильнѣе: латышскіе боги и копья, или рыцарскіе доспѣхи, увѣнчанные крестомъ. Христіанскій «богъ» обладалъ, однако, не только силой, но и запасами вооруженныхъ разбойниковъ въ Европѣ и хитростью, которая дѣйствовала лучше, чѣмъ языческія копья. Соединяясь съ одними язычниками противъ другихъ и помогая то эстонцамъ грабить латышей, то латышамъ — эстонцевъ, нѣмецкіе «рыцари креста Господня» сумѣли забить каменный клинъ между отдѣльными племенами «варваровъ», а въ концѣ концовъ уничтожить одну за другой деревянныя крѣпостцы латышей. Путемъ кровопролитныхъ и звѣрскихъ боевъ, путемъ безжалостнаго истребленія язычниковъ и постояннаго подвоза свѣжихъ силъ изъ христіанской Германіи было сломлено, наконецъ, отчаянное сопротивленіе инородцевъ, а они сами и ихъ земли были отданы въ жертву католическимъ попамъ, купцамъ-пиратамъ и монашествующимъ рыцарямъ уже не однихъ меченосцевъ, но и соединившагося съ нимъ тевтонскаго ордена. Вполнѣ естественно, что послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ балтійскій публицистъ, нѣмцы представлялись латышамъ «прекрасными, какъ боги», и даже своего громовержца Перкуна эти язычники не могли представить себѣ въ болѣе сіяющемъ образѣ, чѣмъ блистающій вооруженіемъ рыцарь на конѣ. И наивные дикари съ тѣхъ поръ не иначе называли нѣмца, какъ «Rungs» или «государь», или какъ «deewedehls»—«сынъ Божій» *).

*) I. Von Dorneth. Die Letten unter den Deutschen im Baltenlande. Leipzig und Hannover.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на исторіи блестящихъ подвиговъ «сыновъ Божіихъ» въ балтійской странѣ, этой «старѣйшей» нѣмецкой колоніи. Любителей героическаго эпоса мы отсылаемъ непосредственно къ выше цитированному нами г. фонъ-Дорнетъ, къ профессору фонъ-Роланду, къ профессору Мюлау, къ пастору фонъ-Тилингу *) и т. п. апостоламъ балтійской культуры Здѣсь достаточно будетъ привести заключеніе, которымъ снабжаетъ свою повѣсть о покореніи латышей и нѣмцевъ г. фонъ-Дорнетъ: «то обстоятельство, что для небольшой кучки нѣмцевъ вообще оказалось возможнымъ удержаться въ срединѣ негостепріимной и населенной сотнями тысячъ дикихъ язычниковъ страны и побѣдоносно закончить борьбу за владычество по Двинѣ на востокъ вплоть до Эмбаха, а на западъ далеко за Виндаву и Абаву,—это обстоятельство надо въ концѣ концовъ приписать тому основанію, что они боролись, какъ представители высшей культуры, а также, какъ апостолы такой религіи, которая, хоть и проповѣдывалась въ извращенной формѣ и глубоко унижалась въ своихъ представителяхъ, однако по своему духу была предназначена къ тому, чтобы покорить міръ». Итакъ, по мнѣнію почтеннаго балта, при завоеваніи балтійскаго края восторжествовала далеко не грубая сила или хитрость надъ первобытнымъ мужествомъ латышскихъ и эстонскихъ звѣролововъ, нѣтъ, въ лицѣ нѣмецкихъ побѣдителей это «былъ духъ, который побѣдилъ матерію»! И словно для того, чтобы еще лучше оттѣнить глубокую иронію своихъ словъ, нашъ писатель приводитъ слѣдующій стишокъ современнаго событіямъ хроникера:

„Сожжена была Сыдобра,
Вся страна раззорена,
И никто сказать не могъ бы,
Что тамъ прежде жизнь цвѣла“ *).

Можно сказать, чисто сдѣлалъ «духъ» свое дѣло надъ «матеріей»! Однако онъ былъ еще настолько разсчетливъ, что достаточное количество «матеріи» оставилъ для закрѣпощенія нѣмецкимъ «сынамъ Божіимъ». Правда, куры и ливы не выдержали таки вліянія рыцарскаго «духа» и скоро вымерли совсѣмъ. Латыши и эстонцы, однако, уцѣлѣли и составили то человѣческое стадо, на которомъ процвѣли прирожденные господа тацитовскаго склада. И съ тѣхъ поръ, не смотря на временные перерывы, вслѣд-

*) W. von Rohland, Das baltische Deutschtum, Leipzig, 1906. Mühlau, Die Ostseeprovinzen Russlands und ihre deutsche Kultur, Kiel, 1906. Wilhelm v. Tiling, Das Leben und Leiden der Deutschen im Russischen Reiche, besonders in den Ostseeprovinzen, Cassel, 1906.

**) Dô sydobre wart verbrant,
Dô wart verwüstet wol daz lant,
Ez hörte nie kein man gejêhn (sagen),
Daz es da vor ie were geschen.

(Reimchronik).

ствіе войнъ съ литовцами, поляками и русскими, началась «культура».

Это была во-истину трудная работа. И латыши, и эстонцы оказались весьма мало способными, даже по просту никуда негодными учениками! Даже теперь, послѣ семи вѣковъ самой настойчивой «нѣмецкой» выучки, проф. Роландъ утверждаетъ, что «ни эсты, ни латыши не создали никакой своей собственной культуры, достойной этого наименованія». Правда, другой нѣмецкій писатель полагаетъ, что если «латыши никогда не играли никакой исторической роли», то отчасти причиной этого является и «очень раннее покореніе ихъ нѣмцами». Однако и этотъ послѣдній авторъ утверждаетъ, что главною причиной здѣсь должно считать «самую природу латышей, у которыхъ совершенно отсутствуетъ національная гордость, этотъ существенный факторъ для основанія государства». «Чули» или Слабышами даже называли будто бы латышей ихъ сородичи изъ сосѣдней области, которые считали себя настоящими леттами или латышами. Латышъ—существо «подвижное, легко относящееся къ жизни, способное къ наукѣ, но ненадежное». И хотя этой народности свойственно прилежаніе, старательность и даже нѣкоторое «дарованіе», однако латышъ не обладаетъ «собственной продуктивностью и научной проницательностью»; у него есть даже большая «выносливость» и «цѣпкость», но нѣтъ совсѣмъ способности сдѣлать что-нибудь свое изъ пріобрѣтенныхъ имъ «познаній». Онъ воспринимаетъ, но не творитъ, и нуждается въ чуждомъ господствѣ и руководствѣ. Къ такимъ же результатамъ приходятъ балты и относительно эстонцевъ. «Эстонецъ тяжеловѣсенъ, крѣпко держится за традиціи, трудно доступенъ чужому вліянію, но за то на него можно положиться». Культура эстонцевъ такъ же, какъ и латышей, далеко уступаетъ нѣмецкой; «всѣмъ, чѣмъ сдѣлались латыши и эсты, они обязаны въ существѣ только нѣмцамъ». «Такіе маленькія народности, какъ они, могутъ при помощи своихъ силъ достичь только извѣстнаго средняго уровня культуры». «Они нуждаются въ присоединеніи къ одной изъ великихъ націй». И даже теперь ни латыши, ни эсты «совершенно не обладаютъ въ достаточномъ размѣрѣ необходимыми духовными силами». Нечего говорить въ виду этого о прошломъ; и если эстонцы создали еще свой народный эпосъ подъ названіемъ «Kalewipoeg», то латыши ограничились за все время немногими лирическими стихами *).

Какъ видно, судьба, словно нарочно, создала латышей и эстонцевъ для чужой націи, для просвѣщеннаго руководства и вос-

*) I. von Dorneth. B. H. C. Prof. von Rohland в. н. с. Prof. F. Mühlau в. н. с. Wir Balten! Keine nuzeitigemässen Betrachtungen über das Deutschtum in den Ostseeprowinzen. Сборникъ подъ редакціей von Egon Fr. Kirschstein und Valerian Tormius. Leipzig, 1906.

питанія со стороны германскихъ господъ. Но корни ученія горьки, и лишь плоды его вознаграждаютъ впослѣдствіи за жертвы, приносимыя наукѣ. И тутъ нужно отмѣтить дурныя черты прибалтійскихъ туземцевъ. Не смотря на свое, такъ сказать, предрасположеніе къ нѣмецкой наукѣ, они тѣмъ не менѣе упорно сопротивлялись благодѣтельной власти и за горечью корней не желали предвкушать всей сладости плодовъ.

Уже съ самаго начала въ виду этого «нѣмецкимъ господамъ» пришлось приступить къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ. Въ видахъ разумной педагогики они отняли у туземцевъ всю землю и распредѣлили ее между собою. Двѣ-трети ея досталось отрекшимся отъ міра орденскимъ братьямъ; остальную часть захватилъ рижскій архіепископъ и не менѣе святые отцы въ другихъ епископствахъ. Порядочный кусочекъ откроили себѣ и нѣмецкіе города со своими благочестивыми гильдіями и знаменитымъ союзомъ «черноголовыхъ». Послѣ этого начались «школьныя» занятія въ истинномъ смыслѣ слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начались также и тѣ отчаянныя возстанія находящихся въ каторжной учебѣ народовъ, которыя привели «къ еще болѣе строгому угнетенію покоренныхъ». Въ срединѣ XIV вѣка возстаніе крестьянъ въ сѣверной эстонской части стравы «грозило нѣмцамъ полнымъ уничтоженіемъ. И тогда, говоритъ профессоръ Шиманъ, были выжжены замки господъ и сами господа, гдѣ только они попадались въ одиночку, подвергались смерти. Однако и тогда уже нѣмцы овладѣли возстаніемъ, замки свои выстроили вновь, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ крѣпко обосновали нѣмецкое владычество, что больше уже возстаній не повторялось»... Да, правду говоритъ почтенный ученый-балтъ, украшающій своимъ именемъ страницы юнкерско-прусскаго оффиціоза: крѣпко забили нѣмцы окровавленные колья въ грудь латышей и эстонцевъ; такъ крѣпко, что не безъ нѣкоторой стыдливости упоминаетъ одинъ изъ нашихъ балтійскихъ источниковъ о томъ, что «были, конечно, совершены жестокости и звѣрства надъ латышами со стороны властвующихъ нѣмцевъ, а именно, въ средніе вѣка»; и не безъ нѣкоторой ироніи упоминаетъ другой авторъ о тѣхъ временахъ, когда «латышъ долженъ былъ сослужить своему господину тяжелую службу»... Но все это объясняется очень легко. «Это коренилось въ условіяхъ самаго времени, благодаря которому при воспитаніи въ равной степени какъ дѣтей, такъ одинаково и народовъ розга значила больше, чѣмъ просвѣщеніе». Розга, такимъ, образомъ, дополняла собою устойчивость и силу нѣмецкаго владычества, и не удивительно послѣ этого, что балтійскіе туземцы скоро втянулись въ ярмо подъ кнутомъ прирожденныхъ господъ, и на тугихъ возжахъ «жестокости звѣрства» двинулась быстрымъ ходомъ балтійско-нѣмецкая культура *).

*) Theodor Schiemann. Die baltischen „Rittenschaften (Въ сборникѣ).

Прелести водворявшагося затѣмъ парадиза балтійскіе публицисты описываютъ слѣдующими чертами. Подъ благодѣтельнымъ бичемъ нѣмецкихъ феодаловъ латыши и эсты произвели настоящія чудеса. На первыхъ же порахъ «народъ началъ, подъ руководствомъ нѣмецкихъ господъ, все болѣе и болѣе расчищать лѣса, высушивать болота, расширять хлѣбопашество, умножать скотъ и улучшать жилища». И не только въ мирныя времена и, такъ сказать, въ обычной нормѣ производили рабы эту работу для господъ. Напротивъ того, каждая война господъ и каждое новое опустошеніе остзейскаго края требовало отъ нихъ новой экстренной работы и новыхъ усилій къ возстановленію господской благодати. Такъ, «когда XVI вѣкъ принесъ 24 хъ-лѣтнюю войну для балтійскаго края, она разрушила все, что было создано трехсотлѣтнимъ трудомъ вплоть до городскихъ стѣнъ». Однако немедленно послѣ того, «какъ погасъ огонь разрушенія, за отсутствіемъ горючаго матеріала», снова приступило балтійское дворянство къ «возстановленію разрушенныхъ жилищъ», и это, конечно, оно совершило не своими собственными руками. Снова заработалъ барскій бичъ, а двуногая скотина принялась за свой прежній рабскій трудъ. Это случилось не безъ сопротивленія распущенной массы, но, какъ картинно выражается профессоръ Шиманъ, господа дворяне скоро приступили «къ новому прирученію и культивировкѣ одичалаго крестьянства», и такимъ путемъ возстановили «связи внутреннаго сообщества, на которыхъ покоилась жизнь этой нѣмецкой колоніи». И такъ хорошо работали на своихъ баръ, на этихъ «сыновъ божіихъ», «прирученные» и «обкультуренные» туземцы, что, вспоминая объ этомъ, одинъ изъ нашихъ краснорѣчивыхъ балтовъ невольно преисполнился высокихъ чувствъ. Величая латышей въ качествѣ «пѣвучаго народа, богатаго сагами и поэзіей», нашъ авторъ восхваляетъ его «любовь къ природѣ» и говоритъ дальше: «онъ сдѣлался селяниномъ и, въ качествѣ таковаго, онъ заслуживаетъ только похвалы; чего только онъ ни сдѣлалъ изъ песчаныхъ дюнъ, изъ болотъ и топей, которыя еще и теперь покрываютъ большія пространства балтійскихъ провинцій и которыя столѣтія тому назадъ должны были покрывать несравненно большіе участки? Его напряженной работѣ обязаны мы, балтійскіе нѣмцы, хорошимъ состояніемъ земледѣлія. Его рукамъ прежде всего обязано наше дворянство своимъ благосостояніемъ. Этого мы никогда не должны забывать!» *).

И балты этого не забыли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова всѣхъ остзейскихъ патріотовъ. Прекрасную формулу имъ даетъ извѣстный балтійскій историкъ докторъ Августъ Серафимъ; она гласитъ: «нѣмцамъ обязано латышское и эстонское населеніе всѣмъ, чѣмъ только обладаетъ»... Для того, однако, чтобы туземцы

---

*) Dorneth, в. н. с. Schiemann, в. н. с. „Letten und Deutsche“ въ сборникѣ „Wir Balten“.

обладали дѣйствительно многимъ, были приняты слѣдующія мѣры благожелательства и благопопеченія относительно представителей этой низшей расы.

Прежде всего «орденскіе братья, послѣ захвата остзейскаго края и раздѣла земли между собою, создали такое право, которое должно было на вѣчныя времена закрѣпить за ихъ благороднымъ потомствомъ не только исключительное владѣніе землей, но также и исключительное право охоты, избранія должностныхъ лицъ, изданія законовъ и отправленія правосудія». Этотъ феодализмъ съ теченіемъ времени породилъ «много неустройствъ и недовольства». Однако главной цѣли своей онъ достигъ. Рыцари на свободѣ могли воспитывать въ себѣ качества высшей расы и «приручать» къ разнымъ добродѣтелямъ своихъ подданныхъ. При этомъ проявилась удивительная гармонія между интересами дворянства и сельскаго населенія; и какъ только первое «покрыло свои наиболѣе тяжкія потери, оно съ тѣмъ большимъ жаромъ сбращалось къ задачамъ культуры и гуманности». Особенно эта гуманность сказалась при такъ называемомъ освобожденіи крестьянъ, начавшемся въ остзейскомъ краѣ еще въ 1817—1819 годахъ.

Какъ извѣстно, крѣпостной порядокъ, отдававшій крестьянина въ неограниченное распоряженіе господина, тѣмъ не менѣе обладалъ для помѣщиковъ одной неудобною стороной: баронъ долженъ былъ прокармливать своихъ крестьянъ во время голода и нужды, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ связанъ въ дѣлѣ веденія болѣе интенсивнаго хозяйства значительной наличностью крѣпостныхъ. Гораздо болѣе выгоднымъ поэтому представлялось такое хозяйство, въ которомъ помѣщикъ могъ бы по произволу выбрасывать вонъ работающихъ у него людей, а также въ зависимости отъ хода предпріятія увеличивать число рабочихъ рукъ изъ вольнаго запаса. Переводъ крѣпостныхъ крестьянъ на положеніе свободныхъ батраковъ представлялъ, кромѣ того, еще тѣ выгоды, что этимъ самымъ вырывалась почва изъ-подъ вредныхъ иллюзій о какой-то неизбѣжной связи между землею и вѣками сидѣвшимъ на ней мужикомъ. Освобожденіе крестьянъ, такимъ образомъ, представляло для балтійскихъ бароновъ тѣ же выгоды, какими въ свое время руководились и англійскіе лэндлорды при переходѣ отъ экстенсивнаго къ интенсивному хозяйству. И надо отдать справедливость почтеннымъ нѣмецкимъ баронамъ: они провели дѣло обезземеленія крестьянъ и освобожденія себя отъ какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ голоднымъ не только съ мудрою постепенностью, но и съ высокимъ благородствомъ.

Какъ говоритъ профессоръ Шиманъ, уже «къ концу XVIII вѣка изъ круга господъ громко раздавались голоса, которые настойчиво указывали на то, это ихъ обязанность вести крестьянъ къ свободѣ». И здѣсь къ эстляндцамъ и лифляндцамъ присоединилось и курляндское дворянство, «которое болѣе напоминаетъ восточно-

прусскихъ нѣмцевъ», и всѣ вмѣстѣ благородные рыцари приняли на себя осуществленіе «этихъ гуманныхъ теченій». И, какъ говоритъ тотъ же авторитетъ, балтійскіе бароны повели крестьянъ къ свободѣ не только по собственной «иниціативѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма «систематично», «безъ скачковъ и перерывовъ». Они, съ одной стороны, запретили крестьянамъ переселеніе въ города, съ другой—начали воспитаніе крестьянства для свободы путемъ свободныхъ договоровъ съ арендаторами и батраками. По этимъ договорамъ установилось полное господство землевладѣльцевъ надъ ограбленными ими земледѣльцами, а тяжкія натуральныя повинности создали новое крѣпостничество, уже на почвѣ письменнаго контракта. Насколько сладокъ былъ переходъ къ баронской свободѣ, показываетъ тотъ фактъ, что крестьяне во многихъ мѣстностяхъ подняли аграрныя волненія и сдѣлали попытку сильно сопротивляться безземельной свободѣ. Однако, уже тогда русское оружіе пришло на помощь феодаламъ и принудило крестьянъ пойти безропотно въ контрактное рабство. И такъ неблагодаренъ былъ въ то время черный народъ, что, какъ свидѣтельствуетъ одинъ писатель, онъ принялъ «объявленіе свободы, какъ будто бы оно должно было принести ему самыя ужасныя бѣдствія»... На дѣлѣ, конечно, этого не случилось; напротивъ того, дворянство осыпало своихъ подданныхъ новыми благодѣяніями *).

Въ 1847 году были, наконецъ, окончательно отмѣнены связанныя съ «свободнымъ контрактомъ» барщины, и уже въ сороковыхъ годахъ были сдѣланы попытки заставить крестьянъ выкупить у помѣщиковъ отобранную у нихъ помѣщиками же землю. Въ качествѣ такихъ покупщиковъ явились, конечно, тѣ наиболѣе состоятельные крестьяне, которые и до той поры были главными арендаторами крупныхъ помѣщичьихъ усадебъ или мызъ съ прилегавшими къ нимъ участками. Надо вообще замѣтить, что, подобно англійскимъ лэндлордамъ, балтійскіе бароны съ самаго начала сдавали въ аренду преимущественно крупные крестьянскіе дворы, «гезинде», охватывавшіе въ среднемъ отъ 60 до 300 моргеновъ пахатной земли и луговъ.

Такіе крупные арендаторы или «хозяйчики» (Wirt) обыкновенно имѣли двухъ и болѣе женатыхъ батраковъ, при чемъ эти послѣдніе были еще хуже поставлены, чѣмъ батраки самого барона. Такъ создавалась своеобразная іерархія въ средѣ подневольнаго населенія. Въ той части имѣнія, которая обрабатывалась самимъ хозяиномъ, подъ командой управляющаго стояли женатые и холостые господскіе батраки (Hofesknecht). Другая часть имѣнія, состоящая изъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ (Gesinde), сдавалась крупнымъ арендаторамъ (Gesindeherr), на которыхъ въ свою очередь работали, какъ на своего хозяина (Wirt), батраки, называемые хозяй-

*) Von Dorneth, в. н. с. Сборникъ Wir Balten, Schieman, в. н. с,

скими батраками (Wirtsknecht). Эти послѣднiе дополнялись еще различными мелкими арендаторами и половниками. Когда въ 1863 году было разрѣшено выкупать у помѣщиковъ земли, то этимъ могла воспользоваться только указанная выше крестьянская аристократiя, которая обыкновенно и выплачивала вмѣстѣ съ арендной платой стоимость земельнаго участка по средней оцѣнкѣ за двѣнадцать предшествующихъ лѣтъ; при этомъ предполагалось, что аренда является уплатою 5% со стоимости выкупаемаго двора. Самый капиталъ уплачивался въ теченiе 25—50 лѣтъ въ полномъ объемѣ или же въ болѣе долгiй срокъ ежегодными взносами отъ 30 до 100 рублей серебромъ. Не лишнее прибавить, что помѣщики, продавая крестьянамъ ихъ усадьбы, въ то же время удержали за собой въ полномъ объемѣ лѣсныя угодья и тѣмъ самымъ поставили крестьянъ собственниковъ въ полную зависимость отъ себя, такъ какъ безъ согласiя барона крестьянинъ не могъ вывезти изъ лѣсу ни одной щепки.

Неблагодарные крестьяне и эти новыя благодѣянiя встрѣтили не только неудовольствiемъ, но заявленiемъ самаго положительнаго протеста. Условiя прiобрѣтенiя земли, отнятой у нихъ помѣщиками, представлялись имъ далеко не соблазнительными, тѣмъ болѣе, что доступъ къ землѣ получили одни богатѣи-хозяйчики. Однако въ одномъ не ошиблись бароны: выкупленныя сельскими кулаками усадьбы стали быстро процвѣтать за счетъ труда обезземеленныхъ батраковъ. И балты не безъ пафоса называютъ указанную реформу «благословенiемъ» для балтiйскаго крестьянства. «Расцвѣтъ крестьянскаго благосостоянiя доставилъ слишкомъ достаточныя доказательства гуманнаго безкорыстiя балтiйскихъ дворянъ, проявленнаго при введенiи реформъ» *)...

Не этимъ ли удивительнымъ безкорыстiемъ балтiйскаго дворянства объясняется и тотъ фактъ, отмѣченный однимъ изъ нашихъ изслѣдователей, что глубокая скорбь характеризуетъ собою латышскiя народныя пѣсни, звучащiя подобно «печальному звону колоколовъ»? Не потому ли въ этихъ пѣсняхъ постоянный разговоръ съ природой, «постоянное сравненiе своихъ стремленiй и страданiй съ ея вѣчною мукой», не потому ли «часто однѣ лишь жалобы и слезы составляютъ содержанiе этихъ пѣсенъ», а «меланхолiя почти исключительно господствуетъ въ ихъ общемъ настроенiи»?

Увы! слезы эстонцевъ и латышей не слезы радости и умиленiя передъ господской милостью и безкорыстiемъ. Сломленные силой оружiя въ началѣ, побѣжденные много разъ послѣ безуспѣшныхъ возстанiй, покоренные нѣмцами, народы менѣе всего были способны чувствовать благодарность къ своимъ угнетателямъ, которые, стоя на плечахъ «низшей» расы, думали только о себѣ, о своихъ узкихъ классовыхъ интересахъ, только для себя создавали великолѣпные

*) Dornett, в. н. с. Сборникъ Wir Balten. Prof. Schiemann, в. н. с.

замки и прекрасные города, богато обставленныя школы и во многихъ отношеніяхъ первоклассный дерптскій университетъ. Не идиллія господствовала въ прибалтійскомъ краѣ подъ властью нѣмецкихъ феодаловъ, а тяжелая трагедія народной темноты и рабства. И на этихъ-то подмосткахъ ставился блестящій спектакль «истинно-нѣмецкой», высоко-благородной, высоко-нравственной культуры!

II.

Господа и хамы.

Въ основѣ этой культуры лежитъ твердое и глубоко проведенное различіе между господиномъ и хамомъ, между бѣлой и черной костью.

«Необузданная гордость» это—непремѣнный признакъ «благородныхъ юнкеровъ», которые не только удержали въ своихъ рукахъ неограниченное господство въ краѣ, но и на нѣмецкаго бюргера смотрѣли свысока, «съ величайшимъ превосходствомъ». Еще очень близко то время, когда «нѣмецкій бюргеръ спокойно проглатывать долженъ былъ даже такія оскорбленія со стороны дворянъ, которыхъ не одинъ человѣкъ не можетъ оставить безнаказанными. «Бюргеръ стоялъ ниже достоинства человѣка, вызываемаго на дуэль». И только въ началѣ XIX вѣка удалось бюргерамъ получить право пріобрѣтать на 90 лѣтъ дворянскія имѣнія. Только въ 1860—1870 гг. хоть нѣсколько были смягчены главнѣйшія привилегіи дворянъ. Еще менѣе, конечно, «сознавало балтійское дворянство всю важность своего крѣпкаго единенія съ нѣмецкими литератами» или, другими словами, съ нѣмецкой интеллигенціей. До конца XIX вѣка удалось, такимъ образомъ, балтійскимъ феодаламъ удержать почти въ полной неприкосновенности законченный строй средневѣковаго порядка *). Въ виду этого, до послѣдняго времени страна управлялась цѣликомъ, а въ настоящее время управляется преимущественно одними лишь крупными землевладѣльцами, которые держали все такъ называемое «самоуправленіе» въ своихъ рукахъ. Таково было это основаніе нѣмецкой культуры, построенное на почвѣ нѣмецко-дворянскаго верховенства; его организацію профессоръ Шиманъ очень мило называетъ «дворянскими корпораціями съ все возростающими правами самоуправленія и все повышающимися обязанностями опеки надъ крестьянствомъ»!

До какой степени прониклось феодальными традиціями все балтійское «общество», показываетъ уже тотъ фактъ, что въ балтійскихъ городахъ гильдіи сохранили до 1878 г. не только свое средне-вѣковое устройство, но и полное господство надъ ремеслен-

---

*) V. Rohland, в. н. с. Сборникъ „Wir Balten“, статья „Der baltische Adel“; von Dorneth, в. н. с.

ными цехами. Во всей Германіи уже съ самыхъ раннихъ временъ цехи были уравнены съ торговыми гильдіями. Въ одномъ лишь остзейскомъ краѣ города умудрились въ XX вѣкѣ удержать порядки XIII столѣтія, и только русское городовое положеніе принесло въ этотъ край ненавистный балтамъ «демократическій» духъ.

Восхваляемый балтійскими писателями «консервативный смыслъ» мѣстнаго нѣмецкаго общества сочетался, по словамъ мѣстныхъ же наблюдателей, съ высокомѣрной «нетерпимостью» и съ «воспитаннымъ вѣками презрѣніемъ къ лицамъ, ниже стоящимъ въ общественномъ отношеніи». Все нѣмецкое общество отличается «полнымъ непониманіемъ латышскаго и эстонскаго народа». «Рѣзкая граница, правда, раздѣляетъ литерата и купца, крупнаго и мелочного торговца; но наиболѣе рѣзкой является граница между нѣмецкимъ обществомъ, съ одной стороны, эстонскимъ и латышскимъ—съ другой; и еще недавно обществомъ считалось только нѣмецкое, но никакъ не эстонское и латышское... Здѣсь никакъ не могли забыть человѣку, что онъ произошелъ изъ крестьянскаго сословія... Таковъ результатъ столѣтнихъ традицій, таковъ плодъ всего общественнаго воспитанія» *)...

И великолѣпно, можно сказать, характеризуетъ отношеніе нѣмцевъ къ эстонцамъ и латышамъ напыщенное стихотвореніе фонъ-Вильденбруха, гдѣ онъ поэтически формулируетъ причины ненависти туземцевъ къ ихъ господамъ. Описывая

„Часъ мрачнѣйшій уже омраченнаго дня",

который

„Вдругъ изъ времени нѣдръ народился",

нашъ поэтъ рисуетъ ужасную минуту, когда

„Изъ глубинъ человѣчества вой по землѣ:
„Благороднаго бейте" разлился.

Изображая далѣе причины такого «воя», который издаютъ неблагородные латыши и эстонцы, Вильденбрухъ вкладываетъ имъ въ уста слѣдующую обвинительную рѣчь противъ «благороднаго» человѣка—Adelsmenschen,—воплощеннаго въ балтахъ:

„Онъ и къ солнцу вѣдь ближе стоитъ, чѣмъ всѣ мы,
Говоритъ онъ съ звѣздами и съ небомъ.
Совлеките его поскорѣе съ горы,
Пусть забудетъ онъ путь къ божьимъ ведамъ!

Но балтійскій баронъ виновенъ не только въ томъ, что онъ,

*) Constantin Mettig. Deutschbaltischen Städte und deutschbaltisches Bürgertum (Die deutschen Balten). Сборникъ Wir Balten, статья Gesellschaft und geselliges Leben.

говоря словами Пушкина, «съ волей небесною друженъ», чего по своей необразованности не могутъ достичь туземные дикари. Нѣтъ, къ умѣнью примоститься ближе къ солнцу (не нашъ ли это дворъ?) здѣсь присоединяется еще невыносимое великодушіе, отъ котораго прямо свирѣпѣютъ облагодѣтельствованные:

„Онъ сказалъ намъ: „Придите, языкъ мой богатъ,
Подѣлюсь я охотно имъ съ вами",
Онъ сказалъ намъ: „Придите, кто раненъ и нагъ,
Я своими спасу васъ дарами".
И онъ далъ намъ лѣкарство и далъ намъ онъ хлѣбъ,
Научилъ насъ, какъ двигаться къ свѣту,
Будь онъ проклятъ—съ познаніемъ ужасныхъ судебъ,
Что людей одинаковыхъ нѣту!
Не хотимъ мы того, не должно того быть,
Все одна человѣчества масса,
Благородныхъ въ грязи станемъ мы волочить,
Хочетъ быть выше насъ эта раса"!

Такъ рисуетъ *) превыспренній Вильденбрухъ отношеніе «благородныхъ» балтійскихъ людей къ тамошнимъ же неблагороднымъ людямъ. Комментаріи къ нарисованному имъ образу божественнаго остзейскаго феодала излишни; изъ каждой строчки архи-дворянской оды дышетъ прямо чудовищное высокомѣріе средневѣкового сеньера. Намъ важно отмѣтить эту черту нашихъ балтовъ не только для того, чтобы достойно оцѣнить ее, но и для того, чтобы отмѣтить одинъ изъ ея результатовъ. Глубокое презрѣніе бароновъ, а съ ними и всего нѣмецкаго общества, къ туземцамъ имѣло важное значеніе для неуспѣха германизаціи края.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ единогласно отмѣчаютъ наши источники, теперешнее крушеніе нѣмецкаго владычества въ краѣ было бы совершенно невозможно, если бы за 700 лѣтъ нѣмецкаго господства латыши или эстонцы были германизованы. И это, конечно, было далеко не особенно трудно. Какъ ни какъ, а все же нѣмцы обладали высшей культурой во время завоеванія этого края, и здѣсь легко могла повториться исторія полабскихъ и померанскихъ славянъ, Ройанскаго царства (на Рюгенѣ) и другихъ «нѣмецкихъ» колоній. И это признаютъ сами нѣмцы. Однако этого не случилось; наоборотъ, латыши и эсты не только сохранили въ цѣлости свой языкъ и народность, но даже выбили германскій элементъ изъ всѣхъ его позицій, сняли его съ своей шеи послѣ семивѣкового рабства.

Какъ это случилось? Какъ былъ возможенъ такой удивительный крахъ «гегемоніи» нѣмцевъ въ краѣ, гдѣ они болѣе полутысячи лѣтъ были абсолютными, неограниченными господами, вла-

*) Мы передаемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ начало уже цитированнаго нами стихотворенія фонъ-Вильденбруха: „Die Balten und ihre Verfolger" въ сборникѣ „Die detschen Balten".

дыками надъ жизнью и смертью покореннаго населенія? Что сталось съ германской «культурой», о которой такъ кричатъ изгнанные изъ насиженныхъ гнѣздъ балты?

Все дѣло въ томъ, что та культура, которой пользовались сами нѣмцы, отнюдь не была предназначена для низшей покоренной расы: «между господствующими и подвластными существовала стѣна, которая теперь для насъ непонятна, однако исторически должна быть признана существовавшей». И если нѣмецкой была школа, нѣмецкимъ было судопроизводство, нѣмецкой была церковь, то все это по существу не касалось ни латышей, ни эстонцевъ, такъ какъ по общему правилу они стояли ниже всѣхъ этихъ учрежденій, предоставленныхъ для господъ. Правда, у чернаго народа была своя юстиція и свои особыя школы; и когда церковь желала быть понятой массой населенія, она обращалась къ нему на его родномъ языкѣ, но этимъ дѣло и ограничивалось. Нѣмцы, съ одной стороны, эстонцы и латыши—съ другой таковы были двѣ отдѣльныхъ націи, которыя жили другъ возлѣ друга, но которыхъ соединяло только одно: эксплуатація, съ одной стороны, и порабощеніе—съ другой. И какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ балтовъ, «принципъ германизаціи латышей потому совершенно не былъ осуществленъ, что у нѣмцевъ не имѣлось никакой связи съ народомъ, и они слишкомъ мало заботились о его своеобразныхъ чертахъ». «Обѣ націи стояли другъ противъ друга совершенно чужими», и, не смотря на то, что онѣ самымъ «уютнымъ» образомъ жили другъ возлѣ друга, онѣ полны были взаимнаго «презрѣнія», которое латышъ скрывалъ подъ маской лести, а баринъ явно высказывалъ въ своемъ отношеніи къ крестьянину, какъ къ Иванушкѣ-дурачку, «dummer Aujust» *).

Такова истинная причина неудачи балтійской германизаціи. По просту говоря, нѣмцы считали «ниже своего достоинства» германизовать такую двуногую скотину, какою въ ихъ глазахъ представлялись латыши; какъ говоритъ проф. Роландъ, «нѣмецкое дворянство въ деревнѣ и нѣмецкое бюргерство въ городахъ смотрѣли на латышей сверху внизъ и считали ихъ недостойными того, чтобы сдѣлаться нѣмцами, равными имъ самимъ». Въ неуспѣхѣ германизаціи виновны, кромѣ того, по мнѣнію Роланда, съ одной стороны—«благородство» нѣмцевъ, которые допускали только добровольное онѣмечиваніе, а съ другой—та особенность нѣмецкой расы, что она относится къ германизаціи чужихъ народностей частью съ «равнодушіемъ», частью съ «недостаткомъ пониманія». Къ этимъ причинамъ проф. Гарнакъ и г. Меттигъ присоединяютъ еще ту, что въ остзейскій край совершенно не переселялись нѣмецкіе крестьяне. Въ виду же этого «смѣшеніе нѣмцевъ съ туземцами не

*) Prof. Mühlau, в. н. с., Сборникѣ Wir Balten, статья Letten und Deutsche.

могло бы совершиться безъ опасности потери нѣмцами ихъ національности» *). Насколько основательны всѣ эти причины, мы можемъ убѣдиться изъ разсмотрѣнія балтійской высокоблагородной культуры.

У нея, какъ и слѣдовало ожидать, двѣ стороны, или два конца, логически вытекающихъ изъ общаго ея основанія, а именно, феодализма, основаннаго на завоеваніи одной народности другою.

Въ составѣ высокоблагородной культуры заключается въ силу этого не одна, а двѣ культуры: одна для хамовъ, другая для господъ. И та, и другая, однако, одинаково основаны на началахъ средневѣковой традиціи феодальнаго преклоненія передъ авторитетами.

Основнымъ китомъ, на которомъ держится балтійская культура, является чувство китайскаго преклоненія передъ всѣмъ старымъ, традиціоннымъ, унаслѣдованнымъ и его носителями. Это чувство именуется словомъ, которому нѣтъ равнозначущаго въ русскомъ языкѣ; это — Pietät — піэтетъ. Подъ этимъ чувствомъ въ балтійскомъ обществѣ понимаются «совершенное подчиненіе личности игу старыхъ, заплѣсневѣлыхъ традицій, при чемъ, конечно, совершенно устраняется отвѣтственность за собственныя дѣянія». Подобный піэтетъ «необходимо ведетъ къ порабощенію болѣе слабыхъ индивидовъ», особенно нуждающихся въ «авторитетѣ». Въ томъ обществѣ, въ которомъ все основано на этомъ принципѣ, «развитіе оказывается если не прямо исключеннымъ, то чрезвычайно затрудненнымъ». Отдѣльныя личности, возстающія противъ теченія, скоро смиряются и отказываются отъ своихъ стремленій. Благодаря своему піэтету, «балтійское дворянство совершенно такъ же живетъ сегодня, какъ оно жило сто лѣтъ назадъ. Дѣти воспитываются въ духѣ этого отношенія къ унаслѣдованному и съ величайшей заботой охраняются и удерживаются отъ всякаго соприкосновенія съ людьми, стоящими ниже ихъ на общественной лѣстницѣ». «Такимъ образомъ, юныя поколѣнія дворянства находятся въ состояніи полнѣйшей слѣпоты по отношенію къ обостряющимся соціальнымъ и національнымъ отношеніямъ. Они выросли въ полномъ непониманіи всѣхъ остальныхъ общественныхъ круговъ» **).

И принципъ піэтета, придающій характеръ патріархальной семьи всему сословію высокородныхъ балтійцевъ, примѣняется съ еще большимъ успѣхомъ къ отношеніямъ между подданными-крестьянами и господами-баронами. Особенно ярко характеризуетъ эти отношенія пасторъ фонъ-Тилингъ. По его словамъ, «воспитательное и образовательное вліяніе германизма на латышей и эстонцевъ» было проникнуто великимъ нравственнымъ принципомъ; здѣсь насаждался «христіански человѣческій порядокъ жизни».

---

*) Prof. Rohland, в. н. с. Mettig, „Deutschbaltische Städte. Prof. Harnack, Zur Einführung (сборн. Die deutschen Balten).

**) Wir Balten: Gesellschaft und geselliges Leben.

Здѣсь проводились въ жизнь принципы «піэтета и авторитета», а на первый планъ была поставлена заповѣдь: «чти отца твоего и матерь твою». Отцами являлись, конечно, нѣмцы, а дѣтьми — туземные ихъ подданные. И насколько прекрасно дѣйствовало подобное воспитаніе, подтверждаетъ другой балтъ: «прилежаніе и бережливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе возрасли между латышами» *)...

Піэтетъ здѣсь — піэтетъ тамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ заставляетъ дѣтей трепетать предъ родителями и старшими и свято чтить мертвыя кости давно отжившей традиціи, въ другомъ—онъ бросаетъ на колѣни предъ «благородными» низшую породу людей. Здѣсь онъ сплачиваетъ моральною связью классъ старыхъ феодальныхъ угнетателей, тамъ онъ освящаетъ рабскія цѣпи угнетаемыхъ. Піэтетъ снизу и піэтетъ наверху. Одинъ піэтетъ командуетъ, другой со стономъ и плачемъ гнетъ усталую спину. Два произведенія высокоблагородной культуры, и два разныхъ способа ея насажденія. Приглядимся же поближе къ этимъ способамъ.

III.

Культура піэтета.

Начало воспитанію туземныхъ рабовъ и холоповъ положено было добрыми господами, когда «всемилостивѣйшая госпожа» или барышня «посвящали свободное время этому испытанію силы человѣческаго терпѣнія». На помощь благодѣтельнымъ барынямъ скоро были посланы пасторы и учителя, воспитанные на деньги дворянства въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ. Помѣщики прекрасно поняли, какую цѣну придаетъ труду грамотность, сопряженная съ піэтетомъ, и поэтому постарались, чтобы, съ одной стороны, обученіе эстонцевъ и латышей не было слишкомъ обширно, а съ другой, чтобы надзоръ за народнымъ просвѣщеніемъ находился въ рукахъ преданнаго дворянамъ духовенства. Кругъ наукъ, признанныхъ нужными для крестьянина, не великъ. Главными предметами являются кахитизисъ и священная исторія, чтеніе и письмо на туземномъ языкѣ и начатки счета. И въ дѣлѣ грамотности нѣмцамъ удалось достичь прекрасныхъ результатовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ считалось всего лишь 4% неграмотныхъ. Этими результатами въ высшей степени гордятся балтійскіе нѣмцы, и намъ бы пришлось дѣйствительно увѣнчать ихъ лаврами за такое просвѣщеніе народа, если-бы проф. Мюлау не разсказалъ намъ главнаго секрета эсто-латышскихъ школъ. Какъ оказывается, дѣломъ народнаго просвѣщенія въ Балтійскомъ краѣ занимаются

---

*) Wilhem vou Tiling, Das Lebeu und Leiden der Deutschen im Russischen Reiche, Cassel, 1906; v. Dorneth, в. н. с.

не столько нѣмцы, сколько сами туземныя семьи. При громадной разбросанности мѣстнаго населенія, живущаго не деревнями, а по отдѣльнымъ усадьбамъ, эстонскія и латышскія матери сами находятъ время, среди тяжкой работы по хозяйству, учить грамотѣ, счету и письму своихъ дѣтей; и, какъ свидѣтельствуетъ почтенный профессоръ, пасторы могутъ контролировать это домашнее обученіе въ каждой усадьбѣ или группѣ усадебъ едва лишь два раза въ годъ. Что же касается спеціальныхъ школъ, то часть ихъ пристроена на задворкахъ господскаго двора и питается подачками соотвѣтственныхъ бароновъ, а другая находится на иждивеніи общинъ и въ полномъ неограниченномъ обладаніи духовенства. Этими школами дѣло просвѣщенія и ограничивалось; что же касается нѣмецкаго языка, то этотъ послѣдній для такой низшей породы людей, какъ латыши и эстонцы, оставался недоступнымъ. Сами же нѣмцы переводили на туземные языки только совершенно невинныя вещи, которыя меньше всего могли возбудить у туземцевъ какія бы то ни было вредныя стремленія *).

Балтійскіе нѣмцы чрезвычайно превозносятъ свои просвѣтительные подвиги. При самомъ старательномъ просмотрѣ балтійскихъ панегириковъ нельзя, однако, не придти къ заключенію, что пища, которою вскармливали феодалы своихъ арендаторовъ и батраковъ, была далеко не перваго сорта. И если у фонъ Шрёдера старый эстонецъ завѣщаетъ сыну крѣпко хранить старыя саги «эстонскаго бѣднаго люда и не повѣрять ихъ» «умнымъ и чуждымъ пришельцамъ», то надо замѣтить, что и послѣдніе далеко не охотно дѣлились плодами просвѣщенія съ взятой ими подъ свое попеченіе расой. Дѣло ограничивалось переводомъ на мѣстные языки нѣмецкихъ церковныхъ пѣсенъ и катехизиса и къ «созданію» специфической литературы «поучительнаго и развлекающаго содержанія». Въ общемъ нѣмцы не считали нужнымъ особенно стараться для туземцевъ. Достаточно было, что эстонцамъ и латышамъ внушался «этико-соціальный характеръ», что они «воспитывались» нѣмцами «къ труду и исполненію долга»; что они стояли «подъ вліяніемъ нѣмцевъ въ духовной и прежде всего въ религіозной области», что они пѣли переводныя нѣмецкія пѣсни по «нѣмецкимъ мотивамъ» и что «столѣтіями проповѣдывали имъ пасторы, бывшіе нѣмцами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ наставляли ихъ и передъ конфирмаціею». «Развѣ могли нѣмецкіе пасторы дѣйствовать на религіозныя и нравственныя воззрѣнія туземцевъ не въ нѣмецкомъ духѣ?» И если, съ одной стороны, нѣмцы были настолько щедры, что подарили туземцамъ цѣлый рядъ «нѣмецкихъ словъ» и «нѣмецкій же шрифтъ», то, съ другой стороны, они «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже германизировали воззрѣнія и способъ мышленія» своего крѣпостного стада.

*) Von Dorneth, prof. Mühlau, в. н. с.

Они привили ему «развитое правовое сознаніе» и «уваженіе къ закону и праву» *).

И этого, конечно, было вполнѣ достаточно. Грамотность, съ одной стороны, и этико-соціальный характеръ—съ другой; церковныя пѣсни и пріученіе къ труду; чувство долга по отношенію къ нѣмецкому богу и преклоненіе передъ феодальнымъ «правомъ» и господскимъ «закономъ»,—все это какъ нельзя лучше было приспособлено къ тому, чтобы создать для эстонцевъ и латышей духовную тюрьму, въ которой, отдѣленные своимъ языкомъ отъ всего міра, батраки и крѣпостные пріучались бы взирать на нѣмецкую кабалу, какъ на высшій порядокъ «этико-соціальнаго» строя. Балтійскіе юнкеры основательно дѣлали свое дѣло; они знали отлично, что на одномъ голомъ насиліи не уѣдешь. Они не только усмиряли крестьянскія возстанія, но и «приручали одичалое крестьянство». Двуногая крѣпостная скотина должна была работать не за страхъ, а за совѣсть, и церковь и нѣмецкій пасторъ должны были додѣлывать то, чего не могли сдѣлать тюрьма и барщина. Крестьянинъ долженъ былъ работать не съ ненавистью, а съ умиленіемъ, видѣть въ своемъ рабствѣ преддверіе вѣчнаго блаженства...

Но, какъ замѣчаютъ сами балты, святые отцы нѣсколько перестарались. Они такъ усердно хлопотали для своихъ повелителей и патроновъ, что перешли всѣ границы приличія и показной объективности. Отъ церкви, какъ ни какъ, должно было ожидать, что она «одинаково у высокаго и низкаго будетъ свидѣтельствовать за истину и противъ неправды» и сдѣлается, такимъ образомъ, «совѣстью народа такъ же, какъ правительства и властвующихъ классовъ». Увы! съ балтійскою церковью случилось нѣчто иное: она слишкомъ ярко обнаружила свои одностороннія симпатіи къ нѣмецкому юнкерству. «Къ сожалѣнію», говоритъ нашъ источникъ, «слишкомъ часто случалось въ нашемъ балтійскомъ краѣ», что «односторонняя позиція церкви въ національныхъ и соціальныхъ вопросахъ» производила много «соблазна». Церковь въ лицѣ своихъ представителей слишкомъ часто «мѣрила двойною мѣрою». Многіе пасторы «умѣли отлично порицать грѣхи народа и не только молчали, если происходило что нибудь неладное свыше, но и часто еще защищали это и превращались въ оруженосцевъ властвующей феодальной партіи». «Часть церкви стала слѣпымъ орудіемъ» этой партіи, «и въ народѣ родилась вѣра, что духовенство вообще преслѣдуетъ совсѣмъ другіе интересы въ публичной жизни, чѣмъ весь народъ, что у него нѣтъ сердца для отклика на вопіющія политическія нужды, нѣтъ пониманія справедливѣйшихъ требованій времени» **). Таковъ «соціально-этическій» строй, внѣдряемый въ населеніе балтійскимъ духовенствомъ, и это не удивительно. Подобно прежней

*) Prof. Rohland, в. н. с. Prof. Mühlau, в. н. с. Dorneth, в. н. с.
**) Сборникъ Wir Balten, статья Kirche und Volk.

школѣ, и церковь находится цѣликомъ во власти балтійскихъ феодаловъ, а пасторы приняли на себя «роль посредниковъ между юнкерствомъ и общиною, при чемъ они болѣе представляли интересы дворянства, чѣмъ интересы народа».

Этимъ мы можемъ закончить изображеніе той части высокоблагородной культуры, которая предназначалась для туземцевъ и осчастливила собою низшую покоренную расу. Какъ видно, дары этой культуры были не особенно богаты и были направлены исключительно къ тому, чтобы обезпечить владычество однихъ и покорность другихъ. И совершенно логически обращается фонъ-Вильденбрухъ къ «мятежникамъ»:

„Вы глупцы и безумцы, мечтаете вы,
Что изгоните духъ кулаками,
Но пока солнца грѣютъ и свѣтятъ лучи,
Будетъ царствовать нѣмецъ надъ вами"!

Не правда ли, интересное сочетаніе «духа» и нѣмецкаго господства, эстонскихъ «кулаковъ» и нѣмецкаго «солнца» культуры? Врядъ-ли, однако, «духъ» будетъ такъ безмятежно властвовать послѣ совершившихся нынѣ событій: тайна феодальной культуры раскрыта вполнѣ. Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о томъ, какъ балты устраивали культуру для себя: на потребу уже не хамамъ, а, по выраженію Вильденбруха, «чудному народу» господъ *).

Для себя нѣмцы не жалѣли ни денегъ, ни силъ. Прекрасныя гимназіи и другія среднія школы, городскія школы съ прекраснымъ преподавательскимъ составомъ, все это было съ роскошью и знаніемъ дѣла устроено для представителей балтійскаго властвующаго класса. Въ городскихъ школахъ, конечно, опять-таки «доминирующее мѣсто заняло евангелически-лютеранское духовенство», такъ какъ эти школы «рядомъ съ попеченіемъ о просвѣщеніи преслѣдовали цѣли воспитанія духа и богобоязненнаго поведенія» **). Главнымъ же центромъ подготовки будущихъ господъ былъ дерптскій университетъ со своимъ чисто-нѣмецкимъ складомъ и чисто-феодальными корпораціями.

Но тутъ мы должны сдѣлать необходимую оговорку. Мы различаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ то, что сдѣлано балтійскимъ просвѣщеніемъ въ качествѣ только части обще-нѣмецкой культуры, отъ того, какимъ спеціальнымъ цѣлямъ и задачамъ служила эта высокая культура въ прибалтійскомъ краѣ. Когда объ остзейскихъ событіяхъ пишутъ защитники нѣмецкаго феодализма, они обыкновенно чрезвычайно ловко выдвигаютъ на первый планъ именно тѣ стороны просвѣщенія въ остзейскомъ краѣ, которыя обязаны своимъ существованіемъ постоянному приливу изъ Германіи какъ научныхъ силъ, такъ и научныхъ познаній. И такой пріемъ со стороны

*) Von Wildenbruch, в. н. с.
**) K. Mettig. Deutschbaltische Städte und deutschbaltische Bürgertum.

апологетовъ балтійскаго феодализма оказывается чрезвычайно удачнымъ. Если дѣйсгвительно сосчитать все, что сдѣлано нѣмцами въ научномъ и культурномъ отношеніи въ городахъ и учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края, то нельзя не преклониться предъ этимъ, такъ какъ нѣмецкая культура вообще очень высока. Однако всѣмъ этимъ балты обязаны не себѣ, а тому обстоятельству, что они являются небольшимъ обломкомъ великой культурной и просвѣщенной націи... Точно такъ же мало доказываютъ и тѣ списки различныхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ Дерптскаго университета, которые съ торжествомъ перечисляются патріотическими публицисгами. На насъ, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ научнымъ трудамъ этихъ знаменитостей, указанные списки дѣйствуютъ очень мало. Во-первыхъ, само собой понятно, что тамъ, гдѣ работаетъ серьезная наука, она воспитываетъ и хорошихъ, даже знаменитыхъ ученыхъ. И если дерптскій университетъ далъ Германіи фонъ Бергмана, Гарнака, Бергбома, и Россіи—Пирогова, то то же самое могъ бы дать и на самомъ дѣлѣ даетъ каждый сколько-нибудь порядочный, хорошо обставленный нѣмецкій университетъ. Въ виду этого похвальба балтійскими научными знаменитостями представляется просто комичной, чтобы не сказать болѣе.

Главнымъ назначеніемъ дерптскаго университета была не поставка зменитостей и просто научныхъ силъ, а внѣдреніе въ балтійскую молодежь добродѣтелей, свойственныхъ расѣ прирожденныхъ господъ. Университетъ выдѣлывалъ и штамповалъ самодержавныхъ владыкъ Прибалтійскаго края и специфически дрессированныхъ командировъ для обширнаго русскаго отечества. И въ этомъ отношеніи заслуги дерптскаго университета куда превосходятъ его дѣянія на пользу общечеловѣческой культуры и просвѣщенія.

Еще въ началѣ XIX вѣка г. фонъ-Рейнталь слѣдующимъ образомъ рисовалъ дерптскихъ студентовъ: «Никогда,—насколько только я помню, ни одинъ дерптскій студентъ изъ русскихъ остзейскихъ провинцій не принималъ никакого участія въ политическихъ безпорядкахъ, тайныхъ сообществахъ и тому подобныхъ стремленіяхъ къ призрачному усовершенствованію міра. Нѣмецкій Остзейскій край всегда имѣлъ критически просвѣщенное, исторически-обоснованное сознаніе политическаго положенія до и съ того времени, какъ онъ находится подъ охраной русскаго двуглаваго орла. Эти страны знаютъ, что самое ихъ святое—вѣра, языкъ и законъ остается неприкосновеннымъ, а къ ихъ заботамъ относятся свыше и съ вниманіемъ и съ готовностью удовлетворить ихъ». Въ свою очередь профессоръ Мюлау восхваляетъ и нынѣшнихъ нѣмецкихъ студентовъ: «духъ дисциплины и вѣрноподданнической вѣрности до сихъ поръ одушевлялъ дерптское студенчество. Ни одинъ нѣмецкій студентъ не поддался нигилистическимъ проискамъ, ни одинъ не далъ увлечь себя духу непокорства къ незаконнымъ дѣйствіямъ, тогда

какъ этотъ духъ въ новѣйшее время, благодаря приливу негодныхъ русскихъ и еврейскихъ элементовъ, нашелъ доступъ и къ Дерпту».

Профессоръ фонъ-Бергманъ не менѣе восторгается дерптскимъ студенчествомъ: «эти академическіе граждане далеко держались отъ политической дѣятельности и битвъ, они удовлетворялись соблюденіемъ своихъ студенческихъ интересовъ и упражнялись и воспитывали въ себѣ образъ мыслей и нравственность, которые дѣлали ихъ честными и способными чиновниками имперіи, неподкупными судьями, добросовѣстными учителями, полными самопожертвованія и знаменитыми врачами, которые всѣ съ нерушимой вѣрностью Эккарта были преданы государямъ Россіи». И трогательную иллюстрацію удивительной благонадежности юныхъ балтовъ даетъ намъ отставной пасторъ фонъ-Тилингъ, ополчившійся нынѣ противъ «русскаго царства» во имя «германскаго императорства». Съ умиленіемъ и гордостью разсказываетъ этотъ мученикъ двойной вѣрности о томъ, какъ, будучи еще студентомъ, проявлялъ онъ свой патріотизмъ во время польскаго возстанія. Какъ оказывается, тогда очень опасались за безопасность посѣтившаго Митаву наслѣдника, такъ какъ боялись польскихъ происковъ и покушеній. И вотъ нѣмецкое студенчество составило особую тайную стражу будущаго Александра III и ночью, съ оружіемъ въ рукахъ, караулило спокойствіе высочайшаго сна, сидя по сосѣднимъ кустамъ и задворкамъ. Молодые люди въ своемъ балтійскомъ патріотизмѣ готовы были истребить всякаго, кто бы осмѣлился вызвать ихъ подозрѣніе. Къ счастью, ни одной мыши не пришло на умъ проникать въ столь самоотверженно охраняемые покои. Судьба, однако, сыграла злую шутку съ почтеннымъ Тилингомъ: онъ долженъ былъ бѣжать въ Германію, какъ разъ вслѣдствіе обрусительныхъ мѣръ того самаго царя, котораго онъ охранялъ съ такимъ самоотверженіемъ, сидя ночью въ кустахъ прекрасной Митавы! *).

Гораздо важнѣе, чѣмъ указанныя благонадежность и вѣрность, было то воспитаніе дерптскаго студенчества въ строгой феодальной дисциплинѣ и реакціонномъ духѣ, которое помогло ему донести до XX вѣка традиціи XIII и XIV-го. Этимъ воспитаніемъ завѣдывали корпораціи, и не безъ внутренней борьбы досталась побѣда аристократическимъ корпораціямъ балтовъ. Какъ сообщаетъ намъ профессоръ фонъ-Бергманъ, революціонный вѣтеръ сороковыхъ годовъ задѣлъ однимъ крыломъ и феодальную твердыню. И Николай I не задумался тогда же преподать надлежащій урокъ своему нѣмецкому университету, и цѣлый рядъ преслѣдованій осыпалъ мятежныхъ профессоровъ, при чемъ профессоръ Озенбриггенъ и приватъ-доцентъ Генъ обвинялись ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что они участвовали вмѣстѣ съ госпожей фонъ Бруинингъ въ освобожденіи изъ Шпандау—прусскаго Шлиссель-

*) Prof. Mühlau, в. н. с., v. Bergman, в. н. с., v. Tilling, в. н. с.

бурга—поэта Кинкеля въ 1848 г. Однако эти времена прошли совершенно безъ слѣда, и въ дерптскомъ университетѣ воцарился иной духъ. Борьба «дикаго», некорпоративнаго студенчества противъ корпорантовъ, также какъ борьба землячествъ (Burschenschaft'ы) противъ корпорацій, окончилась полнымъ пораженіемъ болѣе свободнаго студенческаго принципа и неограниченнымъ господствомъ феодальныхъ корпорацій съ ихъ исключительностью и упорнымъ охраненіемъ старыхъ «освященныхъ традиціями обычаевъ и нравовъ». Такъ, цѣною «извѣстнаго суженія и ограниченія личной свободы индивида», водворялась «сильно развитая дисциплина» и «балтійское упорство». Такъ воспитывалось то «крѣпкое моральное мужество и крѣпкій позвоночникъ», котораго требуетъ «преклоненіе передъ общимъ, всѣми признаннымъ закономъ»; цѣлью корпорацій было «закаливать характеръ отдѣльныхъ лицъ», «пробуждать въ нихъ личное мужество и рѣшительность», создавать людей, являющихся «извнѣ и внутри цѣльными мужами, вооруженными и защищенными для борьбы за существованіе сильнѣйшимъ оружіемъ человѣчества—моральной сдержкой и дисциплиной»... *)

Въ высшей степени характернымъ для специфическихъ цѣлей дерптскаго университета является далѣе тотъ фактъ, что за 100 лѣтъ существованія этого центра нѣмецкой науки нѣмцы не догадались открыть при университетѣ профессуру для эстонскаго и латышскаго языковъ и литературы; и это въ краѣ, гдѣ на 1.200.000 латышей и на 1.000.000 эстонцевъ приходится всего 200.000 нѣмцевъ, изъ которыхъ къ тому же, около 15.000 состоятъ германскими подданными! Эти цифры говорятъ сами за себя.

Въ основѣ всей этой культуры лежитъ піэтетъ: у нѣмцевъ—предъ священными традиціями баронской морали, у эстонцевъ и латышей—предъ велѣніями высшей, ниспосланной имъ съ неба расы. Піэтетъ рабскій культивируется въ народныхъ школахъ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, онъ проповѣдуется на мужицкихъ нарѣчіяхъ, утверждается въ головахъ безталаннаго племени полицейской палкою помѣщика, небесною карой пастора. Піэтетъ барскій воспитывается въ гимназіяхъ и академіяхъ, въ студенческихъ корпораціяхъ и нѣмецкомъ университетѣ. Здѣсь воспитаніе идетъ на нѣмецкомъ языкѣ, здѣсь внѣдряются рыцарскія добродѣтели мужества и рѣшительности, лойяльности и строгой благонадежности. Внизу чернь, наверху тѣ дивныя созданія высоко-благородной дрессировки, которыя именуются въ стихотвоніи фонъ Вильденбруха «великими людьми». Правда, въ настоящее время низшая раса подняла руку на «нѣмца», на этого «великаго человѣка», но «день придетъ», «нѣмецъ въ землю свою

*) Сборн. Wir Balten, статья Die Dörptschen Korporationen und ihre Bedeutung für die baltischen Provinzen.

возвратится», а латыши и эстонцы, «свою голову грустно повѣсивъ», на подобіе «покаяннаго робкаго стада», возопіютъ: «мы великаго выгнали вонъ человѣка», «потеряли съ нимъ вмѣстѣ себя!»

IV.

Бѣлая Арапія.

Какъ мы уже знаемъ, балты всегда отличались чрезвычайной вѣрностью. Во времена Александра II остзейскія провинціи назывались даже «не безъ основанія Вандеей русскаго царя, такъ какъ населеніе тамъ, въ противоположность собственно Россіи, принимало его съ искренней преданностью». Эти слова пастора Тилинга и подтверждаетъ проф. Роландъ: «балтійскіе нѣмцы были лояльными подданными своихъ государей и оказали своимъ владыкамъ цѣнныя услуги. Они были, какъ это лежитъ въ германскомъ характерѣ, монархически настроены, и если окинуть взглядомъ тѣ отношенія, въ которыхъ находилось дворянство Лив—Эст—и Курляндіи къ своимъ государямъ, то получается впечатлѣніе какого-то личнаго въ немъ момента, какой-то внутренней связи между дворянствомъ и монархомъ, далеко выходящей изъ границъ внѣшнихъ отношеній между главою государства и подданными и напоминающей скорѣе то своеобразное отношеніе, въ какомъ находится прусское дворянство къ своему королю». И не только платонически выражалась вѣрность и преданность балтійскихъ феодаловъ, и балты, эти «вѣрные, лояльные подданные», не только «платили подати и поставляли рекрутовъ» (изъ числа эстонцевъ и латышей), но они приносили еще громаднѣйшія жертвы для просвѣщенія и процвѣтанія сосѣдней варварской Россіи; балтійскія провинціи не удовлетворялись тѣмъ, что онѣ были «надежною опорою, построенной изъ скалъ, для Россійской имперіи». Нѣтъ, «балтійскіе нѣмцы были еще богатѣйшимъ источникомъ, изъ котораго текли и поученія, и руководства для всей жизни въ Россіи». Въ особенности «благословеніемъ» для Россіи былъ дерптскій университетъ, который «подарилъ русской имперіи неоцѣненныя блага». Какъ говоритъ балтійскій поэтъ, обращаясь къ Россіи: «Развѣ на твоемъ славномъ пути не несли сыны нашего народа твои знамена? Развѣ на поляхъ побѣды не лежатъ окровавленными и убитыми благородные балты? Развѣ не шелъ изъ нихъ кое-кто впереди въ дерзкомъ мужествѣ? Развѣ не удостоился кое-кто изъ нихъ твоей высшей награды? И развѣ ты не думаешь о толпахъ тѣхъ другихъ, которые великое для тебя совершили, великое въ мирное время? Которые были твоими руководителями и учителями и неустанно работали для тебя день и ночь?» По словамъ проф. Мюлау, «потоки просвѣщенія и нрав-

ственности пролились изъ остзейскихъ провинцій, а спеціально изъ Дерпта по всей Россіи и оплодотворили ее» *).

Какое великодушіе, какая удивительная картина! Что видимъ мы передъ собой? Культурные и добродѣтельные германцы спускаются съ Валгалы, чтобы осчастливить полудикія славянскія племена. Вотъ цѣль, которая оправдываетъ даже завоеваніе латышей и эстонцевъ. Въ старое время, когда жилъ и дѣйствовалъ святой орденъ «братьевъ меча» и «нѣмецкихъ господъ», тогда уже рыцари хотѣли осчастливить литовцевъ, поляковъ и русскихъ и снаряжали противъ нихъ крестовые походы. Въ потокахъ славянской крови, на развалинахъ славянскихъ деревень думали они водрузить высокую нравственность убивающаго и жгущаго на кострахъ христіанства, силою меча хотѣли они просвѣтить тупоумныхъ язычниковъ на счетъ крѣпости панцырнаго кулака. Но тогда, увы! славянскіе боги оказались сильнѣе феодальнаго просвѣщенія, и рыцарямъ пришлось испытать на себѣ польско-шляхетскую культуру. Мало того, суровый рокъ отдалъ ихъ всѣхъ въ XVIII вѣкѣ въ подчиненіе сѣвернымъ гиперборейцамъ—русскимъ варварамъ и дикарямъ. Но и тутъ нашлись великіе представители благородныхъ началъ, и тутъ сумѣли они облагодѣтельствовать своихъ завоевателей. Тѣ завоевали ихъ оружіемъ—они же покорили своихъ владыкъ культурой и просвѣщеніемъ. Русскіе ознаменовали покореніе балтійскаго края полнымъ опустошеніемъ, балты заплатили имъ за это вѣрностью, преданностью и любовью. Съ одной стороны, грубое варварство и сила, съ другой,—самоотверженіе и самопожертвованіе. Съ одной—грубость и необразованность, съ другой—благодѣтельные потоки учительства, руководительства, благонадежности, мужества и религіозности. Это ли не зрѣлище безпримѣрной въ исторіи мести покоренныхъ къ завоевателю, мести, которая по евангельской заповѣди добромъ воздаетъ за зло!

И, въ самомъ дѣлѣ, къ кому шли балтійскіе просвѣтители съ своими сокровищами? Для кого приносили они свои неисчислимыя жертвы? Что такое этотъ русскій народъ, который въ концѣ концовъ такъ мало оцѣнилъ и понялъ своихъ безкорыстныхъ благодѣтелей? Со свойственной балтамъ откровенностью они отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, и, отвѣчая, выставляютъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ свой историческій подвигъ культурнаго подвижничества.

Русскій народъ оказывается — очень скверный народъ. Это по существу «человѣкъ чувства». «Онъ происходитъ съ юга. Степь и солнце сдѣлали его такимъ, какимъ онъ остается и сейчасъ». «Сердце у него широкое—очень широкое, такое—какъ сама степь; а солнце, горячее солнце, сдѣлало его мягкимъ и теплымъ, благо-

*) Von Tiling, в. н. с. Prof. Rohland, в. н. с. Leopold von Schroeder. Baltische Heimat. Mühlau. в. н. с.

честивымъ и мирнымъ». «И тѣмъ не менѣе, если онъ бурлитъ, то становится подвластнымъ страстямъ и вспыльчивымъ. Въ его жилахъ переливается горячая, легко возбудимая кровь». И такъ какъ даже благодатная природа сама работаетъ за него, то онъ сталъ «гостепріимнымъ и лѣнивымъ, и эта лѣность простирается и на его духъ. Какъ не охотно обрабатываетъ онъ свое поле, также недостаточно онъ и мыслитъ, и такъ же слаба его воля». «Русскій почти лишенъ характера». «Въ точныхъ наукахъ русскіе дѣлаютъ страшно мало». За то «музыкальная поэтическая душа русскихъ похищаетъ у природы ея тайны». Работаетъ онъ мало, за него почти все дѣлаетъ его жена. «Конечно, помогаетъ работать также и мужъ; но если онъ добирается до денегъ и водки, то, благодаря своей слабой волѣ, онъ часто впадаетъ на цѣлые дни въ безсознательное состояніе. Онъ даже исчезаетъ на цѣлыя недѣли до тѣхъ поръ, пока бѣдность и голодъ снова не заставятъ его работать». «Женщину онъ не почитаетъ за человѣка»; она для него является только «наилучшей и наиболѣе дешевой домашней скотиной». Благодаря тяжести жатвы, погибаютъ массы дѣтей, но крестьянину не приходитъ и въ умъ смѣнить женщину и самому работать. «Нравственный уровень простого русскаго очень низокъ». Русскій вообще «нравственно никуда не годенъ» *).

И русскій помѣщикъ недалеко ушелъ отъ мужика; онъ тоже человѣкъ чувства, одаренный прямотой и откровенностью. Однако въ своемъ отношеніи къ крестьянину онъ допускаетъпроизволъ и сохраняетъ еще слѣды крѣпостническаго хозяйства. Если простой народъ, далѣе, фанатично религіозенъ, вѣритъ всему, что приказано, и считаетъ даже еврейскіе погромы религіознымъ дѣломъ, то дворянинъ по большей части не религіозенъ и представляетъ изъ себя воспринимающую, но не созидающую натуру. Въ политикѣ онъ ограничивается болтовней. Хуже всего, однако, оказывается русская женщина. Это—фантастичное и поверхностное существо, не только не имѣющее никакого пониманія семьи и являющееся плохой женой и матерь, но не признающее границъ и шестой заповѣди. Русскія женщины «менѣе всего жрицы нравовъ, а эманципированная русская отбрасываетъ отъ себя послѣдніе остатки нравственности, воздержности и скромности. Она живетъ по ту сторону добра и зла и играетъ въ постоянный маскарадъ». Она расточительна, лѣнива, безпорядочна, непрактична *).

Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ характеристику русскаго купца и чиновника. Онѣ прибавляютъ очень мало къ указаннымъ нами чертамъ русскаго мужика и помѣщика. Достаточно и этихъ образцовъ невѣжественной и злостной клеветы на русскій народъ, чтобы

---

*) Сборникъ „Wir Balten", ст. Russlands „Tschinowniki" daheim und im Baltenlande.

**) Тамъ же.

измѣрить всю глубину того великодушія, которое проявляютъ балты, являясь къ русскимъ варварамъ съ дарами благонадежности, религіозности и вѣрноподданнаго рвенія. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ужасно жить и дѣйствовать въ Россіи? Какъ свидѣтельствуетъ одинъ балтъ, это—страна, въ которой все основано на безчестности и «каждый предполагаетъ въ другомъ совершенно столько же гадости, сколько находится въ немъ самомъ». Это—общество, въ которомъ не существуетъ никакого уваженія, «никакого піэтета ни по отношенію къ самому себѣ, ни по отношенію къ кому-либо другому». И какъ же можетъ быть иначе? Всѣ слои русскаго народа «не обладаютъ никакимъ историческимъ характеромъ». Они не имѣютъ «никакой исторіи правового, соціальнаго, экономическаго, нравственнаго и религіознаго порядка». Русскій народъ «никогда не испыталъ образованія человѣка для цѣлей личной самостоятельности», никогда не представлялъ собою «разумно совѣстливой личности». Русскіе «не имѣютъ также никакого общегуманитарнаго интереса и пониманія для человѣческаго существа, напротивъ того, у нихъ есть отвращеніе и не уваженіе по отношенію къ преимуществамъ другихъ культурныхъ націй». У русскихъ нѣтъ также никакого общественнаго мнѣнія, они ненавидятъ царскихъ чиновниковъ, они находятся въ полномъ состояніи безпорядка и незаконченности... *).

Такова бѣлая Арапія, которую рѣшили облагодѣтельствовать балты, и широкимъ потокомъ двинулись туда съ транспортомъ своихъ великихъ знаній и добродѣтелей. Но странно одно! Они шли туда, не какъ миссіонеры или апостолы, не въ рубищѣ и съ посохомъ и не съ однимъ лишь оружіемъ духовнаго убѣжденія и проповѣди; совсѣмъ наоборотъ: въ качествѣ «твердыхъ опоръ вѣрности и порядка», они устремились къ мѣстамъ командировъ русскаго отечества и дали Россіи не только ея «лучшихъ ученыхъ, лучшихъ коммерсантовъ и лучшихъ гражданъ», но и «лучшихъ государственныхъ людей, офицеровъ и лучшихъ чиновниковъ». «Юристы и административные чиновники на лучшихъ мѣстахъ имперіи, дипломаты выдающагося значенія были подарены имперіи въ большомъ числѣ», не говоря уже о прочей мелкой сошкѣ. Такъ «многочисленные сыны балтійской страны дѣйствовали въ Россіи, какъ государственные люди и чиновники, какъ генералы и офицеры, какъ ученые врачи, учителя и т. д.» И проф. фонъ-Бергманъ даетъ намъ даже интересную и поучительную статистику нашествія нѣмцевъ на русское государство. Оказывается, что только до 1886 года изъ каждыхъ 17 дерптскихъ студентовъ—а ихъ было за это время 14 тысячъ,—по крайней мѣрѣ, одинъ дослуживался въ русскомъ чиновничьемъ мірѣ до «высокихъ и высшихъ почетныхъ

---

*) Tiling, Das Leben und Leiden.

постовъ, до превосходительства и дѣйствительнаго статскаго совѣтника» *).

Теперь для насъ многое ясно. Какъ оказывается, почтенные балты благодѣтельствовали Россіи отнюдь не даромъ, а за соотвѣтственное и даже недурное казенное вознагражденіе. И если они миссіонерствовали среди бѣлой Арапіи, то не иначе, какъ при помощи всяческихъ подъемныхъ и прогонныхъ, суточныхъ и праздничныхъ и всѣхъ прочихъ, по штату присвоенныхъ, пенсій, наградъ, пособій, арендъ и декорацій. Наши просвѣтители при томъ не удовлетворялись малыми чинами и скромнымъ положеніемъ; они сумѣли проникнуть на самыя вершины русской самодержавной бюрократіи, они сопричислились къ чину русскихъ военныхъ и штатскихъ генераловъ, этого средоточія взяточничества и произвола, насилія и безчестности. О! теперь мы отлично знаемъ, на что пригодилась балтійская вѣрность и преданность, благонадежность и умѣніе подчиняться «всеобщему и признанному всѣми закону». Изъ своей дворянской касты они легко переходили черезъ аристократическія корпораціи въ не менѣе высокую касту ненавистнаго русскаго чиновничества. И недаромъ говоритъ пословица, что у каждаго балта спереди крючекъ, а сзади петелька, которыми они другъ за друга цѣпляются. Балты сумѣли наполнить своими питомцами русскія министерства и гвардейскія казармы, сенатъ и государственный совѣтъ, генералъ-губернаторскія и губернаторскія мѣста. Какъ видно, балтійскіе рыцари не забыли своихъ походовъ; только они производятъ ихъ теперь по современному, это—крестоносцы во фракахъ и мундирахъ, имѣющіе ясную опредѣленную цѣль: русскій казенный сундукъ, русское народное достояніе. Крѣпостями имъ служатъ русскія канцеляріи, а средствомъ для усмиренія—русская же національная нагайка. При этихъ условіяхъ миссіонерскій подвигъ оказался значительно легче и безопаснѣе, чѣмъ прежде.

И балты сумѣли сохранить, не смотря на свою совмѣстную работу съ русскими бюрократами, видъ благородства и независимости пришлыхъ именитыхъ гастролеровъ. Настрадавшись въ бѣлой Арапіи, среди русскихъ дикарей, и натрудивъ свои бѣлыя руки на культурныхъ экзекуціяхъ, они затѣмъ возвращались вмѣстѣ съ благопріобрѣтенными пенсіями, чинами и орденами въ свой феодальный рай и тутъ на честно заработанныя деньги водворяли усовершенствованное сельское хозяйство, лѣсоводство, винокуреніе и прочія вещи, столь необходимыя для воспитанія неспособныхъ и праздныхъ туземцевъ. И какъ мало имѣли цѣны среди самихъ балтовъ русскія генеральскія званія и заслуги, показываетъ оригиналь-

*) Tiling, в. н. с. Mühlau, в. н. с. Rohland., в. н. с. Von Bergmann, в. н. с.

ное явленіе, о которомъ намъ разсказываетъ Пантеніусъ *). Какъ оказывается, у себя дома, среди балтовъ, на русское государство и его званія феодалъ смотритъ «рѣшительно отрицательно», и если его «младшіе» братья поступаютъ въ войско, идутъ въ дипломатію или администрацію, а затѣмъ въ качествѣ отставныхъ генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ возвращаются домой, то для старшаго брата они имѣютъ нисколько не больше значенія, чѣмъ остальные сыновья его отца». Такъ ходившій на заработки къ варварамъ благородный рыцарь, возвращаясь назадъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на варварскія отличія, которыми его увѣнчалъ сосѣдній султанъ. Но, конечно, все то, что онъ пріобрѣлъ на честной службѣ дагомейскому величеству или какому-нибудь Насръ-Эддину—все это шло въ отеческій домъ на возращеніе благороднаго потомства. Бѣлая Арапія хороша, чтобы на ней наживаться, но похоронить себя въ ея нѣдрахъ было бы преступленіемъ противъ культуры!

И если балты являлись въ Россію на охоту за казенными содержаніями и мѣстами, то они старались дѣлать порученное имъ дѣло дѣйствительно послѣдовательно и систематично. Русскій чиновникъ кралъ стихійно, взяточничалъ случайно, грабилъ полубезсознательно, онъ дѣйствовалъ, какъ дикій звѣрь, пущенный въ овечье стадо, который грызетъ потому, что не встрѣчаетъ сопротивленія, и душитъ потому, что возлѣ него открытое беззащитное горло. Балтіецъ все дѣлалъ на законномъ основаніи, согласно предписаніямъ начальства и рутинѣ, основанной на прецедентахъ; онъ не хлопалъ безъ толку молоткомъ направо и налѣво, но медленно и вѣрно, какъ вѣрный слуга, сдавливалъ винтомъ обывательскія головы, мозжилъ по счету, въ пропорціи, но за то безъ остатка и до конца. И если русскій погромщикъ и грабитель въ мундирѣ и безъ мундира являлся подобно чумѣ и, какъ черная смерть, истреблялъ вокругъ себя все, что ни попадалось на пути, балтіецъ, облеченный должностью истребителя, дѣйствовалъ опять таки согласно строгимъ велѣніямъ долга и присяги. Изъ заплечныхъ дѣлъ мастерства создавалъ онъ цѣлую науку и самый процессъ истребленія умѣлъ производить спокойно и методично, съ точностью машины и неукоснительностью вѣрнаго хозяйскаго пса. Балтъ не считалъ Россію отечествомъ, это—правда, онъ былъ преданъ лишь своему «хозяину», который платилъ ему деньги и не мѣшалъ ему воспитывать латышскихъ и эстонскихъ мужиковъ. Но за то, когда въ Россіи онъ занималъ положеніе наемнаго бурмистра, онъ умѣлъ превзойти всѣхъ истинно - русскихъ людей добродѣтелью своей истинно русской души, неукоснительностью вѣрнопреданнаго слуги и ключника. Наемный балтъ на службѣ русскаго абсолютизма было одно изъ самыхъ страшныхъ явленій нашего стараго режима, и никто не могъ сравниться съ нимъ въ злобѣ и рѣзвости, въ си-

*) Pantenius, в. н. с.

стематической жестокости и русскомъ, архи-русскомъ патріотизмѣ.

Одного только наемный рыцарь изъ Остзейскаго края не сообразилъ: если онъ никакъ не ожидалъ, что когда-либо осмѣлятся возстать противъ него закрѣпощенные балтійскіе туземцы, то еще меньше могъ онъ допустить, что то стадо, среди котораго онъ дѣйствовалъ въ бѣлой Арапіи съ плетью въ рукѣ, проснется и не только прогонитъ наемныхъ защитниковъ алтаря и трона, но заставитъ шататься самую твердыню абсолютнаго режима.

Русская революція была полнымъ сюрпризомъ для чиновныхъ паразитовъ нѣмецкаго происхожденія на народномъ организмѣ Россіи.

V.

Русская измѣна.

Надо замѣтить, что, дѣйствуя во славу русскаго абсолютизма въ самой Россіи, балты въ то же самое время заботливо охраняли себя и свои области отъ всякаго вмѣшательства и вторженія со стороны того же самаго абсолютизма. То, что годилось для варварской Россіи, то должно было почтительно остановиться предъ стѣнами высоко-феодальнаго господства пресвѣтлыхъ бароновъ въ отданной имъ на пропитаніе странѣ. Балтійскій край былъ питомникомъ русскихъ командировъ. И довольно было того, что въ лицѣ ихъ изливалась на бѣлую Арапію европейская культура; у себя же дома они желали быть полными господами и потреблять эстовъ и латышей безъ какого-либо непосредственнаго участія русскихъ ташкентцевъ всѣхъ возрастовъ и классовъ. Русской бюрократіи бароны давали опредѣленныя подачки средствами и людьми и этимъ ограничивались. А русскіе императоры до Александра II включительно давали торжественное обѣщаніе хранить неприкосновенными господскія вольности балтовъ въ Остзейскомъ краѣ. И такъ было бы до сей поры, если-бъ русскіе сотоварищи нѣмецкихъ тайныхъ совѣтниковъ и генераловъ не обратили своего благосклоннаго взгляда на тучныя пажити, гдѣ кормились, словно въ оранжереяхъ, цѣлыя поколѣнія нѣмецко-русскихъ патріотовъ.

Само собою разумѣется, что такъ называемое обрусѣніе было только предлогомъ для того, чтобы заставить нѣмцевъ подѣлиться съ русской бюрократіей тѣми барышами и доходами, которыми тѣ уединенно и сокровенно пользовались въ своемъ комфортабельномъ и богатомъ «Heim'ѣ». И это, если хотите, было даже справедливо: вмѣстѣ грабили—вмѣстѣ и наслаждаться соотвѣтственными утѣхами, и если балтійскіе тайные совѣтники и генералы вывозили изъ Россіи на родину сооотвѣтственную мзду, то и наши отечественные живоглоты невольно облизывались на балтійскій край, куда, однако, входъ для нихъ былъ строго воспрещенъ.

И совершилось то ужасное, о чемъ до сихъ поръ всѣ балты не

могутъ говорить, не испуская цѣлыхъ потоковъ патріотическихъ воплей, не взывая къ небесамъ о попранной справедливости: сослуживецъ явился съ отвѣтнымъ визитомъ, и не только явился, а немедленно сталъ производить въ благоустроенномъ балтійскомъ отечествѣ все то, что онъ устраивалъ совмѣстно и при помощи нѣмецкаго братца въ Россіи. И тѣ самые пріемы и порядки, которые усердно насаждались въ Россіи нѣмецкими генералами, были теперь перенесены въ самый очагъ нѣмецкой вѣрноподданности, въ Прибалтійскій край; это было уже сверхъ силъ, и балтійской вѣрности предстояли серьезныя испытанія, на ея собственномъ тѣлѣ.

Еще при императорѣ Николаѣ I, когда быть нѣмцемъ считалось своего рода придворнымъ званіемъ и только у балтовъ предполагалась истинно-русская душа, была сдѣлана первая попытка просвѣтить балтійскій край свѣтомъ истинно-русской вѣры. Воспользовавшись голодомъ среди мѣстнаго населенія, русскіе попы стали обращать латышей и эстонцевъ въ «царскую вѣру», обѣщая за это не только непремѣнное блаженство на небесахъ, но и болѣе реальныя блага, въ видѣ казенныхъ вспомоществованій и поземельныхъ надѣловъ для безземельныхъ. Это было то же самое, что производилось съ иновѣрцами въ центральной Россіи при содѣйствіи балтовъ. Такимъ образомъ, цѣлыя тысячи обращенныхъ были перечислены въ православную вѣру, но, конечно, никакихъ пособій и никакой земли они не получили; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ законнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ мѣръ нѣмецкіе бароны доказали зависящимъ отъ нихъ батракамъ и арендаторамъ, что баронскій богъ сильнѣе и что попытка освободиться отъ духовной полиціи помѣщичьяго пастора — вещь, которая христіаннѣйшими балтами не прощается. Обращенные «покаялись»: они пожелали вернуться къ вѣрѣ своихъ господъ, но тутъ-то и произошло съ неба ниспосланное наказаніе проданныхъ душъ: русская полиція, разъ забравши людей въ православную церковь, больше ихъ назадъ не выпускала *)...

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка сдѣланы были новыя попытки ввести русское правленіе въ странѣ истинно-русскихъ нѣмцевъ. Балтійскій феодализмъ, именно въ эпоху реформъ, особенно блистательно являлъ міру свои красоты; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Гарнакъ, «балтійское дворянство во многихъ случаяхъ должно было противъ воли удерживать феодализмъ, такъ какъ только въ этихъ формахъ оно могло сохранить нѣмецкую народность, языкъ и обычай»... При Александрѣ II было уничтожено балтійское генералъ-губернаторство (въ 1875 г.) и было реорганизовано городское управленіе на «демократическихъ»

---

*) Seraphim, Die Russifizierung der deutschen Ostseeprovinzen (Die deutschen Balten). Tiling, в. н. с., Mühlau, в. н. с., Rohland, в. н. с.

началахъ (1877 г.). Со вступленіемъ на тронъ Александра III балтійскимъ провинціямъ пришлось довольно круто. Александръ III былъ приверженцемъ политики обрусѣнія и принялся, при помощи своихъ сотрудниковъ, за основательную чистку нѣмецкихъ феодаловъ. Въ 1889 г. на мѣсто баронской юстиціи были введены русскіе суды, и непонятный для населенія языкъ былъ замѣненъ въ судахъ столь же непонятнымъ русскимъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ была руссифицирована школа, при чемъ все учебное дѣло было отнято у подчиненныхъ помѣщикамъ пасторовъ и передано русскимъ обрусителямъ изъ вѣдомства народнаго «просвѣщенія». Наконецъ, были руссифицированы рижскій политехникумъ и дерптскій университетъ, а Дерптъ—питомникъ русскихъ тайныхъ совѣтниковъ и нѣмецкихъ феодаловъ—потерялъ даже свое имя и былъ превращенъ въ россійскій Юрьевъ. Нечего и говорить, что старыя нѣмецкія учрежденія вотчинной баронской полиціи и вотчинной же администраціи были замѣнены (съ 1887—1889 г.) чисто русскими полицейскими произведеніями *).

Трудно представить себѣ ту ярость и бѣшенство, съ которыми пишутъ объ обрусѣніи края почтенные балты даже въ настоящее время. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуютъ они роковую для балтовъ фигуру Побѣдоносцева и не жалѣютъ никакихъ выраженій по адресу Манасеина и его знаменитой ревизіи нѣмецкаго феодализма. Съ тѣхъ именно поръ датируютъ балты русскую анархію и революцію и прямо приписываютъ возстаніе эстонцевъ и латышей дѣятельности неблагодарнаго русскаго правительства. И мы должны, въ извѣстной степени, признать здѣсь заслугу русскаго абсолютизма, хоть она отнюдь не была преднамѣренной, а обрусѣніе края меньше всего имѣло цѣлью насажденіе «нигилизма» среди закрѣпощенныхъ туземцевъ. Абсолютизмъ только хотѣлъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ національнымъ антагонизмомъ въ этихъ губерніяхъ и, возстановивъ массу задавленнаго населенія противъ балтовъ, забить между ними клинъ, а затѣмъ подвергнуть остзейскую область такимъ же мѣропріятіямъ, какъ и всю Россію. И тѣмъ не менѣе русскій абсолютизмъ сыгралъ свою роль въ балтійскомъ краѣ, а по расчищенному имъ пути могла уже свободно двинуться великая русская революція.

Но предоставимъ самимъ балтамъ рисовать революціонные подвиги ихъ обрусителей. «Ядъ разъѣдающаго, все растворяющаго и разрушающаго отрицанія и уничтоженія всѣхъ этическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ порядковъ жизни — русскаго нигилизма (nitschewo), ядъ неуваженія всего существующаго и презрѣнія ко всему историческому неудержимо проникалъ» «въ латышскіе и эстонскіе народные круги». И это понятно, «поскребите русскаго и вы найдете въ немъ дикаго звѣря». Такъ указанный ядъ породилъ

*) Тамъ же.

«анархію, такъ что дѣти возстали противъ родителей, слуги противъ господъ... подданные противъ начальства и противъ всяческаго божескаго и человѣческаго закона». Въ странѣ водворились «звѣрскія страсти». И въ этомъ ужасномъ процессѣ потрясенія всѣхъ балтійскихъ основъ прежде всего виноваты русскіе учителя и школы. Черными красками рисуетъ г. ф. Дорнетъ «безнравственность этихъ педагоговъ»: «безъ идеаловъ, безъ религіи, стремящіеся лишь къ матеріальной выгодѣ», они «насадили въ народѣ ужаснѣйшій развратъ». «Высмѣивая свою собственную церковь такъ же, какъ и лютеранскую», эти «грубые парни» «научили тому же латышскую и эстонскую молодежь». «Вся латышская молодежь въ страшной степени потеряла свое христіанство въ обрусѣвшихъ народныхъ школахъ». Какъ утверждаетъ г. Серафимъ, въ народѣ произошло «отчужденіе отъ религіи и христіанства». И въ доказательство ужасной дѣятельности русскихъ учителей «изъ наполненныхъ нигилистическимъ духомъ русскихъ семинарій», гуманный и культурный балтъ, нынѣшній профессоръ фрейбургскаго университета В. фонъ-Роландъ приводитъ тотъ фактъ, что 23 однихъ только латышскихъ учителей были приговорены къ смерти военными судами. Мы можемъ утѣшить почтеннаго ученаго: ихъ погибло гораздо больше, и это вполнѣ понятно: печатный доносъ на учителей, записанный кровавыми буквами во всѣхъ балтійскихъ брошюрахъ, нашелъ полное вниманіе среди руководимыхъ баронами русскихъ карательныхъ бандитовъ. Русскіе нигилисты разстрѣливались изъ русскихъ же ружей *).

Рядомъ съ учителями не меньшую ярость вызвали противъ себя другіе наши обруситeли, а именно «негодные русскіе и еврейскіе элементы», вторгшіеся въ видѣ студентовъ въ священныя залы нѣмецко-привилегированныхъ аудиторій. Эти студенты, «если чего хотятъ, то никакъ не свободы, а полной разнузданности и анархіи для того, чтобы тѣмъ лучше достичь своихъ цѣлей, а именно, низвергнуть существующій государственный порядокъ». «И въ аудиторіяхъ нашей Alma Mater»—восклицаетъ огорченный балтъ,—«гдѣ нѣкогда наши отцы съ юношескимъ воодушевленіемъ ловили слова столькихъ свѣтилъ науки, теперь видимъ мы дикую революціонную массу, встрѣчающую восторгомъ противогосударственныя, соціалъ-демократическія, зажигательныя рѣчи безсовѣстныхъ подстрекателей и агитаторовъ». И съ пафосомъ восклицаетъ берлинскій балтъ, профессоръ фонъ Бергманъ: «выпалъ перлъ изъ вѣнца нѣмецкихъ университетовъ, и, вмѣстѣ съ русскимъ орломъ, который нѣкогда былъ Александромъ I поставленъ на университетскомъ зданіи, растоптанъ въ прахъ варварской ордою». Таковы были результаты допущенія въ Дерптъ семинаристовъ и евреевъ, «которымъ пребы-

*) V. Tiling, Das Leben und Leiden, v. Dorneth, в. н. с., Seraphim, в. н. с., v. Rohland, в. н. с.

ваніе въ русскихъ университетахъ было уже невозможно, вслѣдствіе ихъ нигилистическихъ происковъ». Таковы подвиги людей, которые забастовками доказали, какъ мало у нихъ «интереса къ наукѣ», а занятіемъ университета для «революціонныхъ рѣчей и дикихъ выступленій» обнаружили свое «полное неуваженіе научному знанію»... Къ этой характеристикѣ русскихъ и еврейскихъ студентовъ мы добавимъ одно: и до настоящаго времени рижскія газеты продолжаютъ травлю противъ этихъ уже скованныхъ русскихъ полиціей элементовъ, а среди разстрѣлянныхъ только въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ значится не менѣе двухъ представителей нашей учащейся молодежи: г. фонъ-Бергманъ отомщенъ! *).

Больше всего, однако, недовольны нѣмцы тѣмъ, что мирная и культурная эксплуатація двумя стами тысячъ нѣмцевъ 2.500.000 туземцевъ, подъ вліяніемъ русскаго нигилизма, рушилась окончательно и безвозвратно. Откуда ни возьмись, народились совершенно неизвѣстные прежде эстонскіе и латышскіе интеллигенты, которые «начали мечтать о національной культурѣ этихъ маленькихъ народныхъ осколковъ и стремиться къ освобожденію отъ гегемоніи нѣмцевъ». Руководило этими господами, несомнѣнно, желаніе играть ту роль, которой они никогда бы не добились «въ рамкахъ нѣмецкаго общества». Эти агитаторы, по свидѣтельству г. фонъ-Сиверса изъ Ромерсгофа, воспользовались «сильно выраженнымъ стремленіемъ къ собственности и неспособностью къ сужденію» крестьянскаго населенія и обѣщали ему «золотыя горы послѣ изгнанія нѣмцевъ». И на этой почвѣ, по свидѣтельству того же страдальца за балтійскую идею, родились «такіе взрывы безумной жажды разрушенія и разнузданной ненависти», которой гг. бароны «никакъ не ожидали». Такъ, по выраженію профессора Гарнака, «фанатическіе варвары» завладѣли страной; они смотрятъ на нѣмцевъ, какъ на «кровныхъ враговъ и угнетателей, и жаждутъ вытѣсненія ихъ средствами насилія». И къ національному принципу здѣсь присоединился соціальный; кто-то внушилъ этимъ безумнымъ мужикамъ, что занимаемая теперь нѣмцами земля когда-то принадлежала туземцамъ, что нѣмецкіе рыцари насильственно отняли эту землю у нихъ, а ихъ самихъ обратили въ рабство, а «соціалъ-демократическія идеи съ ихъ переходомъ къ нигилизму и анархизму не только нашли значительное распространеніе, но во многихъ мѣстахъ породили твердую организацію». И если въ Россіи, по словамъ почтеннаго балта, революція дала образецъ «террористическаго произвола» и тамъ «развилась достойная проклятія тиранія съ грабежомъ, убійствомъ, поджигательствомъ, а изъ охраны слабыхъ и бѣдныхъ родилась грубая борьба противъ всѣхъ лучше поставленныхъ и имущихъ», то еще хуже дѣло обстоитъ въ прибалтійскомъ

*) V. Bergmann, в. н. с., v. Rohland, в. н. с., v. Tiling, в. н. с. Die Dörptschen Korporationer (сбор. Wir Balten).

краѣ. Здѣсь «интернаціональная соціалъ-демократія посѣяла свои сѣмена, и какъ ужасно взошли они». «Латыши и эсты, будучи натравлены своею прессой и выйдя на ложный путь, благодаря безсовѣстнымъ агитаторамъ и фанатичнымъ вождямъ, отвели много мѣста революціонной пропагандѣ, она распространилась среди нихъ, подобно болѣзни, и пробудились самыя дурныя страсти». Водворилось господство «террора или ужаса», «истинная оргія свирѣпаго звѣрства распространилась во всей землѣ». «Болѣе двухсотъ жилыхъ домовъ и другихъ построекъ были сожжены и разрушены, рядъ человѣческихъ жизней палъ жертвой, въ Курляндіи была провозглашена латышская республика и даже въ Ригѣ революціонеры были настоящими господами города».. *).

Итакъ, свершилось! Коварная русская бюрократія достигла своихъ коварно-злокозненныхъ цѣлей. Въ то время, когда вѣрноподданные балты въ качествѣ гостепріимныхъ хозяевъ оказывали «пассивное сопротивленіе» обрусительному наскоку, эти самые обрусители подложили нравственнымъ и христіанскимъ вѣрноподданнымъ феодаламъ самую скверную, нигилистически-анархическую, націоналистическую и соціалъ-демократическую «свинью». И что же случилось? Это грязное и скверное русское животное проявило способности такого чудеснаго очарованія, которымъ могла бы позавидовать сама прекрасная и непобѣдимая Цирцея. Она соблазнила невинныхъ эстонцевъ и латышей, въ одинъ моментъ она лишила ихъ всей столѣтіями въ нихъ накачиваемой культуры, однимъ звукомъ своего голоса она побудила ихъ къ святотатственному ниспроверженію всѣхъ хамскихъ добродѣтелей и къ возстанію—на кого же? на благодѣтельныхъ отцовъ и попечителей, на «сыновъ божіихъ», которые столько потрудились надъ прирученіемъ и усмиреніемъ недостойныхъ балтійскихъ варваровъ! И что же привело къ такому, можно сказать, землетрясенію? Одно лишь появленіе въ краѣ русскихъ чиновниковъ, русскихъ учителей и студентовъ изъ числа «ненадежныхъ» сыновъ русскаго и еврейскаго народа. О! зачѣмъ не легли тогда бароны на границахъ своего края, зачѣмъ не воскликнули они: лучше смерть, чѣмъ русскій языкъ съ присущимъ ему нигилизмомъ!

Бѣдные балты, они еще вѣрятъ въ злыхъ волшебниковъ и страшныя чудеса, и, не смотря на то, что среди нихъ есть крупныя научныя имена, а сами они пропитаны нѣмецкой наукой, они никакъ не могутъ постичь, что соціальные перевороты созидаются не кучкой чиновниковъ или учителей, не сотней семинаристовъ или евреевъ. Ослѣпленные дикими предразсудками феодализма, насыщенные съ ногъ до головы высокомѣріемъ «господской

*) V. Rohland, в. н. с., v. Tiling, в. н. с., v. Dorneth, в. н. с., Letten und Deutsche (сб. Wir Balten) Profes. Harnack, в. н. с., M. v. Sievers Erlebnisse aus letzter Zeit, (сб. Die deutschen Balten).

расы», они не сумѣли и не умѣютъ разглядѣть историческихъ и экономическихъ причинъ своего позорнаго крушенія, своей гибели на территоріи балтійскаго края. Грубый и варварскій феодализмъ, плантаторскіе рабовладѣльческіе инстинкты, развратъ бюрократическаго кондотьерства, узкая и тупая ограниченность по отношенію ко всему, что жаждетъ свѣта и свободы—вотъ грѣхи, присущіе всѣмъ крѣпостникамъ міра, всѣмъ царькамъ изъ расы завоевателей, оружіемъ и хитростью захватившихъ добычу, «вѣрностью» и продажностью спасавшихъ ее отъ болѣе сильнаго бандита. Балты заслужили эсто-латышскую революцію, а теперь они выслуживаютъ себѣ еще нѣчто худшее.

Милые бранились—только тѣшились, и ссора между балтійскимъ феодаломъ и русскимъ держимордой не могла быть продолжительной. Предоставивъ эстамъ и латышамъ нѣсколько похозяйничать въ баронскихъ усадьбахъ, русскій бюрократъ только немножко поучилъ своего нѣмецкаго собрата и доказалъ ему воочію, сколь не хорошо оказывать «пассивное сопротивленіе» другу-пріятелю при дѣлежѣ совмѣстно добытаго чужого добра. Урокъ, правда, былъ нѣсколько жестокъ, кой-какая «культура» была растащена и истреблена во славу фантастической эстонской и латышской «республикъ», а когда урокъ былъ признанъ достаточнымъ, то съ вниманіемъ и участіемъ отнеслись въ Петербургѣ къ отчаяннымъ воплямъ рыцарской и черной сотни. Да, пожалуй, и неудобно было бы дольше продолжать науку, такъ какъ почтенные балты сами были не промахъ и сумѣли найти доступъ къ европейскимъ братцамъ русско-нѣмецкой реакціи...

Бароны поняли. И въ Петербургѣ простили. Не безъ вліянія оказалось и кое-чье благосклонное посредничество. Будирующій братецъ еще разъ изъявилъ непреклонную благонадежность. Братецъ поучающій рѣшилъ, что довольно. Родственная ссора была закончена. Въ трогательномъ единодушіи соединились ордынцы казацкихъ и иныхъ лейбъ-гвардіи усмирителей съ породистыми рыцарями нѣмецкаго ордена. И общее дѣло началось. Звономъ стакановъ и воемъ реакціи наполнились высоко-благородные замки культурныхъ бароновъ. Желаннымъ гостемъ былъ на этотъ разъ грязный и грубый дикарь, котораго такъ презирали господа Божіей милостью Остзейскаго края. Бѣлая холеная рука ихъ сіятельствъ и свѣтлостей съ игривой фамильярностью легла въ черную запачканную кровью лапу московитскаго палача, а гордыя шеи балтійскихъ баронессъ почтительно склонились передъ дикой фигурой всероссійскаго погромщика. Феодальная культура и казацкая нагайка, балтійская добродѣтель и звѣрство истинно русскаго живоглота показались передъ всѣмъ міромъ въ открытомъ и братскомъ союзѣ, явили міру съ пріятной наглостью свой старый грѣхъ, таившійся въ закоулкахъ большихъ и малыхъ дворовъ россійскихъ участковъ, казармъ и застѣнковъ. Они вышли наружу во всемъ

великолѣпіи человѣконенавистничества и циничнаго презрѣнія ко всему великому и святому. Вмѣстѣ они охотились на людей, эти балтійскіе аристократы и русскіе «хамы», вмѣстѣ разстрѣливали, вѣшали и убивали, вмѣстѣ пытали и жгли, вмѣстѣ насильничали, вмѣстѣ истребляли ненавистную соціалистическую крамолу. Кровью эстовъ и латышей, русскихъ и евреевъ спаянъ союзъ нѣмецкихъ «братьевъ меча» и русскихъ братьевъ штыка и нагайки.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Почему имъ не вѣрятъ?

Сторонній наблюдатель несомнѣнно остановится съ глубокимъ недоумѣніемъ на одномъ фактѣ русской жизни, — на недовѣріи, существующемъ въ широкихъ кругахъ оппозиціонной Россіи къ конституціонно-демократической партіи. Удивляться есть чему.

На русскую историческую сцену, такъ недавно безмолвную и пустопорожнюю, вышла съ шумомъ и блескомъ крупная политическая партія съ яркой и совершенно опредѣленной, по крайней мѣрѣ въ ея политической части, программой. Какъ ближайшее требованіе, выставляется осуществленіе народовластія въ такихъ формахъ, которыя и по сейчасъ представляютъ pium desiderium для нѣкоторыхъ болѣе цивилизованныхъ европейскихъ странъ, въ такихъ формахъ, которыя предусматриваютъ коренную ломку прошлаго, ложатся непроходимой пропастью между старымъ режимомъ и вырисовывающимся политическимъ строемъ будущаго. Соціальная программа менѣе ясна и опредѣленна, тамъ есть недоговоренныя слова, недописанныя главы. Но если бы и съ этими недоговоренными словами и недописанными главами она вошла въ жизнь, міръ увидѣлъ бы соціальную реформу, какой еще не было, какая не ставится, какъ реальное требованіе ближайшей очереди, почти ни въ одной парламентской странѣ, ни одной демократической партіей. Два центральныхъ пункта программы, — массовое принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель и обращеніе, вмѣстѣ съ государственными, удѣльными и прочими землями въ общенародный государственный фондъ съ передачей въ арендное пользованіе трудящимся классамъ, есть несомнѣнное признаніе принципа національзаціи земли, какъ бы ни отбивались отъ этого слова на послѣднемъ съѣздѣ сами конституціоналисты-демократы.

Постановка ими аграрнаго вопроса, по своему принципіальному и практическому значенію, представляетъ такую огромную важ-

ность, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности точно учесть все то будущее, которое логически будетъ вытекать изъ него, тѣ глубокія измѣненія въ экономической и правовой жизни народа и въ самой структурѣ государства, которыя явились-бы результатомъ такой земельной реформы. Та твердыня буржуазнаго государства, которая почти вездѣ стоитъ непоколебимой,—частная земельная собственность, несомнѣнно, была-бы расшатана въ самомъ корнѣ своемъ, какъ бы ни увѣряли сами конституціоналисты-демократы, что они не трогаютъ принципа частной собственности. Тѣмъ самымъ логически неизбѣжно былъ-бы поколебленъ въ своемъ главномъ фундаментѣ и принципъ частной собственности вообще. Политическое значеніе земельной реформы было-бы не менѣе важно и чревато логически неизбѣжными послѣдствіями. Классъ земельныхъ собственниковъ, въ частности дворянъ-помѣщиковъ, былъ бы сметенъ, какъ классъ, съ исторической сцены. Дворянство, единственное исторически организованное въ Россіи сословіе, державшее всегда въ своихъ рукахъ политическую власть страны, будетъ выброшено, какъ политическій факторъ, изъ будущей цѣпи реальныхъ силоотношеній, и въ этой будущей цѣпи реальныхъ силъ самымъ крупнымъ звеномъ было-бы несомнѣнно крестьянство и къ нему несомнѣнно перешла-бы политическая власть. Я не говорю о другихъ логическихъ неизбѣжностяхъ, вытекающихъ изъ факта перехода огромной части земель въ руки крестьянства въ формѣ общенароднаго земельнаго фонда: о перестройкѣ мѣстнаго самоуправленія, всей мѣстной жизни, о неизбѣжной крупной ломкѣ промышленности и проч., и проч. Имѣю основаніе предполагать, что, если бы какихъ-нибудь три года назадъ сказали, что выступитъ въ Россіи крупная политическая партія не революціонная съ такой практической программой ближайшаго дня, а не отдаленнаго будущаго, наиболѣе оптимистически настроенные люди признали бы это утопіей, если не безсмыслицей.

Далѣе. Конституціонно-демократическая партія собрала въ свои ряды, несомнѣнно, лучшихъ людей русскаго *общества*; наиболѣе живые и интеллигентные люди въ дворянствѣ, въ купечествѣ, въ профессорскомъ мірѣ, въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, наконецъ, въ чиновничествѣ вошли въ ряды партіи. Туда вошли крупныя имена въ ученомъ и литературномъ мірѣ, популярные общественные дѣятели въ провинціи; туда вошли испытанные лучшіе дѣятели земства, имѣвшіе мужество въ самыя мрачныя времена Сипягина и Плеве остаться честными земскими дѣятелями. Личная порядочность, доброе имя, честное прошлое—внѣ сомнѣній относительно большинства членовъ Государственной Думы, принадлежащихъ къ конституціонно-демократической партіи. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваться въ искренности ихъ *намѣреній* нѣтъ никакихъ основаній.

И тѣмъ не менѣе имъ не вѣрятъ. Съ живымъ интересомъ, но

съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ встрѣчены были съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей. Съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ выслушивались рѣчи конституціоналистовъ-демократовъ на избирательныхъ собраніяхъ, ярко и рѣзко вспыхнуло недовѣріе при самомъ открытіи Государственной Думы и недовѣрчивымъ взглядомъ провожались ихъ первые шаги въ Думѣ. Я не говорю здѣсь о революціонерахъ вчерашняго дня, которые еще вчера мирно сидѣли подъ своими смоковницами, а сегодня бранятъ Государственную Думу за ея недостаточно революціонный образъ дѣйствія,—такихъ много явилось въ послѣднее время. Я говорю даже не о вполнѣ отрицательномъ отношеніи организованныхъ лѣвыхъ партій, вытекающемъ изъ разницы ихъ программъ, я говорю о томъ недовѣріи, которое развито въ широкихъ слояхъ интеллигенціи, которое помѣшало людямъ, оставшимся внѣ лѣвыхъ партій, войти, тѣмъ не менѣе, въ конституціонно-демократическую партію, объ огромномъ количествѣ «дикихъ», о недовѣріи въ тѣхъ самыхъ слояхъ, наконецъ, изъ которыхъ вышла сама партія. Я помню, — я былъ приглашенъ, — какъ въ мѣстномъ комитетѣ партіи народной свободы обсуждалось проникшее въ газеты извѣстіе, будто Государственная Дума для выслушанія тронной рѣчи будетъ вызвана въ Царское село, какъ высказывалась горестная увѣренность, что члены партіи пойдутъ на это, и постановлялось всѣми силами противодѣйствовать такому рѣшенію.

Во многихъ случаяхъ это недовѣріе несправедливо и проявляется въ грубыхъ, жестокихъ, несправедливыхъ формахъ (до «измѣнниковъ и предателей» включительно), но мнѣ хотѣлось безпристрастно разобраться въ причинахъ этого недовѣрія, въ томъ, есть ли тутъ справедливое. Дѣло, очевидно, не въ программѣ и, по крайней мѣрѣ, не въ одномъ личномъ составѣ.

II.

Чтобы понять это недовѣріе, нужно прежде всего установить, что оно не явилось результатомъ дѣятельности партіи, что оно не было разочарованіемъ въ возлагавшихся надеждахъ; нужно установить, что оно предшествовало появленію партіи на исторической сценѣ, что именно не было очарованія и разочарованіе было, такъ сказать, выдано авансомъ. Въ этомъ отношеніи партія народной свободы, несущая такія высокія знамена, не вызвала при своемъ рожденіи и первыхъ шагахъ общественной дѣятельности и сотой доли того энтузіазма, который вызывали, въ моментъ своего возникновенія, родственныя ей политическія партіи на Западѣ. Это понятно. Тамъ, на Западѣ либеральныя и либерально-демократическія партіи, при своемъ возникновеніи, являлись авангардомъ освободительнаго движенія, вели за собою лучшихъ людей *всей*

страны и несли въ сердцѣ своемъ святѣйшія пожеланія націи, по крайней мѣрѣ, говорили ихъ. Они говорили о правахъ человѣка, о равенствѣ гражданъ, о свободѣ и справедливости, и тамъ, тогда эти слова—были новыя слова.

Въ Россіи эти слова сказаны были гораздо раньше выступленія конституціоналистовъ-демократовъ на историческую сцену, и у нихъ не было новыхъ словъ, которыя могли бы зажечь сердца, новыхъ словъ, которыя принадлежали бы имъ, были бы ихнія новыя слова. Они опоздали выйти на историческую сцену. Еще въ 60-хъ годахъ въ первый разъ одинокіе голоса сказали формулу: «Земля и воля». Въ 70-ые года развертывалась, можно сказать, безпримѣрная по страстному напряженію, по необыкновенному самопожертвованію, трагическая по своему одиночеству, политическая и соціальная борьба. Почти сорокъ лѣтъ, падая и подымаясь, велась она,— конституціонно-демократической партіи не было. Да, было одиночество, въ тѣсномъ кругѣ людей совершалось революціонное движеніе, но страстная пропаганда новыхъ идей, подпольная, конспиративная, ежечасно душимая, прослаивалась во всѣ слои, по крайней мѣрѣ, культурнаго общества; она наполняла воздухъ ароматомъ новыхъ словъ, наполняла сердца людей восторгомъ и энтузіазмомъ предъ новыми идеями. Были либералы, но конституціонно-демократической партіи не было. И когда она явилась, слова уже были сказаны и сказаны гораздо бóльшія слова, чѣмъ тѣ, которыя несла она. Не оказалось у ней новыхъ словъ, и на ея долю осталось только наслѣдіе историческаго прошлаго западно-европейскихъ либеральныхъ партій и собственное, не радостное, не поднимающее духъ, историческое прошлое русскаго либерализма. То западно-европейское прошлое говоритъ прежде всего о многочисленныхъ случаяхъ обмана либеральными партіями народа, который вели онѣ на дѣло освобожденія. Пусть русскіе либералы не виновны въ этомъ, но не виноваты и тѣ, кто занимался исторіей, кто знаетъ прошлое,—и это западно-европейское прошлое встало первымъ предостереженіемъ для людей, смотрѣвшихъ со стороны. И въ ихъ собственномъ прошломъ, въ прошломъ тѣхъ слоевъ и политическихъ теченій, изъ которыхъ вышли дѣятели партіи народной свободы, съ которыми они были смежны и содружественны, было не мало такого, что поддерживало и усиливало это апріорное недовѣріе, что заставляло и заставляетъ съ тревогой относиться къ будущему партіи даже людей, наиболѣе расположенныхъ къ ней, высоко расцѣнивающихъ ея удѣльный вѣсъ и искренно вѣрящихъ въ честность и личную порядочность большинства партіи. Это прежде всего позиція либерально оппозиціонныхъ элементовъ по отношенію къ тому освободительному движенію и къ тѣмъ борцамъ за идею, которые выступали раньше ихъ. Люди, помнящіе 70-е года, не забыли того тона, какимъ говорили тогда о революціонномъ движеніи и революціонерахъ либеральные органы печати.

«Злодѣи» и «изверги»,—таковы были обычныя слова, посылавшіяся въ лагерь революціонеровъ. Либеральные органы и либеральные люди, земскіе и общественные дѣятели, говорили тогда, что именно революціонныя партіи мѣшали прогрессу безпрепятственно развертываться въ Россіи, что правительство уже дало великія реформы и дало бы еще большія, и завершило бы зданіе, если бы не мѣшала правительству дѣятельность революціонныхъ партій, утопичность и невозможность ихъ требованія земли и воли. И все та же нота порицанія и осужденія звучала по отношенію къ революціонерамъ со стороны либераловъ всѣ эти сорокъ лѣтъ, не перестаетъ звучать она и въ настоящее время.

Постепенно «злодѣи» и «изверги» исчезали изъ лексикона либеральныхъ органовъ, но ихъ замѣнили «внутренніе враги», «крамола». Тотъ самый С. Н. Трубецкой, который, несомнѣнно, былъ бы украшеніемъ партіи, и въ первыхъ рядахъ, если не на первомъ креслѣ, сидѣлъ бы сейчасъ въ Государственной Думѣ, только годъ назадъ, въ извѣстной рѣчи Государю, говорилъ о «крамолѣ». Кн. Е. Трубецкой такъ недавно писалъ о «внутреннемъ врагѣ». Годъ назадъ въ № 152-мъ «Руси» отъ 9-го іюня г. Кузьминъ-Караваевъ писалъ, что революціонная партія «повидимому, состоитъ изъ безсмысленныхъ мечтателей, у которыхъ есть только неясныя очертанія нигдѣ не извѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта», что собраніе земцевъ въ Москвѣ 25 мая объединилось во имя того, чтобы «вырвать дорогую отчизну изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣхъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ *западной анархіи* или нашей русской пугачевщины». Теперь не говорятъ—не принято,—ни «злодѣй», ни «извергъ», ни «внутренній врагъ», ни «крамола», а говорятъ просто: «лѣвые», но тембръ голоса остался все тотъ же, и все та же мысль сквозитъ въ недосказанныхъ, а иногда и прямо сказанныхъ словахъ, что именно эти лѣвые, какъ раньше злодѣи и изверги, крамольники и внутренніе враги, мѣшаютъ прогрессу развертываться въ Россіи планомѣрно, закономѣрно и проч., по тѣмъ единственно правильнымъ предуказаніямъ, которыя установлены конституціонно-демократической партіей.

Но, конечно, самая главная причина этого недовѣрія не въ томъ. И прежде всего не въ недостаточности ихъ программы, не въ заподазриваньи ихъ личной порядочности, а въ отсутствіи вѣры въ нее, какъ политическую партію, въ ея искренность, какъ партіи, въ широту и правильность пониманія ею историческаго момента, наконецъ, въ ея политическую дѣеспособность, въ смыслѣ готовности и достаточнаго гражданскаго мужества къ проведенію своей собственной программы въ жизнь.

Дѣло въ психологіи партіи. Нужно помнить, что конституціонно-демократическая партія служитъ необыкновенно яркимъ представителемъ того, что называется въ широкомъ, теперь въ особен-

ности широкомъ смыслѣ слова, русскимъ обществомъ и безусловно вѣрнымъ представителемъ. Нужно знать и помнить психологію этого русскаго общества до вчерашняго дня. Самая характерная, я бы сказалъ, трагическая особенность русской жизни состоитъ въ томъ, что всѣ реформы въ Россіи давали и никогда ихъ не брали, что въ Россіи не было борьбы, если не говорить о крестьянствѣ, время отъ времени стихійно поднимавшемся, если не говорить о тѣсныхъ, трагически одинокихъ, кругахъ интеллигенціи, со временъ Радищева и декабристовъ, боровшихся за права человѣка за интересы крестьянства. Прежде всего «дареному коню въ зубы не смотрятъ», ибо «всякое даяніе благо», и потомъ разъ дали, дадутъ и еще—подождемъ, а если и отберутъ,—«богъ далъ—богъ и взялъ». И то обстоятельство, что русскіе люди получали и никогда не брали, создало ту особенную психологію, можетъ быть, единственную психологію русскаго общества. Оно всегда терпѣло и всегда ждало.

Оно терпѣло самыя невозможныя поруганія надъ своею честью и совѣстью. Безучастно, и во всякомъ случаѣ молча и терпѣливо, десятки лѣтъ смотрѣло оно, какъ борцы за свободу вели свою упорную и одинокую борьбу съ правительствомъ, какъ гнали ихъ въ ссылки и каторги, какъ, съ безпримѣрной безчеловѣчной жестокостью, правительство обрекало ихъ на медленную смерть въ тюрьмахъ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости. Общество терпѣло. Оно терпѣливо сносило, какъ десятки лѣтъ дѣти вмѣсто отцовъ дѣлали революцію, какъ тысячами выбрасывались изъ учебныхъ заведеній дѣти этого самаго общества, какъ били нагайками студентовъ, кому только не лѣнь было. Оно терпѣло. И высшіе представители этого общества, профессорскія коллегіи, за рѣдкими исключеніями, молча присутствовали при томъ, какъ подъ окнами университетовъ избивали нагайками ихъ учениковъ; они не подняли негодующаго крика, когда Боголѣповъ сталъ сдавать студентовъ въ солдаты, они молча присутствовали и терпѣливо взирали, какъ ломали высшія учебныя заведенія, какъ въ ихъ среду сапожниковъ назначали хирургами, а квартальныхъ надзирателей—профессорами права.

Та же психологія была въ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Они также терпѣли и также ждали. И также молча присутствовали при той ломкѣ данныхъ, а не взятыхъ реформъ, которая составляла сущность періода царствованія Александра III. Молча присутствовали при ограниченіи своихъ собственныхъ правъ и усиленіи губернаторской власти, при глубокомъ измѣненіи принциповъ городского и земскаго самоуправленія. И не было конца терпѣнію и тому легковѣрію и легкомыслію хроническаго ожиданія, съ которыми хватались на лету всякіе слухи, шедшіе изъ Петербурга, изъ подворотни какого-нибудь министерства, изъ какого-нибудь придворнаго хлѣва. Эти безконечныя «весны» и «эры»

и безчисленные слухи, что вотъ «прiѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ». Получившiе и ждавшiе новой получки, новаго барина, бросали досадливые и негодующiе окрики тѣмъ, кто не хотѣлъ ждать, кто стремился брать. Дѣйствовать только по законамъ, какъ бы они ни были беззаконны и безсовѣстны, работать только совмѣстно съ правительствомъ, какъ бы ни преступно и глубоко безнадежно въ государственномъ смыслѣ оно ни было—вотъ постоянный лозунгъ тѣхъ широкихъ слоевъ общественныхъ дѣятелей, изъ которыхъ вышла конституцiонно-демократическая партiя. Сомнѣнiе и недовѣрiе, негодованiе, отвращенiе, ужасъ, — я затрудняюсь перечислить всѣ оттѣнки—предъ всѣмъ, что говоритъ о нелегальномъ образѣ дѣйствiй,—я уже не привожу страшнаго слова: «революцiя»—таковы ихъ давнiя и неизмѣнныя чувства.

И долгое сожительство, мирная работа съ правительствомъ, работа при всякихъ условiяхъ,—создали между ними своеобразную диффузiю, положили печать на складъ мыслей тѣхъ слоевъ, на ихъ методологiю, наложили печать на манеры, на поведенiе, на тактику. Только этимъ долговременнымъ, прискорбнымъ сосуществованiемъ и можно объяснить тѣ навыки мысли, тотъ гипнозъ правительственныхъ словъ,—я глубоко вѣрю, что эти преступныя и нелѣпыя слова: «крамола», «внутреннiй врагъ» говорились безъ заранѣе обдуманнаго преступнаго намѣренiя. Только этимъ заимствованiемъ съ иностраннаго можно объяснить «безсмысленныхъ мечтателей» г. Кузьмина-Караваева; только этой диффузiей, только этимъ гипнозомъ словъ можно объяснить эту воистину изумительную «западную анархiю» г. Кузьмина-Караваева, того самаго, который въ своихъ совершенно корректныхъ рѣчахъ стремится водворить въ Россiи, какъ высшее благо, эту самую западную анархiю и, повидимому, не прочь «испытать нѣкоторыя неясныя очертанiя нигдѣ не извѣданныхъ новыхъ формъ соцiальнаго быта». Думаю, нѣкоторыя черты взаимоотношенiй правительственныхъ слоевъ съ Думскими слоями объясняются этимъ старымъ знакомствомъ, долговременной совмѣстной жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣтились «знакомыя все лица». Я представляю себѣ психологiю правительственныхъ круговъ, невозможность для нихъ повѣрить въ рѣшительныя дѣйствiя со стороны тѣхъ, которые такъ недавно только «ходатайствовали», были очень терпѣливы и болѣе нежели корректны въ своемъ ожиданiи.

III.

Это прошлое, это тщательное отгораживанiе себя отъ слова «революцiя» и такое же тщательное подчеркиванiе легальности своей работы, только по писаннымъ законамъ, только совмѣстно съ правительствомъ, и даютъ поводъ даже людямъ, искренно сочувствующимъ образованiю партiи народной свободы, сомнѣваться и

недовѣрять тому, сумѣетъ ли партія понять и оцѣнить во всемъ его объемѣ настоящій историческій моментъ, должнымъ образомъ оріентироваться въ немъ, не будетъ-ли она по старому терпѣть и ждать, пожелаетъ-ли и сумѣетъ-ли взять.

Два года, какъ несомнѣнная революція развертывается въ Россіи. Я не говорю о революціонномъ движеніи въ низахъ, а о революціи въ верхахъ, надъ народомъ, надъ рабочимъ. Въ революцію втянуты слои населенія, не реагировавшіе раньше на политику—инженеры, и чиновники, и адвокаты, никоимъ образомъ не принадлежащіе къ пролетаріату, и желѣзнодорожники, тоже не всѣ записанные въ соціально-демократическую партію, такъ недавно бывшіе мирными обывателями и сыгравшіе такую огромную роль именно своей желѣзнодорожной забастовкой въ появленіи манифеста 17-го октября, и приказчики, давшіе въ Москвѣ побѣду 160 выборщикамъ конституціонно демократической партіи,—всѣ они давно вышли изъ рамокъ, предоставленныхъ имъ писаннымъ закономъ. Мнѣ не хочется большое и полноцѣнное слово «революція» примѣнять къ маленькимъ и малоцѣннымъ людямъ, изъ которыхъ состоитъ правительство, но образъ дѣйствія его давно уже, несомнѣнно, нелегальный. Давно было очевидно для всѣхъ, а послѣ замѣчательной рѣчи кн. Урусова сдѣлалось несомнѣннымъ фактомъ, что рядомъ съ правительствомъ показнымъ, съ оффиціальными министрами и полуминистрами существовало и существуетъ другое правительство, другіе министры и полуминистры болѣе полномочные—нелегальное правительство.

Давно правительство освободило себя отъ путъ писанныхъ законовъ, хотя бы имъ самимъ писанныхъ, и дѣйствуетъ диктаторскимъ, заговорщицкимъ, погромщическимъ, какимъ угодно, только не легальнымъ путемъ. А конституціонно-демократы съ силой отчаянія все держатся за возможность легальной работы, все по прежнему тщательно отгораживаютъ себя отъ лѣвыхъ методовъ борьбы, какъ бы кто не смѣшалъ, и не замѣчая, вѣрнѣе стараясь не замѣчать всей нелѣпицы существующаго положенія вещей, всей невозможности своего собственнаго положенія.

Предсѣдатель Думы говорилъ о дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ сущности народнаго представительства, въ то время, какъ за пять дней передъ тѣмъ основными законами вырвана изъ Думы именно сущность народнаго представительства, и законы, не одобренные Думой, а одобренные нелегальнымъ правительствомъ, продолжали сыпаться въ изобиліи. Сама партія давно вышла изъ легальныхъ формъ борьбы и требуетъ удаленія министерства, на что она не уполномочена основными законами и весьма не легально кричитъ имъ: «уходите вонъ!»—а давній методъ, старые навыки мысли чувствуются и по сіе время въ рѣчахъ и писаныхъ статьяхъ к.-д. партіи. И вотъ существуетъ недовѣріе прежде всего къ методологіи, сомнѣніе въ возможности для партіи освобожденія отъ

привитыхъ всѣмъ прошлымъ привычекъ мысли, сомнѣніе въ вѣрности пониманія ею и точной расцѣнки настоящаго историческаго момента.

Еще болѣе возбуждала и возбуждаетъ сомнѣніе тактика, поведеніе партіи. Прошлое партіи говоритъ о недостаточной подготовленности къ военнымъ дѣйствіямъ: она вышла на войну недостаточто вооруженная. Самоограничивая себя въ выборѣ оружія и въ методахъ борьбы, она тѣмъ самымъ не предусматриваетъ всѣхъ методовъ борьбы противника и можетъ оказаться безсильной и безоружной предъ нимъ. Она, такъ сказать, подготовлена къ борьбѣ съ регулярными войсками, съ легальнымъ правительствомъ и не подготовлена къ борьбѣ съ иррегулярными баши-бузукскими отрядами, съ нелегальнымъ правительствомъ. Въ высокой степени характерно, что то мѣсто, съ котораго говорятъ депутаты въ бѣломъ залѣ «Таврическаго дворца», называется каѳедрой, а не трибуной. Съ этой *каѳедры* предупреждаетъ предсѣдатель депутатовъ можно говорить такія-то слова, а такихъ-то словъ «говорить нельзя». Входя на эту «кафедру»,—начинаетъ свою рѣчь министръ Столыпинъ. И потомъ, какъ ни искренно приняло большинство членовъ партіи свою программу, они все-таки въ значительной мѣрѣ—люди имущественныхъ классовъ, и дѣло крестьянской и рабочей нужды для нихъ не такъ дорого, вѣрнѣе, не такъ больно. Помимо неподготовленности къ борьбѣ, является сомнѣніе, хватитъ ли у нихъ мужества и горячаго желанія пойти на то, на что посылаетъ ихъ страна, будутъ ли они одинаково горячо до конца отстаивать не только политическую половину своей программы, но и соціальную, въ которой, въ лучшемъ случаѣ, они мало заинтересованы, которая имъ не такъ остро больна.

IV.

Къ сожалѣнію, первые шаги партіи послѣ блестящей побѣды на выборахъ не разсѣивали, а скорѣе сгущали то смутное недовѣріе, съ которымъ она была встрѣчена.

Я говорю о самооцѣнкѣ партіи, объ отношеніи къ другимъ партіямъ, о томъ неумѣренномъ великолѣпіи, проявленномъ ею на первыхъ шагахъ, крикливомъ и претенціозномъ великолѣпіи, которое коробило даже тѣхъ, кто искренно аплодировалъ успѣху партіи, если и не творившей, то, во всякомъ случаѣ, такъ блестяще организовавшей общественное мнѣніе.

Наиболѣе ярыя нападки на партію народной свободы (до «измѣнниковъ» и «предателей» включительно) неслись со стороны соціалъ-демократической партіи, и туда же посылали к.-д. наиболѣе горячую отповѣдь. И странное дѣло, партія народной свободы—я говорю о печати ея—повторяла всѣ недостатки именно своихъ

враговъ. Мы знаемъ, что, при самомъ возникновеніи, партія соціалъ-демократическая заявила, что до нея въ Россіи была хаоса бытность довременна, что она отдѣлила сухое мѣсто отъ мокраго, она сказала: «да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ». Я не буду повторять великолѣпныхъ рѣчей соц.-дем., тоже не служившихъ къ украшенію партіи послѣ 17-го октября, когда они твердо увѣровали и увѣряли другихъ, что 17-е октября добыто ими и никѣмъ другимъ, на каковомъ основаніи и полагалось только пролетаріату и впредь управлять Россіей. Все это въ свое время въ должной мѣрѣ разъяснено было органами партіи народной свободы, и все это въ полной мѣрѣ, съ тѣмъ же неразумнымъ великолѣпіемъ, продѣлывалось партіей народной свободы. Уже первыя статьи органовъ партіи, послѣ выяснившейся блестящей побѣды, когда онѣ расправлялись съ правыми и съ лѣвыми, дышали именно сознаніемъ этого всеединаго всемогущества.

Я не буду злоупотреблять выписками, да и все это, навѣрное, въ памяти у читателя. Быть можетъ, наиболѣе характерной въ этомъ отношеніи является статья въ «Рѣчи», отъ 6-го іюня, подписанная скромными иниціалами П. М. Авторъ даетъ такую схему русскаго освободительнаго движенія: 6-е ноября (резолюціи земцевъ), 6-ое іюня — депутація къ государю и рѣчь кн. Трубецкого и 17-ое октября,—по мысли автора, какъ бы логически вытекающее изъ 6-го ноября и 6-го іюня. Никакихъ другихъ датъ въ статьѣ нѣтъ. Между этими вѣхами нѣтъ ничего,—ни 9-го января, ни всего того, что легло въ этотъ короткій по времени, но громадный по историческому содержанію промежутокъ, ни рабочихъ, ни крестьянскихъ датъ, ни мѣсяцъ, предшествовавшій 17-му октября. Не упомянуто ни однимъ словомъ о великой забастовкѣ, непосредственнымъ концомъ которой былъ манифестъ 17-го октября. Умыселъ тутъ ясенъ: свести исторію послѣднихъ двухъ лѣтъ къ дѣятельности к.-д. партіи, установить собственныя вѣхи.

Такъ просто. Это все были побѣды к.-д. и никого больше. «Въ ряду этихъ побѣдъ, пишетъ П. М., 6-ое іюня занимаетъ переходное мѣсто между 6-мъ ноября и 17-мъ октября». «Къ сожалѣнію, каждый новый шагъ впередъ» — воистину къ сожалѣнію пишетъ П. М.,— требовалъ и искупительныхъ жертвъ, и число ихъ, увы! далеко еще не исполнилось». Это—глухая затушеванная фраза, но по общему смыслу статьи здѣсь говорится не о тѣхъ искупительныхъ жертвахъ, которыя несла весь этотъ годъ вся оппозиціонная Россія, дѣйствительно неимовѣрныхъ жертвахъ того же пролетаріата, а о жертвахъ, какъ будто принесенныхъ конституціонно-демократической партіей. Число жертвъ, увы! дѣйствительно не «исполнилось», но элементарное чувство приличія должно было подсказать г-ну П. М. не говорить о нихъ, такъ какъ ни 6-ое ноября, ни 6-ое іюня не потребовало чрезмѣрныхъ искупительныхъ жертвъ со стороны к.-д.

То же чувство приличія должно бы подсказать ему не говорить: «рѣдкое, героическое время»!

Да, рѣдкое, да, героическое время,— но героями были не тѣ, о комъ пишетъ П. М. Такъ пишется исторія г-мъ П. М., но такъ пишется исторія только для кадетовъ младшаго возраста. Все та же упрощенная соціалъ-демократическая теорія мірозданія, только міроздателями являлись не соціалъ-демократы, — а конституціоналисты-демократы. Это они отдѣлили сухое мѣсто отъ мокраго, доконституціонную Россію отъ конституціонной Россіи, они установили день и ночь, они сказали: «да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ».

Я не привожу другихъ статей въ томъ же родѣ. Это великолѣпіе не только непріятно, какъ всякое бахвальство. Если оно искренно, если это говорится не на страхъ врагамъ и не на поднятіе духа друзей, — оно свидѣтельствуетъ о коренной переоцѣнкѣ себя, какъ партіи, глубокомъ забвеніи прошлаго, о серьезномъ непониманіи настоящаго и о дурномъ предвидѣніи будущаго. И, конечно, не разсѣиваетъ сложившагося раньше недовѣрія.

Я не буду говорить здѣсь о тактикѣ партіи въ Думѣ,—все то, что происходило тамъ до сего времени только первые шаги, не дающіе возможности высказываться опредѣленно, и во всякомъ случаѣ не ими,—не разочарованіемъ въ возлагавшихся надеждахъ можно объяснить то недовѣріе, которое существовало гораздо раньше открытія Думы. Я не имѣлъ въ виду ставить приговоръ о настоящемъ и дѣлать предсказанія о будущемъ. Было бы несправедливо тяжесть отвѣтственности за дѣйствительно непозволительную статью П. М. и другія въ томъ же родѣ статьи взваливать на всю партію. И потомъ, какъ партія к.-д. настоящаго дня не похожа на то, чѣмъ она была такъ недавно, такъ изъ настоящаго партіи нельзя дѣлать опредѣленныхъ предположеній о будущемъ. Отъ момента возникновенія до принятія принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель и образованія обще-народнаго земельнаго фонда партія прошла долгій путь и по дорогѣ успѣла растерять многихъ спутниковъ въ томъ числѣ и г. Кузмина-Караваева и привлечь къ себѣ часть тѣхъ, кто не расположенъ ждать и желаетъ «брать». Эволюція партіи не закончилась, есть серьезныя основанія думать, что она совершается и въ настоящее время, и во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ блока, какимъ въ значительной мѣрѣ является она въ настоящее время, она все болѣе и болѣе будетъ отливаться въ партію, разслоиваясь, опредѣляясь все ярче. Тогда и опредѣлится ея тактика. Уже по тому, какъ эволюціонируетъ «общество», вѣрной выразительницей котораго является к.-д. партія, трудно сказать, когда и на чемъ остановится она. Куда пойдетъ она,—будетъ ли замыкаться въ сферу тѣсно-опредѣленныхъ интересовъ опредѣленныхъ классовъ, или, вмѣстѣ со всей Россіей, постепенно освобождаясь отъ методологіи прошлаго, отъ старыхъ привычекъ мысли, она придетъ къ болѣе широкому

кругозору, туда, куда зоветъ ее вотумъ страны, — покажетъ будущее. Нѣкоторыя указанія имѣются. Еще недавно тѣ общественные слои, изъ которыхъ вышли к.-д., знали только одну тактику,— «ходатайствовали», 6-го ноября они постановили «резолюцію», въ 4 часа ночи 5-го мая они сказали: «мы ждемъ»... Правда, предсѣдатель произносилъ великолѣпныя слова о непозволительности и невозможности слова «требовать» съ думской каѳедры.

Но можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ г. предсѣдатель будетъ добръ и разрѣшитъ на парламентской трибунѣ слова, хотя непредусмотрѣнныя имъ, но которыя продиктуетъ строгая логика логично развертывающагося историческаго момента.

С. Елпатьевскій.

Борьба за реформу избирательнаго закона въ Австріи.

II *).

Въ предыдущей статьѣ, три мѣсяца тому назадъ, я писалъ: «Предложеніе парламенту проекта новаго избирательнаго закона является серьезной побѣдой демократическихъ партій. Однако эту побѣду нельзя еще считать окончательной. Борьба за избирательную реформу не прекратится. Она только измѣнитъ свой характеръ. Центръ тяжести этой борьбы переместится въ парламентъ, и судьба правительственнаго законопроекта станетъ въ зависимость отъ компромисса, заключеннаго между его сторонниками и противниками». Ходъ событій подтвердилъ это предположеніе. Вопросъ объ осуществленіи всеобщаго избирательнаго права вошелъ въ новую стадію развитія, и взоры всѣхъ сосредоточились на борьбѣ партій между собой и съ правительствомъ, происходящей въ «греческомъ зданіи» на Франценсритѣ и за его кулисами.

Какъ отнеслись политическія партіи различныхъ національностей Австріи къ законопроекту бар. Гауча?—вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣтить прежде всего.

Если мы сгруппируемъ всѣ отзывы о законопроектѣ бар. Гауча, раздававшіеся какъ въ парламентѣ, такъ и на многочисленныхъ митингахъ, то получится впечатлѣніе довольно странное. Окажется, что нѣтъ ни одной партіи, ни одной національности, которыя бы считали законопроектъ бар. Гауча въ томъ видѣ, въ какомъ онъ

---

*) См. „Современность“, мартъ, стр. 41—60.

былъ предложенъ парламенту 23-го февраля, пріемлемымъ. Начиная съ феодаловъ-аграріевъ и кончая соціалъ-демократами,—всѣ доказывали, что законопроектъ полонъ недостатковъ и вопіющихъ несправедливостей. О пагубныхъ послѣдствіяхъ законопроекта бар. Гауча говорили и словинцы, которые получали, вмѣсто пятнадцати, 23 депутатскихъ полномочія, и даже русины, не смотря на то, что законопроектъ увеличивалъ болѣе, нежели втрое, количество ихъ депутатовъ.

Однако, вслушавшись повнимательнѣе въ эти рѣзко-критическія мнѣнія, можно было очень легко уловить въ нихъ, рядомъ, съ искреннимъ негодованіемъ, и чисто агитаціонныя нотки.—Отчего, молъ, не выругать лишній разъ стряпню бар. Гауча? Авось, при переговорахъ и торгахъ что-нибудь и прикинутъ. Желая провести свой законопроектъ, правительство будетъ торговаться съ различными партіями, и тогда, быть можетъ, удастся еще, что-нибудь урвать—таковъ былъ разсчетъ особенно тѣхъ мелкихъ партій и національностей, которымъ новый законопроектъ сулилъ въ будущемъ очень много по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ онѣ обладали.

Если, съ одной стороны, казалось довольно страннымъ то, что всѣ безъ исключенія партіи и національности съ ожесточеніемъ набросились на законопроектъ бар. Гауча, то, съ другой, не могло не вызвать удивленія и то обстоятельство, что *принципіальныхъ* противникомъ вводимаго бар. Гаучемъ всеобщаго избирательнаго права и уничтоженія курій совершенно не оказалось. Самые крайніе элементы среди нѣмецкихъ, чешскихъ и польскихъ консерваторовъ не пытались защищать ни курій, ни другихъ привилегій и формулировали свои нападки, исходя изъ другихъ соображеній.

Съ самой сдержанной критикой отнеслись къ законопроекту бар. Гауча соціалъ-демократы. На другой же день послѣ внесенія въ парламентъ новаго законопроекта въ Вѣнѣ состоялась конференція, въ которой участвовали представители всѣхъ національныхъ соціалъ-демократическихъ организацій. Вѣнская конференція 24-го февраля привѣтствовала законопроектъ Гауча, какъ актъ, осуществляющій принципъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Она съ удовлетвореніемъ подчеркнула фактъ упраздненія курій, какъ уничтоженіе парламента привилегій, и въ спеціальномъ наказѣ поручила соціалъ-демократическимъ депутатамъ добиваться въ парламентѣ такихъ измѣненій законопроекта, безъ которыхъ рабочія массы считаютъ его непріемлемымъ. Требованія соціалъ-демократовъ свелись, собственно говоря, къ двумъ пунктамъ.

Во-первыхъ, ихъ негодованіе вызвало то обстоятельство, что по законопроекту бар. Гауча для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ требуется не 6-ти мѣсячное, а годичное пребываніе въ той общинѣ, гдѣ данное лицо пользуется избирательнымъ правомъ. Годичный срокъ пребыванія въ данной общинѣ долженъ очень сильно отразиться бы на участіи рабочихъ въ выборахъ. Всѣ тѣ, кто долженъ

искать временной работы внѣ постояннаго своего мѣстожительства, оказались бы лишенными права участвовать въ выборахъ. Такимъ образомъ 7—10% рабочихъ не пользовалось бы избирательнымъ правомъ.

Во-вторыхъ, соціалъ-демократическіе депутаты обязывались протестовать противъ крайне тенденціозной т. н. «избирательной геометріи», выражающейся въ очень невыгодной вырѣзкѣ избирательныхъ округовъ. Въ законопроектѣ бар. Гауча повсюду, гдѣ это только удавалось, предмѣстья и пригороды, населенные рабочимъ классомъ, прирѣзывались къ сельскимъ округамъ, чѣмъ достигалась двойная цѣль. Съ одной стороны, въ городахъ уменьшалось количество соціалистическихъ голосовъ и затруднялась побѣда рабочихъ кандидатовъ; съ другой—рабочіе голоса фабричныхъ предмѣстій топились въ массѣ крестьянскихъ голосовъ. При соединеніи двухъ или нѣсколькихъ мелкихъ городовъ въ одинъ округъ этотъ послѣдній составляли такимъ образомъ, чтобы два промышленныхъ пункта разъединить и присоединить къ непромышленнымъ, лежащимъ иногда сравнительно очень далеко. При образованіи нѣсколькихъ округовъ въ болѣе крупныхъ городахъ, центральная часть города, обыкновенно лишенная фабрикъ и заводовъ, выкраивалась въ самостоятельный округъ, гарантирующій выборъ не соціалистическаго депутата.

Кромѣ того, соціалъ-демократы требуютъ избирательнаго права для каждаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ, хотя въ Австріи совершеннолѣтнимъ считается только тотъ мужчина, который достигъ 24-лѣтняго возраста. Это требованіе мотивируется тѣмъ, что для рабочаго настоящая жизнь начинается уже съ 18-ти лѣтъ, и что средній срокъ жизни пролетарія равняется всего 40 годамъ. Однако на этомъ требованіи соціалъ-демократы не настаивали бы такъ, какъ на двухъ предыдущихъ. Рабочіе понимаютъ, что законопроектъ Гауча, не смотря на всѣ свои недостатки, даетъ имъ въ руки такое мощное орудіе борьбы, что затруднять его осуществленіе мелочными придирками было бы для нихъ же не выгодно. Такимъ образомъ, въ лицѣ соціалъ-демократовъ законопроектъ бар. Гауча пріобрѣлъ рѣшительныхъ сторонниковъ, и соціалъ-демократическіе депутаты энергично выступали въ парламентѣ противъ его противниковъ.

Эти послѣдніе распались на двѣ группы. Одна изъ нихъ выступала противъ законопроекта бар. Гауча по соціальнымъ соображеніямъ, другая по причинамъ національнаго характера. Впрочемъ, національный моментъ выдвигался на первый планъ обѣими группами, такъ какъ и первой легче было защищать классовыя привилегіи подъ національнымъ знаменемъ, доказывая, что уничтоженіе этихъ привилегій вредитъ прежде всего національнымъ интересамъ данной народности.

По соціальнымъ побужденіемъ противятся демократизаціи избирательнаго закона прежде всего представители крупной земельной

собственности. Феодалы всѣхъ національностей прекрасно понимаютъ, что одно упраздненіе курій—и въ томъ числѣ прежде всего куріи крупной земельной собственности—является страшнымъ ударомъ для ихъ политическаго могущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они такъ же хорошо понимаютъ, что дѣло курій окончательно проиграно въ общественномъ мнѣніи. Для всѣхъ до очевидности ясно, что куріи являются такимъ анахронизмомъ, защищать который—значитъ компрометтировать себя передъ лицомъ всего населенія. И вотъ на сцену выдвигаются аргументы національнаго характера.

Всякая демократическая реформа въ Австріи неизбѣжно ведетъ къ ослабленію и гегемоніи нѣмецкаго элемента, къ уничтоженію его привилегій. Славянскія національности усиливаются, пріобрѣтаютъ вліяніе и оттѣсняютъ нѣмцевъ на задній планъ при каждомъ шагѣ государственнаго организма Австріи по пути демократизаціи. И вотъ «славянская опасность» является тѣмъ боевымъ кличемъ, который соединяетъ въ одномъ лагерѣ всѣ нѣмецкія партіи, за исключеніемъ соціалъ-демократической. Понятно, что феодалы не упускаютъ случая выступить задрапированными въ яркіе плащи нѣмецкаго патріотизма, защищающаго нѣмецкое отечество отъ нашествія варваровъ-славянъ.

Главный ораторъ противъ проекта—графъ *Штюргкъ* — рисовалъ передъ нѣмецкими депутатами парламента картину ужаснаго будущаго, когда реформа бар. Гауча отдастъ нѣмцевъ въ рабство славянамъ. Въ будущемъ парламентѣ, избранномъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, національныя распри еще увеличатся, потому что нѣмцамъ придется защищать остатки своего вліянія передъ дружнымъ напоромъ чеховъ, поляковъ, словинцевъ, русиновъ и т. д. Демократизированный парламентъ никоимъ образомъ не совладаетъ съ такими непосильными задачами, какъ упорядоченіе отношеній къ Венгріи, какъ сохраненіе военной силы и традиціонной внѣшней политики Австріи. Демократизированный парламентъ представляетъ самую серьезную опасность для нѣмецкаго языка въ арміи. Будущее славянское большинство въ этой области пойдетъ, несомнѣнно, еще дальше мадьяръ. А ужъ тройственному союзу угрожаетъ окончательная гибель. Ни чехи, ни поляки не захотятъ его поддерживать. Вмѣсто теперешней горсти русинскихъ депутатовъ, въ парламентѣ появится сильный русинскій клубъ съ явными панславитскими тенденціями. Все это приведетъ къ усиленію пруссофильскихъ тенденцій среди нѣмецкихъ радикаловъ,—и Австрія очутится на краю гибели, которая будетъ равно угрожать и династіи, и монархіи.

Всеобщее избирательное право возможно,—говорилъ другой нѣмецкій феодалъ,—но съ тѣмъ, чтобы за нѣмцами осталась привилегія, выраженная въ томъ, что голосъ нѣмецкаго избирателя имѣетъ большее значеніе, нежели голосъ чеха или словинца. Третій

феодалъ распинается за права 30,000 нѣмцевъ въ Крайнѣ, попранныя законопроектомъ Гауча. Такимъ образомъ, феодалы, стараясь подкопать избирательную реформу, выступаютъ въ качествѣ защитниковъ нѣмецкой національности, надѣясь такимъ путемъ возстановить противъ законопроекта бар. Гауча всѣхъ нѣмцевъ безъ различія партійныхъ оттѣнковъ.

И дѣйствительно, всѣ нѣмецкія партіи сплотились вокругъ знамени, на которомъ было написано —защита нѣмецкаго «Besitzstand'a». И противники, и сторонники всеобщаго избирательнаго права говорили: реформа допустима только въ томъ случаѣ, если за нѣмцами будетъ сохранено ихъ теперешнее значеніе, если она не приведетъ къ усиленію славянъ. Нѣмецкіе народники, въ лицѣ своихъ ораторовъ, требовали, чтобы не только количество нѣмецкихъ депутатскихъ полномочій не было уменьшено, но чтобы уменьшенію не подверглось и пропорціональное ихъ отношеніе къ остальнымъ депутатскимъ полномочіямъ. Нѣмецкій прогрессистъ, *Пергельтъ*, настаиваетъ на лишеніи избирательнаго права неграмотныхъ, что, конечно, было бы выгодно прежде всего нѣмцамъ и отразилось бы неблагопріятно на сербахъ, хорватахъ, русинахъ и полякахъ. Всенѣмцы, руководимые *Шенереромъ*, требуютъ, чтобы нѣмцамъ были гарантированы навсегда $^2/_3$ всѣхъ депутатскихъ полномочій. Они согласны принять законопроектъ бар. Гауча, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Галиція была обособлена и не посылала своихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Вытѣснивъ изъ парламента польскихъ, русинскихъ и сербо-хорватскихъ депутатовъ, всенѣмцы надѣются справиться съ чехами и словинцами даже при существованіи всеобщей подачи голосовъ. Пока же это обособленіе Галиціи не будетъ осуществлено, всенѣмцы обѣщаютъ всѣми силами бороться съ предложеніемъ бар. Гауча. Нѣмецкіе антисемиты, для которыхъ всеобщая подача голосовъ довольно выгодна, точно такъ же требуютъ увеличенія количества нѣмецкихъ депутатскихъ полномочій для охраны «*Besitzstand'a*», но вмѣстѣ съ тѣмъ они стараются подставить ножку главнымъ своимъ соперникамъ, соціалъ-демократамъ, домогаясь, напр., чтобы избирательнымъ правомъ пользовались только граждане, достигшіе 30-лѣтняго возраста, или, чтобы выбирать могъ только тотъ, кто живетъ въ общинѣ не менѣе пяти лѣтъ.

Остальныя нѣмецкія партіи подчеркивали въ законопроектѣ бар. Гауча все, что свидѣтельствовало объ уменьшеніи нѣмецкихъ привилегій, и заявляли: не смотря на всю нашу симпатію къ демократическимъ принципамъ, мы не подадимъ своихъ голосовъ въ пользу этого предложенія, такъ какъ этого намъ не позволяютъ наши національные интересы. Единственнымъ исключеніемъ были нѣмецкіе соціалъ-демократы, которые въ лицѣ своего вождя, д-ра Адлера, слѣдующимъ образомъ характеризовали отношеніе сознательныхъ рабочихъ къ нѣмецкимъ національнымъ интересамъ.

«Въ Австріи — говорилъ д-ръ Адлеръ — наша задача состоитъ не только въ томъ, чтобы поставить на ноги народное государство, но и въ томъ, чтобы создать здѣсь государство народовъ. Мы сознаемъ эту задачу точно такъ же, какъ и задачу гарантировать каждой отдѣльной національности свойственное ей самостоятельное національное и культурное развитіе. Эту единственную національную задачу соціалъ-демократія признаетъ вполнѣ и стремится къ полному ея осуществленію. Для насъ, рядомъ съ общими интересами пролетаріата, стоитъ также національный интересъ пролетаріата, какъ для другихъ классовъ классовой интересъ стоитъ рядомъ съ національнымъ. Однако между нашимъ отношеніемъ къ этимъ интересамъ и отношеніемъ буржуазіи большая разница. Пролетаріатъ, защищающій свои классовые интересы, всегда можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ беречь свои національные интересы, такъ какъ послѣдніе, поскольку это касается пролетаріата, никогда не находятся въ антагонизмѣ съ первыми. Пролетаріатъ признаетъ національные интересы, но не признаетъ интересовъ завоевателей и угнетателей. Буржуазныя партіи находятся въ другомъ положеніи. У нихъ ихъ національные интересы часто противорѣчатъ ихъ соціальнымъ интересамъ. Такъ, напр., славянская иммиграція въ нѣмецкія провинціи является вездѣ чисто экономическимъ процессомъ, развивающимися равномѣрно съ капитализмомъ въ интересахъ нѣмецкихъ капиталистовъ. Нѣмецкіе капиталисты не только не могутъ помѣшать этой иммиграціи, но, наоборотъ, они должны ее поддерживать, такъ какъ они получаютъ отъ нея чистую прибыль. Такимъ образомъ, интересы класса предпринимателей-нѣмцевъ противорѣчатъ ихъ интересамъ, какъ націи. Тамъ же, гдѣ возникаетъ конфликтъ между національными и капиталистическими интересами предпринимателей, тамъ всегда побѣждаютъ послѣдніе интересы. У насъ такой конфликтъ невозможенъ, потому что наши національные интересы тожественны съ нашими классовыми интересами. Наши классовые интересы требуютъ, чтобы уровень жизни рабочаго поднимался, наши національные интересы требуютъ, чтобы народъ развивался физически, нравственно и культурно. Каждый законъ, охраняющій интересы рабочихъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ національнымъ закономъ. Онъ важнѣе всякихъ мелочныхъ споровъ, которыми вы здѣсь надоѣдаете другъ другу. Національная политика должна быть прежде всего соціальной. Національные интересы нѣмцевъ въ Чехіи гораздо больше зависятъ отъ такихъ мѣропріятій, которыя бы уменьшили смертность нѣмецкихъ дѣтей, гораздо большую смертности чешскихъ, нежели отъ какихъ-нибудь «національныхъ» распоряженій».

Такая точка зрѣнія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ позволяетъ имъ быть «измѣнниками обще-нѣмецкому дѣлу» и идти рука объ руку съ чешскими, польскими, словинскими и русинскими рабочими и крестьянами, подкапывающими нѣмецкій «*Besitzstand*».

Изъ представителей не-славянскихъ народностей въ положеніи нѣмцевъ очутились, благодаря законопроекту бар. Гауча, итальянцы въ Далмаціи и Истріи, такъ какъ тамъ демократизація избирательнаго закона ведетъ къ уничтоженію итальянскихъ привилегій, усиливая значеніе словинцевъ и сербо-хорватовъ. Вслѣдствіе этого, итальянскій клубъ въ австрійскомъ парламентѣ занялъ позицію, крайне враждебную законопроекту бар. Гауча. Итальянскіе депутаты Бенатти, Питакко, Верценьязи и др. обрушились на бар. Гауча съ нападками за поощреніе юго-славянъ въ то время, какъ у итальянцевъ отнимаются три депутатскія полномочія.

Среди славянскихъ народностей и партій юго-славяне одни не протестовали громко противъ законопроекта бар. Гауча, такъ какъ онъ давалъ имъ очень много въ сравненіи съ тѣмъ, что они имѣли до сихъ поръ. Это относится особенно къ словинцамъ, получающимъ, вмѣсто 15 полномочій, 23. Но, хотя не громко, все же и словинцы протестовали: по ихъ мнѣнію, словинскій элементъ въ Истріи оказался обиженнымъ. Впрочемъ, для всякаго было ясно, что этотъ протестъ имѣетъ чисто формальное значеніе, и что юго-славяне будутъ изо всѣхъ силъ стремиться къ осуществленію реформы бар. Гауча.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ чешскими партіями. Всѣ онѣ— младочехи точно такъ же, какъ радикалы и даже нѣкоторые аграріи,—стоятъ за четырехчленную формулу подачи голосовъ. Однако большая часть чеховъ требуетъ одновременно съ реформой избирательнаго закона расширенія компетенціи областныхъ сеймовъ. Кромѣ того, чехи желали бы, чтобы рѣшеніе національныхъ вопросовъ было перенесено изъ центральнаго парламента въ сеймы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только этимъ путемъ можно будетъ дать нормальный ходъ политическому развитію Австріи, разъѣдаемой національной междоусобицей. Въ законопроектѣ бар. Гауча чешскіе депутаты усматриваютъ тенденцію сохранить за нѣмцами ихъ преобладаніе. Это особенно касается Моравіи, гдѣ количество чешскихъ депутатскихъ полномочій несоразмѣрно мало по сравненію съ количествомъ нѣмецкихъ, и Силезіи. Чехамъ не нравится также выдѣленіе городскихъ округовъ, сдѣланное въ угоду нѣмцамъ. Кое-кто изъ нихъ требуетъ обязательности участія въ выборахъ. Въ общемъ можно было видѣть, что чехи будутъ поддерживать законопроектъ бар. Гауча, если имъ прибавятъ депутатскихъ полномочій въ Моравіи. Чешскіе аграріи (группа въ 5 депутатовъ) заняли выжидательную позицію, но и они въ концѣ концовъ, навѣрное, присоединились бы къ сторонникамъ предложенія бар. Гауча. Что же касается чешскихъ соціалъ-демократовъ, то они привѣтствовали реформу избирательнаго закона съ такой же симпатіей, какъ и нѣмецкіе.

Если бы бар. Гаучу пришлось, вырабатывая проектъ реформы избирательнаго закона, имѣть въ виду только западныя части

Австріи, т. е. комплексъ нѣмецко-чешскихъ и юго-славянскихъ провинцій, то дѣло быстро бы пошло на ладъ. Переговоры между нѣмецкими и чешскими партіями привели бы неминуемо къ желательному результату, особенно при расширеніи компетенціи областныхъ сеймовъ и при перенесеніи туда всего, что касается національныхъ вопросовъ. Однако положеніе усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что во всей внутренней жизни Австріи играетъ очень вліятельную роль Галиція съ ея 8-милліоннымъ населеніемъ, съ совершенно своеобразными соціальными условіями, польско-русинскимъ вопросомъ, польскимъ населеніемъ на руссинской территоріи восточной части этого края, евреями, живущими компактными массами, и, прежде всего, вліятельнымъ парламентскимъ клубомъ, «Польскимъ Коломъ», съ его 65 членами.

Безъ «Польскаго Кола» въ Австріи нельзя провести какую бы то ни было радикальную реформу, а между тѣмъ всякая радикальная реформа въ «Польскомъ Колѣ» встрѣчаетъ самую рѣшительную оппозицію. Это случилось и съ законопроектомъ бар. Гауча.

Названный законопроектъ былъ принятъ съ симпатіей польскими соціалистами и крестьянской народнической партіей, а также демократической группой «Кола». Всѣ эти партіи, стоящія на почвѣ четырехчленной формулы подачи голосовъ, соглашались принципіально съ тенденціей бар. Гауча, но считали Галицію обиженной тѣмъ незначительнымъ числомъ депутатскихъ полномочій, которыя пришлись на ея долю. Вмѣсто 78, она должна была получить по проекту бар. Гауча 88. Такимъ образомъ, на одно депутатское полномочіе въ нѣмецкихъ округахъ приходится 44.000 жителей, въ итальянскихъ—46.000, въ словинскихъ—53.000, въ сербо-хорватскихъ—55.000, въ чешскихъ и румынскихъ—60.000, въ польскихъ же 67.000 жителей. У нѣмцевъ одного депутата выбираетъ 10.900 избирателей, у поляковъ же больше 14.000. Это явно несправедливое отношеніе къ польскому населенію еще ярче выступаетъ въ Силезіи, гдѣ нѣмцы, составляющіе 45% населенія (295,500), получаютъ 62% депутатскихъ полномочій (8), поляки же (220.500—34% населенія) всего 23% депутатскихъ полномочій (3). Въ виду этого всѣ демократическія польскія группы рѣшили настоятельно требовать значительнаго увеличенія числа польскихъ депутатскихъ полномочій. Демократическая фракція «Кола» выставила требованіе 95 депутатскихъ полномочій для Галиціи.

Та же демократическая фракція доказывала, что при такомъ распредѣленіи галиційскихъ округовъ, которое предлагаетъ законопроектъ бар. Гауча, число 61 польскихъ депутатскихъ полномочій является довольно проблематическимъ. Этой цифры можно достигнуть только въ томъ случаѣ, если во всѣхъ безъ исключенія городскихъ округахъ будутъ избраны поляки и если въ пользу польскихъ кандидатовъ отдастъ свои голоса все еврейское населеніе, участвующее въ избирательномъ актѣ. А такъ какъ и въ

томъ, и въ другомъ можно сильно сомнѣваться, то и къ цифрѣ 61 слѣдуетъ относиться весьма скептически.

Затѣмъ демократическая печать подвергла рѣзкой критикѣ и ту систему пропорціональныхъ выборовъ, которую вводитъ Гаучъ въ Галиціи для охраны польскаго меньшинства восточной части края. По мнѣнію польскихъ демократовъ, эта охрана въ значительномъ числѣ случаевъ совершенно недѣйствительна, и русинскій кандидатъ имѣетъ гораздо больше шансовъ успѣха, нежели польскій—особенно при вторичныхъ выборахъ.

Демократы, народники и соціалисты, относясь критически къ слабымъ сторонамъ законопроекта бар. Гауча, рѣшили добиваться измѣненій въ пользу Галиціи и польскаго населенія, чтобы такимъ образомъ, содѣйствовать осуществленію демократизаціи избирательнаго закона. Совершенно иную позицію заняли польскіе консерваторы, составляющіе большинство «Польскаго Кола».

Господство польскихъ консерваторовъ въ Галиціи опирается исключительно на избирательныхъ привилегіяхъ феодаловъ. Такимъ образомъ демократизація избирательнаго права и особенно упраздненіе куріи является для нихъ смертельнымъ ударомъ. Неудивительно поэтому, что они рѣшили изо всѣхъ силъ противиться осуществленію всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Однако выступить совершенно открыто въ качествѣ защитниковъ сословныхъ привилегій имъ было трудно. Съ одной стороны, весь край все громче и громче требовалъ всеобщей подачи голосовъ, а съ другой—въ самомъ «Польскомъ Колѣ» всѣ болѣе демократическіе элементы рѣзко воспротивились тому, чтобы ораторы, назначенные «Коломъ», выступали принципіально противъ реформы избирательнаго закона.

На засѣданіи «Кола», продолжавшемся больше 10 часовъ, демократамъ удалось преодолѣть консерваторовъ и заставить ихъ оффиціально высказаться въ пользу всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. На этомъ засѣданіи была принята слѣдующая резолюція: «Польское Коло, признавая необходимость реформы избирательнаго закона на основаніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, считаетъ правительственный проектъ непріемлемымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) при распредѣленіи депутатскихъ полномочій Галиція не только не получила такого количества, которое приходится на ея долю на основаніи общаго числа ея населенія, т. е. 118 на 425, но и такого, которое уравнивало бы ее въ правахъ съ Буковиной, т. е. 110; 2) правительственный проектъ не расширяетъ законодательной и административной автономіи провинцій Австріи».

Въ духѣ этой резолюціи должны были высказаться въ парламентѣ ораторы, назначенные «Коломъ». Они должны были требовать увеличенія количества депутатскихъ полномочій отъ Галиціи и расширенія автономіи отдѣльныхъ провинцій. Но представитель

«Кола» гр. *Дѣдушицкій* не особенно считался съ этой инструкціей и разразился филиппикой противъ всеобщей подачи голосовъ. Обращаясь по очереди къ различнымъ партіямъ и національностямъ, онъ старался всѣхъ запугать перспективой тѣхъ ужасовъ, которые будутъ происходить въ недалекомъ будущемъ, если законопроектъ бар. Гауча станетъ закономъ.

«При такой каррикатурѣ равной подачи голосовъ — говорилъ онъ — парламентъ не будетъ фотографіей современнаго общества. Это скорѣе всего будетъ фотографія того положенія, какое создастъ соціалъ-демократія. Если бы правительство рѣшило стать демократическимъ правительствомъ, то можно было бы создать избирательный законъ, расширенный въ демократическомъ духѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускающій представительство различныхъ интересовъ. Тогда можно было бы предпринять и справедливое расширеніе депутатскихъ полномочій, которое не разбрасывало бы зародышей ненависти, презрѣнія и позорнаго уничиженія, подобно тому, какъ это дѣлаетъ проектъ бар. Гауча. Слѣдуетъ подчеркнуть, что ни въ одной провинціи Австріи крестьяне не требуютъ всеобщей подачи голосовъ. Въ правительственномъ законопроектѣ нѣмцы являются до такой степени привилегированными, особенно въ сравненіи съ нами, что если бы мы согласились на такое уничиженіе, то прямо таки не достойны были бы засѣдать въ этой палатѣ. А между тѣмъ, нѣмцы еще жалуются и проливаютъ слезы. И они правы! Если вмѣстѣ съ реформой избирательнаго закона не будетъ произведенъ пересмотръ конституціи, чего мы желаемъ, то у нѣмцевъ въ будущемъ парламентѣ будутъ отняты ихъ національныя права. Палата, избранная на основаніи всеобщей подачи голосовъ, уподобится ящику, въ которомъ заперты голодныя крысы. Правительственный проектъ не достигнетъ умиротворенія парламента—національныя распри въ немъ еще усилятся. Я ничего не имѣю противъ увеличенія количества депутатскихъ полномочій, даже въ томъ случаѣ, если всѣ новыя полномочія попадутъ въ руки соціалистамъ. Но пусть нѣмцы хорошенько подумаютъ надъ тѣмъ, что тогда во всѣхъ болѣе важныхъ дѣлахъ они очутятся въ зависимости отъ соціалистовъ. Соціалисты будутъ въ парламентѣ рѣшающимъ факторомъ, не удивительно поэтому, что они такъ домогаются этой реформы. За то трудно было бы представить, что бы на нее согласились и католики, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что она ослабитъ вліяніе церкви. Кромѣ того, возникнетъ и другая опасность. Вѣрные своимъ принципамъ, соціалисты не будутъ подавать голоса въ пользу требованій средствъ на армію, а такъ какъ соціалисты будутъ играть рѣшающую роль, то я спрашиваю, какъ тогда будетъ выглядѣть государство? Подумало ли правительство объ этомъ? Наконецъ, я обращаюсь къ автономистамъ. Палата, избранная на основаніи всеобщей подачи голосовъ, не будетъ сочувствовать автономіи провинцій. Съ ней будутъ бороться соціалисты. Избира-

тельная реформа необходима, но ее слѣдуетъ проводить постепенно».

Какъ д-ръ Адлеръ изобличилъ все лицемѣріе нѣмецкаго націонализма, такъ польскій соціалъ-демократ *Дашинскій* взялъ на себя обязанность разбить въ пухъ всѣ доводы гр. Дзѣдушицкаго. Въ блестящей рѣчи Дашинскій охарактеризовалъ Дзѣдушицкаго, какъ представителя той клики, которая своей эгоистической политикой всегда губила Польшу, и съ которой польскій народъ не хочетъ имѣть ничего общаго, стремясь къ полному освобожденію отъ ея господства. Онъ такъ остроумно высмѣялъ тактику Дзѣдушицкаго, пугающаго славянъ нѣмцами, нѣмцевъ славянами, крестьянъ рабочими, рабочихъ крестьянами, всѣ партіи соціалистами и т. д., что единомышленники Дзѣдушицкаго уже не пробовали слѣдовать примѣру своего вождя. Польскій консерваторъ *Абрагамовичъ* говорилъ о необходимости постепеннаго введенія всеобщей подачи голосовъ и плакался на то, что законопроектъ бар. Гауча является результатомъ страха передъ терроромъ соціалистовъ. Съ своей стороны представители демократической фракціи «Кола» строго держались инструкціи и настаивали на измѣненіяхъ въ тѣхъ пунктахъ законопроекта, которые относятся къ Галиціи вообще и въ частности къ полякамъ.

Противъ Дзѣдушицкаго и его товарищей выступили и представители русиновъ. Хотя законопроектъ бар. Гауча давалъ русинамъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они имѣли до сихъ поръ, очень много, увеличивая число русинскихъ депутатовъ съ 8 до 31, однако, всетаки они усматривали въ проектѣ бар. Гауга тенденцію обидѣть русиновъ. Въ угоду полякамъ введена охрана польскаго меньшинства въ восточной части Галиціи. Затѣмъ сельскіе округа западной Галиціи гораздо меньше такихъ же округовъ восточной. Въ западной Галиціи съ ея 2:252,000 населенія образовано 16 сельскихъ округовъ, такъ что на 73,528 жителей приходится одинъ депутатъ, между тѣмъ, какъ въ восточной Галиціи, гдѣ образовано 19 округовъ, одинъ депутатъ приходится на 113,226 жителей. Тамъ, гдѣ больше польскихъ колоній, округъ меньше, гдѣ же округъ чисто русинскій—онъ отличается громадными размѣрами. Такъ формулировала свои упреки по адресу реформы бар. Гауча русинская печать съ «Діломъ» во главѣ, и при всемъ томъ та же печать выражаетъ радость, что послѣ проведенія въ жизнь этой реформы русины смогутъ начать настоящую парламентскую дѣятельность, составивъ группу въ 30 человѣкъ.

Послѣ обнародованія законопроекта бар. Гауча во Львовѣ собрался русинскій національный комитетъ въ полномъ составѣ, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ предлагаемой правительствомъ реформѣ. Депутатъ Романчукъ разобралъ законопроектъ бар. Гауча въ пространномъ докладѣ, послѣ чего было вынесено семь резолюцій. Содержаніе ихъ слѣдующее. Комитетъ признаетъ, что бар.

Гаучъ, внеся предложеніе о введеніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, исполнилъ свою обязанность. Однако комитетъ рѣшительно протестуетъ противъ той части законопроекта, которая относится къ распредѣленію депутатскихъ полномочій Галиціи, противъ неравенства правъ представительства различныхъ національностей и спеціально противъ несправедливаго отношенія къ русинамъ. Въ частности комитетъ протестуетъ: 1) противъ неравенства избирательныхъ округовъ въ западной и въ восточной Галиціи; 2) противъ пропорціональной системы, благодаря которой половина депутатскихъ полномочій русинской части края можетъ очутиться въ рукахъ поляковъ и, прежде всего, помѣщиковъ; 3) противъ игнорированія русинскаго меньшинства въ городахъ и въ пограничной польско-русинской полосѣ западной Галиціи. Въ виду этого комитетъ требуетъ, чтобы избирательные округа во всей Галиціи были одинаковы по величинѣ, чтобы пропорціональность была уничтожена, чтобы права русинскаго меньшинства были тоже гарантированы, если только эти права будутъ обезпечены за польскимъ меньшинствомъ. Затѣмъ комитетъ протестуетъ противъ увеличенія количества городскихъ депутатовъ, въ случаѣ же, если количество галиційскихъ депутатскихъ полномочій будетъ увеличено, всѣ новыя депутатскія полномочія должны придтись на долю русиновъ. Если законопроектъ бар. Гауча будетъ отвергнутъ, то комитетъ требуетъ, чтобы правительство его октроировало, при чемъ оно должно гарантировать русинамъ количество полномочій, соотвѣтствующее ихъ численной силѣ. Наконецъ, комитетъ противится всякому расширенію автономіи Галиціи, такъ какъ это послужитъ только на пользу полякамъ.

Въ духѣ этихъ резолюцій выступалъ въ парламентѣ русинскій депутатъ Романчукъ, жалуясь на несправедливое отношеніе правительства къ русинамъ и на искусственную поддержку имъ польскаго преобладанія.

Если мы разсмотримъ то, что говорилось въ парламентѣ представителями различныхъ партій и національностей по поводу закопроекта бар. Гауча, то намъ не трудно будетъ замѣтить одну очень характерную черту всѣхъ этихъ жалобъ. Обиженными оказывались *всѣ*. Нѣмцы лишались своего достоянія въ пользу чеховъ, хотя послѣдніе утверждали совершенно обратное. Словинцы нападали на бар. Гауча за поддержку итальянцевъ, между тѣмъ какъ итальянскіе депутаты относились къ нему, какъ къ рѣшительному своему врагу. Пропорціональные выборы въ восточной Галиціи поносились и поляками, и русинами, и каждая изъ этихъ національностей старалась доказать, что эта мѣра направлена именно противъ нея. Получался какой-то невообразимый хаосъ жалобъ, протестовъ и требованій, въ которомъ правительству слѣдовало разобраться, чтобы довести до конца дѣло избирательной реформы. Нужно было оцѣнить по достоинству всѣ эти жалобы и угрозы и

сообразить, какія изъ нихъ имѣютъ чисто агитаціонный характеръ и какія представляютъ дѣйствительную опасность для законопроекта. Бар. Гаучъ заявилъ, что онъ готовъ пойти на уступки требованіямъ партій, поскольку эти требованія не касаются основныхъ положеній его законопроекта: упраздненія курій и введенія всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. Слѣдовательно, уступки могли относиться только къ количеству депутатскихъ полномочій, предлагаемому каждой національности, и къ распредѣленію избирательныхъ округовъ.

Бар. Гаучу нужно было сообразить, чьими протестами и требованіями можно пренебречь и чьи необходимо удовлетворить, чтобы въ парламентѣ получилось въ пользу реформы большинство 2/3 голосовъ, безъ котораго самая реформа потерпѣла бы крушеніе. Послѣ того, какъ представители отдѣльныхъ партій и національностей высказались по поводу предложенія бар. Гауча, шансы реформы представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

Такъ какъ всѣхъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 425, то обязательныя 2/3 голосовъ равняются 284. Слѣдовательно, противники реформы избирательнаго права должны располагать 143 голосами, чтобы ее отвергнуть, а правительство обязано не допустить образованія компактной оппозиціи въ 143 голоса. Если же мы распредѣлимъ парламентскія партіи по ихъ отношенію къ законопроекту бар. Гауча, то увидимъ такое взаимоотношеніе силъ.

Получаются три группы: сторонниковъ законопроекта, его противниковъ и, наконецъ, индифферентныхъ.

Сторонники.

Младочехи	45 голосовъ	Чешскіе радикалы	9 голосовъ
Нѣмецкіе народники	43 »	Русины	8 »
Нѣмецкій католическій центръ	29 »	Дикіе	6 »
Антисемиты	25 »	Юго-славянскій клубъ свободомыслящихъ	6 »
Польскіе демократы и польскій католическій центръ	18 »	Польскіе народники	5 »
Соціалъ-демократы	11 »	Румыны	5 »
		Нѣмецкіе прогрессисты (изъ 29)	5 »
		Итого	215 голосовъ

Противники.

Польскіе консерваторы	47 голосовъ	Всенѣмцы фракціи Шенерера	16 голосовъ
Нѣмецкіе феодалы	30 »	Дикихъ	2 »
Чешскіе феодалы	19 »		
Итальянцы	18 »		
		Итого	132 голоса

Индифферентные.

Нѣмецкіе прогрессисты	24 голоса.	Дикіе	4 голоса.
Всенѣмцы фракціи Вольфа	8 »	Нѣмецкая крестьянская партія	4 »
Чешскіе аграріи	5 »	Моравскій центръ	3 »
		Итого	48 голосовъ.

Такимъ образомъ, у сторонниковъ законопроекта бар. Гауча не хватаетъ 69 голосовъ (до 2/3), а у противниковъ всего 11-ти. Изъ этого слѣдуетъ, что, если бы первымъ удалось перетянуть на свою сторону даже всѣхъ индифферентныхъ (вѣрнѣе, нерѣшительныхъ), то и тогда у сторонниковъ законопроекта образуется недохватка въ 21 голосъ. Между тѣмъ, противникамъ законопроекта стоитъ привлечь двѣ-три группы индифферентныхъ, чтобы провалить проектъ. Отсюда ясно, что правительство, желая достигнуть своей цѣли, должно договориться, по крайней мѣрѣ, съ одной или двумя самыми сильными группами противниковъ и пойти на требуемыя ими уступки. Очевидно, что самой опасной группой является «Польское Коло», и именно съ нимъ необходимо войти въ соглашеніе.

Уяснивъ себѣ положеніе своего законопроекта, бар. Гаучъ вошелъ въ переговоры съ различными партіями. Между тѣмъ, консерваторы изъ «Польскаго Кола» стали вмѣстѣ съ чешскими и нѣмецкими феодалами интриговать противъ бар. Гауча, стремясь къ его низверженію, чтобы, такимъ образомъ, снять съ очереди его законопроектъ. На помощь консерваторамъ пришли всенѣмцы, выдвинувъ вопросъ объ обособленіи Галиціи.

14-го марта всенѣмецъ *Вольфъ* внесъ срочное предложеніе слѣдующаго содержанія. Правительство обязано предложить парламенту законопроектъ, касающійся установленія автономіи Галиціи, съ тѣмъ, чтобы она имѣла возможность вполнѣ самостоятельно управлять своими внутренними дѣлами, не оказывая вліянія на рѣшеніе всѣхъ тѣхъ государственныхъ вопросовъ, которые не являются общими для всѣхъ провинцій или не касаются спеціально Галиціи. Съ обособленіемъ Галиціи польскіе и русинскіе депутаты исчезаютъ изъ вѣнскаго парламента въ качествѣ равноправныхъ членовъ и появляются тамъ единственно въ видѣ спеціальной делегаціи, имѣющей право голоса только при обсужденіи общегосударственныхъ и галиційскихъ вопросовъ. Вольфъ съ товарищами требовалъ, чтобы его предложеніе было отослано въ коммиссію для реформы избирательнаго закона и разсматривалось тамъ вмѣстѣ съ законопроектомъ бар. Гауча, при чемъ послѣдній законопроектъ долженъ былъ быть измѣненъ согласно содержанію срочнаго предложенія Вольфа.

Если бы предложеніе Вольфа было принято, то естественнымъ

слѣдствіемъ этого было бы устраненіе вопроса объ избирательной реформѣ, потому что потребовалось бы не менѣе года, чтобы собрать необходимый матеріалъ и на основаніи его выработать законопроектъ, требуемый Вольфомъ и его товарищами. Ходъ былъ очень ловкій. Всенѣмцы разсчитывали на то, что въ пользу столь популярнаго среди поляковъ лозунга, какъ автономія Галиціи, подадутъ свои голоса не только польскіе консерваторы, но и демократы и народники, и такимъ образомъ законопроектъ бар. Гауча окажется погребеннымъ. Однако эти предположенія не оправдались. За предложеніе Вольфа ухватились одни только польскіе консерваторы и ихъ союзники.

Пренія, вызванныя предложеніемъ Вольфа и товарищей, такъ характерны для австрійскихъ отношеній, что съ ними стоитъ ознакомиться ближе.

Чтобы не дать себя побить соперникамъ-всенѣмцамъ группы Вольфа, всенѣмецкая группа Шенерера тоже выступила съ аналогичнымъ срочнымъ предложеніемъ, которое мотивировалъ *Штейнъ*.

Онъ говорилъ, что между избирательной реформой и обособленіемъ (Sonderstellung) Галиціи существуетъ самая тѣсная связь. Только обособленіе Галиціи можетъ предотвратить катастрофу, которая постигнетъ нѣмцевъ, благодаря введенію всеобщей подачи голосовъ. Настоящіе сторонники послѣдней среди нѣмцевъ обязаны подать голосъ въ пользу предложенія Шенерера, такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ высказаться за всеобщую подачу голосовъ. Обязательная связь между обособленіемъ Галиціи и реформой избирательнаго права встрѣтитъ поддержку и въ «Польскомъ Колѣ», и нельзя предположить, чтобы бар. Гаучъ или другой министръ-президентъ дерзнулъ противиться тому, чего потребуетъ польско-нѣмецкая коалиція. Благодаря такой связи, законопроектъ, касающійся реформы избирательнаго закона, теряетъ свой опасный характеръ для нѣмцевъ, которые не имѣютъ права отказаться отъ своихъ правъ и пріобрѣтеній. Противъ рѣшенія вопроса объ избирательной реформѣ отдѣльно отъ вопроса объ обособленіи Галиціи всѣ нѣмцы должны выступить единодушно. Только тогда великому идеалу возсоединенія всего нѣмецкаго народа подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ не будетъ угрожать гибель, обусловленная избирательной реформой.

Вольфъ высказался въ томъ же духѣ и убѣждалъ бар. Гауча внести предложеніе, касающееся автономіи Галиціи, даже въ томъ случаѣ, если срочность его предложенія будетъ отвергнута.

Съ своей стороны бар. *Гаучъ* заявилъ, что предложеніе Шенерера и Вольфа—чисто тактическяя попытка измѣнить взаимоотношеніе силъ въ парламентѣ искусственнымъ образомъ, чего правительство не можетъ допустить.

Шенереръ, полемизируя съ бар. Гаучемъ, доказывалъ, что ре-

форма избирательнаго закона рѣшитъ будущность нѣмцевъ. Передъ ними встаетъ вопросъ—быть или не быть? Только обособленіе Галиціи спасетъ нѣмцевъ отъ самоубійства.

Русинъ *Романчукъ* выразилъ свое удивленіе, что та партія, которая считаетъ себя архинѣмецкой, требуетъ обособленія Галиціи. Нѣмцы прямо стремятся къ уменьшенію своего отечества. Выдавъ головой мадьярамъ два милліона венгерскихъ нѣмцевъ, они желаютъ теперь отказаться отъ 200.000 галиційскихъ нѣмцевъ. За ними, вѣроятно, послѣдуютъ 160.000 нѣмцевъ въ Буковинѣ. «Вы отказались отъ венгерскихъ нѣмцевъ, чтобы сохранить за собой гегемонію въ остальной части имперіи—говоритъ онъ.—Когда послѣднее оказалось невозможнымъ, вы хотите теперь отказаться отъ Галиціи, Далмаціи и Буковины, чтобы усилить свою власть на оставшейся территоріи. Эти надежды ни на чемъ не основаны, такъ какъ даже послѣ обособленія Галиціи большинство населенія всетаки будетъ не нѣмецкимъ, не смотря на то, что въ парламентѣ большинство окажется за нѣмцами. И національная борьба приметъ еще болѣе рѣзкія формы. Вѣдь въ Чехіи чешская національность несомнѣнно составляетъ большинство (Тутъ всенѣмцы прерываютъ Романчука возгласами: «у насъ вѣдь есть еще богатый нѣмецкій дядюшка»! «Мы сумѣемъ чеховъ германизировать!» и т. д.). Впрочемъ, развѣ можно рѣшать судьбу цѣлаго края въ угоду одной нѣмецкой партіи. Хотя въ пользу требованія всенѣмцевъ высказывается «Коло», однако большинство жителей Галиціи не согласно на обособленіе. Противъ обособленія—русины, и съ требованіемъ 3-хъ милліоннаго русинскаго народа необходимо считаться. И польскіе демократы противятся обособленію Галиціи, если оно не будетъ проведено одновременно съ осуществленіемъ требованія всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ не только при парламентскихъ, но и при сеймовыхъ выборахъ и съ реформой галицкой администраціи. Соединеніе вопроса объ избирательной реформѣ съ обособленіемъ Галиціи привело бы къ одному результату—къ полной неудачѣ реформы избирательнаго закона. Поэтому мы обращаемся къ нѣмецкимъ и славянскимъ депутатамъ, а также и къ правительству, съ предостереженіемъ: не принимайте на себя тяжелой отвѣтственности за результаты обособленія Галиціи, не помогайте угнетать русиновъ, вѣрныхъ государству и хорошо расположенныхъ по отношенію ко всѣмъ національностямъ».

Брейтеръ (польскій независимый соціалистъ) говорилъ отъ своего имени и отъ имени польской народнической партіи. Онъ заявилъ, что польское населеніе Галиціи считало бы при нынѣшнихъ условіяхъ «обособленіе» бѣдствіемъ и для края, и для народа. Пока галицкое населеніе лишено настоящаго избирательнаго права, пока галицкій сеймъ находится почти всецѣло въ рукахъ дворянства, пока этотъ сеймъ и другія автономныя учрежденія закрыты

для народныхъ массъ, до тѣхъ поръ нельзя заниматься вопросомъ объ обособленіи Галиціи.

Польскій соціалъ-демократъ *Дашинскій* ядовито насмѣхался надъ всенѣмцами, которые, не будучи въ состояніи побѣдить національностей, возбуждающихъ ихъ аппетитъ, хотятъ раздарить одну провинцію за другой. Въ своей линцской программѣ всенѣмцы требуютъ, чтобы теперешнее отношеніе къ Венгріи было замѣнено личной уніей, чтобы Далмація, Боснія и Герцеговина были присоединены къ Венгріи. «Я бы хотѣлъ знать,—спрашивалъ Дашинскій—почему вы теперь забываете о Далмаціи? Если ужъ вы такъ щедры на подарки, то подарите и Далмацію. Но я вамъ скажу, почему вы этого не дѣлаете. Среди польскихъ и другихъ феодаловъ вы нашли союзниковъ, которые хотятъ интриговать вмѣстѣ съ вами. Въ Далмаціи вы такихъ союзниковъ найти не можете, и въ этомъ-то коренится истинный поводъ того, что вы не выдвигаете далматскаго вопроса. Въ вашей программѣ существуетъ пунктъ, требующій объединенія Австріи съ Германіей въ одну таможенную территорію, почему же вы не выдвигаете теперь этого пункта? Почему вы не требуете упраздненія § 14 конституціи? — вѣдь и это фигурируетъ въ вашей программѣ. Обо всемъ этомъ вы молчите, потому что теперь вамъ хочется во что бы то ни стало снять съ очереди вопросъ о реформѣ избирательнаго права. Если вы своими интригами отсрочите рѣшеніе этого вопроса, то нѣмецкій народъ никогда вамъ этого не проститъ. Если же вы искренно хотите преобразовать Австрію, то вы должны привлечь къ этому дѣлу всѣ національности и предоставить его рѣшеніе будущему, настоящему народному парламенту. Національные вопросы должны быть разрѣшены тутъ, въ парламентѣ. Я первый спрашиваю Дзѣдушицкаго и Абрагамовича, что станется съ 200.000 поляковъ въ Силезіи въ случаѣ обособленія Галиціи. Бюрократическій централизмъ долженъ пасть, такъ какъ нѣтъ ни одной національности, въ интересахъ которой онъ бы долженъ былъ существовать. Вы, господа всенѣмцы, должны разъ на всегда отказаться отъ надежды на порабощеніе славянъ. Прошло время, когда можно было денаціонализировать сознательную, хотя бы маленькую, національность. Прошло время, когда парламенты могли убивать народы. Наоборотъ, теперь народы могутъ убивать парламенты. Парламентской баллотировкой нельзя рѣшить національнаго вопроса. Политика, которую вы, господа всенѣмцы, ведете въ парламентѣ, заигрывая то съ поляками, то съ русинами, то съ хорватами или словинцами, эта политика постоянныхъ интригъ доказываетъ полное ваше безсиліе. Всѣ польскія демократическія фракціи считаютъ ваше предложеніе, касающееся обособленія Галиціи, интригой противъ избирательной реформы, а не серьезнымъ политическимъ шагомъ. Мы тоже признаемъ тѣсную связь двухъ вопросовъ, но совершенно другую, нежели вы. Мы сейчасъ же

согласимся на обособленіе Галиціи, если вы введете въ галицкомъ сеймѣ всеобщую, прямую, равную и тайную подачу голосовъ. Демократизируйте львовскій сеймъ, содайте новыя основы общественной жизни нашего края, не насилуйте національныхъ правъ. Если же вы хотите въ союзѣ съ Абрагамовичемъ и нѣсколькими семьями галицкихъ землевладѣльцевъ закрѣпить гнетъ подъ 7 милліонами поляковъ, русиновъ и евреевъ, то не удивляйтесь, что мы выступаемъ противъ этого. Это ложь, будто обособленіе Галиціи является шагомъ по направленію къ полной нашей независимости. Наоборотъ, оно обозначаетъ потерю $^1/_4$ милліона поляковъ въ Силезіи и является шагомъ назадъ. Поэтому-то мы не хотимъ принять этотъ даръ данайцевъ и надѣемся, что и большинство парламента его отвергнетъ».

Сильва-Тарукка говорилъ отъ имени консервативнаго дворянства. Онъ поддерживалъ срочность предложенія Вольфа и Шенерера съ цѣлью манифестировать убѣжденіе въ необходимости соединить дѣло избирательной реформы съ радикальнымъ переустройствомъ государственной организаціи Австріи.

Младочехъ *Крамаржъ* характеризовалъ предложеніе Вольфа и Шенерера, какъ демонстрацію и покушеніе всенѣмцевъ на реформу избирательнаго закона. Если даже это предложеніе получитъ большинство голосовъ, это не приведетъ ни къ чему, потому что въ коммиссіи и представители крупной собственности, и поляки должны будутъ выступить противъ его. Если поляки требовали обособленія Галиціи въ 1868 г., то это было совершенно другое дѣло. Тогда это требованіе появлялось въ pendant чешскимъ требованіямъ осуществленія государственнаго права короны св. Вацлава. Теперь же условія сложились иначе. Поляки не могутъ подавать своихъ голосовъ въ пользу обособленія Галиціи, такъ какъ это было бы измѣной славянству. «Я убѣжденъ, — говорилъ Крамаржъ,—что въ моментъ, когда въ Россіи рѣшается судьба поляковъ Царства Польскаго, они не дерзнутъ навлечь на себя обвиненія всѣхъ славянъ въ предательствѣ».

Дзѣдушицкій заявилъ, что «Польское Коло» всегда защищало автономію и всегда пользовалось случаемъ, чтобы подчеркнуть свою автономическую позицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ польскіе депутаты обыкновенно приносили въ жертву общегосударственнымъ интересамъ свою личную точку зрѣнія. Но теперь, когда само правительство выдвинуло на очередь вопросъ о пересмотрѣ конституціи, мы должны настаивать на томъ, чтобы національные вопросы были устранены изъ парламента. Ими должны заняться сеймы, гдѣ нѣтъ опасности, что меньшинство будетъ страдать подъ гнетомъ большинства. Если мы поддерживаемъ срочность предложеній Вольфа и Шенерера, то мы дѣлаемъ это единственно съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть нашу точку зрѣнія. Мы полагаемъ, что необходимо коренное преобразованіе Австріи, чтобы введеніе всеобщей подачи

голосовъ не лишило совершенно отдѣльныя провинціи ихъ своеобразныхъ чертъ и особенностей. Поэтому мы признаемъ обязательную связь не между избирательной реформой и обособленіемъ Галиціи, а между избирательной реформой и обезпеченіемъ широкой автономіи за всѣми провинціями Австріи».

Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, въ общемъ повторявшихъ тѣ же аргументы за и противъ обособленія Галиціи, съ которыми мы познакомились выше, срочность предложеній Вольфа и Шенерера была отвергнута, но самыя предложенія были приняты большинствомъ 153 голосовъ противъ 147.

Такой исходъ голосованія былъ для правительства пораженіемъ, такъ какъ показалъ самымъ нагляднымъ образомъ, что законопроектъ Гауча ни въ коемъ случаѣ не получитъ необходимаго количества $^{2}/_{3}$ голосовъ безъ «Польскаго Кола». Послѣднее стало хозяиномъ положенія и не замедлило дать это почувствовать премьеру, когда тотъ вошелъ съ нимъ въ переговоры.

Переговоры съ различными парламентскими фракціями могли касаться только измѣненія количества депутатскихъ полномочій, предлагаемыхъ отдѣльнымъ провинціямъ и національностямъ, а затѣмъ границъ отдѣльныхъ округовъ. Хотя эти переговоры были ведены въ строжайшей тайнѣ, однако извѣстія о нихъ проникли въ печать. По слухамъ, нѣмцы съ чехами примирились на слѣдующихъ условіяхъ. Правительство увеличиваетъ количество парламентскихъ полномочій до 479, изъ которыхъ славяне получаютъ 241, а нѣмцы вмѣстѣ съ итальянцами и румынами 238. Количество депутатскихъ полномочій Галиціи увеличивается съ 88 до 98, а чешскихъ съ 99 до 100. Затѣмъ должна быть проведена парламентаризація кабинета. Въ составъ послѣдняго вошли бы представители самыхъ крупныхъ нѣмецкой, чешской и польской партій, и, такимъ образомъ, судьба законопроекта была бы обезпечена.

Однако, когда бар. Гаучъ обратился съ такимъ предложеніемъ къ «Польскому Колу», послѣднее отвѣтило полнымъ отказомъ въ своемъ содѣйствіи. Парламентская коммиссія «Кола» предложила фракціи слѣдующее рѣшеніе: «Коло» признаетъ необходимость избирательной реформы въ духѣ всеобщей подачи голосовъ, но отвергаетъ предложеніе бар. Гауча, потому что оно не даетъ Галиціи соотвѣтствующаго количества депутатскихъ полномочій и не сопровождается расширеніемъ автономіи провинцій. Кромѣ того, «Коло» отказывается отъ участія въ парламентаризаціи кабинета. Это рѣшеніе было принято большинствомъ «Кола», не смотря на оппозицію демократовъ.

Бар. Гаучу, получившему такой отвѣтъ «Кола», не оставалось ничего другого, кромѣ отставки. И онъ удалился, обронивъ «крылатое слово»: министры уходятъ, но идеи остаются. И, дѣйствительно, идея реформы избирательнаго закона не погибла съ ухо-

домъ бар. Гауча. Съ одной стороны, ей не дали бы погибнуть народныя массы, а съ другой—всякая попытка снять съ очереди избирательную реформу натолкнулась бы на отпоръ со стороны престарѣлаго императора, который рѣшилъ во что бы то ни стало довести дѣло до конца.

Не погибъ и самый законопроектъ бар. Гауча, такъ какъ замѣститель послѣдняго—князь Конрадъ Гогенлое—вошелъ въ переговоры съ парламентскими фракціями, предлагая имъ уступки, касающіяся количества депутатскихъ полномочій, но ни въ чемъ не нарушающія основного характера законопроекта бар. Гауча. Кн. Гогенлое увеличилъ количество депутатскихъ полномочій до 495. Изъ нихъ нѣмцы получили бы 223, чехи 103, поляки 78, словинцы 36, русины 32, итальянцы 18, румыны 5. Въ сравненіи съ тѣмъ, что предлагалъ бар. Гаучъ, нѣмцы пріобрѣтаютъ на 18, чехи на 4, поляки на 14, русины на 1, италіянцы на 2 и румыны на 1 депутатскихъ полномочій больше. Кромѣ того, кн. Гогенлое внесъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся пропорціональныхъ выборовъ въ Галиціи—съ тѣмъ, чтобы дать болѣе осязательную гарантію польскому меньшинству.

Коммиссія для выработки новаго избирательнаго закона занялась обсужденіемъ предложеній кн. Гогенлое, совершенно не предполагая, что его министерство окажется весьма недолговѣчнымъ. Между тѣмъ, дни его были сочтены. На этотъ разъ поводомъ къ отставкѣ кабинета послужили венгерскія дѣла—вопросъ объ измѣненіи австро-венгерскаго таможеннаго союза въ духѣ требованій мадьяръ.

Стремясь съ неуклонной послѣдовательностью къ образованію совершенно самостоятельнаго и независимаго отъ Австріи государства, венгерскіе политики стараются прежде всего измѣнить экономическое взаимоотношеніе двухъ половинъ монархіи Габсбурговъ. Новый венгерскій кабинетъ Векерле призналъ соглашеніе, заключенное въ свое время между Селлемъ и Керберомъ, недѣйствительнымъ и потребовалъ, чтобы промышленное и таможенное соглашеніе между Австріей и Венгріей, обязывающее ихъ до сихъ поръ, было замѣнено простымъ договоромъ. Эта замѣна даетъ венграмъ полную экономическую независимость и превращаетъ Венгрію въ самостоятельную таможенную территорію. Когда министръ Векерле, пріѣхавъ въ Вѣну, формулировалъ это требованіе, Гогенлое рѣшительно воспротивился такой постановкѣ вопроса, считая ее прямо пагубной для интересовъ Австріи. Однако, императоръ склонился на сторону Векерле—и кн. Гогенлое пришлось подать въ отставку. Его замѣнилъ баронъ Бекъ.

Задача кабинета бар. Бека состоитъ въ урегулированіи австро-венгерскихъ отношеній и въ доведеніи до конца реформы избирательнаго закона. Относительно послѣдней новый премьеръ заявилъ, что правительство будетъ энергично содѣйствовать ея окон-

чательному разрѣшенію. Съ этой цѣлью оно готово идти на уступки, при которыхъ возможно соглашеніе парламентскихъ партій.

Такимъ образомъ, судьба видоизмѣненнаго законопроекта бар. Гауча зависитъ теперь всецѣло отъ доброй воли парламента. Что парламентъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ объ избирательной реформѣ и демократизаціи государственнаго строя Австріи въ ближайшемъ будущемъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Порукой этому является, съ одной стороны, непреклонная воля короны, а съ другой—все усиливающееся недовольство народныхъ массъ, которыя готовы прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ и крайнимъ средствамъ борьбы.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Аграрный вопросъ въ Финляндіи.

Въ настоящее время аграрный вопросъ въ Финляндіи привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слоевъ общества, а въ недалекомъ будущемъ на почвѣ этого вопроса, вѣроятно, произойдетъ генеральное сраженіе всѣхъ политическихъ партій страны. Въ виду этого и для русскаго читателя, надо думать, небезынтересно будетъ ознакомиться съ условіями, выдвинувшими на очередь аграрный вопросъ въ Финляндіи, и съ отношеніемъ къ нему мѣстныхъ политическихъ партій.

Дѣятельность сословнаго сейма въ области соціальныхъ реформъ имѣла и вообще очень скромные размѣры, а въ частности въ дѣлѣ земельнаго законодательства работа стараго законодательнаго механизма Финляндіи далеко не отвѣчала насущнымъ потребностямъ сельскаго пролетаріата.

Сельскій пролетаріатъ въ лицѣ безземельныхъ составляетъ въ Финляндіи свыше 1/3 всего сельскаго населенія, а на ряду съ нимъ стоитъ значительный контингентъ сельскаго полупролетаріата, состоящаго изъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, хозяйственное благосостояніе которыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ посторонних заработковъ *). Безземельные по формѣ экономической зависимости и условіямъ существованія дѣлятся на нѣсколько группъ: вуокрая, лампуоти, торпнаръ, мякитупалаиселла, муонамніесъ, итселлинекъ. Изъ нихъ первыя три группы можно

---

*) Въ 1900 г. населенія въ Финляндіи числилось 2.712.562 ч. — изъ нихъ въ городахъ 341.602 ч. (12.59%) и внѣ городскихъ поселеній 2.370.960 ч. Въ 1904 г. число безземельныхъ составляло 897,182 души и

отнести къ категоріи арендаторовъ, а послѣднія три къ батракамъ. Изъ арендаторовъ только группа вуокарей пользуется нормальной самостоятельностью; что же касается торпарей, то они находятся въ такой зависимости отъ землевладѣльца, которая напоминаетъ крѣпостныя времена. Такъ какъ группа торпарей очень многочисленна *), во многихъ мѣстахъ играетъ видную роль въ сельскомъ хозяйствѣ, а въ данный моментъ составляетъ боевой авангардъ сельскаго пролетаріата, то я и остановлюсь на характеристикѣ экономическаго и правового положенія этой именно группы **).

Нужно различать двѣ подгруппы торпарей: торпарей помѣщичьихъ и торпарей крестьянъ-собственниковъ—они во многомъ отличаются между собою. Общая площадь земель, находящихся въ пользованіи торпарей, сильно колеблется, но собственно размѣръ полевого участка, по Варэну, въ среднемъ у помѣщичьихъ торпарей равняется 5,8 гектара, у крестьянскихъ—2,7 гектара. Состояніе полевой культуры на этихъ участкахъ далеко не высокое, такъ какъ правовое положеніе торпарей, о которомъ рѣчь будетъ ниже, тормазитъ развитіе хозяйственной иниціативы. Въ большинствѣ случаевъ прочія угодья: лѣсъ, выгонъ и т. д. находятся въ общемъ пользованіи торпаря съ владѣльцемъ, но право пользованія торпаря стѣснено и ограничено. Число безлошадныхъ среди крестьянскихъ торпарей доходитъ до 40%, а имѣющихъ болѣе 1 лошади немного; среди помѣщичьихъ торпарей безлошадныхъ мало и до 70% имѣютъ 2—3 лошади. Что касается построекъ, то по отношенію къ нимъ существуетъ такое положеніе: если постройки возведены изъ матеріала, взятаго торпаремъ изъ лѣса, принадлежащаго землевладѣльцу, то онѣ считаются собственностью послѣдняго, а если онѣ возведены изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на сторонѣ, то являются собственностью торпаря; въ дѣйствительности лишь около 10 процентовъ торпарей имѣютъ собственныя постройки. Для большей наглядности хозяйственнаго положенія торпаря приведу еще слѣдующія данныя изъ его бюджета ***).

При полевомъ участкѣ въ 10 гектаровъ валовой доходъ за вы-

изъ нихъ 506.633 не имѣли собственнаго пріюта. Но вообще въ отношеніи статистическаго обслѣдованія экономическаго положенія сельскаго населенія въ Финляндіи остается пожелать еще многаго.

*) По оффиціальной статистикѣ въ 1903 г. въ Финляндіи было 69.037 торпарей. Торпарь—это мелкій арендаторъ, который за пользованіе участкомъ земли обязанъ, кромѣ денежной наемной платы, или вмѣсто нея, отработать землевладѣльцу извѣстное число дней и уступить часть продуктовъ.

**) Для характеристики положенія торпарей я пользуюсь свѣдѣніями изъ изслѣдованія А. Варэна, произведеннаго во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Умѣренные взгляды изслѣдователя являются гарантіей его безпристрастія.

***) Разсчетъ этотъ приведенъ въ органѣ рабочей партіи «Työmies» № 81 за 1905 г.

четомъ сѣмянъ отъ полевыхъ продуктовъ составляетъ 700 марокъ (262 р. 50 к.) и отъ сѣна 125 м. (46 р. 82 к.), всего 825 марокъ (309 р. 32 к.). Отработки, денежная плата и продукты владѣльцу за пользованіе участкомъ составляютъ около 300 марокъ (112 р. 50 к.), стоимость полевыхъ работъ на участкѣ—1.200 марокъ (450 р.), слѣдовательно, весь расходъ равняется 1500 мар. (562 р. 50 к.). Такимъ образомъ, дефицитъ по полевому хозяйству достигаетъ 675 мар. (255 р. 18 к.); при этомъ еще не приняты въ разсчетъ расходы по инвентарю и нѣкоторые другіе. Въ виду такихъ условій торпари вынуждены прибѣгать для покрытія хозяйственнаго дефицита къ постороннимъ заработкамъ. Какъ увѣряетъ Варэнъ, торпари съ большимъ интересомъ относятся къ постороннимъ заработкамъ, чѣмъ къ собственному полевому хозяйству.

Въ свою очередь правовыя отношенія торпаря къ землевладѣльцу представляютъ цѣлую сѣть самыхъ разнообразныхъ обязанностей и повинностей, въ которой торпарь бьется, какъ въ крѣпостной кабалѣ. И это еще не все—власть собственника участка простирается даже въ область личныхъ правъ и жизни торпаря. Такъ, не рѣдко для торпаря ограничено право пользованія собственнымъ жилищемъ: нельзя безъ разрѣшенія владѣльца устраивать собранія, принимать къ себѣ жильцовъ и проч.; встрѣчаются ограниченія права торпаря распоряжаться своимъ свободнымъ временемъ: безъ разрѣшенія владѣльца нельзя идти на посторонніе заработки, а иной разъ прямо запрещается заниматься посторонними промыслами; ограничено для торпаря право свободнаго отчужденія продуктовъ и т. д. Наконецъ, владѣлецъ имѣетъ нравственный контроль за торпаремъ: въ договорахъ имѣются требованія отъ торпарей послушанія, почтенія, трезваго поведенія и проч. Судьба торпаря зависитъ отъ произвола владѣльца, такъ какъ послѣдній за нарушеніе какого-либо условія договора имѣетъ право выгнать торпаря съ участка, а это, помимо всего прочаго, для торпаря въ большинствѣ случаевъ сопряжено съ потерей результатовъ труда, затраченнаго на расчистку и приведеніе въ культурное состояніе участка.

Землевладѣльцы сплошь и рядомъ злоупотребляютъ своимъ исключительно выгоднымъ положеніемъ. Нерѣдко владѣлецъ, желая присоединить къ своимъ полямъ участокъ, приведенный въ культурное состояніе торпаремъ, по-просту придирался къ послѣднему, чтобы удалить его. Объ уплатѣ убытковъ при этомъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ даже вопросъ о возмѣщеніи затратъ на меліораціи рѣшается не въ пользу торпаря *). При такой полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ говорить о развитіи хозяйственной иниціативы и повышеніи полевой культуры, очевидно, не при-

*) Иногда торпари, впрочемъ, получаютъ пособіе на расчистку новины или первые годы на льготныхъ условіяхъ пользуются землей.

ходится. Въ мѣстной соціалистической литературѣ принято называть договоры торпарей «рабскими договорами». Надо согласиться, что содержаніе ихъ оправдываетъ это названіе, такъ какъ въ области «свободы договора» трудно представить себѣ большее неравенство: одна сторона, по этимъ договорамъ, имѣетъ однѣ обязанности и никакихъ правъ, а другая сторона имѣетъ одни права.

Если ко всему этому прибавить еще, что торпари, какъ и другія группы сельскаго пролетаріата, были лишены до сихъ поръ сеймового и общиннаго избирательнаго права, то въ общемъ получается обстановка крайне безправной и тяжелой жизни. Не смотря на безотрадно тяжелое положеніе торпарей, сословный сеймъ проявлялъ къ нему по меньшей мѣрѣ пассивное отношеніе. Такъ, вопросъ о необходимости регулировать условія земельной аренды новыми законодательными нормами возникъ въ сеймѣ еще въ 1885 г., а новый законъ получилъ высочайшее утвержденіе только 19 іюня 1902 г. и вошелъ въ силу только 1 января 1904 г. Къ тому же этотъ законъ оказался настолько неудовлетворительнымъ, что и землевладѣльцы, и торпари остались недовольны. Установленныя имъ ограниченія произвола землевладѣльцевъ были весьма умѣренны, а въ то же время осталась полная возможность обходовъ закона, и, въ частности, по такому существенному вопросу, какъ возмѣщеніе затратъ, произведенныхъ торпаремъ; на договоры, заключенные на срокъ или пожизненно до вступленія въ силу этого закона, дѣйствіе послѣдняго не распространялось и т. д. Въ виду всего этого онъ не могъ внести существенныхъ улучшеній въ положеніе торпарей, а, слѣдовательно, и не удовлетворилъ ихъ. О достоинствахъ этого закона краснорѣчиво говоритъ уже тотъ фактъ, что въ настоящее время всѣ политическія партіи Финляндіи требуютъ его пересмотра.

На ряду съ этимъ слѣдуетъ еще отмѣтить, какъ мѣру по воспособленію безземельнымъ, основаніе фонда для выдачи ссудъ послѣднимъ на покупку земли и организацію колонизаціи на казенныхъ земляхъ. Фондъ для выдачи ссудъ былъ основанъ въ 1898 г., въ размѣрѣ 550.000 марокъ *), а затѣмъ въ разное время были произведены въ него новыя отчисленія. За счетъ ссудъ изъ этого фонда 3000 семействъ безземельныхъ пріобрѣли участки земли. Дѣятельность правительства въ этомъ направленіи всѣми признается, однако, далеко недостаточной, и въ дѣйствительности она не внесла сколько-нибудь серьезнаго смягченія въ тяжелыя условія жизни сельскаго пролетаріата.

Порабощенное положеніе и политическое безправіе торпарей создали въ ихъ средѣ крайне благопріятную обстановку для соціалистической агитаціи, и этимъ не замедлила воспользоваться

*) Небольшія ассигнованія для улучшенія положенія безземельныхъ производились и нѣсколько раньше.

мѣстная соціалъ-демократическая партія. Первоначально всѣ силы ея были направлены къ тому, чтобы прочно утвердиться среди городского пролетаріата, и долгое время агитація среди сельскаго пролетаріата носила частичный характеръ. Но, когда октябрьская всеобщая политическая забастовка окончательно упрочила положеніе соціалъ-демократической партіи въ городѣ, ею сейчасъ же была начата широкая организованная агитація среди сельскаго пролетаріата и въ особенности среди торпарей въ цѣляхъ привлеченія ихъ въ ряды партіи. Особенностью этого перваго этапа въ начавшемся торпарскомъ движеніи является его узко-организаціонный характеръ соціалъ-демократическая партія первой практической задачей поставила созывъ обще-финляндскаго съѣзда делегатовъ торпарей. Такая тактика была, въ сущности, неизбѣжна для соціалъ-демократовъ, такъ какъ среди нихъ наблюдалась въ первое время неувѣренность въ постановкѣ практическихъ рѣшеній аграрнаго вопроса въ связи съ теоріей соціализма. Хотя на агитаціонныхъ собраніяхъ популяризировались идеи соціализма, но предложеній, вытекающихъ изъ теоретическихъ положеній соціализма, почти нигдѣ не дѣлалось. Вслѣдствіе этого многочисленныя резолюціи торпарскихъ собраній оставались не связанными съ партійной политикой и носили по преимуществу профессіональный характеръ и только по вопросу о реформѣ сейма нѣкоторыя собранія присоединились къ требованіямъ соціалъ-демократической партіи. Главными же требованіями выставлялись установленіе обязательности возмездія со стороны владѣльца, въ случаѣ оставленія торпаремъ участка, за меліораціи и постройки, обезпеченіе старости, установленіе 50-лѣтняго арендаго срока, нормировка наемной платы и рабочаго дня и т. д.

27—30 марта происходилъ съѣздъ представителей торпарей, на который явилось свыше 400 делегатовъ съ полномочіями отъ 50.000 лицъ, и на этомъ съѣздѣ можно было уже констатировать весьма серьезный успѣхъ соціалъ-демократической партіи. Призывы соціалъ-демократовъ къ организованной борьбѣ за экономическія требованія и политическія права всколыхнули массы сельскаго пролетаріата, а это, въ свою очередь, не могло не взволновать господствующіе классы. На этой почвѣ въ Финляндіи происходитъ теперь упорная борьба, тѣмъ болѣе знаменательная, что и другія партіи, не исключая и буржуазныхъ, въ виду совершившагося объединенія торпарей, готовы идти на серьезныя уступки по отношенію къ нимъ.

Такъ, группа представителей старо-финской партіи, среди которыхъ много землевладѣльцевъ, возбудила ходатайство о крайней неотложности пересмотра закона 1902 г. объ арендѣ земли и, съ своей стороны, предложила проектъ новаго закона, который по сравненію со старымъ является шагомъ впередъ, такъ какъ въ значительной степени освобожденъ отъ крѣпостническихъ вѣяній,

Въ свою очередь на конгрессѣ младо-финской партіи въ концѣ марта былъ принципіально одобренъ обширный докладъ по аграрному вопросу I. Кастрэна, въ которомъ предлагается значительное усиленіе и реорганизація операцій правительства по снабженію безземельныхъ земельными участками, на началахъ какъ собственности, такъ и наслѣдственной аренды, а въ частности для упорядоченія положенія торпарей признается необходимымъ пересмотръ закона 1902 г. объ арендѣ и содѣйствіе по пріобрѣтенію въ собственность торпарями земельныхъ участковъ. Прошлое обѣихъ этихъ партій не обезпечиваетъ имъ, однако, большого успѣха среди сельскаго пролетаріата, такъ какъ нынѣшнія ихъ обѣщанія стоятъ въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ прежней ихъ политикой.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ выступленіе руководителя мѣстнаго кооперативнаго движенія, д-ра Гебхарда, съ самостоятельной программой, около которой онъ пытается сгруппировать новую крестьянскую партію. Самъ д-ръ Гебхардъ принадлежалъ ранѣе къ старо-финской партіи, и это нѣсколько ослабляетъ его положеніе, но, съ другой стороны, онъ пользуется большою популярностью среди крестьянства, какъ организаторъ обширнаго кооперативнаго движенія. Характерной чертой выставленной имъ программы является ея принципіальная солидарность съ требованіями соціалъ-демократовъ; авторъ программы становится во враждебную позицію къ нимъ только по соображеніямъ тактическимъ. Главнымъ аргументомъ въ пользу организаціи особой крестьянской партіи онъ ставитъ то, что с.-д. партія—партія городского пролетаріата, для котораго сельское населеніе нужно, какъ стадо избирателей, и, слѣдовательно, ожидать отъ с.-д. партіи удовлетворенія деревенскихъ нуждъ нельзя. На ряду съ этимъ Гебхардъ ставитъ для селянъ образцомъ организованность городскихъ и промышленныхъ рабочихъ. Въ самомъ содержаніи программы будущей крестьянской или селянской партіи слѣдуетъ отмѣтить требованіе удовлетворенія земельной нужды путемъ раздачи участковъ безземельнымъ въ наслѣдственное пользованіе, а не въ собственность; выдача ссудъ торпарямъ на выкупъ участковъ допускается, какъ рѣдкое исключеніе. Однако д-ръ Гебхардъ находитъ невозможнымъ полное разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ раздачи казенныхъ и спеціально для этого пріобрѣтенныхъ частновладѣльческихъ земель и потому настаиваетъ на коренномъ пересмотрѣ закона 1902 г. объ арендѣ.

Что касается соціалъ-демократической партіи, то ея практической платформой въ настоящій моментъ являются постановленія вышеупомянутаго Таммерфорскаго съѣзда торпарей. Съѣздъ этотъ какъ въ принципіальномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи далъ очень много. Во-первыхъ, съѣздъ 312 голосами противъ 27 призналъ, что только установленіемъ наслѣдственнаго права пользованія можетъ быть достигнуто массой торпарей прочное и неза-

висимое положеніе, и отвергъ предложеніе о переходѣ земельныхъ участковъ въ собственность торпарямъ. Такимъ образомъ, выяснилось отрицательное отношеніе торпарей къ частной земельной собственности, въ чемъ нельзя не видѣть замѣтнаго успѣха распространенія среди сельскаго пролетаріата идей соціализма. Во-вторыхъ, съѣздъ высказался за установленіе принудительной отдачи всѣхъ годныхъ для культуры казенныхъ и частновладѣльческихъ земель, если онѣ не обрабатываются самими владѣльцами, въ пользованіе желающихъ. Въ третьихъ, съѣздомъ предъявленъ цѣлый рядъ практическихъ требованій по упорядоченію условій аренды, огражденію интересовъ арендаторовъ, обузданію аппетитовъ землевладѣльцевъ и проч. Наконецъ, торпари постановили на съѣздѣ примкнуть къ соціалъ-демократической партіи, пополнивъ со своей стороны главный комитетъ партіи 5 представителями, и организовали руководство забастовкой. Въ общемъ надо признать, что Таммерфорскій съѣздъ является серьезнымъ шагомъ по пути установленія солидарности между сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ Финляндіи. Оцѣнивая эти результаты, нельзя забывать, что сельскій пролетаріатъ Финляндіи все время жилъ бокъ о бокъ съ мелкимъ собственникомъ, а это не могло не отразиться на нуждахъ пролетаріата; въ частности и весьма распространенная среди мѣстнаго пролетаріата идея «раздѣла земли» носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Недаромъ нѣкоторые делегаты говорили на Таммерфорскомъ съѣздѣ: «мы пришли сюда съ одной вѣрой, а уходимъ съ другой».

Таковы тѣ условія, при которыхъ различныя партіи Финляндіи готовятся вступить въ борьбу между собою на почвѣ аграрнаго вопроса. Предсказывать непосредственные результаты этой борьбы было бы, конечно, преждевременно, но уже и теперь можно сказать, что главное значеніе предстоящей въ Финляндіи выборной кампаніи сведется къ борьбѣ буржуазныхъ и соціалистическихъ теченій за преобладаніе въ финской деревнѣ, и что тотъ или иной исходъ этой кампаніи на ближайшіе годы опредѣлитъ собою успѣхи демократизма въ странѣ.

Р. Оленинъ.

Политика.

Соціалисты во французскомъ парламентѣ. — Изъ исторіи русской дипломатіи. — Впечатлѣнія иностранцевъ о совершающихся въ Россіи событіяхъ. — Текущія событія: Италія, Испанія, Австро-Венгрія, Норвегія, Сербія.

I.

Огромнаго значенія событія развертываются въ настоящее время во Франціи. Изъ консервативной республики, которую основали Тьеръ и Гамбетта и ихъ поколѣнія, она въ этомъ 1906 году окончательно превратилась въ радикальную демократическую. И въ это же время объединенные соціалисты выступаютъ уже со знаменемъ соціальной республики, обѣщаютъ скорое осуществленіе этого превращенія. И основаніе радикальной республики, и выступленіе объединенныхъ соціалистовъ со своей практической программой, оба факта представляются выдающимися событіями, имѣющими серьезное значеніе для всего цивилизованнаго міра, а для Франціи прямо громадное.

Результаты законодательныхъ выборовъ мы подробно изложили въ нашей прошлой бесѣдѣ. Мы знаемъ, что радикальное министерство одержало блестящую побѣду. Даже безъ соціалистовъ, оно получило солидное большинство. Прибавимъ, что это большинство еще усилилось, благодаря тому, что изъ состава группы прогрессистовъ (центръ) выдѣлились болѣе лѣвые элементы и образовали, подъ предсѣдательствомъ Фландэна, новую группу «Республиканскаго демократическаго союза» (Union républicaine démocratique), почти не отличающуюся отъ группы демократовъ и рѣшившую поддерживать радикальное министерство. Съ другой стороны, еще до собранія палаты стало извѣстно, что вѣроятно соціалисты выйдутъ изъ союза лѣвыхъ и станутъ въ такомъ случаѣ въ рѣшительную оппозицію радикальному правительству.

Палата была созвана на 1 іюня, но уже 30 мая группа объединенныхъ соціалистовъ (Socialistes unitiés) собралась на совѣщаніе о той тактикѣ, которую надо одобрить для ближайшей парламентской дѣятельности. Членъ группы Бретонъ поднялъ немедленно вопросъ, оставаться-ли въ «союзѣ лѣвыхъ», какъ то было въ двухъ предыдущихъ парламентахъ, или отдѣлиться отъ союза (такъ называемаго «блока») и перейти въ оппозицію? Самъ Бретонъ полагалъ, что слѣдовало остаться въ союзѣ. Онъ указывалъ, что радикалы въ своихъ избирательныхъ манифестахъ выставили требованія многихъ соціальныхъ реформъ, осуществленію которыхъ соціалисты могутъ помочь, оставаясь въ «блокѣ». Бретону возра-

жалъ прежде всего Жорэсъ. Онъ находилъ, что наступило время для соціалистовъ широко развернуть свою собственную программу. Соціалисты должны были помочь радикаламъ окончательно раздавить клеракализмъ и реакцію. Соціалисты это уже сдѣлали и достигли того, что отнынѣ основана во Франціи радикальная демократическая республика и этому строю уже не грозитъ никакая опасность. Радикалы обѣщали нѣкоторыя соціальныя реформы. Пусть они ихъ осуществляютъ. Это поможетъ народу и облегчитъ борьбу за полную соціальную реформу, которая отнынѣ и должна быть задачею партіи. Жорэса поддержалъ затѣмъ Гэдъ. Онъ сказалъ, что не очень надѣется на осуществленіе радикалами обѣщанныхъ ими реформъ. Какъ всякая буржуазная партія, они, вѣроятно, обманутъ народъ, но это обстоятельство объединитъ народныя массы вокругъ соціалистическихъ знаменъ и ускоритъ соціальную реформу, которую и надо немедленно отстаивать въ полномъ размѣрѣ. Это неудобно, оставаясь въ «блокѣ». Партія постановила не входить въ «блокъ» и образовать самостоятельную оппозиціонную группу.

Собралась палата 1 іюня, но только къ 8 іюню настолько продвинула повѣрку выборовъ, что выбрала постоянное бюро. Предсѣдателемъ избранъ радикалъ Анри Бриссонъ большинствомъ 382 изъ 429 принявшихъ участіе въ голосованіи. Триста восемьдесятъ два министерскихъ голоса, сорокъ семь за другихъ кандидатовъ и свыше 50 воздержались. Эти тоже въ оппозиціи, но обѣ оппозиціи (и справа, и слѣва) насчитали съ небольшимъ сто голосовъ. Правда, въ этомъ случаѣ центръ голосовалъ за министерскаго кандидата.

12 іюня (по нашему 30 мая), когда огромное большинство выборовъ было уже провѣрено и бюро палаты окончательно организовано, министерство выступило съ декларацiей о своей программѣ, а соціалисты съ запросомъ объ общей внутренней политикѣ министерства.

Декларація правительства.

(Прочтена въ палатѣ Саррьеномъ, въ сенатѣ—Клемансо).

«Господа, министерство, которое сегодня вамъ представляется, съ перваго же дня своего существованія, и по самому своему составу и по своимъ дѣйствіямъ, обнаружило твердую рѣшимость реализовать единеніе республиканцевъ для охраненія порядка и мира въ странѣ и для обезпеченія свободнаго выраженія всенароднаго голосованія на законодательныхъ выборахъ.

Поддержанное парламентскимъ большинствомъ и довѣріемъ избирателей, правительство выполнило поставленную задачу.

Голосованіями 6 и 20 мая, Франція съ новою силою подтвердила свою волю охранять, укрѣплять и развивать учрежденія, ею

основанныя, и продолжать политику прогресса и реформъ, проводимую въ послѣдніе годы.

Порядокъ возстановленъ. Акты мятежа, сопровождавшіе опись церковныхъ инвентарей, прекратились. Стачки, вспыхнувшія въ разныхъ мѣстностяхъ и волновавшія общественное мнѣніе своими печальными инцидентами, почти закончились. Полемика, порожденная избирательною борьбою, стала неопредѣленнымъ воспоминаніемъ, и умиротвореніе постепенно овладѣваетъ умами.

Не страшась, что нарушитъ свои обязанности, увѣренное, что всегда въ состояніи безъ труда подавить всякую попытку вызвать безпорядки, правительство предлагаетъ вамъ открыть свои работы провозглашеніемъ общей амнистіи. Республиканская партія, показавъ свою силу, можетъ выказать умѣренность и великодушіе и закономъ о милостяхъ отпраздновать избраніе новаго президента республики и блестящую побѣду, одержанную республиканцами.

Въ первомъ ряду вопросовъ, которые мы представляемъ вниманію и усмотрѣнію палаты, является вопросъ о возстановленіи бюджетнаго равновѣсія. Нѣкоторые налоги были отмѣнены въ бюджетѣ на 1906 годъ. Съ другой стороны, многочисленные законы, принятые предыдущимъ парламентомъ, именно, воинскій уставъ, положеніе о призрѣніи старцевъ и неспособныхъ работать, законъ о повышеніи жалованья и пенсій разнымъ категоріямъ служащихъ, повлекли увеличеніе расходовъ, которые обременятъ бюджетъ 1907 года и послѣдующихъ.

Правительство вамъ предложитъ реализовать возможныя сбереженія, совмѣстимыя съ правильнымъ ходомъ общественныхъ дѣлъ, и согласовать первостепенную необходимость обезпечить оборону страны съ обязанностью не разстраивать финансовъ.

Правительство предложитъ упрощеніе администраціи, цѣль котораго не только сократить расходы, но и дать просторъ живымъ силамъ страны.

Правительство представляетъ вамъ реформы, которыя имѣютъ задачей сдѣлать налоги болѣе соотвѣтствующими средствамъ плательщиковъ, именно реформу поземельнаго налога, и проектъ общаго подоходнаго налога, который, не смѣшивая доходы отъ капиталовъ и доходы отъ труда, не облагая въ одинаковой степени мелкіе и крупные доходы, не будетъ носить инквизиторскаго характера и не будетъ посягать ни на собственность, ни на свободу гражданъ.

Этотъ новый налогъ несовмѣстимъ съ нынѣ существующими прямыми налогами, которые надо отмѣтить. Съ другой стороны, предвидимый ростъ доходовъ отъ новаго налога надо сберечь для проектируемыхъ соціальныхъ реформъ. Въ этихъ видахъ, является необходимость обезпечить государству увеличеніе доходовъ. Въ проектѣ бюджета, который въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ представленъ палатѣ, правительство укажетъ и размѣръ, и

сущность доходовъ, которые по преимуществу должны поступить за счетъ богатствъ, уже накопленныхъ.

Правительство разсчитываетъ на содѣйствіе парламента для установленія въ бюджетѣ искренности и ясности, предпринятаго правительствомъ въ сознаніи, что это является патріотическимъ долгомъ.

Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства будетъ осуществляемъ съ твердостью въ духѣ, принятомъ парламентомъ и утвержденномъ страною. Правительство будетъ продолжать дѣло полной лаисизаціи школъ. Оно предложитъ окончательную отмѣну закона Фаллу, уже вотированную сенатомъ, отмѣну несправедливыхъ привилегій, которыми пользуются частныя среднеучебныя заведенія, и установленіе дѣйствительнаго контроля государства за обученіемъ въ этихъ заведеніяхъ. Наконецъ, правительство сдѣлаетъ общественное образованіе все болѣе и болѣе демократическимъ, сдѣлавъ его доступнымъ на всѣхъ ступеняхъ дѣтямъ народа, сообразно ихъ способностямъ, а не состоятельности.

Нѣкоторые приговоры военныхъ судовъ волновали общественное мнѣніе. Правительство предложитъ ихъ реформу, а также реформу и военно-морскихъ трибуналовъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ также внесены законы о кадрахъ и о производствѣ офицеровъ.

Мы будемъ васъ просить также измѣнить законъ 1884 года (о синдикатахъ), уничтоживъ статьи о спеціальныхъ проступкахъ и даровавъ синдикатамъ право собственности и право торговли. Мы предложимъ распространить преимущества этого закона на новые слои гражданъ.

Отказывая чиновникамъ въ правѣ стачекъ, мы предложимъ дать имъ гарантію отъ начальственнаго произвола въ видѣ особаго устава.

Столкновенія между капиталомъ и трудомъ становятся все сильнѣе и острѣе. Они могутъ подорвать процвѣтаніе торговли и промышленности, и намъ кажется, что настало время серьезно изучить вопросъ о возможномъ предупрежденіи повторенія этихъ столкновеній. Мы думаемъ, что необходимо особымъ закономъ опредѣлить права и обязанности, вытекающія изъ договора о трудѣ. Необходимо издать правила, относящіяся къ заключенію, исполненію и разрыву такого договора, и опредѣлить свойства коллективнаго договора о трудѣ, которыя обрисовываются въ общемъ сознаніи, хотя еще недостаточно ясно и опредѣленно. Подъ сѣнью этого закона, среди великолѣпнаго развитія промышленности, рабочіе и патроны найдутъ возможность согласовать экономическія необходимости, индивидуальную свободу и защиту болѣе слабыхъ, признаваемую нынѣ всѣми.

По тѣмъ же соображеніямъ, проектируется и законъ о нормальной длинѣ рабочаго дня. Не теряя изъ вида требованія все-

мірной конкурренціи, не забывая, съ другой стороны, что извѣстные шаги общественной жизни совершаются у всѣхъ конкуррирующихъ націй и что международные трактаты о трудѣ становятся все болѣе необходимыми и настоятельными, мы думаемъ, однако, что возможно дать удовлетвореніе требованіямъ трудящагося народа, желающаго имѣть время, чтобы быть гражданиномъ. Мы думаемъ также, что пора дать всѣмъ служащимъ (employés) въ отношеніи продолжительности рабочаго дня такое же покровительство закона, какимъ пользуются рабочіе.

Одновременно съ этими законопроектами, мы думаемъ провести реформы, проектированныя нашими предшественниками объ еженедѣльномъ отдыхѣ и о выдачѣ заработной платы. Еще въ февралѣ палата вотировала законопроектъ о рабочихъ пенсіяхъ. Мы будемъ поддерживать этотъ проектъ въ сенатѣ.

Катастрофа въ Курьерѣ обратила вниманіе правительства на недостатки закона 1810 года. Мы намѣрены представить законопроектъ съ цѣлью исправить эти недостатки, частью расширяя контроль государства, частью опредѣляя условія, отсутствіе которыхъ можетъ быть опаснымъ. Мы хотимъ обезпечить капиталу и труду болѣе справедливое вознагражденіе за ихъ усилія. Проектируя въ будущихъ концессіяхъ призвать горнорабочихъ къ участію въ прибыляхъ, мы имѣемъ въ виду двѣ цѣли: сдѣлать новый шагъ по пути соціальной справедливости и дать примѣръ для другихъ отраслей промышленности.

Правительство будетъ продолжать оказывать особое вниманіе вопросамъ, касающимся интересовъ земледѣлія. Будетъ представленъ законопроектъ, устанавливающій легальное представительство земледѣлія, и будутъ приложены всѣ усилія, чтобы поддержать отрасли земледѣлія, нынѣ особенно поколебленныя. Равнымъ образомъ, въ интересахъ виноградарства и винодѣлія предполагается строго преслѣдовать всякія поддѣлки и фальсификацію. Вамъ будутъ представлены соотвѣтственные законопроекты для пополненія пробѣловъ существующаго законодательства.

Относительно колоній нашею задачею является содѣйствовать экономическому процвѣтанію нашихъ заморскихъ владѣній, обезпечивъ имъ дѣятельную администрацію, хорошіе финансы, правый и скорый судъ.

При образованіи нашего кабинета, мы изложили основы нашей внѣшней политики. Въ сознаніи правъ и жизненныхъ интересовъ страны, мы выразили убѣжденіе, что охрана этихъ правъ и нормальное развитіе этихъ интересовъ не посягаютъ на интересы и права никакой другой державы, и что справедливость и миръ суть основы французской иностранной политики. Съ тѣхъ поръ мы неизмѣнно слѣдовали этимъ принципамъ поведенія и марроккскій вопросъ убѣдилъ весь міръ въ правильности нашей политики, признавъ нашу лояльность и сознаніе взаимныхъ правъ

и обязанностей націй. Мы не думали сходить съ этого пути, котораго правильность доказала альгезиразская конференція, почетная для всѣхъ участниковъ. Благодаря этой конференціи, мы сохранили и укрѣпили союзъ и дружественныя отношенія, столь цѣнныя и по своимъ задачамъ столь совпадающія съ нашею политикою. Благодаря ей же, мы уменьшимъ въ будущемъ рискъ несогласій и столкновеній и мы окажемся въ условіяхъ, наилучшихъ для справедливаго разрѣшенія всякихъ затрудненій.

Съ полнымъ довѣріемъ полагаясь на армію и флотъ и въ полномъ сознаніи своего могущества, обезпечивающаго безопасность страны, Франція надѣется, что націи, подобно ей, будутъ стремиться къ рѣшеніямъ, основаннымъ на правѣ, и она разсчитываетъ, что развитіе всемірнаго мнѣнія въ этомъ направленіи, чему и сама она искренно послужитъ, дозволитъ націямъ признать возможнымъ сократить вооруженія, что гаагская конференція объявила весьма желательнымъ въ интересахъ матеріальнаго и моральнаго благосостоянія человѣчества.

Не одни политическіе вопросы составляютъ предметы внѣшней политики. Дипломатическіе и соціальные вопросы занимаютъ все большее мѣсто. Такъ, по иниціативѣ комитета международнаго общества легальной защиты труда, была выработана конвенція о воспрещеніи ночной работы женщинъ, а также о воспрещеніи употреблять бѣлый фосфоръ на спичечныхъ заводахъ. 5 апрѣля мы увѣдомили, что правительство республики присоединяется къ конвенціи. Мы будемъ стремиться расширять сферу этихъ международныхъ соглашеній по рабочему вопросу. Мы полагаемъ, такимъ образомъ, въ вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ также, какъ и въ политическихъ, въ узкомъ словѣ служить дѣлу внутренняго мира республики и дѣлу міра всеобщаго.

Программа эта, нами вамъ представленная, не есть программа законченная. Внимательно слѣдя за желаніями и чувствами націи, мы всегда будемъ готовы вмѣстѣ съ вами изучать и разрѣшать задачи, постоянно выдвигающіяся передъ общественнымъ мнѣніемъ».

II.

Никогда никакое французское правительство не представляло народному представительству программы, такъ далеко идущей влѣво, какъ эта программа, прочитанная Саррьеномъ и Клемансо. И, однако, едва-ли какая-либо министерская декларація была предметомъ такой блестящей критики и такого сильнаго удара именно слѣва. Гвоздемъ этой исторической парламентской битвы была рѣчь Жорэса.

Немедленно послѣ прочтенія деклараціи, внесены запросы Жеро Ришара, Зеваэса, Поля Констана и Жорэса о внутренней

политикѣ. Саррьенъ принялъ немедленное обсужденіе, и пренія открылись.

Жеро Ришаръ—независимый соціалистъ. Былъ когда-то представителемъ Парижа, но забаллотированный парижанами, перенесъ свою кандидатуру на островъ Гваделупу, гдѣ уже нѣсколько выборовъ неизмѣнно переизбирается негритянскимъ большинствомъ этого острова. Рѣчь свою онъ начинаетъ словами: «Министерская декларація крайне упростила задачу интерпеллянтовъ. *Она ихъ вполнѣ удовлетворила*». Ему не такъ много надобно, этому «соціалисту». Затѣмъ онъ взываетъ къ единенію всѣхъ лѣвыхъ. Послѣ Жеро Ришара говорилъ Зеваэсъ, тоже независимый соціалистъ, недавно считавшійся однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Жюля Гэда. Онъ говорилъ о выборахъ и общихъ вопросовъ не касался. Третья рѣчь была Поля Констана, объединеннаго соціалиста. Она касалась нѣкоторыхъ инцидентовъ на недавнихъ стачкахъ. Наконецъ, четвертымъ взошелъ на трибуну Жорэсъ.

Ораторъ начинаетъ съ частнаго факта. Клемансо въ Ліонѣ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся стачекъ горнорабочихъ въ сѣверной Франціи и очень рѣзко осудилъ поведеніе стачечниковъ. Жорэсъ теперь напоминаетъ эти рѣзкости и продолжаетъ: «Что же случилось въ Па-де-Кале? Министръ внутреннихъ дѣлъ (Клемансо) нарисовалъ жестокую картину... Было нѣсколько угрожающихъ жестовъ и словъ по адресу работающихъ... И я такъ же сожалѣю объ этихъ угрозахъ. Но если бы министръ внутреннихъ дѣлъ примѣнилъ ту же безпощадную горечь и то же искусное освѣщеніе для изображенія всего того угнетенія, которое въ теченіе поколѣній тяготѣетъ надъ этими жертвами горнопромышленныхъ компаній, онъ нарисовалъ бы намъ картину, потрясающую и поучительную. Однако, онъ много разъ рисовалъ эту картину, какъ журналистъ; ему показалось излишнимъ ее повторять, будучи министромъ. Придрались въ Па-де-Кале къ прискорбной борьбѣ двухъ синдикатовъ, чтобы наводнить мѣстность войсками и нарушить элементарнѣйшія права стачки. Туда, гдѣ никогда не входило въ стачку болѣе 10.000 человѣкъ, было введено 25.000 солдатъ и ими заняты всѣ помѣщенія для собраній. Благодаря этому, говорить могли только генералы. Никто изъ представителей синдикатовъ не могъ сказать рабочимъ ободряющаго слова. Въ терроризованномъ городѣ нѣтъ мѣста для трудового міра».

Послѣ этого критическаго вступленія, поколебавшаго демократическое олимпійство радикальныхъ лидеровъ, Жорэсъ посвящаетъ большую часть рѣчи изложенію программы коллективизма и только въ концѣ рѣчи возвращается къ критикѣ правительства. Къ серединѣ рѣчи мы вернемся ниже, а теперь закончимъ критическую часть.

Окончивъ изложеніе коллективистской доктрины, Жорэсъ обращается къ радикаламъ съ вопросомъ: «что же вы думаете и мо-

жете сдѣлать для освобожденія рабочаго класса?» Возвращаясь къ ліонской рѣчи Клемансо, онъ съ горечью замѣчаетъ, что ожидалъ совсѣмъ другого отъ человѣка, который столь долго водилъ въ битву республиканцевъ. И обращаясь непосредственно къ Клемансо, Жорэсъ требуетъ объясненія его программы. «Бываютъ минуты въ исторіи (говоритъ Жорэсъ), когда люди должны занять позиціи. Сто пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годину великой революціи, Мирабо, Верньо, Робеспьеръ, Кондорсе, конечно, тоже ошибались. Они противоставляли системѣ систему, принципамъ принципы. Но они принимали рѣшенія, они смѣли, они знали, что старый міръ разлагается, что надо выбросить его останки и создать міръ новый. Не топчась въ великой скромности на одномъ мѣстѣ, но имѣя большой запасъ благородства и смѣлости, эти люди разрушили старое и основали новое общество. А теперь послѣ ста двадцати лѣтъ усилій соціалистской и рабочей мысли, наступилъ часъ, когда общество должно вскрыть тайну своихъ судебъ и осуществить идеалъ справедливости. Мы высказываемся и принимаемъ отвѣтственность. Выскажитесь же и вы, которые называетесь правительствомъ». Послѣ нѣсколькихъ фразъ, брошенныхъ по адресу радикаловъ, безсильныхъ дать систематическую программу рѣшенія рабочаго вопроса (что, однако, ими обѣщается), Жорэсъ обращается къ министерской деклараціи. Сбивчивость этой деклараціи, полное отсутствіе руководящаго критерія при выборѣ предположенныхъ реформъ, такое же отсутствіе какой либо планомѣрности во всей программѣ, несоотвѣтствіе предлагаемыхъ средствъ съ предполагаемыми задачами, совершенная безсодержательность министерской риторики настолько бросаются въ глаза всякому не предубѣжденному человѣку, что Жорэсу не стоило большого труда логически и морально разбить министерское хитросплетеніе, гдѣ за громкими фразами чувствуется совершенная идейная пустота. Ни сознанія широты задачи, ни пониманія ея трудности и сложности, ни признанія ея нравственной повелительности,—такова эта министерская программа, выступившая въ минуту, когда уже ничто и никто не препятствуетъ лидерамъ радикализма осуществить свои идеалы. Показавъ пустоту и негодность министерской деклараціи, Жорэсъ останавливается еще на обѣщаніяхъ возстановить равновѣсіе бюджета и ввести подоходный налогъ. Онъ доказываетъ, что предлагаемыя средства не возстановятъ бюджетнаго равновѣсія, а проектируемый подоходный налогъ является простымъ обманомъ, потому что весьма далекъ отъ дѣйствительной подоходности. Такая программа радикальнаго министерства совершенно не соотвѣтствуетъ неотложнымъ требованіямъ историческаго дня.

«И вотъ почему (заканчиваетъ свою рѣчь лидеръ соціалистовъ), и вотъ почему я говорю вамъ, что вы совершаете огромную ошибку, и что вся ваша политика есть огромное несчастіе. Мы вышли изъ

битвы, въ которой республиканская партія одержала самую рѣшительную побѣду, при чемъ во время борьбы были развернуты соціальныя пожеланія, превзошедшія все, о чемъ смѣли надѣяться самые смѣлые. И въ эту-то минуту вы намъ приносите пустопорожнія фразы, искалѣченныя рѣшенія и колеблющуюся политику. Вы много ниже уровня, до котораго поднялось всенародное голосованіе...»

Жорэсъ сошелъ съ трибуны среди рукоплесканій не только на скамьяхъ крайней лѣвой (соціалисты), но и съ очень значительнаго числа скамей радикальныхъ и демократическихъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи Жорэсу отвѣчалъ Клемансо отъ имени правительства и отъ своего собственнаго, такъ какъ былъ задѣтъ Жорэсомъ не только, какъ министръ, но и какъ гражданинъ и человѣкъ.

Однако, прежде возвратимся къ рѣчи Жорэса, именно, къ пропущенной нами главной ея части, гдѣ вождь французскихъ соціалистовъ изложилъ основы коллективистской программы и подвергъ строгой критикѣ весь нынѣшній соціальный строй, исполненный несправедливости, неравенства и экономическаго гнета.

III.

Обращаясь къ программной части своей рѣчи, Жорэсъ начинаетъ со взгляда на современное соціальное состояніе Франціи.

«Знаете ли вы (говоритъ онъ), что рисуетъ намъ статистика наслѣдствъ (публикуемая министерствомъ финансовъ) по вопросу о распредѣленіи богатства и собственности во Франціи? Сумма наслѣдствъ величиною отъ одного франка до 10.000 фр., представляетъ капиталъ въ 23 милліарда франковъ, а сумма наслѣдствъ, величиною отъ 10.000 до 100.000 фр., равняется капиталу въ 50 милліардовъ франковъ. Эти цифры относятся къ наслѣдствамъ мелкой и средней буржуазіи. Въ ихъ свѣтѣ взглянемъ и внизъ отъ нихъ, и вверхъ.

Во Франціи ежегодно умираетъ отъ 800 до 900 тысячъ человѣкъ. Однако, число наслѣдствъ менѣе 400 тысячъ. Остальные внизу безчисленные пролетаріи, преимущественно рабочіе, своимъ трудомъ создающіе всѣ богатства страны, но въ минуту сведенія ихъ послѣдняго счета въ этомъ счетѣ въ строкѣ *собственность* стоитъ нуль.

Что касается взгляда вверхъ, то тамъ видимъ, что изъ 176 милліардовъ франковъ, цифру, которую согласно статистикѣ наслѣдствъ можно принять, какъ представляющую сумму всѣхъ богатствъ 36 милліоновъ французовъ, 221.000 человѣкъ обладаютъ 105 милліардами *(оживленные аплодисменты на скамьяхъ крайней лѣ-*

вой и на многихъ скамьяхъ лѣвой)! Пусть министръ финансовъ провѣритъ мои вычисленія, онъ ихъ подтвердитъ.

Итакъ, внизу 15 милліоновъ человѣкъ, ничего не имѣющихъ; вверху 221 тыс. обладаютъ 105 милліардами: такова крайность, противопоставленная полной бѣдности (*аплодисменты*).

Не повѣрите ли вы, однако, что общество, въ которомъ заводы, фабрики, рудники, помѣстья находились-бы не въ рукахъ ничтожнаго меньшинства, а во владѣніи всѣхъ сфедерированныхъ производителей, не было бы и болѣе справедливымъ, и болѣе гуманнымъ (*продолжительныя рукоплесканія*)? Отвѣчайте же прежде, нежели проклинать...

Именно этого преобразованія (*маркизъ Діокъ прерываетъ «этой экспропріаціи»*), да, именно этой экспропріаціи и требуютъ соціалисты (*огромное впечатлѣніе и разныя движенія на всѣхъ скамьяхъ, соціалисты рукоплещутъ*)»...

Далѣе ораторъ обращается къ радикаламъ съ указаніемъ, что если они находятъ невозможнымъ такое преобразованіе, то тогда станетъ всякому ясно, что не правые, не церковь, а само республиканское большинство объявитъ банкротство идеаловъ гуманности. Затѣмъ онъ указываетъ, что это преобразованіе возможно совершить на точномъ основаніи нынѣшнихъ законовъ... Не предрѣшая деталей, онъ можетъ только сказать, что большинство соціалистовъ и крупные теоретики партіи предпочитаютъ отчужденіе капитала въ общее владѣніе, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ собственниковъ, съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ. Это заявленіе производитъ впечатлѣніе и вызываетъ разныя движенія. Однако позднее время и утомленіе побуждаютъ отложить окончаніе рѣчи Жорэса до слѣдующаго засѣданія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи Жорэсъ начинаетъ свою рѣчь ссылкою на мнѣніе, будто этою своею рѣчью онъ желаетъ выполнить данное имъ обѣщаніе внести законопроектъ о соціальной реформѣ. «Это обѣщаніе я помню (продолжаетъ онъ), я его сдержу и внесу кодексъ труда, въ которомъ будетъ систематически проектирована новая соціальная организація, но чтобы окончательно систематизировать и проредактировать идеи, уже давно сложившіяся, мнѣ понадобится четыре, быть можетъ, пять мѣсяцевъ (*соціалисты аплодируютъ*). Однако, полезно, чтобы уже теперь, съ первыхъ шаговъ этого парламента, стало извѣстно, что мы, соціалисты, выступаемъ не съ одними отрицаніями и приносимъ сюда программу положительнаго рѣшенія соціальной проблемы».

Послѣ этого, ораторъ возвращается къ вопросу о выкупѣ капитала, чѣмъ закончилъ рѣчь въ предыдущемъ засѣданіи. Онъ повторяетъ, что большинство соціалистовъ являются сторонниками выкупа; указываетъ, что революція стоила бы рабочему классу дороже выкупа и что, слѣдовательно, сами интересы рабочихъ диктуютъ это рѣшеніе; цитируетъ Энгельса и Маркса, высказы-

вавшихся тоже за выкупъ; цитируетъ и Вандервельда, и свои собственные труды; наконецъ, заключаетъ: «именно въ этомъ духѣ, въ этомъ примирительномъ духѣ, мы и разсматриваемъ проблему и спрашиваемъ, какими же средствами вы осуществите соціальную реформу?»

Этотъ вопросъ, обращенный къ палатѣ, вовсе не собирающейся «осуществлять соціальную реформу», возбуждаетъ протесты, но всѣ такъ заинтересованы изложеніемъ доктрины, что протесты умолкаютъ, и палата съ прежнимъ вниманіемъ слушаетъ краснорѣчиваго оратора.

«Да, какъ вы вырвете (продолжаетъ Жорэсъ) средства производства изъ рукъ привилегированнаго класса, который ими владѣетъ и сдѣлалъ изъ нихъ орудіе эксплуатаціи и господства надъ огромною массою пролетаріевъ? Вы можете это совершить безъ насилія, безъ споліаціи, опираясь на легальныя средства, которыя и теперь вполнѣ въ вашихъ рукахъ. И теперь, если бы вы захотѣли покончить съ режимомъ эксплуатаціи капиталомъ труда и человѣкомъ человѣка, вы можете примѣнить къ капиталистической собственности законъ, заключенный въ вашихъ кодексахъ, именно законъ объ экспропріаціи въ цѣляхъ общественной пользы и съ справедливымъ вознагражденіемъ (*огромное впечатлѣніе, протесты, возгласы удивленія*). Если есть важнѣйшій предметъ и высшіе интересы, оправдывающіе примѣненіе этого закона, то, конечно, это обсуждаемый нынѣ предметъ и обсуждаемые нынѣ интересы. Вы можете улыбаться и протестовать, всетаки правда на нашей сторонѣ, когда мы говоримъ, что наступилъ моментъ въ интересахъ рабочаго класса примѣнить этотъ законъ, доселѣ примѣнявшійся лишь въ интересахъ капитала для его сооруженій, для прокладки желѣзныхъ дорогъ черезъ земли нашихъ крестьянъ (*рукоплещутъ соціалисты, протестующіе возгласы справа и въ центрѣ*)... Что касается проектируемаго выкупа, то его значеніе опредѣлится значеніемъ самой реформы. Теперь цѣнности, полученныя бывшимъ собственникомъ, могутъ быть имъ употреблены на пріобрѣтеніе орудій производства и помѣстій, а также и предметовъ потребленія. Послѣ реформы онѣ могутъ быть употреблены для пріобрѣтенія только предметовъ потребленія и не смогутъ снова служить орудіемъ эксплуатаціи».

Вся прибыль, которую теперь получаютъ капиталисты, получитъ общество. Жорэсъ полагаетъ, что немедленно же это позволитъ осуществить новыя реформы: общее поднятіе уровня заработной платы, при чемъ это поднятіе должно увеличиваться сверху внизъ; совершенное обезпеченіе старости, инвалидности, болѣзней; установленіе гигіеничности жилищъ съ разселеніемъ за городъ; помощь крестьянамъ въ меліораціи ихъ культуръ и т. д. Далѣе, ораторъ обратился къ критикѣ радикальной программы, съ которою мы уже познакомили читателей выше.

Отвѣчалъ Клемансо съ обычнымъ краснорѣчіемъ и съ обычнымъ благородствомъ, но по существу ему отвѣтить было нечего. Вотъ, напр., изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ: «Амфіонъ звуками лиры возвелъ стѣны Ѳивъ. Голосъ г. Жорэса совершаетъ еще большее чудо; онъ говоритъ, и вѣковая организація человѣческихъ обществъ внезапно разрушается. Все, что человѣкъ думалъ, желалъ, совершалъ, чтобы улучшить свою долю, чтобы приблизить часъ соціальной справедливости, все, что онъ выстрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ первобытныхъ пещеръ отправился покорять эту планету, всѣ его побѣды и завоеванія, все разсыпалось въ прахъ и улетучилось пепломъ, и, если вы будете слѣдить за полетомъ этого пепла, вы увидите воздушный замокъ, пышный и блестящій, изъ котораго навсегда изгнана бѣдность»... и т. д. Краснорѣчиво, но вѣдь это общія мѣста, которыми можно встрѣтить рѣшительно каждую реформу, въ томъ числѣ и реформы, требуемыя самимъ Клемансо.

Мы дали подробный отчетъ объ этихъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ новой французской палаты. Весьма возможно, что этими засѣданіями откроется новый періодъ въ исторіи Франціи и въ исторіи соціализма. Осуществленіе даже тѣхъ реформъ, которыя возвѣщены французскимъ правительствомъ, усилитъ положеніе пролетаріата, а узость и недостаточность радикальной программы оттолкнетъ отъ радикаловъ народныя массы и можетъ черезъ четыре года собрать въ Парижѣ палату съ соціалистическимъ большинствомъ. Та систематическая борьба, которую начала соціалистическая партія, можетъ подготовить подобную эволюцію, но возможны и другія послѣдствія. Четырехлѣтнее господство радикаловъ, никого не удовлетворивъ и оттолкнувъ отъ нихъ демократію, можетъ бросить значительную часть ея не въ ряды соціалистовъ, а въ руки реакціонеровъ. Во всякомъ случаѣ, и Франція, и соціализмъ переживаютъ моментъ огромнаго историческаго значенія.

IV.

Въ парижской газетѣ «Matin» печатаются мемуары генерала Андрэ, бывшаго пять лѣтъ военнымъ министромъ Франціи. Вступилъ въ министерство генералъ Андрэ около 1900 года въ кабинетъ Вальдека Руссо и засталъ высшую командную часть арміи въ рукахъ клерикаловъ и націоналистовъ. Ему съ первыхъ же шаговъ пришлось вести упорную борьбу съ всевозможными интригами. Одинъ изъ инцидентовъ этого рода касается и русской дипломатіи. Газеты наши пропустили этотъ непріятный инцидентъ почти безъ вниманія. Между тѣмъ, онъ столько же печаленъ, сколько и характеренъ для того русскаго режима, котораго обломки съ такою болью и съ такою тяжестью обрушились на русскій народъ.

Итакъ, клерикалы, націоналисты и реакціонеры, достойная компанія, способная и для Франціи пріуготовить нынѣшнюю участь Россіи, всячески старались остановить новаго министра въ его стремленіи очистить высшее командованіе арміи отъ элементовъ, враждебныхъ республикѣ и демократіи. Они прибѣгли и къ содѣйствію русской дипломатіи. Тамъ они нашли себѣ союзника, русскаго военнаго атташе при французскомъ правительствѣ, графа М. Мемуары генерала Андрэ такъ описываютъ этотъ инцидентъ:

«Полковникъ М. мнѣ поклонился со строгостью совершенно военною, и когда онъ сѣлъ, мнѣ показалось, что густое облако дипломатіи заволокло его чело.

Относясь съ отеческою любезностью къ этому молодому представителю союзной и дружественной арміи, я ему сказалъ, что превращаюсь весь въ слухъ, чтобы выслушать изложеніе предмета его визита.

Онъ меня не заставилъ ждать.

Тономъ, суровость котораго нельзя было не замѣтить, графъ М. бросилъ мнѣ слѣдующую фразу:

— Господинъ министръ, я пришелъ къ вамъ по вопросу объ офицерахъ главнаго штаба, которыхъ вы желаете отставить. Я былъ бы счастливъ услышать, что вы отмѣняете ваше намѣреніе.

Сначала я не разсердился. Въ этой юно-безтактной выходкѣ могло быть виновато лишь чрезмѣрное и слишкомъ ревностное чувство товарищества.

Я ограничился спокойнымъ отвѣтомъ:

— Нѣтъ, мое рѣшеніе окончательное. Я его сохраняю, и потому что оно уже принято, и потому что нахожу его правильнымъ.

Полковникъ возразилъ высокомѣрнымъ тономъ:

— Какъ представитель союзной державы, я обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ (je vous demande) отмѣнить ваше рѣшеніе.

Это уже былъ вызовъ. Я почувствовалъ приливъ гнѣва.

— Monsieur, я получаю приказанія только отъ французскаго парламента, и я васъ прошу...

Затѣмъ, онъ еще возвысилъ голосъ:

— Въ такомъ случаѣ, господинъ министръ, я долженъ вамъ сказать, что вы нарушили союзъ! .

Я вскочилъ. У меня уже были на языкѣ сильныя слова (Nous nous f... de vous!), но я удержался. Мнѣ пришло въ голову соображеніе, что я не знаю текста союзнаго договора и что, быть можетъ, тамъ есть статья о взаимныхъ соглашеніяхъ при перемѣнахъ въ составѣ обоихъ главныхъ штабовъ.

Если бы это предположеніе оказалось вѣрнымъ, я бы не остался и часа военнымъ министромъ. Я овладѣлъ собою и коротко обрѣзалъ визитъ:

— Довольно, monsieur, эта бесѣда можетъ продолжаться только

чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ... Прошу васъ удалиться (veuillez vous retirer!).

Послѣ ухода графа М. я сдѣлалъ усиліе успокоиться и обсудить положеніе хладнокровно. Я чувствовалъ невозможность оставаться долѣе въ неизвѣстности. Я долженъ былъ все выяснить немедленно. Я приказалъ подать экипажъ и черезъ десять минутъ былъ у Вальдека Руссо. Еще весь полонъ негодованія, я ему передалъ вышеописанную сцену. В. Руссо сказалъ:

— Опять-таки это дѣло рукъ вашего главнаго штаба. Это они настроили бѣднаго М. и бросили на васъ въ надеждѣ, что вы сдадитесь. Вы превосходно сдѣлали, указавъ ему его мѣсто. Успокойтесь, нѣтъ ничего подобнаго въ союзномъ договорѣ. Иначе я не былъ бы главою правительства. У себя дома мы одни хозяева.

Я почувствовалъ, что съ моихъ плечъ свалилась огромная тяжесть.

— Отправляйтесь, дорогой генералъ,—продолжалъ президентъ совѣта,—отправляйтесь и разскажите все это Делькассэ. Онъ все устроитъ.

Когда я пріѣхалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, у министра было совѣщаніе, и мнѣ пришлось подождать около двадцати минутъ. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы изложить письменно всю вышеизложенную бесѣду и въ точности воспроизвести обмѣненныя между нами фразы. Въ этомъ видѣ дѣло поступило къ Делькассэ».

Конечно, все устроилось, и графа М. пришлось убрать изъ Парижа. Во всякомъ случаѣ, инцидентъ весьма характерной для того режима, представителемъ котораго являлся графъ М. въ Парижѣ и несчастную ладью котораго исторія на всѣхъ парахъ уже гнала и къ Цусимѣ, и къ Артуру, къ полному безсилію, къ совершенному разложенію, къ ужасамъ его кровавыхъ судорогъ... А тогда не прочь были распорядиться и въ Парижѣ!

V.

Отъ подвига недавняго доцусимскаго прошедшаго къ подвигу самоновѣйшему. Въ Бѣлостокѣ былъ устроенъ погромъ 1—4 іюня, по своимъ ужасамъ превзошедшій всякія турецкія звѣрства въ Болгаріи и Арменіи... Погромъ былъ устроенъ. Это доказало и парламентское слѣдствіе, и обстоятельныя разслѣдованія представителей прессы, и замѣчательныя разоблаченія въ думѣ кн. Урусова, бывшаго губернатора и бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, человѣка освѣдомленнаго. Ужасныя подробности бѣлостокскихъ звѣрствъ и неотразимыя разоблаченія кн. Урусова произвели потрясающія впечатлѣнія на все цивилизованное человѣчество и вызвали огромное движеніе, въ которомъ нашему несчастному отечеству приходится играть унизительную и постыдную роль. Какъ ни больно, надо

остановиться и на этихъ печальныхъ страницахъ нашей печальной исторіи.

Сдѣлаемъ обозрѣніе по странамъ.

Франція, конечно, скромнѣе другихъ реагировала на бѣлостокскую бойню. Однако и тамъ уже 4 іюня «общество друзей русскаго народа» организовало протестъ «противъ кровавой бойни русскаго правительства». Подъ протестомъ множество подписей политическихъ дѣятелей и ученыхъ. Однако, парламентъ молчалъ и молчитъ и до послѣдняго времени не было никакихъ митинговъ негодованія противъ погромщиковъ, сочувствія разгромленнымъ. Пресса, конечно, осуждала и сожалѣла, но сдержанно. Повидимому, въ Парижѣ, подобно нашимъ кадетамъ, надѣялись и надѣются на передачу власти въ руки, незапятнанныя кровью. Кадеты ждали и ждутъ курьеровъ, въ Парижѣ ждали депеши объ этихъ курьерахъ. Кадеты все еще уповаютъ и ждутъ... Въ Парижѣ начинаютъ терять терпѣніе. Выступила пресса съ критикою русскаго правительства и съ настойчивыми совѣтами призвать парламентское министерство. Это былъ симптомъ, и по этому поводу уже отъ 12 (25) іюня телеграфировали изъ Берлина, что берлинскіе освѣдомленные круги придаютъ большое значеніе повторяющимся статьямъ серьезныхъ французскихъ газетъ, заключающимъ въ себѣ предупрежденія по адресу русскаго правительства, и усматриваютъ въ этомъ первый признакъ возможнаго измѣненія въ образѣ дѣйствій иностранной французской политики. Симптомомъ надо считать и болѣе, нежели сдержанное упоминаніе о франко-русскомъ союзѣ въ министерской деклараціи, вышеприведенной нами. Постепенно поднимается и тонъ французской печати. Уже 15 (28) іюня въ передовой статьѣ «Temps» рѣшительно настаиваетъ на немедленномъ образованіи министерства изъ кадетскаго большинства въ интересахъ самой короны, предостерегая, что черезъ двѣ недѣли сдѣлать это будетъ уже поздно.

По его свѣдѣніямъ, былъ зондированъ сверху гр. Гейденъ, которому, будто бы, было предложено предсѣдательство въ будущемъ кабинетѣ; онъ было согласился, но встрѣтилъ оппозицію кадетовъ, требующихъ какъ conditio sine qua non сохраненіе за собою предсѣдательства. Свѣдѣнія «XX вѣка» подтверждаютъ, если не прямое предложеніе, сдѣланное графу Гейдену, то, во всякомъ случаѣ, то, что съ подобной мыслью у насъ носились.

Парижская газета совѣтуетъ правительству оставить систему полумѣръ и открыто вступить въ кадетскія воды. Покуда, говоритъ она, послѣдніе еще согласятся на сохраненіе за бюрократіей трехъ портфелей военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, не смотря на неосторожныя о Думѣ разсужденія А. П. Извольскаго и то обстоятельство, что въ Думѣ имѣется готовый военный министръ, въ лицѣ ген. Кузьмина-Караваева. Но, если правительство упуститъ удобную минуту, само положеніе кадетовъ заставитъ ихъ быть

болѣе требовательными. По мнѣнію «Temps», этой партіи грозитъ разложеніе, такъ какъ ея лѣвое крыло тянетъ къ трудовикамъ. Повидимому, въ случаѣ промедленія со стороны правительства, кадеты не только не будутъ въ состояніи пойти на компромиссъ и сохранить за бюрократіей помянутые три портфеля, но принуждены будутъ уступить нѣкоторые изъ нихъ трудовикамъ.

Въ заключеніе «Temps» говоритъ, что рѣчь князя Урусова нанесла старому режиму смертельный ударъ. Хотя, конечно, князь Урусовъ не выражаетъ увѣренности, что новое министерство изъ думскаго большинства могло бы вполнѣ измѣнить положеніе при существованіи извѣстныхъ имъ отмѣченныхъ факторовъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію газеты, слѣдуетъ испробовать это средство и чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше для интересовъ страны и династіи.

Это сильно, особенно, если не забывать того обстоятельства, что въ вопросахъ иностранной политики эта газета получаетъ указанія изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Однако, эти «дружескіе совѣты» плохо дѣйствуютъ, и «Васька слушаетъ, да ѣстъ». Повидимому, не скоро кадеты дождутся курьера. Не скоро и въ Парижѣ дождутся желанной депеши о курьерѣ. Во всякомъ случаѣ, политика погромовъ, карательныхъ экспедицій, военнаго положенія и совершеннаго пренебраженія къ волѣ народа дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ и на франко-русскій союзъ.

Въ Германіи парламентъ въ настоящее время не засѣдаетъ, и потому и тамъ отношеніе къ русскимъ событіямъ вообще и бѣлостокскому погрому въ частности можетъ проявиться не чрезъ организованное народное представительство. 12 іюня состоялось въ Берлинѣ многотысячное собраніе въ Tonhalle, имѣвшее цѣлью выразить протестъ противъ бѣлостокскихъ ужасовъ; оно было открыто членомъ рейхстага Шрадеромъ. Профессоръ Листъ въ своей рѣчи высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «По причинамъ экономическимъ, культурнымъ и политическимъ мы должны желать, чтобы Россія была сильна. Необходимо выяснить степень виновности правительства въ происходившихъ за послѣдніе годы погромахъ. Западная Европа имѣетъ право требовать разслѣдованія. Всѣ христіане должны выразить свое отвращеніе къ совершеннымъ насиліямъ». Ждановъ (изъ Москвы) называетъ еврейскіе погромы дѣломъ русской бюрократіи и высказываетъ мнѣніе, что въ интересахъ прогресса всего человѣчества необходимо, чтобы всѣ народы отнеслись съ сочувствіемъ къ борьбѣ Россіи за освобожденіе. Депутатъ рейхстага Трегеръ возлагаетъ надежды на дѣятельность Думы. Пасторъ Кирмсъ упоминаетъ о борьбѣ и страданіяхъ нѣмцевъ, живущихъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Бруцкусъ (изъ Петербурга) описываетъ бѣлостокскія событія. Собраніе постановило сообщить предсѣдателю Государственной Думы резолюцію, въ которой выражается сочувствіе жертвамъ погромовъ въ Россіи и негодованіе по отношенію къ виновникамъ этихъ безчеловѣчныхъ жестокостей. «Собраніе вѣ-

рить», говорится въ резолюціи, «что Дума добьется привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ, дабы предотвратить новыя насилія, и желаетъ, чтобы прогрессивнымъ и культурнымъ силамъ удалось дать нашему великому восточному сосѣду конституціонный строй съ гарантіей гражданскихъ правъ и свободы вѣроисповѣданій для блага Россіи, какъ надежную поруку дружественныхъ отношеній къ германской имперіи».

Нѣмецкая пресса единодушна въ отзывахъ объ ужасахъ погромовъ и объ ихъ причинахъ. Достойно отмѣтки такъ же сообщенія, что торговыя палаты въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и въ Берлинѣ обратились къ правительству съ просьбой объ охранѣ торговыхъ интересовъ, въ виду происходящихъ въ Россіи безпорядковъ, а крупные берлинскіе купцы вошли къ правительству съ представленіемъ объ охранѣ капиталовъ, вложенныхъ ими въ предпріятія какъ въ Бѣлостокѣ, и такъ вообще въ Россіи.

И во Франціи, и въ Германіи огромные интересы имущихъ классовъ связаны съ благосостояніемъ Россіи. Съ другой стороны, крупные политическіе интересы побуждаютъ и Францію, и Германію цѣнить дружбу Россіи. Это объясняетъ относительную сдержанность, но это же придаетъ огромное значеніе и единодушному порицанію русской внутренней политики и дружескимъ совѣтамъ.

Менѣе заинтересована Австро-Венгрія, но все же интересы довольно значительные, экономическіе и политическіе. 6 іюня въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата депутатъ Брейтеръ обратился къ правительству съ запросомъ по поводу того, какимъ именно образомъ ртзсчитываетъ оно отнестись къ погромамъ въ Россіи и какія мѣры приняло оно для вознагражденія австро-венгерскихъ подданныхъ за убытки, понесенные ими во время прошлогоднихъ русскихъ безпорядковъ. Онъ освѣдомился также о мѣрахъ, которыя будутъ приняты теперь общеимперскимъ правительствомъ для защиты австро-венгерскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Россіи. Передъ концомъ засѣданія графъ Штернбергъ спросилъ: не пожелаетъ ли президентъ, по примѣру англійской палаты общинъ, заявить отъ имени депутатовъ рейхсрата протестъ противъ еврейскихъ погромовъ въ Россіи? Подобное же заявленіе было сдѣлано въ австрійской делегаціи Штраухеромъ. Наконецъ, въ венгерской палатѣ въ Будапештѣ членъ партіи Кошута, Пимапіа, говоря о бѣлостокскомъ погромѣ, указалъ, что представители мѣстной администраціи допустили звѣрства надъ ввѣренными ихъ попеченію обывателями и тѣмъ самымъ нарушили свой основной долгъ. Онъ лично убѣжденъ, что палата депутатовъ отзовется съ презрѣніемъ о звѣрствахъ, учиненныхъ въ Бѣлостокѣ, и выразитъ ихъ жертвамъ свое сожалѣніе и соболѣзнованіе (Рукоплесканія).

Совершенно такого же рода манифестація, покрытая бурными рукоплесканіями, была сдѣлана и въ итальянской палатѣ депутатовъ.

По горло занятая своими дѣлами, очень сложными и очень трудными, Англія нашла возможность съ должнымъ вниманіемъ отнестись и къ бѣлостокскимъ событіямъ.

4 іюня въ засѣданіи палаты общинъ членъ рабочей партіи Торнъ освѣдомился у статсъ-секретаря Грея, не имѣетъ ли онъ въ виду обратиться къ русскому правительству съ представленіями по поводу обращенія бюрократіи съ народомъ, раньше чѣмъ посылать британскую эскадру съ оффиціальнымъ визитомъ въ Кронштадтъ и дѣлать дальнѣйшіе шаги, способные обязать британское правительство къ какимъ-либо дружескимъ соглашеніямъ съ Россіею. Грей отвѣтилъ, что не признаетъ для себя возможнымъ обращаться къ русскому правительству съ такими представленіями. Керъ-Гарди, въ свою очередь, освѣдомился: читалъ ли статсъ-секретарь въ газетахъ телеграмму за подписью пяти членовъ Государственной Думы, утверждающую, что избіеніе евреевъ будетъ продолжаться, и что ему оффиціально потворствуетъ русское правительство? Не представляетъ ли эта телеграмма сама по себѣ достаточнаго повода къ попыткѣ повліять на русское правительство, дабы побудить его къ прекращенію убійствъ, являющихся позоромъ для цивилизаціи? Грей отвѣчалъ, что видѣлъ въ газетахъ означенную телеграмму, но не получалъ никакого оффиціальнаго извѣщенія о намѣреніи пріостановить предположенную посылку англійской эскадры въ Балтійское море. Адмиралтейство намѣревается отправить ее туда лѣтомъ въ плаваніе, при чемъ до сихъ поръ предполагалось, что эскадра посѣтитъ шведскіе, германскіе и русскіе порты. Онъ присовокупилъ: «считаю преждевременнымъ усматривать возможность чего-нибудь такого, что заставило бы адмиралтейство измѣнить свои распоряженія». Гарди освѣдомился тогда: «Будетъ ли, въ случаѣ продолженія еврейскихъ погромовъ, отдано флоту предписаніе не посѣщать русскихъ портовъ и существуетъ ли намѣреніе выказать такимъ образомъ, что Англія не одобряетъ этихъ погромовъ?» Грей объяснилъ, что не можетъ ничего присовокупить къ данному имъ уже отвѣту.

Черезъ день, 6 іюня въ палатѣ общинъ Стюартъ освѣдомился у статсъ-секретаря Грея, предполагается ли до принятія мѣръ къ установленію болѣе тѣсныхъ дружескихъ отношеній между Великобританіей и Россіей увѣдомить русское правительство о воззрѣніяхъ британскаго народа на еврейскіе погромы въ Россіи. Грей отвѣчалъ, что впечатлѣніе, произведенное этими погромами не только въ Великобританіи, но и повсемѣстно, какъ нельзя лучше извѣстно русскому правительству. Во всякомъ случаѣ, оффиціальное дипломатическое вмѣшательство по поводу такихъ инцидентовъ было бы фактомъ необычайнымъ и не представляется желательнымъ.

8 іюня маіоръ Гордонъ, авторъ закона о нуждающихся иностранцахъ, указываетъ въ «Times» на серьезныя послѣдствія, ко-

торыми погромы въ Россіи отразятся въ Лондонѣ, увеличивъ и безъ того громадное число еврейскихъ бѣглецовъ, ютящихся въ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ они и теперь уже умираютъ съ голода и находятся въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ. Тогда же въ газетахъ помѣщено воззваніе грузинскихъ женщинъ къ англійскимъ, подписанное, между прочимъ, женами генераловъ, высокопоставленныхъ лицъ и другихъ, въ которомъ описывается раззореніе края и царящая на Кавказѣ анархія.

Въ это же самое время въ палатѣ общинъ (8 іюня) Торнъ, членъ соціалисткой рабочей партіи, запросилъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, обратилъ ли онъ вниманіе на то, что убійства въ Бѣлостокѣ продолжаются, при чемъ къ прекращенію ихъ не принимаются мѣры; извѣстно ли ему, что рижскими властями казнены несовершеннолѣтніе; знаетъ ли онъ о систематическихъ преслѣдованіяхъ невинныхъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ? Указывая на то, что разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Сербіей и представленія, постоянно дѣлаемыя Турціи, вызваны менѣе серьезными насиліями, Торнъ спрашиваетъ, не находитъ ли министръ, что настало время выразить формальный протестъ и прервать дипломатическія сношенія съ Россіей до тѣхъ поръ, пока не прекратятся подобныя явленія. Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ на запросы отрицательно.

12 іюня въ палатѣ общинъ Сэръ Ивансъ Гордонъ спросилъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, какой отвѣтъ далъ бы онъ на предложеніе, въ виду еврейскихъ погромовъ, прервать дипломатическія сношенія съ Россіей, какъ то было поступлено съ Сербіей послѣ убійства сербскаго короля. Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ: «Нѣтъ, сэръ, отвѣтъ былъ бы отрицательный». Гордонъ спросилъ Грея, какое различіе дѣлаетъ онъ между убійствомъ двухъ коронованныхъ особъ въ Сербіи и массовымъ убійствомъ бѣднаго населенія. Грей обѣщалъ дать отвѣтъ позднѣе. Другой депутатъ Тревильянъ спросилъ, обратилъ ли Грей вниманіе на предложенія, исходящія изъ Россіи, чтобы Англія не посылала своего флота, такъ какъ эта посылка могла бы быть истолкована въ Россіи, какъ демонстрація, враждебная конституціонному движенію. Не освѣдомился ли Грей о существованіи подобнаго взгляда среди русской конституціонной партіи и не отложитъ ли тѣмъ временемъ правительство окончательныя приготовленія къ посѣщенію русскихъ портовъ? Грей отвѣтилъ. «Я ничего не могу прибавить къ отвѣтамъ, уже даннымъ мною. Что же касается предполагаемыхъ передвиженій флота, то, мнѣ кажется, посѣщеніе, рѣшенное уже нѣсколько времени назадъ, врядъ ли можетъ быть приведено въ связь съ съ внутренними дѣлами Россіи или же имѣть какое-либо вліяніе на нихъ. Подобныя посѣщенія во время лѣтняго плаванія всегда разсматривались, какъ акты вѣжливости по отношенію къ сосѣднимъ державамъ».

Наконецъ, въ той же палатѣ уже 19 іюня Ивансъ Гордонъ освѣдомился у Кэмпбель-Баннермана, обратилъ ли онъ вниманіе на фактъ постановленія американскимъ конгрессомъ резолюціи, выражающей ужасъ, вызываемый избіеніемъ евреевъ въ Россіи. Ораторъ спросилъ, предполагаетъ ли Баннерманъ дать палатѣ случай высказать свое мнѣніе по этому предмету. Баннерманъ отвѣтилъ, что недавнія событія въ Россіи, о которыхъ говорилъ Гордонъ, вызвали какъ въ парламентѣ, такъ и во всей странѣ возмущеніе. «Однако, присовокупилъ министръ-президентъ, я далеко не увѣренъ, что принятіе необычайнаго образа дѣйствій, какимъ явилось бы формальное выраженіе чувствъ, на которыя указываетъ Гордонъ, могло бы принести какую-либо пользу. Напротивъ, я боюсь, какъ бы это не повлекло за собой увеличенія внутреннихъ затрудненій Россіи».

Этимъ отвѣтомъ англійскаго премьера, англійское правительство присоединилось къ чувству негодованія, испытываемому всею Англіей. Нѣтъ «оффиціальнаго» порицанія политики россійской державы, но выражено, во всякомъ случаѣ, гласное отъ имени лондонскаго правительства порицаніе петербургскому правительству, событіе, не слыханное въ лѣтописяхъ европейской международной исторіи!

Соединенные Штаты пошли еще дальше. Они выразили оффиціальное порицаніе. Здѣсь дѣло развивалось слѣдующимъ образомъ:

7 іюня въ Нью-Іоркѣ, въ синагогѣ, состоялся митингъ, посвященный памяти жертвъ бѣлостокскаго погрома. На митингѣ участвовало три тысячи евреевъ. Кромѣ того, большія массы народа толпились передъ зданіемъ и устроили митингъ на открытомъ воздухѣ. На митингѣ было прочтено слѣдующее посланіе Рузвельта: «Я собираюсь обсудить это дѣло со статсъ-секретаремъ Рутомъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ). Вы знаете, какъ искренно мы раздѣляемъ ваши чувства, и какъ мы поражены и возмущены тѣмъ, что произошло въ Россіи. Но вы также знаете, что намъ почти что невозможно принести что-нибудь, кромѣ вреда, нашимъ вмѣшательствомъ».

Затѣмъ, 8 іюня сенатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ постановилъ резолюцію съ выраженіемъ сочувствія русскимъ евреямъ, пострадавшимъ во время погромовъ. Эта резолюція была принята немедленно и палатою депутатовъ. Послѣ этого телеграфъ принесъ слѣдующее, еще недавно невозможное извѣстіе:

«Вашингтонъ, 14 іюня. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Рузвельтъ, изъявилъ согласіе на передачу въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и на обнародованіе резолюціи, постановленной сообща обѣими палатами конгресса относительно происходящихъ въ Россіи еврейскихъ погромовъ. Въ резолюціи этой за-

является, что такіе погромы вызываютъ у американскихъ гражданъ чувство отвращенія».

Отозваны-ли русскіе посланники изъ Лондона и Вашингтона? Отосланы-ли паспорты англійскому и американскому посламъ въ С.-Петербургъ?

Ни того, ни другого...

Очевидно, наши бюрократы считаютъ, что Россія сама по себѣ, а они, правящіе бюрократы, сами по себѣ. Это правда, конечно, и тогда за Россію нечего оскорбляться...

Въ Италіи Джолити сформировалъ новое министерство, коаліціонное. Пять лѣвыхъ, три правыхъ, одинъ сенаторъ и одинъ генералъ. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ взялъ Титтони, котораго почитаютъ не сочувствующимъ тройственному союзу.

Образовалось новое министерство и въ Австріи, гдѣ кабинетъ князя Гогенлоэ вышелъ въ отставку, не желая принять отвѣтственности за уступку венгерцамъ въ таможенномъ вопросѣ, сдѣланную императоромъ. Новое министерство Бека, включившее въ свой составъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ, также враждебно упомянутой уступкѣ.

Въ Испаніи министерство Морета вышло въ отставку, но тотъ же Моретъ получилъ мандатъ составить министерство. Онъ реформировалъ кабинетъ и получилъ согласіе короля на распущеніе кортесовъ, но въ послѣднюю минуту всетаки вышелъ въ отставку.

Въ Норвегіи король Гааконъ короновался.

Въ Сербіи уволены офицеры-цареубійцы, послѣ чего Англія возстановила дипломатическія сношенія съ бѣлградскимъ правительствомъ.

С. Южаковъ.

На очередныя темы.

Историческія предпосылки къ нашей платформѣ. I. Общія условія развитія русской государственности.—II. Самодавлѣющій характеръ ея самобытной формы.—III. Ея матерія и духъ.—IV. Техническій прогрессъ и капитализмъ.—V. Факторы революціи и ея задачи.

Въ «Современности» *) я попытался намѣтить основную или, какъ я назвалъ ее, продольную линію нашей программы. Линія эта всецѣло опредѣляется нашими взглядами на міръ и человѣка

*) Мартъ 1906 г. На очередныя темы. Основныя положенія нашей программы.

и, стало быть, какъ бы ни измѣнялись окружающія насъ обстоятельства, она останется неизмѣнной. Я имѣю въ виду, конечно, не длину ея, а направленіе. Само собой понятно, что путь до нашей конечной цѣли съ каждымъ новымъ шагомъ въ жизни будетъ дѣлаться короче и съ каждымъ новымъ успѣхомъ мысли будетъ становиться яснѣе. Для многихъ изъ нашихъ идейныхъ предшественниковъ отмѣна крѣпостного права, напримѣръ, представлялась одной изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблемъ русской жизни; для насъ это—уже пройденный этапъ, и лишь съ остатками крѣпостного рабства приходится теперь намъ считаться въ своей программѣ. «Самодержавство—писалъ Радищевъ—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе". Многіе послѣ того, не щадя своей жизни,—напомню декабристовъ и народовольцевъ,—пытались пробить эту стѣну, загораживающую отъ русскаго народа свѣтъ и просторъ свободной жизни; но всѣ ихъ усилія оказались напрасными, и лишь на нашу долю выпало счастье увидѣть въ этой стѣнѣ все расширяющіяся бреши. Не сегодня—завтра мы перешагнемъ черезъ ея развалины, и передъ русскимъ гражданиномъ откроются широкіе горизонты, ограниченные не бюрократическимъ уже произволомъ, а народной волей. Идеалы соціализма вовсе не были видны Радищеву и не совсѣмъ ясны даже декабристамъ; петрашевцы восприняли ихъ, какъ увлекательную, но не доказуемую утопію; до насъ они дошли въ видѣ научно обоснованной уже доктрины... Но какъ бы ни мѣнялись ближайшія задачи и какъ бы ни прояснялись дальнѣйшія перспективы, направленіе, опредѣляемое идеаломъ свободной и всесторонне развитой человѣческой личности, всегда было и останется однимъ и тѣмъ же. Эту часть нашей программы можно назвать постоянною.

Теперь я долженъ перейти къ другой—къ перемѣнной—ея части. Нужно—писалъ я, заканчивая свою статью—указать пункты, около которыхъ общественныя силы, имѣющія тяготѣніе въ данную сторону, должны быть въ настоящее время сосредоточены; нужно указать позиціи, которыя ими прежде всего должны быть заняты; нужно намѣтить линію, на которой онѣ вновь должны быть выравнены... Само собой понятно, что конструируя эту часть нашей программы,—строя ея, какъ принято выражаться, «платформу»,—мы должны исходить уже не изъ общихъ только соображеній, но и изъ тѣхъ конкректныхъ условій, какія окружаютъ насъ въ дѣйствительности. Лишь считаясь съ особенностями мѣста и времени, мы можемъ сдѣлать увѣренный шагъ въ направленіи, опредѣляемомъ нашею конечною цѣлью. Лишь уяснивъ себѣ потребности, которыя для даннаго момента являются наиболѣе важными, и возможности, которыя при данной конъюктурѣ представляются наиболѣе доступными, мы можемъ построить для нашей программы прочную и надежную платформу. Общей характеристикѣ

историческихъ условій, въ какихъ мы находимся, я и посвящу настоящую статью.

I.

Едва ли нужно даже говорить, что переживаемый нами историческій моментъ—и по размѣрамъ выдвинутыхъ имъ потребностей, и по широтѣ открываемыхъ имъ возможностей—является искючительнымъ. «Безъ числа умножившіяся народныя нужды—писалъ я годъ тому назадъ—уже слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы уже сплелись въ одинъ огромный неразрывный узелъ. Мысль, что такъ дальше жить нельзя, успѣла сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ и уже сказалась въ нихъ активнымъ чувствомъ. Общественныя силы уже пришли въ движеніе» *)... Теперь уже нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что въ странѣ происходитъ революція,—и при томъ великая революція, способная дать въ результатѣ существенно новое сочетаніе общественныхъ силъ и существенно новое распредѣленіе общественныхъ функцій между ними.

Соціальныя потрясенія—такъ же, какъ и всякія иныя катастрофы—лишь кажутся внезапными, въ дѣйствительности же они подготовляются вѣками. И въ данномъ разѣ не случайное совпаденіе немногихъ, хотя бы и крупныхъ, фактовъ обусловило собою тотъ глубокій и всесторонній кризисъ, какимъ охвачена сейчасъ Россія. Его сдѣлала неизбѣжнымъ вся предыдущая исторія ея общественнаго развитія.

На обширной равнинѣ, почти отовсюду доступной врагу, свыше тысячи лѣтъ тому назадъ возникла русская государственность. И сразу передъ нею встала громадная задача. Предстояло «собрать Русь», раздвинувъ государственные предѣлы до «естественныхъ границъ». Раздвигая и отстаивая эти предѣлы, нужно было выдержать упорную борьбу съ кочевниками, которые долго вливались въ нихъ съ востока, и установить равновѣсіе въ отношеніяхъ съ болѣе старыми государственными организаціями, какія давили на нихъ съ запада. Нужно было утвердить опредѣлившіяся въ результатѣ этой долгой борьбы съ сосѣдями государственныя границы; нужно были «замирить» добровольно присоединившіяся и и насильно присоединенныя окраины... Говоря коротко, для того, чтобы функціонировать, государству нужно было еще сложиться и упрочиться. Многіе вѣка понадобились русскому народу, чтобы отстоять свою государственную самостоятельность и обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность. Худо-ли, хорошо ли—какихъ бы это жертвъ ни стоило—задача эта была выполнена. Русское государство, переживъ всяческія «лихолѣтья», сдѣлалось великимъ и могучимъ...

*) «Русское Богатство», 1905 г. мартъ. «Хроника внутренней жизни».

Какихъ бы жертвъ—сказалъ я—это ни стоило... На жертвахъ необходимо, однако, будетъ остановиться.

Само собой понятно, что внѣшняя безопасность была нужна русскому народу, была нужна каждой его частичкѣ, каждой входившей въ составъ его личности. Она была нужна ему и сама по себѣ, и какъ одно изъ необходимыхъ условій его дальнѣйшаго хозяйственнаго и культурнаго развитія. Нужна была и государственная организація, которая при данныхъ историческихъ условіяхъ одна, быть можетъ, только и могла обезпечить удовлетвореніе этой народной потребности. Но внѣшняя безопасность была, конечно, не единственная потребность русскаго народа, какъ коллективной личности, и не единственная задача его новой общественной организаціи. Обстоятельства сложились, однако, такъ, что эта потребность перевѣсила всѣ остальныя. Больше того: созданіе государственной организаціи, которая обезпечила бы удовлетвореніе этой потребности, внѣ связи ея съ другими, сдѣлалась главной задачей общенародной жизни. Это надолго предопредѣлило собою и характеръ русскаго государства, и его форму, и всѣ внутреннія его отношенія.

Нечего и говорить, что государственная организація при указанныхъ условіяхъ должна была получить національный характеръ. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Въ борьбѣ за національную независимость успѣли возникнуть и окрѣпнуть націоналистическія тенденціи: явилась отчужденность отъ другихъ народовъ, а вслѣдъ за тѣмъ—и вражда къ нимъ. Торговыя сношенія древней Руси съ сосѣдними странами постепенно смѣнились почти полною ея хозяйственною замкнутостью. Великій Новгородъ былъ членомъ Ганзейскаго союза, а великокняжеская Москва чуралась всякаго «нѣмца», какъ басурманина. Петру Великому пришлось потомъ «прорубать» окно въ Европу на томъ, быть можетъ, самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то проходила большая дорога «изъ варягъ въ греки». Цѣлые вѣка понадобились, чтобы разрушить китайскую стѣну предразсудковъ, какою «Московія» отдѣлила себя отъ остального человѣчества. Да и сейчасъ еще изрядные остатки этой стѣны виднѣются. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ «темномъ царствѣ» были убѣждены, что «Литва на насъ съ неба упала» или что въ невѣрныхъ странахъ «что ни судятъ они, все не правильно»...

«И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положонъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ»... *).

Въ оградѣ этой отчужденности все еще тлѣетъ готовый по всякому поводу вспыхнуть огонекъ вражды и ненависти къ «врагу и супостату», и таковымъ масса готова счесть любой изъ народовъ,

*) А. Н. Островскій. «Гроза».

о существованіи которыхъ она вѣдь и узнавала только тогда, когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ «гадить» или «бунтоваться». Доступная ей идеологія до сихъ поръ сохранила націоналистическую окраску, и это опять-таки вполнѣ понятно: въ теченіе тысячелѣтней исторіи война вѣдь была единственнымъ общенароднымъ дѣломъ, въ которомъ эта масса принимала активное участіе. Лишь въ войнахъ она сознавала свое народное единство, лишь во враждѣ къ другимъ народамъ выражались ея общенародныя чувства, лишь въ борьбѣ съ ними могли найти себѣ исходъ ея общенародныя стремленія. Съ тѣхъ поръ, какъ русская государственность одержала верхъ надъ исконными своими врагами, любовь къ отечеству отлилась въ новую форму: она сдѣлалась почти синонимомъ «народной гордости». «Шапками закидаемъ» вѣдь это—вершина доступнаго для сѣрой массы патріотическаго энтузіазма. Чтобы оправдать эту гордость, «поганымъ странамъ» съ ихъ неправедными порядками приходится, конечно, противопоставлять отечественное «благолѣпіе». Такъ и поступаютъ, такъ именно и выражаются на этотъ счетъ свѣдущіе люди:

«Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе, красота дивная! Да что ужъ и говорить,—въ обѣтованной землѣ живете!» *).

У этой націоналистической «стѣны», какъ я ее назвалъ, сохранились даже зубцы и другіе орнаменты, и я, быть можетъ, совершенно напрасно дважды потревожилъ странницу Ѳеклушу. Въ первомъ случаѣ вѣдь я могъ бы сослаться на К. П. Побѣдоносцева, убѣдительнѣе всякой проживалки доказывавшаго, что «конституція есть великая ложь нашего времени» («что ни судятъ они, милая, все неправильно»). Во второмъ случаѣ достаточно, конечно, было бы указать на Д. Н. Шипова, способнаго не менѣе, чѣмъ странница, разносящая въ пузырькахъ «тьму египетскую», умиляться передъ «самобытною формою правленія» («бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе!»)...

«Самобытная форма правленія»—это, какъ извѣстно, Сіонъ русскаго націонализма, своего рода «пупъ земли» **). Она развилась и окрѣпла въ самый трудный періодъ жизни русскаго народа,—въ эпоху, когда потребность въ національной независимости,

---

*) Ibid.

**) Напомню: „въ обѣтованной землѣ живете", а „пупъ", какъ доподлинно извѣстно всѣмъ черносалопницамъ (до К. П. Побѣдоносцева включительно), въ ней именно и находится. Подходя къ этому „пупу", я вновь убѣждаюсь, какъ неудачно я потревожилъ странницу Ѳеклушу. Правда, нѣкоторыя вещи

Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать...

Но языкъ-то у нихъ очень ужъ вульгарный. Самобытную форму бытовыхъ отношеній, какая свойственна „темному царству", лицедѣйствующая въ немъ Ѳеклуша, въ простотѣ души своей, готова назвать по просту „самодурствомъ". Для матерій болѣе важныхъ, которыми мы сейчасъ заняты, стиль, конечно, требуется болѣе высокій.

а стало быть, и въ сильной государственной организаціи ощущалась имъ съ наибольшею силою. Князья удѣльно-вѣчевого періода не имѣли и тѣни той власти, какую успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ данники татарской орды,– великіе князья московскіе. Внѣ всякаго сомнѣнія, что татарскому кнуту русское самодержавіе несравненно болѣе обязано, чѣмъ Божіей милости. Не будь этого кнута, быть можетъ, русскій народъ и не примирился бы такъ легко съ «наипротивнѣйшимъ человѣческому естеству состояніемъ». Чтобы привести къ общему знаменателю новгородскую землю, гдѣ татарское иго чувствовалось слабѣе, потребовались потомъ, какъ извѣстно, особыя «карательныя экспедиціи». Иванъ Грозный первый присвоилъ себѣ титулъ «самодержца всея Руси». Желающіе угодить и вашимъ, и нашимъ, публицисты всѣми правдами и неправдами стараются теперь доказать, что это—сдѣлавшееся уже ненавистнымъ для русскаго народа—слово должно было означать ни больше, ни меньше, какъ независимость русскаго царя отъ какого-либо другого государя. Вѣдь даже тѣнь татарскаго владычества къ этому времени исчезла, и Іоаннъ Грозный присоединилъ къ своей державѣ казанское царство, ханы котораго все еще осмѣливались мечтать, что они являются ленными владѣтелями Руси. Несомнѣнно, однако, что еще нагляднѣе свое самодержавіе Грозный иллюстрировалъ погромами, какіе были учинены имъ въ Псковѣ и Новгородѣ. Это была, конечно, не случайность, что первый самодержецъ оказался такимъ деспотомъ, который навсегда останется пугаломъ русской исторіи. Не случайность и то, что онъ первый рѣшительно противопоставилъ русской земщинѣ свою царскую опричнину...

Процессъ дифференціаціи пошелъ послѣ того быстро и неуклонно, и соціальный организмъ Россіи получилъ совершенно опредѣленную конструкцію. Въ своихъ существенныхъ чертахъ она опредѣлилась уже при Грозномъ: самодержавный царь вверху и безправная масса внизу. Вопросъ могъ быть лишь о тѣхъ промежуточныхъ слояхъ, которымъ предстояло заполнить разстояніе между ними. «Вотчина, въ которую обратилась Россія, была слишкомъ велика, чтобы могла удержаться непосредственная автократія. Съ другой стороны, опричина была еще недостаточно многочисленна и не настолько еще дисциплинирована, чтобы сразу могла установиться бюрократическая система. Грозный, какъ извѣстно, сдѣлалъ попытку, на ряду съ опричиной, управлять своей вотчиной при посредствѣ выбранныхъ самимъ населеніемъ или назначенныхъ изъ его среды бурмистровъ. Но эта попытка, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась недолговѣчной. Нужную ему опору русское самодержавіе нашло въ помѣстной системѣ. Это былъ тотъ же феодализмъ, черезъ какой прошла вся Европа, но только приспособленный къ «самобытной формѣ».

Приспособить его было не трудно. Ни въ одномъ, быть можетъ, изъ европейскихъ государствъ автократической монархіи не уда-

лось такъ быстро, такъ полно и такъ удачно справиться съ враждебными ей силами, какъ въ Россіи. Лишь путемъ долгой и упорной борьбы королей съ ихъ вассалами могла она возникнуть и окрѣпнуть на Западѣ. Но и послѣ того, какъ эта задача въ той или иной странѣ казалась выполненной, еще долго обыкновенно оставалась далеко не призрачная опасность, что какой-нибудь графъ или герцогъ въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ окажетъ непокорность королю, если не рѣшится на какую-либо еще большую дерзость. Добившись общаго признанія, монархія всетаки должна была считаться съ чувствами и традиціями когда-то владѣтельнаго дворянства. Свою миссію она нигдѣ, въ сущности, не привела къ благополучному окончанію. Во Франціи, гдѣ государственная власть оказалась, въ концѣ концовъ, наиболѣе централизированной, короли, чтобы сломить упорство своихъ вассаловъ, должны были искать поддержки у городскихъ общинъ. Въ борьбѣ съ аристократіей монархія сама содѣйствовала, такимъ образомъ, укрѣпленію и развитію еще болѣе грозной и оказавшейся, въ концѣ концовъ, роковой для нея силы— демократіи... Въ Англіи, гдѣ общины оказались въ союзѣ не съ королемъ, а съ лордами, рѣшительный ударъ абсолютной монархіи былъ нанесенъ на нѣсколько вѣковъ раньше, чѣмъ на континентѣ. Въ значительной части Германіи владѣтельные князья сохранились до послѣдняго времени. Королямъ Пруссіи въ дѣлѣ «собиранія» посчастливилось больше, чѣмъ кому-либо другому изъ нѣмецкихъ государей, но и за всѣмъ тѣмъ у бароновъ Остэльбіи, которыхъ мы знаемъ теперь подъ именемъ «юнкеровъ» и «аграріевъ», феодальныя замашки до сихъ поръ остаются не искорененными. Совершенно иначе сложились обстоятельства въ Россіи.

Феодальный строй, уже накладывавшій, быть можетъ, на нее свою лапу въ видѣ удѣльной системы, былъ остановленъ въ своемъ развитіи татарскимъ игомъ. Задача московскихъ великихъ князей оказалась, благодаря этому, простой и легкой. Значительная часть того, что французскіе короли должны были добывать своими шпагами, имъ досталась при помощи ханскихъ ярлыковъ, какіе они успѣвали заполучить низкопоклонствомъ и подарками. «Собрать Русь» было тѣмъ легче, что татары застали удѣльныхъ князей и ихъ дружинниковъ не вполнѣ еще осѣвшими, безъ утвержденной власти и безъ укрѣпленныхъ замковъ. Для завершенія дѣла въ этомъ направленіи Іоанну Грозному не пришлось потомъ прибѣгать даже къ «карательнымъ экспедиціямъ»: чтобы доканать бояръ достаточно было казней. Андрей Курбскій далъ, быть можетъ, наиболѣе яркій и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній въ своемъ родѣ примѣръ русскаго феодальнаго непокорства, — непокорства, крайне характернаго въ своемъ безсиліи.

Опасаться своихъ бояръ русскимъ царямъ было нечего. Они свободно могли прикрѣпить крестьянъ къ ихъ землямъ и смѣло жаловать ихъ населенными помѣстьями. Такимъ образомъ, они

создавали не вассаловъ себѣ, а пріобрѣтали—какъ выразился потомъ Николай I—нужныхъ имъ «полицеймейстеровъ». И мы знаемъ, что русскіе дворяне, дѣйствительно, хартіи вольностей себѣ мечомъ не добывали, — они вполнѣ довольствовались мѣстничествомъ. И укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ можно было бы «отсиживаться», они себѣ не строили; они строили конюшни, гдѣ и тѣшили свою благородную душу надъ холопами. Это были вѣрные слуги —въ челобитныхъ они именовали себя тоже холопами — своего государя, и онъ могъ ихъ по всей своей волѣ казнить и миловать. Изъ низовъ народной жизни еще поднимались временами Разины и Пугачевы, изъ дворянской же среды выходили лишь временщики и любовники. Борцовъ — я имѣю въ виду внутреннія отношенія — за личность и тѣмъ болѣе за народъ, пока въ нее не проникли враждебныя ей самой вѣянія, она не выдвинула...

О другихъ промежуточныхъ слояхъ говорить я не буду. Какъ бы то ни было, разстояніе между царемъ и народомъ было заполнено, и стиль общественнаго строенія получился, въ концѣ концовъ, вполнѣ выдержанный. Всѣ слои населенія оказались закрѣпощенными и всѣ отношенія получились однотонными: сверху внизъ они были проникнуты самодурствомъ, снизу вверхъ—холопствомъ. Національно-государственная организація, которая должна была оградить интересы личности, всецѣло, такимъ образомъ, подчинила ее себѣ. Внѣшняя независимость была оплачена внутреннимъ рабствомъ и національное могущество—народнымъ безправіемъ.

Такой счетъ прибылей и убытковъ русской исторіи можно было бы составить къ концу XVIII вѣка. Россія въ это время сдѣлалась уже первоклассной европейской державой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпостное право достигло наивысшей точки своего развитія. Напомню, что къ этому времени относится поворотъ и вообще въ европейской исторіи, которая какъ бы завершила одинъ изъ цикловъ своего развитія: абсолютизмъ достигъ своего расцвѣта и уже началось его крушеніе; на исторической сценѣ появилась новая сила — демократія... По части расцвѣта русскій абсолютизмъ не отсталъ отъ западно-европейскаго, но на счетъ крушенія «самобытная форма» оказалась не въ примѣръ счастливѣе.

Правда, ея историческая роль, казалось бы, была сыграна. Народная потребность, обусловившая ея возникновеніе и облегчившая ея развитіе, была удовлетворена: Русь (съ присоединеніемъ многихъ другихъ племенъ) была «собрана», ея предѣлы (значительно, быть можетъ, дальше, чѣмъ бы это слѣдовало) были раздвинуты, государственная организація была упрочена, внѣшняя безопасность народа была обезпечена. Теперь на первый планъ могли и должны были выдвинуться другія задачи и потребности. Защищенная государствомъ личность могла теперь предъявить свои права, и объединенный государствомъ народъ могъ начать осу-

ществлять свою волю. Вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальный организмъ долженъ былъ получить новую конструкцію...

Процессъ раскрѣпощенія, дѣйствительно, начался тогда же, въ концѣ XVIII вѣка, но онъ пошелъ медленно и неровно. Общественныхъ силъ, которыя могли бы обезпечить быстрое и неуклонное его теченіе, и тѣмъ болѣе такихъ, которыя могли бы снизу опрокинуть возводившееся въ теченіе тысячелѣтней исторіи зданіе,—въ странѣ еще не было. Раскрѣпощеніе въ Россіи шло «сверху». Это была, конечно, видимость. Перетершаяся или черезъ-чуръ натянувшаяся крѣпостная цѣпь грозила въ томъ или иномъ мѣстѣ лопнуть; тогда самодержецъ санкціонировалъ неизбѣжный разрывъ жалованной грамотой или всемилостивѣйшимъ манифестомъ. Но эти разрывы въ скрѣпленіяхъ не могли поколебать устойчивости самаго зданія: образовывавшіяся пустоты немедленно заполнялись еще болѣе совершеннымъ цементомъ—бюрократіей. XIX вѣкъ это—вѣкъ ея расцвѣта и внѣдренія въ самую глубь народной жизни. Когда-то русскіе цари ограничивались посылкою на мѣста однихъ воеводъ, да и тѣмъ они долго не въ состояніи были платить жалованье. Къ концу лишь XVIII столѣтія русскому правительству удалось насадить достаточное число губернаторовъ съ надлежащими при нихъ штатами. Въ XIX вѣкѣ оно сочло возможнымъ отказаться отъ услугъ помѣстнаго дворянства и въ дѣлѣ поставки имъ засѣдателей и исправниковъ. Къ моменту освобожденія крестьянъ, правительство могло имѣть повсюду уже своихъ собственныхъ становыхъ и полицеймейстеровъ. При Александрѣ II же Маковъ, какъ извѣстно, насадилъ урядниковъ. Учрежденіемъ при Александрѣ III земскихъ начальниковъ съ ихъ «близкою къ народу властью» бюрократія обратила въ свои органы и другихъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго самоуправленія. При Николаѣ II она почувствовала себя настолько далеко уже проникшею, что рѣшилась отказаться даже отъ круговой поруки—отъ этого податного пресса, дѣйствовавшаго въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи: теперь фискъ могъ вступить въ непосредственныя сношенія съ каждымъ плательщикомъ, ибо бюрократія и своими собственными силами могла выжать изъ него всѣ соки. Оставались еще не вполнѣ дисциплинированные сотскіе и десятскіе, но и до нихъ добрался Плеве, порѣшивъ замѣнить ихъ стражниками. Безчисленные сыщики и провокаторы проникли еще глубже: на фабрики и въ деревни, въ частные кружки и, быть можетъ, даже въ семьи. Въ своихъ же мечтахъ бюрократія заходила и еще дальше: у С. Ю. Витте, несомнѣнно, была смѣлая идея—все населеніе Россійской имперіи обратить въ чиновниковъ. За десять лѣтъ своего управленія министерствомъ финансовъ, при помощи только казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и винной монополіи, онъ во много разъ увеличилъ чиновничью армію. А этими двумя отраслями,

какъ извѣстно, далеко не ограничивались его планы насчетъ «бюрократизаціи», если можно такъ выразиться, народнаго хозяйства.

Бюрократію я назвалъ цементомъ. По сравненію съ нею, помѣстную систему и крѣпостное право слѣдовало бы назвать пескомъ и известью, при помощи которыхъ можно было построить хотя и громоздкое, но неуклюжее зданіе. Употребленіе бюрократическаго цемента позволило его облагородить, сохранивъ въ то же время его стиль неприкосновеннымъ: крѣпостное рабство уступило мѣсто бюрократической опекѣ и самодурство смѣнилось административнымъ произволомъ. Сущность же осталась прежняя: самодержавный царь вверху и безправная масса внизу.

Всячески сжимая свое изложеніе, я дѣлаю его, быть можетъ, черезъ-чуръ схематичнымъ. Но я вѣдь не изслѣдованіе пишу, а напоминаю лишь общеизвѣстные факты. Читатели знаютъ—и мнѣ къ этому еще придется вернуться,—что процессы, о которыхъ я говорилъ и говорю, въ дѣйствительности были, конечно, несравненно сложнѣе. Въ частности и тотъ цементъ, при помощи котораго удалось укрѣпить пережившее свой вѣкъ и обреченное на сломку зданіе, не вполнѣ былъ однороденъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самодержавію пришлось прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя ни въ коемъ случаѣ не могли потомъ содѣйствовать его устойчивости. Но объ этомъ послѣ. Сейчасъ же мы ограничимся пока тѣмъ фактомъ, что самодержавіе, несмотря на давно уже идущій въ странѣ процессъ раскрѣпощенія, дошло до насъ непоколебленнымъ и, по сравненію съ крѣпостной эпохой, даже усовершенствованнымъ.

II.

Структура организма измѣняется медленнѣе, чѣмъ его функціи, и функціи—медленнѣе, чѣмъ потребности. Для большей рѣзкости возьму чисто гипотетическій примѣръ. Представимъ себѣ, что люди нашли бы болѣе экономный и болѣе эстетическій способъ питанія, чѣмъ къ какому они вынуждены прибѣгать теперь. Въ какомъ-то изъ фантастическихъ романовъ—помню—разсказывается, что черезъ сколько-то тысячъ лѣтъ люди будутъ питаться, вдыхая ароматные запахи. Допустимъ такого же рода фантазію. Допустимъ, что люди найдутъ способъ вводить непосредственно въ кровь—при помощи, скажемъ, шприца—всѣ необходимыя для организма вещества. Желудокъ и всѣ другія части пищеварительнаго аппарата сдѣлаются послѣ того ненужными. Но это не значитъ, конечно, что люди, оставивъ старый способъ питанія, немедленно перейдутъ къ новому, и что сдѣлавшійся ненужнымъ пищеварительный аппаратъ тотчасъ же исчезнетъ. Нѣтъ! Пройдутъ, быть

можетъ, тысячелѣтія, прежде чѣмъ атрофируется желудокъ, и долго еще онъ будетъ предъявлять свои требованія. Онъ будетъ предъявлять ихъ во имя собственныхъ интересовъ, если ужъ онъ сдѣлался ненужнымъ организму. Легко и скоро измѣнить способъ питанія помѣшаютъ людямъ и привычки этого самаго организма, его уже установившіяся отношенія къ пищеварительному аппарату. Сыграетъ въ данномъ случаѣ видную роль не только физіологія, но и психологія. У голоднаго человѣка по прежнему будетъ сосать подъ ложечкой и по прежнему будутъ течь у него изо рта при видѣ ѣды слюнки. И долго еще люди, взирая на яства, будутъ предвкушать удовольствіе, какое они могутъ имъ доставить...

Я взялъ фантастическій примѣръ, но нужно сказать, что это всетаки не одна фантазія. Въ органической эволюціи извѣстны вѣдь случаи замѣны однихъ органовъ—даже органовъ питанія—другими, и наукѣ объ органическомъ мірѣ извѣстно также, какъ медленно происходитъ эта замѣна, какъ медленно исчезаютъ ненужные органы. Не мало такихъ рудиментарныхъ органовъ имѣется и въ человѣческомъ организмѣ, и каждый изъ нихъ, при всей своей ненужности, требуетъ питанія, поглощаетъ вырабатываемые организмомъ соки и отравляетъ его своими выдѣленіями, не выполняя въ то же время никакой полезной для него работы. Возьмемъ, далѣе, пищеварительный аппаратъ, насчетъ котораго мы только что фантазировали. Послѣ операціи въ кишечникѣ, паціенту обыкновенно не даютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не только пищи, но и питья. Кишечнику, казалось бы, дѣлать нечего, но онъ всетаки черезъ опредѣленные промежутки времени производитъ свои такъ называемыя «червеобразныя» движенія, препятствуя тѣмъ заживленію имѣющихся въ немъ самомъ ранъ и причиняя нестерпимыя боли организму. Съ аналогичными явленіями (до какого предѣла законна въ данномъ случаѣ аналогія,—это мы ниже увидимъ) приходится имѣть дѣло и въ общественной жизни. Къ числу ихъ, несомнѣнно, нужно отнести и русское самодержавіе.

Внѣшняя безопасность и національная независимость — таковы были основныя, какъ мы видѣли, народныя потребности, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась русская государственность. Онѣ требовали сильной, т. е. достаточно обширной и достаточно сплоченной государственной организаціи, ибо войнами приходилось охранять національную безопасность и, лишь собравъ всѣ силы народа, можно было отстоять его независимость. Послѣ того войны, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ, давно уже сдѣлались ненужными. Во всякомъ случаѣ, оборонительныхъ войнъ послѣ того, какъ Русь была собрана, ей вести приходилось не много, да и тѣ при иномъ государственномъ строѣ, вѣроятно, могли бы быть въ большинствѣ случаевъ избѣгнуты. Но

приспособленная для военнаго дѣла, государственная организація осталась, и она продолжала выполнять свои функціи.

По числу ненужныхъ для народа и даже совершенно безцѣльныхъ войнъ, какія Россія вела въ новое время, она, несомнѣнно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. Ея естественныя границы, какъ національнаго государства, давно уже были достигнуты; больше того: всѣ народности, которыя когда-то угрожали ея безопасности и самостоятельности, были покорены; тѣмъ не менѣе, ея государственные предѣлы, уже внѣ всякой связи съ интересами народа и даже нерѣдко въ прямой ущербъ имъ, продолжали расширяться. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить хотя бы неуклонное поступательное движеніе ея въ Средней Азіи,—а оно обошлось русскому народу уже не дешево,—кромѣ столь же смѣлой, сколько и безцѣльной мечты подобраться когда-нибудь къ Индіи? Чѣмъ можно объяснить захватъ Манчжуріи,—а онъ довершилъ народное раззореніе, — кромѣ столь же алчнаго, сколько и неразсчетливаго желанія поживиться на счетъ слабаго? Для объясненія русско-японской войны наши націоналисты въ лицѣ г. Суворина, какъ извѣстно, придумали такое объясненіе: ѣхалъ-де русскій богатырь къ теплому морю и спросонокъ невзначай наткнулся на чорта... Дѣло, дѣйствительно, быть можетъ, заключается въ чортѣ, ибо, только встрѣтившись съ нимъ, облеченный въ «самобытную форму», богатырь считалъ нужнымъ остановиться. Въ теченіе всей своей исторіи «естественными» для себя границами онъ считалъ лишь тѣ, гдѣ встрѣчалъ кулакъ сильнѣе своего собственнаго...

Впрочемъ, онъ не прочь былъ вести и безкорыстныя войны. Напомню хотя бы войны XVIII вѣка, когда Россія воевала то въ союзѣ съ австрійцами противъ пруссаковъ, то въ союзѣ съ пруссаками противъ австрійцевъ. Эти войны по ихъ безцѣльности можно было бы уподобить развѣ только тому червеобразному движенію кишечника въ пустомъ брюхѣ, о которомъ мною только что было упомянуто. Еще охотнѣе самодержавная Русь вела «идейныя» войны, — въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ въ ряду другихъ государствъ исключительное мѣсто. Правда, гроба Господня она не освобождала,—слишкомъ поздно для этого появилась она на міровой аренѣ; но изъ-за ключей отъ храма гроба Господня вести войну ей приходилось. Освобождать же она многихъ освобождала: и болгаръ, и грековъ, и румынъ, и сербовъ... Она освободила даже боснійцевъ и герцоговинцевъ... чтобы отдать ихъ подъ началъ австрійцамъ.

Ревнуя о свободѣ, не менѣе усердно отстаивала она и рабство. Цѣлую четверть вѣка она потратила, утверждая поколебленные революціей европейскіе троны, пока не навлекла на самое себя нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ. Русскому народу въ серьезъ опять пришлось отстаивать свою землю, и это, конечно, освѣжило его національную идеологію, а вмѣстѣ съ тѣмъ подновило и самобытную форму. Вмѣсто Сперанскаго на сценѣ по-

явился Аракчеевъ. Русскій же самодержецъ въ сердечномъ согласіи съ остзейской нѣмкой Крюденеръ и въ «священномъ союзѣ» съ австрійскимъ министромъ Меттернихомъ принялъ на себя обязанности общеевропейскаго полицеймейстера. Позднѣе русскія войска ходили усмирять венгерцевъ и еще совсѣмъ недавно боксеровъ...

Впрочемъ, по части «замиреній» главная практика русскаго самодержавія была внутри страны. Силою оно раздвигало предѣлы государства и силою же оно приводило его къ единству, какое заключалось въ самобытной формѣ. Хотя Русь давно была собрана и ея единство достигнуто, но, направленная въ эту сторону, сила продолжала дѣйствовать по прежнему. Намъ суждено было увидѣть ея дѣйствіе и въ прежнихъ ея формахъ. Карательными экспедиціями и казнями началось русское самодержавіе; карательными экспедиціями и казнями оно и кончится. При Грозномъ по Россіи разъѣзжали опричники, при Николаѣ II — генералъ-губернаторы. Что́ происходило на другой день послѣ одержанной самодержавіемъ побѣды, то же происходитъ и наканунѣ его гибели. Прошли вѣка— и ничто не измѣнилось. Впрочемъ, метлы и собачьи головы уступили мѣсто нагайкамъ и пулеметамъ. Прогрессъ болѣе, чѣмъ несомнѣнный...

Съ ростомъ внѣшняго могущества развивалось и это внутреннее давленіе. Нуженъ былъ Севастополь, чтобы пало крѣпостное право; понадобились Портъ-Артуръ, Мукденъ и Цусима, чтобы дрогнуло самодержавіе. Внутренняя связь между этими фактами несомнѣнна, да она и понятна: сила вѣдь, въ сущности, одна и лишь дѣйствовала она въ разныхъ направленіяхъ.

Полицейская служба это—такая же основная функція самодержавія, какъ и военное дѣло. Николай I не напрасно назвалъ помѣщиковъ своими «полицеймейстерами». Для того идеальнаго самодержавія, представителемъ котораго онъ являлся, въ сущности нужны только войско и полиція. Всѣ остальные органы развитой государственности это—лишь орнаменты и, въ лучшемъ случаѣ, служебные придатки къ лежащей въ основѣ ея военно-полицейской организаціи. И если бы русскому самодержавію суждено было еще жить и развиваться, то несомнѣнно, что смѣлую идею графа Витте осуществилъ бы въ концѣ концовъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а не финансовъ. Своими развѣтвленіями полиція намного уже опередила не только бюрократію вообще, но даже фискъ со всѣми его «монопольками». Я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ не сыщиковъ, которымъ всетаки нужно платить жалованіе, и которые, въ силу этого, безъ дѣятельной поддержки министра финансовъ особенно далеко проникнуть не могутъ. Полиція успѣла обратить въ свои органы и тѣхъ, кто жалованья изъ казны не получаетъ. Ей служатъ фабриканты и заводчики, попы и помѣщики, ночные сторожа и дворники... Даже ворами и сутенерами она не брезгуетъ. Я уже не говорю про полицейскія функціи, какія вы-

полняетъ сама бюрократія во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ: таможенные чиновники несутъ полицейскія обязанности наравнѣ съ почтовыми; ректоръ университета такъ же не можетъ избѣжать ихъ, какъ и сидѣлецъ въ чайной попечительства трезвости; судъ, какъ и школа, одинаково находятся на службѣ у полиціи...

Съ особою силою военно-полицейскій характеръ русской государственности даетъ себя знать на окраинахъ. И это, конечно, вполнѣ понятно: на периферіи нагляднѣе всего сказывается дѣйствіе всякой центростремительной силы... Перейдя границы націи, включивъ такъ или иначе въ свой составъ другія народности,—и тѣмъ болѣе народности, обладавшія собственною государственною организаціею,—Россія вышла тѣмъ самымъ на новый путь: изъ національнаго государства ей предстояло сдѣлаться федеративнымъ. Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи дѣйствительно и были сдѣланы. Александръ I сохранилъ за Финляндіей ея конституцію; автономное начало получило мѣсто и въ управленіи Польшею. Но этимъ росткамъ новой жизни, какъ и всѣмъ прочимъ, появившимся было въ началѣ XIX вѣка, не суждено было развиться. Центростремительный характеръ русской государственности не только не ослабѣлъ, но и усилился. Выполнивъ свою національную миссію и продолжая развиваться въ томъ же направленіи, она сдѣлалась ярко-націоналистическою. Воспрянувшее самодержавіе продолжало собирать Русь, продолжало собирать даже тамъ... гдѣ ея не было. Такая мелочь не могла остановить облеченнаго въ самобытную форму богатыря, уже привыкшаго останавливаться только передъ чортомъ. Покончивъ съ «замиреніемъ» окружавшихъ Русь народностей, онъ предпринялъ ихъ «обрусеніе». И все это при помощи тѣхъ же самыхъ рессурсовъ—войска и полиціи, которыя на окраинахъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ не вполнѣ даже дифференцировались.

Самодержавное правительство тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ занималось этимъ дѣломъ, чѣмъ свободнѣе извнѣ и сильнѣе внутри оно себя чувствовало. Достаточно, я думаю, напомнить въ этомъ случаѣ эпоху Миротворца и первое десятилѣтіе царствованія нынѣшняго государя, неуклонно шествовавшаго, какъ извѣстно, «по стопамъ незабвеннаго родителя своего». Пользуясь мирнымъ досугомъ, русское правительство поочередно занялось каждой изъ окраинъ и въ концѣ концовъ добралось даже до Финляндіи, лойяльность которой всегда стояла внѣ сомнѣній. Оглядываясь теперь назадъ, такъ и хочется сказать: то былъ силъ избытокъ... И если бы нужно было привести наиболѣе рѣзкій примѣръ расхожденія государственныхъ функцій съ народными потребностями, то, несомнѣнно, пришлось бы указать окраинную политику русскаго правительства. Ничего иного, кромѣ вражды и ненависти къ Россіи, она не могла поселить въ давно замиренныхъ, а то и издревле мирныхъ инородцахъ. И если въ этой политикѣ была какая-либо

цѣлесообразность, то развѣ только та, какая имѣется въ дѣйствіяхъ больного, который собственными руками бередитъ свои раны и даже расковыриваетъ здоровыя мѣста, какія еще остались на поверхности его тѣла...

III.

Такимъ образомъ, по отношенію къ общественному организму въ его цѣломъ самодержавіе или—что, конечно, будетъ точнѣе—нынѣшняя форма русской государственности представляетъ изъ себя самодовлѣющій институтъ, хотя и сложившійся подъ вліяніемъ имѣвшихся когда-то въ народной жизни импульсовъ, но уже давно функціонирующій внѣ всякой связи съ народными интересами и даже въ прямой ущербъ имъ. Отъ этого вывода вѣетъ какъ бы метафизикой. Въ самомъ дѣлѣ, не на воздухѣ же держалась и держится самобытная форма? Въ дѣйствительности, однако, никакой метафизики тутъ нѣтъ. Суть въ томъ, что это не только «форма», каковая сама по себѣ существовать, конечно, не можетъ; у этой формы есть своя «матерія», которая ее держитъ, и свой «духъ», который ее животворитъ...

Въ историческомъ процессѣ соціальный организмъ Россіи, какъ мы видѣли, получилъ совершенно опредѣленную конструкцію. Онъ дифференцировался, при чемъ «царь» и «народъ» отнюдь не были его единственными органами, какъ бы это слѣдовало по славянофильской теоріи. Между самодержавнымъ царемъ и безправнымъ народомъ сразу же образовалось, выражаясь славянофильскимъ терминомъ, «средостѣніе», и при томъ не въ качествѣ временнаго и преходящаго явленія, а въ качествѣ постояннаго фактора, безъ коего и самое самодержавіе было бы не мыслимо. Самую видную роль въ этомъ «средостѣніи» долгое время играло помѣстное сословіе, которое и служило непосредственною опорою самодержцу. Само собой понятно, что славянофилы, будучи идеологами этого самаго сословія, никакого «средостѣнія» въ этомъ періодѣ русской исторіи не видятъ. Поэтому же, быть можетъ, формулѣ «царь и народъ» они предпочитаютъ, какъ извѣстно, формулу «царь и земля». Между «землею», если представлять ее себѣ въ видѣ помѣщика или вотчинника, и царемъ средостѣнія, пожалуй, и не было.

Процессъ дифференціаціи, однако, продолжался, хотя онъ и измѣнилъ свое направленіе изъ горизонтальнаго въ вертикальное. Приказное дѣло отдѣлилось отъ ратнаго, стрѣлецъ отъ подъячаго. Затѣмъ появилось постоянное войско, а вмѣстѣ съ тѣмъ — при Петрѣ же — появились и коллегіи. Вскорѣ произошло и первое недоразумѣніе между высшей бюрократіей и помѣстнымъ сословіемъ. Верховники задумали на собственномъ бланкѣ писать велѣнія своей воли. Могла, казалось, начаться и горизонтальная

дифференціація «средостѣнія». Но Анна Іоанновна, опираясь на тѣ слои помѣстнаго дворянства, которымъ угрожала опасность остаться внизу, разорвала пресловутые «пункты». Самобытная форма осталась неограниченной, а русская знать, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ пробраться въ лорды, вполнѣ удовлетворилась столь же почетной, сколь и выгодной ролью «особъ», какъ на оффиціозномъ языкѣ принято у насъ называть сановниковъ и ихъ сродственниковъ. Дальнѣйшая исторія, конечно, вполнѣ убѣдила сановную знать, что бланкъ «быть по сему» еще лучше ограждаетъ ея интересы, чѣмъ это могъ бы сдѣлать ея собственный.

Военная и бюрократическая — правильнѣе, впрочемъ, будетъ сказать: военно-бюрократическая и полицейско-бюрократическая— организаціи, продолжая развиваться, успѣли мало-по-малу заполнить почти все разстояніе между самодержавіемъ и безправіемъ. Эти двѣ какъ бы колонны, завершаясь однимъ и тѣмъ же шпилемъ, становились тѣмъ шире, чѣмъ дальше опускались къ низу. Одна охватываетъ уже милліонъ штыковъ, всегда готовыхъ къ дѣйствію, да три милліона находящихся въ запасѣ; другая—сотни тысячъ агентовъ всякаго вида и званія, готовыхъ служить самодержавію не только перомъ, но и любою частью собственнаго своего тѣла,—кулаками и боками столь же охотно, какъ глазами и ушами. На штыкахъ, говорятъ, сидѣть нельзя, да и на кулакахъ не особенно удобно... но не тогда, когда эти штыки обращены внизъ и когда этими кулаками отбиваютъ охоту фордыбачить у тѣхъ, кому исторія судила быть подножіемъ. Какъ бы то ни было, самодержавіе сумѣло расположиться на этомъ сѣдалищѣ даже съ комфортомъ...

Новая организація «средостѣнія» открыла возможность включить въ его составъ и, стало быть, заинтересовать въ его цѣлости такіе общественные элементы, которые, несомнѣнно, остались бы внѣ его, если бы отвердѣла сословная организація государственной власти. Въ теченіе долгаго времени «самобытная форма» успѣвала втягивать и усвоивать всѣ живыя силы страны. Интеллигенція, какая и была, вся состояла на казенной службѣ. «Народъ» же представлялъ массу не только безправную, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно темную и уже въ силу этого безпомощную.

Бюрократическая организація имѣла и еще одно въ высшей степени важное преимущество: она предупредила горизонтальное разслоеніе «средостѣнія», а стало быть, и возможность разрывовъ въ немъ и накопленія противорѣчій, которыя могли бы ослабить его устойчивость. Процессъ дифференціаціи, какъ я уже сказалъ, получилъ вертикальное направленіе; въ этомъ направленіи онъ и продолжался. Дифференцировались «вѣдомства», ну а междувѣдомственная полемика, хотя она и возникала подъ часъ, ничего опаснаго въ себѣ для самобытной формы не заключала. Извѣстно: «милые бранятся — только тѣшатся». Всѣ же вѣдомства сверху до

низу состоятъ, если можно такъ выразиться, изъ одного тѣста. Дрожжи во всякомъ случаѣ тѣ же самыя: втянутыя въ бюрократическую организацію частички удерживаются въ связномъ состояніи и приводятся въ дѣйствіе, съ одной стороны, силой давленія, какое производятъ высшіе слои на низшіе, и съ другой — матеріальною зависимостью, въ какой находятся низшіе отъ высшихъ. Само собой понятно, что внизу сильнѣе даетъ себя знать тяжесть, вверху большее значеніе имѣетъ выгода. Но и эта разница, если принять въ разсчетъ психологію, не такъ ужъ значительна: внизу вѣдь рубль не рѣдко цѣнится дороже, чѣмъ на верху тысяча, и, наоборотъ, промелькнувшая на лицѣ тѣнь неудовольствія производитъ подчасъ наверху болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ внизу безудержное битье въ морду. Во всякомъ случаѣ, оба фермента дѣйствуютъ на протяженіи всей бюрократической колоннады. Вѣдь даже на солдатъ вліяютъ не только страхомъ наказанія, но — иногда, по крайней мѣрѣ,—ихъ и подкупаютъ, хотя бы... мыломъ.

Въ общей сложности самодержавію удалось, такимъ образомъ, объединить массу лицъ и изъ разрозненныхъ частичекъ образовать «матерію», которая во всѣхъ своихъ частяхъ имѣетъ почти одинаковую консистенцію и обладаетъ вполнѣ достаточною связностью, чтобы удержать облекающую ее самобытную «форму». Простой инстинктъ самосохраненія заставляетъ каждую частичку, входящую въ составъ этой матеріи, выполнять предназначенную ей функцію. Больше того: частички стремятся выполнять ихъ съ наибольшею энергіею, такъ какъ только такимъ путемъ каждая изъ нихъ можетъ выдвинуться, подняться выше и тѣмъ уменьшить давящую на нее тяжесть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить приходящуюся на ея долю выгоду. Пусть ихъ функціи не нужны общественному организму, пусть онѣ даже вредны,—нерѣдко члены бюрократической организаціи сами хорошо это видятъ и понимаютъ,—тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ дѣйствовать подъ вліяніемъ доходящихъ до нихъ сверху импульсовъ. Если бы даже представить себѣ, что эти импульсы прекратились, то и въ такомъ случаѣ отлившаяся въ бюрократическія формы «матерія» еще долго бы продолжала функціонировать въ прежнемъ направленіи въ силу тѣхъ привычекъ и традицій, какія уже образовались въ этой средѣ, въ силу той психологіи, какая ей уже свойственна. Больше того: собственные ея интересы заставили бы ее всячески поддерживать ту форму, съ которою связано ея существованіе. И это намъ приходится наблюдать въ дѣйствительности. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ рвеніемъ военные и полицейскіе чины борются съ революціей. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ случаѣ ихъ нельзя упрекнуть, что они дѣйствуютъ, только какъ наемники. Они чувствуютъ, конечно, что имъ приходится бороться за собственные интересы и, быть можетъ, даже за собственное существованіе. Собранная и объединенная самобытной формой матерія представляетъ, такимъ

образомъ, и сама по себѣ достаточно внушительную соціально-политическую силу. Несравненно, однако, важнѣе ея служебная роль. Въ дѣйствительности вѣдь импульсы, подъ вліяніемъ которыхъ она дѣйствуетъ, не прекращались. Какъ я уже сказалъ, въ самобытной формѣ имѣется свой «духъ», который и управляетъ собранной въ ней матеріей.

Сначала вернемся, однако, къ помѣстному сословію, которое за реорганизаціей «средостѣнія» осталось какъ бы не у дѣлъ. Эта реорганизація дѣйствительно подвигалась настолько успѣшно, что уже въ XVIII столѣтіи оказалось возможнымъ освободить помѣстное дворянство отъ обязательной службы. Получивъ жалованную грамоту, дворяне могли теперь безвозбранно оставаться въ «недоросляхъ». Но служба ихъ за царемъ не пропала такъ же, какъ не пропадаетъ и за Богомъ молитва: пожалованныя служилымъ людямъ помѣстья безданно и безпошлинно перешли въ потомственную собственность достаточно уже упитанныхъ къ этому времени Митрофанушекъ. За службу же отнынѣ полагалось особое жалованье съ присоединеніемъ къ нему всякаго иного довольствія, какое только могла придумать изобрѣтательная на этотъ счетъ бюрократія: столовыхъ денегъ и квартирныхъ, подъемныхъ и прогонныхъ, суточныхъ и обмундировочныхъ, пособій на отдѣлку квартиръ и на переѣзды изъ одной въ другую и т. д. вплоть до арендъ и пенсій, не считая еще взятокъ... Дворянство у казеннаго пирога заняло, конечно, первое мѣсто, сразу захвативъ всѣ наиболѣе выгодныя позиціи. Другія сословія допускались лишь въ мѣру надобности и должны были довольствоваться объѣдками, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не удостоены чести состоять на «государственной службѣ»: будучи втянуты въ бюрократическую матерію, частички «податныхъ» сословій должны кончать свою жизнь въ роли нижнихъ чиновъ и въ лучшемъ случаѣ «канцелярскихъ служителей». Просвѣщенное сословіе явилось, такимъ образомъ, для бюрократіи той питательной средой, изъ которой она черпала главныя свои силы. Впрочемъ, услуги на счетъ питанія были взаимныя: бюрократія черпала силы, а дворянство, какъ я уже сказалъ, рессурсы.

Но и «недоросли» были еще нужны. Освобожденные отъ обязанности изучать «еоргафію», они въ теченіе цѣлаго почти столѣтія продолжали—царю на пользу, да и для себя не безъ выгоды—выполнять въ низахъ народной жизни «полицейскія“ функціи. Даже послѣ паденія крѣпостного права, получивъ выкупъ за подвластныя имъ души, они сохранили всетаки значительную долю политической власти надъ ними. Надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ въ теченіе всего пореформеннаго времени находился, такъ или иначе, въ вѣдѣніи помѣстнаго сословія; въ его же рукахъ находилось земское хозяйство и мѣстная юстиція. Впослѣдствіи политическое значеніе дворянства въ мѣстной жизни еще

болѣе усилилось. Извѣстно, какую роль играютъ теперь хотя бы предводители дворянства въ уѣздномъ управленіи. Александръ III повелъ дѣло на чистоту: „слушайтесь вашихъ предводителей дворянства» — сказалъ онъ крестьянамъ во время своей коронаціи. Нынѣшній государь счелъ своимъ долгомъ подтвердить эти слова. Дѣло, впрочемъ, не въ предводителяхъ только. Александръ III призналъ за благо опять призвать на службу даже дворянскихъ недорослей. Онъ обезпечилъ успѣвшихъ похудѣть отъ свободы Митрофанушекъ надлежащими окладами, чтобы вновь вручить имъ попечительную власть надъ крестьянами. Впрочемъ, можетъ быть, и на оборотъ: онъ вручилъ имъ попечительную власть надъ крестьянами, чтобы обезпечить ихъ надлежащими окладами. Установить болѣе точный взглядъ на этотъ сложный процессъ обоюднаго питанія мы постараемся нѣсколько ниже.

Такимъ образомъ, дворянство, составляя видную часть бюрократической колоннады, продолжаетъ въ то же время, и какъ сословіе, служить опорой трону въ низахъ народной жизни, въ особенности тамъ, куда еще не проникла или почему либо не могла проникнуть бюрократія. Но несомнѣнно, что важнѣйшую свою роль дворянство играетъ не внизу, а въ самомъ верху, непосредственно подъ шпилемъ. Тамъ имѣется своего рода какъ бы куполъ, состоящій изъ тѣхъ „особъ“—„особъ первыхъ двухъ классовъ“ и „особъ, пріѣздъ ко двору имѣющихъ“,—о которыхъ мнѣ пришлось уже упоминать выше. Придерживаясь взятаго мною для «самобытной формы» образа, я называю эту среду куполомъ, ибо даже вѣдомственная спеціализація не имѣетъ въ ней большого значенія. Одна и таже „особа“ нерѣдко управляетъ сегодня однимъ департаментомъ, завтра—другимъ, а послѣ завтра ѣдетъ править цѣлымъ краемъ. Въ частности военныя „особы“, какъ извѣстно, у насъ считаются способными на всѣ роли—отъ роли разъѣзжающаго съ пулеметами опричника до роли министра народнаго просвѣщенія включительно. Если вѣрить, то Николай I считалъ ихъ способными быть даже мыслителями... Эта среда представляютъ, такъ сказать, квинтъ-эссенцію русской государственности. Въ извѣстныхъ случаяхъ ее называютъ также „сливками“ русскаго общества...

Среда эта—сплошь помѣстно-дворянская. «Поповичи» и другіе разночинцы сюда проникали рѣдко, да и тѣ обыкновенно исчезали, не оставивъ по себѣ въ ней никакихъ слѣдовъ не только своего демократическаго духа, но и своей демократической плоти *).

*) Въ принципѣ бюрократическая и даже военно-бюрократическая организація допускаетъ восхожденіе по своимъ ступенямъ каждому. Дерзать никому не возбранено, напротивъ—это даже требуется: плохой, какъ говорится, тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Но это въ принципѣ, на практикѣ же... Я уже упомянулъ, что наиболѣе многочисленнымъ сословіямъ у насъ до сихъ поръ закрытъ доступъ на

Объединенныя общимъ происхожденіемъ и родственными связями, «особы» еще тѣснѣе связаны между собою общими интересами и

государственную службу. Остальнымъ разночинцамъ приходится не мало послужить, прежде чѣмъ они добьются „перваго чина"—того чина, который за каждымъ дворяниномъ считается прирожденнымъ. Офицерами во флотѣ разночинцы вовсе не могутъ быть, хотя бы они и не принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Иначе, казалось бы, обстоитъ дѣло въ сухопутныхъ войскахъ: здѣсь „принципъ" соблюдался даже въ крѣпостную эпоху. Кантонистамъ и „сдаточнымъ", какъ извѣстно, былъ открытъ ходъ въ офицеры, но... немногіе изъ „выслужившихся" имѣли охоту имъ воспользоваться. Когда открывалась, наконецъ, къ этому возможность, то всѣ жилы обыкновенно были уже вытянуты, и большинство предпочитало оставаться въ „кандидатахъ", получая за свой отказъ отъ офицерства сторублевую, сколько помнится, пенсію. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности потребность въ офицерахъ настолько усилилась, что понадобились поощрительныя мѣры, чтобы обезпечить войска надлежащимъ числомъ субалтерновъ. Гнушаться лицами не дворянскаго происхожденія уже не приходилось. Но въ штабъ-офицерскіе чины—я уже не говорю: въ генералы — пробраться разночинцу и теперь мудрено. Для этого установлены стажъ и предѣльный возрастъ, и установлены они съ такимъ разсчетомъ, что почти каждый соблазнившійся офицерской карьерой разночинецъ, прежде чѣмъ онъ кончитъ свой стажъ (въ одномъ капитанскомъ чинѣ, не считая предыдущихъ, нужно прослужить минимумъ 12 лѣтъ), будетъ застигнутъ предѣльнымъ возрастомъ. Чтобы получить баталіонъ, мало „выслуги", нужно еще „отличіе". Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіе! — какъ бы говоритъ оживляющій бюрократію „духъ" въ такихъ случаяхъ:—все равно наверху окажется тотъ, у кого есть бабушка, умѣющая ворожить...

Одно время могло казаться, что разночинецъ одержитъ верхъ надъ дворяниномъ въ бюрократической средѣ при помощи образованія. Послѣднее даетъ преимущества въ чинопроизводствѣ, да и само по себѣ является, казалось бы, важнымъ козыремъ. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ нашумѣвшій въ свое время циркуляръ С. Ю. Витте, которымъ предписывалось давать преимущество лицамъ съ высшимъ образованіемъ. „Образованные" люди послѣ того такъ и хлынули въ его вѣдомство. Изъ всѣхъ ученыхъ людей, откликнувшихся на призывъ просвѣщеннаго бюрократа, самую блестящую карьеру, нужно думать, сдѣлалъ ученый секретарь ученаго комитета г. Гурьевъ. Одно время онъ былъ даже допущенъ къ самому пирогу и состоялъ членомъ отъ правительства въ какомъ-то банкѣ, откуда его пришлось, однако, убрать въ виду чрезмѣрнаго аппетита, какой онъ обнаружилъ. Но движеніе его вверхъ и послѣ того не прекратилось. Еще недавно его откармливали „бутербродами" и при томъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ не всегда получаютъ ихъ и прирожденныя „особы". Къ числу лицъ, правящихъ „русскимъ государствомъ", его, однако, всетаки не сопричислили: ему лишь поручили редактировать газету съ этимъ именемъ. Такимъ образомъ, его ученая особа оказалась нужной лишь для роли холопа.

Можно было бы еще указать, пожалуй, на самого гр. Витте, бюрократическая карьера котораго воистину представляется исключительной. Начавъ съ довольно низкихъ ступеней, онъ первый добрался до вершины, которая до него оказывалась не досягаемой, при чемъ по дорогѣ получилъ еще титулъ графа. Но... очень вѣдь сомнительно, чтобы въ графѣ Витте именно и находился тотъ духъ, который давалъ въ декабрьскіе дни импульсы русской государственности, и чтобы онъ по собственному

общею имъ всѣмъ психологіею. Для характеристики того, каковы эти интересы и какова эта психологія, достаточно, я думаю, сказать, что видный элементъ въ средѣ придворно-бюрократической знати, а при дворѣ чуть ли даже не преобладающій, составляютъ остзейскіе дворяне. Вспоминая о нихъ, я начинаю сомнѣваться, не слишкомъ ли самоувѣренно я утверждалъ въ прошлой статьѣ, что новые виды въ составѣ человѣчества обособиться не могутъ. Во всякомъ случаѣ, если въ его средѣ уже образовались «вредныя расы», то несомнѣнно, что къ нимъ прежде всего нужно отнести баронскую *)...

И вотъ изъ этой-то среды и исходятъ тѣ импульсы, подъ вліяніемъ которыхъ функціонируетъ русская государственность. Здѣсь-то и обитаетъ тотъ «духъ» - затхлый духъ средневѣковья,—который животворитъ всю «самобытную форму». Не смотря на всѣ историческія превратности, помѣстное сословіе сумѣло, такимъ образомъ, сохранить полученную имъ когда-то привилегію стоять у кормила русскаго государства и кормиться за счетъ русскаго народа...

IV.

Выше я уже сдѣлалъ оговорку на счетъ схематичности своего изложенія. Въ дѣйствительности процессъ соціальнаго развитія

почину залилъ Россію кровью. Все заставляетъ думать, что онъ ни больше, ни меньше, какъ та же самая бюрократическая матерія...

*) Сами бароны, повидимому, вовсе не признаютъ общности своего вида съ остальнымъ человѣчествомъ. По крайней мѣрѣ, они способны охотиться на людей съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и на дикихъ животныхъ. При случаѣ баронъ съ такою же готовностью убиваетъ безоружнаго человѣка, какъ и заправскій охотникъ затравленнаго звѣря. Нужно ли напоминать фонъ-Сиверса и другихъ бароновъ, поспѣшившихъ надѣть полицейскіе и офицерскіе мундиры, чтобы руководить „карательными экспедиціями“ въ Прибалтійскомъ краѣ? Нужно ли говорить о подвигахъ Мина и его достойнаго сподвижника Римана, собственноручно разстрѣливавшаго затравленныхъ голутвинцевъ? Нужно ли описывать великую охоту сибирскаго Нимврода-Ренненкампфа? Нужно ли говорить о томъ ужасѣ, какой навелъ на обитателей тамбовскихъ полей ничтожный фонъ-Лауницъ? Само по себѣ это, конечно, не даетъ еще права говорить объ особомъ видѣ. Курловы вѣдь не уступятъ Нейдгардтамъ, Абрамовы и Ждановы—Сиверсамъ, Чухнины и Дубасовы—Ренненкампфу. Конкуррировавшій съ послѣднимъ Меллеръ-Закомельскій имѣетъ сложную фамилію... Люди-звѣри имѣются въ достаточномъ числѣ въ составѣ и другихъ націй. Кромѣ того, для вида необходима наличность установившихся уже признаковъ. Но... любопытная вещь: свойственныя баронскому сословію звѣрскія особенности съ вѣками не только не слабѣютъ, но и еще какъ будто крѣпнутъ. Перечитайте исторію крестьянской войны въ Германіи, и вы легко убѣдитесь, что нынѣшніе фонъ-Сиверсы ни въ чемъ не уступятъ тогдашнимъ фонъ-Трухзесамъ. Больше того: тогда на сторонѣ крестьянъ оказались хоть немногіе фонъ-Гейеры. Припомните исторію освободительнаго движенія въ Россіи,—и немного баронскихъ именъ вы въ ней встрѣтите. Даже способность выдѣлять изъ своей среды „кающихся дворянъ“ баронствомъ какъ будто утрачена.

страны былъ, конечно, сложнѣе, чѣмъ я изобразилъ его на предыдущихъ страницахъ. На нѣкоторыхъ ихъ осложнившихъ его моментахъ я и долженъ теперь остановиться.

Національныя и сословныя рамки, въ которыя была втиснута народная жизнь, неизбѣжно должны были оказаться для нея слишкомъ тѣсными. Какъ это ни странно покажется на первый взглядъ, но стѣснительность ихъ почувствовала, прежде всего, та самая государственность, для которой національзмъ служилъ оградой и сословность для которой была опорой. Та же самая потребность, которая обусловила въ свое время возникновеніе національнаго государства, властно потребовала затѣмъ сближенія съ другими народами. Чтобы успѣшно состязаться съ «нѣмцемъ», пришлось у него учиться. Въ интересахъ національнаго могущества нужно было отказаться отъ національной обособленности и замкнутости. Государственная власть сама должна была сдѣлать первую брешь въ той националистической стѣнѣ, за которою она теперь желала бы укрыться...

Эта брешь была нужна, чтобы дать дорогу техническому прогрессу. Разница въ культурѣ съ западными сосѣдями была слишкомъ значительна, выращивать ее дома было некогда. Волей-неволей Россія должна была брать «послѣднее слово» изъ общечеловѣческаго опыта. Заграничное происхожденіе «техническаго прогресса»—таковъ важный фактъ, съ которымъ приходится считаться въ исторіи общественныхъ отношеній въ Россіи. Въ соціальной жизни страны это обстоятельство сказалось очень важными послѣдствіями.

Западно-европейскія страны на много раньше, чѣмъ Россія, начали жить общею имъ всѣмъ жизнью. Усовершенствованная техника явилась тамъ, какъ результатъ долгаго процесса, охватывавшаго всю жизнь, всѣ общественныя отношенія. Россія получила ее въ готовомъ видѣ, и это молодое вино большими или меньшими порціями она вливала въ старые мѣхи, въ старыя общественныя формы. На Западѣ техника прогрессировала одновременно въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ примѣненія человѣческаго труда, тамъ постепенно обновлялось все платье; въ Россіи заплаты ихъ новой и яркой матеріи вставлялись въ до нельзя обветшавшую и давно выцвѣтшую одежду. Неравномѣрность техническаго прогресса—такова одна изъ характерныхъ чертъ русской жизни, несоотвѣтствіе техники съ общественными отношеніями—такова другая, не менѣе рѣзко бросающаяся въ глаза ея особенность *).

*) Эти особенности свойственны, конечно, всѣмъ странамъ, сравнительно поздно принявшимъ участіе въ общей съ Западною Европой культурной жизни. У насъ указанныя черты также наиболѣе рѣзко бросаются въ глаза въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ техническій процессъ яв-

Еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что «техническій прогрессъ» явился въ Россію по вызову, такъ сказать, правительства. Пестрота въ техникѣ, которую я только что отмѣтилъ,— не случайная пестрота. Въ ней не трудно разсмотрѣть нѣкоторый узоръ, въ ней сказалась совершенно опредѣленная тенденція. Государственная власть первая начала черпать изъ сокровищницы общечеловѣческаго опыта, и она черпала, конечно, по преимуществу то, что могло увеличить ея силу и вліяніе. Техническій прогрессъ оказался, такимъ образомъ, на службѣ у правительства. Пользуясь имъ, облеченный въ самобытную форму богатырь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершенствовалъ свои доспѣхи. Когда-то въ его разпоряженіи имѣлись только бердышъ и ладья, теперь онъ располагаетъ броненосцами и пулеметами. Почта, телеграфъ, желѣзныя дороги—находятся всецѣло въ его распоряженіи. Къ его услугамъ имѣются многочисленные фабрики и заводы, онъ широко пользуется биржей и банками. Находящійся въ его рукахъ податной прессъ доведенъ до такого техническаго совершенства, что при его помощи оказалось возможнымъ выжать изъ страны, не вызвавъ отпора, почти всѣ ея соки. Воспользовавшись заграничной техникой, самобытная государственность во много разъ увеличила, такимъ образомъ, свои силы. Это дало ей возможность отстоять себя въ международной борьбѣ и даже продолжать, хотя не всегда успѣшно, завоевательную политику. Но это же позволило ей и внутри страны сравнительно долго развиваться въ прежнемъ направленіи. Основное противорѣчіе русской жизни продолжало, такимъ образомъ, обостряться, глубокая пропасть между самодержавіемъ и безправіемъ и послѣ того, какъ націоналистическая стѣна была пробита, становилась все шире...

Но попытки использовать техническій прогрессъ въ рамкахъ крѣпостнаго хозяйства оказались всетаки, въ концѣ концовъ, недостаточно производительными. Пришлось обратиться къ содѣйствію «международнаго джентльмэна», который взялся доставить

ляется сравнительно недавнимъ гостемъ. Укажу хотя бы Баку—этотъ городъ контрастовъ. Пройдитесь по его улицамъ: вы увидите конку, велосипеды, автомобили, и тутъ же вамъ встрѣтятся „амбалы", выполняющіе обязанности вьючныхъ животныхъ; вы только что осмотрѣли одну изъ самыхъ крупныхъ въ Россіи фабрикъ электричества, представляющую послѣднее слово европейской техники, и вслѣдъ за тѣмъ идете осматривать населенную татарами „крѣпость"—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, быть можетъ, уголковъ вполнѣ сохранившейся Азіи; вамъ только что разсказывали про рабочихъ, настойчиво добивающихся всѣхъ правъ человѣка и гражданина, и въ то же время мимо васъ проходитъ мусульманка, не рѣшающаяся снять съ своего лица покрывала... Подобными контрастами полна въ сущности вся Россія. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, Невскій проспектъ съ какой-нибудь Моховаткой, усовершенствованныя заводскія машины съ допотопной деревенской сохой, созданный г. Витте политехникумъ съ насажденной г. Побѣдоносцевымъ школой грамоты. Такихъ контрастовъ, конечно, нѣтъ въ болѣе старыхъ по культурности странахъ.

прогрессъ изъ-за границы. «Это былъ господинъ не первой уже молодости, давно пережившій перiодъ своей непосредственности и своихъ юныхъ увлеченiй, въ изрядно поношенномъ костюмѣ и съ плутовато бѣгающими глазами» *). Читатели, конечно, догадались, что цитируемый мною авторъ говоритъ о капитализмѣ. Самъ по себѣ это былъ джентльмэнъ болѣе, чѣмъ сомнительный, но его роль, какъ проводника технического прогресса, казалась столь безспорной, что государственная власть широко распахнула передъ нимъ двери. Не рѣдко она предоставляла ему честь и мѣсто даже тогда, когда въ его багажѣ вовсе не было никакого прогресса.

Такимъ образомъ, и капитализмъ мы получили въ готовомъ видѣ. Прежде, чѣмъ населенiе успѣло выработать нужные навыки для борьбы съ нимъ, онъ уже широко раскинулъ свои сѣти. Опутать такъ быстро народъ доморощенный кулакъ едва ли бы оказался въ состоянiи. Въ соцiальную жизнь былъ привнесенъ такимъ образомъ новый, и при томъ очень сильный, дифференцирующiй факторъ.

Сословныя перегородки должны были рухнуть. Крайне важнымъ, однако, представляется въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что капитализмъ явился въ страну не только съ согласiя, но и по вызову правительства, для котораго сословный строй служилъ опорой. Создалось положенiе, существенно-отличное отъ того, въ какомъ находилась въ свое время западная Европа. Между самобытнымъ феодализмомъ и международнымъ капитализмомъ установилось не только мирное, но и дружественное сожительство. Государственная власть слишкомъ нуждалась въ услугахъ сомнительнаго джентльмэна, чтобы не поступиться въ его пользу нѣкоторыми сословными связями. Сдѣлать это ей было тѣмъ легче, что самобытная форма уже имѣла въ это время достаточно надежную опору въ видѣ бюрократической колоннады. Съ другой стороны, капитализмъ оказался, въ сущности, очень покладистымъ джентльмэномъ. «Давно пережившiй перiодъ своей непосредственности и своихъ юныхъ увлеченiй», онъ былъ слишкомъ уже опытенъ, чтобы предъявлять какiя-либо общiя претензiи на счетъ «правъ человѣка и гражданина». Онъ вполнѣ былъ доволенъ оказаннымъ ему самому «покровительствомъ».

Союзъ оказался, такимъ образомъ, вполнѣ возможнымъ. Капитализмъ, нисколько не смущаясь полицейскимъ режимомъ, разложилъ свой багажъ, въ которомъ, кромѣ «орудiй промышленнаго прогресса», оказались, конечно, и «отмычки самаго новѣйшаго фасона». Свѣта и простора, чтобы народъ могъ использовать въ достаточно широкихъ размѣрахъ «орудiя», въ странѣ было слишкомъ мало, за то «отмычки» сомнительный джентльмэнъ, пользуясь царившими въ ней безправiемъ и невѣжествомъ, легко могъ пу-

*) Вл. Кор. „О сложности жизни". „Русское Богатство", 1899 г. № 12.

стить въ дѣло. Поддерживая всѣми мѣрами крѣпостныя формы эксплуатаціи трудового народа, самодержавное правительство не только не препятствовало, но и всячески содѣйствовало развитію капиталистическихъ формъ. Штемпель «быть по сему» оказался вполнѣ пригоднымъ, чтобы санкціонировать тѣ и другія. Не только народный карманъ, но и казенный сундукъ былъ предоставленъ въ пользованіе промышленнаго сословія. Достаточно, я думаю, напомнить преміи и льготы, субсидіи и гарантіи, таможенныя пошлины и казенные заказы, не говоря о другихъ, широко примѣнявшихся подъ покровомъ бюрократической тайны, «отмычкахъ»...

Претензій на участіе въ осуществленіи государственной власти русская торгово-промышленная буржуазія почти не предъявляла. Писать ассигновки можно было и на бюрократическомъ бланкѣ. Но ея вліяніе на государственныя отношенія сказывалось все сильнѣе и сильнѣе. Покровительствуемый союзникъ,—своего рода какъ бы вассалъ,—все больше и больше становился властнымъ хозяиномъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ помѣстное дворянство оказалось не въ состояніи отстоять даже собственные свои хозяйственные интересы. Напомню хотя бы таможенную политику, которая становилась все болѣе и болѣе невыгодной для сельскаго хозяйства. Свои протори и убытки правящее сословіе спѣшило, конечно, восполнить усиленными окладами, даровымъ кредитомъ и другими столь же непосредственными «воспособленіями». Въ его рукахъ находился ключъ отъ народной казны и, стало быть, ему не зачѣмъ было прибѣгать къ отмычкамъ *).

Само собой понятно, что съ усиленіемъ вліянія торгово-промышленной буржуазіи увеличивалась и ея доля въ народныхъ прибыткахъ. Все больше и больше она требовала народныхъ рессурсовъ. Аппетитъ у джентльмэна-капитала, какъ извѣстно, громадный, прямо-таки безграничный...

Выше, говоря о «самобытной формѣ», я привелъ въ качествѣ фантастическаго примѣра пищеварительный аппаратъ, который сдѣлался ненужнымъ. Не случайно я взялъ этотъ именно органъ

*) Не лишне будетъ всетаки отмѣтить, что указанное обстоятельство внесло въ дворянскую среду нѣкоторую смуту, породивъ внутреннія въ ней недоразумѣнія. Неслужилому дворянству естественно, конечно, казалось, что сановная знать, занятая обдѣлываніемъ собственныхъ дѣлишекъ, небрежетъ общими интересами сословія. Отсюда и эти жалобы на бюрократію, которая заслоняетъ отъ „земли“ свѣтъ „краснаго солнышка“. Земельное дворянство какъ бы дифференцировалось отъ правящаго. Но когда настали трудныя времена, эти внутреннія несогласія исчезли. Интересы „трудового дворянства“ оказались при очной ставкѣ вполнѣ тождественными съ интересами тѣхъ, которые засѣдаютъ въ „звѣздной палатѣ“ Весь споръ сводился, въ сущности, къ вопросу объ „уравнительномъ распредѣленіи“ тѣхъ щедротъ, какія изливало на „землю“ „красное солнышко“ Сохранить это „солнышко“ — къ этому и направлены теперь всѣ усилія дворянства, какъ сословія.

для сравненія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ видѣли читатели, я нерѣдко оказывался въ затрудненіи, благодаря невозможности отграничить функціи сословнаго питанія отъ функцій государственнаго правленія. Не разъ я готовъ былъ пожалѣть о старомъ словѣ «кормленіе», которое можно было бы употребить въ томъ и другомъ смыслѣ... Само собой понятно, что чѣмъ больше «самобытная форма» втягивала въ себя матеріи, тѣмъ больше она требовала рессурсовъ для своего поддержанія. Въ концѣ концовъ изъ русской государственности, дѣйствительно, получился аппаратъ, какъ бы спеціально предназначенный, чтобы поглощать народные достатки. И вотъ къ этому-то, и безъ того чрезмѣрно развитому аппарату присоединилась еще ненасытная капиталистическая утроба. Легко понять, какія изъ этого должны были проистечь послѣдствія для народнаго организма.

V.

Предварительно я долженъ, однако, сдѣлать оговорку. Законные предѣлы аналогіи мною, въ сущности, давно уже перейдены. Органъ, сдѣлавшійся ненужнымъ организму, по общему правилу, не можетъ развиваться: рано или поздно онъ долженъ атрофироваться. Съ исчезновеніемъ потребности въ немъ, все слабѣе и слабѣе становяться его функціи, все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ получаются имъ питательные соки; онъ уменьшается въ своемъ размѣрѣ, и хотя еще долго продолжаетъ существовать въ видѣ рудимента, но роль его въ общей жизни организма сравнительно скоро дѣлается малозамѣтной, а затѣмъ и вовсе ничтожной. Такъ протекаетъ этотъ процессъ въ организмѣ; таковы, нужно думать, законы органической эволюціи. Совершенно иначе могутъ складываться тѣ же отношенія въ соціальной жизни, и въ этомъ именно заключаетсл одно изъ существенныхъ ея отличій.

Эту разницу мнѣ пришлось отмѣтить уже въ «Основныхъ положеніяхъ нашей программы». Тамъ я указалъ, какую неодолимую преграду органическая эволюція встрѣчаетъ въ лицѣ человѣческой личности. «Въ борбѣ за свои интересы послѣдняя легко переходитъ грань, которая отдѣляетъ то, что полезно для сохраненія и развитія общества, отъ того, что для него является безусловно вреднымъ. Нельзя упускать изъ виду, что личность съ ея революціоннымъ сознаніемъ противопоставлена въ данномъ случаѣ аггрегату и что послѣдній, по скольку онъ не объединенъ общей волей и коллективнымъ сознаніемъ, не обладаетъ той сопротивляемостью, которую онъ могъ бы противопоставить разрушительной работѣ входящихъ въ его составъ молекулъ... Не координированная работа отдѣльныхъ молекулъ рано или поздно нарушаетъ равновѣсіе въ

общественномъ организмѣ и дѣлаетъ неизбѣжнымъ кризисъ, если не болѣе тяжкое потрясеніе въ немъ» *).

Соціальную структуру, какую получилъ въ историческомъ процессѣ общественный организмъ Россіи, тоже нельзя разсматривать, какъ результатъ одной только органической эволюціи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что сильное вліяніе на него оказалъ и только что отмѣченный мною соціальный факторъ, т. е. не объединенная общенародной волей и общенароднымъ сознаніемъ работа отдѣльныхъ группъ и лицъ, входившихъ, какъ часть, въ составъ народа. Этимъ только и можно объяснить, что ненужный органъ,—а таковымъ съ точки зрѣнія народнаго организма въ цѣломъ давно уже, какъ мы видѣли, является русская государственность въ «самобытной» ея формѣ,—не только могъ сохраниться, но и продолжалъ развиваться, достигнувъ въ концѣ концовъ чудовищныхъ размѣровъ.

Чтобы пояснить эту мысль, мнѣ не къ чему возвращаться къ исторіи; достаточно будетъ, какъ я думаю, даже самыхъ простыхъ фактовъ изъ окружающей насъ дѣйствительности. Возьмите хотя бы городового, готоваго каждому обывателю накласть въ загривокъ. Не народными же, въ самомъ дѣлѣ, интересами и потребностями онъ руководится. Дѣло объясняется, конечно, проще: онъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы угодить начальству и, такимъ образомъ, обезпечить свои жалкіе интересы. Если даже допустить, что онъ дѣйствитвуетъ во имя народнаго блага, то на какихъ же вѣсахъ онъ его взвѣсилъ? Не иначе, какъ на вѣсахъ полицейскаго участка. Между тѣмъ, тѣлодвиженіями этого городового и ему подобныхъ не только поддерживается, но и распространяется имѣющій роковое значеніе въ народной жизни институтъ безправія... Возьмите солдата, открывающаго на улицѣ пальбу пачками. Что для него имѣетъ больше значенія: отечество или дисциплина? Допустимъ даже, что отечество. Но откуда онъ узналъ о его нуждахъ, какъ не изъ разъясненій офицеровъ, руководящихся своимъ групповымъ сознаніемъ? Между тѣмъ, этотъ солдатъ со своей магазинкой преградилъ дорогу цѣлому народу... Обратимся, однако, къ послѣдствіямъ этой не координированной съ общенародными потребностями работы втянутыхъ въ «самобытную форму» частичекъ.

Обратить въ пищеварительный аппаратъ весь организмъ немыслимо. Не осуществимо было и стремленіе обратить все населеніе страны въ солдатъ и полицейскихъ чиновниковъ. Чтобы содержать армію и полицію и тѣмъ болѣе, чтобы удовлетворить охраняемые имъ аппетиты, необходимы средства. Были нужны, стало быть, производительные классы или—по оффиціальной терминологіи—«податныя сословія». Имѣлись, такимъ образомъ, естественныя границы развитію соціальныхъ отношеній въ данномъ имъ

*) „Современность", мартъ, стр. 122.

русскою государственностью направленіи. Но удержаться въ этихъ предѣлахъ она оказалась не въ состояніи.

Устанавливая свои отношенія съ окружающими его крестьянами, каждый помѣщикъ руководился, конечно, своими интересами. Можно было накинуть лишній рубль на десятину, онъ и накидывалъ. Въ результатѣ же получился такой аграрный строй, при которомъ веденіе сельскаго хозяйства сдѣлалось невозможнымъ. Настаивая на высокихъ пошлинахъ и добиваясь казенныхъ заказовъ, фабриканты и заводчики радѣли, конечно, о собственныхъ своихъ интересахъ. Въ результатѣ же страна оказалась раззоренной, и развитіе самой промышленности сдѣлалось немыслимымъ.

Чѣмъ большія силы и средства стягивала въ свое распоряженіе государственность, тѣмъ быстрѣе происходило истощеніе народнаго организма. Неравномѣрность техническаго прогресса донельзя обострила этотъ процессъ. Заморенная кляча должна была вывозить броненосцы—естественно, что она надорвалась. На почвѣ, обрабатываемой допотопной сохой, выращивали самые тонкіе по культурѣ фрукты—вполнѣ понятно, что она истощилась. Функціи организма пришли въ полное разстройство, самое существованіе его при данной структурѣ сдѣлалось невозможнымъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при выясненіи самой платформы, мнѣ еще придется подробно говорить объ этомъ. Сейчасъ же для меня важно лишь отмѣтить эту объективную неизбѣжность подготовленной самодержавіемъ и капитализмомъ катастрофы.

Но она и субъективно сдѣлалась уже неизбѣжной. Трудовой народъ не только не можетъ кормить безъ числа умножившихся помощниковъ и союзниковъ самодержавія, но онъ и не хочетъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ другою особенностью соціальной жизни,—съ другимъ факторомъ, неизвѣстнымъ органической эволюціи. «Нижніе слои общественной формаціи—писалъ я въ «Современности»—не могутъ примириться съ выпавшей имъ долей,—и опять-таки потому, что это живые, способные страдать и наслаждаться люди, а не бездушныя клѣтки. Рано или поздно чаша ихъ долготерпѣнія оказывается переполненной, и назрѣвшій въ общественномъ организмѣ кризисъ превращается въ революцію. Происходятъ рѣзкія измѣненія въ общественной структурѣ, и потрясеніе оказывается тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ дальше подвинулся процессъ дифференціаціи и чѣмъ революціоннѣе по отношенію къ его результатамъ настроено въ данный моментъ общественное сознаніе».

Беззастѣнчивая эксплуатація трудящихся массъ неизбѣжно должна была привести къ рѣзкому съ ихъ стороны отпору. Но ихъ протестъ могъ отлиться въ разныя формы. Исторія знаетъ уже не мало случаевъ, когда высоко поднималась волна народнаго гнѣва и затѣмъ безсильно разбивалась, не находя себѣ исхода. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ такихъ безрезультатныхъ народ-

ныхъ движеній мы имѣемъ въ нашей пугачевщинѣ. Возможно, что и теперь массовое движеніе отлилось бы въ ту же безысходную форму. Къ счастію, въ немъ участвуетъ сила, способная открыть ему русло.

Я имѣю въ виду идеи, которыя привнесены въ движеніе. Мы почерпнули ихъ изъ той же общечеловѣческой сокровищницы, получили ихъ, можно сказать, тоже въ готовомъ видѣ. Онѣ намного опередили внутреннее развитіе страны, и революціонное значеніе ихъ въ русской жизни оказывается, благодаря этому, особенно сильнымъ. Даже тѣ идеи, которыя западная Европа успѣла или стремится воплотить въ процессѣ эволюціи, у насъ могутъ войти въ жизнь только революціоннымъ путемъ.

Крайне характерно, что сама государственная власть содѣйствовала появленію въ странѣ этого, уже по самому существу своему, революціоннаго фактора. Правительство само строило школы, само печатало книги, само издавало газеты. Для него это было частью той техники, въ услугахъ которой оно такъ нуждалось. Не прочь оно было—напомню Екатерину II—пококетничать и съ самыми идеями. Правда, оно очень быстро спохватилось, какъ онѣ опасны, съ судорожною поспѣшностью оно начало тушить вспыхнувшій въ странѣ огонекъ сознательной мысли, всѣми мѣрами оно старалось прекратить дальнѣйшее просачиваніе ея изъ-за границы. Но всѣ усилія оказались напрасными. Государственная власть оказалась въ положеніи — беру образъ, употребленный въ одной изъ рѣчей Н. Ѳ. Анненскимъ — въ положеніи того волшебника, который умѣлъ вызвать духа, но не въ состояніи былъ заклясть его. Огонь оказался неугасимымъ и разгорался все ярче. Новые потоки оказались непредотвратимыми и заливали страну все шире.

Сознательная мысль сразу же предъявила свои революціонныя требованія. Она предъявила ихъ уже тогда, когда въ странѣ былъ, можетъ быть, всего только одинъ человѣкъ, способный понять ея велѣнія. Съ еще большею настойчивостью она предъявила ихъ, когда такихъ лицъ оказалась цѣлая группа. И она не уставала предъявлять ихъ вновь и вновь, готовая претерпѣть всѣ гоненія. Лишь 40 лѣтъ тому назадъ ей удалось добиться нѣкотораго успѣха. Она нашла тогда себѣ поддержку въ объективныхъ условіяхъ, властно требовавшихъ соціальнаго преобразованія, но слишкомъ слаба еще была помощь, на которую она могла разсчитывать въ массахъ. Тѣмъ съ большею настойчивостью она предъявляетъ свои требованія теперь, когда не только объективныя условія, но и революціонное настроеніе трудящихся массъ могутъ послужить для нихъ опорой.

Ни одна еще революція не проходила подъ знаменемъ такихъ высокихъ идеаловъ, какъ русская. Еще не было случая, чтобы такой высокій подъемъ революціонной энергіи трудового народа

совпадалъ съ такимъ широкимъ распространеніемъ въ его средѣ сознательной мысли.

И вотъ намъ говорятъ, что революція должна совершиться въ пользу капитализма,—того самого капитализма, который былъ вѣрнымъ союзникомъ самодержавія и который даже теперь не рѣшается измѣнить ему.

Нѣтъ! русская революція пройдетъ подъ знаменемъ соціализма. Для нея есть только одинъ выходъ: возстановить права человѣческой личности и обезпечить интересы трудового народа — такова ея задача.

Повторю то, съ чего началъ: велики народныя потребности, выдвинутыя русской революціей, и широки открываемыя ею историческія возможности.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

К. А. Ковальскій. Война. Сборникъ разсказовъ. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1906. Стр. 231. Цѣна 80 коп.

Въ беллетристической литературѣ, вызванной минувшей войной, разсказы г. Ковальскаго займутъ замѣтное мѣсто. Авторъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые «прозрѣли» на войнѣ; онъ зналъ въ общихъ чертахъ, что онъ увидитъ, когда ѣхалъ на войну. Но его взгляды осложнились отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью; живая реальность наполнила ихъ содержаніемъ. Онъ имѣлъ случай многое увидѣть и сумѣлъ связать свои разрозненныя мелкія впечатлѣнія въ общую картину, художественно обобщенную и публицистически идейную. И потому его разсказы не только обличаютъ или отрицаютъ войну, не только внушаютъ ужасъ и отвращеніе къ кровавому насилію, не только повторяютъ то, что можетъ быть сказано въ хорошей публицистикѣ: они знакомятъ насъ съ конкретными формами, въ которыя отливается позорная неправда войны, они заставляютъ думать.

Разсказы не безъ недостатковъ. Нѣкоторые малозначительны и эскизны; въ другихъ чувствуется намѣренная изысканность, особенно неумѣстная въ манерныхъ эпитетахъ, тѣмъ болѣе ненужныхъ, что авторъ умѣетъ писать просто; онъ любитъ описанія, но не внушаетъ читателю чувства ихъ необходимости: остается впечатлѣніе, что этотъ калейдоскопъ красочныхъ словъ только условная дань литературной традиціи. Чувствуется подчасъ и выдумка; весьма возможно, что въ городахъ Дальняго Востока бывали такіе случаи, какъ разсказанный въ «Выстрѣлѣ»: изголодавшійся и измученный солдатъ,

уже понявшій, кто настоящій виновникъ его страданій, увидѣвъ въ окнѣ ресторана ночную оргію офицеровъ съ дамами легкаго поведенія, прицѣлился, выстрѣлилъ въ окно и попалъ въ одного изъ кутящихъ офицеровъ. Но въ разсказѣ все такъ извѣстно раньше, все—вплоть до женщины, которая «наглымъ движеніемъ полной ноги въ игривой дорогой туфелькѣ, смахнула пенснэ у жирнаго краснаго офицера»—такъ банально надумано, что, конечно, такой обличительный разсказъ можно написать, и сидя дома, безъ тѣхъ живыхъ и сильныхъ впечатлѣній, которыя собралъ авторъ «Войны». Поэтому такіе промахи, какъ «Выстрѣлъ»—исключеніе въ его сборникѣ, который, несмотря на свое пестрое содержаніе, въ общемъ, даетъ цѣльную и законченную картину войны.

Онъ начинаетъ съ яркаго изображенія прощанія и разлуки съ запасными; безпредѣльный ужасъ ихъ душевнаго состоянія — легко доводящаго ихъ до случайнаго убійства — рисуетъ второй очеркъ—«Отчаяніе». Такъ же могъ бы быть названъ и слѣдующій разсказъ, хорошо противопоставляющій пьяному и искусственному возбужденію ѣдущихъ на войну безконечную тоску отца, у котораго забрали четырехъ сыновей. И для чего? Для гибели, прежде всего никому ненужной, безсмысленной и тѣмъ болѣе всего ужасной. Очеркъ «Встрѣча» переноситъ насъ на границу Кореи, въ мирныя поля, наводненныя насильниками двухъ враждующихъ сторонъ: встрѣтились два похоронныхъ шествія: корейцы хоронятъ сына старшины, казакъ везетъ трупъ товарища на границу, чтобы похоронить его въ русской землѣ. Еще нѣтъ убійствъ, еще въ трагической идилліи «Еще одинъ» все обвѣваетъ случайныя смерти покоемъ и примиреніемъ, но за этими тихими и внушительными картинами таинства смерти уже чувствуется что-то тревожное, насильственное, ненужное. И въ слѣдующемъ разсказѣ—«Въ штыки»—ночное кровавое столкновеніе русскихъ съ русскими разомъ ввергаетъ насъ въ самую бездну той преступной безсмыслицы, которою была минувшая война. «Шелъ страшный ночной бой въ рукопашную, грудь о грудь. Крики стихли, перестрѣлка оборвалась. Были только стукъ и гудѣніе прикладовъ, и лязгъ штыковъ другъ о друга, безпорядочный топотъ и тяжелое сопѣніе; были мягкій звукъ паденія тѣлъ, и клокочущій предсмертный хрипъ, и странный трескъ разламываемыхъ костей. Кое-гдѣ, ужъ схватившись, сцѣпились руками и ногами, падали на землю, царапая другъ друга, катаясь между тѣлами и сваливая другихъ. Шелъ бой, молчаливый, звѣрскій, потерявшихъ себя людей; бой страшныхъ черныхъ тѣней подъ сводами глубокой тьмы». Это—по недоразумѣнію—русскіе бьютъ русскихъ. Но развѣ когда днемъ, а не ночью, русскій мужикъ, одѣтый солдатомъ, бьетъ такого же японскаго мужика,—развѣ это не такое же недоразумѣніе? Въ эту бездну недоразумѣній ведутъ насъ

слѣдующіе разсказы, занятые то гнусной жестокостью реквизицій, то умопомрачающимъ ужасомъ переполненнаго госпиталя, то азартной игрой офицеровъ, вдругъ прекращенной японскимъ снарядомъ, перебившимъ и счастливыхъ, и несчастныхъ игроковъ, то внезапнымъ сумасшествіемъ портъ-артурскаго поручика Куликова, которому «удалось» перехитрить врага и разомъ перебить массу японцевъ. А русскій солдатъ, принесшій въ это безконечно чуждое ему кровавое пиршество свою домашнюю нищету, несетъ на себѣ все бремя этой безсмыслицы—и только цѣною своей жизни пробивается къ сознанію, что враждовалъ не съ истиннымъ своимъ врагомъ: нашимъ читателямъ знакомы очерки «изъ жизни рядового Семена Незабудкина». Да, дорого куплена народомъ мысль о его настоящемъ, внутреннемъ врагѣ; но если она дѣйствительно стала его прочнымъ достояніемъ, то никакая цѣна не должна считаться чрезмѣрной.

Эмиль Зола. Истина. Пер. и изд. О. Н. Поповой. СПБ. (безъ года). 493 стр. Цѣна 1 р.

Посмертный романъ Эмиля Зола, едва начавшій появляться въ газетѣ въ моментъ его внезапной смерти, лишь теперь становится вполнѣ доступнымъ русскимъ читателямъ. Онъ стоитъ ихъ вниманія, несмотря на то, что не принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ покойнаго романиста.

Этимъ романомъ жизнь какъ будто посмѣялась надъ эстетическими теоріями Эмиля Зола. Быть можетъ, въ критической литературѣ нѣтъ болѣе пылкихъ гимновъ объективному и безстрастному искусству, чѣмъ первые манифесты натурализма, отвергавшіе искусство идейное. Падала стѣна между наукой и искусствомъ; изящная литература представлялась лишь формой естествознанія; скальпель анатома отнынѣ становился идейнымъ символомъ художественнаго творчества.

Какъ бы отвѣчая на эти преувеличенія, судьба заставила Зола закончить свою дѣятельность романомъ, насквозь субъективнымъ, автобіографическимъ и откровенно-тенденціознымъ. Не надо быть чрезмѣрно догадливымъ, чтобы съ первыхъ страницъ романа видѣть, что въ исторіи провинціальнаго учителя Марка Фромана, самоотверженно вступившагося за своего злополучнаго товарища еврея Симона, при посредствѣ гнусно подстроеннаго обвиненія загубленнаго клерикалами, Зола разсказалъ о дѣлѣ Дрейфуса и своемъ участіи въ немъ. Изъ процесса о государственной измѣнѣ сдѣланъ процессъ о гнусномъ надругательствѣ надъ ребенкомъ, офицеръ генеральнаго штаба превращенъ въ учителя городской школы, но въ общемъ сохранены всѣ детали: обвиняемый также еврей, нападаетъ на него та же клика іезуитовъ и аристократовъ, рѣшившая на этомъ громкомъ процессѣ окончательно основать свое нераздѣльное могущество въ демократической республикѣ. Старые

знакомцы изъ потрясшей міръ эпопеи встаютъ передъ нами подъ новыми именами и заставляютъ вновь переживать былыя волненія за судьбу истины и правосудія, воплощенную въ несчастномъ, безразличномъ по существу, человѣкѣ. Здѣсь есть и истинный виновникъ преступленія, монахъ Горгій, во всемъ—вплоть до опоздавшаго и нелѣпаго сознанія—повторяющій пресловутаго Эстергази, и прикрывшая его грѣхи разнообразная серія представителей католическаго духовенства, и идейный адвокатъ Дельбо-Лабори, и предсѣдатель суда, противозаконно сообщающій присяжнымъ подложный документъ, неизвѣстный защитѣ, и одинъ изъ присяжныхъ, лишь впослѣдствіи разсказавшій объ этомъ, и одурманенное лживой агитаціонной кампаніей провинціальное общество, и безпристрастный кассаціонный судъ, и вторичное обвиненіе, и помилованіе, принятое съ сокрушеннымъ сердцемъ изстрадавшимся человѣкомъ. и, наконецъ, даже полное оправданіе невиннаго страдальца, самостоятельно провозглашенное кассаціоннымъ судомъ и осуществляемое въ дѣлѣ Дрейфуса лишь въ наши дни, черезъ четыре года послѣ того, какъ оно было предуказано въ романѣ Зола,—словомъ, здѣсь собраны и воскрешены всѣ тѣ драматическіе эпизоды, которые теперь стали такъ далеки отъ насъ и которые вновь дѣлаютъ намъ близкимъ детальный и послѣдовательный разсказъ. Его сила въ этихъ деталяхъ. По обыкновенію, Зола умѣло охватилъ всю громадную массу подробностей, фигуръ, положеній, далъ общіе характеристики, распланировалъ ходъ событій. Романъ великъ, но не громоздокъ. Интересныхъ фигуръ въ немъ, конечно, нѣтъ: его авторъ давно удовлетворяется несложными схемами; по обыкновенію, его герой не тотъ, вокругъ судьбы или вокругъ дѣятельности котораго вращается содержаніе романа, но нѣчто болѣе широкое, болѣе отвлеченное, какъ показываетъ самое названіе романа. Самое привлекательное въ немъ—его непоколебимый, здоровый оптимизмъ, вышедшій изъ широкаго гуманитарнаго міровоззрѣнія. Этотъ оптимизмъ приводитъ Зола на послѣднихъ страницахъ его романа къ соціальной утопіи всеобщаго мира и благополучія. Если эта утопія золотого вѣка не всѣмъ сообщитъ ту вѣру, которая диктовала ее автору, то всѣмъ внушитъ глубокое уваженіе къ этой вѣрѣ; она-то и творитъ чудеса. Ясно, что если бы Зола вѣрилъ только въ невинность Дрейфуса, но не былъ проникнутъ этой могучей вѣрой въ то, что будущее человѣчества прекрасно, что оно сдѣлаетъ такія осужденія невинныхъ просто немыслимыми, то у него, конечно, не хватило бы той громадной энергіи, которую онъ съ такимъ успѣхомъ проявилъ въ славномъ эпизодѣ своей общественной дѣятельности.

А. Шницлеръ. Повѣсти и разсказы (Полное собраніе сочиненій. Томъ V). Изд. В. М. Саблина. Москва. 1906.

Шницлеръ пользуется настолько широкой извѣстностью въ Россіи, и какъ драматургъ, и какъ беллетристъ, что полное собраніе его сочиненій, предпринятое г. Саблинымъ, является совершенно понятнымъ. Понятно также, что издатель счелъ необходимымъ пополнить короткую замѣтку Брандеса о Шницлерѣ, приложенную къ первому тому собранія сочиненій, болѣе подробнымъ этюдомъ о крупнѣйшемъ изъ новыхъ австрійскихъ писателей. Къ сожалѣнію, однако, приложенный къ тому: «Повѣсти и разсказы» *) критическій очеркъ о Шницлерѣ (къ слову замѣтить, переведенный тяжелымъ и неяснымъ языкомъ) страдаетъ, въ числѣ другихъ, тѣми же самыми недостатками, которые нами были отмѣчены по поводу полнаго собранія сочиненій Уайльда, выпускаемаго тѣмъ же книгоиздательствомъ. Опять передъ русскимъ читателемъ сравнительная характеристика, основанная на спеціальныхъ данныхъ нѣмецкой литературы, хотя Шницлеръ уже давно, въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, переводится на русскій языкъ и, такимъ образомъ, скорѣй онъ могъ бы быть привычною для русскихъ читателей мѣркою для Анценгрубера, Гофманстали и др., въ случаѣ изданія ихъ въ русскомъ переводѣ, чѣмъ наоборотъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Едва ли также русскіе читатели Шницлера во всемъ сойдутся съ точкой зрѣнія автора критическаго очерка о Шницлерѣ. Прочтите хотя бы то, что говоритъ онъ по поводу «Забавы». По словамъ критика, это «наиболѣе зрѣлое художетвенное проявленіе Шницлера», и онъ подробно останавливается на внутренней коллизіи въ этой драмѣ, сдѣлавъ мимоходомъ (къ свѣдѣнію поэтовъ, какъ онъ выражается) нѣсколько порядкомъ пошловатыхъ замѣчаній о томъ, что «нѣтъ ничего трагичнаго въ томъ, если мужчина бросаетъ свою любовницу, чтобы жениться на другой» и т. п. Для русскаго же читателя «Забава» раскрываетъ какой-то чуждый уголокъ чужой жизни, которую не поймешь безъ толковаго путеводителя. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентная и честная дѣвушка, подъ давленіемъ убожества своей жизни, флиртующая съ лейтенантомъ запаса, у котораго есть еще одна связь—съ «дамой изъ общества»; интеллигентная дѣвушка, которая участвуетъ въ холостой пирушкѣ на квартирѣ этого лейтенанта, пьетъ брудершафтъ не только съ нимъ, но и съ его пріятелемъ, тоже обладателемъ драгунскаго мундира по запасу, сожительствующимъ съ модисткою, которая тоже участвуетъ въ холостой пирушкѣ, твердо вѣря, что инымъ путемъ женщинѣ-работницѣ никакихъ красочныхъ элементовъ въ жизни не извѣдать; смерть перваго изъ лейтенантовъ на дуэли съ мужемъ дамы изъ

*) Это не совсѣмъ правильное заглавіе: главную часть (двѣ трети) книги составляютъ двѣ пьесы и очеркъ о Шницлерѣ.

общества, получившимъ въ свои руки письма ея «друга», и горькое отчаяніе дѣвушки, что она была забавой больше, чѣмъ она думала: она не ожидала, что человѣкъ, которому она «отдалась», на ней женится, но она думала, что во время этой временной связи она будетъ всетаки *единственною*,—все это для русскаго читателя требуетъ не только одного перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, но и съ разумѣнія по спеціально вѣнскому шаблону на разумѣніе русское. Русскому читателю нужно еще понять, какія условія изуродовали и приспособили чистую дѣвушку до готовности примириться съ такимъ минимумомъ счастья, а авторъ критической статьи, приложенной къ V тому, ограничивается замѣчаніемъ, что трагедія Шницлера «логично» и «естественно» вытекаетъ изъ «веселаго флирта», изъ «забавы». Сравнивая драму (вообще) съ симфоніей, критикъ находитъ, что первый актъ «Забавы» (гдѣ героиня пьетъ брудершафтъ съ лейтенантами) напоминаетъ «веселый маршъ, въ который неожиданно врываются нѣсколько угрожающихъ, тяжелыхъ нотъ». Для русскаго читателя, въ противность этому мнѣнію (въ замѣткѣ Брандеса, приложенной къ первому тому, тоже говорится о веселомъ первомъ актѣ), и въ первомъ актѣ нѣтъ никакихъ признаковъ никакого «веселаго марша»... Замѣтимъ вообще, что и «Забава», и, вообще, горячія пьесы Шницлера о женской долѣ могли бы имѣть крупный успѣхъ у русскихъ читателей, если бы были написаны лѣтъ 30—40 тому назадъ, когда русская общественная мысль была серьезно занята вопросами такого рода.

А сейчасъ это пережитая стадія въ культурномъ развитіи русской интеллигенціи, и горячій тонъ Шницлера подчасъ имѣетъ, съ русской точки зрѣнія, характеръ нѣсколько неоправдываемаго возбужденія по поводу вещей, которыя сами собой разумѣются.— Этого какъ-разъ не приняли во вниманіе издатель и переводчики австрійскаго драматурга и поэта женщины съ ея долей и недолей.

К. К. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика (Библіотека „Свѣточа"). СПБ. 1906. 278 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

В. И. Семевскій. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова (Изданіе Н. Парамонова). Ростовъ на Дону. 102 стр. Ц. 20 коп.

Полувѣковая годовщина «Губернскихъ Очерковъ» ознаменована появленіемъ двухъ трудовъ, названныхъ выше. Оба они извѣстны читающей публикѣ; но, затерянные въ старыхъ книжкахъ журнала и мало популярнаго сборника, они извѣстны гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало.

Содержаніе очерковъ К. К. Арсеньева опредѣлилось его взглядами на сущность сатирическаго творчества. «Романъ, при равен-

ствѣ остальныхъ условій,—говоритъ онъ въ заключительной главѣ—гораздо сильнѣе врѣзывается въ память, гораздо чаще перечитывается, чѣмъ сатира,—въ особенности сатира безличная, публицистическая, какою она часто бывала у Салтыкова. У нея нѣтъ того твердаго остова, какимъ служитъ дѣйствіе въ романѣ; ея составныя части не такъ легко цѣпляются одна за другую и легче упускаются изъ виду. Подчеркивать, освѣщать ихъ внутреннюю связь—дѣло критики». Эта задача исполнена въ книгѣ К. К. Арсеньева. Онъ представилъ, такъ сказать, путеводитель по Щедрину, мало останавливаясь на художественныхъ элементахъ его творчества и сосредоточиваясь по преимуществу на публицистической сторонѣ. Исторія эпохи по Щедрину—таковъ основной интересъ автора очерковъ. Они появились въ ту темную эпоху, когда чудилась опасность, что тѣ эстетико-патріотическія нападенія на Щедрина, о которыхъ едва ли кто-либо вспоминаетъ въ наше время, могутъ имѣть успѣхъ, когда казалось, что неумѣстно отвѣчать на «критику» большихъ и малыхъ Катковыхъ однимъ презрительнымъ молчаніемъ. К. К. Арсеньевъ принялъ на себя эту не трудную, но тѣмъ болѣе тягостную для самостоятельной мысли задачу. Теперь даже странно слышать, что «кто хочетъ близко подойти къ Салтыкову и разсмотрѣть его настоящій, неискаженный обликъ, тотъ долженъ пробиться сквозь цѣлый лѣсъ недоразумѣній, опрокинуть цѣлый рядъ преградъ, воздвигнутыхъ недобросовѣстностью или непониманіемъ». Правда, Щедринъ и до сихъ поръ не изученъ критикой, но теперь ужъ едва ли чувствуется необходимость защищать его отъ указаній Страхова, что «вся эта пресловутая сатира есть нѣкотораго рода ноздревщина и хлестаковщина, съ большой прибавкой Собакевича»; и, разумѣется, невѣроятнымъ, только забавнымъ въ своей гнусности анекдотомъ звучитъ скорбный гласъ вопіющаго въ пустынѣ Щебальскаго: «Аракчеевъ молчитъ въ своей могилѣ; за безшабашныхъ совѣтниковъ, за Удава, за Дыбу, за Твердоонто никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрылъ *рабій языкъ*... Молчитъ и цензура: ей что за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?.. А публика смѣется, и рубли сыплются въ шапку ловкаго забавника». Защищать сатиру Щедрина отъ инсинуацій Щебальскаго: какъ далеки мы теперь отъ этой необходимости... Но едва ли есть также надобность отвѣчать на вопросы о «практическихъ результатахъ» этой сатиры, особенно въ той формѣ, въ какой эти вопросы ставились ея политическими противниками. И, право, напрасно г. Арсеньевъ снисходитъ до объясненій, что «она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту; она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь». Трудно сказать, для кого написаны эти слова: они слишкомъ не убѣдительны для враговъ и абстрактны для друзей,

абстрактны, впрочемъ, какъ почти вся характеристика сатиры Щедрина въ заключительной главѣ полезной книги К. К. Арсеньева.

Конкретнѣе и потому содержательнѣе выполнена ограниченная тема, изслѣдованная въ небольшой работѣ В. И. Семевскаго. Какъ матеріалы, захваченные имъ, такъ и сдѣланные изъ нихъ выводы шире вопроса, названнаго въ заглавіи книжки. Авторъ останавливается не только на отраженіи крѣпостнаго права и крестьянской реформы въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова, но и на той культурно-политической обстановкѣ, въ которой подготовлялось освобожденіе крестьянъ; на раннемъ увлеченіи Салтыкова сенсимонизмомъ, который казался ему фурьеризмомъ, на его отношеніяхъ къ кружку петрашевцевъ, па дворянскихъ вожделѣніяхъ и помѣщичьемъ либерализмѣ эпохи реформъ. Центромъ общей характеристики является та блестящая картина дореформеннаго крѣпостничества, которую представилъ Салтыковъ въ «Пошехонской старинѣ». Для своего времени это замѣчательное произведеніе имѣло, быть можетъ, меньше значенія, чѣмъ сатирическія сочиненія, но тѣмъ продолжительнѣе и устойчивѣе его значеніе въ будущемъ, когда оно станетъ незамѣнимымъ источниковъ для историка въ такой же степени, какъ для психолога; психологія рабства едва ли будетъ полна и закончена безъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ и обобщеній, представленныхъ въ послѣднемъ трудѣ великаго сатирика, который не только на склонѣ дней умѣлъ быть объективнымъ историкомъ. Заключительная глава работы В. И. Семевскаго связываетъ охарактеризованные непосредственно передъ этимъ взгляды Салтыкова на крестьянскій міръ и его горячую любовь къ обездоленному народу съ его общимъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ. Оно не разъ вызывало споры, даже при жизни сатирика, котораго не одни противники укоряли въ отсутствіи опредѣленнаго знамени, въ томъ, что онъ «бьетъ своихъ». В. И. Семевскій съ полнымъ правомъ находитъ въ своемъ изслѣдованіи исчерпывающія доказательства того, что «Салтыковъ былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, что тѣ, которыхъ онъ бичевалъ своею сатирою, не были для него «своими» людьми».

Публицисту и историку принадлежатъ два почтенные труда, разсмотрѣнные нами: вполнѣ законныя точки зрѣнія на писателя, который всѣмъ своимъ существомъ принадлежалъ политической борьбѣ своего времени. Но онъ былъ великій *писатель*—и съ этой стороны онъ не только не изученъ, но и не оцѣненъ до сихъ поръ. Равный по своему неповторяемому своеобразію самымъ крупнымъ русскимъ писателямъ, онъ пользуется вниманіемъ критиковъ менѣе, чѣмъ вниманіемъ читателей. Это свидѣтельствуетъ, впрочемъ, не столько объ отсутствіи доброй воли, сколько о безсиліи критики разобраться въ творчествѣ, столь оригинальномъ и самобытномъ. Если у насъ есть писатель, котораго ужъ совершенно невозможно свести ни къ какимъ литературнымъ вліяніямъ, ни къ какой

школѣ, то это, конечно, Салтыковъ. И потому его достойная оцѣнка можетъ быть лишь продуктомъ настоящаго критическаго творчества, столь же самобытнаго, какъ творчество Щедрина. Салтыковъ ждетъ равнаго себѣ истолкователя.

Это, конечно, не мѣшаетъ рядовому читателю находить пока бездну наслажденія и поученія въ великолѣпныхъ страницахъ Щедрина. О нихъ часто напоминаетъ К. К. Арсеньевъ, щедро и умѣло цитируя то глубокую мысль, то мѣткое словечко, то забавную бутаду. И каждое слово, каждая мысль вновь и вновь убѣждаетъ читателя, что никогда Щедринъ не былъ болѣе живъ, чѣмъ въ наши дни. Чѣмъ-то пророческимъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, изъ которыхъ каждая находитъ иллюстрацію въ любомъ номерѣ газеты. Беремъ случайный примѣръ изъ «За рубежомъ»: «Журналистъ Менандръ все надсѣдался-курлыкалъ: наше время не время широкихъ задачъ, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: ты что тутъ революцію распространяешь... брысь!—и слопалъ Менандра».

Чѣмъ не печальная судьба г. Нотовича? Даже тайный совѣтникъ *Петръ* Толстолобовъ предугаданъ...

Морисъ Бургэнъ. Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе. Пер. съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Е. Кудрина. Спб. 1906. Цѣна 2 р. 50 к.

Редакторъ перевода не безъ основанія говоритъ въ предисловіи, что книга Бургэна представляетъ собою знаменательное явленіе на почвѣ Франціи. Страна, гдѣ классовое господство буржуазіи окрашиваетъ въ такой сильной степени политическую исторію, вплоть до послѣднихъ десятилѣтій отличалась мѣщанскимъ характеромъ и въ области экономической теоріи. Великіе французскіе соціалисты XIX-го вѣка прошумѣли—чтобы употребить выраженіе Лассаля—какъ журавли надъ головой своихъ буржуазныхъ соотечественниковъ. Французская оффиціальная наука о народномъ богатствѣ глубоко проникнута идеями третьяго сословія. Лишь какіе-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ сильное развитіе соціализма во Франціи, идущее параллельно съ его развитіемъ во всемъ мірѣ, подѣйствовало рикошетомъ и на характеръ экономической литературы. Создалась цѣлая такъ называемая Нимская школа, во главѣ съ профессоромъ Шарлемъ Жидомъ, который явился на почвѣ Третьей республики страстнымъ проповѣдникомъ кооперацін и защитникомъ идеи солидарности, союза трудящихся, въ противоположность единоспасающему, по мнѣнію рутинныхъ французскихъ экономистовъ, принципу конкурренціи, этой хозяйственной «войны всѣхъ противъ всѣхъ».

Разумѣется, это еще не соціализмъ, по крайней мѣрѣ не настоящій соціализмъ, но это такое теченіе, которое создаетъ

благопріятную для него атмосферу среди широкихъ, пока не початыхъ мыслью общественныхъ слоевъ. Книга Бургэна отчасти носитъ на себѣ слѣды вліянія именно этого теченія, а отчасти отражаетъ болѣе непосредственное воздѣйствіе на буржуазную интеллигенцію уже настоящаго соціалистическаго міросозерцанія, проникнувшаго во французскіе университеты, благодаря высокоталантливымъ выходцамъ изъ третьяго сословія, въ родѣ Жана Жорэса.

Какъ бы то ни было, Бургэнъ, хоть и не будучи соціалистомъ, хоть и останавливаясь на полдорогѣ—какъ въ своей критикѣ современнаго общества, такъ и въ положительныхъ идеалахъ будущаго строя, всетаки имѣетъ то общее съ соціалистами, что уже больше не вѣритъ въ вѣчность капиталистическаго строя и не боится даже представлять себѣ возможность коренного измѣненія въ «институтахъ частной собственности и саларіата» (стр. VIII).

Трудъ Бургэна распадается на двѣ части, каждая изъ которыхъ въ свою очередь состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первой части авторъ излагаетъ «теоріи и системы соціалистическаго общества», при чемъ въ первомъ отдѣлѣ, или «книгѣ», онъ разсматриваетъ ученія чистаго коллективизма, основаннаго исключительно на приложеніи къ общественному производству мѣрила труда, а во второмъ—смѣшанныя, ублюдочныя системы соціализма, сохраняющія для функціонированія общественнаго хозяйства игру спроса и предложенія. Эта первая часть, мы полагаемъ, заинтересуетъ читателя особенно тѣмъ, что въ ней дѣлается попытка резюмировать различные планы будущаго общества, планы, входить въ подробности которыхъ не особенно любятъ соціалисты нашего времени, считая это черезчуръ утопичнымъ и мало производительнымъ занятіемъ. Между тѣмъ, людей, начинающихъ интересоваться міровоззрѣніемъ труда, очень часто привлекаетъ именно желаніе нарисовать себѣ картину будущаго строя въ духѣ соціалистическаго ученія.

Вторая часть книги посвящена если не совсѣмъ объективному (вслѣдствіе склонности автора къ бернштейніанству), то все же добросовѣстному и довольно подробному пересмотру тѣхъ «фактовъ экономическаго развитія», которые вызывали появленіе соціалистическихъ теорій или же оживленно обсуждаются въ литературѣ этого направленія, и служатъ предметомъ зачастую очень горячихъ споровъ между практическими дѣятелями соціализма. Здѣсь читатель найдетъ аргументацію за и противъ фатальности концентраціи капиталовъ, по поводу границъ приложенія законовъ промышленнаго развитія къ земледѣлію, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь сообщаются факты, касающіеся современнаго распространенія коопераціи, профессіональныхъ союзовъ хозяевъ и рабочихъ, постепеннаго усиленія экономической роли государства и муниципалитетовъ, и т. д.

Дополненіемъ къ этой части можно разсматривать «приложенія»,

въ извѣстномъ смыслѣ составляющія третью часть книги. Здѣсь приведены цѣликомъ или резюмированы статистическія данныя важнѣйшихъ странъ, касающіяся эволюціи промышленности, земледѣлія, торговли; пропорціи хозяевъ и наемныхъ рабочихъ, распредѣленія, мобилизацій и задолженности крестьянскаго землевладѣнія; состоянія коопераций и различныхъ профессіональныхъ союзовъ, муниципализированныхъ отраслей промышленности, и т. д. Эти приложенія даютъ читателямъ довольно значительный матеріалъ цифръ и обобщеній, который можетъ оказать ощутительную услугу въ наше время лицамъ, интересующимся и теоретически, и практически соціальнымъ движеніемъ.

Въ общемъ же книга Бургэна, серьезно, но удобопонятно написанная и вполнѣ добросовѣстно переведенная, представляетъ собою немаловажный вкладъ въ литературу теоріи и практики соціализма, играющаго нынѣ такую роль въ жизни народовъ. Мы рекомендуемъ это сочиненіе мыслящей публикѣ, которая не можетъ вѣчно удовлетворяться короткими брошюрами и ищетъ болѣе обстоятельныхъ трудовъ по общественнымъ вопросамъ.

П. И. Люблинскій. Преступленія противъ избирательнаго права. Выборы и уголовно-правовая защита ихъ. С.-Петербургъ, 1906 г. Стр. 230. Ц. 75 коп.

Книжка г. Люблинскаго распадается на три части. Въ первой дѣлается очеркъ уголовной защиты избирательнаго права въ Англіи, Франціи и Германіи. Здѣсь же мы находимъ и опредѣленіе началъ уголовнаго избирательнаго права. Совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, что «чѣмъ больше строй представительства соотвѣтствуетъ распредѣленію реальныхъ силъ, чѣмъ сильнѣе дисциплинированы и организованы отдѣльныя партіи», тѣмъ меньше необходимости въ примѣненіи уголовнаго права къ избирательной процедурѣ. Правъ авторъ, когда считаетъ «другимъ условіемъ здороваго избирательнаго права соотвѣтствіе организаціи выборовъ и власти органовъ представительства». Жаль только, что авторъ не указываетъ здѣсь главной причины подавляющаго большинства злоупотребленій избирательнаго права, а именно: заложеннаго въ капиталистической системѣ хозяйства соціальнаго неравенства и основанной на немъ политической плутократіи.

Во второй части своей книжки г. Люблинскій разбираетъ квалификацію отдѣльныхъ преступленій противъ избирательнаго права и пробуетъ выдѣлить изъ законодательства современныхъ европейскихъ державъ наилучшіе образцы для отечественнаго законодательства; въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ законовъ указанныхъ трехъ странъ, цитируются также итальянскіе, датскіе, венгерскіе и т. п. законы вплоть до болгарскихъ и финляндскихъ. Авторъ идетъ здѣсь путемъ строгаго юридическаго анализа и даетъ очень много цѣнныхъ указа-

ній. Нельзя только не пожалѣть, что авторъ не всегда указываетъ въ точности свои источники, и можно предположить, что во многихъ случаяхъ онъ пользовался очень устарѣлыми данными русскаго перевода изъ Марквардсеновскаго сборника.

Въ третьей части г. Люблинскій дѣлаетъ обзоръ русскаго законодательства въ данной области и, какъ и слѣдовало ожидать, приходитъ къ крайне печальнымъ выводамъ; эти выводы тѣмъ болѣе справедливы, что авторъ писалъ свою книгу еще до послѣднихъ законодательныхъ актовъ нашей «конституціонной» эпохи, которые не только восполнили всѣ наши «пробѣлы», но и, можно сказать, однимъ махомъ опередили всю Европу. Въ одномъ отношеніи, однако, наше новое законодательство должно утѣшить г. Люблинскаго. На стр. 187 своей книжки онъ очень скорбитъ о томъ, что «за побужденіе къ отказу отъ избирательнаго права» по нашему старому закону «грозитъ только денежная пеня и факультативное краткосрочное, тюремное заключеніе». «При такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ авторъ,—не можетъ считаться преступною агитація какой-либо партіи, рѣшившей бойкотировать выборы, сопряженная даже съ угрозами, однако не настолько тяжкими, чтобы онѣ могли быть признаны наказуемыми по ст. 1545». Теперь, какъ извѣстно, этотъ пробѣлъ въ нашемъ выборномъ «законодательствѣ» возмѣщенъ, а на страхъ и посрамленіе всѣмъ негоднымъ бойкотистамъ, выработаны тѣ нормы, которыхъ такъ жаждалъ г. Люблинскій.

Не можемъ мы также согласиться съ авторомъ въ его розовыхъ надеждахъ на то, что «уголовное избирательное право можетъ связать крѣпкою связью выработанный избирательный строй съ государственною жизнью народа и положитъ фундаментъ для его прочнаго существованія». Увы! мы болѣе пессимистически настроены. Мы слишкомъ хорошо знаемъ тѣ соціальныя цѣпи, которыми связаны якобы свободные избиратели; мы слишкомъ достаточно ознакомлены съ практикой капиталистическихъ круговъ на Западѣ, чтобы предаваться иллюзіямъ на счетъ того «фундамента», о которомъ говоритъ г. Люблинскій. Никакое уголовное право и никакіе суды не были въ состояніи до сихъ поръ удержать отъ злоупотребленій сильное капиталами меньшинство въ противозаконномъ пользованіи избирательной механикой и въ терроризаціи неимущихъ народныхъ массъ. Уголовное право—только жалкій палліативъ, который къ тому же всегда находится въ рукахъ привилегированнаго класса образованія и достатка. Надѣяться на этотъ палліативъ особенно нечего...

Книжка г. Люблинскаго можетъ быть полезна юристамъ, занимающимся вопросами избирательнаго права, а также тѣмъ русскимъ законодателямъ, которые и на самомъ дѣлѣ будутъ законодательствовать. Желательно ожидать въ ея новомъ изданіи разбора новыхъ правилъ объ уголовной защитѣ избирательнаго права въ

Россіи, желательно также, чтобы авторъ избѣгалъ такихъ русскихъ словъ какъ «миздиминоръ».

Н. П. Дружининъ. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права, съ изложеніемъ предположеній о реформѣ въ Россіи и законы о Государственной Думѣ. Москва. 1906. Стр. VII+320.

Г. Дружининъ не въ первый разъ выступаетъ съ брошюрами популярно-юридическаго содержанія. На обложкѣ его книги длинный списокъ подобныхъ брошюръ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ сейчасъ въ рукахъ ни одной изъ нихъ, но мы хорошо помнимъ эти брошюры,—особенно же его «общепонятное законовѣдѣніе» и «русское государственное, гражданское и уголовное право» въ популярномъ изложеніи. Уже тамъ г. Дружининъ проявилъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ является въ превосходной степени въ разбираемой нами книжкѣ: г. Дружининъ не правовѣдъ, или ученый юристъ. Менѣе всего онъ теоретикъ права. Г. Дружининъ есть то, что характернѣе всего обозначается словомъ «законовѣдецъ» или, какъ выражались въ старину, «законоискусникъ».

Будучи поэтому прямымъ наслѣдникомъ всевозможныхъ Горюшкиныхъ и Хапылевыхъ, г. Дружининъ можетъ толково дѣлать свое дѣло въ области сокращеннаго переложенія своими словами тѣхъ или другихъ статей закона. На эту скучную и неинтересную работу у него имѣется достаточно добросовѣстности и прилежанія, а извѣстный практическій навыкъ придаетъ его компиляціямъ нѣкоторое значеніе въ качествѣ справочниковъ для россійскаго обывателя. И покуда г. Дружининъ остается въ сферѣ «законовѣдѣнія» и продолжаетъ работу старыхъ «глоссаторовъ» и «комментаторовъ», онъ можетъ сдѣлать что-нибудь полезное для юридически безграмотнаго населенія; и если бы г. Дружининъ ограничился лишь подобной задачей, онъ, несомнѣнно, почитался бы не плохимъ составителемъ всякихъ календарей и указателей по дѣйствующему русскому праву.

Но г. Дружининъ хочетъ непремѣнно быть чѣмъ-то большимъ. Онъ не только передаетъ содержаніе статей свода законовъ,—онъ еще пытается углублять ихъ содержаніе яко бы научными соображеніями, критиковать ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и разныхъ общественныхъ идеаловъ. Мало того, онъ прямо пытается стать пропагандистомъ политической программы русскихъ «земскихъ людей» или попросту партіи нашихъ парламентарныхъ кадетовъ. Такой многосторонности не выносятъ ни эрудиція, ни навыки нашего «законоискусника», и въ своихъ «Избирателяхъ и народныхъ представителяхъ» онъ даетъ намъ нѣчто въ высшей степени странное.

Прежде всего г. Дружинина въ качествѣ «законоискусника», а

не ученаго юриста, поставило въ величайшее затрудненіе то обстоятельство, что тогда, когда онъ писалъ свою книжку, еще не было пресловутой русской конституціи 20 февраля, а конституція, изданная 6 августа, была уже не только для комментированія, но и для жизни явно негодна. По существу у г. Дружинина еще не было пригоднаго матеріала для его «компиляцій», и вотъ нашъ «законоискусникъ», въ своемъ нетерпѣніи и «глоссаторскомъ» рвеніи, рѣшилъ использовать для дѣла, съ одной стороны, общій шаблонъ такъ называемаго конституціоннаго или правоваго государства, а съ другой—конституціонные проекты и домогательста русскихъ «земскихъ людей», а также мертвыя кости булыгинской Думы. Набравъ въ качествѣ матеріала всѣ эти частію неопредѣленныя, частію преходящія и даже отжившія вещи, онъ и приступилъ къ своей, такъ сказать, профессіональной работѣ.

Въ первой части своей книги г. Дружининъ тяжелымъ языкомъ законовѣдца сооружаетъ шаблонъ общихъ конституціонныхъ началъ и съ добросовѣстностью присяжнаго проводника разсказываетъ намъ о томъ, что конституція есть конституція, что права гражданъ суть права гражданъ, а раздѣленіе властей есть не что иное, какъ раздѣленіе властей. Для иллюстраціи здѣсь дѣлаются большія выписки изъ разныхъ европейскихъ актовъ, при чемъ этого удостоились даже пресловутыя права пруссаковъ по прусской контръ-революціонной конституціи 1850 года. Для характеристики тѣхъ комментаріевъ, которыми г. Дружининъ глубокомысленно снабжаетъ свой безцвѣтный конституціонный шаблонъ, приведемъ хотя бы его описаніе «гражданина». Какъ оказывается, это «высокое званіе»; только люди, удостоенные этого званія, могутъ обезпечивать всѣмъ членамъ общества «примиреніе ихъ интересовъ и достиженіе ими своихъ цѣлей безъ нарушенія интересовъ другихъ». По воззрѣнію г. Дружинина «граждане», такъ сказать, по должности обладаютъ высокими добродѣтелями: «интересы различныхъ слоевъ населенія—говоритъ онъ—могутъ быть различны. До извѣстной степени они могутъ быть даже противоположны. Но жить въ обществѣ и имѣть вліяніе на его порядки значитъ не только поступаться своими интересами, но и доставлять торжество противоположнымъ интересамъ, если этого требуетъ справедливость, общее благо». И это совершить можетъ только общество гражданъ, т. е. «людей, располагающихъ возможностью сообща разрѣшать государственныя дѣла, и сознающихъ твердо и ясно, какъ это нужно дѣлать и что необходимо дѣлать для того, чтобы сохранить достоинство гражданина».—Порядочная абракадабра, неправда ли? И въ этомъ духѣ нашъ «законоискусникъ» комментируетъ ту выжимку изъ конституціоннаго права, которую онъ изготовилъ, выварилъ изъ нея всю историческую и соціальную основу.

Вторую часть своей книжки г. Дружининъ озаглавливаетъ слѣдующимъ образомъ: «Россія, нуждающаяся въ реформахъ и учре-

жденіи Государственной Думы». Этотъ отдѣлъ представляетъ изъ себя самый рѣдкій венегретъ, который намъ когда-либо приходилось видѣть. Бѣдный «законоискусникъ» старается здѣсь столь же безуспѣшно представить изъ себя политика, какъ выше онъ изобразилъ теоретика конституціоннаго права. Прежде всего, онъ устремляется здѣсь къ дѣйствующему законодательству, къ тому самому, которое прежде онъ излагалъ съ спокойствіемъ истиннаго комментатора, взирающаго безъ гнѣва на правыхъ и виноватыхъ. Теперь нашъ толковникъ законовъ уже не столь спокоенъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ сильно шагнулъ на лѣво и погрузился въ волны негодованія. «Гдѣ свобода совѣсти?» вопрошаетъ онъ. И въ русскомъ законѣ ея не находитъ. «Гдѣ свобода слова?» вопрошаетъ онъ далѣе. И оной также не находитъ. «Гдѣ личная свобода?» обращается онъ вотще къ русскому закону и абіе не находитъ ея. «Гдѣ свобода труда?»—уже съ отчаяніемъ вопрошаетъ нашъ законовѣдецъ сводъ законовъ и заключаетъ: «нужно ли продолжать? это было бы слишкомъ долго. Рѣчь идетъ объ элементарныхъ правахъ». «Ихъ нѣтъ. Они не выражены, не воплощены въ законодательствѣ, они не обезпечены». И послѣ этого, снабдивъ неизмѣримымъ количествомъ многочій свои ужасы по поводу «ихъ» отсутствія, г. Дружининъ «формулируетъ основную потребность нашего времени». Впрочемъ, какъ оказывается, это не одна потребность, а цѣлый рядъ ихъ. Онѣ формулируются слѣдующимъ образомъ: «потребности, развившіяся въ странѣ, должны быть надлежащимъ образомъ выяснены. Для ихъ удовлетворенія должно быть изыскано надлежащее средство. Законодательство должно получить необходимое развитіе. Оно должно быть развито въ цѣломъ рядѣ отношеній; практика должна быть освобождена отъ всѣхъ противорѣчивыхъ толкованій, разъясненій, правилъ, изданныхъ въ его развитіе властью административною. Оно должно быть обезпечено въ отношеніи соблюденія примѣненія, путемъ установленія отвѣтственности властей и организацій общественнаго надзора. Ему должно быть обезпечено и дальнѣйшее развитіе. Должны быть созданы условія, при которыхъ оно могло бы и впредь слѣдовать за жизнью,—не мѣшать, а содѣйствовать правильному разрѣшенію въ ней постоянно возникающихъ новыхъ отношеній», и т. д. Все это сводится къ одному: необходимо «усовершенствованіе законодательства, обезпеченіе ему всѣми возможными формами дальнѣйшаго развитія и соблюденія, осуществленія законности въ лучшемъ смыслѣ этого слова». «И чѣмъ дольше откладывается» все сіе, «тѣмъ большія разстройства будутъ терпѣть многообразныя отношенія милліоннаго населенія,—и тѣмъ тяжелѣе сдѣлается общая отвѣтственность за послѣдствія»... И тутъ же, чтобы спасти «многообразныя» отношенія, нашъ авторъ обращается къ единственной сокровищницѣ, къ «русскимъ земскимъ людямъ» и у нихъ почер-

даетъ матеріалъ для изображенія правъ человѣка и гражданина «въ интересахъ личности и гражданственности»...

Доселѣ о правахъ человѣка! Въ остальной части своей книги г. Дружининъ производитъ различныя мѣропріятія законоискусства надъ «законностью, надъ ея истинномъ содержаніемъ и ея гарантіяхъ». Съ величайшей подробностью и серьезностью толкуетъ онъ здѣсь глубокія истины, заключенныя въ пресловутомъ декабрьскомъ указѣ 1904 года. Съ неменьшимъ глубокомысліемъ путешествуетъ нашъ законоискусникъ по русскимъ старымъ основнымъ законамъ и извлекаетъ изъ нихъ перлы, въ которыхъ «равенство предъ закономъ» «выражается значительно ярче, тверже, образнѣе, чѣмъ это дѣлается въ указѣ 12 декабря 1904 г.». И съ неменѣе серьезнымъ видомъ проникаетъ г. Дружининъ въ тайны зерцала, этой «трехгранной фигуры, находящейся на столѣ въ каждомъ присутсрвенномъ мѣстѣ». И здѣсь онъ испытуетъ указы, начерченные на зерцалѣ, а также изъясняетъ этотъ символъ, утверждающій «необходимость и обязанность знанія законовъ должностными лицами». Посвящаются подробныя разсужденія и порядку выдачи копій на рѣшенія изъ присутственныхъ мѣстъ. Затѣмъ слѣдуютъ опять всевозможныя многоточія и глава «о чрезвычайныхъ законахъ» и опять земскія требованія отъ 6—9 ноября 1904 г. и крайне важное разногласіе между Шиповымъ и другими земцами, и рескриптъ на имя Булыгина, и опять земскіе адреса и резолюціи, и земскій проектъ конституціи, и булыгинская конституція 6 августа 1905 г., и въ концѣ концовъ даже опытъ политической программы, которая способна «сплотить вокругъ себя широкіе круги населенія». И все это съ длиннѣйшими комментаріями, написанными дубовымъ языкомъ, безъ системы, безъ какой-либо перспективы въ оцѣнкѣ идей и фактовъ и при полномъ отсутствіи намека на соціальную основу политической жизни. Глубоко характерно для нашего премудраго «глоссатора» является тотъ фактъ, что онъ совершенно не замѣтилъ при перечисленіи политическихъ партій въ Европѣ какихъ-либо иныхъ, кромѣ консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ! Нельзя не видѣть здѣсь хитрости «законоискусника». Будучи преисполненъ приказно-канцелярскаго воззрѣнія на слова и термины, онъ рѣшилъ, очевидно, что лучшимъ путемъ для истребленія соціалистовъ является прямо умолчаніе о самомъ ихъ имени въ ряду другихъ политическихъ партій. И въ то время, какъ по всей Россіи гремитъ пропаганда соціалистическихъ идей, г. Дружининъ закрылъ своимъ перстомъ самое существованіе соціализма...

Мы положительно предостерегаемъ читателей противъ пріобрѣтенія разсмотрѣнной нами книжки г. Дружинина. Платить рубль за пріобрѣтеніе текста булыгинской конституціи, декабрьскаго указа и т. п. актовъ, да еще съ присовокупленіемъ пары земскихъ резолюцій и цѣлаго пуда невразумительныхъ разсужденій—это положительно дико. За тотъ же рубль можно пріобрѣсти не только

текстъ «дѣйствующей конституціи», но и, по крайней мѣрѣ, полдюжины хорошихъ книжекъ.

В. Мюнхъ. Будущая школа. Пер. съ нѣм. С. И. Кондратьева Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1906. 250 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Книга нѣмецкаго педагога носитъ подзаголовокъ — «Утопіи, идеалы, возможности»—и появляется въ русскомъ переводѣ весьма кстати: мысли о будущей школѣ, разумѣется, какъ нельзя болѣе по плечу тѣмъ, у кого въ настоящемъ нѣтъ, въ сущности, никакой школы. Отрицательная работа продѣлана: анархія внутри и позоръ извнѣ дѣлаютъ нашу правительственную среднюю школу какъ бы несуществующей; есть учебныя заведенія, посѣщаемыя юношами и свидѣтельствующія объ этомъ безрезультатномъ посѣщеніи соотвѣтственными аттестатами; но школы, какъ системы, школы, какъ міровоззрѣнія, нѣтъ; нѣтъ и предпосылокъ для ея созданія. Быть можетъ, лишь злосчастное поколѣніе, выросшее въ этихъ чудовищныхъ условіяхъ, найдетъ возможность для необходимой органической работы, для учрежденія русской національной школы. Пока приходится только присматриваться къ тому широкому движенію на Западѣ, которое ставитъ на своемъ знамени девизъ обновленія школы.

Объ этомъ движеніи даетъ представленіе книга Мюнха. Она состоитъ изъ двухъ частей: обзора новой педагогической литературы и самостоятельныхъ практическихъ предложеній автора. Сдѣлать обзоръ исчерпывающимъ не входило въ его намѣренія; онъ взялъ полтора десятка наиболѣе типичныхъ и общихъ сочиненій послѣдняго времени, чтобы разобраться въ основныхъ тенденціяхъ. Преобладаютъ нѣмцы, но изложены и разобраны также книги трехъ французовъ и одного американца, а Элленъ Кей, работѣ которой авторъ удѣляетъ особенно много вниманія — столько же нѣмецкая, сколько шведская писательница. Она занимаетъ въ обзорѣ первое по порядку мѣсто,—быть можетъ, не только потому, что проф. Мюнхъ расположилъ свои отзывы въ порядкѣ убывающаго радикализма авторовъ. Въ одномъ, однако, сходятся разнообразные авторы: радикалы или постепеновцы, они всѣ являются новаторами, всѣ согласны въ низкой оцѣнкѣ существующей школы; вопросъ только въ способахъ и путяхъ ея обновленія. Особенно полное единогласіе по двумъ вопросамъ: вопросу о положеніи въ учебной системѣ древнихъ языковъ и о необходимости приблизить школьное образованіе къ нуждамъ дѣйствительной жизни. Самая масса обновительныхъ проектовъ свидѣтельствуетъ о ненормальности положенія школьнаго дѣла на Западѣ. Картина нѣмецкихъ школъ, нарисованная Л. Гурлитомъ, приводитъ въ содроганіе: «Каждый часъ начинается съ вѣчнымъ однообразіемъ 20 — 30 минутнаго допроса. На одну похвалу приходится пятьдесятъ пори-

цаній. Занятія учениковъ проходятъ подъ непрерывнымъ гнетомъ ужаса и возбужденія; ужасъ и безпокойство все время изнуряютъ нервы учениковъ... Школьникамъ предписываютъ, какъ нормальный, рабочій день въ 12 часовъ. Испытаніе зрѣлости похоже на уголовный судъ по особо важнымъ преступленіямъ... Въ учебники все болѣе и болѣе вводится страшное количество научнаго балласта со временъ праотцевъ... Какъ печальный результатъ слишкомъ повышенныхъ требованій и къ тому же полицейской системы воспитанія, являются попытки къ обману, которыя не кажутся для совѣсти ученика неправдой... Отсюда становится яснымъ, почему отношеніе семьи къ школѣ попросту можно назвать ненавистью». Въ этихъ условіяхъ совершенно понятенъ крахъ европейской школьной системы въ моментъ, который могъ представляться ея сторонникамъ апогеемъ ея величія. Авторъ остроумно сравниваетъ ея судьбу съ судьбой феодальнаго рыцарства: какъ разъ тогда, когда его военная техника дошла до предѣловъ совершенства, наступательное и оборонительное орудіе отвѣчало высшимъ требованіямъ, а сомкнутый строй дѣлалъ неуязвимыми колонны закованныхъ всадниковъ, побѣда которыхъ представлялась неизбѣжнымъ результатомъ,—въ это самое время швейцарскіе мужики совершенно неожиданно разбили австрійскихъ рыцарей, легко-вооруженные англичане—броненосныхъ французовъ. «Разъ была выдвинута впередъ легкая подвижность отдѣльныхъ частей, тѣмъ полнѣе былъ произнесенъ смертный приговоръ твердой общей связи».

Эту «подвижность отдѣльныхъ частей» охотно допускаетъ авторъ. Его можно было бы въ общемъ назвать разумнымъ консерваторомъ, но, если имѣть въ виду не столько его сдерживающее отношеніе къ боевой критикѣ, сколько его рѣшительныя предложенія, то онъ во многомъ представится настоящимъ еретикомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ для школьныхъ рутинеровъ, что его ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ склонности къ радикальной ломкѣ ради ломки. Горячій и глубоко сознательный поборникъ саморазвитія въ школѣ, Мюнхъ допускаетъ индивидуальную свободу учениковъ старшихъ классовъ до права выбирать нѣкоторые предметы. Въ области женскаго образованія онъ стоитъ за раздѣльность школъ, но не потому, чтобы онъ желалъ понизить требованія, предъявляемыя къ женской школѣ, но потому, что стоитъ за индивидуализацію школы: женская школа должна научить тому же, что и мужская, но «методы, духъ и тонъ преподаванія не только могутъ, но и должны быть другими, чтобы быть правильными, будутъ ли то занятія исторіей, литературой, естествовѣдѣніемъ, математикой, вопросами религіи, сочиненіями, иностранными языками и т. п.». Здѣсь, конечно, сыграли свою роль нѣмецкія традиціи автора. Вопросъ о подготовкѣ надлежащаго педагогическаго персонала заставляетъ его коснуться мимоходомъ также университетской жизни. Академическая свобода — какъ ее понимаютъ въ Германіи,—то есть свобода студента учиться въ универси-

тетѣ чему угодно, и у кого угодно внушаетъ ему нѣкоторыя опасенія: «цѣнная для лицъ съ широкимъ полетомъ мысли, для самодѣятельности самородковъ, она всѣхъ людей посредственности, нерѣдко даже и болѣе выдающихся, ведетъ къ безпомощности, сбиваетъ съ прямого пути, и очень много людей потомъ сознаютъ съ грустью, что пройденный ими путь былъ путемъ заблужденій и безполезныхъ блужданій». Здѣсь, конечно, трудно рѣшать безъ практическихъ данныхъ. A priori симпатичнѣе принципъ, формулированный Паульсеномъ въ его популярныхъ лекціяхъ объ университетской наукѣ: «Мы рискуемъ юношами, чтобы добыть мужей». Но кто знаетъ, выходятъ ли изъ этой системы дѣйствительно мужи. Классическая страна академической свободы есть въ тоже время страна классическихъ филистеровъ, тогда какъ Оксфордъ и Кембриджъ съ ихъ монастырской регламентаціей выпускаютъ самобытныхъ людей самостоятельной мысли и характера. Рѣшающимъ и этотъ фактъ назвать, конечно, нельзя.

Во всякомъ случаѣ книга Мюнха даетъ такое разнообразіе свѣдѣній и наталкиваетъ на такое множество мыслей, что знакомство съ нею можно порекомендовать всякому, интересующемуся вопросами школьной жизни. Жаль только, что хорошая книга буквально изуродована переводомъ неуклюжимъ, безграмотнымъ и часто непонятнымъ безъ обратнаго перевода на нѣмецкій языкъ. Особенно хороши разговоры о первомъ «днѣ художественнаго воспитанія» въ Дрезденѣ и второмъ «днѣ художественнаго образованія» въ Веймарѣ. Переводящій съ нѣмецкаго книгу, «преподаватель Шелапутинской и Медвѣдниковской гимназій въ Москвѣ» могъ бы знать, что Tag по-нѣмецки значитъ не только день, но и съѣздъ.

А. Ярошъ. Происхожденіе душъ и элементы познанія. Спб. 1906. III. 125 стр. Ц. 1 руб.

Одна изъ тѣхъ книгъ, при чтеніи которыхъ прежде всего возникаетъ вопросъ: зачѣмъ она написана?

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ не претендуетъ на оригинальность и въ то же время не хочетъ просто познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ вопроса, а, напротивъ, въ небольшой, разгонисто напечатанной книжкѣ судитъ и рядитъ чуть ли не о всѣхъ философскихъ вопросахъ; при чемъ онъ то авторитетно указываетъ (слѣдуя Паульсену, но не упоминая объ этомъ) четыре основныя проблемы философіи, то совершенно голословно заявляетъ, «что увѣренія спиритуалистовъ еще болѣе не продуманы, ребячливы и безосновательны, чѣмъ увѣренія матеріалистовъ» (стр. 70; мы не касаемся вопроса, насколько вѣрно это утвержденіе, мы отмѣчаемъ лишь фельетонную манеру автора). Затѣмъ, мы на стр. 104 столь же неожиданно узнаемъ, что «конечно, всѣ животныя одушевлены, а, слѣдовательно (?), и всѣ растенія

одушевлены». Наконецъ, въ трехъ строкахъ примѣчанія къ стр. 110 рѣшенъ и великій вопросъ химіи, ибо здѣсь мы узнаемъ, что «по нашему представленію, кислородъ отличается отъ водорода не своимъ матеріаломъ, а лишь характеромъ его сочетанія».

Однимъ словомъ, это—скучно написанный фельетонъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Арнольдъ Аріэлъ. Мракъ. Драматическая греза. Второе изд. М. 1905. Ц. 1 р.

Лидія Тацына. Стихотворенія. Вильна. 1906. Ц. 60 к.

Басни Косаря. ***Гр. Кайвермана.*** Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Къ свободѣ и свѣту. Стихотворенія ***З. Н. Оболенской.*** М. 1906. Ц. 1 р.

Дикобразъ или царство дѣтей. Комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ ***В. Леви.*** Книгоиздательство „Жизнь и „Театръ". Спб. 1906. Ц. 40 к.

Евгеній Мазепинъ. Повѣсти и разсказы изъ сельской жизни. Кадниковъ. 1906. Ц. 1 р.

М. В. Ильинскій. Архангельская ссылка. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Н. Симбирскій. Правда о Гапонѣ и 9-мъ января Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

М. Д. Чадовъ. Славянофилы и народное представительство. Харьковъ. 1906. Ц. 40 к.

Т. О. Бѣлоусовъ. Что такое земство. Иркутскъ. 1906. Ц. 5 к.

Кн. А. С. Кудашевъ. Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельско-хоз. техники. Изд. Н. К. Мукалова. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Н. Четвериковъ. Изъ деревни по поводу реформъ. Маріуполь. 1906. Ц. 15 к.

Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластія, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. Спб. 1906. Ц. 50 к.

С. Верхоянцевъ. Что дѣлалъ со своимъ народомъ французскій король и что народъ сдѣлалъ съ нимъ. Изд. „Братство". Спб. 1906. Ц. 15 к.

Проф. ***Ж. Вейлъ.*** Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1906. Ц. 2 р.

Тюрьмы въ Россіи. Очерки ***Д. Кеннана.*** Спб. 1906. Ц. 20 к.

І. Рейнъ. Японія. Выпускъ III. Изд. С. Т. Туманина. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Проф. ***М. Грушевскій.*** Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906. Ц. 25 к.

М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. М. 1906. Ц. 1 р.

И. М. Любомудрова. Введеніе въ исторію метафизики. Изд. бр. Гусевыхъ. Ковровъ. 1906. Ц. 15 к.

Д-ръ ***Ин. В. Дагаевъ.*** Искусство работать. Умственный трудъ, его гигіена и методика. Ц. 25 к.—***Его же.*** Народное здравіе и насущные вопросы медицинской организаціи. Ц. 60 к. Изд. „Медицинскаго журнала". Спб. 1906.

Спутникъ читателя. Составилъ ***А. Бутневичъ.*** М. 1906. Ц. 15 к.

За книжкой № 1. Книгоизд. „Сѣятель". Н.-Новгородъ. 1906. Ц. 7 к.

Полное собраніе сочиненій ***Н. Г. Чернышевскаго*** въ 10 томахъ. Изд. М. Н. Чернышевскаго. III и IV тт. Цѣна по подпискѣ 20 р.

Изданія т-ва „Знаніе" въ Спб.: ***Е. Чириковъ.*** IV т. Пьесы. 2-ое изд. Ц. 1 р. — Сборникъ т-ва „Знаніе". Книги VIII, IX и X. Ц. по 1 р.

Книгоиздательство „Новое Слово" въ Москвѣ: ***Н. И. Тимковскій.*** Свобода, равенство, братство. Ц. 8 к.—***Н. А. Крашенинниковъ.*** Погромъ. Ц. 5 к.—***И. А. Петровскій.*** Права и обязанности народныхъ представителей. Ц. 5 к.

Изданія І. Постмана и Б. Реввина въ Спб.: Проф. ***Ф. Штаудингеръ.*** Этика и политика. Ц. 15 к.—***Эд. Бернштейнъ.*** Парламентаризмъ

и соціалъ-демократія. Ц. 15 к.—***Эм. Вандервельдъ***. Соціалистическій строй. Ц. 15 к.

Издательство „Товарищъ" въ Спб.: ***П. Гуревичъ***. Почему нѣтъ сильной соціалъ-демократіи въ „свободной" Америкѣ? Ц. 8 к.—***Его же***. Роль интеллигенціи въ соврем. рабоч движеніи. Ц. 4 к.

Книгоиздательство „Эпоха" въ Спб.: ***Д. Зайцевъ***. Кризисъ и безработица. Ц. 8 к.—***А. Шлихтеръ***. Госуд. дума и ея роль въ освободительномъ движеніи. Ц. 12 к. — ***К. Марксъ***. „Критика Готской программы". Ц. 5 к.—Невскій сборникъ. I вып. Ц. 70 к.

Книгоиздательство „Обновленіе" въ Спб.: ***Л. Н. Толстой***. „Единое на потребу". Ц. 8 к.—***Его же***. Николай Палкинъ. Ц. 3 к.—***Его же***. „Не убій". Ц. 3 к.

Изданія О. Н. Поповой въ Спб.: ***П. Эльцбахеръ***. Анархизмъ Ц. 80 к. — ***А. Луначарскій***. Отклики жизни. Ц. 80 к.—***К. А. Ковальскій***. Война. Разсказы. Ц. 80 к.—***І. Давыдовъ***. Какъ расходуются народныя деньги. Ц. 5 к.—***Б. Вологдинъ***. Чему жизнь рабочихъ учитъ. Ц. 6 к.— ***А. Ельницкій***. Первое мая въ Россіи. Ц. 8 к.—***Д. Зайцевъ***. Государственное страхованіе рабочихъ. Ц. 8 к.— ***П. Румянцевъ***. Крестьянство и соціалъ-демократія. Ц. 5 к.—***К. Пономаревъ***. Пролетаріатъ на Кавказѣ. Ц. 7 к.—***А. Глѣбовъ***. Общественныя работы. Ц. 12 к.

Книгоиздательство „Молодая Россія" въ Москвѣ: ***Л. Шишко***. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. Ц. 20 к. — ***А. Рудинъ***. На ту же тему. Ц. 20 к.

Книгоиздательство „Новое Товарищество" въ Москвѣ: ***Шарль Ристъ*** Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Ц. 1 к.—***Бельфортъ Баксъ*** и ***Г. Квелчъ***. Соціалистическій катехизисъ. Ц. 20 к.—Протоколъ делегатскаго совѣщанія всероссійскаго крестьянскаго союза въ Москвѣ. Ц. 30 коп.

Книгоиздательство „Дѣло" въ Спб.: ***Мих. Оленовъ***. Идеологія русскаго буржуа. Ц. 50 к.—***И. Чернышевъ***. Памятная книжка марксиста. Ц. 1 р.

Изданія М. В. Пирожкова въ Спб.: ***Д. Мережковскій***. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. Ц. 4 р. 50 к.— ***Его же***. Вѣчные спутники Ц. 40 к.— ***Н. Н. Карабчевскій***. Второе притб. вленіе къ книгѣ „Рѣчи". Ц. 25 к.— ***М. М. Могилянскій***. Усталые. Драма. Ц. 50 к.– Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Эрнестъ Ренанъ***. Жизнь Іисуса. Ц. 1 р. 50 к.

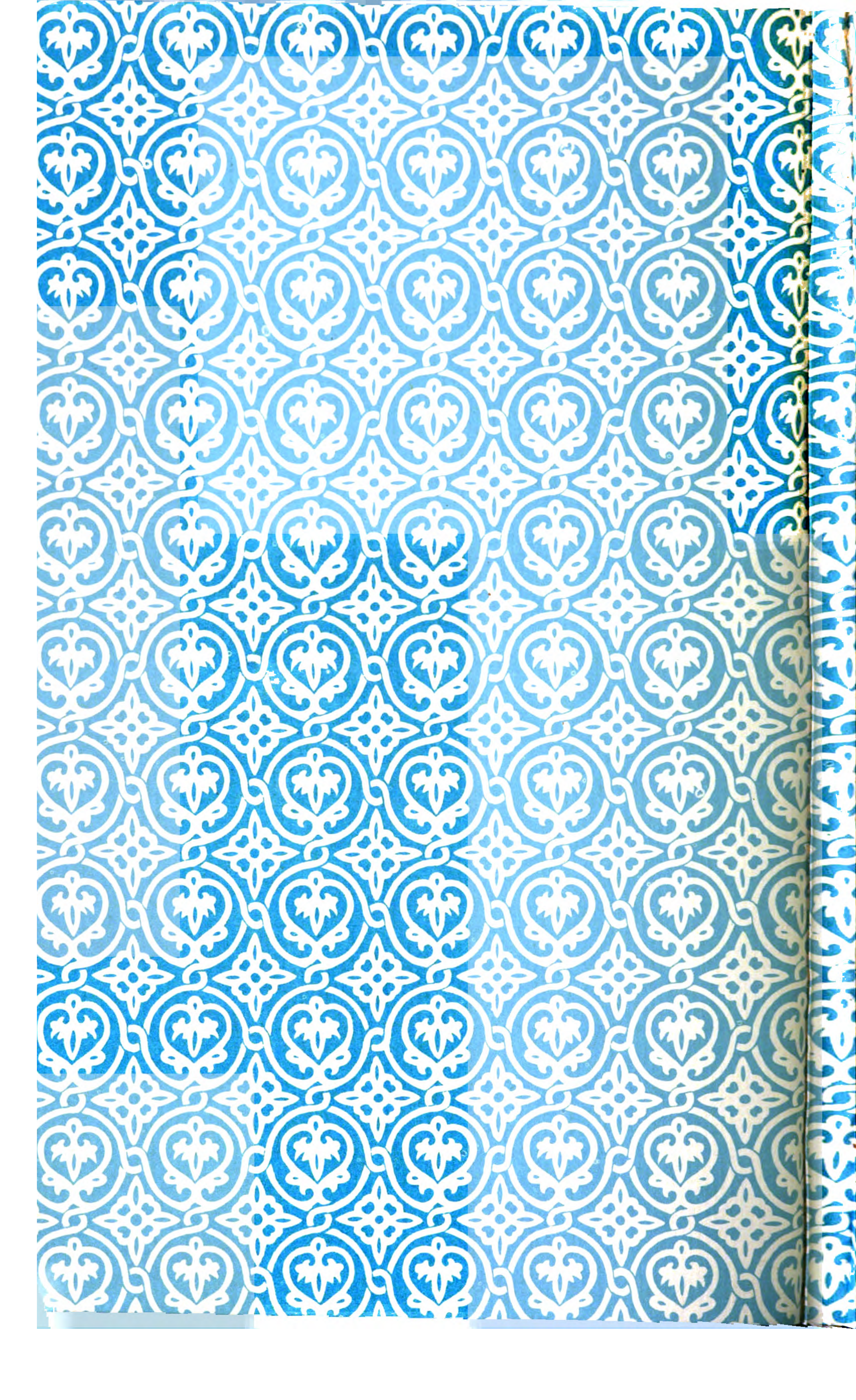
Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „Колоколъ" въ Спб.: ***В. Я. Канель***. Фабричная медицина и бюрократія. Ц. 8 к.—***В. Либкнехтъ***. Изъ исторіи Германіи XIX в. Ц. 25 к.— ***Люсьенъ Декавъ***. Фленго. Ц. 3 к.— ***Октавъ Мирбо***. Дурные пастыри. Ц. 10 к.—***М. Батырсвъ***. Что такое бюрократія. Ц. 4 к. — ***К. Марксъ***. Классовая борьба во Франціи. Ц. 20 к.—***К. Марксъ***. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Ц. 10 к.— Бернштейнъ и соціалъ-демократическая программа. ***Карла Каутскаго***. Ц. 50 к.—***Камифмейеръ***. Соціалъ-демократія при свѣтѣ исторіи культуры. Ц. 20 к.—***П. Лафаргъ***. Трудъ и капиталъ. Ц. 25 к.—***А. Блюмъ***. Какая свобода нужна рабочему классу. Ц. 10 к.—***Адольфъ Росси***. Движеніе въ Сициліи Ц. 25 к — ***Э. Мейеръ***. Экономическое развитіе древняго міра. Ц. 20 к.—***М. Таганскій*** Демократическая республика и Новая Зеландія. Ц. 5 к.—***Минаевъ***. Восьмичасовой рабочій день. Ц. 10 к.—***Его же***. Изъ исторіи рабочаго класса. Ц. 10 к. ***Станиславъ (А. Вольскій)***. Къ вопросу о національзаціи земли. Ц. 25 коп.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства" въ статьѣ **Діонео** „Призывъ"

		Напечатано:	*Надо*:
24	стр.	Политика мнѣ ничего не говоритъ.	Палестина мнѣ ничего не говоритъ.
„	„	былъ на четвереньках	бѣгалъ на чотверенькахъ.
28	„	кареты тронулись;	нарты тронулись.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко***.



Widener Library
3 2044 098 427 230